

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ж 20866

5

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

1 9 6 0

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

ВОЛОГОДСКАЯ

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов
Н. А. Баскаков, член-корр. АН СССР А. В. Ефимов, М. О. Косвен,
П. И. Кушнер, М. Г. Левин, Л. Ф. Моногарова (зам. главного редактора),
А. И. Першиц (зам. главного редактора), Л. П. Потапов, И. И. Потехин,
• Я. Я. Рогинский, академик М. Ф. Рыльский, В. К. Соколова,
Л. Н. Терентьева, Н. Н. Чебоксаров, В. Н. Чернецов

Ответственный секретарь редакции О. А. Корбе

Журнал выходит шесть раз в год

Технический редактор Т. А. Михайлова

Адрес редакции: Москва, В-36, 1-я Черёмушkinsкая, 19

Т-12392 Подписано к печати 28/X-1960 г. Формат бумаги $70 \times 108^{1/16}$
Тираж 1900 экз. Бум. л. 5¹/₄ Зак. 3445 Печ. л. 14,38+2 вкл. Уч.-изд. л. 18,0
2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

И. С. ГУРВИЧ

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, ПРОТЕКАЮЩИЕ НА СЕВЕРЕ ЯКУТИИ

За последние годы в результате целого ряда экспедиций на Север, проведенных как Институтом этнографии Академии наук СССР, так и ее Якутским филиалом, накопился значительный материал, рисующий интенсивные этнические процессы в районах расселения малых народностей Севера. Эти процессы в известной степени могут быть охарактеризованы по материалам северных районов Якутской АССР¹.

Северные районы Якутской АССР — обширная зона приполярного промыслового хозяйства — в конце XIX — начале XX в. были заселены осколочными группами ряда народов и племен. На огромной территории с запада на восток обитали долганы, эвенки, северные якуты, русские старожилы, юкагиры, небольшая группа чуванцев и чукчи.

В бескрайних просторах тундры и лесотундры каждая из этих этнических групп (а они в свою очередь имели ряд локальных подразделений) сохраняла свой язык, традиционный уклад хозяйства, особенности в материальной культуре и обычаях. Основой существования колымских чукчей было оленеводство мясо-шкурного направления. В хозяйстве же эвенов, эвенков оно играло подсобную роль; основной отраслью их хозяйства была охота на дикого оленя, горного барана и лося. Главным занятием русских старожилов, оседлых юкагиров, чуванцев было рыболовство. Добыча песка, собаководство имели в хозяйственной деятельности этих этнических групп весьма существенное, но все же подсобное значение. Каждая группа сохраняла свои особенности в жилище и одежде.

Это не означает, что этнические группы Северной Якутии не оказывали друг на друга культурного влияния. Известный обмен культурными ценностями происходил, но обособленность, изолированность примитивного натурального хозяйства в условиях огромной территории Севера сказывались весьма сильно.

¹ Статья написана по полевым материалам автора. В 1941—1946 гг. автор стационарно работал в Оленекском и Анабарском районах Якутской АССР, затем руководил этнографической экспедицией Якутского филиала АН СССР, работавшей в Нижне-Колымском и Средне-Колымском районах (1951), в Момском, Абыйском и Аллайховском районах (1952), в Верхоянском, Саккырырском, Усть-Янском, Булунском и Жиганском районах (1953—1954). В 1956 г. автор по заданию Совета по развитию производительных сил АН СССР обследовал Верхне-Колымский район, а в 1959 г. руководил этнографическим отрядом Колымской юкагирской экспедиции Института этнографии и Якутского филиала АН СССР, посетившей Нижне-Колымский, Аллайховский, Верхне-Колымский районы Якутской АССР и Среднеканский район Магаданской области.

Огромные социальные сдвиги, происшедшие в результате Великой Октябрьской социалистической революции, всесторонняя перестройка хозяйства и быта малых народностей Севера повлекли за собой и значительные изменения в этническом составе северных районов Якутии. При всем многообразии этих изменений они могут быть сведены к нескольким основным направлениям.

1. Завершение процессов этнического слияния, имевших место еще до революции. Упразднение в первые годы Советской власти старых административных единиц, консервировавшихся царизмом для использования в фискальных целях распадавшихся родоплеменных связей привело к тому, что сблизившиеся между собой этнические группы, разделенные административными барьерами, стали отчетливо осознавать свою общность². Так, например, в низовьях Колымы вперемешку с русскими старожилами, членами Колымского мещанского общества и Казачьей команды, жили чуванцы, члены Чуванского общества (Медучины и Сергеевы), Омолонского юкагирского рода (Рупачевы, Востряковы, Щербачковы), якуты 1 Мятюжского наслега (Ребровы и др.). Все они говорили по-русски, вели такое же хозяйство, как и русские, т. е. в весенние и летние месяцы добывали рыбу, зимой объезжали на собаках «пасти» и добывали песца. Фактически члены этих так называемых инородческих родов уже в XIX в. ничем не отличались от русских старожилов и даже находились с последними в родственных связях³ (разумеется, и русские многое восприняли от коренного населения). Но упомянутые выше чуванцы, юкагиры, якуты входили в старые административные единицы, выплачивали особый налог — ясак, это обстоятельство способствовало поддержанию в их среде родоплеменного самосознания.

После того как эти архаические административные единицы были упразднены и русские старожилы вместе с обрусевшими оседлыми потомками чуванцев, юкагиров, якутов оказались в пределах обычных территориальных административных единиц — сельских советов, исчезли последние искусственные преграды к тому, чтобы действительное положение вещей было признано и формально. Сблизившиеся с русскими чуванцы, юкагиры, якуты стали считать себя русскими, так они значатся в документах и в настоящее время. Эти осколки коренного населения и русские старожилы сейчас представляют собою одну этническую группу в низовьях реки Колымы⁴.

Аналогичное явление в иной этнографической среде удалось зафиксировать и в верховьях реки Колымы. Эвены II Дельянского рода, кочевавшие по рекам Нелемная, Ясачная, Коркодон, Россоха, в районах обитания так называемых пеших собачных юкагиров Ушканского и Нартенного родов, лишившись по какой-либо причине своих оленей, перебирались к юкагирам, воспринимали их хозяйство (собаководство, охоту, рыбный промысел) и даже язык. Однако не только переселенцы, но и их потомство, утратившее эвенский язык, причислялись к эвенскому II Дельянскому роду.

² Старое административное деление Якутии на округа, улусы, волости, наслеги, сельские общества и роды было отменено II Всеякутским съездом советов в 1923 г.; см.: «Бюллетень II Всеякутского съезда Советов», Якутск, 1923, № 9, стр. 5.

³ См.: Ф. П. Врангель, Путешествие по северным берегам Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, М., 1952, стр. 218—219; «История Якутии», т. II, М., 1957, стр. 217—221.

⁴ Предварительный отчет о работе этнографического отряда Ин-та языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР в Нижне-Колымском и Средне-Колымском районах Якутской АССР в 1951 г., Рукописный фонд Якутского филиала (далее Рукописный фонд ЯФАН), ф. 5, оп. 1, ед. хр. 162, д. 10, л. 22—25; Материалы юкагирской экспедиции Института этнографии и Якутского филиала 1959 г., Посемейные списки и опрос информаторов, Архив Ин-та этнографии (далее Архив ИЭ), д. 393. Нижне-Колымский район; И. С. Гурвич, Этнографическая экспедиция в Нижне-Колымский и Средне-Колымский районы Якутской АССР в 1951 г., «Сов. этнография», 1952, № 3, стр. 204.

Упразднение старых административных единиц и здесь привело к тому, что обьюкагирившиеся потомки эвенков Солнцевы, Дьячковы, Тайшины стали считаться юкагирами⁵.

Если в низовьях р. Колымы завершение процессов этнического слияния, имевших место еще до революции, произошло в 1920—1930-х годах, то в низовьях Лены завершение этих процессов относится к 1940—1950-м годам. Примером может служить коренное население Булунского района, в прошлом принадлежавшее к следующим якутским наслегам: I, II, III, IV Хатылинскому, I и II Батулинскому, Туматскому, Кангаласкому и эвенкийским наслегам — Кюпскому и Эжанскому⁶. Кюпцы и эжанцы еще до Октябрьской революции стали рассматриваться как единая группа⁷. Родной язык, по словам наших информаторов, глубоких стариков, они утратили еще в середине XIX в.⁸.

Образ жизни кюпцев и эжанцев, как удалось выяснить в Булунском районе, мало отличался от образа жизни северных якутов. Зиму кюпцы и эжанцы проводили в юртах якутского типа (мужчины в этот период охотились на лоса), весной они переходили в чумы (тордохи). Для большинства членов этого рода основой существования служило рыболовство; те хозяйства, которые занимались охотой на диких оленей, имели домашних оленей. В большинстве случаев на хозяйство приходилось от 5 до 20 оленей. Лишь богачи имели до 100 оленей.

И зимой и летом кюпцы и эжанцы жили попеременно с батулинцами, хатылинцами и кангаласцами. Одежда их не отличалась от одежды якутов-оленоводов. Некоторые особенности, эвенкийские черты обнаруживаются в области верований и охотничьих обычаев кюпцев и эжанцев, хотя и здесь все эти элементы оказались перемешанными с якутскими представлениями. Эти очень незначительные детали говорят лишь об особом происхождении кюпцев и эжанцев.

Кюп-эжанцы — потомки эвенков, и хатылинцы и батулинцы — потомки якутов давно уже перемешались между собой путем браков.

В современный Кюп-эжанский наслег (территориально-административная единица) входит только часть хозяйств, принадлежавших в прошлом к наслегу того же названия, а часть хозяйств составляют выходцы из Кангалаского, Батулинского и Хатылинского и из вилюйских наслегов.

В 1949—1951 гг. в Булунском районе развернулось движение за объединение колхозов. Кюп-эжанцы оказались вместе с северными якутами в пределах не только одного наслега, но и одного колхоза. В настоящее время кюп-эжанцев не удастся выделить даже численно. Молодежь в Булунском районе, как правило, не знает, к какому наслегу они должны были бы в прошлом принадлежать. Члены бывшего Кюп-эжанского наслега, потомки эвенков, давно забыли свой язык и теперь ничем не отличаются от якутов⁹.

В настоящее время население Булунского района в этническом отношении едино. Здесь обитает своеобразная группа якутов, занятых

⁵ Материалы юкагирской экспедиции по Верхне-Колымскому району Якутской АССР и Среднеканскому району Магаданской области, Архив ИЭ, д. 393.

⁶ С. К. Патканов, Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. III, «Записки РГО по отделению статистики», т. XI, вып. 3, СПб., 1912, стр. 764—765.

⁷ Приговор родоначальников Жиганского улуса с просьбой перечислить членов Кюпского и Жиганского родов из бродячих инородцев в кочевые (1915). Центральный гос. архив Якутской АССР, ф. 108, д. 77, л. 125—128.

⁸ Записи бесед с П. А. Андросовым, 70 лет, С. В. Винокуровым, 66 лет, Н. Ф. Гоголевым, 72 лет и К. А. Поповым, 81 г., Кюп-эжанский наслег Булунского района (материалы автора).

⁹ Предварительный отчет о работе этнографического отряда в Верхоянском, Саккырьском, Усть-Янском, Булунском и Жиганском районах в 1953—1954 гг. Рукописный фонд ЯФАН, л. 171—175.

олениеводством, охотой и рыболовством. Произошло, таким образом, окончательное слияние мелких этнических групп этого района в особое подразделение якутского народа.

II. Другое явление, которое хотелось бы отметить, это консолидация мелких одноязычных, близких по культуре и направлению хозяйства обособленных родоплеменных групп в более крупные этнографические образования. Организация местных органов власти (родовые, «туземные», наследные советы 1926—1930 гг.), создание национальных школ, факторий Интегралсоюза, первоначальное землеустройство, закрепили за коренным населением промысловых угодий способствовали стягиванию распыленных по большой территории стойбищ в один или несколько районов. Остановлюсь на отдельных примерах.

Своеобразную этническую группу в Селеняхском наслеге Усть-Янского района представляют уядинские эвены. В нее входят члены бывшего I и II Кункугурского, Дельянского и Мямяльского родов¹⁰. Как сложилась эта группа? По Уяндине и Хроме, как выяснилось при переписным данным 1896 г., кочевало всего несколько семей¹¹. Мямяльцы переселились в Селеняхский наслег из Томпонского района во время «непромыслицы» диких оленей; по той же причине кункугурцы переселились сюда из Момского района, а дельянцы с Индигирки. Таким образом, вся группа состоит из осколков эвенских родов, перебравшихся в бассейн р. Уяндины в 1920—1930-х годах из-за непромыслицы в прежних местах их обитания. На Уяндине сохранились дикие олени, и эвены имели возможность вести здесь свое традиционное хозяйство.

Сам по себе факт концентрации эвенов в изобилующем диким оленем районе не является сколько-нибудь новым, такие случаи имели место и раньше. Важно другое: благодаря советским мероприятиям (открытие здесь фактории, школы и т. п.) эта группа не распалась, эвены не откочевали в районы, где они раньше жили, а остались на Уяндине. В колхоз им. Сталина во время обследования в 1954 г. входило 335 эвенов, для Северной Якутии — большая цифра¹².

В низовьях р. Индигирки уже переписью 1897 г. были зарегистрированы Кункугурский, Буяксирский и Дельянский роды¹³. В 1920-х годах в связи с непромыслицей диких оленей в верхнем и среднем течении Индигирки ряд эвенских хозяйств откочевал в низовья. В 1929—1930 гг. и здесь пропали дикие олени — основной объект промысла. Среди эвенов началась голодовка. Тогда Центральный исполнительный комитет Якутской АССР, командировав в низовья Индигирки своего представителя, выделил значительную сумму денег для оказания помощи эвенам. Предстояло перестроить их хозяйство таким образом, чтобы они могли существовать без охоты на диких оленей. Денежная ссуда была израсходована на приобретение не только продуктов, но и рыболовецкого инвентаря. При этом эвенов пришлось обучать новым промыслам. На ссуду были приобретены и домашние олени. В низовьях Индигирки началось строительство специального поселка для эвенов. Все это способствовало тому, что значительная часть эвенов и юкагиров, говорящих на эвенском языке, сосредоточилась вокруг этого поселка (ныне колхоз им. Ленина)¹⁴.

Приведем еще один пример такой концентрации. В 1925 г. в верховьях р. Саккырыр, в бассейне р. Яны, где жили эвены Тюгясирского рода, была открыта торговая точка. Затем в 1926 г. здесь было от-

¹⁰ Предварительный отчет о работе этнографического отряда в Верхоянском Саккырырском, Устьянском, Булунском и Жиганском районах в 1953—1954 гг. Рукописный фонд ЯФАН, л. 130—137.

¹¹ С. К. Патканов, Указ. раб., стр. 768.

¹² Рукописный фонд ЯФАН, № 140. Посемейные списки (материалы автора).

¹³ С. К. Патканов, Указ. раб., стр. 778, 781.

¹⁴ Рукописный фонд ЯФАН, лл. 51—52.

крыто отделение Интегралсоюза. Был организован родовой совет. В 1927 г. в этом же поселке была построена школа. Бедняцким хозяйствам в том же году была выдана ссуда для приобретения оленей¹⁵. В результате этих мероприятий эвены Тюгясирского рода стали концентрироваться вокруг поселка Батагай-Алыта. Сюда, как удалось выяснить, подкочевывали отдельные эвенские хозяйства с Лены и с Яны. В 1954 г. в Тюгясирском наслеге было 224 чел., в Верхне-Бытантайском — 220¹⁶.

Таким образом, в различных районах Якутии в 1920—1930 гг. произошла, в результате хозяйственных и культурных мероприятий советских органов, концентрация эвенов. Это не значит, что этническая история этих групп на этом прекратилась. Многие из них потом влились в более крупные объединения. Но сама концентрация представляет собою чрезвычайно интересное явление, как определенный этап в развитии этих этнических групп.

III. Заслуживает быть отмеченным также сближение разноязычных обособленных в прошлом этнических групп. В результате коллективизации и реконструкции хозяйства на Севере возникли крупные промысловые артели, объединившие хозяйства, принадлежавшие к разным народностям Севера. Так, в колхоз «Турваургин» Нижне-Колымского района вошли нижнеколымские чукчи, тундровые юкагиры, эвены. В 1951 г. к этому колхозу присоединился колхоз «Красная Звезда», в котором объединились якуты и русские старожилы. Таким образом, в этом колхозе сейчас трудятся совместно чукчи, юкагиры, эвены, якуты и русские. Совместный труд сблизил эти этнические группы, вследствие чего участились смешанные браки.

В колхоз «Турваургин» в 1959 г. по материалам сельсовета, проведенным нами путем опроса, входил 191 двор, в том числе 51 хозяйство одиночек. Если их исключить, получается 140 хозяйств, в том числе 40 чукотских, 13 русских, 25 якутских, 2 эвенских, 1 юкагирское — всего 81 и эвено-чукотских — 17, чукотско-юкагирских — 12, чукотско-якутских — 4, юкагирско-эвенских — 3, чукотско-русских — 2, украинско-чукотских — 1, якутско-русских — 16, юкагирско-коми — 1, якутско-мордовских — 1, якутско-татарских — 1, юкагирско-якутских — 1, всего 59¹⁷. Таким образом, смешанные браки составляют 42% общего числа браков.

Такое же явление наблюдается и в другом тундровом колхозе — им. Сталина Олерского наслега Нижне-Колымского района¹⁸. Фактически в настоящее время чисто эвенские и чисто юкагирские семьи — исключение.

Чрезвычайно интересно в связи с этим понаблюдать, как происходит процесс преодоления былой замкнутости в области языка. Отметим, что в эвенско-юкагирских семьях юкагирский язык преобладает, и даже некоторые эвенские семьи пользуются в основном юкагирским языком. Одновременно в Нижне-Колымском и отчасти в Аллайховском районах, где в колхозах столь же пестрый национальный состав, получили широкое распространение двуязычие и многоязычие.

В 1951 г. мы провели среди членов колхоза «Турваургин» опрос — на каком языке кто из них может объясняться. Из 474 чел. 306 взрослых показали следующее: одним языком (чукотским, русским или якутским) владеет 89 чел.; двумя языками (чукотским и эвенским, якутским и русским и т. д.) — 151 чел.; тремя языками (юкагирским, рус-

¹⁵ И. С. Гурвич. Эвены-тюгясиры, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXV, М., 1956, стр. 52.

¹⁶ Посемейные списки и статистические сведения о Саккырырском районе (материалы автора).

¹⁷ Материалы Юкагирской экспедиции, архив ИЭ, д. 393, Нижне-Колымский р-н.

¹⁸ Там же.

ским, чукотским или юкагирским, эвенским, чукотским) — 30 чел.; четырьмя языками (юкагирским, якутским, чукотским, эвенским или чукотским, юкагирским, эвенским, русским) — 30 чел.; пятью языками — 6 человек¹⁹.

Таким образом, большая часть населения владеет не только двумя, но и тремя и более языками. В то же время можно видеть, в каком направлении идет процесс преодоления этого многоязычия. Если в долине р. Колымы «международным» языком является русский, то в бассейне р. Алазеи наиболее распространен якутский, на этом языке ведется преподавание в школах, делопроизводство, проходят собрания²⁰.

В результате коллективизации, на почве ведения общего хозяйства, в Нижне-Колымской тундре происходит интенсивный обмен культурными ценностями, выработанными отдельными этническими группами. Так, чукотская мужская одежда в настоящее время воспринята и юкагирами, и эвенками, и якутами, и русскими. В то же время эвенская женская одежда в сочетании с русской вытеснила чукотский керкер (меховой женский комбинезон). Чукотские приемы выпаса оленей переняты и другими пастухами. В Колымской тундре получила распространение ненецкая оленегонная лайка. Русская собачья нарта, русские способы добычи рыбы также перестали быть достоянием только русских старожилов. Унифицировались способы выделки шкур и т. д.²¹.

Тем не менее, хотя обмен культурными ценностями между отдельными этническими группами резко усилился, однако упомянутые этнические группы не слились в одно этническое образование. В Нижне-Колымской тундре чукчи считают себя чукчами, эвены, хотя и путают себя с юкагирами, все же считают себя эвенками, русские старожилы — русскими.

IV. Особо следует отметить процесс слияния обособленных этнических групп с большими социалистическими нациями, т. е. процесс национальной консолидации.

Общий подъем культуры, распространение грамотности, литературного языка и литературы, усиление экономических связей отдельных местностей с центральными районами привели к изживанию былой культурной обособленности этнических групп якутов. Северные якуты-оленоводы в настоящее время сблизились с основной массой якутского населения. В недавнем прошлом, всего 20 лет назад, чтобы попасть в район кочевков северных якутов-оленоводо-в из Якутска, нужно было потратить не менее месяца зимой или два-три месяца летом. Отделенные от своих южных собратьев, северные якуты, естественно, сохраняли много особенностей не только в материальной культуре, но и в языке, обычаях. Оторванность приводила к тому, что в этих обособленных группах сохранялось родоплеменное самосознание. Как в глухих деревнях русские крестьяне заявляли, что они — «тутошние», так и якуты-оленоводы указывали, что они бетильцы (члены Бетильского рода), осогостохцы и т. д.

Освоение северных рек, регулярная авиасвязь чрезвычайно приблизили северных якутов к южным. В связи с социалистическим строительством на Севере в районы расселения якутов-оленоводо-в прибыло немало лиц из южных районов Якутии. После коллективизации и реконструкции промыслового хозяйства резко повысилась роль товарных отраслей хозяйства (пушная охота и отчасти оленеводство). В связи с

¹⁹ И. С. Гурвич, Этнографическая экспедиция в Нижне-Колымский и Средне-Колымский районы Якутской АССР в 1951 г., стр. 205—207.

²⁰ Там же.

²¹ Рукописный фонд ЯФАН, ф. 5, оп. 1. д. 10; Архив ИЭ, д. 393; Нижне-Колымский р-н.

этим установились прочные экономические и культурные связи между северными якутскими группами и южными²². В результате школьной практики, распространения печати, радиопередач, местные особенности в языке северных якутов-оленьеводов в настоящее время в некоторых районах совсем исчезли, а в некоторых — быстро исчезают. Окраинные группы якутов-оленьеводов сблизились с основной массой якутского народа.

Если в некоторых северных районах Якутии (Оленекский, Жиганский) процесс национальной консолидации близок к завершению, то в других (Усть-Янский, Аллайховский районы) изживание наследной обособленности происходит на наших глазах.

Всестороннее сближение всех групп якутского народа, присоединение к основному ядру якутской нации — к якутам центральных районов — окраинных северных групп, близких к ним по культуре, является собою процесс консолидации якутской социалистической нации.

На территории Якутии в ряде районов издавна существовали поселения русских старожилов. В XVII—XVIII вв. эти группы русских поселенцев постепенно сближались с коренным населением и утрачивали свои исконные национальные черты.

На севере Якутии только так называемым колымчанам, описанным В. Г. Богоразом²³, и русско-устинцам, описанным В. М. Зензиновым²⁴, удалось не только сохранить русский язык, русские обычаи, но и передать их в какой-то степени своим соседям. Естественно возникает вопрос: как идет развитие этих групп в настоящее время?

Наблюдения, сделанные во время поездок в 1951—1952 гг. и в 1959 г., показывают, что эти обособленные группы, сохранявшие в прошлом много архаичного, быстро сближаются с русским пришлым населением.

В настоящее время почти совершенно утрачен описанный В. Г. Богоразом нижнеколымский (походский) говор русских старожилов²⁵. Любопытно отметить, что исчезновение этого говора произошло всего за каких-нибудь несколько лет. В 1951 г. в с. Походске большая часть стариков и женщин средних лет еще говорила с характерными особенностями, присущими этому говору. Мне не без труда удавалось беседовать с походчанами и записывать их фольклор. Совсем другая картина выявилась в 1959 г. Даже неграмотные старики и старухи, которые во время первого нашего посещения с трудом принарамливались к нашей речи, почти утратили особенности походского говора.

Вместе с особенностями говора утрачивается и фольклор. Местные жители говорят: «Складу не получается, по-другому стали говорить, поэтому старые песни не поем»²⁶.

Переход к общерусскому литературному языку — результат сознательных усилий походчан. Уже в 1930—1940 гг. молодежь под влиянием школы стала отходить от местного говора. Уже тогда стало вырабатываться под воздействием пришлового русского населения насмешливое отношение к местному говору. Впоследствии радио, кино, общение с приезжими, распространение грамотности привели к тому, что местный говор стал отступать, а нормы современной русской речи входить в быт.

²² Материалы обследования Оленекского и Анабарского районов (материалы автора).

²³ В. Г. Богораз, Русское население на Колыме, «Землеведение», кн. III, 1899; кн. IV, 1899; кн. VI, 1900; его же, Чукчи, ч. I, Л., 1934, стр. 70—71.

²⁴ В. М. Зензинов, Марковцы и русско-устинцы. Этнографические параллели и сравнения. «Этнографическое обозрение», кн. CI—CII, 1914, № 1—2; его же, Старинные люди у Холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа, М., 1914.

²⁵ В. Г. Богораз, Областной словарь колымского русского наречия. В сер.: «Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 68, № 4, СПб., 1901.

²⁶ Материалы Юкагирской экспедиции, Архив ИЭ, д. 393.

Нужно сказать, что изменился не только язык, — изменилась и материальная культура русских старожилов. Своеобразная одежда — бродни, куашки — стала служить промысловым костюмом. Своеобразные типы жилищ — поварни, летники — также стали промысловыми формами жилища. Бытование местных танцев и древнего фольклора резко сократилось. Культура русских старожилов приблизилась к культуре приезжего русского населения.

По физическому типу русские старожилы отличаются от приезжих русских из центральных областей, поэтому их часто называют местнорусскими. Этот термин употребляется даже в документах.

Русские старожилы-колымчане и русско-устыинцы быстро сближаются с основной массой русских, освобождаясь от тех особенностей в языке, одежде, которые выделяли их из среды пришлого русского населения. Таким образом, окраинные группы русских сливаются с основной массой русского народа.

В некоторых северных районах вследствие их промышленного освоения, значительного притока пришлого населения — русских, украинцев, татар, белорусов — малочисленные местные этнические группы размываются. Они отходят от традиционных занятий, сближаются с пришлым населением и утрачивают свою этническую специфику. Примером могут служить, верхнеколымские коркодонские юагиры, объединившиеся в колхоз «Светлый путь» на р. Коркодон. В 1942 г. юагирский колхоз, в котором тогда было 60 юагиров (13 хозяйств), по совету районных организаций перебазировался на р. Балыгичан и слился с якутским колхозом им. III пятилетки. Этому колхозу было придано животноводческое направление. В результате того, что юагиры быстро слились с пришельцами и перешли к новым занятиям, оказались заброшенными выскородные в этих местах отрасли хозяйства — охота, рыболовство, обезлюдели большие реки Коркодон, Рассоха. Часть семей переехала в другие районы. В настоящее время в этом колхозе 1 юагирская семья, 3 юагирско-русские, 1 юагирско-якутская; всего числится 20 человек юагиров, т. е. фактически эта группа исчезает. Потомство от смешанных браков причисляется, как правило, к русским или якутам²⁷.

Такое же явление в несколько ослабленной форме имеет место и в колхозе «Светлая жизнь» Верхне-Колымского района (в 1959 г. он слился с якутским колхозом; укрупненный колхоз называется «Юагир»).

Быстрое размывание верхнеколымских групп юагиров едва ли положительное явление. К сожалению, при быстрой коренной ломке быта часто исчезают культурные ценности, выработанные отдельными этническими группами. Этого можно было бы избежать, если бы в данном районе не форсировали переход малочисленного промыслового населения в крупные поселки и внедрение новых отраслей хозяйства — животноводства, огородничества (кстати сказать в условиях Севера менее рентабельных, чем исконные занятия — охота, оленеводство и рыболовство).

Некоторые работники Якутии придерживаются мнения о желательности растворения отдельных групп малых народностей Севера среди якутов и русских. Конечно, нет нужды отгораживать малые народности какой-то стеной, чтобы сохранить эти группы, однако было бы недопустимо и вредно форсировать этот процесс слияния народностей.

Следует подчеркнуть, что в целом протекающие в Якутии этнические процессы являются следствием общего подъема культуры и носят прогрессивный характер. Они представляют большой теоретический интерес. Углубленное изучение этих процессов имеет реальное значение для практики коммунистического строительства.

²⁷ Материалы юагирской экспедиции. Архив ИЭ, д. 393.

SUMMARY

The great social upheavals that occurred following the October Revolution, the all-round reconstruction of the economy, way of life and culture of the small peoples of the North brought about major changes in the ethnic composition of the population of northern Yakutia, inhabited by fragmentary groups of several peoples — Dolgan, Northern Yakuts, Evens (Lamuts), Yukagirs, Chukchi and Chuvantsi.

As witnessed by field ethnographical investigations made in 1941-59, these changes may be classified under the following main trends:

1. The consummation of ethnic merger processes which had begun before the Revolution. The Russianized Chuvantsi and Yukagirs in the lower reaches of the Kolyma, after the elimination of the old administrative units, merged with the old Russian residents, while the descendants of the Evenki came closer to Northern Yakuts.

2. The consolidation of small unilingual tribal groups possessing kindred cultures and economic patterns, into larger ethnic units. As a result of Soviet economic and cultural measures, the merging of Even camps took place. In several districts of Yakutia large-scale Even groups made their appearance.

3. The coming together of ethnic groups speaking different languages and formerly isolated. Large production artels have emerged in the North, which comprise economic units belonging to members of different nationalities (Chukchi, Northern-Yakuts, Evens, Yukagirs, Russians). These ethnic groups were brought together in the course of joint labour. Inter-marriage has become more frequent, with bilingualism and polylingualism widespread.

4. The merging of isolated ethnic groups with the great socialist nations. As a result of a general economic rise the former isolation of the population of the outlying districts is being done away with. Thus, the Northern Yakut reindeer breeders have come closer to the main bulk of the Yakuts. The communities of old north-Russian residents are losing the peculiar features in their language and apparel which formerly distinguished them from the rest of the Russian population.

On the whole, ethnic processes taking place in Yakutia are stipulated by a general economic and cultural rise and are of a progressive character.

В. К. ГАРДАНОВ

ОБЫЧНОЕ ПРАВО КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

Научное значение материалов по обычному праву народов Кавказа давно уже разъяснено и признано. Большую роль в этом сыграли труды русских ученых, в особенности М. М. Ковалевского и Ф. И. Леонтовича. Отмечая «несомненную важность» и научную ценность материалов по обычному праву кавказских горцев, Ф. И. Леонтович подчеркивал: «В обычном праве кавказских горцев... сохранилось не мало институтов глубокой старины, по своему происхождению и характеру принадлежащих к таким явлениям общественной культуры, которые на первых порах встречались в истории всех народов»¹.

Большое познавательное значение материалов по обычному праву кавказских горцев ярко и убедительно показал Максим Ковалевский. Стремясь во всех своих исследованиях к широким научным обобщениям, М. М. Ковалевский и к изучению материалов по обычному праву кавказских горцев подошел с широкой исторической меркой. Закljučая свои мысли о важности изучения обычного права кавказских горцев для развития и уточнения многих теоретических положений истории и социологии, М. М. Ковалевский писал: «Для всякого, кто, вместе с нами, видит поступательный ход обществоведения в пересмотре, подкреплении и исправлении уже добытых результатов, в внесении большей определенности и точности в установленные уже выводы..., для того изучение Кавказа представится одновременно и необходимым, и неизбежным»².

Но если материалы по обычному праву кавказских горцев столь важны для освещения общепристорических и социологических проблем, то понятно, что еще большее значение эти материалы имеют для изучения истории соответствующих народов Кавказа. Можно без преувеличения сказать, что адаты горцев Северного Кавказа являются главнейшим, а подчас и единственным источником для характеристики социальных отношений у этих народов на протяжении многих столетий, начиная с эпохи средневековья и в особенности для периода XVIII — начала XIX в. Не случайно в недавно изданных сводных трудах по истории народов Дагестана, Кабарды, Адыгеи, Северной Осетии общественный строй этих народов в феодальный период характеризуется прежде всего на основе дошедших до нас записей адатов и других материалов

¹ Ф. И. Леонтович, Адаты кавказских горцев, вып. I, Одесса, 1882, стр. 2.

² М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. I, М., 1890, стр. 9.

обычного права³. К сожалению, использование материалов по обычному праву кавказских горцев лимитируется сравнительно небольшим кругом изданных источников, среди которых главное место занимают сборники адатов, составленные в 40—60-х годах XIX в. по заданию русской администрации на Кавказе⁴. Ряд публикаций, сделанных в советский период, показывает, что круг источников по обычному праву народов Северного Кавказа может быть значительно расширен за счет вновь выявленных материалов самого различного характера и вида⁵. Однако пока еще работа по изданию документальных и нарративных материалов по обычному праву кавказских горцев не приняла должного размаха. Все еще ждут своего обнародования хранящиеся в архивах материалы так называемых сословно-поземельных комиссий⁶, которые, начиная с 1840-х годов и почти до конца XIX в., собирали сведения о сословных и поземельных правах горцев Северного Кавказа, представляющие исключительную ценность для характеристики социальных отношений кавказских горцев. Материалы сословно-поземельных комиссий⁷ существенно дополняют сборники адатов, составлявшиеся примерно в это же время⁸. Как и составители сборников адатов, сословно-поземельные комиссии часто обращались за выяснением интересующих их вопросов к местным горским судам, которые имели многолетний опыт в решении дел на основе норм обычного права и были признаны официальными истолкователями адатов. Поэтому большое значение для понимания действующих норм обычного права имеет изучение практики горских судов того времени, особенно разбор ими на основании адатов дел между феодалами и крепостными, земельных споров и т. п.

При изучении обычного права народов Северного Кавказа следует иметь в виду, что у многих из них оно вплоть до присоединения к Рос-

³ См.: «Очерки истории Дагестана», т. I, Махачкала, 1957; «История Кабарды», М., 1957; «Очерки истории Адыгеи», Майкоп, 1957; «История Северо-Осетинской АССР», М., 1959.

⁴ См.: «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. VI—VIII, Тифлис, 1872—1875; Ф. И. Леонтович, Алаты кавказских горцев, вып. I—II, Одесса, 1882—1883. Эти публикации сборников адатов дополняют изданные под ред. И. Я. Сандрыгайло «Алаты Дагестанской области и Закатальского округа» (Тифлис, 1899).

⁵ Манай Алибеков, Алаты кумыков, Махачкала, 1927; Х. М. Хашаев, Кодекс законов Умму-хана Аварского (Справедливого), М., 1948; Б. А. [В. К.] Гарданов, Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в., Нальчик, 1956; Х. М. Хашаев и М. С. Саидов, Гидатлинские алаты, Махачкала, 1957; Е. О. Крикунова, Документы по истории Балкарии (40—90-е годы XIX в.), Нальчик, 1959.

⁶ В разные периоды своего существования и в разных округах и областях Северного Кавказа эти комиссии «по разбору личных и поземельных прав туземцев» имели различные наименования; первоначально они иногда назывались и «комитетами».

⁷ Как показывают исследования советского периода, многие весьма ценные документы о социальном строе народов Северного Кавказа, хранящиеся в фондах сословно-поземельных комиссий, совершенно не были затронуты дореволюционными публикациями. Так, Б. В. Скитский в 1933 г. опубликовал в приложении к своей статье «К вопросу о феодализме в Дигории» два документа (1849 и 1852 гг.), в которых на основании материалов, собранных местной Сословно-поземельной комиссией, характеризуются феодальные отношения в Дигории (см. «Изв. Северо-Осетинского научно-исслед. ин-та краеведения», т. V, Орджоникидзе, 1933). Р. М. Магомедов в своей монографии «Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в.» (Махачкала, 1957) отмечает огромную ценность фонда Комиссии для окончания сословно-поземельных дел в частях Кавказского края военно-народного управления (хранится в Центральном гос. архиве Грузинской ССР в Тбилиси). Широко использует материалы сословно-поземельных комиссий Т. Х. Кумыков при характеристике социально-экономических отношений в Кабардино-Балкарии в первой половине XIX в. в своей книге «Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии» (Нальчик, 1959).

⁸ Хотя составление сборников адатов и деятельность сословно-поземельных комиссий продолжалась и после проведения в 60-х годах XIX в. крестьянской реформы на Северном Кавказе (так, например, сборник «Алаты Гунибского округа» был составлен в 1894 г., см. И. Я. Сандрыгайло, Указ. раб., стр. 267, примеч.), в собранных и в пореформенный период материалах по обычному праву народов Северного Кавказа отражались главным образом социальные отношения дореформенного времени.

сии было не только господствующим, но часто и единственным видом права, поскольку эти народы не знали писаных законов и вся их общественная жизнь регулировалась обычаями, передававшимися по устной традиции из поколения в поколение. Даже у той сравнительно незначительной части кавказских горцев, у которых (как, например, у отдельных народов Дагестана) еще до присоединения к России появились свои сборники писаных законов, в состав этих кодексов в значительной мере были включены нормы обычного права; часть их, однако, в то же время продолжала и свое самостоятельное существование наряду с писаными законами.

Дошедшие до нас памятники писаного права народов Северного Кавказа, вроде судебных Умму-хана Аварского и Рустем-хана Кайтагского, относящихся, по-видимому, к первым десятилетиям XVII в., уделяют большое внимание древним обычаям и санкционируют многие из них (в том числе обычай кровной мести, барантование, коллективную ответственность родичей и круговую поруку сельской общины, присяжничество, куначество и т. д.). Таким образом, эти кодексы дают важный материал для суждения о нормах обычного права, принявших в силу санкции их государственной властью форму закона. Как показывает пример с Судебником Умму-хана Аварского⁹, вошедшие в его состав нормы обычного права продолжали свое существование в качестве действующих норм вместе с теми юридическими обычаями, которые не вошли в этот кодекс. А. В. Комаров сообщает, что Судебник Умму-хана имел широкое хождение в Аварии как руководство при решении судебных дел вплоть до времени Шамиля. «Когда Шамиль утвердился в Аварии и начал преследовать сторонников адата,— пишет Комаров,— один аварец, имевший сборник адатов, по которым производился суд во времена Омар-хана (Умму-хана), опасаясь держать его дома и предвидя в нем надобность, спрятал его в дупло дерева. Когда же Шамиль был взят в плен, хозяин сборника вынул его из дупла и передал в свое селение для руководства при разборе дел, заслужив общую благодарность за свою предусмотрительность»¹⁰.

Можно полагать, что длительная практическая применимость Судебника Умму-хана в Аварии, надолго пережившая своего составителя, основывалась в значительной мере на том, что этот памятник, включая в себя главнейшие нормы обычного права, являлся удачной в общем попыткой кодификации местных юридических обычаев. То же можно сказать и о судебнике, составление которого народное предание приписывает уцмию Кайтагскому Рустем-хану¹¹. Еще Ф. И. Леонто-

⁹ Судебник Умму-хана Аварского, считавшийся в XIX в. потерянным и найденный лишь в 1946 г., ошибочно датировался А. В. Комаровым, а за ним Ф. И. Леонтовичем и М. М. Ковалевским, XI в. (А. В. Комаров, *Адаты и судопроизводство по ним, «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. I, Тифлис, 1868, стр. 9; Ф. И. Леонтович, Указ. раб., вып. I, стр. 42; М. Ковалевский, Указ. раб., т. I, стр. 231*). Эта ошибка, видимо, явилась следствием того, что год смерти Умму-хана, указанный по мусульманскому летосчислению, был принят за дату по христианскому летосчислению. У А. В. Комарова сказано, что Умму-хан умер в 1082 г. (не оговорено, по какому летосчислению); в экземпляре кодекса, обнаруженном в 1946 г. и изданном Х. М. Хашаевым, указан 1044 г. хиджры, что равняется 1634 г. н. э. (см.: Х. М. Хашаев, *Кодекс законов Умму-хана Аварского, стр. 3*).

¹⁰ А. В. Комаров, *Указ. раб., стр. 7, примеч. 2-е.*

¹¹ Судебник Рустем-хана был впервые опубликован в 1868 г. А. В. Комаровым как памятник XII в. (см.: «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. I, стр. 80 и 9). Ф. И. Леонтович принял датировку А. В. Комарова (см.: «Адаты кавказских горцев», вып. I, стр. 43), которая, однако, вызвала резкое возражение М. М. Ковалевского, отметившего, что этот памятник «совершенно произвольно» отнесен «Комаровым (а за ним и профессором Леонтовичем) к XII веку», тогда как в действительности он был составлен уцмием Рустем-ханом в первой четверти XVII столетия (М. Ковалевский, *указ. раб., т. I, стр. 231*). Эту датировку М. М. Ковалевский дает на основании «хранящейся в Дербенте рукописи», в которой он нашел указание, что Рустем-хан правил с 1601 по 1631 г. н. э. (там же, т. II, стр. 233—234).

вич обратил внимание на то, что в состав этого памятника включены многие нормы обычного права. «По своему содержанию,— писал Леонтович,— сборник Рустема принадлежит к числу важнейших памятников древнего права кавказских горцев. При всей сжатости и сравнительно небольшом составе сборника, в нем мы находим указания на главные институты, разъясняющие древний общественный и частно-правный быт горцев южного Дагестана»¹². Подробно разбирая содержание Судебника Рустем-хана, Леонтович отмечает: «Кроме общих адатов об ответственности „общества“ по преступлениям его членов..., сборник Рустема содержит целый ряд адатов по отдельным видам преступлений личных... и имущественных... Наконец, в процессуальных статьях сборника Рустема излагаются древние адаты касательно состава суда, обвинения и вызова к суду, доказательств, в особенности присяги с „тусевами“, и исполнения приговора путем „примирения“ или барамты...»¹³.

Было бы, однако, неверно рассматривать судебники Умму-хана, Рустем-хана и подобные им памятники лишь как простые сборники адатов. Именно к такому пониманию этих памятников склоняются Ф. И. Леонтович и М. М. Ковалевский. Судебник Рустем-хана Леонтович называет «Сборником адатов Кайтаха»¹⁴. М. М. Ковалевский считает, что «Рустем-хану «мы обязаны древнейшим из дошедших до нас сборников дагестанских адатов», хотя в то же время признает, что в нем была сделана попытка «кодификации народных обычаев»¹⁵. Таким образом, оба названных исследователя обходят или недостаточно подчеркивают важнейшую особенность подобного рода памятников как источников для изучения обычного права горцев, заключающуюся в том, что адаты выступают здесь уже не в своем первоначальном виде¹⁶ и не в том качестве, в каком они существовали до включения их в состав данных судебныхников.

Очевидно, что уже сама попытка кодификации юридических обычаев и установления единообразных правовых норм для всех аулов или обществ, входивших в данное феодальное владение, предполагала известное изменение ранее существовавших адатов, отличавшихся нередко большой пестротой в зависимости от местных условий. Но государственная власть, бравшая в свои руки законодательную инициативу, отнюдь не склонна была ограничиваться в данном случае простой фиксацией и согласованием действующих норм обычного права, а создавала в виде писаных законов и новые нормы. Как отмечает на основании народных преданий А. В. Комаров, Умму-хан Аварский не только «старался установить единообразные адаты для своих владений», но «и ввел много новых адатов», а Рустем-хан Кайтагский составлял судебник не только из адатов, но «и своих постановлений»¹⁷.

Анализ статей судебныхников Умму-хана Аварского и Рустем-хана Кайтагского показывает, что целый ряд традиционных адатов претерпел здесь существенные изменения. Ханская власть, составляя судебники, широко пользуется этим обстоятельством, чтобы еще больше приспособить древние народные обычаи к потребностям развивающегося феодального строя. Так, обычай кровной мести, хотя и признается обоими судебниками, но серьезно ограничивается рядом новых норм. В Су-

¹² Ф. И. Леонтович, Указ. раб., вып. I, стр. 43.

¹³ Там же, стр. 44—45.

¹⁴ Там же, стр. 42, 43.

¹⁵ М. Ковалевский, Указ. раб., т. I, стр. 224, 231.

¹⁶ М. М. Ковалевский утверждает, что адаты, вошедшие в состав Судебника Умму-хана Кайтагского, «знакомят нас с обычным правом Дагестана в его чистом виде» (Указ. раб., т. II, стр. 234. Разрядка моя.— В. Г.)

¹⁷ А. В. Комаров, Указ. раб., стр. 9. (Разрядка моя.— В. Г.)

дебнике Умму-хана Аварского устанавливается определенный порядок кровомщения и примирения кровников. И то, и другое уже не зависело, как прежде, только от воли родственников обеих сторон. Например статья 35 названного Судебника гласит: «Если родственники убитого до истечения 10 дней согласятся на очное примирение, то с них взыскивается один бык. Если же они согласились на примирение после 10 дней, то с них ничего не взыскивается». Таким образом, примирение кровников разрешалось только по истечении 10 дней, причем убийца должен был к этому времени («не позднее 10 дней») удалиться из аула (статья 37). Характерно здесь и назначение штрафа за нарушение установленного срока примирения; штраф поступает в пользу ханской власти. Стремление ограничить кровную месть и поставить ее под контроль ханской власти характерно и для Судебника Рустем-хана Кайтагского. Строгой регламентации и видоизменениям подвергаются обоих судебниках и обычаи похищения невесты, соприсяжничества барантования («ишкуль») и др.¹⁸

Включение в составлявшиеся ханами судебники ранее существовавших адатов придавало им уже иной характер, превращая их из норм неписаного обычного права в законы, на страже которых находилась государственная власть, издававшая данные кодексы. Эту принципиальную разницу между адатом и законом не замечали ни Ф. И. Леонтович, ни М. М. Ковалевский¹⁹, ни другие авторы, изучавшие обычное право кавказских горцев с позиций буржуазной социологии и правоведения.

Появление у некоторых народов Северного Кавказа своих писаных кодексов знаменует новый этап в развитии их общественно-политического строя, указывая на то, что феодальные отношения у них достигли такого уровня, когда старые формы государственности и права уже не отвечают условиям материальной жизни общества, его экономике и культуре, требуя от господствующего класса новых форм выражения его воли. Теперь эта воля выступает не только в нормах неписаного обычного права, но и в виде писаных законов, установленных местной государственной властью — ханами, уцмиями, князьями. Для многих из этих законов источником является обычное право, которое уже давно служило интересам местной патриархально-феодальной знати. Издавая законы, которые начинают изменять, восполнять, а отчасти и вытеснять старые обычаи, эксплуататорские верхи горского общества делают новый шаг в развитии своей власти и привилегий. Таким образом, возникновение у горцев Кавказа своих письменных кодексов является фактом большой исторической значимости. Не случайно дошедшие до нас первые памятники писаного права народов Северного Кавказа датируются XVII в. — временем усиления у этих народов феодальных отношений, временем, когда зарождались многие явления общественной и культурной жизни, которые развернулись со всей своей силой в XVIII — начале XIX в.²⁰

¹⁸ См.: А. С. Омаров, Р. Г. Маршаев, Об одном памятнике по истории Аварии XVII века, «Ученые записки» Ин-та истории, языка и литературы им. Г. Цадаса Дагестанского филиала АН СССР, т. V, Махачкала, 1958, стр. 132—144; и х же, «Постановления» Рустем-хана как источник по истории Кайтага XVII в, «Ученые записки...», т. VII, Махачкала, 1960, стр. 168—180.

¹⁹ Об этом, в частности, очень ярко свидетельствуют самые заглавия важнейших работ М. Ковалевского, посвященных обычному праву кавказских горцев. Заглавие его первой монографии на эту тему — «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении» — показывает, что автор не видит принципиальной разницы между обычаем и законом и даже считает, что «закон» был древнее «обычая», или, иначе говоря, что «древний закон» явился источником современного «обычая». Такое же понимание лежит и в основе обобщающего труда М. Ковалевского по обычному праву кавказских горцев — «Закон и обычай на Кавказе» (ср. т. I, стр. 79—80).

²⁰ См.: Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, «Очерки истории СССР. XVII в.», М., 1955, стр. 903—926.

Есть основание полагать, что к XVII в. попытки кодификации норм обычного права, а также издание законов в отмену или в изменение адатов, имели место не только в ханствах Дагестана, где феодальные экономические отношения и феодальный административно-судебный аппарат получили большее развитие, чем в других областях Северного Кавказа, но и в Кабарде, тоже отличавшейся сравнительно высоким уровнем развития феодализма. Согласно народным преданиям, записанным Ш. Б. Ногмовым, князь Берслан Кайтукович Джанкутов, правивший в Кабарде после Темрюка Идаровича (современника и тестя Ивана Грозного), учредил единый порядок судопроизводства, «издал разные законы и обряды» и установил штрафы за их неисполнение²¹.

Хотя к XVII в. у ряда народов Северного Кавказа наметилась тенденция к созданию государственной властью кодексов, менявших прежнюю систему обычного права, однако даже у этих народов, с наиболее развитым феодальным строем, ни в XVII в., ни позднее не созрели предпосылки для создания централизованного административно-судебного аппарата и для перехода от господствующей системы обычного права к писаным законам в виде судебных и другого рода кодексов, возникших на местной почве. «Право,— указывает К. Маркс,— никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»²². Отсутствие у большинства народов Северного Кавказа в момент присоединения к России собственной системы писаного права является свидетельством их общей в тот период социально-экономической и культурной отсталости.

После присоединения к России на Северном Кавказе стало распространяться влияние русского законодательства, и в связи с этим область применения обычного права начала постепенно ограничиваться, однако в целом на протяжении первой половины XIX в. обычное право оставалось у кавказских горцев господствующей формой права, нормы которого по-прежнему определяли почти весь их внутренний быт.

Хотя царское правительство уже с конца XVIII в. стало постепенно вводить на Кавказе систему колониального управления, подчиняя военному командованию Кавказской линии сопредельные горские племена и народности, делало оно это, стараясь по возможности не затронуть права и привилегии местной патриархально-феодальной знати, закрепленные в адатах²³. Фактически царское правительство до 60-х годов XIX в. не касалось основ социального строя народов Северного Кавказа, оставив их подвластными своим ханам, князьям и «старшинам». Политику сохранения и укрепления существовавших у народов Северного Кавказа феодальных отношений русское самодержавие проводило не только в силу своей собственной социальной природы,— в силу того, что оно являлось органом власти русских крепостников-помещиков,— но и потому, что оно рассматривало горскую знать как свою главную опору в присоединенном крае.

Воздерживаясь от введения в горах Кавказа законов Российской империи и признавая здесь действие норм обычного права и шариата, царское правительство, однако, не хотело оставлять целиком в руках местных феодалов и мулл административную власть и суд. И то, и другое находилось под постоянным и все усиливающимся контролем царского командования на Кавказе. Но эффективности этого контроля

²¹ Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, Тифлис, 1861, стр. 113—114.

²² К. Маркс, Критика Готской программы, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 275.

²³ Исключением из этого правила в известном отношении явилось лишь время командования на Кавказе А. П. Ермолова (1816—1826 гг.), который пытался ограничить права ханов, беков и князей и держал их в постоянном страхе лишиться своих подданных за неповиновение его распоряжениям.

мешала малая осведомленность царских офицеров об особенностях общественного строя горцев и их обычном праве, на основе которого решались все судебные дела, за исключением важных уголовных и антиправительственных преступлений. В связи с этим обстоятельством царское командование на Кавказе неоднократно предпринимало попытки собрать сведения о горских адатах. Как показывают сохранившиеся исторические документы, такие попытки делались еще в 20-х годах XIX в., когда генерал Ермолов, учредив «Временный суд» в Кабарде, предписал этому суду собрать подробные сведения об обычном праве кабардинцев²⁴. Однако, несмотря на неоднократные напоминания Ермолова и заменившего его начальства, Кабардинский временный суд этого задания не выполнил²⁵, ограничившись на первых порах составлением краткой записки о кабардинских адатах²⁶.

Еще менее царскому командованию на Кавказе были известны адаты других народов Кавказа. Между тем развертывание антиколониального и антифеодального движения на Северном Кавказе со всей остротой ставило вопрос о необходимости более основательного ознакомления с обычным правом горцев. Вот почему в начале 1840-х годов, когда борьба горцев под руководством Шамиля достигла наибольшего подъема, командование Кавказской линии приступило к сбору сведений об адатах кавказских горцев по довольно широкой программе. Эта программа включала в себя следующие разделы: «1) Разделение каждого общества или племени отдельно на сословия, включая и крепостной класс людей. 2) Права и обязанности каждого класса и отношение одного сословия к другому, включая и духовенство. 3) Какие дела и преступления в каждом обществе должны быть рассматриваемы адатом. 4) Общий обряд суда по обычаям или адату. 5) Права и обязанности каждого сословия. 6) Наследственное право всех сословий. 7) Раздел имений. 8) Обряд духовных завещаний и исполнение по ним. 9) Отношение детей к родителям и их права на первых. 10) Взаимное отношение мужа к жене и обратно. 11) Мера наказаний за неповиновение князьям и узденям. 12) Мера наказания за преступления всякого рода»²⁷.

Как видно из приведенного текста, программа сбора сведений об адатах была недостаточно полной, конкретной и четкой. В частности, в программе были совершенно обойдены многие важные вопросы — о землевладении и землепользовании, о политическом устройстве и системе административного управления, о порядке решения общественных дел на так называемых «народных собраниях», о роли родовых и сельских общин и их внутренней организации и т. д. В крайне общей форме был поставлен один из основных вопросов программы — «права и обязанности каждого класса и сословия». Хотя этому вопросу было посвящено два раздела программы (2 и 5), сведения о нем при сборе на местах материалов обычно объединялись в один раздел, так как составителям сборников адатов было неясно (как, видимо, и составителю самой программы), какие именно «права и обязанности» должны вноситься в каждый из этих разделов. В результате составленные в 1840-х годах сборники адатов дали недостаточные подробные и точные сведения о правах различных прослоек

²⁴ См.: «Наставление» генерала Ермолова Кабардинскому временному суду, § 13 и 23 (Ф. И. Леонтович, Указ. раб., вып. I, стр. 263).

²⁵ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, т. VI, ч. II., Тифлис, 1875, № 842, стр. 473—474; № 844, стр. 475—476; «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. IV, стр. 11 (примеч.); Ф. И. Леонтович, Указ. раб., вып. I, стр. 99.

²⁶ Эту записку, по-видимому, составил первый секретарь Кабардинского временного суда капитан Якуб Шарданов (см. М. О. Косвен, Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке, «Кавказский этнографический сборник», I, М., 1955, стр. 299).

²⁷ Ф. И. Леонтович, Указ. раб., вып. I, стр. 93—94.

господствующего класса и обязанностях различных категорий крестьянства, что заставило вновь собирать эти сведения в период подготовки крестьянской и земельной реформы на Северном Кавказе.

К чести составителей сборников адатов 1840-х годов следует отметить, что они не удовлетворялись формальным ответом на вопросы, поставленные программой, а проявили инициативу в выполнении порученного им задания, выходя нередко за рамки программы и внося по своему разумению в состав сборников все те сведения об общественном строе горцев, которые им удалось собрать на месте. Благодаря этому сборники адатов 1840-х годов дают богатейший материал по социальным отношениям у отдельных народов Северного Кавказа, хотя они и не исчерпывали своей темы, т. е. не давали полного свода обычного права данного народа. Так, например, начальник левого фланга Кавказской линии ген. Фрейтаг, представляя командующему войсками Линии в июне 1843 г. сведения об адатах чеченцев и кумыков²⁸, указывал, что, хотя при составлении сборника «для большей полноты и ясности предмета» потребовалось изложить вкратце и историю управления, существовавшего у этих народов (включая и новое управление, введенное Шамилем), однако представленным описанием «гражданского быта у чеченцев и у кумыков с объяснением адатного их права...имелось скорее в виду ознакомить читающего с духом законодательства помянутых народов, чем изложить в подробности принятые ими законы на все возможные случаи...»²⁹.

При оценке сборников адатов 1840-х годов нельзя не учесть, что их известная неполнота и неточность объяснялась, помимо прочих причин, также той политической обстановкой, в которой собирались материалы, положенные в основу этих сборников. Напряженная борьба, которая шла в это время на Северном Кавказе, естественно, мешала сбору сведений об адатах даже среди так называемых «мирных горцев». Местное население с большой настороженностью относилось к предпринятой в это время попытке царских властей привести в известность действующие у горцев нормы обычного права. Как отмечает в своем рапорте командующему войсками Линии начальник Черноморской кордонной линии ген. Рашпиль, представивший сборник адатов адыгейцев (черкесов), составителю этого сборника войсковому старшине Кучерову пришлось столкнуться с большими трудностями, так как «старшины аулов не весьма охотно делились своими сведениями об адате, вследствие тайных подозрений — не основательных, но тем не менее упорных, по свойственной горцам недоверчивости к благонамеренности таких распоряжений с нашей стороны, которых пользы не видят они в настоящую минуту»³⁰.

В 40-х годах XIX в. царскому командованию не удалось собрать сведения об адатах большинства народов Дагестана. Между тем по окончании Кавказской войны и в связи с проведением в горских областях Северного Кавказа административно-судебных преобразований возникла настоятельная необходимость иметь в распоряжении местной администрации сборники адатов всех горских племен и народов, приспособленные к нуждам судебных органов. Поэтому в первой половине 60-х годов XIX в. было предпринято составление сборников адатов во всех округах Дагестанской области и запрошены дополнительные сведения об адатах горцев Терской области. Как и в 1840-х годах, сборники адатов 1860-х годов составлялись по единой программе. Сложность записи адатов в дагестанских округах заключалась

²⁸ Этот сборник адатов был составлен офицерами Голенищевым-Кутузовым и Лобановым-Ростовским и представлен первым из серии сборников 1840-х годов.

²⁹ Ф. И. Леонтович, Указ. раб., вып. I, стр. 97.

³⁰ Там же, стр. 102.

в том, что здесь многие «общества» имели свои адаты, так что по существу сборники адатов по округам превращались в своеобразные своды и делились обычно на две части: на так называемую «общую часть», в которую вносились адаты, общие для всех горских обществ данного округа, и на часть, составленную из адатов отдельных «обществ».

По своему содержанию сборники адатов 1860-х годов были значительно уже сборников 1840-х годов, так как они составлялись как официальное руководство для горских судов при разбирательстве дел по адату. В отличие от сборников 1840-х годов, уделявших сравнительно много места общей характеристике социального строя тех горских племен, адаты которых включали сборники, и обращавших особое внимание на «права и обязанности каждого класса и сословия» сборники адатов 1860-х годов трактуют исключительно вопросы уголовного, семейного и наследственного права и описывают порядок судопроизводства по ним. Однако и этот состав сборников 1860-х годов дает ценный материал для изучения ряда важных вопросов жизни горцев. Особый интерес в этих сборниках представляют материалы, касающиеся кровной мести, компенсации за убийство и ранение, похищения невесты, калыма, порядка принесения присяги и круга допускаемых к ней лиц. Эти вопросы освещаются здесь с исчерпывающей полнотой.

Составляя в 40—60-х годах XIX в. сборники адатов, царские власти имели в виду постепенно приспособить нормы обычного права кавказских горцев к законодательству Российской империи. В связи с этим в 1840-х годах командованием Кавказской линии была сделана попытка составить «один систематический свод, который был бы верным изображением сущности так называемого адата и мог бы впоследствии служить руководством начальства, замещая собою доселе мало известные основания...первобытного права кавказских горцев»³¹. Однако такой свод в действие введен не был, и адаты горцев до середины XIX в. видоизменялись по произволу отдельных царских офицеров, под непосредственным начальством которых находились горские племена и народности. Видоизменения эти, носившие частный и случайный характер, естественно, не оказали большого влияния на обычное право горцев, которое на протяжении первой половины XIX в. в общем мало изменилось по сравнению с XVIII в.

До 30-х годов XIX в. адаты кавказских горцев были мало затронуты и нормами мусульманского права. Примером опять-таки может служить Дагестан, куда, как известно, ислам проник гораздо раньше, чем в другие области Северного Кавказа. Однако и в Дагестане, где ислам стал распространяться с VIII в., мусульманское право вплоть до второй четверти XIX в. не играло значительной роли в жизни горцев, что и побудило руководителей кавказского мюридизма насильственно распространять шариат в 20—50-е годы XIX в. среди местного населения³². Шариат в Дагестане, как и в других областях Северного Кавказа, коснулся прежде всего семейного быта горцев, регулируя брачные и вообще внутрисемейные отношения, включая иму-

³¹ Приказ начальника штаба войск Кавказской линии и Черномории от 10 сентября 1845 г. капитану Ольшевскому, на которого возлагалось составление этого свода (Ф. И. Леонтович, Указ. раб., вып. I, стр. 103).

³² Господство в Дагестане адата накануне деятельности имамов Гази-Мухаммеда, Гамзат-бека и Шамиля хорошо показано в «Хронике» Мухаммеда Тахира: «Люди Дагестана в эту последнюю эпоху называли себя мусульманами. Но не было у них того, кто призвал бы их к [выполнению] предписаний шариата и запретил бы то, что отрицается исламом. Нет, они постепенно превращали в религию обычаи адата, а их кадики даже побуждали народ к адату, восхваляя его возглавителей за его установление и укрепление. Они называли адат справедливостью» («Хроника Мухаммеда Тахира Ал-Карахи», перевод с арабского А. М. Барабанова, М.—Л., 1941, стр. 33).

пещественные отношения и право наследования. Поскольку мусульманское духовенство, решая семейные дела по шариату, в общем учитывало местную бытовую специфику, переход в его ведение такого рода дел у горцев, принявших ислам, хотя и оказал известное влияние на действующие нормы семейного и наследственного права, но до начала XIX в. по существу мало изменил горский быт и в этом отношении.

В первой половине XIX в., в период развития мюридизма, имамами Гази-Мухаммедом, Гамзат-беком и Шамилем была предпринята попытка сделать шариат единственной и универсальной системой права в горах Кавказа³³. Деятельность имамов по насаждению шариата натолкнулась с самого начала на недовольство и сопротивление местного населения, которые росли по мере того, как горцы убеждались в том, что шариат несет им не освобождение от прежнего угнетения, а лишь новые тяготы. Поэтому даже Шамиль, который с особой настойчивостью пытался использовать шариат для своих целей, истолковывая его в интересах борьбы с царизмом и местными ханами, облегчить применение его норм для народа, не смог окончательно вытеснить на подвластной имамату территории адат шариатом.

Изучавший в 60-х годах XIX в. обычное право дагестанцев А. В. Комаров отмечает: «Несмотря на то, что Шамиль сам, по необходимости, допустил некоторые изменения в шариате с целью облегчить для народа тяжесть его постановлений, настойчиво и энергически, в течение 27 лет, стремился к уничтожению суда по адатам, жестоко, большей частью смертью, наказывая сопротивлявшихся его намерениям, однако он не достиг цели. По взятии Шамиля в плен все население Дагестана немедленно восстановило у себя разбор дел по адату..., и от шамилевского шариата осталось только одно воспоминание в названии времени его власти временем шариата, для отличия от прежнего времени, называемого временем адата („батлиль замана” — по-аварски)»³⁴.

Нельзя, однако, согласиться с А. В. Комаровым, что внедрение шариата при Шамиле прошло бесследно для дагестанских горцев. В данном случае А. В. Комаров, выражая официальную точку зрения царской администрации на Кавказе, к которой он сам принадлежал, склонен был преуменьшить действительное значение шариата в горах Дагестана в описываемое им время. Более объективную оценку сложившегося после падения Шамиля положения дает М. М. Ковалевский: «Исключительное владычество шариата в Дагестане не было продолжительным. После пленения Шамиля русские власти, видя в шариате один из оплотов его влияния, позаботились о восстановлении суда по адату во всех тех сферах, в которых он применялся до времен имама. Но и кратковременного господства достаточно было шариату для того, чтобы существенно повлиять на юридические воззрения дагестанских горцев...»³⁵. Поэтому при пользовании сборниками дагестанских адатов, составленными в 60-х годах XIX в., мы должны учесть, что в них влияние шариата на обычное право кавказских горцев сказалось уже в гораздо большей степени, чем в памятниках более раннего времени. Как отмечает М. Ковалевский, в сборнике аварских

³³ Отрицательное отношение к адату было уже ярко выражено в деятельности первого имама Гази-Мухаммеда. «Он призывал..., — сообщает Мухаммед Тахир, — к обязательности шариата, действиям в соответствии с ним и к отстранению обычаев адата и оставлению их. Он устрасал, угрожал и для того, чтобы обратиться к старейшинам Дагестана, оставил послание, обличая в нем людей адата в неверии, которое назвал: „Блестящее доказательство об отпадении от ислама признающих адат» («Хроника», стр. 36).

³⁴ А. В. Комаров, Указ. раб., стр. 7.

³⁵ М. Ковалевский. Указ. раб., т. I, стр. 234.

адатов, экземпляры которого хранились в архивах Окружных управлений в Хунзахе и в Гунибе, «влияние шариата на видоизменения народного обычая... сказывается с большой наглядностью»³⁶.

Таким образом, мы можем считать, что до 50-х годов XIX в. у всех горцев Северного Кавказа адаты, несмотря на влияние русского законодательства и шариата, оставались важнейшим элементом права, в котором сохранялись древнейшие и самобытные юридические обычаи, отражавшие общественные отношения соответствующих народов.

Как показывает изучение обычного права кавказских горцев, у большинства из них в XVIII — начале XIX в. господствующими и ведущими были феодальные отношения, опутанные густой сетью патриархально-родовых пережитков. Сохранение у народов Северного Кавказа до XIX в. многих порядков и обычаев родового строя является важным указанием на крайне замедленный процесс социально-экономического развития этих народов. Несмотря на то, что разложение первобытно-общинного строя началось у племен Северного Кавказа еще в эпоху бронзы, а к XIII в. у большинства из них царила уже феодальная раздробленность, последующее развитие шло настолько медленно, что не дало возможности феодальным отношениям достаточно вызреть и освободиться от прикрывавшей их патриархальной оболочки. О недостаточной развитости феодализма у народов Северного Кавказа говорит и сохранение у них вплоть до XIX в. рабства и работорговли. Главным источником рабства и в это время оставался захват людей в плен. Обычное право горцев признавало каждого пленника рабом того, кто его захватил. Рабы не только использовались в домашнем хозяйстве, но являлись и одним из наиболее ценных товаров, фигурирующим, наряду со скотом и другим движимым имуществом, при определении адатом размеров платы за кровь, калыма, различных штрафов и т. д. Рабы считались совершенно бесправными даже тогда, когда они выросли в данном доме; они трактовались как объекты обычного права кавказских горцев, в отличие от феодально-зависимых и крепостных крестьян, выступавших согласно адату и в качестве субъектов обычного права. То обстоятельство, что обычное право народов Северного Кавказа еще в первой половине XIX в. не смешивало правовое положение рабов и крепостных, а, наоборот, четко разграничивало его, еще раз подчеркивает, что домашнее рабство в это время не изжило себя на Северном Кавказе и не было окончательно вытеснено крепостничеством.

Однако было бы неверно архаизировать общественный строй кавказских горцев в XVIII — начале XIX в., преувеличивать роль сохранявшихся у них в это время дофеодальных отношений, которые уже не определяли существа сложившегося у горцев общественного строя. Обычное право народов Северного Кавказа с бесспорностью свидетельствует о том, что у большинства из них общество уже давно раскололось на два антагонистических класса — на патриархально-феодальную знать и на крестьянство, находившееся в разной степени личной зависимости и подвергавшееся различным формам феодальной эксплуатации, прикрывавшейся патриархальными обычаями и традициями. Наличие двух основных классов феодального общества четко прослеживается по материалам обычного права у многочисленных адыгейских племен, кабардинцев, карачаевцев, балкарцев, абазинцев, осетин, у большинства народностей Дагестана, входивших в такие типично феодальные образования, как шамхальство Тарковское, уцмийство Кайтагское, ханства Аварское, Казikumухское и др. Для названных племен и народностей Северного Кавказа родовой строй был уже пройденной ступенью, о чем ярко говорят их адаты, основ-

³⁶ М. Ковалевский, Указ. раб., т. I, стр. 232.

ное содержание которых сводится к упорядочению и регламентации феодальных отношений, к укреплению власти феодалов. В дошедших до нас записях адатов кавказских горцев подавляющая часть статей касается взаимоотношений феодалов с их крепостными, подробно определяя виды и нормы феодальной эксплуатации крестьян, степень их личной зависимости, а также тщательно перечисляя права и привилегии сюзеренов, обязанности вассалов, т. е. трактует важнейшие вопросы феодального обычного права³⁷.

Обычное право кавказских горцев, как и других народов, находившихся на ранне-феодальной ступени развития, уделяло особое внимание регламентации феодальной эксплуатации крестьянства, которая происходила в XVIII — первой половине XIX в. в твердо установившейся, традиционной форме. Строгая фиксация обычным правом размеров крестьянских повинностей объясняется самой сущностью феодального способа производства, при котором установившиеся формы и нормы эксплуатации обеспечивают повторение процесса производства в прежних размерах, на прежнем основании на протяжении многих веков. Поэтому пока феодальный строй не начинает подтачиваться зарождающимися в нем капиталистическими отношениями, традиционные формы эксплуатации и определенные обычным правом нормы ее остаются неизменными. Именно так обстояло дело и у горцев Северного Кавказа вплоть до середины XIX в., как это показывает общеправовой материал, внесенный в сборники адатов 1840-х годов и особенно собранный во время подготовки крестьянской реформы на Северном Кавказе.

Другой характерной чертой имеющегося в нашем распоряжении общеправового материала о повинностях горского крестьянства в дореформенный период является то, что в нем скрупулезно определяются права и обязанности различных категорий феодально-зависимого крестьянства. По материалам обычного права горское крестьянство XVIII — первой половины XIX в. выступает раздробленным на многочисленные разряды и группы, отличающиеся друг от друга не только своей принадлежностью князьям и узденям, ханам или бекам и вытекающими отсюда особенностями в их социальном положении, но и массой других разнообразных нюансов в личном и семейном положении. Кстати сказать, таким же делением на многочисленные степени отличался по обычному праву горцев и господствующий класс феодалов. Как в феодальном классе, так и в горском крестьянстве подчас насчитывается до десятка различных степеней и категорий. Вся эта пестрота, которую так тщательно регламентирует обычное право горцев, была естественна и необходима в период господства феодализма, обусловлена присущей ему изолированностью и замкнутостью сословий, застывших в своих средневековых перегородках.

То обстоятельство, что в обычном праве кавказских горцев с большой подробностью определены феодальные повинности различных категорий крестьянства, формы и нормы его эксплуатации, делает обычное право кавказских горцев исключительно важным источником как для изучения существа тех отношений, которые складывались в горском обществе между господствующим и эксплуатируемым классами, так и тех бесконечных вариаций и градаций, которые характеризуют особенности феодальных отношений у различных горских народов.

Анализ адатов кавказских горцев, в которых обычное право зафиксировало крестьянские повинности в пользу феодалов, показывает,

³⁷ См., например, «Постановления о сословиях в Кабарде» в приложении к «Истории адыгейского народа» Ш. Б. Ногмова (Тифлис, 1861, стр. 151 сл.) и «Полное собрание кабардинских древних обрядов», составленное в 1844 г. под руководством начальника Центра Кавказской линии кн. Голицына (Ф. И. Леонтович, Указ. раб., вып. I, стр. 223 сл.).

что наиболее распространенной формой ренты к началу XIX в. у всех народов Северного Кавказа была продуктовая рента, которая отчасти вытеснила отработочную ренту, но сама нигде не была заменена денежной рентой. Преобладание на Северном Кавказе в XVIII — начале XIX в. продуктовой ренты свидетельствует о том, что феодализм здесь достиг уже известных успехов в своем развитии, пройдя в основном этап, характеризующий господством отработочной ренты — наиболее простой формы феодальной ренты. Но вместе с тем господство продуктовой ренты отражает ту застойность, которой характеризуется социально-экономический строй народов Северного Кавказа в рассматриваемое время. Поскольку рента продуктами основывалась на соединении сельского хозяйства с домашней промышленностью и на почти полной оторванности крестьянской семьи от рынка, она, естественно, мало способствовала дальнейшему прогрессу общества.

Хотя адаты бесспорно говорят о наличии на Северном Кавказе в XVIII — начале XIX в. различных видов феодальной ренты, являющейся экономической реализацией феодальной собственности на землю, однако сама эта собственность четкого юридического оформления в обычном праве горцев не получила. Это послужило одной из причин того, что царские чиновники, а за ними многие исследователи поземельных отношений кавказских горцев пришли к неверному выводу об отсутствии якобы на Северном Кавказе у местного населения до присоединения к России земельной собственности вообще, феодальной в особенности³⁸. Не имея возможности отрицать наличие у народов Северного Кавказа в первой половине XIX в. крестьянских повинностей в пользу феодалов в виде барщины и оброка (т. е. отработочной и продуктовой ренты), что определенно устанавливалось нормами действовавшего в то время обычного права, царские власти на Кавказе объясняли существование этих повинностей только личной зависимостью крестьян от феодалов, в чем с царскими чиновниками вполне соглашалось и большинство дереволуционных исследователей общественных отношений кавказских горцев.

Признавая, что внеэкономическое принуждение играло в условиях горского феодализма определенную роль, о чем говорят и адаты кавказских горцев, мы, однако, никак не можем свести существо феодальных отношений у народов Северного Кавказа лишь к голому насилию, лишенному какой-либо социально-экономической основы. Наоборот, следует подчеркнуть, что на Северном Кавказе, как и в других странах, феодальная зависимость и эксплуатация крестьян являлись следствием возникновения феодальной собственности на землю.

Как ни маскировалась у кавказских горцев феодальная собственность на землю, проследить ее существование по материалам обычного права вполне возможно. Начать с того, что у кабардинцев, феодальный строй которых был типичным для многих народов Северного Кавказа, верховными собственниками земли считались, согласно адату, князья, а за ними — первостепенные уздени. У адыгейских племен, имевших князей (бжедухи, темиргоевцы, бесленевцы и др.), князья и первостепенные уздени также получили по адату особые права на землю, выделяя себе лучшие места под пашню, сенокос и пастбища. Эти же права присвоили первостепенные уоркские (дворянские) фа-

³⁸ Такой взгляд получил главным образом распространение в 60-х годах XIX в., когда царское правительство при проведении земельной реформы на Северном Кавказе решило использовать для экспроприации горских земель сохранившуюся у горцев наряду с феодальной собственностью родовую и общинную форму землевладения и землепользования. Большую роль в этом сыграла деятельность Терской сословно-поземельной комиссии, которая особенно настаивала на отсутствии у горцев представления о земельной собственности.

илии у абадзехов, шапсугов и нутхайцев, представлявших в XVIII—начале XIX в. группу адыгейских племен, не имевших князей. Такой же порядок имел место у осетин, балкарцев, абазинцев, «старшины» (т. е. феодалы) которых являлись главными владельцами земель в пределах своих племен, реализуя свою собственность на землю сбором феодальной ренты со своих соплеменников. Крупными землевладельцами выступают перед нами по материалам обычного права ханы и беки Дагестана.

В обычном праве народов Северного Кавказа феодальная собственность на землю выступала, как и феодальные отношения вообще, прикрываясь патриархальной оболочкой. В этой связи следует обратить внимание на то, что формальными владельцами земли считались не отдельные феодалы, а феодальные «фамилия» и «род». Так, вся территория Кабарды в XVIII—начале XIX в. была разделена между шестью княжескими «фамилиями», ведшими свое происхождение от общего родоначальника³⁹. У карачаевцев верховными собственниками земли считались члены «фамилии» Крымшамхаловых, которой, согласно адату, все карачаевцы платили поземельную подать. У кумыков точно такое же положение занимал в XVIII—начале XIX в. «род» шамхалов Тарковских, к которому принадлежало большинство кумыкских беков. «Род» уцмиев Кайтагских, нуцалов (ханов) аварских, ханов казикумухских и других феодальных властителей Дагестана являлся (вместе с происходившими от него беками) главным собственником земли в пределах данного феодального владения.

Сохранение в условиях господства феодалов общинного землевладения и землепользования уже не могло серьезно помешать горской знати расхищать народную землю. Феодалы, присваивая в собственность лучшие земельные угодия, не отказывались в то же время и от пользования общинной землей. В ряде районов Северного Кавказа местная знать предпочитала не выходить окончательно из общины и требовала себе при земельных переделах повышенный пай. Так, например, у адыгейцев князья при переделах получали, согласно адату, одну треть (а иногда и больше) всех пастбищных и пахотных земель данной общины. У кабардинцев обычное право признавало за владельцами аулов, которыми являлись князья и первостепенные уздени, право распоряжаться всеми излишними землями, остававшимися после наделения жителей данного аула⁴⁰. Вместе с тем кабардинские и адыгейские князья и первостепенные уздени присвоили право распределять при переделах земельные участки, что они обычно делали в присутствии сельских старшин. Таким образом, общинные порядки здесь в значительной мере прикрывали наличие класса привилегированных землевладельцев феодального типа.

Процесс феодального разграбления горских земель при всей его интенсивности не привел, однако, к полной ликвидации общинных порядков и окончательному закреплению непосредственных произво-

³⁹ Кабардинский окружной народный суд 8 августа 1862 г. сообщил в «Комитет, учрежденный в Кабардинском округе для разбора личных и поземельных прав туземцев», что в Кабарде «в старину пользовались поземельной собственностью» четыре княженские фамилии, а также уздени первой степени (тлекотлеши). При этом суд подчеркнул, что «земли в Кабарде не были частной собственностью одного лица, а принадлежали целым фамилиям, члены которых мужского пола наследовали совершенно равными частями...» (Центральный гос. архив Кабардино-Балкарской АССР, ф. 40, оп. 1, ед. хр. 1, л. 23).

⁴⁰ Характерно, что Сословно-поземельная комиссия Терской области, которая особенно отстаивала тезис об отсутствии у кабардинцев феодальной земельной собственности, сочла нужным при проведении в 60-х годах XIX в. земельной реформы поставить перед начальником Терской области вопрос о выделении бывшим владельцам аулов в Кабарде из предоставляемых каждому аулу пахотных угодий пая «в размере одной десятой этих угодий, что и сообразно с народным обыкновением...» (Центральный гос. архив Кабардино-Балкарской АССР, ф. 40, оп. 1, ед. хр. 4, л. 475 об.).

дителей. Почти во всех горских племенах вплоть до начала XIX в. сохранилась значительная прослойка незакрепощенных крестьян-общинников. Особенно большой процент они составляли у так называемых «демократических» адыгейских племен (абадзехов, шапсугов, натухайцев) на Западном Кавказе и в «вольных обществах» Дагестана на Восточном Кавказе. Эти формально свободные крестьяне-общинники в условиях общего господства на Северном Кавказе феодализма являлись уже в известной мере феодально-зависимыми людьми, что выявляется при внимательном изучении их положения по обычному праву. Так, адыгейские тльфокотли (крестьяне-общинники), именуемые в русских записях адатов «простым свободным народом», признавали в «некоторой степени» над собой власть князей и дворян, платили им «калым за промен на меновых дворах... леса и других своих продуктов» и выполняли ряд феодальных повинностей. Любопытно отметить, что все обязанности тльфокотлей по отношению к феодалам, по словам составителя цитируемого сборника адатов, носили крайне неопределенный характер. «Если же сей народ и работает князьям и дворянам в нужное для них время,— читаем мы в этом сборнике, составленном в 40-х годах XIX в.,— под покровительством которых он живет, то сие делает единственно по приглашению их и по доброй своей воле; работа сия не вменяется ему в непременную его обязанность никаким непреложным постановлением»⁴¹.

Из приведенных формулировок, при всей их расплывчатости и противоречивости, можно сделать вывод, что тльфокотли не являлись уже вполне свободными людьми, хотя сам составитель цитируемого сборника адатов (войсковой старшина Кучеров) склонен утверждать обратное, заявляя, что «сей класс людей пользуется совершенною свободою во всех племенах..., особенно в тех племенах, в которых не имеется князей»⁴². Было бы, конечно, правильнее сказать, что тльфокотли пользовались относительно большей свободой у адыгейских племен, не имевших князей, чем утверждать, что они «пользуются совершенною свободою во всех племенах» Адыгеи. Такими же по существу полусвободными крестьянами являлись в своей массе и дагестанские уздени. Их положение в «вольных» обществах Дагестана отличалось сравнительно большей свободой, чем в районах, входивших непосредственно в состав феодальных ханств Дагестана. Но и уздени «вольных» обществ находились в той или иной степени зависимости от местной знати и соседних ханов. Представление о том, что тльфокотли Адыгеи, уздени Дагестана и аналогичные им социальные группы других горских областей Кавказа являлись совершенно свободными непосредственными производителями, создавалось в значительной мере потому, что их феодальная эксплуатация и зависимость прикрывались еще в большей степени, чем эксплуатация остальных категорий горского крестьянства, пережитками дофеодальных отношений. Используя, в частности, обычный родовой и общинной взаимопомощи, горская знать привлекала крестьян-общинников «по приглашению и по доброй воле» (ср. приведенный выше текст адыгейских адатов в записи Кучерова) к выполнению различного рода работ в своем хозяйстве.

Господство феодальных отношений на Северном Кавказе нашло свое яркое отражение в том, что, как показывает обычное право гор-

⁴¹ Адаты черкес бывшей Черноморской кордонной линии (Ф. И. Леонтович, Указ. раб., вып. I, стр. 133).

⁴² Там же. Гораздо правильнее освещает этот вопрос Хан-Гирей, который пишет: «Дворяне, обремененные преимуществами, образовали собою господствующее сословие; вольные земледельцы составляли народ, подчиненный дворянству на определенных неясно, но тем не менее тягостных условиях...» («Бесельный Абат. Из сочинений под заглавием: Биография знаменитых черкесов и очерки черкесских нравов и преданий, покойного флигель-адъютанта Хан-Гирея», Сборник газеты «Кавказ», Второе полугодие 1847 года, Тифлис. 1848, стр. 129).

цев, многие институты родового строя здесь уже полностью трансформировались к началу XIX в., изменив свою прежнюю социальную сущность, и были приспособлены господствующим классом к обслуживанию его интересов. Такая трансформация произошла, например, с широко распространенным у всех народов Северного Кавказа обычаем кровной мести. Господствующий в родовом строе принцип равного возмездия — «око за око, зуб за зуб» — был горской знатью в условиях феодализма превращен в свою противоположность, которую можно приблизительно сформулировать следующим образом: «за око — два ока, за зуб — всю челюсть». Как показывает соответствующий материал по обычному праву кавказских горцев, плата за кровь члена господствующего класса у всех народов Северного Кавказа во много раз превосходила цену крови рядового горца. Так у кабардинцев и адыгейцев цена крови члена княжеской фамилии была столь высокой и включала столь редкие и ценные предметы (например, дорогое и редкое оружие, кольчугу и т. п.), что было практически невозможно расплатиться за кровь убитого князя⁴³. В результате кабардинское обычное право установило жестокое правило, согласно которому, если убийца князя не принадлежал к княжескому сословию, то он вместе со всей своей фамилией выдавался на поток и разграбление родственникам убитого, которые обычно превращали всех членов такой фамилии в рабов и распродавали их за пределы Кабарды. Поэтому не только рядовой кабардинец, но даже первостепенный уорк (знатный дворянин) никогда не решались поднять руку на кабардинского князя.

Опираясь на такой порядок кровной мести, князья и равные им по положению представители феодальной знати других народов могли безнаказанно грабить и притеснять рядовых горцев. Если жители какого-либо аула начинали преследовать банду, захватившую у них скот и другое имущество, а нередко и людей (которых затем обращали в рабство), и узнавали, что во главе этой банды стоит князь, то они обычно прекращали преследование и возвращались домой. Только в том случае, если во главе преследователей находился князь или равный ему по обычному праву представитель знати другого народа, дело доходило до вооруженного столкновения, но и тогда в князя мог стрелять только человек равного ему происхождения. Это правило соблюдалось даже во время междоусобных войн, так что сила той или другой феодальной партии определялась в конечном счете не общим числом вооруженных людей, которых она могла выставить, а числом одних князей, личность которых была неприкосновенна для всех других вражеских воинов, не имевших княжеского звания. Этот порядок просуществовал до первой половины XIX в. А. П. Ермолов в 20-х годах XIX в. в своих прокламациях к кабардинцам специально призывал их «забыть глупое обыкновение не стрелять в князей, когда они стреляют»⁴⁴.

Аналогичное изменение претерпел и другой обычай родового строя — барантование, заключавшийся в самовольном взятии потерпевшим у своего обидчика скота или другого имущества с целью заставить его дать должное удовлетворение. В условиях родового быта эта мера не являлась чьей-либо особой привилегией; она содействовала скорейшему и справедливому урегулированию возникших конфликтов, принуждая обидчика искать примирения с потерпевшим от него лицом, который после удовлетворения своей претензии возвращал

⁴³ Ср. К. Ф. Сталь, Этнографический очерк черкесского народа, «Кавказский сборник», т. XXI, Тифлис, 1900, стр. 120.

⁴⁴ Прокламация генерала Ермолова от 1 августа 1822 г., «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. IX, стр. 194.

взятое в качестве баранты имущество. Совершенно иной характер этот обычай приобрел при утверждении власти феодалов, которые у рядов народов Северного Кавказа присвоили преимущественное право барантования и сделали его важнейшим средством подчинения народных масс. Любой неугодный поступок или непослушание являлся для горской знати поводом к барантованию, причем, как правило, забарантованное имущество (по-прежнему главным образом скот) не возвращалось владельцу, ибо рассматривалось теперь не как залог, а как штраф за нанесенную якобы феодалу обиду и поругание его чести. Чрезвычайно любопытные изменения претерпели в условиях горского феодализма и другие обычаи родового строя, как то: куначество, гостеприимство, аталычество и др.

Преобразуя на свой лад патриархальные учреждения и институты горский феодализм сделал их одной из форм своего развития, что придало феодальным отношениям на Северном Кавказе ту специфику, которая дает нам право охарактеризовать их как феодально-патриархальные. Именно патриархальная оболочка, прикрывавшая развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа, ввела в заблуждение исследователей их общественного строя, в том числе таких выдающихся, как М. М. Ковалевский и Ф. И. Леонтович, которые считали, что в XIX в. патриархально-родовые отношения все еще составляли основу общественного быта горцев.

Материалы по обычному праву остаются основным источником по истории общественных отношений у кавказских горцев до второй половины XIX в. когда обычное право перестало уже отражать существо новых отношений, складывавшихся в горском обществе. Потеря обычным правом господствующих позиций в горах Кавказа произошла после того, как закончилось политическое завоевание Кавказа Россией и развернулось его экономическое завоевание, что совпадает по времени с падением крепостного права в России и отменой рабства и крепостничества на Северном Кавказе. С этого времени социальные устои, на которых держалось господство обычного права в быту горцев, начали подрываться, Северный Кавказ стал с особой интенсивностью втягиваться в орбиту развития русского капитализма, страна, «заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака, и господин Кулон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея (Гл. Успенский)»⁴⁵.

Однако колониальная политика царизма, опиравшегося на Кавказе, как и на других окраинах Российской империи, на местных эксплуататоров, консервировала и поддерживала в интересах торгских помещиков, буржуазии и кулачества адат и шариат и в пореформенный период, сохранив их вплоть до февраля 1917 г. Лишь Великая Октябрьская социалистическая революция окончательно ликвидировала на Северном Кавказе социальные корни адата и шариата, связанные с патриархально-феодальными отношениями, с былой экономической, политической и культурной отсталостью горцев.

SUMMARY

The customary law (adats) of the mountain peoples of the North Caucasus is a major source in appraising social relationships existing among these peoples over many centuries, beginning with the Middle Ages, and in particular in the 18th and early 19th centuries. The contents of the bulk of the Caucasian mountaineers' adats put down in writing in the 1840's-1850's, refer to the latter period.

⁴⁵ В. И. Ленин, Соч., изд. 5-е, т. 3, стр. 594—595.

In studying the customary law of the peoples of the North Caucasus it should be borne in mind that among many of them, up to the time of their joining Russia, this was not merely the prevailing, but frequently the only existing type of law, inasmuch as these peoples had no written codes and their social life was regulated entirely by customs descending from one generation to another. As to the lesser part of the Caucasian mountaineers who — as, for instance, some of Daghestan's nationalities — had their own recorded legal codes before joining Russia (e. g. the codes of Ummu-Khan of Avaria and Rustem-Khan of Kaitaga, apparently dating from the early 17th century), their codes to a considerable degree comprised the norms of customary law. Some of these norms however, continued to exist independently, parallel with written laws.

After the joining with Russia the influence of Russian law in the North Caucasus began to spread, and this entailed the gradual shrinking of the sphere of application of customary law. Nevertheless, in the first half of the 19th century customary law remained on the whole the Caucasian mountaineers' dominating legal form, the norms of which continued to define almost exclusively the pattern of their life.

Before the spread of muridism in the 1820's-1850's, the adats of the Caucasian mountain peoples were affected by Muslim law (Sharia) to an equally small degree.

An analysis of the Caucasian mountaineers' adats which retain their oldest, highly original legal practices, shows that in the 18th and early 19th centuries feudal relations were the ruling and prevailing form, although thickly enmeshed in patriarchal and tribal relics. While transforming in its own way patriarchal customs and institutions (blood revenge, fosterage, etc.), the mountaineers' feudalism adopted these as a form of its development; this lent feudal relations in the North Caucasus their specific character, warranting their definition as feudal-patriarchal relations. It is that patriarchal guise covering up the development of feudal relations among the peoples of the North Caucasus that misled many investigators who dealt with their social system, including such prominent authorities as M. M. Kovalevsky and F. I. Leontovich; they were led to believe that in the 19th century patriarchal-tribal relations continued to be the core of the mountaineers' social life.

В. В. ПИМЕНОВ

К ВОПРОСУ О КАРЕЛЬСКО-ВЕПССКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ

I

Вопрос о карельско-вепсских культурных связях имеет свою, правда очень короткую, историю. Одним из первых поднял его В. Н. Майнов². Им было констатировано языковое и культурное сходство южных групп карелов и вепсов. Однако он, правильно подметив это явление, дал ему неверное толкование. Общие черты в их языке и культуре Майнов объяснял, исходя из господствовавшего в его время представления, будто такое сходство обусловлено исключительно общим происхождением этих народов от одного корня. Майнов предполагал, что это этническое целое разделилось где-то в районе Приладожья, причем одна часть (карелы) расселилась на Олонецком перешейке и в дальнейшем устремилась еще далее на север, а другая часть (вепсы) задержалась в районе Южного Приладожья. Границей между двумя образовавшимися народами служила р. Свирь. Другие этнографы, отмечая сходство культуры вепсов и карелов, не выдвинули вообще никаких гипотез.

В кратком обзоре финно-угорских народов, составленном Н. Н. Поппе и Г. А. Старцевым, интересующему нас вопросу посвящена лишь одна фраза: «По занятиям и промыслам они (вепсы. — В. П.) близко стоят к карелам»³. Не менее бегло высказался и Д. А. Золотарев, предположив этническое родство вепсов и карелов-людиков на основании некоторых (каких именно, он не раскрывает) этнографических данных и антропологических особенностей жителей, населяющих район распространения лудиковского диалекта⁴. Высказывания некоторых финских и главным образом дореволюционных русских и советских ученых по этому вопросу были суммированы И. Манниненом. Им справедливо отмечались некоторые близкие или аналогичные черты в материальной культуре карелов и вепсов⁵. Однако Маннинен неправомерно сближал в целом культуру вепсов и карелов, не подразделяя по исторически сложившимся языковым и этнографическим признакам собственно карелов, ливвиков и лудиков.

Этим, собственно, и исчерпывается вся относящаяся к данному вопросу этнографическая литература.

Между тем специалисты в других областях гуманитарной науки сделали в этом направлении значительно больше, причем пришли к

¹ Статья представляет собой часть более обширного исследования о вепсах и посвящена сравнительно узкому вопросу — выяснению сходных черт в культуре карелов и вепсов. Ввиду этого многие сравнительные данные о других народах Европейского Севера здесь не нашли отражения. — В. П.

² В. Н. Майнов, Несторова Весь и карельские дети, «Живописная Россия», т. I, ч. 2, стр. 496, 511 и др.

³ Н. Н. Поппе и Г. А. Старцев, Финно-угорские народы, Л., 1927, стр. 7.

⁴ Д. А. Золотарев, Карелы СССР, Л., 1930, стр. 96—97.

⁵ См.: I. Manninen, Die finnisch-ugrischen Völker, Leipzig, 1932.

выводам, бесспорно указывающим общее направление, в котором следует вести работу и этнографам. В первую очередь должны быть названы труды Д. В. Бубриха по прибалтийско-финскому языкознанию⁶. Исследуя языковой материал, Бубрих пришел к следующим основным заключениям, высказанным в разных работах: районом первоначального формирования племени Корела было западное и северо-западное Приладожье; областью складывания вепсской этнической общности (древняя Весь летописи, вису — арабских авторов) являлось южное Приладожье в «углу» между реками Волховом и Свирью. В силу разных причин древние вепсы из области своего первоначального обитания продвинулись на восток, обосновавшись к югу от Свири, распространились до Белого озера и даже Заволочья, перешли Свирь и заселили весь Олонецкий перешеек. С другой стороны, Корела, двигаясь по северному берегу Ладожского озера, также появилась на Олонецком перешейке, причем ее мирная миграция шла последовательными волнами, оказавшими различное влияние на местное древневепсское население (на грани I и II тысячелетий и в первые века II тысячелетия н. э., за исключением последней волны, относящейся к XVII в.). Результатом их явилось формирование карельского народа в составе трех языковых и этнографических групп: собственно карелов, занимающих область к северу от среднего течения р. Суны; ливвиков — на восточном берегу Ладожского озера и людиков, обитающих в западном Прионежье, за исключением юго-западного берега Онежского озера, где живут вепсы. Участие больших масс древневепсского населения в формировании южных карелов явственно видно по данным южных диалектов карельского языка, обнаруживающих много общего с вепским языком (ливвиковский диалект в несколько меньшей степени, людиковский диалект — в большей).

Данные языка находят подтверждение и в археологических материалах. Еще в конце прошлого века в юго-восточном Приладожье, в междуречье Волхова и Свири, Н. Е. Бранденбургом была открыта своеобразная курганная культура IX—XI вв. н. э. Последующими исследованиями, проведенными главным образом уже в советское время В. И. Равдоникасом, А. М. Линевским и некоторыми другими археологами, курганные погребения были вскрыты в восточном Приладожье, в среднем течении и верховьях р. Ояти, а также в отдельных пунктах Прионежья. Даже беглое сравнение материалов раскопок демонстрирует поразительное сходство, если не полное тождество, культуры этих районов, что позволяет с большой степенью вероятности считать их единой культурой⁷. Еще Н. Е. Бранденбург и А. А. Спицын склонялись к мысли о том, что создателями ее были какие-то чудские (т. е. финноязычные в широком смысле слова) племена, обитавшие в этом районе. Современное состояние наших знаний позволяет уточнить это предположение и считать, что основным этническим компонентом здесь были древние вепсы, колонизовавшие Олонецкий перешеек, а также более восточные районы по р. Ояти.

⁶ См. работы Д. В. Бубриха: «Происхождение карельского народа», Петрозаводск, 1947; «О двух этнических элементах в составе карельского народа», «Сов. финно-угроведение», т. I, 1948; «Из этнонимии Карелии», там же; «Не достаточно ли емских теорий?», «Изв. Карело-Финского филиала АН СССР», 1951, № 1; «Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных», «Изв. Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР», 1948, № 3, и др.

⁷ См.: Н. Е. Бранденбург, Курганы юго-восточного Приладожья, СПб., 1895; В. И. Равдоникас, Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье, М.—Л., 1934; А. М. Линевский, Общество юго-восточного Приладожья в XI в., «Изв. Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР», 1949, № 1; «Хрестоматия по истории Карелии», Петрозаводск, 1939; Я. В. Станкевич, Курганы юго-восточного Приладожья и Карело-Финской ССР, «Археологический сборник», Петрозаводск, 1947.

Однако этим вопрос не исчерпывается. Конец I и начало II тысячелетия н. э. ознаменовались появлением в исследуемом районе нового и весьма мощного этнического элемента — славянского, которому суждено было сыграть здесь, на Севере, выдающуюся историческую роль. Не останавливаясь на данных языка, укажем на некоторые типично славянские вещи, обнаруженные в курганах: керамику, шиферные пряслица, височные кольца, возможно — и мечи. Все это, включая сюда и самый курганный обряд захоронения, позволяет говорить о том, что славянское влияние на аборигенное население здесь было чрезвычайно глубоким и значение его в течение всей феодальной эпохи все более возрастало.

Таковы, по нашему мнению, факты, определяющие направление изучения карельско-вепских культурных связей на этнографическом материале. Имеются ли на самом деле общие черты в культуре и быте вепсов и южных групп карелов, и если да, то какова степень близости этих культур? Каковы причины, породившие эту близость: смутный ли это отголосок древнейших связей той поры, когда прибалтийско-финский язык-основа составлял единое целое (что маловероятно); результат ли это вхождения вепсов в состав южных групп карельского населения, или же карелы и вепсы испытали мощное культурное воздействие со стороны великорусов, которое нивелировало самобытные черты обоих народов? Наконец, не сыграло ли здесь известной роли то обстоятельство, что оба народа с давних времен живут в сходных географических условиях? Теперешний уровень наших знаний еще не позволяет полностью ответить на поставленные вопросы. Задача, однако, состоит в том, чтобы день ото дня накапливать факты, на основании которых можно было бы приблизиться к разрешению проблемы в целом или отдельных ее частей.

Дальше излагаются материалы наблюдений, полученных в результате работы ряда экспедиций, проведенных под руководством автора⁸.

II

Область, лежащая между Ладожским, Онежским и Белым озерами — бассейн р. Свири и ее притоков, — с глубокой древности была средоточием сложных этнических процессов, следы которых могут быть отмечены и теперь. Этнический состав этой области до настоящего времени отличается значительной пестротой.

Угол, образуемый восточным берегом Ладожского озера и низовьями р. Свири, обитает карельским населением, говорящим на ливвиковском диалекте карельского языка (самоназвание — карьяла, ливвикей, ливгиляйне, ливвикейд раһ'ваз); восточнее ливвиков в меридиональном направлении протянулась сравнительно узкая полоса, заселенная карелами-людиками, говорящими на людиковском диалекте карельского языка (самоназвание — карьяла, людудикой, лиудилайне); еще восточнее, по юго-западному берегу Онежского озера, живут северные вепсы (самоназвание забыто; оно прослеживается в фразе «Миня олен людикей», в переводе: «Я ем говорящий на людском языке», т. е. «Я — вепс»). На 30—50 км к северу и к югу от р. Свири обитает великорусское население (впрочем, есть данные, говорящие в пользу того, что оно в своей массе составилось в результате обрусения вепсов, ранее здесь живших)⁹. К югу от р. Свири, в верховьях рек Ояти и Паши, по тече-

⁸ Экспедиции 1955 г. — к северным вепсам (Прионежский район КАССР), 1956 г. — к русскому населению восточного Прионежья (Пудожский район КАССР), 1957 г. — к средним вепсам и южным карелам (Шольский и Вытегорский районы Вологодской области, а также Винницкий и Капшинский районы Ленинградской области, Пряжинский и Олонецкий районы КАССР), 1958 г. — к южным вепсам (Ефимовский район Ленинградской области).

⁹ Н. И. Богданов. К истории вепсов. «Изв. Карело-Финского филиала АН СССР». 1951, № 2; см. также «Список населенных мест по Олонецкой губернии», СПб. 1879 — Лодейнопольский и Вытегорский уезды.

нию р. Капши, а также в районе Шимозера и западнее Белого озера обитают вепсы (южная группа вепсов, живущих в Ефимовском районе Ленинградской области, называет себя «бэпся»; остальные называют себя «людини́кад», т. е. так же, как северные вепсы и карелы-людики). Наконец, имеется еще одна группа аборигенного населения, а именно население Михайловского сельсовета Олонецкого района КАССР (самоназвание — лиудинилайне; кроме того, местность свою называют по-русски Лояница, а на своем языке — Кууярвь или, изредка, Кууярвила, а себя — кууярвилаажет). В отношении языка населения Лояницы нет единого мнения: Д. В. Бубрих безоговорочно относит его к люди́ковскому диалекту¹⁰, Н. И. Богданов склонен видеть в нем диалект вепсского языка¹¹ или даже считать его чуть ли не отдельным самостоятельным языком¹². Отметим, что само население Лояницы довольно четко отличает себя от олонецких карелов-ливвиков, но в то же время ни в коем случае не отождествляет себя и с вепсами.

Представления южных карелов (и лоянцев в том числе) об этническом окружении сводятся к следующему: они знают русских (венялайне), финнов (суомалайне), шведов (руотсалайне; иногда так называют и финнов), лопарей-саамов (лапполайне). Что касается вепсов, то они стали известны здесь под этим именем лишь в самое последнее время, когда представители этой национальности стали здесь появляться в качестве рабочих, учителей и т. п. На вопрос о том, на каком языке говорит население по р. Ояти, обычно отвечают, что на «оятском», который хотя и «похож на наш», но все же кое в чем от него отличается; жителей же называют «оятцами» (оятилаажет). Вепсы из своего этнического окружения знают обычно русских, финнов и карелов. Правда, говоря о последних, вепсы всегда подчеркивают свое родство с ними, в особенности языковое. Однако совсем еще недавно Д. В. Бубриху и его сотрудникам удалось установить, что в прошлом карелы, обитающие в пределах КАССР, своих южных соседей, тоже карелов, как правило, называли «вепся»¹³. Все эти факты, как кажется, подтверждают наличие вепсского компонента в составе карельского народа.

III

В области хозяйственной деятельности у южных карелов и вепсов имеется много общего. Основу хозяйства составляет земледелие (в прошлом — трехполье, с сильными пережитками подсечной системы). Орудия обработки почвы — два вида сохи: полевая (адр) и более легкая, применяемая на подсеке (пало адр). Характерно отсутствие косули, широко бытовавшей у русского населения Пудогги и Каргопольщины. Борона (ливвиковск. — асту, люди́ковск. — агес, вепск. — ягез), зубчатый серп (сирп, чирп), цеп (вепск. — чиеппи, люди́ковск. — приуша), коса — горбуша (викатеһ)¹⁴, грабли (һарав) везде одинаковы. Специфическим для ливвиковского населения Олонецкой равнины следует считать большой деревянный каток (виеру), при помощи которого раз-

¹⁰ См.: Д. В. Бубрих, Происхождение карельского народа, карта на стр. 8.

¹¹ Н. И. Богданов, Указ. раб., стр. 25—26.

¹² Н. И. Богданов, К вопросу о возвратных формах глагола в диалекте Михайловского сельсовета Олонецкого района Карело-Финской ССР, «Изв. Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР», 1947, стр. 132. В настоящее время карельские лингвисты склонны поддерживать точку зрения Д. В. Бубриха.

¹³ Д. В. Бубрих, Из этнонимии Карелии, «Сов. финно-угроведение», т. I, 1948, стр. 123—128.

¹⁴ Орудие, напоминающее серп или косу-горбушу, отмечено в археологическом материале: Н. Е. Бранденбург, Указ. раб., стр. 71. У карелов-люди́ков горбуша зафиксирована Н. Я. Озерецковским (См. его работу «Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя», СПб., 1812, стр. 191).

бивали комья земли на пашне. Основными культурными растениями всех этих народов являются: ячмень (озр), рожь (ругиж), овес (кагр), репа (нагриж), лен (пюувяз). За последние 70—50 лет большое значение приобрел картофель, почти полностью вытеснивший репу.

Сжатый и увязанный в снопы (снуап) хлеб для просушки складывается в десятки (рожь) или бабки (ячмень, овес). Просушенные снопы ржи укладывают в стога (кего) своеобразным способом: в землю втыкают жердь, вокруг которой плотно укладывают снопы колосьями вовнутрь. Этот способ отмечен у средних вепсов и у населения Лоянцы. Интересно точило, прежде широко распространенное у южных карелов и вепсов: деревянная лопаточка (из дуба или березы), покрытая мелкими насечками, сделанными ножом; перед употреблением на сенокосе точило смачивают водой и посыпают мелким песком¹⁵.

О древности земледелия у вепсов и южных карелов говорит бытие некоторых обрядовых кушаний, например чирппи пийрай — «пирог серпа», который пекли в последний день жатвы, а также ржаного или ячменного пива.

Другая отрасль хозяйства — животноводство, в известной мере удовлетворяющее потребности населения в молочных и мясных продуктах; кроме того, навоз раньше имел очень большое значение как органическое удобрение для полей. Породы скота и у южных карелов и вепсов одни и те же. Отметим, что ни те, ни другие до самого последнего времени¹⁶ почти не разводили свиней¹⁷. Вместе с тем, и в вепском языке, и в южно-карельских диалектах имеются собственные термины для обозначения свиньи (ливиковск. — потчи; людиковск. — пот вепск. — сига). Это — трудноразрешимое противоречие, если принять во внимание, что термины не заимствованы и отсутствуют сколько-нибудь внятные указания на наличие свиноводства в археологическом материале¹⁸.

Большое значение с глубокой древности имело здесь рыболовство по временам — и промысловое, особенно в Приладожье, в районе Талоксы и Видлицы, и у прионежских вепсов¹⁹. На мелких внутренних водоемах рыболовство было исключительно потребительским; здесь оно велось по всему описываемому району одинаковыми способами и орудиями. Характерны и осиновые долбленые из одного ствола рыбацки челны (хонгой) с двумя пришитыми вплотную к бортам сосновым брусьями-балансирами, очень напоминающие известный деревянный челн неолитической эпохи, найденный в Приладожье²⁰.

Охота прежде имела товарное значение²¹ (вывоз битой боровой дичи на петербургский рынок). У вепсов и южных карелов бытовали одинаковые способы охоты: с ружьем, силками, капканами, ловушками и т. п. Особо отметим способ имитации следов промысловых животных при установке капкана или ловушки: такие «следы» наносили на снег трехпалым деревянным инструментом, напоминающим лопаточку

¹⁵ I. Manninen, Указ. раб., стр. 79. О бытовании аналогичного инструмента у марийцев см.: Г. А. Крюкова, Материальная культура марийцев XIX в., Йошкар-Ола, 1956, стр. 17.

¹⁶ Сколько-нибудь значительное свиноводство появилось здесь лишь в 30-х годах после коллективизации.

¹⁷ Ср. К. Бергштрессер, Опыт описания Олонецкой губернии, СПб., 183, стр. 87; Н. Я. Озерецковский, Указ. раб., стр. 106.

¹⁸ Указание А. М. Линевского спорно (См.: А. М. Линевский, Указ. раб., стр. 62.)

¹⁹ Ср. Н. Я. Озерецковский, Указ. раб., стр. 172—173, 180.

²⁰ А. А. Иностранцев, Доисторический человек побережья Ладожского озера, СПб., 1882, стр. 172.

²¹ Ср. И. Поляков, Этнографические наблюдения во время поездки на восток Олонецкой губ., «Записки Русского геогр. об-ва по отделению этнографии», т. III, 187, стр. 397.

длинной ручкой²². При ночевке в лесу в холодное время года огонь разводили своеобразным способом — используя два длинных бревна с пазами, положенные одно над другим и укрепленные колышками (ливвиковск. — нуудей, вепсск. — нодьһ). Слово нодья (несомненно прибалтийско-финского корня), известное в северо-великорусских диалектах, а также у коми-зырян и марийцев, распространилось, вероятно, вместе с самым культурным явлением²³. Особенно популярна стала нодья со второй половины XIX в., когда массы местного населения в поисках заработка, необходимого для уплаты податей и покупки хлеба, устремились на зимние разработки леса, жили в лесу, часто в «станках» — строениях без четвертой стены (об этом ниже) и обогревались таким старинным способом²⁴.

В плане нашей проблемы представляют интерес некоторые средства передвижения. О долбленых челнах уже говорилось. Плохие дороги (а подчас отсутствие их вообще) обусловили сохранение волокуши (собственно карельск. — рекезет, вепсск. — ретһудед, ретукад), известной в различных вариациях также у северных великорусов, северных карелов и у коми-зырян. Р. Ф. Тароева отмечает большое сходство в конструкции северокарельской и вепсской волокуш²⁵. Лыжи (суксет) у южных карелов одинаковы с вепсскими, но отличны от лыж северных карелов, где были распространены такие, в каждой паре которых одна лыжа была короче другой. Бытовые предметы (керамика, изделия из бересты, из дерева и т. п.) также обнаруживают много общего, а в ряде случаев они одинаковы. В изучаемый район керамика, например, поступала из трех центров, которые находились в д. Надпорожье и ее окрестностях на р. Ояти (вепсы), неподалеку от Андомского погоста в южном Прионежье (русские) и в Паданах, на Сегозере (собственно карелы)²⁶. Наиболее ценились здесь изделия вепсских гончаров. Таким образом, экономические связи имели, вероятно, существенное значение в выработке общих бытовых особенностей.

IV

В описываемом районе распространен единый, гнездовой тип расселения в двух его видах: обычный, разбросанный гнездовой и сросшийся гнездовой²⁷. Основным типом поселения следует считать деревню (ливвиковск. — һиеру, кюля; карельск. — кюля; вепсск. — пагаст, посад, кюля), также двух видов — с беспорядочной или уличной планировкой. Однако комбинации типов расселения и типов поселения имеют локальные различия. На территории южных вепсов господствуют разбросанный гнездовой тип и беспорядочное, скученное расположение построек в деревнях; в местностях, занятых средними вепсами и смежными группами великорусов, тип расселения тот же, а деревни имеют как беспорядочную, так и уличную планировку; у прионежских вепсов сросшийся гнездовой тип расселения сочетается с уличной планировкой деревень;

²² Ср. I. Маттинен, Указ. раб., стр. 78.

²³ См. I. Маттинен, Указ. раб., стр. 78; В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, М., 1956, т. II, стр. 553.

²⁴ См.: С Макарьев, Вепсы, этнографический очерк, Л., 1932, рис. на стр. 12.

²⁵ Р. Ф. Тароева, Материальная культура северных карел во второй половине XIX в. и первой половине XX в. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1954, стр. 11—12.

²⁶ См.: И. И. Благовещенский и А. Л. Грязин, Кустарная промышленность в Олонецкой губернии, Петрозаводск, 1895, стр. 38—40.

²⁷ См.: М. В. Витов, О классификации поселений, «Сов. этнография», 1953, № 3; его же, Гнездовой тип расселения на Русском Севере и его происхождение, «Сов. этнография», 1955, № 2; В. В. Пименов, Поездка к прионежским вепсам, «Сов. этнография», 1957, № 3.

то же сочетание (с отдельными исключениями) отмечено в восточной Приладожье и у ливвиковского населения Пряжинского района КАССР. У населения Лояницы, как и у южных вепсов и северных карелов, разбросанный гнездовой тип расселения сочетается с беспорядочной планировкой деревень²⁸.

Именно такие сочетания типов расселения и планировки деревень характерны для района обитания вепсов и южных карелов. Но гнездовой тип расселения и беспорядочная планировка, столь широко распространенные на Европейском Севере и возникшие, видимо, не позднее середины XVII в., могут быть поставлены в связь с древним расселением чудских (в основе своей, конечно, вепских) этнических групп. Это допускает и М. В. Витов²⁹.

По всему изучаемому району в прошлом была распространена косяная изгородь³⁰, которую теперь местами заменила уже прямая, а также единый тип деревенского общественного колодца (вепсск. — кайв)³¹ рубленного «в лапу», с крышкой и берестяным черпаком на шесте длиной до 2,5 м.

Весь север Европейской части СССР представляет собой область распространения севернорусского³², или, иначе, «новгородского»³³, жилищного комплекса, однако в пределах этой огромной области могут быть выделены определенные локальные варианты, которые, возможно, связаны с местной этнической традицией. Интересно отметить, что у южных карелов (в частности, в Лоянице) и вепсов до начала нашего столетия широко бытовал характерный тип промыслового жилища — промысловая избушка (муа пертийне) — полуземлянка, углубленная в землю на 50—70 см, отапливаемая примитивной печью-каменкой (кийдук) без дымохода. Другой тип промыслового жилища, свойственный этому району, — стан, постройка, состоящая из трех стен и открытая с одной стороны, с односкатной плоской крышей; в таком стане обогревались при помощи нодьи³⁴. Возможно, что подобные формы и явились исходными в местной традиции строительства. В дальнейшем она подвергалась интенсивному воздействию севернорусского народного зодчества.

Теперь уже можно считать установленным наличие особенностей жилища, общих всем группам вепсов; с другой стороны, прослеживаются и локальные особенности в жилищах и постройках вепсов (и населения Лояницы), которые, по нашим данным, примерно совпадают с диалектными границами вепсского языка³⁵. Такая же картина, вероятно, может быть установлена и применительно к трем основным группам карелов. Во всяком случае, по нашим наблюдениям, в жилище ливвиков под Олонцом и неподалеку от Пряжи обнаруживается больше общих черт, чем с жилищем Лояницы.

Вместе с тем, в жилище и постройках южных карелов и вепсов прослеживаются многочисленные общие черты, не только в целом, но и в деталях. Это — местоположение стола в избе, у фасадной стены; оригинальная конструкция стола — с откидной крышкой, которая при необходимости увеличивает стол вдвое; боковое направление устья печи (что

²⁸ Р. Ф. Тароева, Указ. раб., стр. 9.

²⁹ М. В. Витов, *Формы поселений Европейского Севера и время их возникновения*, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXIX, 1958, стр. 36.

³⁰ См.: Р. М. Габее, *Карельское деревянное зодчество*, М., 1941, стр. 20.

³¹ Интересно, что вепсы объясняют прозвище «кайваны», данное им русскими, от «кайван» (1-е лицо, ед. числа от глагола «кайда» — копать).

³² Е. Э. Бломквист, *Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов*, «Востоочнославянский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXI, М., 1956, стр. 63.

³³ I. Maappinen, Указ. раб., стр. 50.

³⁴ С. Макарьев, Указ. раб., стр. 12.

³⁵ На эту тему автор предполагает написать отдельное исследование.

встречается чаще всего); жараток с крюком у печи; маленькая кирпичная печка-временка (пучуйне пяччийне), служащая в основном для обогрева помещения (хотя иногда он имеет и плиту), распространенная в районе Олонца, а также у средних и южных вепсов; в некоторых деревнях у лоянцев — взъезд с заднего фасада двора (такой же взъезд бывал в прошлом у средних вепсов)³⁶. Наибольшее количество общих черт обнаруживается у южных карелов с северными (прионежскими) вепсами: например, ромбический орнамент на досках, которыми обшиты углы дома у северных вепсов, ливвиков Пряжи и людиков в районе Спасской Губы³⁷.

V

Изучать традиционную карельскую и вепсскую одежду трудно, потому что она почти исчезла из быта. В связи с этим часто приходится довольствоваться изучением не самих вещей, а лишь выкроек; подчас же — только распросными данными.

Ткани для народной одежды южных карелов и вепсов изготавливались главным образом из льняных или шерстяных нитей (или их сочетания) на горизонтальном стане восточнославянского типа. Отметим, что образцы тканей XI в., добытые при раскопках курганов по р. Ояти, тождественны тканям, которые изготавливали в этом районе крестьянки лет 50 назад³⁸.

Основу женского костюма составляла рубаша (южнокарельск. — ряччин, вепсск. — ряццин), наиболее ранний вариант которой — с длинными рукавами (һиям), туникообразная. Автором настоящего сообщения уже было констатировано наличие у северных вепсов комплекса женской одежды с юбкой, а не с сарафаном³⁹. Более поздними полевыми исследованиями установлен тот же комплекс и у средних вепсов⁴⁰. Аналогичный комплекс имеется у значительной части ливвиковского населения, особенно в местностях, удаленных от Ладожского побережья. Впрочем, термин «сарафан» (или у ливвиков — «ферязи») здесь известен; однако этим термином обозначается та же юбка. Комплекс женской одежды с сарафаном был известен у южных вепсов, населения Лояницы и ливвиковского населения Приладожья⁴¹. Он был широко распространен, а отчасти бытует еще и теперь, у русского населения Пудожского района КАССР, Поморья и Вологодской области и у северных карелов.

Можно предполагать, что исходной формой в развитии местного женского костюма был комплекс с юбкой. На эту мысль наводит чрезвычайное обилие различных праздничных, исподних и рабочих юбок: виллайне юпку — из трех шерстяных полотнищ с орнаментом по подолу; алуз юпку — нижняя, устойчивый элемент поясной женской одежды; кисей юпку — тоже нижняя, из покупной ткани; пейкой юпку — домогканная рабочая юбка; рибу юпку (вепсек. — одеяльни дюлк') — рабочая, в ней работали на подсеке, — которая изготавливалась из особой ткани: основа нитяная льняная, а уток из тонко нарезанных льняных же тряпочек. Заметим также, что «смертная одежда», в комплексе которой особенно долго сохраняются традиционные особенности, повсюду

³⁶ Ср. В. Н. Майнов, Несторова Весь и карельские дети, «Живописная Россия», т. I, ч. 2, стр. 502.

³⁷ Ср. В. В. Пименов, Указ. раб., стр. 160. Замечу кстати, что в этой заметке мною допущена описка: там сказано, что у северных вепсов изба рубится «в лапу», следует читать: «в угол».

³⁸ А. М. Линевский, Указ. раб., стр. 62.

³⁹ В. В. Пименов, Указ. раб., стр. 161.

⁴⁰ С. Макарьев также ничего не говорит о сарафане (Указ. раб., стр. 27—29).

⁴¹ Ср. П. Минорский, Олонецкие карелы и Ильинский приход, «Олонецкий сборник», Петрозаводск, 1886, вып. 2, отд. 1, стр. 199.

включает именно юбку, а не сарафан. Особый башлык (у северных вепсов — кукель), бытовавший в прошлом у всех вепсов и у ливвиков⁴² у северных вепсов, входит именно в комплекс «смертной одежды».

Можно указать также на ряд деталей костюма, общих южным карелам и вепсам. Так, у девушек был обычай поверх праздничного наряда вокруг талии повязывать широкую яркую ленту, делая сзади большой бант. Непременной принадлежностью мужского костюма у карелов, в том числе и у северных, а также в Лоянице, является зимний шарф, а летом шейный платок; у средних вепсов в прошлом он также бытовал⁴³.

VI.

В различных проявлениях общественного и семейного быта южных карелов и вепсов мы также находим много общих институтов, обычаев, обрядов и т. п. У обоих народов в прошлом существовала большая семья, во главе которой стоял большак — хозяин (ижанд) и большуха (ливвиковск. — эмяндю, вепск. — эмаг), которые руководили всей жизнью семьи⁴⁴. В отдельных деревнях подчас большинство жителей носили одну и ту же фамилию (у вепсов — Ишанины в д. Ишаниной, «гнездо» Вехручей; у ливвиков — Гавриловы в д. Гавриловке, «гнездо» Видлица), в чем можно видеть следы патронимий. С границами «гнезда», как правило, совпадают границы поземельной общины, самое существование которой у финских народов неосновательно отрицалось⁴⁵. Эти пережиточные формы общественного строя сохранялись у карелов и вепсов значительно дольше, чем у смежно живущих русских. Черты своеобразия гораздо лучше прослеживаются в некоторых деталях свадебной обрядности. Правда, и здесь мы встречаемся с элементами северновеликорусского свадебного комплекса (достаточно, например сказать, что и южные карелы и вепсы пели свадебные песни и исполняли свадебные причеты на русском, а не на родном языке, иногда не понимая даже смысла исполняемого). Однако полного тождества, вопреки мнению проф. С. А. Токарева⁴⁶, здесь все же нет; более того, могут быть выделены особенности в обрядах, свойственные только южно-карельской или только вепсской свадьбе. Так, из черт, сближающих южных карелов и вепсов, но отличающих их от северновеликорусов, могут быть отмечены следующие. При успешном сватовстве женихом и невестой передавался особый залог третьему лицу, обычно не-родственнику, в знак того, что данное слово останется нерушимым. Невеста давала в залог что-нибудь из одежды, а жених — небольшую сумму денег. В случае нарушения брачного обещания одной из сторон залог передавали другой стороне. После венчания свадебный поезд направлялся в деревню молодого не напрямую, а дальним путем, через другие деревни «гнезда», где к этому времени зажигали факелы из соломы. В деревнях, через которые проезжали, а также в деревне молодых мужчины, завидя свадебный поезд, стреляли в воздух. На свадебном пиру невеста сидела, накрытая платком (пайк); свекровь или дружка внезапно сдергивали с нее этот платок и восклицали: «Нювя мучой? (Хороша ли молодая?)», на что все присутствующие хором отвечали

⁴² Ср. I. Manninen, Указ. раб., стр. 48—49.

⁴³ П. С.-ов, Оятские лапти, «Олонецкий сборник», вып. 3, Петрозаводск, 189, стр. 398.

⁴⁴ Определенное указание на наличие больших семей в районе р. Свири имеется в книге П. И. Челищева «Путешествие по северу России в 1791 году отставного секунд-майора Петра Челищева», СПб., 1888, стр. 6; ср. К. Бергштессер, Указ. раб. стр. 48.

⁴⁵ П. А. Соколовский, Очерк истории сельской общины на севере России, СПб., 1877, стр. 111.

⁴⁶ С. А. Токарев, Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры, М., 1958, стр. 127.

«Нювя!» (Хороша!)⁴⁷. После брачной ночи теща подавала зятю яичницу; он, начиная ее есть с края или из середины, показывал, сохранила ли невеста целомудрие до свадьбы.

Местные черты обнаруживаются и в некоторых родильных обрядах. Отрезанную пуповину закапывали в подполье дома или же во дворе. Этот обряд, вероятно, очень древний, возникший на базе местной погребальной традиции, зафиксированной в смежных районах еще в эпоху неолита (погребения в жилище)⁴⁸. Обряд закапывания пуповины под жилищем или двором прослежен, помимо вепсов и южных групп карелов, также и у северных карелов. У южных карелов и вепсов до сих пор новорожденного завертывают в отцовскую рубашу (особенно, если рождается девочка), «чтобы отец любил», — как объясняли наши информаторы.

Похоронные обычаи и обряды также содержат ряд архаических черт, общих вепсам и карелам. У обоих народов прослеживаются два типа похоронных церемоний: один, сильно напоминающий великорусский обряд, состоит в оплакивании покойного (заупокойные причеты); другой тип, резко от него отличающийся, включает «веселение» умершего: когда покойник лежит в избе, сюда собирается молодежь с гармоникой, гармонист играет самые веселые, разухабистые мелодии; когда же покойника везут на кладбище, молодежь пляшет, двигаясь по дороге впереди лошади. Этот обычай зарегистрирован у средних вепсов и у лоянцев еще в 1957 г. Отметим, что у северных карелов такого обычая не удалось обнаружить; по-видимому, его здесь и не было⁴⁹.

Наши информаторы объясняли, что последний обряд выполняется обычно в том случае, если покойный — молодой человек, или же если сам об этом попросит перед смертью. Можно думать, что описанный обряд является более архаическим. В настоящее время подчас наблюдается соединение обоих обрядов.

Другой обычай, сохранившийся от далекого прошлого до наших дней (распространенный, правда, несколько шире границ расселения вепсов и южных карелов — у русского населения Посвирья, Пудогги и Каргопольщины, но не известный, например, поморам), состоит в «выкупании места»: в вырытую могилу бросают мелкие монеты. Этот обычай засвидетельствован археологами в местных курганах, и хотя существовал у многих народов⁵⁰, все же здесь он вошел в этническую традицию. Должен быть, наконец, отмечен и бытовавший в прошлом у вепсов и у карелов (а также у смежного русского населения) обычай жертвования гроба берестой, что известно и по археологическим данным⁵¹.

В области народных дохристианских верований также обнаруживаются и следы восточнославянского влияния и самобытные черты: персонажи низшей мифологии очень сходны с русскими; велика была роль деревенского колдуна (тиёдой ниеккү), широко были распространены заговоры («отпуски») скота; пастух в продолжение сезона не здоровался ни с кем за руку, не давал никому свой рожок (южнокарельск. — горви, вепсск. — торвь) и т. д.

VII

В народном искусстве вепсов и южных карелов также могут быть прослежены черты, сближающие их. Вепсы, по-видимому, никогда по настоящему не знали эпоса типа рун «Калевалы», распространенного у многих прибалтийско-финских народов. Впрочем, имеется указание на

⁴⁷ См.: «Олонецкий сборник», вып. II, отд. 1, стр. 47.

⁴⁸ М. Е. Фосс, Древнейшая история Севера Европейской части СССР, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 29, М., 1952, стр. 215, 223.

⁴⁹ Устное сообщение Р. Ф. Таровой.

⁵⁰ Д. Н. Анучин. Сани, лады и кони как принадлежности похоронного обряда, И., 1890, стр. 182—184.

⁵¹ Ср. Н. Е. Бранденбург, Указ. раб., стр. 11, примеч. 2.

то, что у вепсов были записаны отдельные варианты руны об Иване Коемене (аналог былинному Ивану Годиновичу)⁵². Южные карелы так же хуже знают руны, чем северные карелы⁵³, причем ливвики лучше чем людики. Не исключено, что процесс карелизации древневепского населения на Олонецком перешейке, в частности, выразился и в распространении народного карельского эпоса. С другой стороны, у обоих народов прежде широко бытовал музыкальный инструмент, на котором обычно аккомпанировали себе певцы рун,— кантеле. Этот инструмент, зафиксированный В. Н. Майновым у вепсов в 1870-х годах⁵⁴, в настоящее время забыт. Из южных групп карелов он был известен у лоянцев; местами — у ливвиков Пряжинского района КАССР, меньше — у ливвиков вокруг Олонца. У северных же карелов кантеле встречаются изредка и до сих пор, а впервые упомянуты еще в третьей четверти XVIII в.⁵⁵

Музыкальный фольклор описываемых народов почти совсем не изучен. Некоторые специалисты, однако, считают, что в этой области, при сильном влиянии русского мелодического строя и общего музыкального колорита, все же сохраняются самобытные мелодии⁵⁶, свойственные народной музыке южных карелов и вепсов.

Ряд аналогий в культуре вепсов и южных карелов можно было бы привести, например, в области техники и приемов охоты, рыболовства, прикладного искусства, фольклора, но и на основе фактов, изложенных выше, нам представляется допустимым утверждать наличие большого количества общих карелам и вепсам культурных явлений в самых различных областях быта. Такие общие черты, как видно, могут быть прослежены почти в любой (если не во всех вообще) области быта и культуры. Особенно важно отметить, что наибольшее количество общих черт обнаруживается в быте и культуре вепсов и южных карелов именно тех групп, которые имеют с вепсами и наибольшую языковую близость. Близость эта настолько значительна, что позволяет дать их общую характеристику, говорить о культурном родстве обоих народов, опирающемся на древние исторические связи. Но различия здесь все же настолько существенны, что следует говорить о двух культурах — вепсской и карельской — как о самостоятельных. Свидетельством этому служит наличие промежуточной, переходной этнографической группы — населения Лояницы, — которая по одним культурным признакам стоит ближе к вепсам, а по другим — к карелам.

Особый интерес представляет выяснение причин того, почему у южных карелов и вепсов сложились столь близкие, хотя и самостоятельные культуры. Если сходство в хозяйстве и в материальной культуре в какой-то мере еще может быть объяснено сходными условиями географической среды, то общие элементы в свадебной или погребальной обрядности такому объяснению не поддаются. С другой стороны, далеко не все общие черты духовной культуры позволительно считать заимствованными обоими народами от великорусов. Наконец, очень сомнительна и концепция, представленная в работах буржуазных этнографов Финляндии, согласно которой общие черты в культурах финских народов восходят к эпохе прибалтийско-финского или, тем более, финно-угорского

⁵² См.: В. Я. Евсеев, Исторические основы карело-финского эпоса, М.—Л., 1957, стр. 180.

⁵³ См.: В. Я. Евсеев, Карельские эпические песни, Петрозаводск, 1950.

⁵⁴ В. Н. Майнов, Указ. раб., стр. 505.

⁵⁵ Г. Р. Державин, Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным (в кн. В. В. Пименова и Е. М. Эпштейна «Русские исследователи Карелии (XVIII в.)»), Петрозаводск, 1958, стр. 180.

⁵⁶ Устное сообщение дирижера Ю. М. Арановича, по просьбе автора статьи прослушавшего ряд записей выступлений участников художественной самостоятельности вепсов и карелов — из собрания карельского радио и телевидения.

единства: невероятно, чтобы эти общие черты могли сохраниться в неизменном виде в течение двух-трех тысячелетий.

По нашему мнению, при решении проблемы следует исходить из того, что в основе общности культуры вепсов и южных карелов лежит древневепский культурный комплекс, хорошо прослеживаемый по археологическим данным. Огромное значение имел тот факт, что оба народа развивались в одинаковых социально-экономических условиях, сложившихся в результате вхождения их в состав Русского феодального государства, что создало благоприятные условия как для самостоятельного развития культурных особенностей, так и, что особенно важно, для плодотворного культурного и языкового общения с русским народом.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Р. Ш. ДЖАРЫЛГАСИНОВА

КОГУРЁСЦЫ И ИХ РОЛЬ В СЛОЖЕНИИ КОРЕЙСКОЙ НАРОДНОСТИ

Когурёсцы — одна из древнейших этнических групп юго-восточной Маньчжурии и Кореи. Анализ письменных источников показывает, что уже в «Бамбуковых анналах» Чжоуской летописи встречается термин «ко»¹. Так древние китайцы называли одну из ветвей «восточных варваров» («дун-и»), которые в конце II тысячелетия до н. э. жили на северо-восток от китайцев. Краткость сообщения позволяет предположить, что в чжоускую эпоху вследствие недостаточности знаний о дун-и этот термин был собирательным и распространялся на большое число племен. Как название небольшой этнической группы, термин «когурё» впервые встречается в одном из комментариев к тексту «Шуцзина»: «Все варвары Хэдон² принадлежат к курё, пуё, хан и мэк³. У-ван⁴ покорил Шан, и все дороги были открыты»⁵. Из этого сообщения следует, что к моменту установления династии Чжоу китайцы делили население Хэдона на четыре этнические группы — курё, пуё, хан и мэк. Однако датировка этой записи давно вызывала сомнение у корейских историков, которые указывали на более позднее ее происхождение⁶.

Сохранение когурёсцами в самоназвании термина, с глубокой древности служившего определением для населения указанной территории свидетельствует о наличии определенной исторической преемственности. Кроме того, упоминание «курё» в одном ряду с крупнейшими этническими группами Хэдона (пуё, мэк, хан) показывает, что уже на ранних этапах этнической истории корейцев когурёсцам отводилось важное место.

¹ «Цзинчжунчжоушу» (Бамбуковые анналы Чжоуской летописи), цзюань Шанхай, б/г., вып. 15, стр. 44.

² Хэдон — древнее название Кореи.

³ В древнекитайском языке (вэньяне) знаки пунктуации отсутствуют, что в значительной степени затрудняет расшифровку смыслового значения отдельных фраз. В приведенном выше отрывке мы, выделяя этнонимы хан и мэк, пользовались правилами пунктуации, принятыми корейскими историками. См. «Чосон са нёнпхё» (Хронологические таблицы истории Кореи), Пхеньян, 1957, стр. 4.

⁴ У-ван — основатель династии Чжоу.

⁵ «Шаншу», т. е. «Шуцзин» (Книга исторических преданий). В кн. «Хань вэнь дзи» (Большая серия китайской литературы), т. 12, Токио, 1926, цз. 11 (Чинюнь Чжоу), стр. 7.

⁶ См. Хан Чхиюн, Хэдон ёкса. Косо канхэнь хве (История Кореи. Собрание древних источников по истории Кореи), Сеул, б/г, т. II, стр. 106.

В последующие века когурёсцы вместе с емэк (мэк) сыграли ведущую роль в создании древнего Чосона⁷. Об этом свидетельствует запись в «Ханьшу», сделанная под 108 г. до н. э. при сообщении о разгроме Чосона и учреждении на его территории китайских провинций: «Когда Вуди установил Хэнтхо (кит. чтение Сюантху.— Р. Д.) и Накнан (Лолан), все Чосон состояло из емэкских и курёских варваров»⁸.

Первое подробное описание когурёсцев мы встречаем в китайских летописях «Саньгочжи»⁹ и «Хоуханьшу»¹⁰. Согласно им, когурёсцы жили за тысячу ли на восток от Ляодуна, в верховьях р. Амнокан и на ее притоках. На юге они граничили с чосонскими емэк (вэймо), на востоке — с скчо (воцзюй), на севере — с пуй (фуюй). Страна их, богатая высокими горами и глубокими ущельями, занимала в первых веках нашей эры 20 тыс. ли пространства. В ней проживало 30 тыс. семейств.

Основным занятием когурёсцев было земледелие¹¹, поэтому наличие плодородных земель было решающим условием при установлении «столиц» в той или иной местности первыми «ванами»¹² Когурё. Так, в легенде о Чумоне сообщается, что он стал строить свой дворец в красивой местности, где земля была тучной, а горы и реки неприступны¹³. В районе, где почвы были пригодны для пяти хлебных злаков (см. ниже), леса богаты оленями, воды — рыбами и съедобными черепахами. Горы и реки недоступны врагу, основал свою новую «столицу» «ван» Юри¹⁴. Однако в условиях лесного горного ландшафта, характерного для района расселения когурёсцев в первых веках нашей эры, земель, удобных для пахоты, было очень мало. «Плодородных земель так мало, — записано в «Саньгочжи», — что даже при усиленной обработке [они] не могут обеспечить достаточное пропитание»¹⁵.

Земледелием занимались в долинах рек и у подножья гор. Господствующей была подсечно-огневая система. Для выкорчевывания пней и вспашки пользовались лопатами, мотыгами, примитивными сохами и плугами. Урожай собирали вручную с помощью серпов. Зерна обдирали в ступах и с помощью крупорушек. По словам китайских и корейских летописцев, когурёсцы выращивали «пять злаков». Однако этим термином китайцы в разные периоды обозначали различные сочетания сельскохозяйственных культур. Иногда это были рис, просо, ячмень,

⁷ Чосон — крупное племенное или государственное (?) образование древней Кореи. Вопрос о точных границах и социально-экономическом строе Чосона относится к числу нерешенных проблем раннего периода истории Кореи.

⁸ Бань Гу, Ханьшу (История Ханьской династии), раздел «Географическое описание», цз. 8, ч. 2, Шанхай, 1930, стр. 28.

⁹ Чэнь Шоу, Саньгочжи (Описание трех государств) — история Китая периода троестаршества (Вэй, Шу, У). Составлена в конце III в. н. э.

¹⁰ Фань Е, Хоуханьшу (История поздней Ханьской династии). Сочинение написано в V в. н. э.

¹¹ Некоторые авторы недооценивали роль земледелия в жизни когурёсцев. См. W. E. Griffis, Corea, The Hermit Nation, New York, 1889, стр. 23 «Описание Кореи», т. I, СПб., 1900, стр. 4.

¹² Согласно древним корейским летописям, уже первые правители Когурё носят титулы «ванов». Однако анализ первоисточников позволяет прийти к выводу, что оформление государственности в Когурё произошло к III—IV вв. Поэтому титул «ван» и применении к первым легендарным правителям Когурё дается нами в кавычках. В сносках и при цитировании «Самкук саги» термин «ван» во всех случаях дается без кавычек.

¹³ Ким Бусик, Самкук саги (Исторические записи трех государств; в дальнейшем при цитировании корейского подлинника — СКСГ) — древнейшая из дошедших до нас летописей Кореи, написана в 1145 г., кн. 13, «Основание Когурё», ч. 1, Основатель — священный ван Тонмён (перевод летописей Когурё здесь и ниже наш).

¹⁴ СКСГ, кн. 13, «Основание Когурё», ч. 1, Ван Юри, 21-й год правления, весна, 3-й месяц; 22-й год, зима, 10-й месяц.

¹⁵ «Саньгочжи», цз. 30, раздел «Описание Когурё». Русский перевод М. Н. Пака, любезно предоставленный автору данной статьи. Рукопись, стр. 11.

пшеница, бобовые; иногда — два вида проса, ячмень, пшеница, бобовые. Иногда — рис, просо, гаолян, пшеница, бобовые. Кроме того, даже сан-иероглиф «кок» мог обозначать либо просо, если речь шла о севере, либо рис, если речь шла о юге.

Из перечисленных сельскохозяйственных культур в Когурё первое место занимало просо. Данные археологии показывают, что уже в неолите население Корейского полуострова знало два вида этой культуры¹⁶. В «Саньгочжи» сообщается о поклонении когурёсцев «божеству земли и злаков», причем божество злаков выражено иероглифом «цзи», обозначающим один из видов проса¹⁷. В «Бэйши», «Суйшу» сообщается о том, что поставка проса была одним из основных видов податей, которые платили государству когурёские крестьяне¹⁸.

Помимо проса, когурёсцы выращивали пшеницу и ячмень. Созревший в 5-м месяце ячмень доставлял пищу народу до того времени, когда созревали просо и рис. В случае гибели всходов ячменя в стране наступал голод.

Археологические материалы свидетельствуют о том, что уже в неолитическое время население южной Кореи было знакомо с культурой риса. Об этом говорят находки зерен риса в раковинной куче Кымхэ около Пусана. К середине I тысячелетия до н. э. рис, наряду с другими злаками, играл ведущую роль в хозяйстве южнокорейских племен. Более того, свои навыки в земледелии и особенно в выращивании риса они передали населению Японских островов¹⁹. Нерешенным остается вопрос относительно северной границы выращивания риса и времени знакомства с этой культурой северокорейских племен.

Обратимся к данным письменных источников. В «Саньгочжи», в разделе, посвященном описанию Когурё, говорится, что «низшие дворы» («хахо») должны были поставлять «тэга» — знатым людям «рис, хлеб в зернах, рыбу, соль...» В тексте «зерна риса» выражены иероглифом «ми»²⁰. В разделе «Восточное Окчо» Чэнь Шоу пишет: «Земли в Окчо плодородные, расположены скатом от гор к морю. Произрастают все пять хлебов. Люди Окчо прекрасно знают земледелие». Далее автор сообщает, что, согласно похоронному обряду окчосцев, возле входной двери деревянного оссуария, в который складывали кости умершего и его деревянное изображение, располагали также глиняный треножник с рисом. Как и в первом случае, зерна риса обозначены иероглифом «ми»²¹. Употребление риса в качестве пищи для духов умерших свидетельствует о давнем знакомстве с этой культурой и о ее большой роли в жизни окчо — ближайших восточных соседей когурёсцев. Действительно, уже в неолитической стоянке в районе г. Начжина были обнаружены сосуды, приспособленные для варки риса на пару²². Изображения аналогичных сосудов встречаются и в живописи когурёских гробниц. В «Самкук саги» под четвертым годом правления вана Янвон (548 г.) сообщается о том, что правителю из района Хвандо поднесли

¹⁶ См. А. П. Окладников, Ким Ен Нам, Новые работы по каменному веку Кореи (обзор), «Сов. археология», 1958, № 4, стр. 234; То Ю Хо и Хван Ги Док Раскопки в Дитам-ли, «Сов. археология», 1959, № 4, стр. 228—230.

¹⁷ «Саньгочжи», Вэйшу, изд. 30, раздел «Описание Когурё», «Эршисы ши. Со ин бай на бэнь» (История 24-х династий. Воспроизводство ксилографических изданий) т. 4, Шанхай, 1958, стр. 409.

¹⁸ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950, стр. 60, 82.

¹⁹ С. А. Арутюнов, К оценке миграций в древней истории Японии, «Сов. этнография», 1959, № 1, стр. 64.

²⁰ «Саньгочжи», раздел «Описание Когурё», см. «История 24-х династий», т. 4, стр. 409.

²¹ Там же, стр. 412.

²² «Начин чходо вонси южжок пальгуль погосо» (Отчет о раскопках первобытных стоянок на острове Чходо близ Начина), Пхеньян, 1956, табл. ХС, ХСІ.

лучший рис²³. Таким образом, мы имеем свидетельство о выращивании риса даже в верховьях Амнокана.

Очевидно, вначале когурёссы выращивали только суходольные сорта риса. Возможно, что они были также знакомы с приемами посева этой культуры в болотистых низинных местах. По мере продвижения когурёсцев к югу поливной рис стал занимать ведущее место в их хозяйстве²⁴.

В число «пяти хлебов» китайцы всегда включали бобовые культуры. Поэтому мы можем с полным основанием утверждать, что когурёссы, помимо перечисленных зерновых, выращивали и бобовые (сою, бобы, горох).

Письменные источники сохранили данные, свидетельствующие о разведении когурёсками огородных культур. Выращиванием овощей занималось население, жившее по реке Пирюсу. В «Самкук саги» об этом рассказывается следующим образом: «[Однажды] Чумон увидел, что посередине реки Пирюсу плывут вниз листья овощей. Он понял, что вверх по течению живут люди»²⁵.

О возделывании когурёсками различных видов огородных культур свидетельствует анализ имен некоторых легендарных деятелей раннего периода Когурё. Так, имя одного из друзей Чумона, с которым он бежал из Пүё, — Он — не что иное, как древнее корейское слово, обозначающее «огурец», а основная часть имени пүёского «вана» Хэбуру²⁶ — «буру» представляет собой название корейского салата. С глубокой древности когурёссы были знакомы с выращиванием конспли. Письменные источники сообщают также о выращивании ими тутового дерева.

Хозяйство когурёсцев было многоотраслевым; наряду с земледелием известную роль играло скотоводство. Из домашних животных у когурёсцев были лошади, овцы, быки, свиньи, собаки.

Изучение сообщений китайских летописцев о древних племенах северной Кореи и Маньчжурии наводит на мысль о том, что в формировании когурёсцев и других древнекорейских племен приняли участие этнические группы, связанные со скотоводческим Западом. Так, при втором ване Чжоуской династии Чэн Ване, под 1115 г. до н. э. относительно варваров северо-востока было записано: «Когда происходила встреча Чэн и Чжоу в беседке северной стороны..., восточные варвары ко пасли овец»²⁷. Думается, что разведение овец было знакомо и когурёсцам первых веков н. э. Сообщение в «Таншу»²⁸ о ношении когурёсками одежды из шерстяных тканей является одним из аргументов в пользу этого предположения²⁹.

²³ СКСГ, кн. 19, «Основание Когурё», ч. 7, Ван Янвон, 4-й год правления, зима, 9-й месяц.

²⁴ В Пэкче впервые стали выращивать рис на заливных полях с шестого года правления вана Тару (31 г. н. э.), см. СКСГ, кн. 23, «Основание Пэкче», ч. 1, Ван Тару, 6-й год правления, весна, 2-й месяц.

Под 144 г. в «Самкук саги» записан приказ силланского исагыма Гима о постройке дамб и плотин для расширения обрабатываемых полей (Русский перевод летописей Силла см. Ким Бусик, Самкук саги, Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарии М. Н. Пака, М., 1959, стр. 89). Согласно «Саньгочжи» поливной рис «дао» выращивали в Пёчине («Саньгочжи», цз. 30, раздел «Описание Пёчина»).

²⁵ СКСГ, кн. 13, «Основание Когурё», ч. 1, Основатель — священный ван Тонмён, 1-й год правления.

²⁶ Корейский лингвист Ли Бёндо считает «хэ» грамматической частицей при личных именах (Ким Бусик, Самкук саги, М., 1959, стр. 301).

²⁷ «Цзичжунчжоушу» (Бамбуковые анналы Чжоуской летописи), цз. 7, стр. 44.

²⁸ «Таншу», гл. 219. Русский перевод см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 99.

²⁹ В конце XVIII в. Отано Кигоро еще указывал на наличие в Корее особой породы овец с редкой и короткой шерстью (Отано Кигоро, Записки переводчика, перевод П. Дмитриевского, СПб., 1884, стр. 310). В последующее время корейцы совсем утратили навыки ухода за овцами. В конце XIX в. авторы «Описания Кореи» сообщали о том, что корейцы никогда не употребляли шерстяных тканей и не разводили овец («Описание Кореи», т. II, стр. 194).

Более распространенными домашними животными были лошади быки. В Пуё зарождающаяся аристократия даже носила имена или титулы, включающие названия этих животных, например: мага (ма — лошадь), уга (у — бык) ³⁰.

В легенде об «основателе» Пуё Тонмёне сообщается, что он родился и вырос в северном государстве кочевников Кори (Гаоли). В ранних китайских летописях при написании иероглифов «гу» и «рё» в слове «когурё» слева ставился детерминатив «ма» — лошадь. Древние связи когурёсцев с кочевыми и полукочевыми народами западной Маньчжурии и Монголии нашли отражение в создании фантастического образа черн-желтой птицы с головой лошади, изображение которой обнаружено в когурёской гробнице «Небесного короля и земного духа» около Пхеньяна ³¹.

Древнекорейским племенам, очевидно, принадлежит заслуга выведения особой породы низкорослой лошади квахама (по-корейски) или госяма (по-китайски), приспособленной к жизни в горных условиях. Впервые описание этого вида мы встречаем в «Саньгочжи» в разделе посвященном племени «е». В «Бэйши» этот вид лошади упоминается как самый распространенный в Когурё: «Водятся лошади не более 4 футов вышиною. Говорят, что на этих лошадях Чжумын (Чумон — Р. Д.) ездил» ³². В Когурё почти каждая семья имела лошадь и быка. По своей значимости в хозяйстве эти два вида животных приравнивались друг к другу. За кражу быка или лошади похитителя обращали в рабство ³³. Для коров и лошадей устраивали загоны без навесов, для свиней строили большие хлевы. Свинья и собака — наиболее древние домашние животные населения Корейского полуострова. Их кости в большом количестве встречаются почти во всех неолитических стоянках, открытых на территории Кореи. И в этом отношении когурёсцы продолжили традиции своих неолитических предков. Преемственность в хозяйстве от населения неолитических стоянок отразилась в сохранении у когурёсцев некоторых примитивных форм хозяйствования — рыболовства, охоты и собирательства, хотя эти занятия уже не играли такой решающей роли, как на более ранних этапах развития.

Так, охота у когурёсцев превратилась в развлечение знати. Об этом свидетельствуют многочисленные изображения сцен охоты в росписях украшавших гробницы когурёской аристократии, и частые сообщения в «Самкук саги» о многодневных охотах ванов. Неоднократные отлучки ванов вызывали недовольство приближенных. «Большой помощник (тэбо) «вана» Юри, по имени Хёппу, говорил в назидание легкомысленному правителю: «Ван снова перенес столицу. Народ волнуется. Вы не думаете об этом, ездите на охоту и подолгу не возвращаетесь. Если Вы не измените своего поведения, я боюсь, что наступит смута: люди разбредутся и дела Ваших предков придут в упадок» ³⁴. То, что охота у когурёсцев уже не являлась средством существования, подтверждается сообщением о вынужденной охоте голодающих солдат «вана» Тэмусина во время его похода на Пуё как о редком и странном явлении ³⁵.

Охота и стрельба из лука длительное время сохраняли свое значе-

³⁰ «Саньгочжи», цз. 30, раздел «Описание Пуё», см. «История 24-х династий», т. 1, стр. 408.

³¹ «Фрески гробниц Когурё», Пхеньян, 1958.

³² «Бэйши», гл. 94. Русский перевод см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 58.

³³ «Таншу», гл. 219. Русский перевод см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. I, стр. 100.

³⁴ СКСГ, кн. 13, «Основание Когурё», ч. 1, Ван Юри, 22-й год правления, зим. 12-й месяц.

³⁵ СКСГ, кн. 14, «Основание Когурё», ч. 2, Ван Тэмусин, 5-й год правления, весн. 2-й месяц.

ние как средство подготовки отличных военных стрелков, как ритуальный акт, а позднее как вид народного развлечения. Раз в год в Когурё перед королевским двором собирались молодые люди, чтобы показать свое искусство в стрельбе из лука. Лучшие стрелки выявлялись и во время весенней и осенней облавной охоты, в которой принимал участие сам ван. Целью этой охоты было настрелять зверей и птиц — весной для моления о хорошем урожае, осенью — в благодарность за собранный урожай. Охотились главным образом на оленей, кабаргу, косуль, тигров и других животных.

Наряду с охотой в качестве подсобного промысла сохранялось в Когурё рыболовство. «Низшие дворы» (т. е. дворы бедняков) обязаны были вместе с зерном и солью поставлять знати рыбу. В «Самкук саги» содержатся сообщения о рыбной ловле, в которой принимал участие сам ван. Рыболовство особенно было развито на побережье Восточного моря, на древней территории расселения окчо. Жители этих районов занимались китобойным промыслом и доставляли ко двору когурёского вана свою ценную добычу. Побережье Восточного моря было также древнейшим центром добычи соли в Когурё, и это хозяйственное значение район сохранял на протяжении веков³⁶.

Значительного развития в Когурё достигли различного рода ремесла. Однако производимые ремесленниками вещи шли главным образом для нужд господствующего класса. Жанровые сцены живописи когурёских гробниц и сообщения летописей свидетельствуют о том, что ткачество, вышивание, производство утвари, ювелирных изделий, парадной одежды, изготовление паланкинов и колесниц достигли в Когурё высокого уровня. Большое место в хозяйстве занимали горнорудное дело, добыча золота и серебра. В письме когурёского вана Мунча китайскому императору указывались два основных центра добычи этих металлов: на севере, в Пуё, и на юге, на границе с Пэкче в местности Сомна³⁷. Ремесло в Когурё еще не полностью отделилось от сельского хозяйства. Это подтверждается сообщениями китайских летописей о сборе с крестьян податей как зерном, так и кусками холста³⁸.

Первые упоминания о когурёских городищах — предшественниках будущих городов мы встречаем в «Саньгочжи». Из сообщения этой летописи следует, что когурёсцы к концу II в. знали слово «куру», обозначающее понятие «город». Анализ этого слова дает возможность предполагать его этимологическую близость с ныне существующим корейским словом «кыру», означающим: «пень», «жнивье», а также используемым для обозначения числа деревьев. В лесных районах обитания когурёсцев в первых веках нашей эры город или большое поселение, обнесенное надолбами, представляли собой очищенную от деревьев территорию, окруженную полями.

Ранний когурёский город формировался в период, когда еще были сильны традиции родовой и семейной общины. Подобно тому, как ван считался ответственным за положение рода, общины, народа и был обязан помогать им в случае голода (его амбары считались общественным достоянием), так и ранний город первоначально был крепостью, за стенами которой находились склады с зерном. Эта особенность когурёского города, появившаяся в результате длительного сохранения традиций родовой общины, прослеживается и в более поздний период. В «Бэйши» о столице Когурё Пхеньяне записано следующее: «Сей город к востоку простирается до реки Пхэй-шуй (кор. чт. Пхэсу.— Р. Д.). В городе хранятся только хлеб в амбарах и вещи от неприятельских

³⁶ «Описание Кореи», т. II, стр. 155.

³⁷ СКСГ, кн. 19, «Основание Когурё», ч. 7, Ван Мунча, 13-й год правления, весна, 4-й месяц.

³⁸ Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 58, 82.

набегов. Почему по захождении солнца строгий караул содержится? Первоначально когурёский город был хозяйственным, административным и религиозным центром сельских общин. По мере развития ремесла он становится местом сосредоточения ремесленников, а также торговым центром. Особенно много городов выросло вдоль торгового пути, связывавшего Когурё с Китаем. Многочисленные войны, которые когурёцы вели с Китаем, а также со своими северными и южными соседями способствовали созданию городов-крепостей, окруженных стенами.

Многообразие форм хозяйства когурёсцев нашло отражение в их материальной культуре. Наряду с полужемлянками и временными шалашами появились и стали преобладать наземные постройки. Когурёская полужемлянка, генетически связанная с жилищем неолитических племен Корейского полуострова — рыболовов и земледельцев, как правило, служила убежищем для бедняков.

Другой примитивной формой жилища когурёсцев, возникшей в условиях преобладания охоты у части предков древнекорейских племен, был шалаш. В легенде о Чумоне, по версии Ким Бусика, рассказывается, что когда Чумон достиг реки Чольбочхон и пожелал основать тут столицу, то до постройки дворцовых помещений он и его друзья жили в шалашах⁴⁰. Наиболее распространенной формой жилища в Когурё были наземные постройки. Строительными материалами служили дерево, камень, глина. Как и в Иньском Китае⁴¹, ведущую роль в конструкции когурёского дома играли опорные деревянные столбы, установленные на каменных базах. Иллюстрацией этого может служить отчасти легенда о «ване» Юри, сыне Чумона, в которой повествуется о том, как Юри нашел обломок меча, оставленный ему отцом между деревянной колонной и каменной базой⁴². Огромное количество каменных баз найдено по всей территории северной Кореи⁴³.

Дома простолюдинов были крыты соломой, дома знати — черепицей⁴⁴, которую изготавливали по китайским образцам⁴⁵. В «Таншу» впервые сообщается о наличии кана в когурёских жилищах: «...Простолюдины в середине зимы делают длинные нары, отапливаемые для теплоты»⁴⁶. Очевидно, по своему устройству каны в домах когурёсцев более всего напоминают отопляемые нары, до настоящего времени бытующие у маньчжур и тунгусо-маньчжурских народов Приамурья. В летнее время около домов делали маленькие печи с вмазанным котлом⁴⁷. В домах богатых людей летние печи устраивали под специальными навесами⁴⁸. К числу хозяйственных построек могут быть отнесены склады для хранения продуктов. «Нет у них больших складов, — записано в «Саньгочжи», — а в каждом доме имеются маленькие кладовые, называемые пугён»⁴⁹. Кроме того, как можно судить по росписям гробницы № 3 в уезде Анак, в домах знати строили навесы для хранения повозок и стойла для лошадей⁵⁰.

³⁹ «Бейши», гл. 94, см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 57.

⁴⁰ СКСГ, кн. 13, «Основание Когурё», ч. 1, Основатель — священный ван Тонмён.

⁴¹ Н. Н. Чебоксаров, Северные китайцы и их соседи, докторская дисс., М., 1947, т. I, стр. 122—123.

⁴² СКСГ Ван Юри, 1-й год правления.

⁴³ «Special report of the service of antiquities», т. V, ч. 1, Seoul, 1929, табл. 6—8, 24—32.

⁴⁴ «Таншу», гл. 213, см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 99—100.

⁴⁵ «Special report...», табл. 40—309.

⁴⁶ Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 100.

⁴⁷ «Special report...», табл. 428, 429, 430. Форма летней печи, бытовавшей у когурёсцев, до сих пор сохраняется у корейцев. Во время экспедиции к корейцам совхоза «Раушан» (Кара-Калпакская АССР) в 1959 г. мы зафиксировали у них наличие летней печи, повторяющей форму когурёской.

⁴⁸ «Чосон мунхва юсан» (Культурное наследие Кореи), Пхеньян, 1956, табл. 2.

⁴⁹ «Саньгочжи», цз. 30, «Описание Когурё», см. «История 24-х династий», т. 4, стр. 409.

⁵⁰ «Фрески гробниц Когурё».

Высокая культура зодчества проявилась как в возведении десятков городов, окруженных массивными стенами и украшенных роскошными дворцами и величественными храмами, так и в создании многочисленных усыпальниц когурёской знати. Сохранившиеся в этих гробницах росписи наряду с данными летописей являются основным источником при изучении одежды когурёсцев.

Костюм когурёсцев на ранних этапах их истории был одинаковым для мужчин и женщин и состоял из длинных узких шаровар — «пачи» и длинной левополой куртки — «чогори», перехваченной в талии поясом. Ворот, полы и подол чогори обычно украшались вышивкой или каймой из ткани другого цвета⁵¹. У Ли Ёсона читаем: «Когурёский костюм самобытен, он состоял из следующих частей: длинное чогори с узкими рукавами надевали поверх пачи. В талии чогори было перехвачено поясом». И далее: «...Одежда периода трех государств представлена следующим комплексом: куртка и брюки. Этот вид одежды соответствовал варварскому костюму северного типа, предохранял от холода и был удобным для трудовой деятельности и борьбы с суровой природой»⁵².

В последующий период под несомненным китайским влиянием в среде когурёской знати мужчины начинают носить широкие халаты типа хвальсупхо, а женщины — запашные юбки, уложенные в мелкую складку. Согласно письменным источникам, когурёсцы носили холщевое, шерстяное, шелковое и меховое одеяние⁵³. Ли Янь-шоу, автор «Северных историй», излагая предание о легендарном основателе Когурё Чумене, пишет, что когда Чумон подошел к границе Когурё, он встретился с тремя людьми: «Один из них был в пеньковом одеянии, другой — в простеганном, третий в одеянии из водяного пороста». Неоднократно упоминают китайские летописи о том, что когурёсцы вышивали свои одежды золотом и серебром.

Остается сказать несколько слов о средствах передвижения когурёсцев. В горных районах страны большие расстояния преодолевались пешком или верхом на низкорослых лошадях. С продвижением в равнинные районы большое значение приобретают различного рода повозки, в которые впрягали лошадей или быков⁵⁴. Очевидно, широко были распространены двухколесные повозки с четырьмя стенками, удобные для перевозки и пассажиров и грузов, известные в Китае еще с периода Чжоу под названием «цзыпин».

Основу пищи когурёсцев составляли растительные и отчасти животные продукты. Как отмечалось, был известен способ варки риса на пару. Употреблялось в пищу мясо свиней и собак. По сообщениям «Саньгочжи» и «Хоуханьшу», жители Когурё умели готовить и хранить вино.

Перейдем теперь к религии когурёсцев. В первые века нашей эры, т. е. в период распада первобытно-общинного строя, в религии когурёсцев был очень заметен анимистический пласт. Китайские летописи сообщают о жертвоприношениях Небу в 10-м лунном месяце (десятой луне). Для этого «люди страны» сходились на «большое собрание» — «Тонмэн». По мнению древних когурёсцев, жизнь и судьба людей зависели от духов Солнца, Луны и многочисленных звезд, населявших небо. Так, появление планеты Марс около 5-й звезды 28-го созвездия считалось предзнаменованием войны⁵⁵.

Для умиловления «небесных» духов им приносили многочислен-

⁵¹ Ли Ёсон. Чосон мисульса кжэ (Очерк истории корейского изобразительного искусства), Пхеньян, 1955, стр. 47.

⁵² Там же, стр. 47.

⁵³ Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 51.

⁵⁴ «Чосон мунхва юсан», табл. 7.

⁵⁵ СКСТ, кн. 13, «Основание Когурё», ч. 1, Ван Юри, 14-й год правления, весна.

ные жертвы. Для поклонения духу созвездия Лин-син, от которого якобы зависело успешное земледелие, приносили в жертву быка. К числу жертвенных животных у когурёсцев принадлежала также свинья, которая, очевидно в силу своей плодovitости, считалась символом плодородия.

Особым почитанием у древних когурёсцев пользовались семь звезд Большой Медведицы, изображение которых мы часто встречаем в погребальной живописи⁵⁶. Горы и реки также, по верованиям когурёсцев, были населены духами. Ежегодно в десятой луне когурёсцы приносили жертвы духу пещеры Сухэль, находившейся на востоке. У когурёсцев были деревянные изображения духов, перед которыми совершались жертвоприношения; так, при поклонениях пещере Сухэль деревянное изображение ее духа в сидячем положении помещали на специально установленном дереве⁵⁷. Из деревьев особым почетом пользовались сосна и кипарис, которые сажали около могил⁵⁸.

Для поклонения духам, покровительствовавшим тому или иному селению, строили храмы. В Когурё существовали шаманы, которым могли быть и мужчины и женщины. Одной из главных функций шаманов было лечение больных, в которых, по представлениям когурёсцев, вселялся злой дух. Так, в «Самкук саги» рассказывается о том, что когда «ван» Юри убил двух людей за то, что они погубили свинью, а потом тяжело заболел, лечить его пришла шаманка. Она сказала: «Души Тхакри и Саби прокляли тебя и наколдовали болезнь». «Ван» приказал устроить им поминки и вскоре выздоровел⁵⁹.

Победа Когурё над соседними племенами нашла отражение в религиозных представлениях, по которым духи, покровительствовавшие когурёсцам, победили духов других племен. В этом отношении очень интересны сообщения «Бэйши» о храмах, построенных в Когурё. Один из храмов был посвящен духу племени Пуё (от которого когурёсцы вели свое происхождение): он был представлен в виде женской статуи, вырезанной из дерева⁶⁰. Другой храм был посвящен духу Кодын, предок которого был сыном духа Пуё. Но особое значение придавалось храму Чумона — легендарного основателя Когурё. Этот общественный храм охраняли особые люди⁶¹.

Формирование государственности в Когурё сопровождалось официальным оформлением культа предков. Известное влияние на этот процесс оказало конфуцианство, которое было заимствовано из Китая вместе с некоторыми внешними формами государственной организации⁶². Начиная с III в. н. э. по всей стране строятся грандиозные усыпальницы с высокими курганами или каменными ступенчатыми пирамидами. Внутренние помещения гробниц покрывались росписью. В тот же период впервые появляется определенная регламентация сроков траура по умершим: по родителям и мужу — в течение трех лет, по братьям — от одного до трех месяцев⁶³.

⁵⁶ Культ семи звезд Большой Медведицы бытовал у корейцев до недавнего времени. Во время работы летом 1959 г. среди корейцев, проживающих в Кара-Калпакской АССР, удалось записать интересную легенду о звездах Большой Медведицы. В ней говорится о том, что «отец дает кость, мать дает кровь, а Большая Медведица — жизнь», поэтому ей приносят жертвы в случае болезни детей или бездетности. До сих пор «семь звезд» вырезаются на погребальной доске.

⁵⁷ «Саньгочжи», изд. 30, раздел «Описание Когурё», стр. 409.

⁵⁸ Там же. Обычай почитания дерева, и в частности сосны, сохранялся у корейцев до начала XX в. «Почитают корейцы божество дерева, которому приносят жертвы и поклоняются около Нового года» (В. Серошевский, Корея, СПб., 1909, стр. 62).

⁵⁹ СКСГ, кн. 13, «Основание Когурё», ч. 1, Ван Юри, 19-й год правления.

⁶⁰ Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 59.

⁶¹ Там же.

⁶² М. Н. Пак, Развитие феодальных отношений в Корее, «История стран зарубежного востока в средние века», М., 1957, стр. 42.

⁶³ «Бэйши», гл. 94, см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 59.

Проникновение буддизма в Когурё (372 г.) не оказало существенного влияния на религиозные представления когурёсцев. Буддизм не смог вытеснить их древних верований. Так, по-прежнему в десятой луне приносили жертвы Небу, причем ван выполнял при этом основные жреческие функции. Ван участвовал и в церемонии жертвоприношения пещере Сухэль⁶⁴. Наряду со строительством буддийских храмов и пагод большое внимание уделялось возведению зданий для жертвоприношения духам — покровителям Когурё. Это переплетение различных систем верований было подмечено китайцами, которые писали о когурёсцах: «Содержат буддийский закон; поклоняются духам. Много идолопоклоннических храмов»⁶⁵.

По-прежнему большую роль в общественной жизни играли шаманы и шаманки. Косвенным доказательством этого могут служить изображения четырех шаманов во главе войска в росписи гробницы № 3 уезда Анак⁶⁶. В период государства Когурё получили дальнейшее развитие различные астральные верования древнекорейских племен. Жители Когурё молились духу созвездия Лин-син, изображали духов Солнца, Луны, звезд. Буддизм не оказал существенного влияния и на похоронный обряд когурёсцев, в котором представления о культе предков переплелись с анимистическими представлениями о душе человека.

В «Саньгочжи» следующим образом охарактеризован похоронный обряд когурёсцев (I—III вв.): «Как только совершается свадьба, муж и жена уже заблаговременно готовят одеяние, необходимое во время своих похорон. Почитаются богатые похороны, поэтому вместе с покойником отправляют (хоронят) все его золото, серебро и другие ценности. Могила делают из сложенных камней, а вокруг них сажают сосну и кипарис»⁶⁷. Хотя в первые годы после проникновения буддизма были зафиксированы случаи сожжения умерших, в целом похоронный обряд когурёсцев в V—VI вв. мало отличался от древнего обряда. Вот как он описывается в китайской летописи «Суйшу»: «Покойника облачают в комнате. По прошествии трех лет избирают счастливый день для похорон. При похоронах играет музыка, бьют в бубны и пляшут». После погребения собирают «одеяние, разные вещи, даже телеги и лошадей, которых употреблял при жизни покойник, и ставят возле могилы. Провожающие покойника наперерыв разбирают сии вещи и расходятся»⁶⁸.

* *

*

Попытаемся, исходя из данных письменных источников, определить участие когурёсцев в сложном процессе формирования корейской народности.

В конце XIX в. В. Гриффис писал о миграциях, имевших место в юго-восточной Маньчжурии и Корее в последних веках до н. э.: «Между тем с севера в течение нескольких столетий двигались новые завоеватели: то были рослые, сильные люди монгольского типа, пришедшие

⁶⁴ «Таншу», гл. 94, см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 100.

⁶⁵ «Бэйши», гл. 94, см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 59.

⁶⁶ «Чосон мунхва юсан», табл. I.

⁶⁷ «Саньгочжи», цз. 30, раздел «Описание Когурё», стр. 409.

⁶⁸ «Суйшу», гл. 81, см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 83. Многие черты похоронного обряда когурёсцев до недавнего времени сохранялись в похоронной церемонии корейцев. К ним относятся: обычай заблаговременного приготовления одежды для похорон, облачение покойника в комнате, долгое сохранение трупа в доме, выборы «счастливого дня», сопровождение похоронной процессии музыкой и танцами. Особый интерес представляет описание в «Суйшу» обычая разбирать вещи покойника всеми сопровождавшими его. Надо думать, что этот обычай является пережитком первобытно-общинных отношений.

с берегов р. Сунгари и основавшие несколько небольших самостоятельных государств к югу от этой реки. Главными основанными ими государствами были Фууй и Когурё⁶⁹. Таким образом, Гриффис отмечает особую роль когурёсцев в социальной истории корейцев и, кроме того, указывает на их отличное от других древнекорейских племен происхождение⁷⁰. В настоящее время противопоставление когурёсцев некоторым другим племенам Корейского полуострова поддерживается Э. В. Шавкуновым⁷¹.

Обратимся к данным письменных источников. По преданиям дун-когурёсцы вели свое происхождение от пуё, этнической группы, которая на рубеже нашей эры жила в верховьях р. Сунгари. Язык, законы и обычаи когурёсцев и пуёсцев были во многом сходны. О близком родстве пуёсцев и когурёсцев свидетельствует однотипность легенд об основателях этих «государств»: Тонмёне — «основателе» Пуё и Чумоне — «основателе» Когурё. В этих легендах есть и чудесное оплодотворение матери солнечным лучом или спустившимся с неба облаком или яйцом, и покровительство животных (свиней, лошадей) и птиц родившемуся младенцу, и быстрый рост героя, и его отличие от окружающих людей, и бегство из страны, в которой он вырос, и переправа через реку с помощью рыб и черепах. Почти полное совпадение легенд о Тонмёне и Чумоне позднее привело к слиянию их в один образ. В XII в. Ким Бусик писал в «Самкук саги», что основатель Когурё, священный «ван» Тонмён, имел фамилию Ко, а посмертное имя Чумон.

Историк XVIII в. Хан Чхиян, пытаясь доказать, что Тонмён и Чумон — разные лица, писал, что Ким Бусик «положил начало соединению Тонмёна и Чумона в одно лицо. Корейцы больше не знают о существовании Тонмёна Пуёского. В Лянской истории говорится: «Тонмён стал королем в Пуё, затем ветвь разделилась и возникло племя Когурё». При короле Сон Чжоне нашей династии (династия Ли. — Р. Д.) экзаменуемый профессор Ким Чонрён написал такие стихи: „Тонмён открыл блестящую страницу, Чумон получил остаток его волны“. Это мнение ясное и точное»⁷². Для нас в данном случае важно установить, что хотя вне всякого сомнения легенда о Чумоне появилась позднее легенды о Тонмёне, в основе обеих лежит присущее и пуё и когурё представление об общем божественном предке.

Письменные источники содержат также значительный материал, доказывающий лингвистическое и культурное родство когурёсцев с другими древнекорейскими племенами. Так, о племени «е», которое в первых веках нашей эры жило в центральной части Корейского полуострова, в «Саньгочжи» сказано: «...По рассказам стариков, они (люди е) в старину были одного племени (родственны) с (ко) гурё... Язык и обычаи у них в общем сходны с когурёскими, но имеются отличия в одежде»⁷³. У племени окчо «язык во многом одинаков с (ко) гурёским, но временами наблюдаются небольшие отличия..., пища, жилье, одежда и обычаи сходны с когурёскими»⁷⁴.

Но если вопрос о родстве когурёсцев с северными древнекорейскими племенами не вызывал сомнения у исследователей, то относительно племен южной Кореи было высказано много точек зрения. Н. Я. Бичурин писал, что на юге Кореи находились три владения Хан, «основа-

⁶⁹ W. E. Griffis, Указ. раб., стр. 19, 20, 23.

⁷⁰ К точке зрения Гриффиса присоединились авторы «Описания Кореи» (см. стр. 4—5).

⁷¹ Э. В. Шавкунов, Некоторые вопросы истории Приморья и Приамурья в VI—XII вв., «Сборник статей по истории Дальнего Востока», М., 1958, стр. 152.

⁷² Хан Чхиян, Указ. раб., т. II, стр. 108.

⁷³ «Саньгочжи», цз. 30, раздел «Описание е», русский перевод М. Н. Пака, рукопись, стр. 23.

⁷⁴ Там же, стр. 17, 19.

ные и населенные, вероятно, китайскими выходцами второго переселения»⁷⁵. Совсем недавно это положение было повторено Э. В. Шавкуновым: «Население древнекорейских государств Силла и Пэкче в значительной степени состояло из потомков китайских крестьян, бежавших в III в. до н. э. на Корейский полуостров, где они искали спасения от непосильных налогов и частых войн, вконец разоривших страну при цинских императорах»⁷⁶. Э. В. Шавкунов ссылается на указание «Ляншу» о наличии китайских слов в языке силланцев. Согласно «Сань-гочжи» и «Хоуханьшу», на юге Корейского полуострова жили махан, чинхан и пёнхан. Это были родственные между собой этнические группы. Жили среди них и выходцы с территории Китая. Вот что о них пишет Фань Е, автор «Хоуханьшу»: «Ченьханские старики сами рассказывают, что жители царства Цинь «китайцы», уклоняясь от горькой службы, приходили в Хань. Маханьцы отделили им часть своих земель»⁷⁷. Из этого сообщения следует, что беглые «китайцы» были приняты в состав маханцев, которые отделили им часть своих земель. Вряд ли в этих беглых крестьянах можно видеть предков «населения государств Силла и Пэкче».

В 1895 г. английским ученым Хелбертом было высказано предположение, что хан родственны малайцам и пришли с юга. По его мнению, между северными и южными племенами Кореи не только не существовало никакого родства, но даже не было никаких сношений⁷⁸. Позднее точка зрения Хелберта была принята авторами книги «Описание Кореи»⁷⁹. На наш взгляд следует более критически подойти к вопросу о различных путях происхождения корейских племен.

Нет сомнения, что северные племена Кореи находились в тесном контакте со своими соседями и восприняли многое из их культуры, оказав в свою очередь влияние на них, а южные племена находились в тесном контакте со своими южными соседями. Вполне вероятно, что среди древнекорейских племен жили какие-то другие этнические группы, позднее ассимилированные пэкчесцами и силланцами. Большую роль на ранних этапах формирования древнекорейских племен играли переселения этнических групп с территории Китая. Это подтверждается сообщениями китайских летописей о наличии китайских слов в языке населения Пэкче и Силла. Передвижения «китайцев» на территорию Корейского полуострова происходили несколькими волнами, в разные периоды истории, с разных территорий Китая, разными путями (сухопутным через Ляодун и морским). Возможно, что это были даже различные этнические группы. Поселившись на территории Кореи, они сначала жили обособленно, сохраняли свой язык, свои обычаи. Со временем они ассимилировались силланцами пэкчесцами, восприняв их язык, но обогатив его частично своей лексикой.

Но все эти, в конечном счете незначительные, этнические вкрапления не могли оказать существенного влияния на этнический состав древнекорейских племен, в основных чертах однородных. Н. В. Кюннер, не отрицавший возможности участия каких-то других этнических групп в формировании населения южной Кореи, отмечал, однако, что кажущееся различие между северными и южными племенами Кореи вызвано разным уровнем их социально-экономического развития к началу нашей эры⁸⁰. В связи с этим очень интересна и важна высказанная М. Г. Ле-

⁷⁵ Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 8.

⁷⁶ Э. В. Шавкунов, Указ. раб., стр. 153.

⁷⁷ Фань Е, Хоуханьшу, цз. 115, Восточные варвары, Хань, см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 33.

⁷⁸ Эту точку зрения отстаивал Хелберт в работе «The passing of Corea», London, 1906, стр. 27—29.

⁷⁹ «Описание Кореи», т. I, стр. 336.

⁸⁰ Н. В. Кюннер, История Кореи (рукопись, хранится в архиве Института этнографии АН СССР). 1936, стр. 1—4

виным мысль о необоснованном преувеличении гетерогенности антропологического типа корейцев. Сравнивая данные японских антропологов Кохама, Сато, Арасэ и Кубо, М. Г. Левин приходит к выводу, что «имеющиеся в литературе антропологические материалы не позволяют установить ясных географических вариаций отдельных признаков в пределах Кореи, и представление о существенных различиях в антропологическом типе северных и южных корейцев нуждается в проверке»⁸¹.

Можно с полным основанием утверждать, что хозяйственно-культурное единство древнекорейских племен сложилось уже к середине I тысячелетия до н. э. Основными чертами этого единства были: огромная роль земледелия, знакомство с металлом, высокая культура керамического производства, бытование охоты и коневодство. Именно эту культуру принесли в середине I тысячелетия до н. э. на Японские острова переселенцы из Кореи, сыгравшие огромную роль в этногенезе древних японцев. Кроме того, соображения С. А. Арутюнова относительно близкого этнического и языкового родства древних корейцев с носителями культуры «яёи», переселившимися в середине I тысячелетия до н. э. на Японские острова, свидетельствуют о том, что уже в этот период племена, населявшие Корейский полуостров, говорили на родственных языках, близких к современному корейскому⁸².

Китайская летопись «Наньши» сообщала о родстве языков населения Когурё, Пэкче и Силла в более поздний период. В разделе о Пэкче в «Наньши» говорится: «Язык и одеяние несколько сходны с когурёскими»⁸³, а о силланцах сообщается, что «язык их можно понимать с помощью языка, употребляемого в Пэкче»⁸⁴. Попутно можно отметить, что правители Пэкче вели свою родословную от одного из потомков пуёсского вана Тонмёна. Родство с пуёсцами отразилось в названии столицы Пэкче — Пуё. В многочисленных посланиях ванов Пэкче ко двору китайских императоров неоднократно подчеркивалось единство происхождения когурё и пэкче. Что касается силланцев, то, согласно «Самкук саги», шесть легендарных общин Сораболь вели свое происхождение из Чосона⁸⁵, в этническом составе которого когурёсцы занимали не последнее место. «Самкук саги» сообщает также о неоднократных поездках силланских ванов к горе Тхэбэксан, расположенной в районе древнего расселения когурёсцев, для поклонения и жертвоприношений ей⁸⁶.

Этническое и лингвистическое родство когурёсцев с другими древнекорейскими племенами может служить основанием для предположения об общности их происхождения. Изучение хозяйства, материальной и духовной культуры когурёсцев свидетельствует об их древних родственных связях с тунгусо-маньчжурскими народами⁸⁷. Так, не случайно описание «ымну» (илоу), в которых многие исследователи

⁸¹ М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXXVI, М., 1958, стр. 308, 315.

⁸² С. А. Арутюнов, Указ. раб., стр. 60—71.

⁸³ «Наньши», гл. 79, см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 41.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Ким Бусик, Самкук саги, стр. 71.

⁸⁶ Там же, стр. 89, 105.

⁸⁷ Вопрос об этнической принадлежности когурёсцев имеет свою историю. В середине прошлого столетия Н. Я. Бичурин писал о том, что население «королевства Чаосянь» принадлежит к южным тунгусам (Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 7). К тунгусским народам относили когурёсцев и авторы трехтомного сочинения «Описание Кореи» (т. II, стр. 336). Эту же точку зрения разделял Н. В. Кюнер. Недавно с доказательствами родства когурёсцев и тунгусо-маньчжурских народов выступил Э. В. Шавкунов в указанной выше статье. Согласно другой гипотезе, выдвинутой в 1920-х годах П. Шмидтом, когурёсцы принадлежали к палеоазиатам (Письмо П. Шмидта И. Лопатину, см. И. Лопатин, Гольды, Владивосток. 1922, стр. 19—20).

идят предков маньчжур, помещено в китайских летописях «Саньгочжи» и «Хоуханьшу» среди разделов, посвященных характеристике древнекорейских племен. С глубокой древности древнекорейским племенам был известен термин мальгаль (мохэ), который первоначально означал одну из групп племени е — «восточных е», населявших территорию современной провинции Хамген⁸⁸. Все маньчжурские народы, начиная с мохэ, считали район Тхэбэксана (Чанбошаня) — район древнего расселения когурёсцев — своей прародиной.

Среди родовых групп нанайцев XVII—XX вв. была группа «сосянкан», которая вела свое происхождение от маньчжурских родов. Название этой группы созвучно с названием рода Сонян, который жил по соседству с когурёсцами и согласно «Самкук саги» был ими покорен в 37—36 гг. до н. э. В преданиях о нанайской группе сосянкан и древнекорейском роде Сонян отмечается, что основным занятием людей, принадлежавших к этим группам, было возделывание огородных культур⁸⁹.

У нивхов⁹⁰ и удэгейцев⁹¹ записаны легенды о «гаоли» (корейцах), как о древних обитателях районов Приамурья и Приморья. Конечно, трудно себе представить, что корейцы когда-либо жили в этих районах. Но, с другой стороны, никогда в последующий период корейской истории границы корейских государств не заходили так далеко на север, как в период государства Когурё. Думается, что эти легенды отражают эпоху тесного контактирования когурёсцев с предками тунгусо-маньчжур и палеоазиатов, которые жили значительно южнее нынешнего ареала расселения этих народов.

В материальной и духовной культуре тунгусо-маньчжурских народов Приамурья и Приморья и ныне сохраняется много черт культуры когурёсцев. К их числу, например, относятся: в области жилища — устройство канов в виде идущих вдоль стены нар; в одежде — шаманский костюм; в религии — представление о дереве духов и почитание отдельных видов птиц и животных.

Все эти факты, перечень которых можно было бы продолжить, свидетельствуют об общности происхождения когурёсцев и тунгусо-маньчжурских народов.

* *
*

В силу своего географического положения когурёсцы ранее других древнекорейских племен оказались втянутыми в отношения с соседними странами. Близость феодального Китая оказала решающее воздействие на интенсивность социально-экономических процессов в их обществе. К моменту своего появления в горах северной Кореи когурёсцы находились на стадии разложения первобытно-общинного строя. Отставая в своем развитии от пуёсцев, когурёсцы были более развитыми, чем другие племена Кореи. Анализ письменных источников позволяет говорить о существовании у когурёсцев в первых веках н. э. значительных пережитков родоплеменной организации. К их числу

⁸⁸ Ким Бусик, Самкук саги, т. 1, М., 1959, стр. 304.

⁸⁹ О нанайской группе сосянкан см. Ю. В. Сем, Родовая организация нанайцев XVII—XX вв., Кандидатская диссертация (рукопись), Владивосток, 1959, стр. 113. О древнекорейском роде Сонян см. «Самкук саги», кн. 13, «Основание Когурё», ч. 1, Ван Тонмён, 1-й и 2-й годы правления. Этноним сосян (в различных фонетических вариантах) зафиксирован у тувинцев, алтайцев, хакасов, киргизов, халха-монголов. (См. С. И. Вайнштейн, Род и кочевая община у восточных тувинцев, «Сов. этнография», 1959, № 6, стр. 81).

⁹⁰ Л. Я. Штернберг, Гиляки, орочи, тольды, негидальцы, айны, «Статьи и материалы», Хабаровск, 1933, стр. 295.

⁹¹ В. Г. Ларькин, Удэгейцы (Историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней). Кандидатская диссертация, Владивосток — Москва, 1959, стр. 15.

относятся упоминания о наличии пяти племен, сообщения об избрании и свержении «ванов» народом, о существовании «сога» и «тэга» (очевидно, родовых и племенных вождей), о наличии «вооруженного народа» и пережитках группового брака⁹².

В ходе многочисленных войн с соседними племенами и обитателями китайских провинций на территории древнего Чосона в когурёском обществе шел бурный рост имущественного неравенства, сопровождавшийся классовой борьбой. Захват когурёцами огромных территорий и их переселение на равнины Чхончонгана, а затем Тэдонгана, вели к нарушению родовых связей и замене их территориальными. В хозяйственной и общественной жизни все большую роль стала играть семья, одной из форм которой, очевидно, были так называемые «хахо» («новые дворы»).

Конец IV в. был временем оформления и создания когурёского государства, во главе которого стояли ван и военнотрибунальная знать, делившаяся в зависимости от занимаемой должности на 12 разрядов.

Государство Когурё было первым политическим объединением древнекорейских племен, а его история оказала огромное влияние на весь ход событий, протекавших на Дальнем Востоке. В этот период в Когурё утвердились феодальные общественные отношения. Развитие феодализма становится основным содержанием социально-экономической истории корейского народа вплоть до XIX в.

Созданием государства Когурё завершился длившийся несколько столетий процесс консолидации родственных северокорейских племен под эгидой когурёсцев; произошел окончательный разгром ханьских провинций, созданных на территории древнего Чосона.

Политическое могущество Когурё в IV—VII вв. н. э. сопровождалось расцветом его культуры. Несомненно, знакомство предков корейцев с китайской письменностью можно отнести еще к периоду древнего Чосона. Однако в Когурё письменностью овладели более широкие круги населения. Об этом свидетельствуют многочисленные надписи в гробницах и на бытовой утвари. В «Самжук саги» сохранилось несколько поэтических строк, сложенные которых легенда приписывает «вану» Юри; эти строки доказывают раннее знакомство когурёсцев с ханьскими стихами⁹³.

Для подготовки государственных чиновников в Когурё было создано специальное учебное заведение. В «Таншу» сообщается о том, что делу образования в Когурё уделялось большое внимание. «Имеющие охоту к учению, даже из самых бедных хижин, соревнуются друг с другом на улице теснятся к зданию, что называется стучаться, т. е. проситься в зал. Юноши, еще не женатые, собираются читать священные книги (т. е. китайские, классические), стрелять из лука»⁹⁴.

В конце IV в. в Когурё стали создаваться исторические хроники. Согласно «Таншу», в Когурё знали и изучали пять китайских классических книг, а также «Хоуханьшу», «Саньгочжи» и др. Примером народного творчества могут служить многочисленные легенды-сказы первых «ванов», записанные в корейских и китайских летописях.

Значительного развития в Когурё достигла музыкальная культура. Музыка, танцы, игры, песни играли большую роль в жизни когурёсцев. Об этом свидетельствуют многочисленные изображения танцев, а также музыкальных инструментов в живописи древнекогурёских гробниц.

⁹² Вопрос о социально-экономическом строе когурёсцев в первые века нашей эры о времени возникновения государства Когурё и о социально-экономической сущности этого государства требует более детального разбора, что автор надеется сделать в отдельной статье.

⁹³ СККГ, кн. 13, «Основание Когурё», ч. I, Ван Юри, 3-й год правления, зимний 10-й месяц.

⁹⁴ «Таншу», гл. 219, см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. II, стр. 100.

В Когурё было много знаменитых музыкантов. В «Самжук саги» рассказывается об одном из них, Ван Санакэ — создателе музыкального инструмента «комунго»⁹⁵. Судя по письменным источникам, в Когурё существовало около 38 видов музыкальных инструментов. В начале VII в. широкое распространение имело около 25 мелодий, созданных музыкантами Когурё. Многие из них пользовались известностью в Китае⁹⁶. Древние когурёсцы наделяли некоторые инструменты и даже их изображения сверхъестественной силой и способностью влиять на судьбы людей. Считалось, что рог или барабан, изображенные на стене, могут предупредить о приближающейся опасности. На этом построена легенда о принце Когурё Ходоне, сыне вана Синму, и о его возлюбленной, дочери правителя Накнана⁹⁷. В Когурё был создан первый в истории Кореи кукольный театр, в котором «куклы танцевали под музыку». Блестящую страницу в историю корейского и дальневосточного искусства вписали художники и архитекторы Когурё, о творчестве которых мы можем судить благодаря раскопкам гробниц когурёской знати и сообщениям письменных источников.

Созданная когурёсцами культура сыграла решающую роль в формировании своеобразной культуры корейской нации.

Когурёская держава пала под ударами танского Китая в 668 г. Однако память о ней сохранилась на протяжении веков. Не случайно пришедшая через три столетия на смену Силла династия Корё повторила в своем названии один из этнонимов когурё, утверждая тем самым себя наследником традиций государства Когурё.

SUMMARY

The Kokuryo people are one of the oldest ethnic groups in southeastern Manchuria and north Korea. The first detailed description of the Kokuryo people occurs in the Chinese chronicles «San Kuo-chih» and «Hou Han-shu». The history of that people is dealt with in the ten books of Kim Busik's chronicle «Samkuk sagi».

An analysis of written sources, coupled with archeological findings, shows that the economy of the Kokuryo people had several branches. In addition to agriculture and cattle breeding there persisted such subsidiary branches as hunting, fishing and gathering. The multiformity of the Kokuryo people's economy was reflected in their material culture. The formation of certain aspects of material culture was to a certain degree affected by the proximity of China (dwellings, apparel, means of transportation).

From the point of view of their religious outlook the Kokuryo people were shamanists. The penetration of Buddhism (in 372) could not conclusively eliminate that religion.

Ethnographic studies of the Kokuryo people reveal their consanguineous ties with other ancient Korean tribes, and testify to their common origin. Studies of the economy, material and spiritual culture of the Kokuryo people point to their connections with the Tungus-Manchu peoples.

By virtue of their geographical location the Kokuryo people were the first among the ancient Korean tribes to be drawn into contact with the neighbouring countries. The proximity of feudal China was a decisive factor promoting the intensive development of socio-economic processes in Kokuryo society. The 3rd and 4th centuries saw the emergence of the Kokuryo state. The political strength of the state was accompanied by the efflorescence of its culture.

⁹⁵ СКСГ, кн. 32, «Описания», ч. 1, Музыка.

⁹⁶ Ли Есон, Указ. раб., стр. 48.

⁹⁷ СКСГ, кн. 14, «Описание Когурё», ч. 2, Ван Тэмусин, 15-й год правления.

ДЕН ДЯН СЕК

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ ЭТНОГРАФИИ КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В прошлом немало корейских ученых посвящало себя этнографическим исследованиям. Еще в XVIII и XIX вв. ученые школы «силхак» («точной науки») изучали крестьянский быт. Расширяя представления о жизни крестьян, они выработали свои предложения по улучшению быта. Однако этого было еще недостаточно для того, чтобы корейская этнография превратилась в самостоятельную историческую науку, имеющую свою методику, предмет и задачи.

До освобождения Кореи буржуазными учеными капиталистических стран и корейской буржуазной интеллигенцией был написан ряд произведений, посвященных быту корейского народа. В них отразились буржуазная методология, реакционные концепции и националистические предрассудки.

Освобождение Кореи Советской Армией 15 августа 1945 г. явилось поворотным пунктом в жизни корейского народа. После освобождения своей родины корейский народ, благодаря активной деятельности Трудовой партии и с помощью стран социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом, проводя в городах и деревнях Кореи социалистические преобразования народного хозяйства и культуры, превратил свою страну в развитую индустриально-аграрную республику.

Эти коренные изменения, естественно, вызвали огромные перемены в культуре и быте корейского народа. Прежний образ жизни корейского народа, характерный для колониального полуфеодального строя, стал постепенно уступать место новому культурно-бытовому укладу. Перед этнографами открылись широкие перспективы научных исследований.

С первых же дней освобождения страны Трудовая партия Кореи взяла курс на бережное отношение к национальным культурным ценностям и на развитие корейской культуры. Этот курс партии был освещен еще в начале 1946 г. в «Политической программе в 20 пунктах» Временного народного комитета Северной Кореи и в резолюции 29-го заседания ЦК ТПК «О строительстве демократической национальной культуры в Северной Корее». Выступая перед работниками культуры и искусства, товарищ Ким Ир Сен сказал: «Работникам культуры предстоит развивать наше национальное искусство и культуру, совершенствуя передовое и борясь с отсталым в нашем культурном наследии и перенимая все лучшее в культуре передовых стран»¹.

Трудовая партия Кореи и правительство Республики не только указали этнографам пути развития исследовательской деятельности, но и

¹ Ким Ир Сен, Избр. соч., т. I, Пхеньян, 1954, стр. 124 (на корейск. яз.).

провели ряд важных мероприятий в целях ее обеспечения. Сразу же после освобождения страны в северной части Республики все культурные ценности перешли в руки народа и бережно хранятся сейчас в залах музеев, открытых для посетителей. В апреле 1946 г. Народный Комитет Северной Кореи опубликовал «Закон об охране сокровищ, исторических памятников и достопримечательностей» и во всех провинциях учредил комитеты по охране исторических памятников, следящие за выполнением закона. Эта работа успешно проводилась при полной поддержке и активном участии населения. В 1947 г., кроме музея в Пхеньяне, было создано еще четыре исторических музея.

В целях упорядочения руководства историко-этнографическими исследованиями, в ноябре 1948 г. Трудовой партией и правительством Кореи был организован «Комитет по охране исторических памятников Северной Кореи», а Кабинетом Министров принят «Закон об охране исторических памятников материальной культуры». В Комитете по охране исторических памятников Северной Кореи был создан специальный Отдел этнографии, ставший центром всей исследовательской работы в этой области.

В годы японского владычества этнографические исследования велись лишь японскими учеными. Национальных кадров научных работников почти не было. Путь к овладению наукой для корейцев был закрыт. После освобождения Кореи в целях подготовки национальных кадров в Пхеньянском университете им. Ким Ир Сена началось преподавание этнографии. Этнографическая работа проводилась и в Историческом музее. В условиях нехватки специалистов этнографические материалы собирались при участии археологов, лингвистов, работников прикладного искусства и этнографов-любителей. В результате было собрано большое количество таких экспонатов, как производственные орудия, предметы быта, одежды, разнообразные украшения и т. д. К собиранию материалов об играх в масках и о крестьянском танце «Нонак» были широко привлечены активисты из народа.

В целях скорейшей ликвидации пережитков прошлого в идеологии и в быту, Трудовая партия Кореи в первые же дни своего существования приняла постановление «О развертывании борьбы за идеологическое перевоспитание». Это помогло этнографам шире развернуть пропаганду за искоренение вредных обычаев, в результате чего усилилась связь этнографической науки с практикой и намного возросло ее значение.

Большую помощь в развитии корейской этнографии оказала передовая советская этнография. Основываясь на марксистско-ленинской методологии, разработанной этнографами СССР, мы смогли правильно определить место этнографии в ряду других исторических дисциплин и ликвидировать влияние буржуазной идеологии, которая в первое время после Освобождения еще давала себя знать.

Издававшийся до 1950 г. журнал «Мунхва Юмоль» («Культурные памятники») ² явился первым после Освобождения специальным органом, в котором печатались труды по археологии, этнографии, истории изобразительного искусства, архитектуре. На страницах журнала было опубликовано несколько статей по вопросам методики этнографии. Статьи эти познакомили читателей с рядом этнографических материалов. К сожалению, на страницах «Мунхва Юмоль» встречались порой и вредные утверждения, характерные для буржуазной этнографии. В частности, имело место нигилистическое отношение к национальному культурному наследию, как следствие пагубного влияния политики японских империалистов, беспощадно попиравших корейскую культуру. Вместе с тем, в этнографических статьях были обнаружены и по-

² Первый номер «Мунхва Юмоль» вышел в 1949 г.

пытки вульгаризировать марксистско-ленинскую методологию, насаждать за ширмой «национального» безыдейность и реставраторство.

Однако эти вредные традиции, некоторое время оказывавшие отрицательное влияние на развитие корейской этнографии, благодаря развернувшейся критике были преодолены.

В декабре 1952 г. на пятом пленуме ЦК ТПК был еще раз намечен последовательный курс Трудовой партии на бережное отношение к национальному наследию и на строительство новой, социалистической национальной культуры. На этом историческом пленуме товарищ Ким Ир Сен заявил: «...У нас имеются еще недопустимо серьезные недостатки, заключающиеся в том, что мы до сих пор не только не изучаем, не анализируем с марксистско-ленинских позиций ценное наследство в области истории, географии, военного дела, политики, экономики и культуры, оставленное нам нашими предками, но даже начинаем забывать его»³. После пленума ТПК стала уделять еще больше внимания дальнейшему развитию национального культурного наследия и эта работа поднялась на новую ступень. Стало успешно возрождаться известное еще с древности традиционное национальное искусство: классическая корейская опера, танцы и музыка, живопись, прикладное искусство, народные игры и пр. Быстрое развитие изобразительного, в частности — декоративного искусства привело к созданию научных организаций, призванных двигать вперед его теоретическое изучение. В театрах и вузах были установлены витрины с этнографическими материалами, на периферии создан ряд краеведческих музеев. Все это позволило собирать значительно больше этнографических материалов.

В июне 1950 г. мирное социалистическое строительство в Корее было прервано войной, спровоцированной американскими империалистами и кликой Ли Сын Мана. Немало научных работников добровольно ушло на фронт. Музейные коллекции были эвакуированы в тыл. Во время войны большинство зданий исторического значения было разрушено или серьезно повреждено варварскими бомбежками американских империалистов, а этнографические и другие материалы разграблены. Злодеяния агрессоров вызвали глубокое возмущение корейского народа, который проявил в огне войны безграничную самоотверженность, чтобы сохранить культурные ценности. В период временного отступления Корейской Народной Армии научные работники оккупированных местностей эвакуировались, унося с собой ценные документы и материалы. В эвакуированных вузах и научных учреждениях, хотя они зачастую располагались в землянках, продолжали лекции и исследовательские работы.

Показательно, что в 1952 г., в самый разгар войны, была создана Академия наук Корейской Народно-Демократической Республики, открывшая новый этап в развитии науки и культуры страны в целом и в изучении этнографии в частности. Открытый при АН КНДР Институт истории материальной культуры с секторами археологии, этнографии и истории искусства начал свою деятельность с 1953 г.; в 1957 г. он был переименован в Институт археологии и этнографии.

* *

*

История развития корейской этнографии после освобождения страны делится на два этапа: первый этап — 1945—1952 гг., второй — с 1952 г. по настоящее время. Изучение этнографии на первом этапе характеризуется развертыванием борьбы за ликвидацию остатков вредного влияния японских империалистов, усиленным сбором этнографического материала.

³ Ким Ир Сен, Избр. соч., т. IV, 1953, стр. 400.

ческих материалов, участием в собирании этих материалов большого числа работников, занятых в смежных областях науки: археологов, языковедов, археографов и др. На этом этапе в ходе претворения в жизнь политики Трудовой партии Кореи была заложена основа для развития корейской этнографии.

После исторической победы в трехлетней Отечественной освободительной войне корейский народ вновь приступил к мирному строительству. Война принесла нашей стране неисчислимые бедствия, что, конечно, не могло не повлиять на работу молодого сектора этнографии при АН КНДР. Поэтому второй этап развития этнографии начался с восстановления ее материальной и технической базы. Наряду с Государственным историческим музеем были восстановлены или вновь построены исторические музеи в городах Кэсоне, Саривоне, Вонсане, Чендине, Хамхыне, Синидю, Хэдю и др. Институт этнографии и археологии при АН КНДР стал одним из научных центров Республики, благодаря чему дальнейшие этнографические исследования стали вестись по единому плану.

Одним из успехов корейской этнографии, достигнутых на втором этапе ее развития, является значительное повышение ее теоретического уровня. Другой успех состоит в том, что этнографы стали активнее участвовать в разрешении насущных вопросов, возникающих при выполнении выдвинутых партией практических задач. Это связано с огромным подъемом социалистического строительства в КНДР, установлением безраздельного господства социалистической экономики в городе и деревне, успешным проведением культурной революции среди трудящихся, что, в свою очередь, породило новые, социалистические формы быта и культуры.

Принятая на III съезде ТПК (апрель 1956 г.) резолюция, являющаяся исторической программой социалистического строительства в северной части Республики, имела большое значение для дальнейшего развития нашей этнографии. На основе решений съезда работниками общественных наук был создан десятилетний перспективный план развития этнографии. Основное внимание в этом плане уделено быстрейшему распространению новой, социалистической культуры и быта в городе и деревне, для чего, в свою очередь, развернуто изучение культурного наследия корейского народа⁴.

Эта работа была начата прежде всего среди крестьянских масс, так как повышение культурного и технического уровня, улучшение жизни и перевоспитание некоторых консервативно настроенных крестьян являются важными звеньями в деле завершения социалистической революции в нашей стране.

Вскоре был опубликован ряд статей по методике этнографических исследований в деревне, среди них — «Культурное строительство на селе и быт крестьян» (журн. «Мунхва Юсан» — «Культурное наследие», 1957, № 6), «За дальнейшее развитие корейской этнографии» («Мунхва Юсан», 1958, № 4), «За дальнейшую связь этнографии с жизнью» (тот же журнал, 1958, № 3). Эти статьи сыграли немалую роль в продвижении вперед исследований в области этнографии. Большое место в этих статьях занимает обсуждение направления исследований уходящих в прошлое сторон корейского быта и освещение народного характера тех национальных культурно-бытовых традиций, которые целесообразно развивать. Естественно, что при исследовании культуры и быта деревни большое внимание было уделено и этнографии периода до 1958 г., когда завершилось кооперирование сельского хозяйства. Следует отметить этнографическое изучение производственных процессов, пахотных орудий, народного земледельческого календаря, организации труда в

⁴ Материалы III съезда Трудовой партии Кореи, М., 1957, стр. 156—186.

единоличном крестьянском хозяйстве. Написан ряд статей о местных пахотных орудиях, завершена их систематизация и составлена подробная карта их распространения. В результате появился исторический обзор происхождения и усовершенствования таких орудий, как соха, мотыга, серп и др. Было опубликовано немало материалов о сельскохозяйственных обычаях. Собранные материалы оказали известную помощь в развитии земледелия. Кроме того, собирались материалы по охоте, рыболовству, деревообделочному промыслу. Эти материалы показали, что в производственных процессах иногда еще наблюдаются архаические черты.

В целом исследования о культуре и быте крестьян, хотя и имели сравнительно узкий объект изучения, позволили выявить такие национальные черты нашего народа, как жизнелюбие, оптимизм, трудолюбие, чувство товарищества и коллективизм.

После Освобождения, когда стали осуществляться техническая реконструкция и кооперирование сельского хозяйства и успешно завершилась земельная реформа, имевшие целью обеспечение победы социализма во всей стране, произошли коренные изменения в социальном положении, быте и сознании крестьян. Эти перемены поставили перед этнографами новые задачи: проследить и осветить закономерности развития указанных выше перемен и одновременно изучать новую, социалистическую культуру и быт. Однако здесь этнографы столкнулись с рядом трудностей. Прежде всего, необходимо было преодолеть консерватизм некоторых научных работников, возражавших против того, чтобы современная жизнь стала предметом этнографического исследования. Нелегко было и правильно определить, на что именно из современной действительности следует направить внимание исследователей. Необходимо было провести работу, разъясняющую правильную постановку исследуемых проблем и их научное значение. Этой цели были посвящены статьи: «Как исследовать новую культуру и быт трудового крестьянства» («Мунхва Юсан», 1958, № 6), «О новой культуре и быте трудового крестьянства» (в серии «Этнографические исследования», вып. 2). «Очередные задачи этнографии в свете задач, поставленных на съезде сельскохозяйственных кооперативов КНДР» («Мунхва Юсан», 1959, № 1). В статьях показывалась правильность политики партии по кооперированию сельского хозяйства; обосновывалась необходимость серьезного изучения успехов советской этнографии и их творческого применения в корейской действительности; говорилось об эффективности этнографического исследования культуры и быта кооперированного крестьянства⁵; вносились конструктивные предложения по новой методике исследования.

Значительные перемены в жизни крестьян, произошедшие после завершения кооперирования сельского хозяйства, придавали этнографам уверенность в успешном проведении коллективных исследований по темам, взятым из живой действительности. В целях привлечения широких народных масс к сбору этнографических материалов была опубликована «Программа сбора на местах этнографических материалов о сельскохозяйственных кооперативах».

Особенное внимание было уделено этнографическому изучению семейного быта, жилища и культурного строительства в деревне. Статьи о семейном быте показали все развивающуюся тенденцию перехода от большой семьи к малой. В корне изменились отношения между членами семьи. Отмечается, что по мере роста участия женщин в экономической

⁵ В статье «О свадебных обрядах, бытующих среди членов кооперативов провинции Южный Пхеньян» («Мунхва Юсан», 1957, № 5), научный сотрудник нашего Института Ким Син Сук выступила инициатором этнографического исследования кооперированного крестьянства.

жизни и обеспечения им возможности повышать культурный уровень коренным образом меняется их роль в общественной и семейной жизни. В статьях убедительно раскрывается смена старых обычаев новыми в семьях членов кооперативов. В частности, интересны новые формы бракосочетания и связанные с ним церемонии. В статьях о жилище дается описание основных типов домов на северо-западе страны и анализ природной и социально-экономической обусловленности каждого типа. Особо подчеркнуто, что на месте бывших жалких хозяйственных построек — пристроек к жилым домам — появляются обобщественные благоустроенные здания производственного назначения. Собранные материалы об изменениях в быте и культуре корейской деревни позволили этнографическому музею открыть новую экспозицию — «Современная жизнь».

В 1959 г. наши работники проводили систематические исследования культуры и быта крестьян сельскохозяйственного кооператива «Корейско-китайская дружба» (уезд Сунн провинции Южный Пхёнан). В результате была написана брошюра «Культура и быт в сельскохозяйственном кооперативе „Корейско-китайская дружба“», которая в ближайшее время выйдет в свет.

Коллектив этнографов начал исследование ряда общих вопросов культуры и быта членов кооперативов: влияние технической революции на обычаи крестьян; значение культурной революции в деле коммунистического воспитания крестьянства и др.

Не менее важно исследование культуры и быта рабочих. Являясь авангардом корейского народа в его героической борьбе против господства японских империалистов, рабочий класс Кореи имеет славные революционные традиции. Однако до освобождения страны рабочие Кореи, беспощадно эксплуатируемые японскими колонизаторами, были не в состоянии полностью проявить замечательные черты своей культуры. В ходе трехлетней войны корейские рабочие сыграли огромную роль, самоотверженно борясь за свободу и независимость своей родины. После освобождения страны положение рабочего класса в корне изменилось. В ходе социалистического строительства и претворения в жизнь законов о национализации промышленности, о труде и других демократических преобразований рабочий класс Кореи стал ведущей силой в создании новой культуры. Творческий энтузиазм, с которым в послевоенное время рабочие Кореи взялись за строительство социализма, позволил им совершить поистине великие трудовые подвиги. Особенно в последние годы, стоя на переднем крае всенародного движения «чентима», рабочие нашей страны своим новаторством в области техники творят чудеса, следуя девизу: «учиться, жить и работать по-коммунистически».

Рабочие по самой своей классовой природе быстрее и последовательнее могут ликвидировать пережитки прошлого и творчески воспринять все новое. Поэтому культура и быт рабочих — продолжение и развитие лучших традиций народа. Рабочий класс Кореи воспитан в духе революционных традиций, в духе пролетарского интернационализма и коммунистической морали. Революционные традиции помогли рабочему классу Кореи избежать буржуазного национализма и шовинизма. Его культура и быт с каждым днем обогащаются прогрессивными элементами культуры других народов. В то же время быстрое становление национальной по форме, социалистической по содержанию культуры еще теснее сплачивает наш народ, превращая его в новую, социалистическую нацию.

Однако до сих пор в свет не вышло ни одного труда, посвященного упомянутым вопросам. Научная работа в этом направлении начала активизироваться только с 1958 г. В скором будущем завершится исследование культуры и быта рабочих горнорудной и металлургической промышленности.

По вопросам народного искусства вышли в свет работы: сборник

«Корейские народные развлечения» (Госиздат, 1955) и работы Ким Иль Чуль «Исследование корейского быта. Игры в масках» (серия «Этнографические исследования», вып. 1, 1958). Автор последней из этих работ попытался впервые систематизировать историю развития корейских игр в масках, осветил черты национальной драматургии VII—XVI вв. и предложил периодизацию истории корейского театра. Исследования игр в масках сыграли немаловажную роль в изучении истории драматургии Кореи и широком распространении среди трудящихся народных развлечений — игр в масках, кукольных представлений, песен и танцев, забытых в годы японского владычества.

Особое место в этнографических исследованиях занимают проблемы этногенеза корейцев. На это давно обращали большое внимание наши и зарубежные ученые. Археографы и археологи выступали с многочисленными гипотезами, но общепризнанных результатов еще не получено. Полемика вокруг этих вопросов развернулась после освобождения страны, когда исследование древней истории Кореи стало одной из важнейших задач наших историков. В ходе полемики о характеристике древних племен, о социально-экономической структуре трех царств, об образовании корейской буржуазной нации, выдвигались новые гипотезы. В сборниках научных дискуссий и в журнале «Ёкса квахак» (Историческая наука) появилось много ценных статей, продвинувших вперед историческую науку. При этом сам характер вопроса потребовал активизации совместной работы археологов, этнографов, антропологов, археографов, лингвистов.

Быстрое развитие археологии позволило собрать много материалов, помогающих разрешению указанных вопросов. Членом-корреспондентом АН КНДР То Ю Хо и его коллегами написан ряд монографий и научных статей, в том числе «Исследование остатков первобытного общества в селе Дитхапри уезда Вонсан» («Мунхва Юсан», 1957, №№ 3 и 4), «Исследование памятников мегалитической культуры в Кореи» («Мунхва Юсан», 1959, № 2), «О носителях древней культуры на о-ве Чходо близ гор. Начжина» («Мунхва Юсан», 1960, № 1). Эти работы посвящены изучению древних племен нашей страны; в них до некоторой степени освещены такие важные археологические проблемы, как взаимоотношения между древними племенами Кореи и Дальнего Востока в XX—X вв. до н. э., основные черты культуры древних племен Кореи и сходство их культурной жизни с жизнью племен Юго-Восточной Азии.

Большим успехом этнографических исследований по вопросам происхождения племен следует считать то, что пролит свет на жизнь киданей, составлявших в свое время большинство населения северных районов Кореи. В частности, в труде «Культура и быт в горных поселках Декасы на севере провинции Северный Хамген», написанном заведующим кабинетом этнографии Хван Чер Саном и опубликованном в вып. 4 серии «Этнографические исследования» (1960 г.), исследуется ход ассимиляции киданей с племенами, населявшими районы провинции Хамген, и определяется время их переселения. Вместе с тем эта работа дает ценный сравнительный материал для исследования культуры и быта малых народов, расселенных по районам северо-востока Китая и Приморской области. Проблема происхождения корейских племен — одно из слабых мест в изучении общей истории Кореи. Именно на освещение этого вопроса направлены сейчас усилия и археологов, и этнографов. С этой целью десятилетний перспективный план развития корейской этнографической науки предусматривает и антропологические исследования. К сожалению, у нас пока еще не хватает квалифицированных кадров.

Начались исследования в области истории первобытного общества. Особое внимание в этой области уделяется следующим проблемам: пе-

модификация истории первобытного общества, сложение племен, пережитки матриархата, общинный коллективный труд. Однако в этой работе сделаны только первые шаги. Идя в ногу с достижениями археологии, корейские этнографы должны решить вопросы о характере первобытных общин и их разложении, о первобытной идеологии и культуре и ряд других проблем.

Для решения вопросов о том, когда образовались государства древних Чосон, Когурё, Пэкче и Силла, кто их населял и каковы были их социальные черты, Институтом в ноябре 1959 г. и марте 1960 г. были организованы научные конференции. Обсуждение этих проблем вызвало в наших научных кругах огромный интерес, но развернувшаяся острая полемика еще далеко не закончена. Раскопки фресок периода Когурё дают ценные материалы для этнографического исследования. Изучая фрески гробницы № 3 в уезде Анак и других древних могил, относящихся к IV—VII вв. н. э., можно познакомиться со всеми сторонами быта населения государства Когурё, его общественной структурой, экономической и культурной жизнью, религией и пр., вплоть до одежды, питания и жилищ. Музыкальные инструменты, оружие, одежда, орнаменты Когурё широко известны всему миру.

Наряду с научно-теоретической систематизацией этнографических материалов большое значение имеет их использование для идейно-воспитательной работы в широких народных массах. В этом отношении большое значение имело открытие в 1957 г. Центрального этнографического музея в г. Пхеньяне. Располагая приблизительно десятью тысячами экспонатов, музей представляет собой солидное массово-просветительное учреждение. Музей деятельно ведет международный обмен этнографическими материалами, организует выставки зарубежных этнографических экспонатов.

Достижения этнографической науки популяризируются в журнале «Мунхва Юсан», выходящем шесть раз в год, и в изданиях серии «Этнографические исследования». Своей основной задачей «Мунхва Юсан» считает ознакомление читателей с достижениями корейских и зарубежных этнографов, с материалами, собранными местными активистами, со всеми новостями в области этнографической науки.

Огромную работу по собиранию народных песен и других фольклорных произведений проделал Институт народного творчества (1956—1958 гг.), образованный на основе краеведческого музея и помещавшийся вначале в Национальном художественном театре.

Собирание и исследование произведений фольклора ведет кафедра литературоведения Института языка и литературы при Академии наук КНДР. Начиная с текущего года издается журнал «Инмин чханчак» («Народное творчество»), задачей которого является популяризация новейших достижений в области фольклористики и этнографической науки.

Таким образом, корейская этнография за 15 лет добилась определенных успехов. Но она все еще не удовлетворяет требованиям, предъявленным к ней III съездом Трудовой партии Кореи, призвавшим «в недалеком будущем в своей научно-исследовательской работе достичь уровня передовой мировой науки»⁶. Тем не менее мы, корейские этнографы, твердо уверены, что эта почетная задача будет успешно выполнена.

Следует отметить, что если в северной части Кореи вместе с бурным развитием культуры и науки заметно продвинулись вперед собирание и систематизация этнографических материалов, то в Южной Корее сложилась диаметрально противоположная обстановка.

⁶ Ким Ир Сен, Отчетный доклад ЦК ТПК III съезду ТПК. В сб. «Материалы III съезда Трудовой партии Кореи», стр. 121.

С первых же дней оккупации Южной Кореи американские империалисты разрушали и грабили ценнейшие памятники культуры. Они расхищали богатейшие этнографические материалы и художественные изделия — золотые короны, фарфор периода Корё и другие предметы, которые хранились в Сеульском этнографическом музее, Художественной галерее, исторических музеях Кэсона, Кендю и Пуё и в частных сокровищницах. Так, еще в 1949 г. южнокорейская печать сообщала, что в США находятся 24 080 корейских исторических памятников культуры.

Еще циничнее американские агрессоры вели себя в период второй мировой войны. Они увезли в США более 7800 памятников культуры, хранившихся в Сеуле, в том числе «Личжо силок» («Летопись династии Ли»), свыше 8000 исторических документов и т. п. Этот грабёж одобрялся и поддерживался лисынмановскими предателями. Несмотря на всенародное сопротивление, в 1952 г. марионетки из клана Ли Сын Мана протасили на рассмотрение парламента так называемый «проект организации выездной выставки государственных сокровищ за границей» и после трехкратного отказа большинства депутатов в апреле 1955 г. все-таки добились осуществления этого проекта. «Выездная выставка» была не более, как занавесом, за которым скрывалась грязная купля-продажа культурных ценностей, совершаемая лисынмановскими лакеями и их заокеанскими покровителями.

В Южной Корее подвизаются пропагандисты «американского образа жизни» и фальсификаторы истории. Апологеты буржуазной идеологии, насаждаемой империалистами США, пытаются уничтожить остатки корейской науки, в том числе науки историко-этнографической.

По вине южнокорейских властей этнографы КНДР лишены даже возможности переписываться с южнокорейскими этнографами. Такое положение немало мешает координированному развитию корейской этнографии. Но эта искусственная преграда будет уничтожена. Мы уверены, что Южная Корея будет освобождена от империалистов и марксизм-ленинизм станет знаменем этнографической науки объединенной Кореи.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

А. Г. ПЕРИХАНЫ

ОБРАЗЕЦ ПЕХЛЕВИЙСКОГО БРАЧНОГО КОНТРАКТА

Образец пехлевийского брачного контракта, о котором будет идти речь, был составлен в 1278 г. на основании норм, сложившихся еще в сасанидский период, а возможно, и раньше. Текст контракта, дошедший до нас в нескольких списках (не менее четырех), был опубликован в Бомбее в 1897 г. дастуром Асаной (Pahlavi Texts, II, стр. 141—143). Вслед за этим появилась коротенькая заметка Веста об этом памятнике¹ с транскрипцией и переводом трех начальных формул текста. Перевод этого текста на английский язык, сделанный Б. Т. Анклесарией², остался мне недоступен.

Данный текст, насколько мне известно, привлекался в качестве одного из источников в двух работах — статье А. Пальяро (в связи с выражением *pat guharik*), где дан перевод формул 8—10-го контракта³, и в книге А.-А. Мазахери, в которой автор касается этого текста крайне поверхностно.

Patmānak i katak-xvatāyih⁴

(1) Andar mäh i Vahman i sāl 627 (i) pas hač sāl i XX i öy i Yazd-kart šāhān šāh Šahryārān nāf i öy i Aparvêz Xusrav i šāhān šāh i Ōhrmazdān frāč nazdist rōč i Daōv pat Mihr (2) ka vāčak i vēh pat hanjaman matār būt ast pat pātəxšāyihā zanīh kart i mart i vahmān nām vahmān i vahmānān pus vahmān rōtastāk vahmān dēh <vahmān> mānēt kanēzak ē(t)/ē(v) vahmān nām vahmān i vahmānān pātəxšāyihā duxt ham vahmān dēh mānēt. (3) U-š ētōn mat ēstēt pat sardārih i vahmān pit čiyōn ka-š zanīh ut duxtakānīh pat rāh [i] stūrih ut ēvkānīh i kas pat-iš nē mat ēstēt. (4) Etōn vahmān i pat xvāst ut dāt i hač vahmān pit xōrsandīh ut hamdātəstānīh i ham vahmān ham vahmān pat ahravdāt pātəxšāyihā zanīh kart. (5) Ut ham vahmān i vahmān pit ham vahmān rād pat ahravdāt pātəxšāyihā zanīh pat 3 gōβišnīh bē ō vahmān dāt. (6) Ut ham

¹ Gr. Ir. Ph., II, стр. 119—120. Список аббревиатур и сокращений см. ниже в статье В. А. Лившица, стр. 82—83.

² Упоминается у А.-А. Мазахери, La famille iranienne aux temps anté-islamiques, Paris, 1938, стр. 80.

³ A. Pagliaro, L'anticresi nel diritto sāsānidico, RSO, vol. XV, f. 4, 1935, стр. 308.

⁴ В приведенной ниже транскрипции текста и его переводе заключенное в круглые скобки цифровое обозначение формул принадлежит автору данной статьи и является условным. В квадратных скобках даны восстановления, в угловых — внесенные переписчиком и подлежащие изъятию из текста. В переводе слова, заключенные в круглые скобки, отсутствуют в тексте и введены автором статьи для ясности; в круглых скобках и кавычках приводится буквальное значение данного в тексте слова.

vahmān hač-iš bē patigrift ētōn ku vahmān ēn-ič patigirēt ku žīvand drahnād(?) hač zanih ut ēvkānih ut framān-burtārih ut tarsakih varzitar andar ham vahmān [ut] hač ērih ut vēhdēnih bē nē vartom. (7) Ut vahmān ēn-ič guft ku žīvandak drahnād(?) pat zanih grāmik pat katak-bānūk ōstəḡār ut pat xʷarišn ut vistarak nihuft ut patmōxt ut šōyvarih sardār tuvān sahmanākihā ut hangām passačākihā xūp pat āzarm dārom ut fr zand hač-iš zāyēt pat pātəxšāyihā frazandih i xʷēš dārom. (8) Ut ka ē hēr hamgōnak būt ham vahmān ham vahmān rād pat vindišn pātəxšāyih kart ut pas hač kart i hač patmān ham vahmān i vahmān ham vahmān vahmān rād vēh sahist dōšit 3000 drahm i āsēmēn i šahr-ōḡarišn [.] U pat guharik i 3000 drahm i āsēmēn i šahr-ōḡarišn i vēh sahist mar h hamokēn xʷastak ō dārišn ut xʷēših mat ēstēt i pat bē dāt pātəxšāyih būt [.] (9) Ut ān-ič i hač nūn frač ō dārišn ut xʷēših rasēt p bē dātan pātəxšāyih hom [ut] pat 2 bahr ē(v) * bahr abaxt ō vahmān vahmān dāt hom [.] Ut ham vahmān i vahmānān rād apar ham māt pātəxšāy kart hom ētōn ku harv ka vahmān ayāp kas hač vahmān yāt rād xʷāstārih kunēt apēāhōkihā api-š apəspārom ut pat-iš spōž ut vistar nē kunom. (10) Ut ham vahmān i vahmān ēn matak pat guhar i ēn 3000 drahm pat pāyēnišnih (?) patigrift ut pat-iš hamdātəstan bi (11) Ut ham vahmān i vahmān pit yatakḡōḡ api-š mat ēstēt [ut] ham vahmān* i vahmān pāyēnišnih (?) patigirēnd pat vičār nē patkārtan. (12) Ut ham vahmān i vahmān pat čē hamdar aparik čiyōn patmān i zar būt kē xʷēškārih būt pursit xʷāst ut vičust ut apar mat hom. (13) Ut hamdātəstānih vahmān i vahmān guft vahmān i vahmān ut vahmān vahmān ōyōn ēn dip hač guft ut ḡōḡišn <i> [ut] hamdātəstānih i vahmān i vahmān ut vahmān i ham vahmān rād ham vahmān i vahmān Pit vahmān i vahmān [.] vāvarikānih rād pat gukāyih i ham vahmān i vahmān ut vahmān i vahmān ut vahmān i vahmān. Fražaft.

Перевод:

Брачный договор

(1) В месяце Вохуман года 627 по истечении 20-го года (правления) Иездигерда, царя царей, сына Шахрияра, потомка Хосрова Апарверд, царя царей, сына Ормизда, накануне (дня) Дадв-пат Михр месяца Михр. (2) Когда слово доброе в присутствии собравшихся было объявлено о вступлении в полноправный брак человека по имени такого-то сына такого-то, сына такого-то, проживающего в рустаке таком-то деревне такой-то, с девушкой той («одной»?) по имени такой-то, законной дочери такого-то, сына такого-то, проживающей в той же деревне. (3) И она, таким образом, вступает под опеку такого-то, отца, поскольку она не вступала в брак или удочерение (т. е. не была удочерена.—А. П.) посредством установления над нею опеки и подчинения (со стороны) какого-либо лица. (4) Таким образом, такой-то, по испрошении и получении от такого-то, отца, одобрения, и согласия такой-то (?), с такой-то, во исполнение благочестивого долга, в законный брак вступил. (5) И такой-то, сын такого-то, отец, такую-то, во исполнение благочестивого долга, в законный брак такому-то отдал, произнеся трижды (соответствующую формулу). (6) И такой-то от него принял, так что и такая-то также и это (?) примет (?): «Пока я жива, от исполнения брачных обязательств («брака») и подчинения и послушания и страха в отношении такого-то, а также от присущих иранцам норм морали и религии я не уклонюсь». (7) И такой-то также принял следующее: «Пока я жив, я буду держать ее в браке с уважением, относиться к ней с доверием как к хозяйке дома, кормить и одевать (ее), и, обладая супружеской властью, согласно обычаям и соо-

ответственно обстоятельствам («времени») хорошо и в почете буду ее держать. И детей, которые от нее родятся, я буду считать своими законными (т. е. полноправными) детьми». (8) И поскольку (у них) соответственно единое (общее) имущество (?), такой-то такую-то наделил доходом правомочным образом [.] И после наделения, согласно договору, такой-то, сын такого-то, заявил о согласии (на уплату) для такой-то, (дочери) такого-то, 3000 драхм серебром, годных для обращения в стране [.] И он был наделен правом против принятых 3000 серебряных драхм, годных для обращения в стране, соответственный эквивалент из всего имущества, которое поступило в его владение и собственность, выдать (ей). (9) «А также и из того, что отныне в (мое) владение и в собственность поступит, я правомочен отдать из двух частей одну часть, без выдела, такой-то, (дочери) такого-то, я дал [.] И такую-то, (дочь) такого-то, в отношении этой суммы я правомочной сделал, так что в любой момент, когда такая-то или кто-либо по поручению (букв. «от») такой-то относительно этой доли затребование сделает, без ущерба ей (ему) я передам и в этом оспаривания или промедления не сделаю». (10) И такая-то, (дочь) такого-то, такую (форму возмещения) взамен тех 3000 драхм в качестве гарантии приняла и с этим согласилась. (11) И такой-то, (сын) такого-то, отец, явившийся (в качестве) посредника (или: адвоката), [и] такой-то, (сын) такого-то, гарантию принимают на то, чтобы при выплате не спорить. (12) И я, такой-то, (сын) такого-то, обо всем остальном смежно, что при заключении договора о браке полагалось, расспросил, затребовал и рассмотрел и занёс (?). (13) Так этот контракт со слов и изъявления согласия (?) такого-то, (сына) такого-то, и для такой-то, (дочери) такого-то, такой-то, (сын) такого-то, (составил) [.] Отец такой-то, (сын) такого-то; относительно достоверности [такой-то, сын такого-то], свидетели: такой-то, (сын) такого-то, и такой-то, (сын) такого-то, и такой-то (сын) такого-то. Конец.

Комментарий

(1) Контракт датирован эрой, начинающейся после 20-го года правления Иездигерда (т. е. в год его смерти — 651 г. н. э.) так называемой эрой «парсик»⁵, следовательно, в переводе на наше летосчисление 1278 г.⁶ Календарь — зороастрийский («младо-авестийский»).

(2) Речь идет об официальной церемонии вступления в брак типа *patəxšāyih*, т. е. в полноправный брак *sum man tariti* — одна из пяти разновидностей брака, известных древнеиранскому семейному праву⁷. Церемония происходила перед специальным «собранием», состоявшим из жреца, совершавшего обряд, и свидетелей, а также родственников брачующихся. Этот обычай продолжает бытовать у зороастрийцев до нашего времени. По сообщению парсийского исследователя Дж. Дж. Модии, и в зороастрийской общине Индии бракосочетание совершается перед *anjuman'om*; минимальное число участников *anjuman'a* — 5 человек⁸.

matār būt ast: в рукописи, легшей в основу издания Асаны, глагол-

⁵ E. Sachau, *The Chronology of Ancient Nations*, London, 1879, стр. 138, 184; E. West, *Note sur l'ère des Parsis*, «Le Muséon», V, 1886, стр. 131—132.

⁶ В качестве курьеза можно привести толкование датировки, данное Мазахери (Указ. раб., стр. 80): «год XX зороастрийцев, что означает 627 г. н. э.».

⁷ О формах брака у зороастрийцев см.: Chr. Bartholomae, *Über ein sasanidisches Rechtsbuch*, «Sb. d. Heidelb. AW», Phil.-hist. Kl., 1910, 10 Abh., стр. 5—8; его же, *Zum sasanidischen Recht*, I, «Sb. d. Heidelb. AW», Phil.-hist. Kl., 1918, 5 Abh., стр. 31—38.

⁸ J. J. Modi, *The Religious Ceremonies and Customs of the Parsees*, Bombay, 1922, стр. 21, 32.

связка стоит во множественном числе, *hēnd*, но по другой рукописи — *ast*.

pātaxšāyihā: эта атрибутивная форма широко засвидетельствована также и в сасанидском судебнике, — «Книге тысячи судебных решений», где наряду с ней встречается и *šakarīhā*, уже применительно к второй разновидности брака.

(3) В данной формуле отражено зафиксированное в сасанидском судебнике и других источниках положение, согласно которому при вступлении в брак жена подпадает (так же как и в римском праве: браке *cum manu*) под власть мужа или его *pater familias*, входя в его *familia*, становясь, таким образом, агнаткой его и его родственников при полной потере агнатических связей со своей прежней семьей. При жизни свекра, она, естественно, вступает под его опеку (*sardārīh*), под которой находится и ее муж. Вторая часть этой формулы, где дается обоснование юридической правомочности невесты для вступления в *familia* мужа, обусловленного браком *pātaxšāyih*, также находится в полном соответствии с нормами сасанидского права. Если бы она была замужем прежде, то она продолжала бы оставаться агнаткой своего первого мужа и возможность вторичного полноправного брака была бы для нее закрыта; она могла бы вступить только в брак второго типа, *šakarīh*. Если бы она была удочерена каким-либо бездетным лицом или являлась бы единственной дочерью своего отца не имеющего мужского потомства или приемного сына, то в этом случае она могла бы только вступить в брак другой категории, при котором она должна была бы оставаться под властью своего приемного или естественного отца, во всяком случае до появления у нее первого ребенка мужского пола, который должен был стать агнатом ее отца.

Союз *ut* перед *duxtakānīh* и *ēvkānīh* отсутствует в издании, но имеется в одной из рукописей (см. примечание издателя).

Sardārīh, «*patria potestas*, опека»; *pat rāh i...* «через, посредством...» — хорошо засвидетельствованный идиом, ср. Nyberg, *Hilfsbuch*, II, стр. 174; MhD 23,12; 60,17 и др. — *stūrīh* «*cura*, опека»; *stū* имеет как активное, так и пассивное значение: 1) «*curator*, опекун». 2) «*curandus*, подопечный» (см. ZsR V, 34, прим. 2). Распространением термина *stūrīh* на опеку приемного отца над усыновленным объясняется позднейшее употребление его в «Риваятах» для обозначения самого акта усыновления (ср. ZsR V, 23, прим. 1). В нашем контексте возможно понимать *stūrīh* как «адоптация, усыновление», но вряд ли это целесообразно, учитывая, что значение это относительно позднее. Этимологии слова *stūrīh* пока не установлена.

ēvkānīh в нашем тексте встречается дважды; ср. *ēvkānakīh* «согласие, послушание, преданность, покорность».

(4) Одним из неперенных условий заключения брака типа *pātaxšāyih*, известным также по источникам сасанидского времени, являлось волеизъявление родителей (отца) невесты и согласие ее самой.

xvāst ut dāt — застывшая формула, ср. *xvāst ut stat*, «затребовано и взыскано», MhD 76,5, 12-13.

pat ahravdāt: согласно этическим и религиозным представлениям зороастрийцев, вступление в брак являлось актом благочестия и религиозного долга.

(5) *pat 3 gōḇišnīh* «произнеся трижды (соответствующую формулу)». Это выражение (*pat 3 gōḇišn*, *pat 3 gōḇišnīh*) встречается неоднократно в сасанидском судебнике. Бартоломэ переводит его: «тремя словами» и полагает, что формула заявления (или клятвенной присяги) должна была состоять из трех слов. В подкрепление своего толкования этого выражения Бартоломэ приводит контекст из MhD 60, 7-8: *Ka mart i šahr pat 3 gōḇišnīh gōḇēt ku xvāstakdār hom* «wenn der

Landsmann mit den 3 Worten erklärt: «Ich bin Sachbesitzer»⁹. Формула заявления из трех слов, однако, налицо только в немецком переводе Бартоломэ, в оригинальном же тексте она состоит всего из двух слов, которые, очевидно, произносились трижды, ср., например, MhDA 9,7, где «pat ē(v) gōḇišnīh ut 2 gōḇišnīh»¹⁰. Небезынтересно отметить, что, по описанию брачного обряда у зороастрийцев в наше время, жрец трижды задает вопрос о согласии семьи и самих брачующихся на брак¹¹.

(6) По MhD при акте передачи необходимо заявление о принятии еще (patigīrišn paitākēnitān) со стороны лица, которому она передается, в противном случае передача может считаться недействительной (ср., например, MhD 17, 5-7; 8-10).

drahnāḍ (?) «длина, долгота» — дважды засвидетельствовано в данном тексте в написании вместо ожидаемого , ср. tāk īvandak drahnāḍ в Pand-nāmak i Zartušt, 23,17-18, в такой же графической передаче, что и в нашем тексте; то же написание встречается и в Денкарте (ср. DkM 78, 21; 718, 21; 770,19), но в неясном для меня контексте. Менее вероятно чтение *druvāk «здоровый, целый», ср. ав. drva-, Air.Wb., 782.

framān-burtārih, ср. MhD 12,13: zan hač framān i šōy bē ēstāt nē pātəx-āy «Жена не имеет права уклониться от исполнения распоряжения мужа» (в данной статье судебногоника имеется в виду распоряжение мужа о передаче на попечение жены денег или имущества, выделенных им на проведение обрядов или благотворительность, «во спасение души», uvān rāḍ).

tarsakiḥ «страх», тут в смысле «повиновение», очень часто встречается в MhD (наряду со своим антонимом); неповиновение жены рассматривается как достаточное юридическое основание для ущемления ее имущественных прав, например лишения ее личного дохода (ср. MhDA 3, 13—17, 7,17—8,2 и др., а также DkM 739,1—6).

erih: букв. «иранство»; употребительно и в переносном смысле как благородство, высокая мораль, связанная с иранским происхождением и принадлежностью к религии Зороастра. Может, подобно следующему за ним в данном тексте слову, служить синонимом «зороастризма». Ср. MhD 44, 6-8: mart ka-š bē zan ayār ān i an-erih dārēt yār-iš bē apurnāyik i ō aydēnih šavēt han frazand nēst stūr ō gumarišn, «если у человека нет жены, кроме иранки (или: «отступившей от зороастризма»), или иного ребенка, кроме несовершеннолетнего сына, решившего в незороастрийскую веру, то следует назначить опекуна над его имуществом»).

(7) Полноправная жена в семье мужа является kākak-bānūk, «хозяйкой дома» (муж — kākak-xvatāy) и имеет право на пожизненное содержание — x'arišn ut dārišn — со стороны мужа. Ср. MhD 32, 12—13: us tāk purnāy bavēt duxt tāk šōy kunēt zan tāk žīvandak ān i pātəxšāy-ā x'arišn ut dārišn «сын — до достижения им совершеннолетия, а дочь — до выхода замуж, а жена — состоящая в браке сип тапи — пожизненно, подлежат содержанию». Данное выражение для обозначения «содержания» широко употребительно не только в «Судебнике», где имеется специальная глава «Dar i x'arišn ut dārišn i kas hač kas» Глава о содержании одного лица другим» (MhD, 32,11—36,1), но встречается и в других пехлевийских памятниках (DkM 518,5; 551,2; 72,5; 576,9; Кп. 14). В содержание входило обеспечение одеждой, отсюда другое, также обычное в MhD и других текстах, определение со-

⁹ ZsR II, 17, 25 (прим.); ZsR IV, 20.

¹⁰ Ср. также MhD 68,8: pat čand yāvar sahišn gōḇet «несколько раз заявляет, что то ему подходит (т. е. о своем согласии на принятие данной вещи.— А. П.)».

¹¹ J. J. Modi, Указ. раб., стр. 36.

в каузативной форме (*ōbarēn-*) в пехлевийской Псалтыри ¹⁴, ср. ав. *ava-baga-* (Afr. Wb., 943; Henning, *Verbum...*, 176) ¹⁵.

Теперь о самом обязательстве. При первом же знакомстве с ним не остается сомнений в том, что тут мы имеем дело с *donatio propter nuptias*, с гарантийным обязательством жениха в отношении своей будущей жены на случай развода и пр. Упоминание об этом брачном обязательстве имеется и в пехлевийском сочинении «Замасп-намак» (15), в котором приобретение девушкой *kārēn*'а символизирует вступление ее в брак ¹⁶. Гораздо более детальные сведения об этом содержатся в персидских «Риваятах» — сборниках разнородных сведений о зороастрийской религиозной догматике, обрядах, обычаях, правовых нормах и т. п., которые были привезены из Фарса специально направленными туда послами гуджаратской зороастрийской общины в XV—XVII вв. Так, в «Большом Риваяте» Дараб Хормазияра (компиляция XVII в.) ¹⁷ приводится следующая справка со ссылкой на «Риваят» Наримана Хошенга из Бароча (посольства этого лица в Фарс имели место в 1478 и 1486 гг.): «Задали вопрос — есть ли *maḥr* (ماهر) у маздаяснийцев или нет? Ответ: *maḥr*-ом здесь называют две тысячи дирхемов белого серебра, без примеси (وینزه) и два нишапурских динара ¹⁸ красного золота, имеющих хождение (سره), — (он) указан в брачном контракте (عقد نامه) и следует (условия махра) прочесть (очевидно, при обряде бракосочетания. — А. П.), чтобы стало известно».

Как следует из «Риваята» Шапура из Бароча, *donatio propter nuptias* полагалась также при заключении брака типа чакар, только размер ее был вдвое меньшим, составляя одну тысячу дирхемов серебра и один золотой динар (см. Bartholomae, *Zend-Handschr.*, стр. 132).

Та же сумма в 2000 драхм серебром и два золотых динара, подлежащих выплате невесте, фигурирует (фиктивно) и при оформлении брака в наше время у зороастрийцев Индии ¹⁹. В описанной Д. Менан и Дж. Модии церемонии брака жрец обращается к свидетелю жениха со словами: «В присутствии этого собрания, которое собралось в городе таком-то, в такой-то день, такого-то месяца, в такой-то год царя Иездигерда, скажи, согласен ли ты взять эту девушку, такую-то по имени, в жены для этого жениха в соответствии с обычаями и правилами маздаяснийцев, обещая уплатить ей 2000 дирхемов чистого белого серебра и два динара настоящего золота нишапурской чеканки?». На что свидетель от лица жениха отвечает: «Я согласен» (вопрос и ответ повторяются трижды) ²⁰.

С точки зрения процедуры, нашедшей отражение и в тексте рассматриваемого брачного контракта (ср. *veh sahist dōšit*), может представлять известный интерес свидетельство, имеющееся в двух «Риваятах» — *Kāūs Kāmān*'а и *Kāma Bohra* (Norm. Riv., 179—180; Barth., *Zend-Handschr.*, 131) относительно порядка обручения (*nāmzad*). Претендент

¹⁴ F. C. Andreas, K. Barr, *Bruchstücke einer Pehlevi-Übersetzung der Psalmen*, SPAW, Phil.-Hist. Kl., 1930, Glossar, s. v.

¹⁵ А. Пальяро (RSO, XV, 4, 1935, стр. 308) читает *šahr-hubarišn* и переводит «*di corso valevole*».

¹⁶ См.: Н. В. Bailey, *To the Zamasp-Nāmak. I*, BSOS, vol. VI, pt. 1 (1930), стр. 56. Ср. др.-арм. заимствование из среднеперсидского, *karēn-kh*, передающее в библейском переводе (Deuteron., 23, 18) греч. *μίσθωμα*, по контексту — плата мужчине женщине.

¹⁷ E. M. R. Unvala, *Dārāb Hormazyār's Rivājāt*, vol. I, Bombay, 1922, стр. 179; Chr. Bartholomae, *Die Zendhandschriften der K. Hof- und Staatsbibliothek in München*, München, 1915, стр. 132.

¹⁸ Нишапурский динар как самая полноценная золотая монета засвидетельствована для сельджукидского периода. См.: *Al-Khāzinī, Kitāb Mizān al-Hikma*, Хайдарабад, 1359 (хиджры), стр. 137 и 148. (Указано А. М. Беленицким).

¹⁹ D. Menant, *Les parsis. Histoire des communautés zoroastriennes de l'Inde*, Paris, 1898, стр. 164; J. J. Modi, *Указ. раб.*, стр. 25, 35—36.

²⁰ Данное обращение составляет часть *āfrin*'а, ср. «*Pāzand Texts*», Bombay, 1909, стр. 112.

на руку девушки должен направить к ее отцу или, в случае отсутствия отца, к ее опекуну своего представителя на испрошение согласия отца, а также девушки на брак. Отец или опекун невесты в таком случае заявляет этому посреднику, что он отдаст претенденту свою дочь, если тот выразит согласие на уплату ей *kāṣēn*'а в размере 2000 драхм серебром. Затем посредник возвращается в дом претендента и сообщает ему волеизъявление опекуна невесты, после чего претендент снова направляет посланца к опекуну девушки с заявлением о своем согласии с данным волеизъявлением. При совершении же самого брачного обряда, как мы видели выше, формула согласия жениха на уплату невесте *kāṣēn*'а повторяется и заносится в брачный контракт.

Далее идет условие, которое следует признать или частным случаем данного контракта, или же характерным для того времени, когда этот образец составлялся. Речь идет о праве жениха выплатить означенную гарантийную сумму не в деньгах, а соответственным эквивалентом из наличного у него имущества. Такое право, очевидно, предоставлялось из-за практической невозможности или трудности накопления большой суммы наличности.

pat guharik i... «в обмен на, против, вместо». Неоднократно встречается в сасанидском судебнике. Уже Бартоломэ правильно понял значение *𐭥𐭭𐭮*, при рассмотрении одной из статей судебного (MhD 7, 15-8,2; см. ZsR II, 46). Окончательное уточнение значения этого термина как «возмещение, эквивалент» и установление его этимологии (*guharik* < **guahrīk*, ср. ав. *yuagədu-*, н.-п. *گوهری*, «обмен, компенсация») принадлежит А. Пальяро (ук. соч., стр. 303—315), который привлек для этого как остальные статьи судебного с этим термином, так и другие пехлевийские тексты, включая данный контракт.

maḡ, ср. *maṛihā*.

(9) Цитируется заявление жениха о наделении будущей жены доходом (*vindišn*) с конкретными условиями этого наделения. За этим следует его же заявление о передаче ей права распоряжения выделенным ей стоимостным эквивалентом *kārēn*'а и обязательство при востребовании выдать (дать на вынос) ей или ее доверенному лицу эту долю имущества без ущемления ее интересов.

yātak «доля, часть» (ав. *yāta-*, Air, Wb., 1283). В форме *y't* прочтено Андреевсом в Авроманском пергаменте; засвидетельствовано также в пехлевийской Псалтыри (*y'tu/y*).

(10 *𐭥𐭭𐭮*) следующее в рукописях вслед за NQD, идеограммой для ср.-п. *mātak*, возможно, просто является ее фонетическим раскрытием.

pat pāyēnišnih (?) «в качестве гарантии». Вместо идеограммы *pat* в рукописях стоит идеограмма *bē*, но смешение этих двух идеограмм обычно для книжного пехлеви. Предлагаемое чтение второго слова очень гипотетичное (написание: *𐭥𐭭𐭮𐭥𐭭𐭮*), смысл же его не вызывает сомнений. В «Судебнике» многократно встречается слово, *𐭥𐭭𐭮𐭥𐭭𐭮* с графическими вариантами *𐭥𐭭𐭮𐭥𐭭𐭮*, *𐭥𐭭𐭮𐭥𐭭𐭮* и даже *𐭥𐭭𐭮𐭥𐭭𐭮𐭥𐭭𐭮* (последний явно ошибка переписчика), основной же вариант написания — первый. Как следует читать это слово — неясно; Бартоломэ воздержался от какой-либо попытки предложить его чтение или этимологию, хотя значение этого термина было им же установлено по всем контекстам с несомненной точностью (см. ZsR IV, стр. 6, 19, 22, 44-49): «гарант, поручитель». Предлагаемое же Пальяро чтение этого слова как *pāsavān* (Указ. раб., стр. 296, 308), а представленной в данном контракте формы как *pāsavānih*, неприемлемо из-за графики²¹. Мне кажется возможным

²¹ Равным образом и предлагаемое Г. В. Бэйли отождествление встречающегося в «Судебнике» термина с *passoxv* в «Замасī-намаке» (Zп., 50) и распространение чтения *passoxv* на термин, обозначающий «гаранта» в «Судебнике», мне не представляется удачным, особенно ввиду существенной разницы в написании (ср. H.W. Bailey, BSOS, vol. VI, pt. 1, 1930, стр. 83).

видеть тут два именных образования, в основе которых лежит каузатив от *rā(y)*-. Как бы ни читалось это слово контракта, значение его как «гарантия, порука» неоспоримо.

(11) *vičār*: юридическое значение — «выплата, погашение», ср. арм. *vāčarel* в том же значении; в тексте стоит гетерограмма 𐭮𐭩 ср. с гетерограммой *vičārtan* (FiP 18,6).

yātakgōβ, «адвокат, защитник, посредник», в нашем тексте, очевидно, отец невесты, представляющий ее интересы. Под другим лицом, «таким-то, сыном такого-то», возможно, скрывается сам жених или его представитель. Для конструкции с *matan* ср. MhD 93,14—15; 94,1: *pat yātakgōβih i kas matan*.

patkārtan: обычное юридическое значение этого глагола — «вести тяжбу».

(12) *hamdar* «смежный?». Ср. *Dēnkart*, *passim* (𐭮𐭩𐭮𐭩).

(13) *dip* «документ, контракт». В MhD это документ о контракте, снабженный печатью, *muhr apar nihāt* (ср. MhD 100, 13—15; 102, 16). Данный документ, видимо, представляет экземпляр невесты.

SUMMARY

The present article deals with a specimen of the Pahlavi marriage contract published in Pahlavi Texts, II, pp. 141—143, which was drawn up in the XIII-th century according to the standards surviving from the Sassanian period. The article offers a transcription and a translation of this marriage contract as well as a philological and terminological commentary.

В. А. ЛИВШИЦ

СОГДИЙСКИЙ БРАЧНЫЙ КОНТРАКТ НАЧАЛА VIII века н. э. (документы Nov. 3 и Nov. 4 с горы Муг)

Документы Nov. 3 и Nov. 4, написанные одним и тем же лицом в один и тот же день, составляют две части брачного контракта: собственно брачный договор (wδkr'nk, Nov. 3) и приложение к нему — обязательство жениха по отношению к опекуну невесты (Nov. 4). Это обязательство составлено в форме письма, от 1-го лица, (R, стк. 5—V, стк 1), но было скреплено, как и брачный договор, подписями свидетелей и, в отличие от договора, печатью. Как можно предполагать, печать на обязательстве скрепляла весь контракт в целом.

Контракт был написан не менее чем в двух экземплярах — на тексте обязательства, дошедшем до нас, имеется приписка, указывающая на то, что данный экземпляр должен был храниться у невесты (cttyh pwtst — «экземпляр Чаты»).

В мугском собрании имеются и другие тексты юридического характера — договор об аренде мельниц (док. В-4)¹, договор о продаже земельного участка (док. В-8)², а также составленные по определенной форме расписки³. Все три договора мугского собрания имеют некоторые общие признаки. Они написаны на кожах трапециевидной формы, по-видимому, для удобства запечатывания документа. В договорах встречаются слова, не отмеченные в опубликованных до сих пор согдийских памятниках, отсутствующие в других мугских документах и характерные, по-видимому, для юридических текстов (например, рδ- «род», twy'z-«выплачивать»).

Брачный контракт, насчитывающий 90 строк, — наибольший по объему текст мугского собрания. Он отличается от других документов

¹ См. В. А. Лившиц, Согдийский документ В-4 с горы Муг, «Проблемы востоковедения», 1959, № 6, стр. 123—138.

² Описание док. В-8 см. «Согдийский сборник», Л., 1934, стр. 36. См. также «Проблемы востоковедения», 1959, № 6, стр. 133 сл.

³ Например, док. А-10: (1) rty βyrw 'zw ZNH wγšmryk (2) MN k'c'ky X 'βzynch ZY(3) pnc γ'w crm cw gync'kkw (4) cw RBkw ZY 'yw γr' crm, (5) rty ZNH n'm'kt 'δw mγwnt (6) rty MN 'yw wγšmryk (7) δ'rt ZY 'yw k'c'k (8) ZKп γwβw δyw'stys (9) XI srδ 'γ m'γy (β) γk' пyc (10) rty 'yδ γw'n'k (p) w (s) t (11) γурδ «Получил я, Вгашмарик, от Качака 10 козьих и пять бычьих шкур, малых и больших, и одну ослиную шкуру. И этих расписок (n'm'kt) — два экземпляра («две одинаковые»), и из них одну хранит Вгашмарик, а другую — Качак. Государя Деваштича 11 лет есть, месяц Вагаканич. А эта испорченная (γw'n'k) кожа — (моя) собственная». (Как указал уже А. А. Фрейман в «Согдийском сборнике», стр. 44, док. А-10 был написан на дефектной коже.) 'βzynch — «козья» от (')βz- «коза», ср. ягн. vuz, vəz, хорезм. 'βz «коза», 'βзлук «козел» (см. W. B. Henning, The Khwarezmian Language, отд. оттиск, стр. 14). Другие толкования 'βzynch менее вероятны («рукоять для ножа»? ср. будд. зуп «нож, кинжал», мугск. зупwδ «ножны для кинжала» в док. Nov. 1; «переметная сума», «седельный выюк»? ср. перс. ягн. zīp «седло»); возведение к авест. aiwīdāpa-, ср. ко. резм. 'βz'пу- «узда», невозможно.

и по дате составления. Это — единственный в собрании текст, датированный временем правления согдийского царя Тархуна. Начало правления Тархуна относится, по всей вероятности, к 700 г. н. э. Приняв эту дату, можно определить день, месяц и год составления документов Nov. 3 и Nov. 4 — вторник, 25 марта 710 года (10-й год царя Тархуна, месяц масвугич, день асман-роч)⁴.

Брачный контракт мутского собрания является важнейшим в настоящее время письменным источником для изучения брака и семьи в согдийцев в доисламский период. Есть все основания полагать, что формуляр контракта и изложенные в нем обязанности и права сторон были, во всем основном, типичными для согдийской знати не только в начале VIII в. н. э., но и в предшествующие столетия. Это предположение не противоречит тому факту, что док. Nov. 3 и Nov. 4 фиксируют брак знатного тюрка Ут-тегина с согдианкой Дугдгончей. Прозвище или «второе имя» (pyš'n'm'k)⁵ Ут-тегина, упоминаемое в контракте, — иранское (pydnh=Nidan или Nilan), а о его связях с пенджикентским двором Деваштича свидетельствуют хозяйственные тексты мутского собрания (док. Б-1).

Детальный анализ этнографического и исторического материала, содержащегося в брачном контракте с г. Муг, является в значительной степени задачей будущего исследования. В настоящем издании комментарий к тексту контракта имеет главным образом, филологический характер. Перевод текста дан, по возможности, буквальный. Значение ряда юридических терминов и целых формул, засвидетельствованных в контракте, должно быть уточнено. Черты сходства и различия брачного договора и брачных отношений в Согде и в сасанидском Иране могут быть установлены только на основе анализа сасанидского судебного кодекса (Mātakdān i hazār dātistān). Некоторые из этих признаков легко заметить при сравнении согдийского контракта со среднеперсидским текстом брачного договора, публикуемым А. Г. Периханян⁶.

Док. Nov. 3 и Nov. 4, как и другие мутские документы серии Nova (всего 8 документов), переданные в июне 1934 г. Таджикистанской базе АН СССР секретарем Захматабадского райкома партии Т. Пулоти⁷, не были описаны в «Согдийском сборнике». В «Инвентаре согдийских рукописных документов, найденных на горе Муг в Таджикской ССР в 1933 году»⁸, составленном А. А. Фрейманом, о док. Nov. 3 и Nov. 4 говорится следующее: «83 Нов. 3. Согдийский документ на коже 15.5×21. 26 строк на лицевой стороне и 24 на обороте. Документ датирован 10 годами царя trṭwnp.

84 Нов. 4. Согдийский документ на коже 13.5×15.5. На лицевой стороне — 22 строки, на обороте — 18. При документе была печать, сохранилась лишь часть прикреплявшего ее ремешка. Документ датирован тем же днем, месяцем и годом царя trṭwnp, что и предыдущий 83 Нов. 3»⁹.

⁴ В 709 г. согдийский год начинался 2 июня. День асман-роч месяца масвугич — 297-й день согдийского года = 25 марта 710 г.

⁵ См. комментарий.

⁶ См. выше, стр. 67—75.

⁷ См. А. А. Фрейман, Описание рукописных документов, извлеченных из развалин здания на горе Муг в Захматабадском районе Таджикской ССР около селения Хай-рабад и собранных Таджикистанской базой Академии наук СССР, «Согдийский сборник», Л., 1934, стр. 33, прим. 2.

⁸ Рукопись «Инвентаря . . .» хранится в Ленинградском отделении Ин-та востоковедения АН СССР.

⁹ «Инвентарь . . .», стр. 16. См. также А. А. Фрейман, Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане, Труды Ин-та востоковедения АН СССР, т. XVII, 1936, стр. 164 (указана дата документов — 10 лет Тархуна-царя); его же, Новая работа по согдийскому календарю, ВДИ, 1939, 4 (9), стр. 125, прим. 3 (чтение даты: trṭwnp MLK' 10 srđ'γ m'γu msβwγuc «trṭwnp царь 10 лет есть месяца msβwγuc»).

Брачный контракт написан каллиграфическим почерком, рукой хорошо выученного писца-профессионала, по-видимому, одного из лучших в Самаркандском Согде нач. VIII в. Имя его — Рамтиш, сын Вршфарна (R'mtyš ZKп 'γwšpṛn BRY), встречается только в док. Nov. 3 и Nov. 4; других текстов, написанных его рукой, в собрании нет.

Текст¹⁰

Nov. 3

- R(1) trγwn MLK' X srδ 'γ m'γy msβwγycy myδ 'sm'n
 (2) rwc KZNH pr'yp' ZNH γypδ 'γrywyh wδwh
 (3) 'wttkyn ky ZY ZK pyšn'm'k nyδnh MN nwykte
 (4) γwβw cyr MN w'γzn'kk BRY 'ywh nyzβr'nch yncḥ
 (5) wδwh ky ZY KZNH n'mt δγwtγwnch ky ZY šy ZK
 (6) pyšn'm'k ctth ZKwh wy'ws δγwth rtšw pty
 (7) βγš' ZNH cyr 'mh nyzβr'nch γwty pr swzwn
 (8) pδkh ZY pr KZNH y-w'r ZY δ'r't ZNH 'wttkyn 'mh
 (9) ctth wδwh pryh 'pryh rm γwrt rm nγwδn'
 (10) rm zywr rm ptβy' rm pryt'tyh ZNH γypδ γ'n'kh
 (11) p'tγš'wnh wδwh 'nγwncyδ 'YKZY ZK 'z-t'k mrty
 (12) ZKwh 'zth y-nch wδwh δ'r't rtnms δ'r't ZNH
 (13) ctth mw 'wttkyn wy-rw pryw 'pryw rtšn šyr
 (14) 'styh ptsynty γw't ZKwh prn'nḥ pr wδyh pδkh
 (15) ptγwš't 'nγwncyδw 'YKZY ZKh 'zth yncḥ ZKw
 (16) 'zt'kw mrtyw wy-rw δ'r't rtnpy-štkδ 'wttkyn pr
 (17) ctth L' wγty 'ny wδwh kwn'ty ZY 'sp'sy-kh ZY
 (18) w'γwnch y-nch kw 'γrywh δ'r'ty ky ZY ZNH cttyh¹¹
 (19) γwty L' ry-z't rty ZK wy-r' 'wttkyn ZNH wδyh
 (20) cttyh γwty XXX δrγmyh δy-n'rk'h¹² šyrh kr'nḥ
 (21) 'Pšw 'prtk β'ty ZY twy-'z'ty rty tyδ wyδ y-nch L'
 (22) wδwh L' 'sp'sy-kh δ'r'ty p'rZY šn w'e'ty rtnpy
 (23) štkδ 'wttkyn w'n'kw m'n β'ty ZY 'mh ctth wδwh
 (24) L' δ'r'tk'm p'rZY šn w'e'tk'm rtšn rm γwrt'k rm
 (25) 'ytk rm βyrteyh βrmh pw 'nsp'nh¹³ γwy-ckh w'e'¹⁴
 (26) 't rty 'nyh 'nsp'nh 'prtk L' β'ty L' twy-'z'ty
 V(1) rty cywyδ pyštrw w'n'kh y-nch wδwh kwn'ty ZY
 (2) šy γwty ry-z'ty 'krty rtnms kδ ZNH cttyh ZNH
 (3) m'ny w'n'kw β'ty ZY rm 'wttkyn pr'γw wδwh
 (4) L' myn'tk'm p'rZY šc¹⁵ γy-'tk'm¹⁶ rtšn pr'yc
 (5) 't ZKw L' 'βs'yntw nγwδnw ZY ZKw zywr wyδ 'δcw
 (6) 'cw ZY šy MN 'wttkyn βyrt'kw y-'t rty ZKw γypδ
 (7) 'stw rm z'mn'k 's't rty 'nyh 'nsp'nh 'prth
 (8) L' β'ty L' twy-'z'ty rty cy-wyδ py-štrw 'wn'kw
 (9) mrty wy-rw kwn'ty ky ZY šy γwty ryz'ty rtkδ 'wt
 (10) kyn γw'nḥ ZY γnt'kw kwn'ty rtšw γwty βr'ty ZY¹⁷ twy
 (11) 'z'ty rtnkδ 'δ'k βntk ZY np'k ZY w'n'k' ZY γypδ
 (12) n'y'ty rty ZNH ctth rm 'krteyh 'z-w'y pw 'nsp'nh
 (13) γwy-ckh β'ty rtnkδ ZNH γw'nḥ ZY γnt'kw kwn'ty rtšw
 (14) γwty βr'ty ZY twy-'z'ty rtkδ 'δ'k δ'yḥ ZY np'kh
 (15) ZY w'n'kh ZY γypδh n'y'ty rty 'wttkyn rm 'krtey

¹⁰ () — частичное восстановление знака; [] — полное восстановление; дефис указывает на отсутствие соединения с последующим знаком.

¹¹ Отпечаток знака над -y-.

¹² δyn'kk'h?

¹³ 'sp'nh, 'nsp'nh?

¹⁴ Или w'm?

¹⁵ -с вполне отчетливо.

¹⁶ Или šy-'tk'm. еряд ли z'y'tk'm.

¹⁷ Дописано сверху.

- (16) 'z-w'y pw 'nsp'nh γwy-ck' β'ty KZNH ZY ZK 'ny MN 'nyc
 (17) γw'nyh L' βr'ty L' twy-'z'ty rty 'krty ZNH wδkr'nk
 (18) βw'ty-n'k 'st'ny pt'yc ZKn γwy-št wγwγwk'n
 (19) ZKn βrγm'n BRY rty 'wδ m't sk'tc ZK šy-šc¹⁸ BRY
 (20) ZY cγr'yn ZK r'mc BRY ZY š'w¹⁹ ZK m'γ'kk BRY rty
 (21) np'γšty r'mtyš ZKn 'γwšprn BRY

(Преписка тем же почерком в обратном направлении):

- (1) 'wttkyn
 (2) cttyh
 (3) wδ(k) r'n'k

Nov. 4

- R (1) trγwn MLK' X srδ'γ m'γy msβwγyc
 (2) myδ 'sm'n rwc MN 'wttkyn ky ZY ZK
 (3) pyšn'm'k ny-δnh MN γyšyγ BRY kw
 (4) nwyktew γwβw cyr kw w'γzn'kk BRY ZY
 (5) šy kw BRYw ZY kw pδw s'r rtβγ 'zw c'β'k
 (6) δγwtγwnch ky ZY ZK pyšn'm'k ctth ZKwh
 (7) wy-'ws δγwth wδwh pr'y-pw rty pts'r
 (8) tw' cyr w'n'kw mnz'nw ZY pcy-γ'zw 'PZY MN nwr
 (9) myδ 'wts'r kw 'y-kwnw prm kw prm ZNH ctth
 (10) δ'm'k pr'yw wδwh myn'tk'm rtβγ ZKn βγy
 (11) ZY Zk n²⁰ myδr' nβ'nty L' pr'yδ'nk'm L' np'kh
 (12) L' w'n'kh L' 'pty kwn'mk'm rtšw ms ky •
 (13) c'm'k ZY MN sn'n²¹ kyr'n s'r 's't ZY pcy
 (14) wzy't rtšw 'zw y-wn pw γyδrph ZY pw rryrh
 (15) γwy-ckh w'c'nk'm rtms 'cw 'm'y cttyh δ'm
 (16) 'k (pr'yw) L' nm't m't kt'r ZY šw 'zw w'c'nk'm
 (17) (rtš)w kw (t)β'k cyr ZY kw BRYw ZY kw pδw s'r y'nt
 (18) ZY pw γyδrph ZY pw ryph ptwyδ'nk'm ZY δβr'mk'
 (19) m rtšw kδ L' δβr'n L' y-'nt ptwyδ'n rty
 (20) C δrγmyh δyn'rk'h²² n'krtync(h) (n)'krtynch²³
 (21) (p)tsynch²⁴ šyrh kr'nh 'prtk β'mk'm ZY δβr'm
 (22) k'm ZY twy-'z'm k'm rtšw kw prm L' twy-'z'n rtšw
 V(1) XXIIsw²⁵ pr wrtw δ'r'm k'm rty w'm
 (2) ty 'wttkyn rm BRY rm pδ ZKn cyr
 (3) γwty ZY šy ZKn BRY ZY ZKn pδy pr'
 (4) ymyδ yw'r ZY pr'ymyδ C δrγmy
 (5) 'prtk nyp'k ky ZY ZK py-šn'm'k
 (6) nβwδ'k ZKw βwrz BRY rty cyr rm pδ
 (7) k'm'k β'ty ckn'c ZY 'myδ ync pw
 (8) ryph rty 'myδ δrγmh rm wrt γwy-'z
 (9) 'tk'm rty ZNH n'm'k wyspy n'βy prm
 (10) 'n ZY šw'm'k rty 'krty ZNH βw'ty-n'k
 (11) 'st'ny pt'y-c ZKn γwyšt wγwγwk'n²⁶ ZKn
 (12) βrγm'n BRY rty 'wδ m't sk'tc ZK šy-šc
 (13) BRY ZY ck'wš'k ZK n'nc²⁷ BRY ZY cγr'yn
 (14) ZK r'mc BRY rty np'γšty r'mtyš ZKn

¹⁸ Или γy-γc.

¹⁹ γ'w?

²⁰ Отпечатки знаков над словом.

²¹ s'n'n?

²² δyn'kk'h?

²³ Так!

²⁴ (w)tsynch?

²⁵ XX''sw, XX'nsu?

²⁶ Третий знак, по-видимому, переправлен из '

²⁷ γc?

(15) 'γwšprn BRY pr 'wttkyn prm'nh ZY p(r) uywδ

(16) ZK 'np'rs

(Приписка тем же почерком в обратном направлении):

(1) ctyh

(2) pwstk

Перевод

Nov. 3

- R (1) Тархуна царя 10 лет есть. Месяц масвугич, день асман-
 (2) -роч. Взял себе («самому себе») в жены
 (3) Ут-тегин, прозвище ²⁸ которого Нидан ²⁹, от навекатского
 (4) государя Чера, сына Вахзанака, одну..... ³⁰
 (5) жену («женщину жену»), которая зовется Дугдгонча, (и) у ко-
 торой
 (6) прозвище Чата, дочь Вйуса. И
 (7) отдал эту... ³¹ сам Чер, по словесному уговору («слову») (и)
 (8) по закону, на таком условии: пусть имеет Ут-тегин эту
 (9) Чату женой любимой, почитаемой, давая ей («с») пропитание
 одежду,
 (10) украшения, с почетом, с любовью, в своем доме
 (11) (в качестве) полноправной жены ³² — так, как благородный муж-
 чина
 (12) благородную женщину женой имеет. И также пусть имеет
 (13) Чата этого Ут-тегина мужем любимым, почитаемым, и о его
 («их») благо-
 (14) получении должна она заботиться («его благополучием должна она
 удовлетворяться»), его приказ жене законом
 (15) пусть она «считает («выслушивает») — так, как благородная
 женщина
 (16) благородного мужчину мужем имеет. И в дальнейшем, если
 Ут-тегин
 (17) без разрешения Чаты («не сказав Чате») возьмет другую жену,
 либо наложницу
 (18) или (другую) такого рода женщину будет иметь («иметь у тела,
 у себя»), которая самой Чате
 (19) будет не угодна, то муж Ут-тегин жене
 (20) Чате, ей самой, 30 динарских драхм, хорошей сохранности, без
 примеси,
 (21) будет должен и выплатит. И такую («эту ту») женщину ни
 (22) женой, ни наложницей да не имеет, кроме (той, которую) ему (Ча-
 та) дозволит. И в даль-
 (23) нейшем, если Ут-тегин так решит («помыслит»), что эту Чату
 женой
 (24) он более иметь не будет, то пусть он ей («им») скажет, и ее с про-
 питанием, с
 (25) взятым (ею имуществом) ³³, с полученным ею платьем ³⁴, без
 (другой) компенсации ³⁵ пусть освобо-
 (26) дит («освобожденной отошлет»), и не будет он (ей) должен другой
 компенсации, и не выплачивает.
- V (1) И после этого он может жениться на той женщине,
 (2) которая ему самому понравится. И также, если у Чаты

²⁸ Или «второе имя»

²⁹ Или Нилан.

³⁰ puzβg'pnh см. комментарий.

³¹ То же.

³² p'tyš'wnh wδwh = ср.-перс. zan i patixšayih, см. комментарий.

³³ Речь идет, по-видимому, об имуществе, внесенном в дом Ут-тегина Чатой.

³⁴ βrmh.

³⁵ 'nsp'nh.

Рис. 1. Документ Nov. 3 (Recto)

[The text on this page is written in a highly stylized, cursive script, likely a form of shorthand or a specific dialect. It consists of approximately 25 lines of text, which are difficult to decipher due to the extreme cursive and the high contrast of the image. The text appears to be a formal document or a list of items, given the structured nature of the lines.]

Handwritten text in a cursive script, likely a medieval manuscript. The text is written in a single column and appears to be a list or a series of entries, possibly related to a calendar or a record of events. The script is dense and difficult to decipher without specialized knowledge of the language and script.

Handwritten text at the bottom of the page, possibly a signature or a date. The text is written in a cursive script and is partially obscured by the binding of the book.

Handwritten text in a cursive script, likely a historical document. The text is written on a single sheet of paper, which is slightly tilted and shows signs of wear and discoloration. The script is dense and fills most of the page. The document is identified as Nov. 4 (Recto).

Рис. 3. Документ Nov. 4 (Recto)

Handwritten text in a cursive script, likely a historical document. The text is written on a piece of paper that is slightly tilted and shows signs of wear. The script is dense and fills most of the page. The text is written in a cursive script, likely a historical document. The text is written on a piece of paper that is slightly tilted and shows signs of wear. The script is dense and fills most of the page.

Рис. 4. Nov. 4 (Verso)

- (3) такое решение («мысль») будет, что Ут-тегину она женой
 (4) более не останется, то пусть она его известит («у него спросит»?) и его поки-
 (5) нет. Одежду, годную к носке («не рваную»), украшения, те вещи,
 (6) которые она получит от Ут-тегина, а также ее собственное
 (7) имущество вместе с платой (?) ³⁶ пусть она возьмет. И она не будет
 (8) должна (ему) никакой компенсации,
 (9) и не выплачивает. И после этого такого
 (10) мужчину она может взять в мужа, которого она сама пожелает.
 И если Ут-те-
 (11) гин совершит преступление («грех и плохое»), то он сам за него
 (12) в ответе («понесет»), сам выпла-
 (13) чивает. И если он какого-либо раба или заложника ³⁷ или подоб-
 (14) ного этому («такого») похитит («уведет»), то Чата от уплаты компенсации по («с»)
 (15) вчиненному (Ут-тегину) иску
 (16) будет свободна. И если она совершит преступление, то за него
 (17) она сама в ответе, сама выплачивает. И если она какую-либо
 (18) рабыню или заложницу ³⁸
 (19) или подобную этому («такую») похитит, то Ут-тегин от
 (20) уплаты компенсации по вчиненному (Чате) иску будет свободен.
 И, таким образом, один за
 (21) преступление другого не отвечает, не выплачивает. И совершен
 этот брачный договор
 (22) в месте собраний (?) в присутствии жреца Бахгокана,
 (23) сына Вархумана. И здесь («там») присутствовали: Скатч, сын
 Шишча,
 (24) Чахрен, сын Рамча; Шав, сын Махака. И
 (25) написал Рамтиш, сын Вгашфарна.
- Примечание: (1) Ут-тегина (и)
 (2) Чаты
 (3) брачный договор.

Nov. 4

- (1) Тархуна царя 10 лет есть. Месяц масвугич,
 (2) день асман-роч. От Ут-тегина,
 (3) прозвище которого Нидан, сына Кишика,
 (4) навекатскому государю Черу, сыну Вахзанака, и его (=Чера) _____
 (5) сыновьям («сыну»), и роду. И, господин, я у тебя
 (6) Дугдгончу, прозвище которой Чата,
 (7) дочь Вйуса, взял в жены. И
 (8) тебе, Чер, я так заявил и обещал: с сегодняшнего
 (9) дня и впредь, на все время («вечно»), пока Чата
 (10) останется мне («со мной») женой, я, господин, твое («господина»)
 (11) имущество (?) ³⁹ и имущество (?) ³⁹, (обусловленное) этим согла-
 (12) шением (?), не продам, не заложу,
 (13) не..... И также, то, что
 (14) (Чата) от меня и со стороны. . . . ⁴⁰ получит («возьмет») и вос-
 (15) требует, я тотчас без ущерба, без задержки(?) ⁴¹
 (16) отдам («освобожденным отпущу»). А если Чате со мной (жить)
 (17) не захочется («не согласится») или же если я сам ее отошлю,
 (18) то тебе, Чер, и (твоим) сыновьям, и роду, невредимой (?)

³⁶ z'mn'k см. комментарий.

³⁷ np'k.

³⁸ np'kh.

³⁹ nš'nty.

⁴⁰ sn''n.

⁴¹ guryh.

- (18) без ушерба, без обмана я передам и вру-
 (19) чу. И если я не вручу, если я не передам, то
 (20) 100 драхм динарских серебряных,
 (21) имеющих хождение, хорошей сохранности, без примеси, я буду тебе должен и от-
 (22) дам, и выплачу. И пока я не выплачу, то
 V(1) буду я иметь 22 статера (??) в качестве пени. И ста-
 (2) нет Ут-тегин, с сыновьями и родом,
 (3) самому Черу, его сыновьям и роду, по
 (4) этому условию и по этим 100 драхам
 (5) должником. Нипак, прозвище которого
 (6) Нивудак, сын Вурза, и Чер с родом
 (7) будут властными (над Ут-тегином) — с того времени, как эта жена (= Чата) без
 (8) ушерба («обмана»), и эти деньги («драхмы») вместе с пеней будут
 (9) затребованы. И этот документ («письмо») для всего народа при-
 (10) каз и распоряжение («обязательное»). И совершено в месте соб-
 раний(?),
 (11) в присутствии жреца Вахгокана,
 (12) сына Вархумана. И здесь («там») присутствовали: Скатч, сын Шишча;
 (13) Чакушак, сын Нанч; Чахрен,
 (14) сын Рамча. И написал Рамтиш,
 (15) сын Вгашфарна, по приказу Ут-тегина. И об этом
 (16) — подтверждение («спрос»).

Приписка: (1-2) Экземпляр («документ») Чаты.

Комментарий⁴²

Nov. 3

R, стк. 2. rḡ'ur' ZNH ʾurḏ ʾḡuwyh wḏwh «взял себе в жены»; rḡ'ur' — 3 л. ед. ч. имперфекта от rḡ(ʾ)ur- = raḡēr- «вести, уводить; забирать, брать» < * raḡi-āraua- (см. BBB, стр. 96; MG §§ 205, 588, 614), ср. парф. ман. rḡuḥ-:rḡuḥt «достигать, догонять, нахвалить». Глагол rḡ(ʾ)ur- в сочетании с wḏw выступает в значении «брать жену, жениться» также в согдийско-манихейском изводе притчи об Иове [W. B. Henning, Sogdian Tales, BSOAS XI, стр. 486: ZY pṛypt ZK ʾrḡw wḏ'ušth «и берет (себе) много жен»] и в одном согдийско-христианском тексте [BST II,

⁴² При ссылках на источники приняты следующие сокращения: ВДИ — Вестник древней истории; Ибн ал-Асир — Ibn al-Atir, Chronicon, quod perfectissimum inscribitur, hrsg. von Carl Johan Tornberg, Leiden, 1851—1876; Ибн ан-Надим — Ibn an-Nadim, Kitāb al-Fihrist, hrsg. von G. L. Flügel, Leipzig, 1871—1872; ЗВОРАО — Записки Вост. отд. Русск. археолог. об-ва; ИВАН СССР — Ин-т востоковедения АН СССР; ИЭСОЯ — В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, М. — Л., 1958; МИА — Материалы и исследования по археологии СССР; Периханян — А. Г. Периханян, Образец пехлевийского брачного контракта, настоящий номер журнала, стр. 67—75; СЭ — Советская этнография; Табари — At-Tabari, Annales, ed. M. J. de Goeje, Leiden, 1879—1901; ЯТ — М. С. Андреев и Е. М. Пещерева, Ягнобские тексты, М. — Л., 1957; Air. Wb. — Chr. Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1904; APAW — Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften; BBB — W. B. Henning, Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch, APAW. 1936, N 10; BGA — Bibliotheca Geographorum Arabicorum, ed. M. J. de Goeje; BSOS, BSOAS — Bulletin of the School of Oriental (and) African Studies, University of London; BST I — O. Hansen, Berliner soghdische Texte I, APAW, 1941, N 10; BST II. — O. Hansen, Berliner soghdische Texte II, Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz, Abhandl. Geistes- und Sozialwissenschaftl. Kl., 1954, N 15 DKM — Denkart, ed. D. M. Madan, Bombay, 1911; EVP — G. Morgenstierne, An Etymological Vocabulary of Pashto, Oslo, 1927; FiP — The Frahang i Pahlavik, ed. by H. Junker, Heidelberg, 1942; Gr. Ir. Ph. — Grundriss der iranischen Philologie, Strassburg, 1896—1901; Hudud al-'Alam, — Hudud al-Alam, transl. and expl. by V. Minorovsky, «E. J. W. Gibb Memorial Series», New Series, XI, L., 1937; Henning, Verbum — W. B. Henning, Das Verbum des Mittelpersischen der Turfanfragmente, ZII IX, 1933; IIFZ II — G. Morgenstierne, Indo-Iranian Frontier Languages, vol. II, Oslo, 1938; JRAS — Journal of the Royal Asiatic

831, 23:... qt wdw prgrw «чтобы я привел жену (невесту)»]⁴³. Развитие семантики согд. pr(ʾ)ur- «вести, уводить» брать в жены» аналогично эволюции значения корня *vedh-/*ved- «вести» жениться в ряде других индоевропейских языков (литовск. vedū «вести, жениться», авест. ura-vad-«приводить, доставлять > выдавать замуж», ср.-перс. vādēnītan, Air. Wb., 1344; скр. vadhū-, авест. vadū-, согд., wdw = waḍ^u, wud, хорезм. wud «невеста, жена», и т. п.). По мнению О. Шрадера, такое употребление глагола *vedh-/*ved-должно объясняться тем, что торжественный привоз невесты к жениху рассматривался как центральный момент вступления в брак (О. Schräder, Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, Strassburg, 1901, стр. 353, 357). Более вероятной представляется связь этого значения *vedh-/*ved-, как и согд. pr(ʾ)ur-, с переходом, «уводом» жены в род мужа, возможно, с обрядом умыкания (ср. Th. Zächariä, Zum altindischen Hochzeitsritual, WZKM, Bd. XVII, 1903, стр. 136, 141).

ZNH үүрδ, үгүууһ — ср. гт үүрδ үг'ууһ pr'uw KZNH šym'r «он так подумал про себя («с самим собой»), VJ 913-914, см. также VJ 1313; 1347.

стк. 3. 'wttkyn = Ut-tegin, во второй части имени — тюрк. tegin, tigin «принц»⁴⁴.

Согдийская передача титула засвидетельствована также в Карабал-расунской надписи, стк. 2: tykyn 'wk' = Tigin ügä; ср. tkyn, tqyn, tğyn в Mahrnāmag, хот.-сакск. digy'na (см. H. W. Bailey, Türks in Khotanese Texts, JRAS, 1939, стр. 91).

Имя отца Ут-тегина в док. Nov. 3 опущено, по-видимому, случайно — судя по формуляру договора, имя отца жениха должно было быть здесь приведено (ср. упоминание имени отца невесты и отца опекуна невесты). Это имя засвидетельствовано в док. Nov. 4, R, стк. 3 — үүшүү = Qišiq, имя-прозвище⁴⁵, букв. «кривой, согнутый».

Помимо брачного контракта, Ут-тегин упоминается еще в одном тексте мугского собрания — док. Б-1 (на палке), сводной записи выдач ряда предметов различным лицам, связанным с Деваштичем⁴⁶. В док. Б-1 отмечена вариантная форма написания имени — wttkyn (стк. 2: rty ḍrt... ZKp 'wttkyn 'uwḥ 'yḥ «и выдан... Ут-тегину один бурдюк»⁴⁷.

Прозвище или второе имя Ут-тегина, указанное в брачном договоре — нудн = Nīdan или Nilan, имя иранского происхождения. Сход-

Society, London; Kp — Kārnamak i Artaxēr i Pāpakān, ed. E. K. Antiā, Bombay, 1900; MhD — Mātakdān i hazār dātistān, ed. J. Modi, Poona, 1901; MhDa — Mātakdān i hzaār dātistān. Pt. II ed. E. T. Anklesaria, Bombay, 1912; MG — I. Gershevič, A. Grammar of Manichean Sogdian, Oxford, 1954; Nyberg, Hilfsbuch — H. S. Nyberg, Hilfsbuch des Pehlvi. Uppsala, 1928—1931; RSO — Rivista degli studi Orientali; SCE — R. Gauhlot. P. Pelliot, E. Benveniste, Le Sūtra des Causes et des Effets, Paris, 1920—1928; SH — H. Reichelt, Die soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museums, Heidelberg, I (1928), II (1931); Sogdica — W. B. Henning, Sogdica, London, 1940; SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse; ST I — F. W. K. Müller, Soghdische Texte I, APAW, 1912, N 2; ST II — F. W. K. Müller und W. Lentz, Soghdische Texte II, SPAW, 1934, XXII, SS. 504—606; Turkestan — W. Barthold, Turkestan down to the Mongol Invasion, «E. J. W. Gibb Memorial Series», New Series, V, 2 ed., London, 1958; TSP — E. Benveniste, Textes sogdiens. Paris, 1940; VJ — Vessantara Jataka, ed. E. Benveniste, Paris, 1946; WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes; ZII — Zeitschrift für Indologie und Iranistik; Zn — Zamasp-namak; ZsR — Chr. Bartholomae, Zum sasanidischen Recht, I — V, Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Philos.-hist. Kl., 1918—1923.

⁴³ Ср. wdw ḍr- «давать в жены» (например, «старые письма», II, 54).

⁴⁴ Указано С. Г. Кляшторным.

⁴⁵ См. L. Rásonyi, Sur quelques catégories de noms de personnes en turc, «Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae», III, 1955, стр. 330.

⁴⁶ В «Согдийском сборнике» (стр. 47—48) док. Б-1 ошибочно определен как письмо Деваштичу.

⁴⁷ 'yḥ — «кожаный мешок, бурдюк, мех», ср. авест. īzaēna- «кожаный», афг. zək, zai, йидга ize, мундж. yizio, ijija, ормури jz, белудж. zik «бурдюк», см. EVP, стр. 105; HFL II, стр. 195; н.-п. ēz-yupj, ēž-yupj «кожаный мешок».

ное имя носил двоюродный брат ферганского царя, упоминаемый у Табари под 721—722 гг. при изложении событий, связанных с переселением части согдийцев из Самаркандского Согда в Ходженд: نیلان ابن عم ماکف غانده

«Ан Нйлан⁴⁸ сын дяди царя Ферганы» (Табари II, 1442, 155 ср. 1440, Add., а также Ибн ал-Асир, V, 79).

руšn'm'k — «прозвище, второе имя», букв. «за-имья, после-имья» (ср. руšn'myк «копия» в документе А-16), этимологически соответствует осе fæsnomug, диг. fæsnomug, fæsnomæg «иносказательный; прозвище» (ср. ИЭСОЯ, стр. 461). В док. Nov. 3 «прозвища» приведены только при именах жениха и невесты; в док. Nov. 4 «прозвище» указано также для лица, выступающего, по-видимому, в качестве гаранта (verso, стк. 5-ч пур'k ку ZY ZK руšn'm'k пwδ'k). Таким образом, несмотря на то, что в других текстах мугского собрания двойные имена (имя и руšn'm'k не употребляются, принятие «прозвища» нельзя считать специально связанным со вступлением в брак. Примечательно, однако, что: а) руšn'm'k у жениха-тюрка — иранское имя, у невесты-согдианки — тюркское; б) в тексте контракта, при перечислении обязанностей и прав сторон жених обозначается только именем ('wttkyn), невеста — только прозвищем (ctth).

стк. 3—4. nwyktc ywβw — «навекатский государь». Навекат, نیکت (букв. «Новгород», согд. nwy+kt) — город в Семиречье, на правом берегу реки Чу, важный укрепленный пункт и торговый центр в четырех фарсах к востоку от Суяба, столицы тюркешского кагана⁴⁹.

Как можно судить уже по названию, Навекат был согдийским городом, одной из согдийских колоний в Семиречье. Правителем города судя по док. Nov. 3 и Nov. 4, был также согдиец, носивший согдийский титул (ywβw) и согдийское имя Cyr = Cēg «сильный, смелый, победоносный» (ср.-перс. čēg, н.-п. čīg, čīra, др.-ир. *čāga-, ср. авест. čīya- см., однако, W. B. Henning, Sogdica, L., 1940, стр. 37); согдийское имя носит и отец навекатского правителя — W'yzn'kk = Waxzanak (ил. Xwazanak, Xuzanak, ср. MG § 208), букв. «(обладающий) хорошим родом».

Можно предполагать, что и невеста-согдианка An'ydyōnča была женой Навеката. Мугский брачный контракт является, таким образом, свидетельством тесных связей согдийских поселений в Семиречье с Самаркандским Согдом. Эти связи не были нарушены ни бурными событиями конца VII — нач. VIII в., ни административным подчинением согдийцев Семиречья западнотюркским каганам⁵⁰.

MN nwyktc ywβw cyr MN w'yzn'kk BRY — ср. MN 'wttkyn. MN yušyū BRY (Nov. 4, R, стк. 2-3), kw nwyktcw ywβw cyr kw w'yzn'kk BRY (Nov. 4, R, стк. 3-4), а также MN MLK' dyw'štyc MN ywδ'yšytik BRY «от царя Деваштича, сына Йодхшетака» (B-4, R, стк. 5-6), MN šygrβyc Z

⁴⁸ Ф. Юсти (F. Justi, Iranisches Namenbuch, Marburg, 1895, стр. 230) возводит имя Nīlan к nīl «индиго; голубой», однако согд. nūdnh показывает, что форма с -a- арабском тексте должна скорее рассматриваться как вторичная.

⁴⁹ См. Ибн-Хурдазбих, BGA VI, 29; Кудам, BGA VI, 206; Ибн-Руст, BGA VII, 98; Табари II, 1583 (نواکت, под 119-737 г.); Ибн ан-Надим, I, стр. 18, 338; II, стр. 125; Hudūd al-c'Alam, стр. 97, 119, 289 сл., 301, 303. Этот город был известен и как резиденция несторианского епископа (см. В. В. Бартольд, О христианстве в Туркестане в домонгольский период, ЗВОРАО, VIII, стр. 15, 17; V. Minorsky, Hudūd al-c'Alam, стр. 290, прим. 2). Менее вероятно сближать nwyktc док. Nov. 3 и Nov. 4 с селением Nūkaθ (نوكت) в области Илак, см. Turkestan, стр. 174.

⁵⁰ См. С. Г. Кляшторный, Согдийцы в Семиречье, СЭ, 1959, № 1, стр. 10-11. Ср. выпуск литых тюркешских монет по образцу согдийских самаркандских, см. О. И. Смирнова, О классификации и легендах тюркешских монет, «Уч. зап. ИВАН СССР», XVI, 1958, стр. 527—551. Надписи на лицевой стороне монет II и III типов, разбираемых в этой статье, могут быть прочтены соответственно как tyws'n ywβw и tyws'n'k ywβw «государь тухеский», что должно указывать на главенствующее положение племени тухс («تخس» в Худūd ал-Алам, تخسی у Гардези и Махмуда Кашгарского) в тюркешской конфедерации. Ср. V. Minorsky, Hudūd al-c'Alam, стр. 300 сл.

'st'psr'k snn prnywnt BRY' «от Ширбагча и Сатафсарака(?), сыновей Фарнхунда» (В-8, R, стк. 7-9). Сходная конструкция (повторение предлога) отмечается и в хорезмийском, напр., f'ydk'wk fn'n'm'n «в присутствии такого-то», fy zb'k fy trk'wyk «на тюркском языке» (см. W. B. Henning, *The Khwarezmian Language*, отд. оттиск. стр. 7).

pyzβr'nch unch wōwh, ср. pyzβr'nch в стк. 7. Значение? По форме pyzβr'nch может быть истолковано как прилагательное ж. р. к *pyzβr'n(')k, от глагола pyzβr-, засвидетельствованного до сих пор лишь в ягнобском živāg-: živāta в значениях «выносить, выводить, выгаскивать, извлекать», др.-ир. *nižbara-: *nižgata-⁵¹. Менее вероятным кажется толкование pyzβr'nch как прилагательного-нисбы («pyzβr-ская» или «pyzβr'n-ская»). Чтение 'βzβr'nch «бедная» невозможно, второй знак — -y-.

стк. 5-6 δywtynch = Δydyōnča, букв. «красивая дочь», ср. и. с. δywtysyrh, букв. «хорошая дочь», TSP 8, 180 и стр. 218, а также многочисленные имена с duxt-, -duxt в средне- и новоперсидском, duḡdōvā- — женское и. с. в Авесте (см. F. Justi, *Iranisches Namenbuch*, стр. 86-87, 492). «Прозвище» (pyšn'm'k) невесты — Ctth является тюркским именем (ср. тюрк. čada-«мочь, быть в состоянии»?); — Wy'ws = Wyus, имя отца невесты, ср. wy'ws «рассвет», TSP 5, 78; 17, 7 и стр. 231; MG § 217, авест. yuusa, Aig. Wb., 1479. Толковать Wy'ws как женское имя (ср. «Аврора») и считать, что это имя матери невесты, вряд ли возможно, — мужские имена собственные в мугских текстах могут либо иметь в конце -h, либо не иметь этого знака, однако женские имена собственные, насколько я могу судить, всегда оканчиваются на -h — обычную примету женских имен в согдийском (ср. то же в парфянском; см. W. B. Henning, *Mitteliranisch*, стр. 34). По значению согд. Wy'ws как имя собственное мужское находит аналогию в 'Aqv'σης — и имя царя Каппадокии, брата Ариарата I (F. Justi, *Iranisches Namenbuch*, стр. 41), ср. арм. Aguseak «утренняя звезда, Аврора», женское и. с. (указано А. Г. Периханян).

стк. 7. ptyβyš' — 3 л. ед. ч. имперфекта от tpβyš-: *ptβst- «передать, отдавать, вручать», ср. βyš- «давать», pβyš-: pβ(')yt- «отдавать, передавать», ман. pβyп «подарок» (см. BBB, стр. 76, TSP 3,80 и стр. 194). — pr swzwn pōkh «по уговору («слову») (и) закону»; pōkh — хорошо известное в согдийском слово со значениями «обычай, правило, закон; обряд, долг» (ср. ниже, стк. 14). swzwn может быть истолковано как тюркское, заимствование в согдийском, «слово», букв. «слово его», тюрк. sözüp. Ср. söz «слово; приказ» (sözüm «мой приказ», sözümüz «наш приказ») в тюркских юридических текстах, см. J Deny, *Un soyrugal du timouride Sährüh*, JA, CCXLV (1957), fasc. 3 стр. 255, 259⁵².

стк. 8. pr KZNN yw'g «на таком условии», также в док. В-8, R, стк. 13. ср. pr wp'kw yw'g, док. В-4, R, стк. 8. Семантика согд. yw'g специально исследовалась Э. Бенвенистом и В. Хеннингом (BSOAS XII, стр. 310, приведена литература). В мугских юридических текстах В-4, В-8, Nov. 3, как и в VJ 1208, это слово — имя существительное со значением «условие», ср. осет. ivag «запрет, штраф», восходящее, подобно согд. yw'g, к др.-ир. wi-wāga- («отделение > выбор > условие»), ср. ИЭСОЯ, стр. 209, 236, 553. — δ'r't — 3 л. ед. ч. конъюнктива от δ'r- «держат, имеют, владеть». Употребление форм конъюнктива характерно для всех мугских договоров.

стк. 9-10. gm ywrt gm nywōn'⁵³ gm zywg «с пропитанием, одеждой.

⁵¹ См. М. Н. Боголюбов, Ягнобский (новосогдийский) язык. Автореферат докторской диссертации, Л., 1956, стр. 11; ЯТ, стр. 370; I. Gerschevitch, *The Avestan Hymn to Mithra*, Cambridge, 1959, стр. 159.

⁵² Указано С. Г. Кляшторным.

⁵³ О конструкции gm+форма исходного падежа см. MG § 1624.

украшениями», ср. VJ 983, а также *x'arišn ut vistarak* (или *vastrak*) «пролитание и одежда» в MhD и в пехлевийском брачном контракте § 7 (см. Chr. Bartholomae, ZSR V, стр. 6 сл.)⁵⁴. — *gm pṭyū' gm pṛy'tyḥ* «с почетом, с любовью», ср. будд. *pṛy'tt*, SCE, 306; христ. *fruy'tt*.

стк. 11. *p'tyš'wnh wḏwh* «полноправная жена» — согдийское соответствие ср.-перс. *zan i pātəxšāyih* (ā), ср. согд. *p't()yš'wn* «царь, владетель» — ср.-перс. *pātəxšāh*.

Согдийский контракт указывает на наличие в Согде до арабского завоевания полигамии, а также на существование формы брака, сходной со среднеперс. *pātəxšāyih* (ā) *zanīh* — высшей формой брака в сасанидском Иране, дававшей наибольшие права жене.

О других разновидностях брака в домусульманском Согде точных данных нет, однако можно предполагать, что здесь существовали те же формы брачных отношений, которые известны для сасанидского Ирана и которые восходят еще к древнеиранскому семейному праву. Можно также предполагать, что многоженство у согдийцев не было широко распространенным явлением, а ограничивалось главным образом средой знати, зажиточными семьями⁵⁵ — *"zt'k* «свободный, благородный, знатный», ж. р. *"zich*, ср. *"z't*, Карабалг., 19: *"z'tch*, «старые письма» I-a, 3; I, 1; VJ, 1099. (О др.-ир. *āzāta*-, *āzāta*- см. H. W. Bailey, BSOAS XXIII, pt. I (1960), стр. 48; TPhS, 1960, стр. 95 сл.). Ср. *"ztk'* «знать» в док. A-9, R, стк. 2.

стк. 13—14. *šyr"styh* «хорошее существование, благополучие», из *šyr* + *'styh*, ср. будд. *šyr'krtyh* «хорошее, благое дело», *'byz'ywksṭh* «бедственное положение, нищета». — *ptsyntu* — инфинитив наст. вр. от *pts()ynt-* «соглашаться, принимать, быть довольным» (ман. *ptsynd-*) в конструкции с *yw*-«быть должным, необходимым»,

стк. 17—18. *'sp'sykh* — собственно, «служанка», здесь в значении «наложница». — *w'ywnch*, ж. р. к *w'ywn'k* «такого рода, такой», см. MĠ §§ 1114, 1584.

стк. 20. XXX *δγῡmyh δυν'rk'h* «30 динарских драхм», ср. Nov. 4, R, стк. 20 (100 *δγῡmyh δυν'rk'h*), а также док. B-8, R, стк. 11-12 (pr XXV *δγῡm δυν'rk'yūh* «за 25 динарских драхм» — продажная цена земельного участка). Во всех трех случаях обращает на себя внимание постпозиция определения, а также несколько необычное написание -г- в слове *δυν'rk'h*, сходное, с -к-. Однако чтение *δυν'rk'h* и понимание этого слова как «динарская (драхма)» вряд ли может вызвать сомнения.

Какой тип монеты имеется в виду, остается неясным. Док. Nov. 4 (R, стк. 20) указывает на то, что речь идет о серебряной (*n'krtync*) драхме, а не о золотом динаре. В мугских хозяйственных текстах многократно упоминается «драхма» (*δγῡm-*), в одном случае (док. A-5) говорится о бухарских (*rw'y'g*) монетах — имеются в виду так называемые «бухархудатские» драхмы; наконец, в одном документе упоминаются *рпу* — по-видимому, один из типов медной монеты⁵⁶. По мнению О. И. Смирновой, в VII — нач. VIII вв. золотая монета в Согде не чеканилась и золота в обращении не было⁵⁷. В то же время *δυν'g* = *δēnāg* как единица стоимости в Согде был известен — об этом свидетельствует, например, согдийская надпись на фрагментах серебряного сосуда из Мунчака-тепе: *snky VI δυν'rt VI δγῡtu* «стоимость (сосуда) 6 дина-

⁵⁴ Ср. жалобу женщины в согдийских «старых письмах», I, стк. 9: *'XRZY 'zw'm byzbr'k' rw p'ywḏp' rw 'ny'mk* «и живу я, горемычная, без одежды, без пропитания».

⁵⁵ Ср. Н. А. Кисляков, Семья и брак у таджиков, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XLIV, М.—Л., 1959, стр. 43.

⁵⁶ Ср. *рпу* в надписи на тюркешских монетах, см. О. И. Смирнова, Указ. раб., стр. 531 и прим. 8.

⁵⁷ См. О. И. Смирнова, Монеты древнего Пенджикента, МИА, № 66, 1953, стр. 267. Ср. А. М. Мандельштам, Средняя Азия в VI—VII вв. «Очерки истории СССР», т. II, М., 1958, стр. 370: «Золотые и серебряные монеты, судя по имеющимся данным, играли в обращении очень ограниченную роль».

ров 6 драхм»⁵⁸. В переводных согдийских текстах *ḍyn'g* выступает как обозначение золотой монеты: *mwnw mrtu I mūd rg S ḍyn'g zygn ptxrūt ḍ'gm* «этого человека я нанял на один день за сто золотых динаров»⁵⁹.

Возможно, что «серебряная динарская драхма» мугских договоров является лишь более полным, официальным названием той же серебряной монеты, которая в других документах именуется просто «драхма» (*ḍrūm*-)⁶⁰.

šyrh — «хорошая, хорошей сохранности» (о монете). — *kr'nh* «чистая, без примеси», ман. *qr'n* (MG § 1247), будд. *kr'n*, скр. *krāpā*, ср. будд. *ZK kr'n zygn* «чистое золото» (SH I, стр. 31), *wtsp'ytt 'YK'ZY ZK kr'n n'krt'y* «такие белые как чистое серебро» (SH I, стр. 48). Док. Nov. 4 (R, стк. 20-21) дает еще более развернутое определение монеты: 100 *ḍrūmyh ḍyn'rk'h n'krtynch* (21) *ptsynch šyrh kr'nh*, где *n'krtynch* — «серебряная» (прилагательное ж. р. от *n'krt*-), *ptsynch* от *ptsynt*- «утвержденная, гарантированная, имеющая хождение»?

Ср. определение монеты в пехлевийском брачном контракте, § 8: 3000 *drahm i asēmēn i šahr-ōbarišn* «3000 серебряных драхм, годных для обращения в стране», см. Периханян, стр. 68, 69.

стк. 21. *'prtk* — «виновный, должный», будд. *'prtk*, *'prt'k*, ср. арм. *partk* «долг», см. BBB, стр. 89. — *twy'z'ty* — «пусть выплатит», ср. *twy'z't* в док. B-4, V, стк. 3. — *tūd wūd* «та самая, такая», букв. «эта та».

стк. 23. *w'n'kw m'n β'ty* «(если) так помыслит», ср. Verso, 2-3: *ZNH m'ny w'n'kw β'ty*.

стк. 24—25. *gm ṽwrt'k gm 'ytk gm βyrtcyh βgmh* — перечень полагающегося Чате при разводе, совершаемом по решению Ут-тегина. *ṽwrt'k* — «пища, пропитание» (ср. *ṽwrt* в стк. 9). — *'ytk* — букв. «взятое», по форме — причастие прош. вр. к *'s*-«брать»⁶¹. Имеется в виду, вероятно, приданое — имущество, внесенное Чатой в дом Ут-тегина при вступлении в брак? В стк. 6-7 verso это имущество определяется как *ṽwrd 'stw* «собственное имущество (Чаты)». Ср. MhD, 4, 11-12: *hišt būt kē guft ku ān i zanīh rād andar burt čiyōn pešikān ut vāspuhrakān* (12) *bē barišn+ ut vindišn i andar zanīh bē mānēt* «Бывает развод, при котором он (муж) говорит: «Все, принесенное ею (женой) при вступлении в брак как-то: прислугу (?) и наследственное имущество (?) (12) пусть заберет, а нажитое («заработанное») в браке останется»⁶².

— *βyrtcyh βgmh* «полученное (ею) платье» или «полученная (ею) плата»? Ср. среднеперс.-маних. *brahm* «одежда», пехл. *brahmak*? Значение «плата» выводится из сравнения с скр. *pramā*- (ж. р.) «мера, измерение», др.-ир. **gramā*-, либо с скр. *bhagmā*- (ср. р.) «плата»?

pw 'nsp'nh (или *'sp'nh*, *'nspn'h*), ср. также R, 26; V, 7, 12, 16. Судя по контекстам употребления, *'nsp'nh* имеет значение «ответственность, выплата компенсации, штрафа».

стк. 25-26. *ṽwuyckh w'c't* «(пусть) отошлет свободной», «(пусть) освободит».

V, стк. 2. *gyz'ty 'krtu* — 3 л. ед. ч. претерита пассива, выступающего в значении конъюнктива (ср. MG §§ 823, 842, 845), ср. *gyz'ty* в стк. 9.

⁵⁸ См. В. А. Лившиц, К. В. Кауфман, И. М. Дьяконов, О древней согдийской письменности Бухары, ВДИ, 1954, № 1, стр. 161—162 (ошибочно было дано чтение VI *ḍyn'gy* VI *ḍrūmy*).

⁵⁹ W. B. Henning, Sogdian Tales, BSOAS XI, стр. 466.

⁶⁰ Примечательно, что в мугских текстах постоянно упоминаются «драхмы» и лишь в одном документе речь идет о медных монетах (*rpū*), тогда как находки на городище древнего Пенджикента (в том числе и клады) дали огромное количество медных монет и лишь один экземпляр серебряной драхмы.

⁶¹ Другие чтения маловероятны: а) *z'ytk* — «провизия, продовольствие»? ср. *zytyh*, VJ, 843, 894; *gm ṽwrt'k gm z'ytk* означало бы «с пропитанием», букв. «с едой и продовольствием»; б) *zytk* «рожденный, ребенок» (?).

⁶² Перевод А. Г. Периханяна. А. Пальяро переводал *pešikān* как «дети от прежнего брака», *vāspuhrakān* — «внебрачные дети» (A. P a g l i a r o, Note di lessicografia pahlavica, RSO, XXII, 1947, стр. 64).

стк. 4. šc «от него, у него», ср. VJ 14с, 53с, 54с и др. — yu'tk'm — в форме 3 л. ед. ч. будущего вр. конъюнктива. Глагольной основы yu- (или šy-) в согдийском, насколько мне известно, не отмечено. Судя по контексту, šc yu'tk'm должно иметь значение «пусть она у него спросит».

стк. 5-7. ZKw L' 'bs'yntw nywōpw ZY ZKw zywr wywō 'dsw 'cw ZYš MN 'wtikyp byrt'kw y't rty ZKw ywōd 'stw gm z'mn'k — перечень полагаемых Чата при разводе, совершаемом по ее собственному решению. Если сравнить этот перечень с тем, что указано в стк. 24-25 гесто, то легко заметить, что в случае развода, совершаемого по инициативе жены, последняя имеет право на получение гораздо большего имущества, нежели при разводе по настоянию мужа. Так, в частности, только при разводе, совершаемом по настоянию жены, оговорено ее право на получение украшений. Такое на первый взгляд странное положение должно, видимо, объясняться тем, что решение мужа о прекращении брачных отношений вызывается проступками жены и, напротив, расторжение брака по настоянию жены вызывается нарушением условий брака со стороны мужа. Естественно, поэтому, что во втором случае имущественные права жены должны быть большими⁶³. — L' 'bs'yntw nywōpw «не порванное платье», то есть «годное для носки». Оговорка такого рода весьма примечательна для точного определения имущественных прав и обязанностей сторон. 'bs'yntw, впервые, насколько известно, засвидетельствованное в согдийском, образовано от корня sid- «разрывать» (ср. авест. saēd-, ср.-перс. visistak, apasihišn, frasin(n)-, парф. systg, frsynd, 'bsyst, белудж. sindag, см. Air. Wb. 1547; W. B. Henning, Das Verbum des Mittelpersischen der Turfanfragmente, ZII IX, стр. 199-200; A. Ghilain, Essai sur la langue parthe, Louvain, 1939, стр. 83). — byrt'kw y't, ср. MG §§ 768, 874, 1687. Менее вероятно понимать здесь y't как «часть, доля», авест. yāta-, парф. y't (Авроманский пергамен), ср. ср.-перс. yātak (см. пехлевийский контракт, § 9). Речь тогда может идти либо о доле дохода, выделенной полноправной жене и сохраняемой за ней и в случае развода, либо же о гарантийной сумме (или имуществе) типа donatio propter nuptias — обязательстве мужа перед женой на случай развода (ср.-перс. kāpen, н.-п. kābin). — ywōd 'stw «свое имущество», то есть имущество, которое Чата принесла в дом Ут-тегина (ср. ytk, recto, стк. 25). 'st- «имущество», ср. авест. astanha-«дом, жилище», скр. āsti-, ср.-перс. ast «доля, часть» (см. Ch. Bartholomae, ZsR I, стр. 23 и прим. 2). В сасанидском судебнике это имущество часто обозначается как ān i zanīh (напр., MhD 4, 11; ср. окр. vadhū-dhana-). — gm z'mn'k «вместе с платой», авест. zəmanā «плата, денежное возмещение» (в ср.-перс. переводе — mīzd), см. Air. Wb., 1690-1691. В контракте речь идет, видимо, о возмещении, которое Чата должна получить от Ут-тегина в случае нарушения им условий брачного договора (recto, стк. 16-21), — 30 «динарских драхм», выплачиваемых Ут-тегином самой Чате.

стк. 10. yw'nh ZY ynt'kw kwn'ty «(если) совершит преступление»: букв. «грех и плохое», ср. будд. ynt'kk, ynt'k('), ман. ynd'k, парф. gnd'g белудж. gandag, тадж. ganda, gandagi, см. MG § 989. — br'ty ZY twy'z'ty «да ответит и выплатит»: br- «носить, брать» в мугских юридических

⁶³ Ср. в арамейском брачном контракте (А. Р. 15, стк. 22 сл.): «Если завтра или позднее Miphtahiah (жена) выступит в собрании общины и скажет: «Я оставляю As-Hor'a, моего мужа», то плата за развод приходится на ее голову; она должна обратиться к весам и отвесить As-Hor'u серебра 7 сиклей и 2 R., и все, что она принесла с собой (в дом) она должна забрать, вплоть до нитки, и она может (затем) идти к любому, которого она сама пожелает, и (да не будет) ни претензий, ни тяжбы (Если) завтра или позднее As-Hor' выступит в собрании общины и скажет: «Я оставляю мою жену Miphtahiah», то калым (отданный за нее), будет (им) потерян, а все, что она принесла с собой (в дом), она должна забрать, вплоть до нитки, в тот же день в тот же час, и она может (затем) идти к любому, которого она сама пожелает, (да не будет) ни претензий, ни тяжбы».

текстах выступает и в значении «нести ответ, отвечать», ср. В-4 (договор об аренде мельниц), verso, стк. 2-3: rtšw wyspw m'yu'n gm BRY gm pō pŕ't ZY twy'z't «и за всю (муку) Махйан с сыновьями и со (всем) родом пусть будет в ответе и пусть выплатит».

стк. 11. pŕtk и δ'yh в этом тексте выступают как термины социальные и обозначают соответственно «раба» и «рабыню»⁶⁴, противопоставляясь «свободным» — "zt, ж. р. "ztch, ср. VJ, 1098-1099: rty pŕn z't'tty "krty ZKh "z'tch pŕn'yk yŕ'ywh δ'yh ZY pŕnty «Vos personnes nobles et divines, ô enfants, sont devenues esclaves et servantes», а также хот.-сакск. (E 4.64) harbiššā āysāta ne ju ye bīsa karā «all well born (nobles), not any servants at all», см. H. W. Bailey, TPhS, 1960, стр. 95. — nŕ'k «заложник», ман. nŕ'q, ср. хорезм. nibāk «залог, заклад», см. H. W. Bailey, JRAS, 1955, стр. 18 сл. (указано И. Гершевичем). — yurδ n'y'ty, ср. yurδh n'y'ty в стк. 15—«(в качестве) собственного уведет» > «присвоит» или «похитит»; n'y- «вести, уводить», авест. pay-, ср.-перс. pītan, ср. согд. "ny-, pŕ'ny-, t(y)ny-, см. MG § 569.

стк. 12. "zw'y — косв. пад от "zw- «домогательство, претензия», ср. будд. (Vim. 13) "zwh-«алчность», авест. āžav-.

стк. 16-17. ZK 'ny MN 'nyc yw'nyh L' pŕ'ty L' twy'z'ty «один за преступление другого не отвечает, не выплачивает». Примечательна суффиксальная форма 'nyc от 'ny-.

стк. 17. wδkr'nk (ср. wδkr'n'k в приписке) — «брачный договор»; согд. kr'n(')k соответствует скр. kārana- «акт совершения, документ, договор» (например, Законы Ману, VIII, 51, 52, 154, см. J. Jolly, Ueber das indische Schuldrecht, SPAW, Phil.-hist. Kl., 1877, стр. 291).

стк. 18. pŕw'tyn'k 'st'ny (ср. Nov. 4, V, стк. 10) «в месте собраний, в храме»? K 'st'n- (= stan-) ср., например, ryz'kh 'stny, TSP 2, 1014; MG § 1118. pŕw'tyn'k связано, возможно, с др.-ир. baw- «быть достаточным, многочисленным»?⁶⁵ Ср. pat haŕjaŕman «на собрании» в пехлевийском брачном контракте, § 1. — p'tyc = patīc «в присутствии, перед». — ywyšt в данном контексте «(духовный) наставник, жрец» (ср. будд. ywyšt(')k «главный, наставник, учитель», авест. hvōišta-, хот. -сакск. hvāšta-, будд. ywyštŕ «старший, наставник, господин», христ. xw'og, соответствующее в ST I, 17, 3 греч. ἁρχιερεὺς)⁶⁶, в присутствии которого совершается церемония бракосочетания. — Wŕwŕwk'n — и. с., в первой части wŕw- «хороший, благой».

стк. 19. pŕgm'n, и. с., вряд ли = Brahman. Более вероятно толкование этого слова как «несущий (pŕ) благую (-y- для др.-ир. hu-) мысль (m'n)». ср. pŕgm'n — имя царя на согдийских монетах (предложено М. Н. Боголюбовым вместо прежнего чтения pŕšwm'n). — rty 'wδ wm't — «и здесь («там») были», обычная для мугских договоров формула, вводящая перечень свидетелей, ср. В-4, V, стк. 3; В-8, R, стк. 23. В пехлевийском брачном контракте имена свидетелей вводятся выражением pat gukāyih ср. QDMTH SHDYN в парфянском контракте Авроман III.

В док. Nov. 4 также указаны имена трех свидетелей, из них два — те же, что и в Nov. 3. Все имена свидетелей, как и имя жреца, в других мугских текстах не встречаются. — sk'tc, имя-прозвище, букв. «верхний» или, возможно, «длинноголовый», ср. авест. uskāt «наверху», н.-п. sikād «темя, макушка». Это же имя в форме 'sk'tc засвидетельствовано в колофоне буддийского текста P 8, стк. 176, см. TSP, стр. 113 и 218. Ср. согд. ck't. Frg. III, стк. 75. — Šyšc = Шишч. Этимология? Связь с šyš-

⁶⁴ В мугских письмах pŕtk, подобно др.-перс. bandaka-, означает «подданный». «(Ваш) слуга», «(его) слуга».

⁶⁵ Чтение uw'tyn'k 'st'ny, букв. «в месте соединения» (др.-ир. * yu-, скр. yu- «соединять, укреплять», арм. yawd «соединение, связка», см. Henning, MG, § 220) невозможно — первый знак p-, а не y-.

⁶⁶ См. Fr. Rosenberg, рец. на SH I, «Orientalistische Literaturzeitung», 1929, No 3, стб. 197-198.

«быть рассыпанным» мало вероятно. Ср. šyšrug — имя царя на согдийских монетах (знаки читаются отчетливо), во второй части rug- «вера» «верить».

стк. 20. sy'g'uṇ — имя-прозвище от syg «колесо, прялка». — g'me- «относящийся к Rām», ср. и. с. g'm'kkh TSP, стр. 218, g'm — название 21-го дня согдийского календаря, авест. gāman «покой, мир». — Š'v' букв. «черный», имя-прозвище, ср. Š'w'nch «чернушка» — и. с. в TSP § 180. — M'y'kk = Māxak, от m'y «луна», ср. m'yū'n «(обладающий) покровительством луны» в док. В-4 и другие согдийские имена с m'y.

стк. 21. R'mtyš — букв. «(обладающий) покоем Сириуса», ср. tyš — название тринадцатого дня согдийского календаря, авест. Tištrya- «звезда Сириус», ср.-перс., парф. tir, см. H. W. Bailey, Ambages Indoiranicae, стр. 115. — 'yws'grn = Wyašfarn, «(обладающий) добрым фарном».

Nov. 4

R, стк. 8. mnz'nw — 1 л. ед. ч. имперфекта от 'nz'n- «открыто признавать, исповедывать, заявлять». — rcy'z- в значении «обещать, обязываться» засвидетельствовано также в TSP 17, 1, 12 и др., см. E. Benveniste, VJ, стр. 136.

стк. 9. 'wts'r < 'wrts'r «туда, далее, впредь», см. MG § 461, ср. мургск mrt's'r, trts'r. — kw "ykw'pw rgm «навечно, на все время» (ср. христ. ср. nwr qw 'yqwn rgm «отныне и навечно», ST II, 514, 10-11; 530, 26). — kw rgm — «пока», ср. стк. 22.

стк. 10. δ'm'k rgyw «со мной, при мне», ср. христ. d'm'grw, BST II, 840, 3 и др.

стк. 11. mūd'r «соглашение, договор», авест. miθra- «договор; Митра — бог договора» (см. I. Gershevitch, The Avestan Hymn to Mithra. Cambridge, 1959, стр. 26 сл.). Ср. согд. 'mūdru, VJ 1206; ман. mūyū ŋyū «бог Митра»; mūdru в мургском док. В-4, verso, стк. 7. — pr'nty — судя по контексту, «имущество». Речь идет, видимо, либо об имуществе, полученном невестой от Чера, а также об имуществе, получаемом ею от жениха согласно контракту, либо о каких-то других правах невесты и ее опекуна. Сравнение с будд. pr'nt «связанный, соединенный» мало вероятно. Быть может, следует читать puzynty, ср. будд. puzy'ntyh «честь, хорошая репутация»? — rgy'd'nk'm — 1 л. ед. ч. буд. вр. конъюнктива от rgy'd-, христ. rgyd- «передавать, продавать».

стк. 12. pr'kh в стк. 11 — «залог» (L' pr'kh... kwn'm k'm «не заложу»). w'n'kh здесь вряд ли «такая», речь идет о каком-то действии, может быть читать w'y'kh «цена», др.-ир. wahā-? Не ясно и значение "ry (kwn'm k'm), по форме, видимо, инфинитив прош. вр. от ā-rā(y) «сохранять» или от "r- «настигать, посягать», авест. ār-?

стк. 13. sn'n или s'n'n. Чтение и перевод слова мне не ясны, «родственники»? ср. арм. sap «питомец, воспитанник», ср.-перс. āsnītan. — rcywzy't — ср. ywy'z- в стк. 9 verso, будд. ywyz-, ман. xwj- «хотеть, желать».

стк. 14. uwn «сразу, тотчас», см. MG § 1109, ср. будд. uwn(')y. — rw yūdrph «без ущерба», ср. ман. yūšur-, христ. yšur-. В мургском собрании yūdr- засвидетельствовано также в док. В-17, V, стк. 3; В-8, R, стк. 23; Nov. 5, стк. 6 (в последнем случае в форме yūdrpk-); ср. BBB, стр. 63; MG § 298. — rw gūgh «без задержки»? В стк. 18 в том же контексте rw yūdrph ZY rw gūgh «без ущерба и без обмана». Ср. в пехлевийском брачном контракте, § 9: arēahokihā api-š arēspārom ut pat-iš spōž ut vistarīh nē kunom «без ущерба ей я передам и в этом оспаривания или оттяжки(?) не сделаю». — 'cw «если», см. MG § 1693.

стк. 16. L' nm't m't «(если) не согласится», «(если) откажется», ср. W, B. Henning, The Date of the Sogdian Ancient Letters, BSOAS XII, стр. 607, прим. 2; MG § 818 A.

стк. 17. y'nt — значение? Вряд ли возможен перевод «эти» (см. MG § 1498), считая, что речь идет об имуществе, принадлежащем Чате.

стк. 18. *ryph* — «обман, ущерб» (ср. V, стк. 8), н.-п. *gēv*, *gēva*, *fireb* «обман», *fireftan* «обманывать».

R, стк. 1. X XII sw? Первые два знака — X X, т. е. «20», хотя обычно для «20» в мугских текстах, в том числе и в данном контракте (Nov. 3. R, стк. 20), употребляется одна цифра⁶⁷.

XXII sw можно было бы толковать как «22 статера», s — аббревиатура для согд. *styg* «статер», известная по «старым письмам» (II, 57; V, 26, см. H. Reichelt, SH II, стр. 19, прим. 1). Однако 22 статера — огромная сумма для пени, штрафа⁶⁸. — *wrt* = *ward* «пеня», ср. авест. *varəd-* «увеличивать», *varəda-* «увеличение». Судя по контексту, *wrt* вряд ли может обозначать калым (*kāpēn*, *mahr*), ср. авест. *urvata-*, скр. *utata-*, осет. *igəd*, *ægwwəd*, см. ИЭСОЯ, стр. 546-547.

стк. 2 сл. После обязательства Ут-тегина, изложенного от 1-го лица, следует вторая часть документа, юридически закрепляющая обязательство. В этой части, помимо Ут-тегина и Чера, упоминается еще одно лицо — «Нур'к, прозвище которого Nṣwδ'k, сын βwγz». Это лицо являлось до-видимому, доверенным Чера, навекатского государя, и должно было непосредственно наблюдать за соблюдением условий контракта. — *w'mty* — 3 л. ед. ч. опатива от *wm't-*. Примечательно написание *w'mty* вместо обычного *wm't'(y)*, ср. MG §§ 215, 822.

стк. 6. *βwγz* — и. с., ср. согд. *βγz-* «высокий, длинный»?

стк. 7. *k'm'k* — желающий, распоряжающийся, ср. ср.-перс. *kām-kāg-* — *skp's-* «оттуда; с тех пор, с того времени».

стк. 10. *šw'm'k* — букв. «идуший», отсюда «имеющий хождение, обязательный»?

стк. 13. *sk'wš'k* — и. с., букв. «молоток», авест. *čakuša-*, н.-п. *čakuš* (имя-прозвище — по форме носа или по первому предмету, который увидел отец после рождения ребенка?). — N'nc — «относящийся к Нанайе = Анахите», ср. ппу- «Нанайя» в ряде согдийских имен собственных (см. W. B. Henning, Sogdica, стр. 7). В док. В-4 среди имен свидетелей (verso, стк. 5) упоминается N'nc.

стк. 16. *'np'rs* — ср. ман. *'nfr's-* «спрашивание (юридическое), расследование, дознание», см. W. B. Henning, BSOAS XI, стр. 470 (текст M 135 II, стк. 51); MG § 655.

Приписка *cttyh pwstk* «экземпляр («документ») Чаты» должна указывать на то, что контракт был составлен по крайней мере в двух экземплярах. — *pwstk* «кожа; документ» выступает в приписке в значении «экземпляр (документа)», ср. E. Benveniste, BSL XLII (1951), стр. 47; JA, 1959, стр. 132; А. А. Фрейман, Таджикское *нұст*, СВ, 1958, № 6, стр. 77—81.

SUMMARY

Among the Sogdian documents found in the castle on Mt. Mough there is a marriage contract dating from the day *asmān-rōč* of the month *masvuyic* of the 10-th year of King *Tarγūn's* rule (i. e. March 25, 710 A. D., the year 710 counted as the first year of *Tarγūn's* rule).

The contract consists of two documents written on the same day and by the same person; one of them is the marriage contract proper (doc. Nov. 3), the other being the bridegroom's obligation as to the bride's guardian (doc. Nov. 4). The Mt. Mough contract confirms the marriage of a Turk whose name is *Ut-tegin* to a Sogdian girl *Duydyōnč*, a Sogdian whose name is *Čār*, the ruler of *Nawekat*, a Sogdian colony in *Semirečye*, acted as the bride's guardian. The document contains a detailed account of rights and obligations during the marriage and in case of divorce.

The article offers a transliteration of the text, its translation and a commentary.

⁶⁷ Читать первые два знака как *δδ* — вряд ли возможно, если даже учесть, что писец не мог вытянуть, как обычно, *δ* — наверх из-за среза кожи в правом верхнем углу.

⁶⁸ Соотношение статера и драхмы в Согде нам неизвестно. В сасанидском Иране статер (*slēr*) равнялся 4 серебряным драхмам.

И. Н. ХЛОПИН

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭТНИЧЕСКОГО ОБЛИКА РАННИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

(По материалам ЮТАКЭ 1956—1957 гг.)

Разнообразные памятники древнего искусства, находимые в большом количестве при археологических раскопках, неоднократно служили надежным материалом для раскрытия различных сторон материальной и духовной жизни древних обществ. В частности, изучение отдельных видов терракотовой скульптуры имеет немаловажное значение для воссоздания некоторых этнических и этнографических черт древнего населения.

В 1956 г. при раскопках верхнего слоя древнеземледельческого поселения Кара-депе¹ у железнодорожной станции Артык (90 км восточнее Ашхабада) найдены две терракотовые головки, выполненные реалистической манере. Первая из них (рис. 1) представляет собой голову статуэтки «воина» высотой вместе с шеей 3,5 см (вся статуэтка была, видимо, около 13—15 см высотой). Лицо имеет слегка удлинённые пропорции, покатый лоб, крупный нос, небольшой рот, миндалевидные глаза, разлетающиеся брови. Глаза выполнены в очень своеобразной манере: зрачок в виде выпуклой круглой лепешечки окружён миндалевидным валиком, очерчивающим границы глаза. От слабо выступающего подбородка спускается длинная узкая борода, разделённая на две пряди. Ушные раковины небольшие, сделаны налепом. Голову и верхнюю часть шеи покрывает шлем (см. рис. 3, 9). От висков спускаются на щеки две пластины, доходящие до нижней челюсти. Поверх шлема наложен окружающий его валик; передняя часть шлема от валика до лба прорезана вертикальной бороздкой. От темени назад и вниз на шею спускается длинная коса, прикрепленная к шлему в виде султана.

При расширении работ по вскрытию верхнего слоя поселения Кара-депе в 1957 г. найдена целая мужская статуэтка из обожжённой глины высотой в 15 см, которая позволяет лучше представить себе общий облик упомянутой статуэтки «воина». Голова этой второй статуэтки увенчана невысокой цилиндрической шапочкой (тиарой), от которой спускается длинная, сделанная налепом, коса. Борода разделена на две пряди; руки в виде отростков доведены до локтя²; вместо ног сделана расширяющаяся книзу круглая подставка (рис. 2).

¹ См. В. М. Массон, Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана в связи с Ираном и Индией, «Вестник древней истории», 1957, № 1, стр. 43—44 и рис. 5, 1, 2.

² Весьма вероятно, что торс мраморной статуэтки с Намазга-депе («Труды ЮТАКЭ», VII, стр. 289, рис. 43) принадлежал изображению не женского, а мужского божества, так как очень напоминает описанную статуэтку.

Рис. 1. Головка «воина» из Кара-депе

Стиль этой статуэтки и такие детали, как наличие бороды, косы и головного убора, ставят ее в один ряд со статуэткой «воина». Трактровка рук имеет свои корни в местной пластике. Обе эти статуэтки могли быть изготовлены местными мастерами. Однако подобного рода статуэтки с аналогично трактованной нижней частью известны в передневносточной пластике. Они были найдены при раскопках в Месопотамии (Урук) и на соседних территориях, например в Кархемише³.

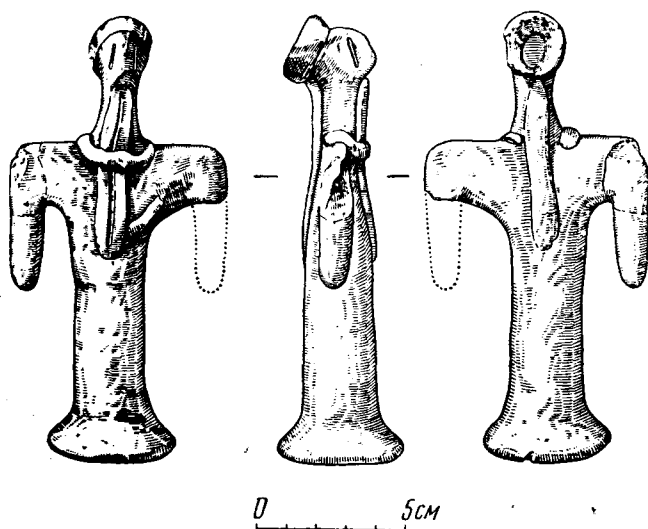

Рис. 2. Терракотовая статуэтка из верхнего слоя Кара-депе

По своему внешнему облику головка «воина» с Кара-депе напоминает древние произведения искусства Южной Месопотамии и Элама. Это прежде всего относится к покрывающему ее шлему. Шлемы Месопотамии первой половины и середины III тысячелетия до н. э. довольно хо-

³ L. Woolley, The Iron-age graves of Carchemish, «Annals of Archaeology and Anthropology», Liverpool, т. XXXVI, 1939, табл. XVIII, а. 2—3 (датируются временем после 200 г. до н. э.); его же, Carchemish, ч. III, 1952, стр. 257—258, табл. 70.

рошо известны. К ним в первую очередь относится коллекция шлемов из царских гробниц Ура, датируемых XXVI в. до н. э. Золотой шлем царя Мескаламдуга⁴, один из шедевров ювелирного искусства Древнего Востока, повторяет прическу мужчины. Волосы расчесаны на прямой прорез и охвачены широкой плетеной лентой (возможно — диадемой), повязанной вокруг головы. Сзади они собраны в узел. Облегающий голову шлем покрывает затылок вплоть до шеи и имеет боковые пластины, обрамляющие лицо и закрывающие уши. В шлеме выкованы ушные раковины, места которых соответствуют действительному положению ушей на голове; в них, очевидно, для лучшей слышимости проделаны отверстия (рис. 3, 1). Г. Чайлд считает, что это парик. Это мнение опровергается известной «стелой коршунов»⁵. На ней царь Лагаша Эаннатум (XXV в. до н. э.) изображен, несомненно, в боевой обстановке; его голова покрывает шлем такой же в сущности формы, как и шлем Мескаламдуга: со жгутом вокруг головы, узлом на затылке и ушами, выкованными на боковых пластинах (рис. 3, 4). Аналогичный по форме шлем с узлом сзади, но без повязки вокруг головы, изображен на одной инкрустации из царских гробниц Ура (рис. 3, 5) датируемой тем же временем.

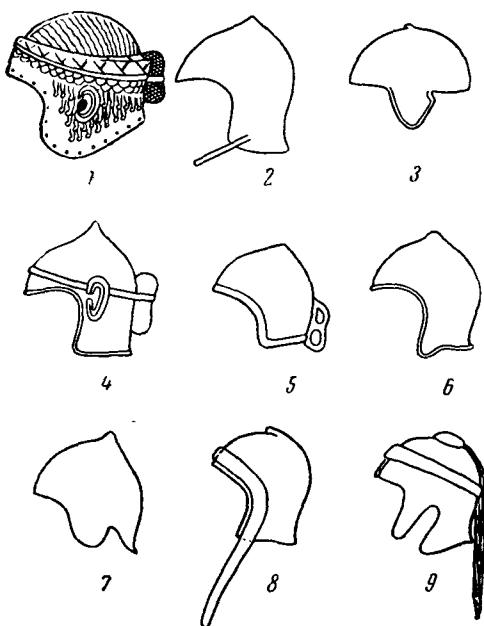

Рис. 3. Древневосточные шлемы: 1 — шлем Мескаламдуга; 2 — изображение шлема на «штандарте» из гробницы Шубад; 3 — шлем воина из гробницы Шубад; 4 — шлем Эаннатума со «стелы коршунов»; 5 — изображение шлема на инкрустации из царских гробниц Ура; 6 — шлем воина со «стелы коршунов»; 7 — шлем воина со стелы Нарамсина; 8 — шлем воина с сузского барельефа; 9 — шлем «воина» из Кара-депе

Шлемы рядовых воинов были проще и, возможно, изготовлялись не всегда из металла, а например, из кожи. У воинов, погребенных вместе с царицей Шубад, на черепках найдены остатки медных шлемов облегающей формы со слегка опущенной лобной и затылочной частью и вытянутыми височными пластинами для защиты ушей (рис. 3, 3). У некоторых из них были серебряные пластины вместо подбородных ремней⁸. Форма шлема воинов-шумеров на «штандарте» из той же гробницы⁹ и воинов на «стеле коршунов» (рис. 3, 2 и 6) несколько отлична.

Г. Бонне полагает, что у Эаннатума ушные раковины открыты. По его мнению, в шлемах подобной конструкции проделывались специальные отверстия для ушей, вследствие чего они оставались незащищенными. Узел сзади шлема он рассматривает как приспособление для защиты ушей: в бою этот узел, по его мнению, надвигался на уши

⁴ L. Woolley, Ur Excavations, т. II, The Royal Cemetery, табл. 150.

⁵ Г. Чайлд, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, стр. 254. Можно согласиться лишь с тем, что это не боевой, а парадный шлем.

⁶ E. de Sarzec, Découvertes en Chaldée, 1912, табл. 3-bis.

⁷ L. Woolley, Excavations at Ur 1928—29, «The Antiquaries Journal», т. XXVIII, 3.

⁸ L. Woolley, Ur Excavations, табл. 66, 218.

⁹ Там же, табл. 92.

закрывал их¹⁰. Безусловно, Г. Бонне, не зная еще шлема Мескаламдуга, ошибался, и мы можем с полным основанием считать шлемы Эаннатуа и Мескаламдуга идентичными. Очевидно, шлемы вождей и раннединастических царей, изготовленные из драгоценных металлов с варварским великолепием, как правило, повторяли прическу и верхнюю часть головы того, кому принадлежали и за кем следовали в могилу. Шлемы же простых воинов не имеют такой высокохудожественной отделки, но за небольшим исключением относятся к той же группе.

Время бытования таких шлемов хорошо определяется по памятникам передневозочного искусства. По-видимому, их появление в Месопотамии, относящееся ко времени не ранее первых веков III тысячелетия до н. э., было связано с усилением имущественной дифференциации и выделением племенных вождей с «дружинами»; власть их была уже почти неограниченной. Одним из поздних по времени памятников, где встречается изображение подобных боевых наголовий, но уже с явной тенденцией в сторону их облегчения и уменьшения затылочной и боковых пластин (рис. 2, 7), является стела Нарамсина¹¹ (XXII в. до н. э.). Эта форма шлемов, согласно Г. Бонне¹², уже не типична для саргонидского времени, ибо они, как правило, не имеют закрытой затылочной части, соединенной с ушной пластиной. Иногда наушники совсем отсутствуют, и шлем имеет прямой нижний край, слегка опускающийся сзади. Исходя из этого, время широкого распространения шлемов древнего шумерского типа можно отнести к середине III тысячелетия до н. э.

Шлем, покрывающий голову «воина» из Кара-депе, имеет некоторые общие черты с шумерскими, но все же не может быть безоговорочно включен в их число. Низко опущенная затылочная пластина, валик поверх шлема и имитация пробора спереди сближают его с описанным выше типом, однако совершенно иной вид боковых сторон, в которых между назатыльником и нащечниками сделаны широкие прорезы для пропуска ушных раковин, а также прикрепление к нему султана отличают шлем из Кара-депе от шумерских. Тем не менее этот тип шлема мог бытовать у племен, знакомых с шумерской культурой и, возможно, имевших столкновения с войсками шумерских правителей в III тысячелетии до н. э.

Этнический тип статуэтки «воина» имеет черты сходства и вместе с тем различия с шумерами. Последние нам хорошо известны по реалистической скульптуре: они имеют крупные носы и миндалевидные глаза с разлетающимися бровями; скульптура указывает на брахикранный тип, хотя среди антропологического материала, полученного в результате раскопок, обнаружено много долихоканных черепов. Но ни одна реалистическая скульптура не дает изображения человека с бородой, да еще такой длинной и столь подчеркнуто исполненной, какую мы видим у головы «воина»; шумеры гладко выбриты. Обычай повсеместного ношения бороды вводится в Шумере только со времени подчинения его семитическим аккадцам, у которых наличие густых бород составляло их этнографическую особенность¹³.

Таким образом, головка «воина» показывает близкий к шумерам этнический тип, но является в то же время изображением представителя иной этнической группы.

Во время археологических раскопок на территориях к востоку от Шумера, в первую очередь в Эламе (Сузы), найдено много терракотовой скульптуры и иных памятников, способных помочь в определении

¹⁰ H. Bonnet, *Die Waffen der Völker des Alten Orients*, Leipzig, 1926, стр. 201.

¹¹ «Mémoires de la Délégation en Perse» (в дальнейшем цит. MDP), т. I, табл. X, стр. 144 сл.; т. II, табл. XI, стр. 53 сл.

¹² Н. Боннет, Указ. раб., стр. 202.

¹³ См. A. Parrot, *Les Fouilles de Mari*, «Syria», XVI, 1935; его же, *Les Fouilles de Mari*, 2-е Comp., «Syria», XVII, 1936.

Рис. 4. Бронзовый барельеф из Суз (деталь)

этнического типа, к которому мог бы относиться ближе, чем к шумерам «воин» из Кара-депе.

В траншеях, которыми Ж. де-Морган прорезал Сузскую цитадель, найдено большое количество мелкой терракотовой пластики, некоторые экземпляры которой могут, как нам кажется, отразить основные этнические черты людей, населявших город. Эти статуэтки найдены в слоях датированных Ж. де-Морганом временем правления эламских царей Шутрук-Наххунте I и его сына Шильхак-Иншушинака, т. е. первой половиной XII в. до н. э. Несмотря на эту сравнительно позднюю дату можно предполагать, что эти реалистично выполненные фигурки людей, имеющие, по-видимому, не столько религиозный, сколько «светский» характер, в какой-то степени отражают основные этнические и этнографические черты древних эламитян, к тому времени уже в сильно степени подвергшихся воздействию аккадской культуры. При рассмотрении этих статуэток перед нами предстают мужчины с длинным, не очень широкими бородами и крупными выступающими носами. И головы покрыты шапками в основном двух типов: высокие, конические, округлые, с валиком по нижнему краю, близкие по типу к аккадским¹⁴ и низкие, облегающие голову¹⁵, сходные с теми, которые надеты на пленниках, изображенных на скальном рельефе царя Анубанин (XXII в. до н. э.)¹⁶.

Там же в Сузах, наряду с произведениями искусства, вывезенными из городов Шумера, был найден обломок бронзового барельефа, определенный Ж. де-Морганом как «подлинно эламское произведение искусства»¹⁷. Он покрыт надписями на эламском языке, посвященными постройке храма в честь различных эламских божеств. В средней его части, чередуясь с упомянутыми надписями, размещены семь мужских

¹⁴ MDP, т. I, стр. 130—131, табл. VIII, 6, 8, 14.

¹⁵ Там же, табл. VIII, 11, 19.

¹⁶ J. de Morgan, Mission Scientifique en Perse, Paris, 1896, т. IV, ч. 1, стр. 161—165, рис. 143.

¹⁷ MDP, т. I, табл. XIII, стр. 163—164.

фигур (рис. 4). Они изображены в характерной передневосточной манере: головы и ноги вместе с нижней частью торса показаны в профиль, а грудь и плечи развернуты в фас. Левая рука опущена вниз и держит, по мнению Ж. де-Моргана, лук; правая, с широким кинжалом, поднята над головой. Эти воины облачены в одежды длиной до колен, с короткими рукавами (возможно, панцири), перехваченные в талии широким поясом, напоминающим по форме закавказские бронзовые пояса более позднего времени. Голова покрыта шлемом (рис. 2, 8), по внешнему виду и типу несколько отличным от шумерского. Он облегает голову и имеет на лобной части валик, который от висков переходит в длинные пластины, спускающиеся на грудь¹⁸. «Пластины» и валик были изготовлены, вероятно, из какого-то мягкого материала; в противном случае они делали бы невозможным поворот головы. Из-под шлема выбивается длинная коса, конец которой свешивается ниже предплечья поднятой правой руки. Лица воинов сохранились хуже, однако видно, что на грудь спускается длинная борода и у них крупный нос¹⁹.

По-видимому, эти этнографические черты были характерны для населения, обитавшего к востоку от Шумера, в Эламе и Загросских горах, во второй половине III тысячелетия до н. э. Поскольку известно, что эти территории в указанное время были населены племенами эламитян, касситов, гутиев и луллубеев²⁰, можно считать, что ношение бороды было в обычае хотя бы у части этих племен (см., например, изображение луллубеев на стеле Нарамсина). Более того, по свидетельству одного вавилонского текста, луллубеи имели «воронообразное лицо»²¹. Это может свидетельствовать о том, что луллубеи, а по-видимому, и другие родственные им племена загро-эламской группы, могут быть отнесены к представителям арменоидного антропологического типа. Возможно, что, кроме бород, в обычае некоторых из этих племен, в частности луллубеев, было носить косы²²; тогда легко объяснимо наличие косы у эламитян, изображенных на бронзовом барельефе из Суз²³.

С названными племенами шумеры имели постоянные военные столкновения, в результате которых в среду этих племен проникали более совершенные образцы военного снаряжения того времени. Восприняв многое от шумеров, их восточные соседи могли перенять также и шумерскую манеру имитировать на шлемах свои прически.

Поскольку в настоящее время трудно установить восточные границы расселения луллубеев, касситов и других племен, к которым к востоку и северо-востоку могли примыкать родственные им племенные группы, не упоминаемые в месопотамских письменных источниках, можно думать, что голова статуэтки «воина» из верхнего слоя Кара-депе отражает этнический тип и военный наряд представителя одного из этих племен, существовавших около середины III тысячелетия до н. э.

¹⁸ Ж. де-Морган, описывая эти фигуры (MDP, т. I, стр. 163—164), считает, что их головы украшает не шлем, а своеобразная прическа, к которой сади и с боков подвешены три длинные косы. Это сомнительно, так как перед нами изображения вооруженных людей и естественно полагать, что их головы покрыты шлемами.

¹⁹ Датировка этого барельефа пока не поддается точному определению. Он может принадлежать как ко времени Шутрук-Наххунте I, так и к значительно более раннему, особенно, если учесть любовь Шутрука к «коллекционированию» древних памятников искусства.

²⁰ И. М. Дьяконов, История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э., М.—Л., 1956, стр. 98—121; Г. А. Меликишвили, Наири-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 118—119.

²¹ Г. А. Меликишвили, Указ. раб., стр. 128.

²² Луллубеи с косами изображены на стеле Нарамсина, но из-за плохой сохранности памятника трудно установить, надеты ли на них шлемы. По-видимому, нет, ибо поверженных врагов принято было изображать нагими.

²³ Принято считать, что луллубеи родственны эламитянам. См. И. М. Дьяконов, Указ. раб., стр. 101.

* *
*

Вторая найденная головка (рис. 5) принадлежит, по-видимому, также мужской статуэтке и имеет в высоту 4,5 см (вся статуэтка была видимо, высотой около 18—20 см). Голова короткая, уплощенная сверху, с узким, почти отсутствующим лбом: овал лица широкий, но крупный и сильно выступающий, подбородок выражен слабо. Глаз

Рис. 5. Головка с росписью из Кара-депе

и рот изображены широкими продавленными бороздками; ушные раковины наклепные и сильно отставлены назад, а ушные отверстия глубоки проколоты. Коричневой краской покрыты затылочная и теменная часть головы, разлетающиеся брови, глаза и часть плеча; краска, покрывающая голову и брови, изображает, по-видимому, волосы.

Головки от статуэток, подобные этой, широко известны в Южной Туркмении, особенно в восточной области распространения культуры древних земледельцев, в долине р. Теджена. Среди находок на Геоксюр-они представлены богатой коллекцией, относящейся ко времени позднего Намазга II — раннего Намазга III. Существование их сравнительно продолжительное время на большой и вполне определенной в культурном отношении территории может указывать на давнюю и прочно существовавшую местную художественную традицию. Можно полагать, что мелкая реалистическая терракотовая пластика из Южной Туркмении воспроизводит наиболее общие и наиболее характерные этнические черты древнего земледельческого населения, обитавшего на этой территории в IV—III тысячелетиях до н. э.

Хорошо прослеживаемая местная традиция во второй из найденных головок исключает возможность считать ее привозной из районов находящихся за пределами предгорий Копет-дага, но и у нее имеются аналогии в памятниках искусства Южной Месопотамии III тысячелетия до н. э., относящихся к III раннединастическому периоду. Мы находим похожее изображение человеческой головы на «военной» стороне «штандарта» из царских гробниц Ура (рис. 6, 1). Если вооруженные пешими воины и колесничие должны по логике вещей изображать (и, видимо, действительно изображают) шумеров — жителей Ура, то по ногам лошадей, несомненно, показаны их поверженные враги. Кт

ти враги, победа над которыми изображена на «штандарте»; с определенностью сказать трудно. Судя по тому, что военные столкновения шумеров искони велись с восточными соседями, под ногами лошадей могли быть изображены именно они. Однако, исходя из географического положения Ура, более вероятно предположить, что на «штандарте» показана схватка между воинами Ура и какого-либо соседнего шумер-

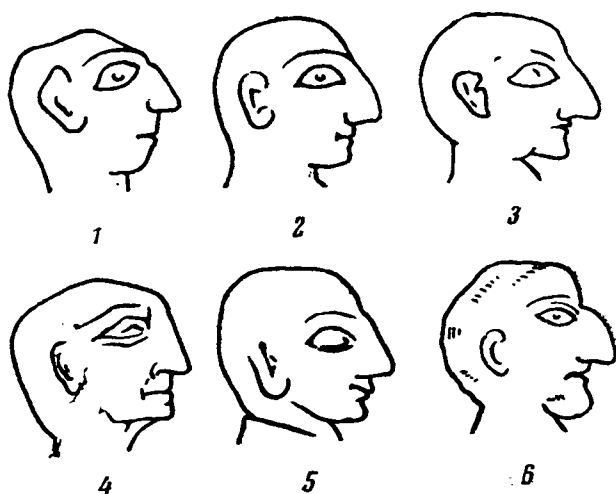

Рис. 6. Формы головы представителей населения Месопотамии (1—5) и северо-восточного Ирана (6)

ского города, тем более, что в середине III тысячелетия до н. э. шумеры вели между собой постоянные войны за гегемонию в Южной Месопотамии. Это предположение кажется более правдоподобным и потому, что на многих памятниках искусства (на «мирной» стороне того же «штандарта» (рис. 6, 2), на каменной палетке из царских гробниц Ура (рис. 6, 3)²⁴, на алебастровой вазе из Урука (рис. 6, 4)²⁵, на мозаичном фризе из Эль-Обейда (рис. 6, 5)²⁶ и других), на которых вряд ли изображены не-шумеры, головы людей с известным постоянством повторяют форму голов поверженных врагов Ура. По-видимому, здесь мы имеем не столько прочно установившуюся художественную традицию, сколько характеристику этнического типа шумеров: крупный нос, небольшой убегающий лоб, маленький подбородок и обритые голова и лицо. При всем том не исключается возможность искусственной деформации головы, в особенности у тех, которые на изображениях имеют резко уплощенную теменную часть, например на фризе из Эль-Обейда. Однако допустимо, что в этих изображениях отражены этнические черты более древнего населения, обитавшего на территории Южной Месопотамии до прихода шумеров. Отнесение этого населения на основании ряда топонимических названий (города Шуррупак, Лагаш, Киш, Ниппур и др.; реки Идигна — Тигр и Буранун — Ефрат) к племенам агро-эламской группы мы находим у ряда исследователей²⁷.

²⁴ L. Woolley, Ur Excavations, т. II, The Royal Cemetery, табл. 102, a.

²⁵ W. Andrae, The Story of Uruk, «Antiquity», X, № 38, 1936, табл. V. Датируется ок. 3000 г. до н. э.

²⁶ L. Woolley, Excavations at Tell-el-Obeid, «The Antiquaries Journal», IV, № 4, 1924, табл. XLII, a. Датируется ок. 2600 г. до н. э.

²⁷ Г. А. Меликишвили, Указ. раб., стр. 120; Г. Чайлд, Указ. раб., стр. 38; E. A. Speiser, Mesopotamian Origins, 1930, стр. 42, 99; J. Gelb Hurrians and Subarians, стр. 88.

Из северного Шумера происходит значительная коллекция терракотовых статуэток, собранная главным образом в городах, расположенных в нижнем течении р. Диалы, — в Тутубе (Хафадж)²⁸ и Эшнунни (Телль-Асмар)²⁹. Они двоякого вида: некоторые представляют обычных шумеров, а большая часть изображает мужчин с пышными прическами и бородами, которые составляют их главное отличие от предков и почти не встречаются в изобразительном искусстве южной части страны; одним из немногих исключений является каменный «пьедестал» с изображениями похожих фигур (с прическами, но без бород) из Лагаша³⁰.

Верховья и среднее течение Диалы, как принято считать в настоящее время, были заселены одним из загро-эламских племен, а именно — гуттиями³¹ или луллубеями³². Каким бы из этих родственных племен они заселены ни были, их обитание вблизи упомянутых шумерских городов не могло не наложить своего отпечатка на этнографический облик населения этих городов. Вероятно, там жили как шумеры, так и многочисленные выходцы из горных районов, которые не только сохраняли свои традиции и этнографические особенности, но и могли многие из них передавать шумерской части населения. Именно в этнографических характеристиках, а не в этническом типе, следует по-видимому, искать различия между жителями городов Южной Месопотамии и соседившими с ними с востока обитателями горных долин и предгорий Загра.

Если принять тезис о родстве населения шумерских городов и западных частей Иранского нагорья, если признать сходство внешнего облика шумеров и представителей многих племен восточной и северо-восточной периферии, вплоть до Южной Туркмении, — то все это может послужить еще одним аргументом в пользу неоднократно высказывавшейся в литературе гипотезы о северо-восточной прародине шумеров. Так, Л. Вулли полагает, что шумерский народ сложился из наслоившихся друг на друга трех компонентов: носителей обейдской культуры пришедших с востока, представителей урукской культуры, появившихся с севера, и народа «Джемдет-Наср», происходящего также с востока³³; существенную роль в развитии культуры рассматриваемого населения в целом сыграл приход носителей северной урукской культуры. По-видимому, в этом вопросе более справедлива точка зрения Г. Чайльда, который не склонен приписывать этим пришельцам с севера столь крупные заслуги³⁴. И. М. Дьяконов в свою очередь полагает, что вышеуказанные культуры (Эль-Обейд, Урук и Джемдет-Наср) являются последовательными этапами культуры одного народа³⁵.

Особенно интересны в этой связи последние изыскания С. Н. Крамера³⁶, который на основании исследованного и изданного им древнейшего клинописного поэтического эпоса склоняется в пользу помещения прародины шумеров в страну Аратта. Эту страну он локализует

²⁸ S. N. Kramer, The Sumerians, «Scientific American», октябрь 1957, стр. 8. Датируются ок. 2500 г. до н. э.

²⁹ S. Lloyd, Twin Rivers, Oxford, 1947, стр. 12—13. Датируются ок. 2800 до н. э.

³⁰ E. de Sargès, Указ. раб., табл. 47, 1.

³¹ S. N. Kramer, Указ. раб., стр. 73.

³² И. М. Дьяконов, Указ. раб., стр. 101; Г. А. Меликишвили, Указ. раб. стр. 124.

³³ Л. Вулли, Материалы трех глав 2-й части 1-го тома «Истории научного культурного развития человечества», «Вестник истории мировой культуры», 1957, № стр. 98—99.

³⁴ Г. Чайльд, Указ. раб., стр. 194—195.

³⁵ См. «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 1, стр. 162.

³⁶ S. N. Kramer, Enmerkar and the lord of Aratta, «Museum Monographs», Philadelphia, 1952; его же, The Sumerians, стр. 72.

районе оз. Урмии в Ларистане, откуда уже не так далеко до районов юго-восточного Прикаспия. Материальная культура племен, населявших эти районы в III—II тысячелетиях до н. э., известна по ряду поселений (Тепе-Гисар, Шах-тепе и др.) и по знаменитому кладу, найденному близ Астрабада³⁷. Совокупность всех найденных предметов позволяет датировать этот клад серединой II тысячелетия до н. э.; ряд вещей — медное оружие, каменные сосуды и статуэтки, золотые «рожки» — имеет сравнительно широкий круг аналогий не только в северо-восточном Иране, но и на территории Южной Туркмении (Дайна), что указывает на их местное изготовление. Золотой кубок из этого клада по его значению можно поставить в один ряд с шумерскими произведениями искусства, несмотря на хронологический разрыв. На нем изображены мужчина и женщина с головами, повернутыми в профиль, с крупными носами, миндалевидными глазами и отставленными назад ушными раковинами. Мужчина (рис. 6, б), кроме того, изображен с волосами на голове и небольшой бородой. Поскольку кубок, как и все прочие предметы, является, видимо, произведением местных мастеров, можно полагать, что гравированные на нем люди отражают основные этнические черты населения областей, примыкающих к юго-восточному углу Каспийского моря.

Если связать это изображение со свидетельством древнейшего шумерского эпоса, с одной стороны, сопоставить его с известными изображениями шумеров, — с другой, и с расписной терракотовой головкой из верхнего слоя Кара-депе, — с третьей, то станет очевидным, что поиски прародины шумеров в горных районах северо-восточного Ирана и отнесение их к родственным загро-эламской группе племен переходит уже из области догадок и гипотез в область углубленного изучения конкретного археологического материала с этих территорий.

Как ни сложен и запутан вопрос о происхождении шумеров, можно утверждать, что в додинастическом Шумере происходило неоднократное пополнение населения главным образом со стороны территорий, заселенных загро-эламскими племенами. Уже одно это может указывать на известное родство последних и населения собственно Южной Месопотамии. Хотя для выяснения прародины шумеров современная наука имеет еще очень мало данных, однако, принимая во внимание результаты археологических раскопок в Южной Туркмении и намечающиеся культурные связи с Южной Месопотамией и соседними с ней областями, можно надеяться, что дальнейшие исследования могут внести свой вклад в разрешение этого вопроса.

Таким образом, обе терракотовые головки из Кара-депе отражают, по-видимому, один и тот же этнический тип, но представителей разных социальных групп, образование которых было, вероятно, связано со значительным усложнением родовой организации. Головка «воина» и головка с росписью имеют определенный круг аналогий среди памятников искусства Южной Месопотамии и примыкающих к ней с востока и северо-востока территорий. Это может способствовать определению этнической и культурной характеристики племен, обитавших в горных и предгорных районах к востоку и северо-востоку от Шумера в III тысячелетии до н. э.

³⁷ M. Rostovtzeff. The Sumerian treasure of Astrabad, «The Journal of Egyptian Archaeology», VI, 1919.

С О О Б Щ Е Н И Я

М. Н. МОРОЗОВА

СКАНСЕН — ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ШВЕЦИИ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

Скансен — этнографический музей Швеции под открытым небом (Стокгольм) — отделение Скандинавского музея (Nordiska museet), основан в 1890 г. и открыт для публики с 1891 г.¹ История возникновения Скансена тесно связана с его создателем Артуром Хацелиусом. Артур Хацелиус (1833—1901) учился в университете в Упсале в филологическом отделении. С целью изучения диалектов шведского языка он уже в студенческие годы много путешествовал по стране. Свои первые поездки в 1857 и 1861 гг. Хацелиус совершил в Даларну, среднюю часть Швеции. Во время этих поездок он заинтересовался старинными крестьянскими постройками и решил собирать предметы крестьянского быта, которые могли бы осветить жизнь шведского народа в течение ряда веков. После окончания университета Хацелиуса назначают учителем родного языка в школе в Стокгольме. Одновременно он становится преподавателем шведского языка и истории литературы в Высшей учительской семинарии, продолжая заниматься и научной лингвистической работой, совершая поездки в Даларну и другие области Швеции. Некоторые из записей Артура Хацелиуса показывают, что в области этнографии его вначале интересовали преимущественно интерьеры крестьянских жилищ, которые он видел при длительных путешествиях по стране пешком². В дальнейшем же у него возникла идея создания музея на открытом воздухе.

Современники Хацелиуса отмечают его необычайную простоту и общительность, что помогало ему заводить знакомства с крестьянами, среди которых он нашел себе верных помощников в его деле — прежде всего в деревне Мора области Даларны. Крестьяне позволяли ему осмотреть их дома внутри, помогали разыскивать интересующие его вещи³.

Вначале внимание Хацелиуса было обращено исключительно на предметы крестьянского быта, причем не только в пределах Швеции, но и во всей Скандинавии. Но затем его установка изменилась, в Скансене были представлены все общественные классы Швеции, а центральной темой экспозиции стала шведская культура. Лишь одна кладовая из крестьянского двора Ваствайт области Телемарк, богато украшенная резьбой, представляет в настоящее время в музее норвежскую культуру. Дальнейшие работы в Скансене шли в направлении расширения показа именно шведской культуры⁴.

Принципы устройства музея были совершенно новые: перевозились целые дворы, воздвигались без всяких изменений, обитатели этих дворов одновременно переселялись на территорию музея. Внутри жилых и хозяйственных построек сохранялась вся обстановка, все предметы домашнего обихода, орудия труда. Жители, населяющие дворы, вели свою обычную трудовую деятельность, сохраняя и национальную одежду. Все это живое до настоящего времени. В Скансене показывают танцы, старинные праздники, игры.

Таким путем создатель Скансена пытался внушить своим соотечественникам любовь к родной культуре. Артуру Хацелиусу с его неутомимой энергией и решительностью удалось привлечь на свою сторону общественность страны и развить широкую публикаторскую деятельность. Все это способствовало тому, что за десятилетие 1891—1901 гг. Скансен достиг своего теперешнего размаха. Большая часть сооружений музея возникла именно в это десятилетие⁵.

¹ См. «Bilder från Skansen hus och gårdar», Stockholm, 1924; «Skansens kulturschichtliche Abtheilung», Führer von Sigurd Erixon, Stockholm, 1928; «Skansen hus och gårdar», Stockholm, 1953.

² «Nordisk Familjenbok Encyklopedi och konversations lexikon», т. 9, стр. 679—6 и т. 14, стр. 1140—1144.

³ «Fataburen, Nordiska museets och Skansens årsbok», Stockholm, 1931.

⁴ Там же; см. также «Bilder från Skansen hus och gårdar».

⁵ «Bilder från Skansen hus och gårdar»; «Skansen hus och gårdar».

Многие шведские авторы называют Скансен «крестьянским домом». Музей действительно состоит в основном из крестьянских построек. В настоящее время он располагает 59 комплексами зданий, в которые входят полные дворы, включающие до 10 построек, и отдельные жилые и хозяйственные строения, датируемые начиная с XVI вплоть до XX в.; из них более половины — крестьянские.

До 1930-х годов постройки господствующего класса были представлены только кладовой из помещичьего двора в Восточном Гётланде, затем был экспонирован полный помещичий двор. В 1930-е годы был сооружен также городской квартал. Церковное зод-

Рис. 1. Общий вид Равльوندского двора, обл. Сконе

ство представлено деревянной церковью из Западного Гётланда и восточноецкой и шотландской колокольнями.

В Скансене представлены также группы саамских построек и финский двор из Вермланда. Жилые дома, хлевы, сараи, амбары, кладовые, двухэтажные клетки, плетни, заборы, свезенные из всех частей страны и расположенные в Скансене, в естественном парке, площадь в 30 га, образуют большую своеобразную деревню. Но так как в музее показаны в основном дворы зажиточного крестьянства, то представление о крестьянском быте дано односторонне.

В Скансене, конечно, не может быть представлено все многообразие построек, быта и занятий населения из всех частей Швеции, но в этом отношении сделано многое. Мы не можем подробно останавливаться на всех многочисленных экспонатах музея, рассмотрим лишь некоторые из них, дающие наиболее полное представление о крестьянском жилище XVIII—XIX вв., типичном для южной, средней и северной частей Швеции.

Наиболее полные сооружения из южной Швеции — Равльундский и Окторпский дворы (XVIII—XIX вв.)⁶. Жилой дом и хозяйственные постройки образуют здесь замкнутый четырехугольник, близкий к квадрату, с просторным двором в середине. Жилой дом из Равльундского двора построен по принципу клеточной техники (kersvirket) из горизонтальных бревен и вертикальных жердей между ними, переплетенных соломой. Сверху солома обмазана глиной (рис. 1). Такая конструкция характерна также для Дании и некоторых стран Западной Европы — севера Германии, севера Франции и др.⁷

Дом Равльундского двора состоит из избы, в которую попадают через небольшую прихожую, кухни с камином и духовой печью, двух кладовых по бокам дома (одна из которых используется как жилая комната служанок) и каморы, используемой в качестве рабочей комнаты хозяина (рис. 2). Самый дом относится к XVIII в., но отопительная система — более поздняя, так как до середины XVIII в. в южной Швеции отсутствовала труба. Изба обогревается чугунной печкой, стоящей у внутренней, общей с кухней стены и называемой, по традиции, камином. Топка находится в кухне. Около печки стоит «каменная» скамья, на которой обычно отдыхает хозяин дома. Из мебели в избе можно отметить стол из каменной плиты, стоящий напротив печи; деревянные кровати с высокими боковыми резными бортами, прочно приделанные к стене; стулья с плетеными из соломы сиденьями, типичные для южной и юго-западной Швеции.

В кухне у продольной южной стены, напротив входа, находится духовая печь с очагом перед нею. Печь использовалась для приготовления пищи, выпечки хлеба, а очаг — главным образом для обогрева помещения, реже для приготовления пищи. Мебель в кухне очень простая: каменный стол, посудный шкаф, бочка со всевозможной кухонной утварью. Посуда преобладает глиняная, но есть и металлическая. Пол в кухне каменный, тогда как во всех других помещениях жилого дома полы дощатые. Кладовая с левой стороны избы использовалась для хранения постельного белья, одежды

⁶ «Skansens kulturgeschichtliche Abteilung», стр. 89—105; «Skansen hus och gårdar», стр. 24—48.

⁷ И. Н. Гроздова, Н. М. Листова, Л. В. Покровская. К вопросу о типах крестьянского жилища Германии, Франции и Нидерландов, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXIX, М., 1958; Kristofer Visted og Hilmar Stigum, Vår gamle bondekultur, Oslo, 1951.

и пр. В другой кладовой хранились принадлежности для прядения и ткачества; она служила также спальней для служанок.

К праздникам стены избы украшали кусками ярких шерстяных тканей. Снаруж дом не декорирован. Крыши жилого дома и хозяйственных строений соломенные, двухскатные.

Во дворе имеются хозяйственные постройки — два гумна, три хлева для коров, лошадей, мелкого рогатого скота, свиней и птицы, сарай, помещение для дров, навес для телег и прочего инвентаря.

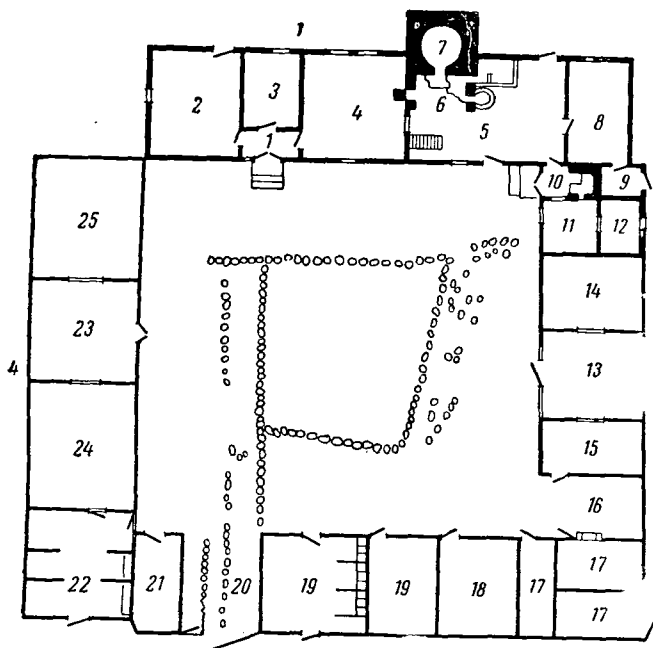

Рис. 2. Тип южношведского двора (план). Равлюндский двор, обл. Сконе: 1 — прихожая; 2 — кладовая для сундуков и ящиков; 3 — камора; 4 — изба; 5 — кухня; 6 — очаг; 7 — духовая печь; 8 — комната для служанок; 9 — торфяной сарай; 10 — кухня «придела»; 11 — изба-придел для стариков; 12 — камора к этой избе; 13 — гумно; 14, 15 — площадки гумна; 16 — помещение для инструментов; 17 — помещения для мелкого скота; 18 — сарай для рубки дров; 19 — хлев и сарай для хранения корма скоту; 20 — ворота на улицу; 21 — дровяной сарай; 22 — хлев; 23 — гумно; 24, 25 — площадки гумна

В Окторпском дворе жилой дом возведен из бревен, но хозяйственные постройки и одна из кладовых дома имеют такую же конструкцию, как и Равлюндский двор. Жилой дом состоит из собственно избы с кухней и двух кладовых по бокам. Кладовые несколько выше избы (рис. 3). Между левой кладовой и избой помещается прихожая, идущая поперек всего дома, что обычно в южношведских домах. (Иногда имеются две прихожие, по одной возле каждой кладовой; такие дома тоже представлены в Скансене.) Духовая печь с очагом расположена у продольной стены. Внутренняя обстановка дома, назначение отдельных его помещений, а также различных хозяйственных построек — в основном такие же, как и в первом дворе.

Таков в кратких чертах тип южношведского двора XVIII — XIX вв. Он известен с XVI в. и ныне распространен в областях Сконе, Смоланд, Халланд, Блекинге, Вестергётланд и в более или менее измененных формах по всей Гёталанду.

Из средней Швеции в Скансене представлены отдельные жилые дома, но ни одного полного двора не сохранилось. Поэтому представление о нем составлено нами по аннотациям к отдельным домам, имеющимся в музее. Планировка дворов покоеобразная, или же свободно расположенные на усадьбе постройки соединяются загородками. Примером первого является Бергманский двор из западного Вестманланда, где два ряда построек — жилой избы и хозяйственных — примыкают под прямым углом к третьему ряду хозяйственных построек. Примером второго является двор из деревни Мора области Даларна⁸.

⁸ «Skansens kulturgeschichtliche Abteilung», стр. 45—51, 61—68; «Skansen hus och gårdar», стр. 76—99.

Рис. 3. Общий вид южношведского двора. Окторпский двор, обл. Халланд

Оба двора скомплектованы в Скансене по старинной планировке из построек, прирезанных из разных деревень. Бергманский дом носит во внутреннем убранстве значительный отпечаток буржуазного влияния, поэтому не представляет особенного интереса. Двор из деревни Мора заслуживает того, чтобы на нем остановиться. Интересен жилой дом XVIII в., который был первым возведен в Скансене. Он имеет жилую комнату и сени с крыльцом и отличается от двойного дома, широко распространенного в Швеции, отсутствием «чистой» комнаты (рис. 4). Этот дом характерен для небольших крестьянских дворов области Даларне, но встречается и в других частях страны. Постройка срубная, крыша дощатая, снаружи дом почти не декорирован. Он сохранил некоторые средневековые черты: крыша покоится на мощной коньковой балке, от которой попарно отходят стропила до верхнего венца стены; на этих стропилах лежат доски, а на них — слой березовой коры, покрытый горбылями.

В углу — очаг с духовой печью (рис. 5). Потолка нет. Под крышей проходят поперек две жерди, одна вблизи очага, другая в середине дома, вырезанная на конце в виде головы зверя. Они делят дом на три части. Напротив очага стоит стол на козлах; рядом с очагом размещена двойная двухэтажная кровать с занавесью; в углу у фронтона — еще одна кровать в виде шкафа; перед кроватями стоят ящики для ног, одновременно использовавшиеся для хранения вещей; на скамье около стены — часы; около передней стены — прикрепленная к ней скамья; в углу налево от входной двери — посудный шкаф⁹. Над дверьми — полка с запасной посудой. Обращают на себя внимание старинные стулья, сделанные из обрубков ствола дерева. Резная жердь предназначалась для развешивания одежды.

Во дворе имеются два хлева, кладовая, два амбара, три сарая, погреб, колодец. Тип двора северошведских районов представлен в Скансене лучше всего. Для него характерно множество построек, важнейшие из которых составляют четырехугольник вокруг внутреннего двора, тогда как другие расположены свободно за пределами этого четырехугольника (рис. 6). Характерной чертой северошведского двора является то, что скот не входил во внутренний двор. Развитию этого типа двора в значительной степени способствовало богатство северной Швеции хвойным лесом. Этот тип был известен еще в средневековье, а ныне распространен в Емтланде, Хейердалене, Норрланде, Даларне и в соседних районах Финляндии.

Эльвросский двор из юго-западного Хейердалена имеет многие здания, которые хорошо представляют северошведское деревянное зодчество¹⁰. Хутор Эльврос (XIX в.)

⁹ Двойная кровать представляет собою длинную скамью или кровать, посередине разделенную поперек перегородкой на две части, каждая из которых считается отдельной кроватью.

¹⁰ «Skansens kulturgeschichtliche Abteilung», стр. 14—38; «Skansen hus och gårdar», стр. 107—124.

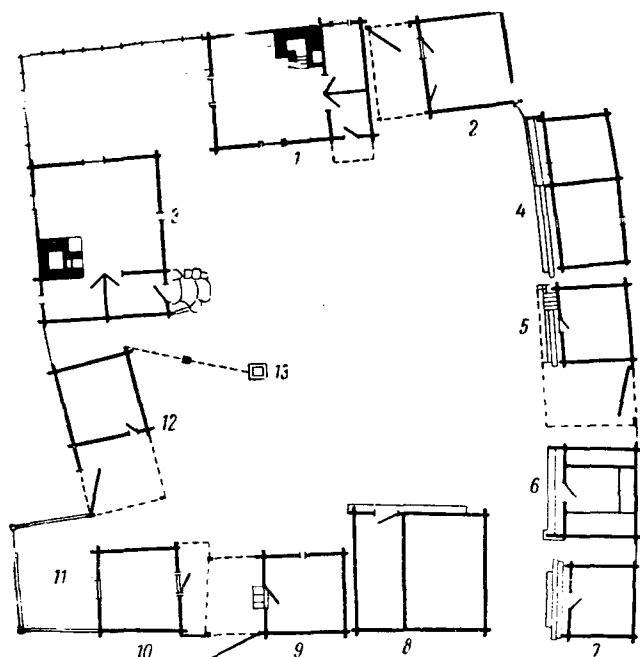

Рис. 4. Тип двора средней Швеции. Двор из дер. Мора, обл. Даларна: 1 — дом XVIII в.; 2 — хлев; 3, 4 — хозяйственные помещения. 5 — сарай; 6, 7 — амбары; 8 — сарай; 9 — сарай для хранения корма скоту; 10 — хлев; 11 — загон; 12 — погреб; 13 — колодец

дает представление о крестьянском дворе XVII—XIX вв. Все постройки двора срублены из круглых бревен. Крыльцо дома украшено резьбой, типичной для этой области. Жилой дом состоит из двух изб с сенями посередине; задняя часть сеней отделена под кладовую. При входе в дом налево — жилая изба, направо — чистая изба. В жилой

Рис. 5. Внутренний вид избы из двора Мора, обл. Даларна

избе семья проводила большую часть своего времени. Здесь находится очаг, где женщины готовили обед, сюда же собирались все члены дома после работы. Очаг без печи, что отражает более ранний период, когда хлеб пекли на круглых железных листах.

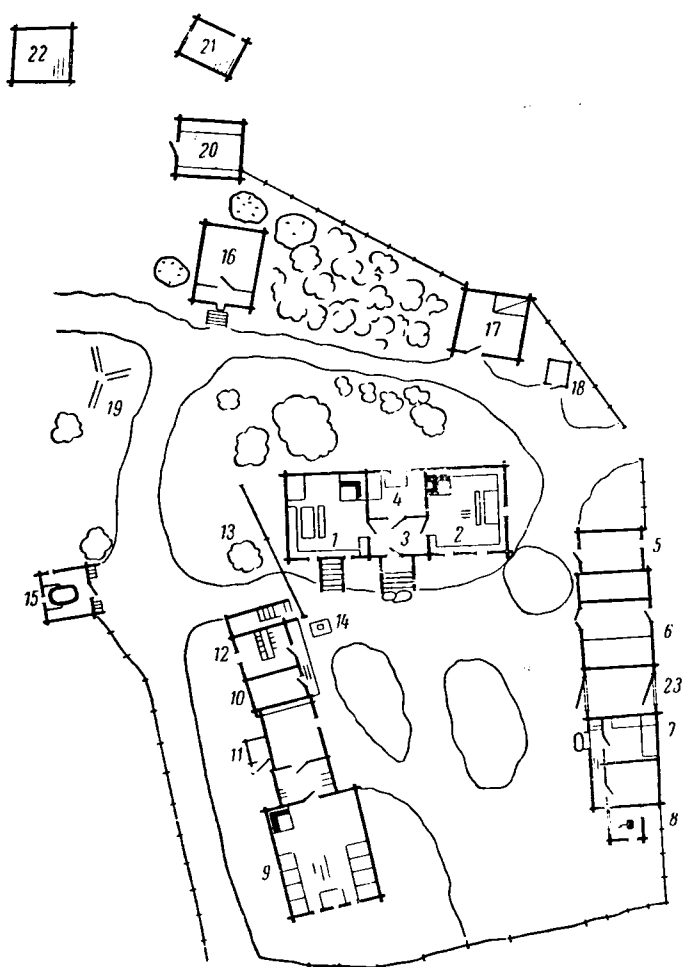

Рис. 6. Северошведский тип двора. Эльвросский двор, обл. Хейердален: 1 — изба жилая; 2 — чистая; 3 — прихожая; 4 — кладовая; 5 — сарай для топлива; 6 — гумно; 7 — сарай для хранения корма скоту; 8 — пристройка; 9 — хлев; 10 — сарай для сена; 11 — сарай с комбикормом; 12 — конюшня; 13 — клумбы; 14 — колодец; 15 — баня; 16 — амбар на столбах; 17 — кузница; 18 — домик для детских игр; 19 — сено на жердях; 20 — дом с очагом; 21 — сарай для ливствы; 22 — сарай для сена; 23 — въездные ворота

Очаг состоит из четырехугольной каменной плиты, лежащей на полу, и железного дымового колпака сверху. Над очагом подвешен котел (рис. 7). Очаг в наиболее старых домах находился посередине помещения, но в Эльвросском дворе он расположен в переднем углу.

Место хозяина дома было всегда прямо против очага. Деревянный на козлах стол стоит в том же углу. На поверхности стола вырезана дата: 1764 год. Вдоль стен у стола — неподвижные скамьи, а окло входа налево — посудный шкаф. На стене направо от входа и над дверью — полки для посуды. Преобладает посуда из дерева и бересты, но есть глиняная и металлическая. Нанскось от входа в заднем углу стоит кровать-шкаф и около нее часы на полу. Мебель украшена резьбой в стиле рококо, широко распространенной в северной Швеции. Хозяева дома и маленькие дети спали в кроватях-шкафах в избе, а взрослые дети — на втором этаже в кладовых. В избе спотолка спускается колыбель, которую мать могла качать, сидя за работой. У стены направо стоит несколько стульев с потертыми спинками, у двери стул со спинкой, выдолбленный из отрубка ствола дерева. Стены избы украшены картинами, главным образом на темы крестьянских свадеб. В чистой избе мебель более современная.

Из числа расположенных во дворе хозяйственных построек следует отметить амбар на столбах, изящное строение с резьбой. Это — одна из монументальных деревянных

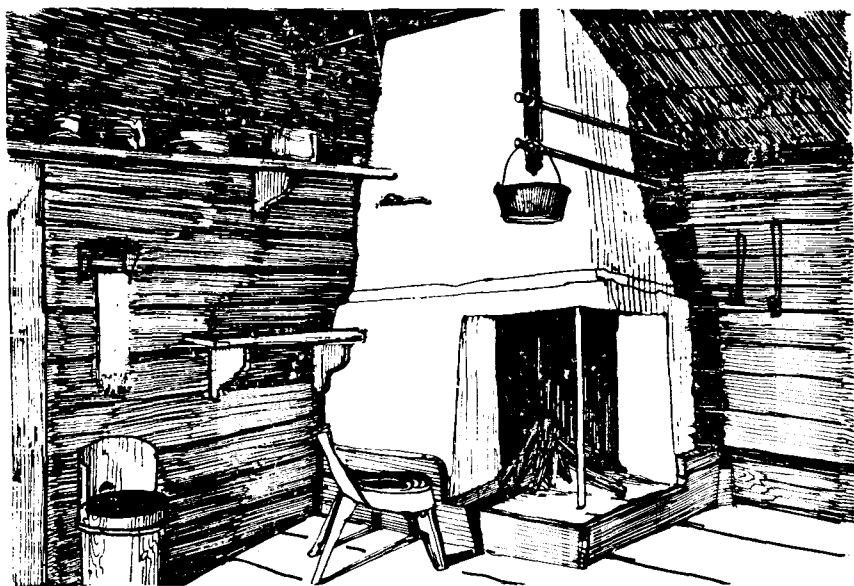

Рис. 7. Внутренний вид жилой избы северошведского двора. Эльвросский двор

построек Швеции. Подобные амбары распространены также в Норвегии, Финляндии, на севере России, в альпийских странах и во многих других местах. Во дворе находится также так называемый дом с очагом. Он используется как кухня для приготовления корма скоту; раньше такой дом служил жильем в летнее время. На прочих хозяйственных постройках двора я не останавливаюсь. Можно только отметить, что хлев был рассчитан не менее чем на восемь коров; это подтверждает, что хозяйство было зажиточным, как почти все дворы, показанные в Скансене.

Жилище беднейшего крестьянства представлено в музее всего несколькими экземплярами: избой бедняка-крестьянина из Блекинге, солдатской хатой из Смоланда и избой из Вестергётланда.

Изда из Блекинге (XIX в.) состоит из одной комнаты со входом во фронтовой стене. Постройка из каменных глыб, задней стеной ее служит склон холма; покрыта

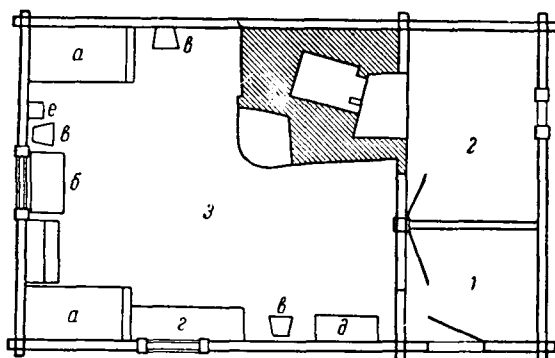

Рис. 8. Солдатская изба, обл. Смоланд: 1—2 сени (перегороженные на две части); 3 — изба; а — кровати, б — стол, в — стулья, г — кровать, д — шкаф, е — часы

дерном; крыша такого же типа, как у деревянных домов; освещается изба через отверстие в крыше. Очаг находится у задней стены. Обстановку составляют: кровать, стол, скамья под окном, ларь, угловой шкаф, несколько табуреток и доска для кухонной утвари¹¹. Эта довольно примитивная форма широко распространена в южной Швеции. В известной степени сооружение подобных построек связано и с недостатком

¹¹ «Skansen hus och gårdar», стр. 55—56.

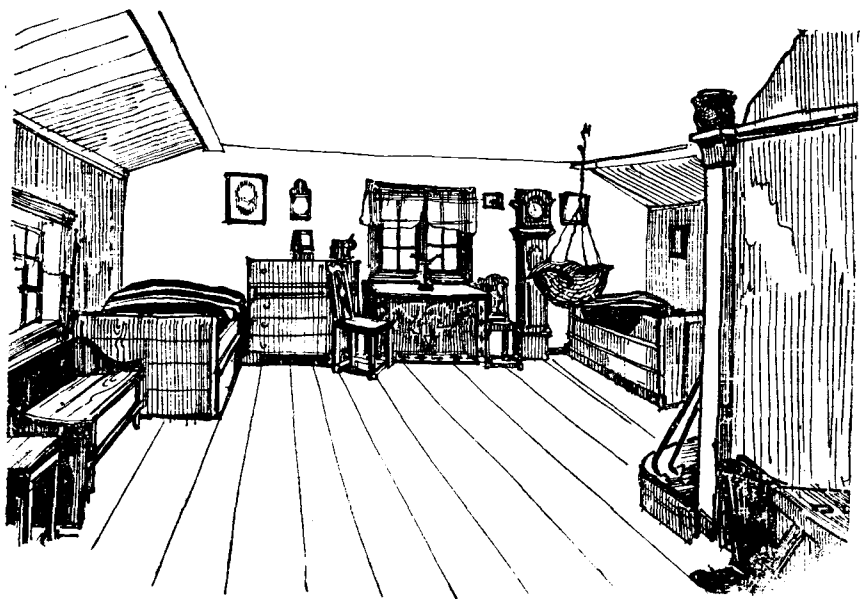

Рис. 9. Внутренний вид солдатской избы

строительного материала. Камень как строительный материал играл в Блекинге и во всей южной Швеции большую роль еще в XIX в.

Солдатский двор из области Смоланд (XVII—XIX вв.) состоит из одного жилого дома и несколько отдаленной хозяйственной постройки, представляющей собой хлев и крытое гумно. Жилой дом состоит из избы и сеней (рис. 8). Дом бревенчатый, крыша покрыта берестой и торфом. Почти четверть избы занята каменным очагом с передвижным колпаком и духовой печью.

Обстановка комнаты типична для крестьянского двора из области Смоланд начала XIX в.: камин, две дощатые кровати в углах комнаты, неподвижный стол у фронтовой стены, несколько стульев и часы. Украшений нет (рис. 9) ¹².

Кроме целых комплексов дворов, в музее представлены отдельные жилые дома XVIII—XIX вв. из разных областей и хозяйственные постройки XVI—XIX вв. — кладовые, сарай, клетки, спальни и пр. Отметим некоторые из них. Особенно своеобразен тип дома с очагом из области Хейердален (северная Швеция) и других областей. Это, собственно, жилой дом из круглых бревен с очагом без трубы; дым выходит через отверстие в крыше, которое служит одновременно и окном. Очаг расположен посередине дома на земляном полу, над очагом висит котел на крюке, укрепленном в поперечной жерди. Крыша покрыта древесиной. Дом с очагом считается наиболее древней постройкой. Со временем дом с очагом стали строить вместе с кладовой; образовался так называемый двойной дом, который позднее стал ведущей формой в Швеции. В Скансене представлены многие его образцы. Дома с очагом в Скансене — из ряда областей: Хейердалена, Даларны и др.

В Скансене представлены частично постройки и других национальностей Швеции — финнов и саамов, иллюстрирующие этническую специфику материальной культуры и быта этих народов.

Финский двор (XVII в.) привезен из Северного Вермланда. В него входят курная изба (rörte), кухня, кладовая, сарай и «черная» баня (rëkstur-ийя), построенная из толстых бревен, с крышей из горбылей. Она использовалась также как жилье и сушильня. Баня состоит из одной комнаты со входом во фронтовой стене, с тремя небольшими волоковыми оконцами и с печью без трубы; ею пользовались для отопления, выпечки хлеба и приготовления пищи, что, как известно, было распространено и в Восточной Европе. Обстановка очень простая: в углу постель из соломы, а сверху несколько кожаных подушек.

Курная изба по плану такая же, как «черная» баня, но отличается по обстановке ¹³.

Очевидно, этот тип дома появился в Швеции с переселением финнов в XVI в. из областей перешедшей Средней Финляндии, так как там он существовал уже раньше и резко отличается от шведских построек.

Саамские строения в Скансене составляют: торфяная хижина (кота), из наклонно

¹² «Skansen hus och gårdar», стр. 61—66.

¹³ Там же, стр. 67—75.

стоящих тонких бревен, имеющая форму тупого конуса и покрытая дерном; несколько чумов различных видов; склад для утвари в виде открытого навеса на четырех столбах; навес того же типа для сушки сыра; амбар очень примитивной формы, на одном столбе; оборудование для развешивания продуктов; подвал для хранения молока; сарай для дров.

На территории Скансена находятся дом его создателя Хацелнуса и ряд мастерских.

Разнообразие построек XVII—XIX вв. и их внутреннего убранства показывает, что шведский музей под открытым небом, несомненно, — крупное достижение. Он создает полное впечатление живой действительности, дает богатый материал для ознакомления с историей, бытом и искусством населения различных областей страны. Вследствие того, что все предметы расположены так, как в обычном крестьянском жилище, легко понять их назначение в доме и хозяйстве.

Музей помогает охарактеризовать и определить этническую специфику различных областей, выраженную в материальной культуре и художественном творчестве народа за 300 лет.

В Скансене ведется большая работа по улучшению рабочих и складских помещений, починке оград и дорог, охране растительности и пр. Огромное внимание уделяется консервации старинных зданий. Музей постоянно обогащается новыми экспонатами путем проведения научных экспедиций. Профессура университетов тесно связана в своей работе со Скансеном. Этому служит значительная публикационная деятельность Скандинавского музея. Скансен имеет богатую библиотеку и архив¹⁴.

Ежегодно для Скансена издается программа, предусматривающая порядок проведения в нем воскресных и праздничных дней различными организациями, предприятиями и обществами. В течение года на территории музея проводятся торжества и праздники в соответствии с народными обычаями различных шведских провинций. Еще Хацелинсом было заведено, что на эти празднества приходят в национальной одежде и говорят на местных диалектах.

Особенно весело бывает в Скансене во время рождественской ярмарки, в Новый год, на Троицу. Народные хоры из разных шведских провинций исполняют песни (застольные, посвященные традиционному профессиональному ремеслу различных мест и др.) под аккомпанемент народных инструментов. На весенних ярмарках организуются народные танцы, хороводные игры и песни. В скансенском театре в числе представлений часто демонстрируют сцены из старинных крестьянских свадеб. Не менее оживленно проводятся и другие праздники. На больших торжествах выступает скансенский оркестр. Во время школьных зимних каникул в феврале устраивают лыжные соревнования детей и каток. Для летнего отдыха детей в Скансене имеются пруд с пляжем, всевозможные площадки для игр¹⁵.

В Скансене, кроме этнографического отделения, имеются зоологическое отделение, богатые геологические коллекции, обсерватория и др. В зоологическом отделении представлены животные из всех частей света. В праздничные и воскресные дни по зоопарку проводят экскурсии. Обсерватория в течение зимнего времени и в звездные вечера также бывает доступна для публики.

Число посетителей музея, например в 1955 г., составило 2 223 475 чел.¹⁶ Каждый год музей посещает большое число туристов из разных стран.

Без сомнения, Скансен занимает среди музеев под открытым небом почетное место. По примеру Скансена возникло много подобных музеев как в самой Швеции, так и в Норвегии, Дании, Финляндии, Румынии, в СССР (Этнографический музей Латвии и ряд краеведческих музеев в Латвийской ССР) и в других странах¹⁷.

¹⁴ «Fataburen, Nordiska museets och Skansens årsbok», Stockholm, 1931, 1940, 1957; «Skansen handbok i vården av gamla byggnader», av Gotthard Gustafsson, Stockholm, 1953; «Skansen hus och gårdar».

¹⁵ Mats Rehnberg, The Nordiska museet and Skansen, Stockholm, 1957; «Fataburen, Nordiska museets och Skansens årsbok».

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Friluftsmuseet på Norsk folkemuseum», Oslo, 1925; «Путеводитель для посетителей музея на острове Сеурасаари», Хельсинки, 1946; Аксель Олаи, Музей среди природы на острове Фелизе близ Гельсингфорса, 1910; Г. Фокша, Бухарестский Музей — село», Бухарест, 1958; «Государственный музей крестьянского быта Латвии XVII—XIX вв.», Рига, 1958; Полевые материалы Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции 1957 г. (О Екабпилском и Лундзенском музеях под открытым небом) архив Ин-та этнографии АН СССР.

Х Р О Н И К А

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ, АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ НА КОНФЕРЕНЦИИ ПО ИСТОРИИ СИБИРИ И ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

11—19 марта 1960 г. в Новосибирске, Иркутске и Томске состоялась научная конференция, созванная Отделением исторических наук АН СССР, Сибирским отделением Академии и Министерством высшего и среднего специального образования РСФСР. Конференция привлекла большое внимание. В ее работе приняли участие многочисленные сибиреведы — историки, археологи, этнографы, антропологи, представляющие ведущие научно-исследовательские институты и высшие учебные заведения ряда городов (Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Иркутска, Томска, Владивостока, Читы, Магадана, Кемерово, Улан-Удэ), представители автономных республик и областей Сибири (Якутии, Бурятии, Тувы, Хакассии, Горного Алтая), Чукотского и Корякского национальных округов.

Пленарные заседания конференции проходили в Новосибирске. Ее открыл председатель Президиума Сибирского отделения АН СССР академик М. А. Лаврентьев. Затем с докладом на тему «Основные проблемы развития исторической науки в свете решений XXI съезда КПСС и задачи изучения истории Сибири и Дальнего Востока» выступил академик-секретарь Отделения исторических наук АН СССР Е. М. Жуков. Подчеркнув, что главная задача советских историков — активно служить делу коммунистического строительства, докладчик сформулировал конкретные задачи советских историков: воспитание советского патриотизма, социалистического интернационализма, борьба с враждебной советской исторической науке буржуазной идеологией. Особое значение в наши дни имеет исследование и обобщение закономерностей коммунистического строительства в процессе постепенного перехода от социализма к коммунизму. Работа в этой области должна объединять философов, экономистов, историков.

Перед историками, занимающимися изучением зарубежных стран, стоит задача создания исследований в области новейшей истории. Главное внимание должно быть обращено на историю развития международного рабочего и коммунистического движения, историю национально-освободительной борьбы народов Азии, Африки, Латинской Америки. Особенно ответственным участком этой работы является изучение формирования и развития мировой системы социалистических стран.

Особое внимание, уделяемое изучению истории советского общества и новейшей истории зарубежных стран, не должно означать, что следует ослабить усилия в организации исследований, посвященных более ранним периодам. Исследования в области археологии, древней, средневековой и новой истории должны быть связаны с конкретным обоснованием общих исторических закономерностей, с выявлением народных традиций и роли народных масс — творцов истории.

Историки Сибири и Дальнего Востока должны сосредоточить свои усилия на обобщении богатейшего опыта социального и экономического подъема восточных территорий СССР в эпоху развернутого строительства коммунистического общества. Необходимо подвергнуть исследованию проблемы национального развития, уделяя особое внимание этническим процессам, протекающим среди малых народов Севера. При исследовании многообразных проблем современности необходима координация деятельности историков Сибири, Дальнего Востока и других частей Советского Союза. В Сибири и на Дальнем Востоке следует широко поставить изучение новейшей истории сопредельных зарубежных стран. Историки-сибиреведы должны обратить особое внимание на общность исторических судеб русского народа и нерусского населения Сибири и Дальнего Востока, показать прогрессивный характер присоединения этих территорий к России.

С докладом «300 лет сибирской археологии и ее сегодняшний день (Итоги и задачи)» выступил А. П. Окладников (Ин-т археологии АН СССР, Ленинград).

Начиная с XVII в., сказал докладчик, богатейшая сокровищница археологических памятников — Сибирь привлекает внимание путешественников и ученых. Огромны курганы и камни с загадочными надписями, руины древних городов, погибших в плену давно минувших войн, поражающее своим великолепием «скифское» золото — все это подталкивало необходимость изучения древних судеб народов, населяющих Сибирь. Однако вплоть до XX в. большая часть Сибири оставалась огромным белым пятном на археологической карте мира. Только благодаря трудам советских ученых это белое пятно начало заметно сокращаться. Археологи-сибиреведы развернули работу как в «традиционных» археологических районах (Минусинский край, Алтае Прибайкалье), так и на «новых» территориях (в частности, за полярным кругом, в Якутии, на Дальнем Востоке).

А. П. Окладников охарактеризовал далее общие итоги разработки основных проблем древней истории Сибири. Первая группа проблем связана с первоначальным заселением человеком обширных территорий Северной Азии. Памятники палеолита Сибири подразделяются на две основные группы: стоянки типа Мальты и Буреп (которые, по мнению А. П. Окладникова, близки к европейским верхнепалеолитическим памятникам) и стоянки типа Афонтовой и Верхоленинской гор. Новые находки на Алтае (Усть-Канская пещера) позволяют поставить вопрос о возникновении культуры мустьерского типа из среднеазиатской мустьерско-леваллуазской культуры. А. П. Окладников говорил также о предполагаемых связях сибирских палеолитических комплексов с культурой «чоплеров» Юго-Восточной Азии.

Вторая группа проблем возникает при изучении неолитических памятников Сибири. Неолит Сибири в целом подразделяется на два больших историко-культурных комплекса, первый из которых представлен на территории собственно Сибири, второй — на Дальнем Востоке. Сибирский неолит показывает широкие культурные связи, простиравшиеся от Европейской части РСФСР до Китая, Кореи и Японии.

Наконец, третья группа проблем относится к исследованию бронзового и железного веков. Наиболее полно эти важные исторические периоды исследованы на юге Сибири — в Минусинской котловине и на Алтае; здесь прослежена смена афанасьевской, андроновской, карасукской и тагарской культур. Своеобразную картину дает исследование ранних скотоводческих культур Забайкалья, где памятники так называемого глазковского этапа непосредственно сменяются культурой плиточных могил, обнаруживающей связи с аналогичными комплексами Монголии и северной части Китая. Ранний железный век в степных пространствах Забайкалья и Монголии — время выхода на широкую историческую арену гуннов и их соседей сяньби. В раннем средневековье происходит широкое распространение тюркоязычных этнических образований и экспансия тюркских племен далеко на запад — до Дуная. В это время тюркские племена проникают на север — на среднюю Обь и в Прибайкалье (курыканы).

Сибирь тесно связана также с вступлением на арену мировой истории монголов, часть которых — буряты — появились здесь еще в XI в. Археологические исследования на Дальнем Востоке выявили памятники известных из китайских летописей племен — илоу, удзи, мохэ (предки маньчжуро-тунгусов), а также памятники бохайцев и чжурчженей.

Еще один важный профиль работы археологов в Сибири — раскопки старинных русских городов: Мангазеи, Иркутска, остатков погибшей русской экспедиции XVII в. на острове Фаддея и в заливе Симса.

А. П. Окладников поставил ряд задач на будущее, важнейшие из которых сводятся к следующему: ликвидация белых пятен на карте Сибири и Дальнего Востока; организация совместных исследований археологов, этнографов, лингвистов с целью комплексной разработки вопросов этногенеза; разветвление публикаций памятников; более тесное взаимодействие археологов с представителями естественнонаучных дисциплин — геологами, ботаниками, зоологами, физиками, химиками; усиление технического оснащения археологических экспедиций. В заключение А. П. Окладников выразил пожелание о создании научно-организационного центра комплексных работ при Сибирском отделении АН СССР.

Л. П. Потапов (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) выступил с докладом «Задачи этнографического изучения народов Сибири в связи с решениями XXI съезда КПСС». Докладчик подчеркнул, что при изучении современного развития народов СССР видное место занимают этнографические исследования. Изучение национальной культуры и быта социалистических народностей и наций, в том числе и народов Сибири, имеет большое теоретическое и практическое значение для построения коммунизма. В Советском Союзе ведется изучение быта как колхозного крестьянства, так и рабочего класса. Весьма существен вопрос о старых национальных традициях, многие из которых, несомненно, должны исчезнуть как несовместимые с современным уровнем развития.

Другой важной задачей советских этнографов, в том числе и этнографов-сибиреведов, является исследование многообразных процессов развития социалистических наций и народностей СССР. На новом историческом этапе, в период развернутого строительства коммунистического общества, результаты предварительного изучения позволяют зафиксировать две основные закономерности: во-первых, развитие социали-

стической народности или нации протекает не изолированно, а на основе общего развития экономики и культуры всей страны в целом; во-вторых, идет постепенное сближение советских наций и народностей в отношении экономики, культуры и языка. При этнографическом исследовании многочисленных народностей Сибири необходимо выяснить применительно к каждой из них, идет ли развитие ее как отдельного этнического образования или происходит консолидация ее с другими народностями. Как подчеркнул докладчик, процесс слияния мелких народностей и этнических групп более крупными следует рассматривать как явление прогрессивное, так как это слияние происходит на основе братского сотрудничества в области экономики и культуры. Этнографы-сибиреведы могут принести большую пользу практическому строительству коммунизма, в частности, изучая и обобщая процессы, связанные с распространением русского языка, являющегося важным фактором культурного развития ранее отсталых народов. Докладчик отметил, что существенное значение имеет также исследование религиозно-бытовых пережитков и форм семьи и брака у народов Сибири. В заключение Л. П. Потапов указал, что исследование современности, являющееся главной задачей этнографов-сибиреведов, отнюдь не снимает с повестки дня изучение дореволюционного исторического прошлого — вопросов этногенеза, истории бесписьменных в прошлом народов, шаманства, родовой организации, ранних форм классовых отношений.

В. И. Шунков (Отделение исторических наук АН СССР, Москва) выступил с докладом «Труды по истории Сибири в современной зарубежной историографии». Докладчик обобщил результаты зарубежных исследований по сибиреведению, ведущихся как в странах социалистического лагеря, так и в капиталистических странах (Франция, Япония, США, ФРГ). Для трудов буржуазных ученых характерен ряд ложных исторических концепций: о завоевательном характере освоения русскими Сибири, о «стратегическом» характере возникновения в Сибири русских поселений и т. д. В. И. Шунков подчеркнул необходимость борьбы с антиисторическими концепциями в буржуазной историографии.

На заключительном пленарном заседании И. И. Матвеев (Сибирское отделение АН СССР) ознакомил делегатов конференции с перспективным планом развития общественных наук в Сибирском отделении¹. Был избран Научный совет по проблеме «История социалистического и коммунистического строительства в Сибири и на Дальнем Востоке», куда вошли представители научно-исследовательских институтов Москвы, Ленинграда и городов Сибири.

* * *

Секция истории и этнографии Сибири и Дальнего Востока советского периода работала в Томске. Большинство докладов было посвящено истории становления Советской власти и гражданской войны в Сибири, истории социалистического строительства в довоенный и послевоенный периоды. Этнографической тематике было посвящено семь докладов.

Б. О. Долгих (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) прочел доклад на тему «Основные вопросы социалистического строительства у малых народов Севера». На обширном материале докладчик показал успехи социалистического строительства на Советском Севере, отметив, что экономический и культурный подъем малых народностей Севера способствует их национальной консолидации и расцвету положительных сторон национальной культуры. Основное внимание в докладе было уделено вопросам, еще подлежащим решению. Освоение огромных пространств тундры и тайги, по мнению докладчика, возможно лишь на основе развития традиционных на Севере отраслей хозяйства. Неоценимы в этом отношении трудовые навыки охотников и оленеводов, следопытов-проводников. Следует всячески использовать национальную одежду, как нельзя лучше приспособленную к суровым климатическим условиям. Большое культурное богатство представляет народное искусство. Однако многое из хозяйственных и культурных достижений северных народов недооценивается и не используется должным образом. Малочисленность этих народов, суровые климатические условия их обитания обуславливают необходимость особо внимательно подходить к их нуждам.

Б. О. Долгих указал на необходимость дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления колхозов народов Севера, предложив ряд конкретных мер в этом направлении: использование для охоты, оленеводства, рыболовства той части территории Севера, которая не осваивается промышленностью и транспортом; предпочтение развитию оленеводства, охоты, морского зверобойного промысла как занятий, наиболее рентабельных для этих колхозов; укрепление технической базы оленеводства; принятие мер к дальнейшему развитию охотничьего промысла и звероводства; улучшение снабжения малых народов Севера. Насущной потребностью является пересмотр административного районирования, во многом устаревшего и не соответствующего

¹ «Тематика научно-исследовательских работ в Сибири и на Дальнем Востоке за 1959—1965 годы (общественные науки)», Новосибирск, 1959.

современному расселению народов Севера, их экономическим и культурным связям. Б. О. Долгих остановился на вопросах перестройки народного образования на Севере в особенности — внедрения в систему образования всесторонней подготовки к производственной деятельности в оленеводстве, охоте, рыболовстве и других промыслах. Докладчик считает необходимым более тесный контакт этнографов с местными работниками и с центральными организациями, занимающимися проблемами Севера.

Доклад З. В. Гоголева (Ин-т языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР) был посвящен истории социалистического строительства в Якутии. Приведенная им большая, в значительной части этнографический материал, докладчик обрисовал специфические особенности, которые на ранних этапах социалистического строительства в Якутии в известной мере тормозили этот процесс. В докладе З. В. Гоголева был использован значительный статистический материал, свидетельствующий о бурном подъеме хозяйства и культуры Якутии в советский период.

С докладом о современных этнических процессах на севере Якутии выступил И. С. Гурвич (Ин-т этнографии АН СССР, Москва), который обобщил результаты экспедиционных исследований, проведенных под его руководством на данной территории. И. С. Гурвич указал, что изменения в этническом составе северных территорий Якутии были вызваны огромными социальными сдвигами в послереволюционный период, перестройкой хозяйства и культуры. Собранные в процессе полевых исследований материалы позволили определить основные направления, по которым протекают эти изменения: завершение начавшихся еще до революции процессов слияния некоторых народностей; консолидация малых одноязычных и близких по культурному и хозяйственному облику групп в более крупные этнические образования; сближение разноразличных, в прошлом обособленных этнических групп; слияние некоторых из них с большими социалистическими нациями.

Некоторые итоги этнографического изучения русского колхозного крестьянства Восточной Сибири были подведены в докладе Г. С. Масловой и Л. М. Сабуровой (Ин-т этнографии АН СССР, Москва — Ленинград). Этнографии русских Сибири, как отметили докладчики, до недавнего времени не уделялось должного внимания. С 1957 г. Институт этнографии, стремясь восполнить этот пробел, начал широкое экспедиционное изучение социалистических преобразований хозяйства, культуры и быта русского крестьянства Сибири².

С докладом о переходе ранее отсталых народов Восточной Сибири к социализму и их национальной консолидации выступил Б. Х. Хомчолов (Бурятский пед. ин-т, Улан-Удэ). Молодой ученый, нивх по национальности, Ч. М. Таксами (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) прочитал доклад о современной культуре и быте нивх населения районов Нижнего Амура и северного Сахалина. Доклад Г. И. Пелия (Томский гос. ун-т) был посвящен некоторым вопросам истории колхозного строительства у селькупов.

* * *

Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода работала в Иркутске. Вступительное слово произнес председатель Президиума Восточно-Сибирского филиала Сибирского отделения АН СССР В. А. Кротов. С докладом о развитии производительных сил Восточной Сибири выступил секретарь Иркутского обкома КПСС Б. Е. Щербина.

А. П. Окладников (Ин-т археологии АН СССР, Ленинград) прочел доклад «Археология и проблемы культурного наследия народов Сибири», сделав попытку проследить историю культурных напластований, сохранившихся у народов Сибири с глубочайшей древности. Докладчик выделил культурные традиции, уходящие своими корнями в эпохи палеолита и неолита, эпоху бронзы и раннего железа и в средние века и образующие несколько ареалов: арктический — приморский ареал (характеризующийся сохранением у эскимосов и чукчей палеолитических традиций, а также традиций древнеэскимосской берингоморской культуры); дальневосточный ареал (традиции амурского и приморского неолита); байкальский ареал (традиции байкальского неолита и бронзы тайги у эвенков, эвенов, якутиров); степной ареал (традиции степной бронзы у тюркских и монгольских народов); наконец, ареал западносибирский (традиции андроновской культуры и культуры раннего железа Западной Сибири у хантов и манси).

С обобщающим докладом, посвященным основным итогам и задачам антропологических исследований в Сибири в связи с разработкой проблем этногенеза, выступил М. Г. Левин (Ин-т этнографии, Москва). Докладчик отметил, что сравнительно широкая антропологическая изученность Сибири обусловлена планоностью и координацией проводимой работы. Большую роль в успешном антропологическом изучении Сибири сыграла выработка единых методических приемов, обеспечившая высокий научный уровень исследований, выгодно отличающий материалы советских антропологов от материалов по антропологии большинства зарубежных территорий. Докладчик обрисовал общую картину антропологических типов дорусского населения Сибири. Основ-

² Доклад Г. С. Масловой и Л. М. Сабуровой публикуется ниже. — *Ред.*

ные типы и их варианты объединяются применительно к территории Сибири в три расы — уральскую, североазиатскую и арктическую. Уральская раса сложилась в результате произошедшего в глубокой древности смещения антропологических типов азиатского и европейского происхождения и, соответственно, сочетает европеоидные и монголоидные черты. Североазиатская раса имеет наиболее обширный ареал на территории Сибири и восходит к древнейшему населению Восточной Сибири; она отражает характерные особенности континентальной ветви монголоидного ствола. Арктическая раса сложилась в области Берингоморья и соседних с ним территорий. В докладе была охарактеризована и этническая принадлежность носителей основных антропологических типов населения Сибири. М. Г. Левин подчеркнул, что методологическая основа разработки сложных проблем этногенеза — комплексность исследований, объединение данных ряда смежных дисциплин. При комплексных исследованиях антропология часто позволяет разрешить разрозненные вопросы, которые не могут быть выяснены на основе данных этнографии, археологии, истории, лингвистики.

Докладчик сформулировал основные задачи дальнейших антропологических исследований на территории Сибири: ликвидация белых пятен, все еще имеющих на антропологической карте Сибири (изучение нганасанов, долганов, удэгейцев, широкое антропологическое обследование якутов, южных групп эвенков, а также хантов и манси); систематическое пополнение палеоантропологических коллекций путем археологических раскопок; планомерный сбор краниологических материалов по современному населению (путем раскопок поздних кладбищ); исследования по группам крови; антропологическое изучение русского сибирского населения; исследования смешанных популяций; разработка вопросов исторической демографии.

Доклад, посвященный основным проблемам изучения Сибири XVII—XIX вв., прочитал В. И. Шунков (Отделение исторических наук АН СССР, Москва). Переломным моментом в развитии сибирской историографии, сказал он, явилась Великая Октябрьская социалистическая революция; по предварительному подсчету, за годы Советской власти опубликовано около четырех тысяч печатных работ по истории Сибири. Особенно важным моментом является расширение хронологических рамок изучения истории Сибири; если раньше исторические изыскания ограничивались XVI—XIX веками, то в советское время в результате работ археологов, этнографов, антропологов, историков ожили древнейшие страницы истории народов Сибири, чем был опровергнут самый тезис о «неисторичности» этих народов. Вышли в свет обобщающие труды и по более поздним периодам — второй том «Истории Бурятской АССР», книга «Народы Сибири», изданная Институтом этнографии АН СССР, и другие работы. Пока еще слабо изучена история Сибири XIII—XV вв. Недостаточно изучена также история всей Сибири XVIII—XIX вв.; в то же время достигнуты большие успехи в изучении истории отдельных сибирских народов. Значительно менее изучена история русского населения Сибири.

В настоящее время ведется разработка истории народных движений и истории революции, исследуются социально-экономические отношения народов Сибири. Недостаточны пока еще результаты изучения истории сибирской промышленности, а также ремесел и промыслов. Весьма актуален вопрос о характере включения Сибири в состав Русского государства, подвергавшийся искаженным трактовкам в дворянской и буржуазной историографии.

В заключение В. И. Шунков отметил, что источниковедческая работа все еще недостаточно развернута, в частности по публикации документов. Говоря о пропагандистском значении работ по истории Сибири, В. И. Шунков подчеркнул, что одной из главных задач историков является широкое ознакомление широких масс новоселов Сибири с историей края, ставшего местом постоянного обитания покорителей ее естественных богатств.

В коллективном докладе Л. П. Потапова, А. Д. Грача, С. И. Вайнштейна, В. П. Дьяконовой (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) были подведены итоги работ Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии, проведенных в 1957—1959 гг. Перед экспедицией стояли две главные задачи: сбор данных по этногенезу тувинцев и материалов по культуре и быту населения Тувы с древнейших времен до современности. В результате этнографических исследований получены обширные сведения о материальной и духовной культуре, народных занятиях, искусстве, религиозных верованиях тувинцев в дореволюционное время. Археологические исследования охватили широкий круг памятников — скифского, гунно-сарматского, древнетюркского времени XVIII—XX вв. Собранные экспедицией материалы дали возможность приступить к разработке ряда сложных этногенетических проблем.

А. П. Дульзон (Томский пед. ин-т) охарактеризовал в своем докладе историю дорусского населения Западной Сибири по материалам в основном историко-лингвистического характера. Докладчик отметил сложность топонимики Западной Сибири (русские, различные тюркские, мансийские, хантыйские, селькупские, ненецкие термины). Кетским, селькупским и южносамодийским топонимами предшествовал более древний пласт, условно названный А. П. Дульзоном «палеосибирским». Данные топонимики, по А. П. Дульзону, свидетельствуют о том, что угры пришли в Сибирь сравнительно недавно. Что касается самодийцев, то они первоначально проживали на

Среднем и Нижнем Приобье. Значительные территории Западной Сибири занимал некогда кеты.

Обобщающий характер имел доклад В. Н. Чернецова (Ин-т археологии АН СССР, Москва) «Древнейшие периоды истории народов уральской (финно-угро-самоедской) общности». Докладчик отметил, что хотя исследование происхождения народов финно-угорской языковой семьи ведется уже около двухсот лет, единой точки зрения пока еще не выработано. Многочисленные лингвистические исследования финно-угорских языков и установили их подразделение на две основные группы — финно-пермскую и угорскую. Подвергнув критике лингвистическую теорию волжско-камской прародины финно-угорских языков, В. Н. Чернецов указал, что используя ретроспективный метод, древнейшие этапы истории народов уральской семьи можно увязать с археологическими культурами гребенчатой керамики. Древнейшие памятники этого типа, датируемые IV тысячелетием до н. э., обнаружены в Зауралье и на восточном склоне Урала. Для следующего периода характерно дальнейшее распространение финно-угорских культур: области гребенчатой керамики выделяются в Каме и Оке. На Урале и отчасти в восточном Зауралье до конца неолита и частично в эпоху бронзы продолжали бытовать гребенчато-струйчатые композиции. Древнейшая фаза развития уральского неолита находит себе аналогии по керамике и кремневому инвентарю в комплексе стоянки Джанбас-Кала 4, на что еще в 1940 г. обратил внимание С. П. Толстов. Уральский и приаральский материал дает единую этнокультурную область. Приаралье следует рассматривать как прародину древней уральской общности, расселение могло начаться оттуда еще в конце мезолита. Недифференцированная финно-угорская общность просуществовала до конца III тысячелетия до н. э. Волго-окская культура ямочно-гребенчатой керамики отражает формирование предков волжской группы. Позднейшие этапы уральского и обско-иртышского неолита могут рассматриваться как угорские. До выделения финно-угорской общности из этнической и культурной общности Приаралья выделились, согласно концепции В. Н. Чернецова, еще два этнических ядра — прасамоедское и праюкагирское.

М. П. Грязнов (Ин-т археологии, Ленинград) доложил об итогах проведенных под его руководством археологических исследований в зоне водохранилища Новосибирской ГЭС на Оби. Экспедиция М. П. Грязнова раскопала здесь памятники эпохи неолита, комплексы андроновской культуры (XV—X вв. до н. э.), карасукской культуры (X—VIII вв. до н. э.), бийского этапа, памятники одиноковского этапа (II—IV вв. н. э.), фоминского этапа (VII—VIII вв. н. э.), курганы сrostкинской культуры (IX—X вв. н. э.), памятники чатских татар (XVII в.). Раскопки эти показывают плодотворность метода сплошного обследования конкретного микрорайона при сочетании его с изучением более широких территорий.

М. М. Герасимов (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) доложил об одном из наиболее замечательных археологических комплексов Сибири — Мальтинской палеолитической стоянке. Геолого-стратиграфические данные, как и материалы палеофауны, свидетельствуют о том, что Мальтинская стоянка является одной из древнейших на территории Сибири. Стоянки Мальта и Буреть, по М. М. Герасимову, — памятники одной и той же культуры. Особенности кремневого инвентаря и памятников изобразительного искусства дают возможность выдвинуть тезис о юго-восточном происхождении Мальтинской культуры.

В. И. Матющенко (Томский гос. ун-т) сообщил об итогах исследования томской культуры эпохи бронзы. Серия изученных объектов охватывает памятники II—начала I тысячелетия до н. э. Томская культура характеризуется высоким уровнем бронзо-литейного производства, охотничье-рыболовческим хозяйством, полуседлым образом жизни населения. Корнями своими томская культура, по мнению В. И. Матющенко, уходит в эпоху неолита.

Один из старейших археологов Сибири П. П. Хороших (Иркутский гос. ун-т) ознакомил участников конференции с результатами раскопок неолитического могильника на стадионе в Иркутске (бывший Циклодром). В 1946—1955 гг. здесь было раскопано 20 погребений с 32 костями. Погребальный инвентарь дает представление об орудиях охоты, рыболовства и собирательства, орудиях для обработки кости, дерева, кожи, предметах домашнего обихода, украшениях и культовых предметах. Это родовое могильное, относящийся к китайскому времени.

В докладе А. Н. Липского (Абаканский краеведческий музей) были изложены данные проведенных им исследований афанасевской культуры на Енисее. Раскопками добыты многочисленные предметы хозяйственно-бытового инвентаря, уникальные памятники искусства — рисунки на каменных плитах. Это позволило автору раскопок по-новому осветить происхождение некоторых мотивов древнего искусства Среднего Енисея.

О результатах исследования древней культуры континентальной Чукотки доложил Н. Н. Диков (Анадырский краеведческий музей), который охарактеризовал материалы раскопок на Усть-Бельском могильнике (конец II — начало I тысячелетия до н. э.), стоянку этого же времени и более поздних памятников в бассейнах Анадыря и Амгуэмы. Р. С. Васильевский (Магаданский краеведческий музей) осветил результаты исследования памятников древней корякской культуры на Охотском побережье. Э. В. Шавкунов (Дальневосточный филиал Сибирского отделения АН СССР,

Владивосток) доложил о датировке и периодизации памятников Приморья, относящихся к бохайскому и чжурчженскому времени.

А. В. Смоляк (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) в своем докладе о происхождении народов Нижнего Амура отметила, что палеоазиатский пласт в культуре этих народов, в литературе обычно связываемой с культурой нивхов, может быть связан и с аборигенным ненивхским населением (в пользу этого свидетельствуют данные лингвистики). Айнское влияние на культуру народов Нижнего Амура, по мнению А. В. Смоляк, сильно преувеличено. Данные этнографии и лингвистики позволяют говорить о южных связях нивхов, а решение вопроса о древних аборигенных пластах в составе предков нивхов, ульчей, нанайцев, орочей даст ключ к выяснению происхождения всех народов Нижнего Амура.

На секционных заседаниях был прочитан ряд антропологических докладов. В докладе Н. С. Розова (Томский гос. ун-т) были обобщены материалы по антропологии Причулымья. Докладчик полагает, что чулымцы, антропологический тип которых характеризуется наибольшей среди всех народов Западной Сибири монголоидностью, — автохтонного происхождения. Материалы, собранные на территории Чулыма, характеризуются общим антропологическим субстратом, лежащим в основе уральской расы.

В. П. Алексеев (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) посвятил свой доклад характеристике антропологических типов Алтае-Саянского нагорья в эпохи неолита и бронзы. Докладчик, основываясь на геологических и палеоклиматических данных, выдвинул тезис о возможности заселения человеком южной части Красноярского края еще в нижнем палеолите. В неолитическое время на эти территории проник европеоидный компонент, который в афанасьевскую эпоху стал преобладающим. Типы же, близкие к монголоидной большой расе, являются, по-видимому, реликтом населения верхнепалеолитического времени. Антропологические данные, относящиеся к афанасьевскому и андроновскому времени, не создают впечатления преемственности — весьма вероятно проникновение андроновцев в Минусинскую котловину с Алтая и из Казахстана. Основным для карасеевского населения является брахикранный европеоидный тип, который В. П. Алексеевым сближается с типом Среднеазиатского междуречья. Хотя палеоантропологический материал эпохи бронзы на территории Тувы пока не обнаружен, имеются основания, учитывая большой удельный вес европеоидных компонентов среди черепов скифского времени, предполагать принадлежность населения Тувы эпохи бронзы к большой европеоидной расе.

В докладе А. И. Казанцева (Иркутский мед. ин-т) были рассмотрены антропологические материалы из раскопок неолитических могильников Приангарья. Эти данные, по мнению докладчика, позволяют фиксировать преобладание монголоидного типа. Отдельные находки, однако, говорят о метисации монголоидной и европеоидной рас.

Большой интерес участников конференции вызвала разгоревшаяся между М. М. Герасимовым и А. П. Окладниковым дискуссия по двум важнейшим проблемам изучения каменного века Сибири — о происхождении сибирского палеолита (М. М. Герасимов отстаивал азиатские корни происхождения палеолитических памятников Сибири. А. П. Окладников обосновывал теорию европейского происхождения Мальтинской культуры) и о периодизации неолитических памятников Прибайкалья.

* * *

Подводя итоги конференции по истории Сибири, отметим, что по своему характеру она явилась первым столь представительным съездом историков-сибиреведов. Работу конференции характеризовал широкий диапазон обсуждения проблем — от древнейших этапов истории Сибири до сегодняшнего дня. На конференции были подведены итоги широких этнографических, археологических, антропологических исследований, проведенных на необъятных территориях Сибири — в Приморье, на Чукотке, в бассейнах Оби и Иртыша, на Саяно-Алтае (в Туве, Хакасии, Горном Алтае), в бассейнах Лены и Ангары, в Зауралье, на обширных пространствах полярной зоны. Большинство докладов продемонстрировало победу комплексного метода ведения полевых исследований, плодотворность сочетания данных археологии, этнографии, антропологии и других смежных дисциплин. Конференция наглядно показала рост местных научных сил и формирование в Сибири новых научных центров.

Конференция по истории Сибири, на которой достойно была представлена этнографическая тематика, еще раз показала значение этнографического исследования современной жизни народов Сибири. Обобщив результаты проведенных археологами и антропологами — сибиреведами изысканий, конференция отметила, что их основной задачей на ближайшее время является ликвидация белых пятен, все еще имеющих на карте восточных районов страны.

А. Д. Грач

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1957—1959 годах *

Этнографическому изучению русских в Сибири до недавнего времени уделялось мало внимания. Это особенно сказывается в настоящее время, когда развернулись грандиозные работы по освоению ее богатств. Некоторый сдвиг в исследовательской работе произошел в последние годы: центральные, а частью и местные учреждения стали уделять больше внимания изучению русского населения Сибири.

Институт этнографии Академии наук СССР приступил к систематическому изучению этой части русского населения с 1957 г., когда началось обследование русских обитателей Верхнего и Среднего Приангарья и бассейна Илим. Выбор этого района для первых этнографических рекогносцировок был вызван необходимостью изучения и широкой фиксации памятников культуры в зоне затопления Братской ГЭС. Работы в Среднем Приангарье была продолжена и в 1958 г.

В связи с осуществлением исследовательских работ, предусмотренных семилетним планом Института, в 1959 г. была организована Комплексная экспедиция по изучению процессов изменения социально-бытового и культурного уклада народов СССР в период перехода от социализма к коммунизму. В Восточную Сибирь были направлены два отряда: Забайкальский (Бурятская АССР, Читинская область) ¹ и Ангарский (Нижне-Илимский район Иркутской области, Удерецкий, Кежемский, Бачуганский районы Красноярского края) ². Основной задачей обоих отрядов было изучение путей социального преобразования хозяйства, культуры и быта русского крестьянства Сибири. Проследивая сложные процессы, происходящие в современной деревне, мы отметили те положительные результаты, которых достигло колхозное крестьянство, и пытались выявить явления и причины, которые задерживают его дальнейшее развитие.

Этнографическое изучение русских колхозов пока проведено только в центральных областях РСФСР. Результаты этих работ опубликованы в ряде статей и отдельных монографиях ³. О современной же сибирской деревне публикаций этнографического характера пока очень мало. Между тем, быт сибирского населения, в силу известного своеобразия его исторического развития и хозяйственно-географических условий его обитания, отличается от быта русского населения других областей. В нашу задачу входило выявление как общих процессов, характерных для всей страны, так и своеобразного проявления их в местных условиях.

Исследование проводилось комплексно: изучались хозяйство, поселения и постройки, одежда и пища, семейный быт и обычаи, культурное строительство, частично проводились диалектологические исследования и изучение фольклора. Маршрутные объезды большей территории сочетались с длительными остановками в отдельных колхозах.

В процессе обследования отряды тесно связывались с местными организациями. Так, сотрудники ряда научно-исследовательских учреждений участвовали в работе экспедиции (г. Панкратова — Областной краеведческий музей в г. Красноярске; г. Охрименко — Комплексный Бурятский научно-исследовательский институт в г. Улан-Удэ).

Русское население обследованной территории крайне разнообразно по своему происхождению и этническим связям, что сказалось на формировании его культуры и быта. Так, в Приангарье выделяются «старожилы», обосновавшиеся здесь с XVII—XVIII вв., а может быть и ранее; в состав их вошла и часть аборигенов (так называемые яхсинские люди, буряты, эвенки и т. д.) и «новоселы» — переселившиеся в конце XIX — начале XX в.; потомки их живут иногда компактной группой, занимая улицу или целое село. Такие села экспедиция встретила по р. Ие и притоку Ангары р. Оке, причем там живут не только русские, выходцы из разных губерний, но украинцы и белорусы.

Существенным фактом в жизни русского населения Восточной Сибири было постоянное пресачивание в его среду пришлых людей — ссыльных. Особенно сильный приток «российских» и вхождение их в состав старожиловских семей наблюдался в Верхнем и Среднем Приангарье (меньше — в Нижнем Приангарье) в связи с тем, что поблизости, в верховьях Ангары, находился Александровский централ — царская каторжная тюрьма.

В Забайкалье среди русских выделяются две основные группы: семейские и сибиряки. Семейские (старообрядцы) были высланы в Забайкалье во второй половине

* Доклад, прочитанный на научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока, состоявшейся в г. Томске в марте 1960 г.

¹ Руководитель Забайкальского отряда Г. С. Маслова.

² Руководитель Ангарского отряда Л. М. Сабурова.

³ См., например: «Рязанское село Кораблино», «Уч. записки Рязанского гос. пед. ин-та», т. XVIII, Рязань, 1957; «Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской деревни». Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XLI, М., 1958; Г. С. Маслова, Культура и быт одного колхоза Подмосковья, «Сов. этнография», 1951, № 1, стр. 39—62; Л. А. Пушкарёва и М. Н. Шмелева, Предварительные итоги изучения культуры и быта колхозного крестьянства Калининской области, «Сов. этнография», 1958, № 4, стр. 106—116.

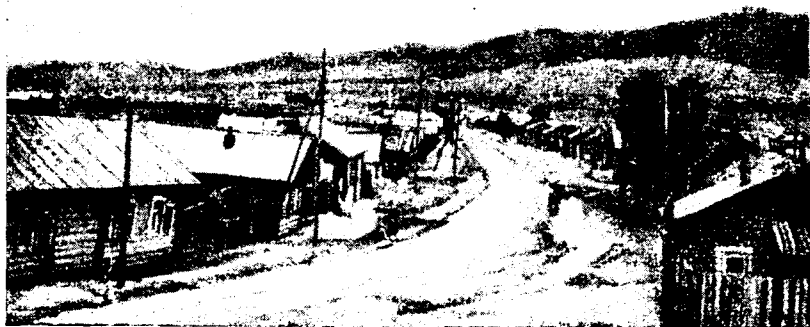

Рис. 1. Русское село Тарбагатай (Бурятская АССР)

XVIII в. после разгрома старообрядческих центров на Ветке и в Стародубье. Они приселялись в деревни к сибирякам — более старому населению этих мест, обосновавшемуся здесь с XVII — начала XVIII в. В числе поселений сибиряков-старожилов имеются села забайкальских казаков, два из которых экспедиция посетила.

Русские обследованной территории издавна находились в тесных взаимосвязях с соседними народами: бурятами, эвенками, с живущими в некоторых селах татарами и другими народами. О смешении сибиряков — казаков и крестьян — с бурятами свидетельствует сильно выраженная монголоидность их физического типа, тогда как семейские ее почти не имеют.

Процесс формирования общих черт культуры и быта различных групп русских Сибири начался давно, с момента их переселения сюда. Этим объясняется этнографическая общность русского населения Сибири в целом. Вместе с тем, некоторые культурно-бытовые особенности отдельных групп, в частности старообрядцев, ярко выраженные еще в первые годы Советской власти, в некоторой степени сохраняются и в настоящее время.

Изучение процесса сложения общих форм культуры и быта на новой, социалистической основе, особенно усилившегося в настоящее время, составило одну из важных задач экспедиции. Сложность этнографического состава населения как Приангарья, так и Забайкалья требовала внимательного изучения каждого селения, истории его основания, выделения в нем старожильского ядра и более поздних переселенцев, а также дифференцированного подхода к изучению каждой семьи. Эта задача осложнялась тем, что в советское время приток населения в Приангарье и Забайкалье увеличился в связи с развитием промышленных центров. Особенно много людей из разных мест Союза привлекло строительство Братской ГЭС. Пополнялись и колхозы переселенцами из разных областей Европейской части РСФСР. Возникли новые селения, леспромхозы, рабочие поселки, совхозы и пр. Состав жителей многих старых селений с возникновением на их территории совхозов или МТС коренным образом изменился, и иногда старожильческих семей в них почти не осталось. (Таково, например, старое село Казачье в Верхнем Приангарье). Крайне интересен факт создания русско-бурятских, а особенно семейско-бурятских колхозов и совхозов, что имеет огромное значение для сближения отдельных групп.

Русские селения на обследованной территории, от Енисея до Читы, весьма разнообразны, как разнообразны хозяйственно-географические условия отдельных районов. Тайга и степь, сильная гористость или равнина, расселение по берегам крупных рек или на трактах — все это оказывало существенное влияние на форму и размеры поселений. Нельзя отбрасывать и этнические традиции.

Наиболее крупными являются селения Забайкалья, насчитывающие по 100—300 дворов, семейские селения имеют иногда до 500—700, а районные центры — до 2000 и более дворов (рис. 1). В Приангарье, особенно в таежной зоне Среднего и Нижнего Приангарья, размеры селений значительно меньше; в них имеется иногда всего по 20—30 и даже меньше дворов. Это сказалось и на характере и величине колхозов. Процесс укрупнения колхозов, усилившийся в послевоенные годы, привел к созданию крупных коллективов, объединяющих по 500 и более хозяйств, в которых

Рис. 2. Скосование кукурузы в колхозе (д. Баншиково, Нижне-Илимского р-на Иркутской обл.)

имеется до 15—25 тыс. га земли. Обычно колхоз объединяет одно село (что не редкость для Забайкалья и Приангарья) или же в него входят три-четыре селения, причем каждое из них составляет отдельную бригаду колхоза. В таежных районах Приангарья колхозы, ввиду малочисленности селений, их отдаленности друг от друга и затруднительности сообщения, — небольшие, по 30—100 дворов.

Основным занятием населения в прошлом было земледелие и животноводство. Местами значительную, хотя и подсобную роль играли рыболовство, охота. Повсюду занимались извозом и ямщиной. Наблюдалось сильное классовое расслоение. Наряду со значительной прослойкой кулацких хозяйств (особенно в крупных селах) имелись бескорневые и безлошадные хозяйства. В связи с этим в предреволюционное время сильно развивается отходничество — на железную дорогу, на золотые прииски и т. д.

Русские выработали навыки земледелия применительно к своеобразным сибирским условиям. Места расселения русских стали важнейшими земледельческими районами Восточной Сибири, что имело огромное значение для развития земледелия у бурят. В то же время некоторые приемы ведения хозяйства были заимствованы русскими у местного населения, в частности у бурят (система искусственного орошения в засушливых районах, удобрение лугов и пр.).

До революции сельское хозяйство сибирской деревни было крайне экстенсивным. За годы Советской власти произошли коренные изменения социально-экономической основы сибирской деревни, и вместо мелких раздробленных крестьянских хозяйств созданы крупные высокомеханизированные коллективные хозяйства.

Русские колхозы — многоотраслевые хозяйства — имеют преимущественно зерно-животноводческое направление. Местами животноводство является ведущей отраслью особенно в русско-бурятских колхозах.

Мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства по подъему сельского хозяйства имели решающее значение в деле укрепления экономики колхозов, особенно за последние годы. Колхозы после реорганизации МТС приобрели много машин, имеют свои механизаторские кадры.

Наиболее полно механизированы возделывание и уборка зерновых. Механизация животноводства еще недостаточна. Наименее механизированы трудовые процессы овощеводства и уборке технических культур. При изучении хозяйства мы ставили себе задачей выявить, какие традиционные навыки населения получили в настоящее время дальнейшее развитие, какие из них исчезают как несоответствующие современным способам ведения хозяйства, а также какие новые хозяйственные отрасли освоены.

Существенным является изменение состава культур. Основной культурой стала пшеница, в прошлом имевшая незначительный удельный вес в посеве зерновых. Рожь озимая и яровая (ярица), распространенная до революции, становится второстепенно культурой, а в северных районах Приангарья и совсем исчезает из севооборота. Овес и ячмень сеют на фураж. Большое развитие получило выращивание сахарной свеклы в южных районах Бурятии. Выращивают и новые силосные культуры: подсолнечник, кукурузу (рис. 2), сеют кормовые травы. Роль этих культур особенно возросла в последнее время в связи с развитием животноводства.

Рис. 3. Фермы колхоза «Им. XX партийного съезда» Богучанского р-на Красноярского края

Большая работа проводится по выведению новых сортов зерновых (в первую очередь пшеницы), отличающихся засухо- и морозостойкостью. Это имеет существенное значение для районов, в которых посевы страдают от засухи и позднеосенних и раннеосенних заморозков.

Огородничество — традиционная отрасль хозяйственной деятельности русских в Сибири — особенно развивается в колхозах пригородных районов, где под овощные культуры отводятся значительные площади и имеется большое парниковое хозяйство, иногда до 500 рам. Применяется и привычное выращивание овощей и бахчевых культур в открытом грунте на паровых грядках. Здесь также освоены новые культуры — помидоры и др. Сильно увеличилось посевы картофеля. В колхозах Забайкалья стали теперь заниматься садоводством, которого раньше почти не было.

По сравнению с прошлым коренным образом изменились способы ведения животноводства. Колхозы разводят крупный рогатый скот, свиней. Кроме того, значительную роль играет овцеводство, особенно в Забайкалье. В результате отбора животных, приобретения породистых производителей и молодняка в колхозах начинают преобладать высокопродуктивные породы — симментальский молочный скот, свиньи крупной белой породы, тонкорунные овцы и т. д., вытесняющие постепенно малопродуктивные местные породы скота. Несравненно улучшилось стойловое содержание скота — построены теплые скотные дворы, фермы (рис. 3). По-новому организуется летний выпас. Пастьба скота без пастуха, распространенная ранее, особенно в Приангарье, в настоящее время не имеет места в колхозном хозяйстве. Поскотина, используемая в качестве пастбища и характерная для сибирской деревни, потеряла свое бывшее значение.

Широко применяется отгон скота на летние пастбища, практиковавшийся и в прошлом, но получивший сейчас новое развитие. Вместе со скотом для наблюдения и ухода за ним уезжает и часть животноводов — пастухи, табунщики, доярки. В ряде колхозов Приангарья практикуется лагерное содержание скота на островах Ангары. Следует упомянуть о том, что до сих пор здесь из-за обилия мошки вынуждены применять ночной выпас скота.

Птицеводство — традиционная отрасль русского сибирского хозяйства — имеется во всех колхозах; некоторые из них добились существенных успехов в его развитии. Так, колхоз им. XX партсъезда Иркутской области за высокую яйценосность кур получил малую золотую медаль Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1955 г. Следует упомянуть и о пчеловодстве, развивающемся больше в колхозах Забайкалья, чем в Приангарье.

Местами на обследованной территории существенное значение имеет рыболовство — в колхозах по Средней и Нижней Ангаре. Здесь создаются специальные бригады, причем в Нижнем Приангарье большое участие в них принимают женщины. Это в значительной мере обусловлено традицией, так как рыболовство издавна было здесь женским занятием. В основном используются местные, давно известные населению способы и приемы лова. Однако в этой области заметны изменения: применяются покупные сети, в том числе и из капронового волокна, широкое распространение получили моторные лодки и т. п.

Своеобразную новую хозяйственную отрасль составляет клеточное пушное звероводство, выращивание колхозами чернобурых лисиц. Охотой колхозники занимаются

Рис. 4. Охотник Я. И. Говорин из д. Корсаково Нижне-Илимского р-на

Женщины трудятся преимущественно в полеводстве, на огородах, в садах, на фермах (доярками, свиновками, иногда заведующими фермами).

На фермах заняты девушки и женщины, не связанные с домашним хозяйством. В Забайкалье в связи с отдаленностью ферм на них работают девушки; по выходе замуж они выбывают из состава работников ферм, и это создает большую текучесть кадров животноводов. Положительным фактором надо считать опыт приангарских колхозов, где доярками работают юноши (иногда с 10-классным образованием), например в колхозе им. Кирова Иркутской области, колхозе «Ударник» Красноярского края и др.

Руководящие кадры колхозов — председатели, бригадиры — большей частью со специальным образованием или учащиеся заочно в вузах, техникумах. Следует отметить, что в обследованных колхозах женщины на эти должности не выдвигаются, а женщины, которые в довоенный период и во время войны работали трактористами и комбайнерами, в настоящее время оставили эти профессии.

В результате укрепления экономики колхозов некоторые из них перешли от натуральной к денежной оплате труда, как, например, колхоз «Искра» Мухоморшибирского аймака Бурятской АССР. Это — важный стимул для дальнейшего роста производительности труда и укрепления хозяйства колхозов.

В экономически сильных колхозах («Искра» в Забайкалье, «Сила» в Приангарье) у колхозников наблюдается тенденция к сокращению личного хозяйства. В более слабых колхозах (с. Бичура, Окино-Ключи — Забайкалье, д. Невон — Приангарье), наоборот, имеется стремление развить личное хозяйство. Оно состоит из огорода, иногда небольшого черемухового сада, скота, птицы. Размер приусадебного участка — 0,6—0,8 га, в Приангарье местами — 0,2—0,3 га. Наблюдающееся кое-где слишком большое внимание к личному хозяйству, к занятиям промыслами отрицательно сказывается на колхозном производстве, отвлекает колхозную семью, особенно женщин, от общественного труда и заполняет досуг семьи, не оставляя времени для культурного отдыха (посещения клуба, кино и т. д.).

Экспедиция изучала те изменения, которые произошли в материальной культуре сибирской деревни.

В селениях преобладает уличная двухпорядковая планировка, но встречается, особенно в Нижнем и Среднем Приангарье, рядовая, однопорядковая и крайне редко — расположение без плана, «кучевое». Характерна для сибирских русских и бурятских деревень переориентировка домов фасадами к улице, начавшаяся еще до революции и усилившаяся в настоящее время. Для новых селений типична застройка кварталами. С укрупнением колхозов наблюдается тяга к центральной усадьбе, куда свозят дома из отдаленных деревень.

Облик селения принял совсем другой вид, чем он имел в прошлом. Видное место в нем занимает культурно-административный центр, располагающийся обычно на площади, иногда на особом, огороженном и озелененном, участке. Здесь находятся сельский совет, правление колхоза, клуб, дом культуры, почта и пр. Большое место от-

в индивидуальном порядке (рис. 4), заключающие договоры с Управлением промыслово-охотничьего хозяйства.

Важнейшим фактором в развитии колхозного производства является создание в деревне квалифицированных кадров механизаторов, бригадиров, специалистов сельского хозяйства со средним специальным и высшим образованием, а также правильная организация труда и надлежащая расстановка сил.

Бригада — основная производственная единица колхоза, формирующаяся по принципу комплексности: в обязанности ее входит забота о посеве, о животноводческой ферме, за бригадой закрепляются технические средства и механизаторы. Лишь в немногих колхозах (особенно в таежной зоне) обслуживание полеводства и животноводства ведется отдельными бригадами, создаются специализированные бригады или звенья. Так, в Бурятии луговодческие бригады ведут большие работы по удобрению, орошению и мелиорации лугов; организованы звенья садоводов, овощеводов, звенья, выращивающие кукурузу, сахарную свеклу и т. д.

Распределение труда между мужчинами и женщинами имеет свои особенности. Мужчины заняты на всех работах, связанных с техникой: строительством, животноводством. Это — чабаны, табунщики, пастухи.

Рис. 5. Дом колхозной семьи (с. Б. Куналей Тарбагатайского аймака Бурятской АССР)

юдится хозяйственным усадьбам с фермами, электростанцией, гаражами, подсобными мастерскими и др.

Характерную черту сибирских селений составляет разбросанность по всей обширной территории колхоза хозяйственных объектов, чаходящихся большею частью в местах бывших заимок. Со старой заимкой, характерной в прошлом для Сибири, здесь нет ничего общего, кроме разве названия, происходящего нередко от наименования реки, урочища и т. п. Здесь находятся товарные фермы, места лагерного содержания скота, полевые станы. Для жилья колхозники строят временные жилища или, чаще, постоянные срубные дома, называемые иногда по-старому «зимовье», «зимовейка», но существенно отличающиеся от прежних. Особенно примечательно устройство «культурного», практикуемого колхозами Забайкалья; это новые благоустроенные дома — общежития для животноводов, при которых имеется красный уголок с радиоприемником, газетами, музыкальными инструментами и т. д.

Строительство зданий для общественных нужд получило большой размах, особенно в последние годы. Старые животноводческие фермы, не удовлетворяющие требованиям современного животноводства, заменяются новыми, более обширными, построенными по типовым проектам. До 1953 г. стройки по типовым проектам в местных колхозах были крайне редки. Рост механизации, реорганизация МТС вызвали необходимость возведения новых хозяйственных зданий. Построены также школы, больницы, клубы, здания детских яслей, детских садов и т. д. В связи с размахом строительства в колхозах сформированы постоянные строительные бригады, хотя иногда используется и наемный труд. Построены механизированные лесопилки, а в некоторых селах возникли и небольшие кирпичные заводы.

Состав сельского жилого фонда в настоящее время крайне сложен. Еще встречаются дома сто- и двухсотлетней давности; преобладают дома конца XIX — начала XX в. и дома, построенные в советское время. Характерна перестройка, подновление — «перетруска» старого жилого фонда. Строительство новых жилых домов за последние годы в ряде сел и районов приобретает массовый характер. Однако не везде развернуто такое строительство. В частности, в таежных районах Приангарья возведение новых домов развивается пока слабо.

В застройках на обследованной нами обширной территории преобладают северные и средневеликорусские традиции, принесенные сюда из Центральной России. Но дальнейшее развитие народной архитектуры шло здесь несколько особым путем, и на основе этих традиций развилось своеобразное сибирское зодчество, имеющее свои особенности (рис. 5) ⁴.

Постройки, при известных различиях в отдельных районах, в целом довольно единообразны; можно проследить общую линию их развития как в конструктивных приемах, планировке, так и в декоре.

⁴ См.: Е. А. Ащепков, Русское народное зодчество в Восточной Сибири, М., 1953; его же, Русское деревянное зодчество Западной Сибири, М., 1950; Л. Лебединский, Из наблюдений над крестьянским зодчеством Иркутской губернии, Иркутск, 1929.

Рис. 6. Внутренний вид колхозного дома — «передний угол» (д. Алешкино Кежемского р-на Красноярского края)

но, в конце XIX — начале XX в. возможно, не без влияния украинцев; особенно распространен он в настоящее время. В Забайкалье широко применяют окраску стен масляной краской (как внутри, так и снаружи), которая в последние годы вытеснила начавшую было распространяться здесь побелку стен известью. Роспись заборов, потолка, деревянной мебели, широко распространенная в прошлом в русских селениях Восточной Сибири, заметно идет на убыль. Однако полностью эта традиция не утрачена. Частично жива эта традиция в Забайкалье, где роспись и окраска избы до сих пор являются областью женского творчества. В ряде случаев мы наблюдали возрождение росписи, иногда на какой-то новой основе. Художники-самоучки нередко расписывают свои избы и печи картинами в натуралистическом духе. Современному сибирскому интерьеру придает красочность и декорировка его тканями, частичная обтяжка стен кусками ситца, широкое использование ситца и других декоративных тканей для драпировок. Широко распространено украшение стен женскими рукоделиями.

Весьма примечательно изменение убранства переднего угла, особенно в приангарском жилище, где вместо икон нередко размещены плакаты, портреты Маркса, Ленина, руководителей Коммунистической партии и Советского правительства, фотографии (рис. 6). В Забайкалье же сохраняется традиционное убранство переднего угла иконами, особенно у старообрядцев. И лишь у наиболее передовых людей деревни — коммунистов, комсомольцев, активистов — можно наблюдать исчезновение этой обычаи.

Изменилась меблировка избы. Деревянные расписные шкафчики и кровати стали редкостью. Преобладает мебель фабричного или местного кустарного производства. Новым в жилище является его электрификация и радиофикация. В быт проникли сепараторы, электросплитки, электроутюги и т. п. Изменилась хозяйственная утварь: в частности почти исчезла глиняная посуда, не говоря уже о деревянной. Характерно появление в избе небольшой домашней библиотеки — полки или этажерки с книгами. Все это говорит о выросшем уровне культурных потребностей колхозной семьи и росте ее благосостояния.

На всей территории выделяются три основных типа жилищного дома: 1) изба «связью» — традиционное жилище, состоящее из избы, сеней и горницы; это наиболее старый тип, сохранившийся преимущественно в таежных районах Приангарья и в семейских селах Забайкалья; новых связевых домов не строят, а существующие при первой возможности перестраивают; 2) пятистенник, особенно распространенный со второй половины XIX в.; 3) господствующим типом нового дома является «четырёхстенка» («круглый», «одноколок») с пристроенными сенями или крыльцом. Современный жилой дом по своему архитектурному облику, габаритам, строительной технике во многом отличается от старого. Но большинство изменений коснулись планировки жилища, его внутренней убранства и бытового назначения. Повсюду ярко выражено стремление сделать жилище многокомнатным. Дом-четырёхстенка разделяется «заборками» (перегородками) на несколько комнат. Выделяются «зал», или «перед», «кухня», или «куть», «спальня», «прихожая» и т. д. Функции сеней нередко выполняет глухое крыльцо, в котором, как некогда в избах, отгораживается кладовая, так называемая казёнка.

Примечательно для новых домов превращение крыльца в застекленную террасу. Для приангарского жилища характерна побелка стен и потолка — обычай, появившийся сравнительно недавно.

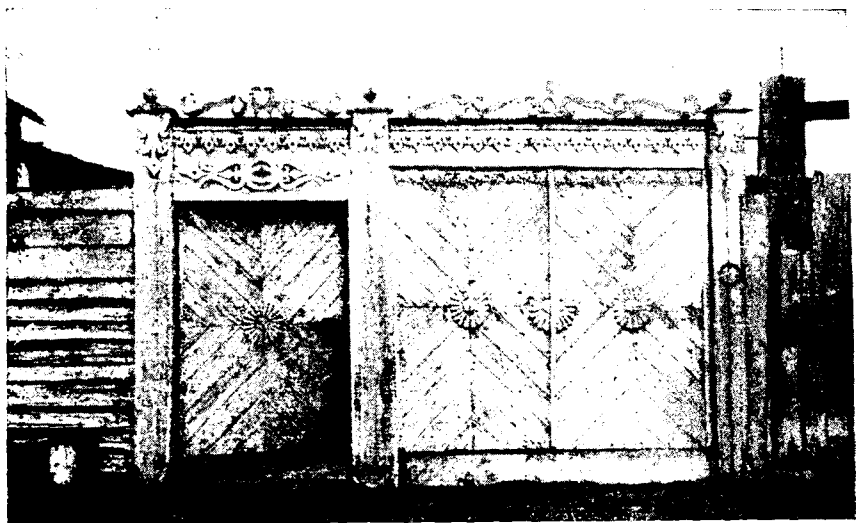

Рис. 7. Резные ворота (д. Алешкино Кежемского р-на)

Говоря о положительной стороне изменений в жилище, его убранстве, нельзя умолчать об их недостатках. Крайне отрицательное влияние оказывает антихудожественная продукция, проникающая с рынка в деревню,— грубо чамалеванные коврики, безвкусные картинки, гипсовые изделия и т. д. Необходима борьба с этим путем широкого завоза в сельские магазины высококачественных декоративных изделий художественной промышленности. Следует поставить вопрос и перед руководством художественной промышленностью о необходимости расширения ассортимента недорогих декоративных изделий, в которых нуждается современная деревня.

Двор — типичный сибирский, состоящий из «ограды» — чистой части и «скотного двора», где располагаются открытые и закрытые помещения для скота, — в настоящее время подвергся изменениям по линии сокращения территории самого двора за счет расширения огорода. Наблюдается также сокращение числа надворных построек.

Существенен вопрос о строителях. В прошлом были плотники среди старожилов, но особенно много их было из «новоселов» и ссыльных «российских» в Приангарье; в Забайкалье строили большей частью буряты. Постройка дома силами своих деревенских плотников — новое явление для многих районов и сел. Отходничество бурят и приток «российских» плотников сошли на нет. Характерно появление и мастеров-резчиков из своей среды (например, в селе Бичуре). В последние годы все больше проявляется стремление к украшению жилища. Наличники и ставни остаются неотъемлемой частью современного сибирского дома, они имеют большое практическое значение в условиях сибирского климата. Но велико и их декоративное значение. Если в старых домах украшались конструктивные детали жилища — повалы, охлупень и пр., а наличники делали нередко без украшений, то в новых домах центр тяжести переносится на украшение наличников, преимущественно пропильской, иногда накладной резьбой. Орнамент резьбы развивается на основе традиционных узоров, но много и нового. В частности, характерен новый мотив — пятиконечной звезды (рис. 7).

Современное жилище в соседней бурятской деревне развивается в том же направлении, что и в русском селе, хотя и сохраняет немало национальных особенностей. Русские оказали влияние на распространение культуры жилища у бурят и на развитие у них плотничьего дела. Но и буряты внесли свой вклад в строительство русских деревень. Особенно сильно русско-бурятские связи прослеживаются в орнаменте домово́й резьбы.

В современной одежде (как и в жилище) сибирских колхозников исчезли резкие социальные различия, характерные для дореволюционной деревни с ее классовым расхождением. Одежда в Приангарье еще до революции находилась под сильным влиянием города, а в настоящее время, в связи с усилением связей города и деревни, ростом культурного уровня и благосостояния колхозников, сближение одежды сельских жителей и горожан еще более усилилось. В Забайкалье традиционный костюм сохранился среди семейских. Его носят не только пожилые, но и сравнительно молодые замужние женщины. Девушки, обычно одеваясь в городской костюм, берегут семейский наряд (рубаху, сарафан, запон из ярких тканей), чтобы надеть его на какие-нибудь торжества, особенно на свадьбу. У сибиряков Забайкалья также частично сохраняется традиционная одежда, но лишь у пожилых женщин.

Рис. 8. Колхозницы в традиционных костюмах на улице в с. Б. Куналей

Мужская часть населения не только у сибиряков, но и у семейских, раньше, чем женщины, рассталась с традиционной одеждой. Различия в мужской одежде разных русских групп в настоящее время окончательно стерлись.

Заметны существенные различия в одежде колхозников разных возрастов. Одежда молодежи особенно близка к современной городской. Это касается не только русской сибирской, а частью и семейской, но и бурятской деревни. Охотно пользуются готовые платья фабричного пошива, особенно мужчины. Широкий спрос в сельских магазинах имеют разнообразные виды фабричного трикотажа, белье, обувь. Молодежь особенно учащаяся, побывавшая в городе, привозит новую, современную моду; среди пожилых женщин нередко бытуют городские моды конца XIX — начала XX в. Так, девушки в праздник надевают штапельное или шелковое платье, чулки капрон, туфли на каблучках, а пожилые женщины большей частью носят юбку с кофтой, дополняя их «запоном» — фартуком, повязанным по талии, и т. д. (рис. 8).

Из города воспринимается не все, а лишь то, что наиболее привычно населению или наиболее подходит по вкусу и условиям его быта. Особенности в костюме наблюдаются и в излюбленной цветовой гамме, и в использовании типичных сибирских видов одежды и обуви, хорошо приспособленных к местным условиям. Для работы и промысла находит применение меховая охотничья одежда — «промыслёнка», «качутки» — меховые чулки, разнообразные типы меховой и кожаной сибирской обуви — обутки, черки, бродни, ичегл, унты и др. Многие из них, например унты, изготавливаются промысловыми артелями и продаются в сельских магазинах. До настоящего времени носят доху из козульих или собачьих шкур, а также свинную одежду, надевая ее в зимнее время, особенно в дорогу.

Наряду с сближением одежды сибирской деревни с городской одеждой в ней наблюдается своеобразие как в типах, так и в расцветке. Особая сохранность специфической одежды среди семейских связана с приверженностью старообрядцев к традиционным обычаям.

Экспедиция уделила большое внимание вопросу культурной революции на селе. Резко повысился культурный уровень деревни. Неграмотные и малограмотные встречаются лишь среди старшего поколения. Все дети школьного возраста охвачены учебой. В деревне все шире распространяется среднее образование, даже среди семейских — старообрядцев, у которых в прошлом почти не было школ и обучение гражданской грамоте считалось грехом. Юноши, окончивая среднюю школу, большей частью уезжают на производство или для продолжения образования. Однако многие из них остаются в колхозах.

Рис. 9. Дом культуры в с. Б. Куналей

Большой культурной силой является выросшая из народа сельская интеллигенция. В ее среде немало местных — сибиряков, семейских, бурят, но все же больше — приезжих, главным образом из других районов Сибири, а иногда из центральных областей и городов РСФСР.

Одним из центров культурной жизни села является клуб или Дом культуры (рис. 9). В ряде обследованных сел, особенно в Забайкалье, построены большие типовые здания со зрительными залами на 300 и больше мест.

Здесь сосредоточено самодеятельное искусство. И хотя музыкально образованных людей среди художественных руководителей почти нет, среди них нередко выделяются талантливые самоучки, сумевшие организовать самодеятельные коллективы, получившие широкое признание и известность далеко за пределами области. Таков, например, знаменитый семейский хор из с. Куналей Тарбагатайского аймака Бурятской АССР, исполняющий старинные семейские песни и создающий новые (рис. 10).

К сожалению, не все самодеятельные коллективы обращаются к местному народному творчеству. Нередко они пренебрегают им, что крайне обедняет их репертуар.

Важным видом культурно-просветительной работы в условиях сибирской деревни является организация агитбригад, агитпоездов для обслуживания отдаленных ферм и пелевых станков колхозов. Работа эта проводится сельскими клубами, но ее необходимо усилить. Недостаточная подготовка и текучесть политпросветработников — большая помеха в деятельности клуба. Из-за этого некоторые из них ограничиваются преимущественно демонстрацией кинофильмов и устройством вечеров танцев.

Достижения в области культурного строительства в сибирской деревне велики, но рост культурных потребностей населения обгоняет их удовлетворение. Для нового духовного облика крестьянина-сибиряка характерно стремление к постоянному расширению своего кругозора, тяга к образованию. Колхозники — активные участники общественной жизни села. Основными центрами ее являются: сельский совет, партийная и комсомольская организации, школа, клуб. Общественная деятельность не ограничивается пределами своего села и колхоза.

Новые черты в идеологии крестьянства проявляются в творческом отношении к труду. Ярким показателем этого является движение за создание бригад коммунистического труда в колхозах Забайкалья, в развитии чувства коллективизма и ответственности за судьбы колхоза. Однако пережитки мелкособственнической идеологии еще имеют место. Отдельные старики-колхозники противятся новшествам и, по словам местных жителей, «не пускают в избу электричество и радио», хотя это встречает осуждение и вызывает ироническое к ним отношение большинства колхозников.

Борьба нового со старым ярко проявляется во всех сторонах духовной культуры современной деревни. В послеоктябрьский период заметно развились атеистические взгляды в деревне. Уже в первый период Советской власти были закрыты церкви, часовни; многие верующие и даже служители культа отошли от религии; в деревне появились воинствующие безбожники из коммунистов и беспартийных активистов. В Приангарье население всех возрастов довольно равнодушно относится к религии; правда, и в прошлом православие имело здесь сравнительно слабые корни.

Рис. 10. Е. Иванова — участница семейского хора Большекуналейского дома культуры

В Забайкалье, где в прошлом имелись крупные очаги старообрядчества, ламаизма, религиозные пережитки держатся гораздо сильнее, что, естественно, тормозит дальнейшее продвижение по пути построения коммунистического общества. Культурно-воспитательная работа и распространение естественнонаучных знаний на селе хотя и ведутся, но недостаточно и не охватывают широких слоев населения, почему и мало содействуют изживанию религиозных взглядов. Препятствует работе и то, что лекторы не располагают необходимой антирелигиозной литературой, особенно применительно к старообрядчеству. Слабо поставлено атеистическое воспитание в школах. Отметим и тот факт, что женщины среднего и пожилого возраста, среди которых стойко держатся традиционные обычаи и религиозные пережитки, меньше мужская часть населения участвуют в общественном производстве.

Проникновение новых взглядов среди старообрядцев сыграло большую роль в разрушении старых, застойных форм быта, замкнутости семейских, державшихся особняком от окружающей среды русского православного и бурятского населения. Ярким показателем новых взаимоотношений является совместная работа семейских и бурятских колхозников и рабочих в колхозах и совхозах со смешанным семейско-бурятским населением. Подверглись разрушению старые, патриархальные взаимоотношения в семейской семье, поддерживавшиеся религией. Обычными стали браки между семейскими и сибиряками, которые раньше категорически запрещались.

Работа по изучению современной колхозной быта и культуры русских Сибири только начала. В ближайшие годы предполагается проведение более углубленного этнографического изучения намеченных колхозов, применение, помимо маршрутных поездок, стационарного метода исследования. Для успешного осуществления комплексного этнографического изучения русского колхозного крестьянства Сибири необходимо установление более тесного контакта с местными научными учреждениями и более широкое участие их в этой работе.

Г. С. Маслова, Л. М. Сабурова

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТАЙМЫРЕ В 1959 ГОДУ

Таймырский национальный округ — благодатное поле для исследований этнографов. Здесь бок о бок живут и трудятся малые народы Крайнего Севера — ненцы, энцы, нганасаны, эвенки, долганы, а также якуты.

Летом 1959 г. на Таймыре работали две группы сотрудников Института этнографии Таймырский отряд Северной экспедиции в составе Б. О. Долгих и Л. А. Файнберга и Енисейский отряд в составе В. А. Туголукова, В. И. Васильева и художника Ю. Б. Изюнова. Работа первого отряда протекала преимущественно в пос. Усть-Боганида Авамского района — центре сельхозартели им. Шмидта и в пос. Воронцово Усть-Енисейского района — центре сельхозартели им. Кирова. Сотрудники Енисейского отряда, помимо названных пунктов, побывали также в поселках Хантайское озеро и Потапово Дудинского района. Кроме того, В. И. Васильев и Л. А. Файнберг совершили поездку в пос. Карго, а Б. А. Туголуков — в пос. Камень Авамского района (см. карту, рис. 1).

Полевые исследования обоих отрядов начались с посещения нганасанского колхоза им. Шмидта в Усть-Боганиде. Усадьба этой артели расположена в 40 км от центра Авамского района — Волочанки, на крутом берегу р. Хеты. В Усть-Боганиде — с десяток небольших деревянных домов, за которыми, ближе к зарослям низкорослой листвен-

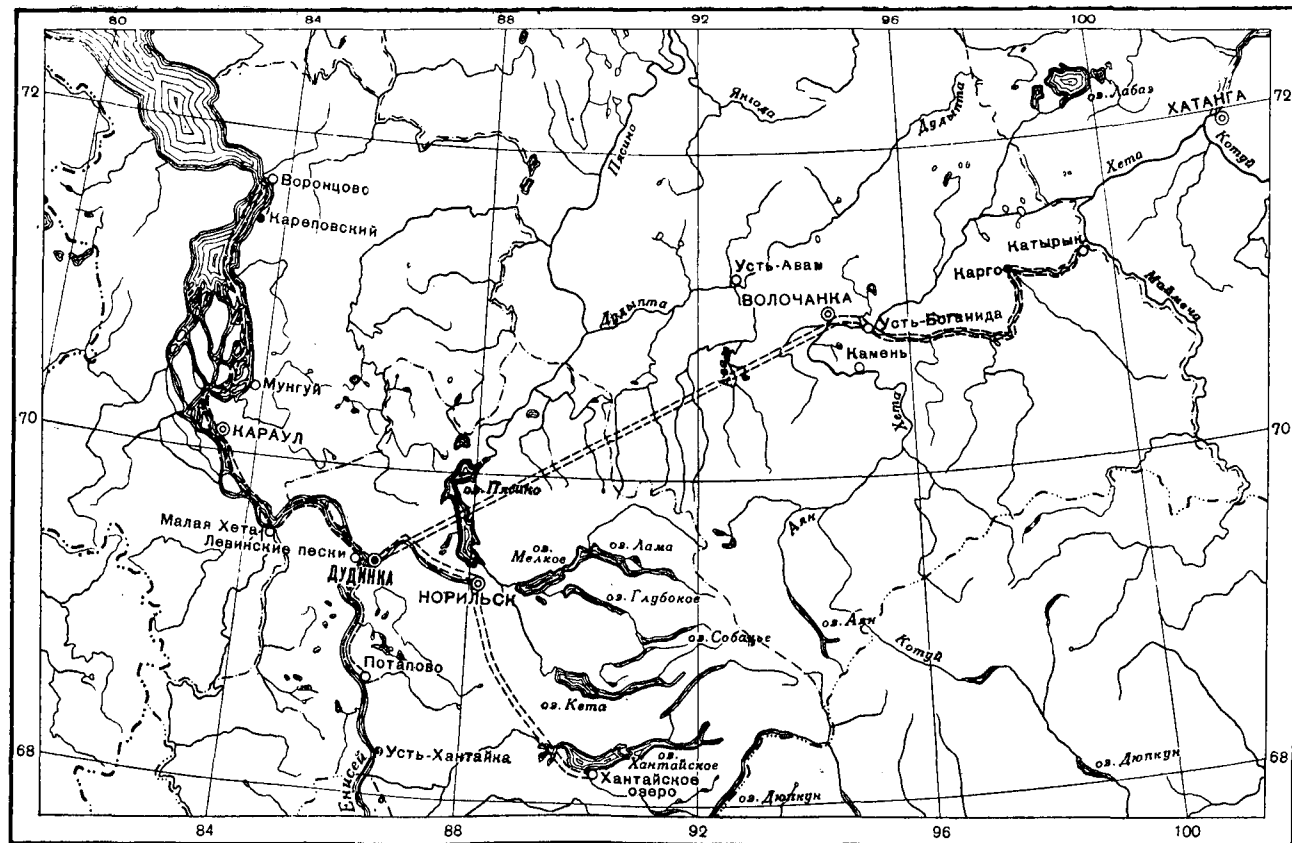

Рис. 1. Маршрут экспедиции

Рис. 2. Энец Демчуда Мирный с ребенком, живущий среди таймырских нганасанов (пос. Усть-Боганида)

венницы, белеют нганасанские чумы. Кое-где виднеются остовы балб¹ на широких и низких нартах. Кроме нганасанов, в поселке живут русские, долганы, энцы (рис. 2). К нашему приезду там находилось 20 семей нганасанов; они работали на строительстве зверофермы и клуба, ловили сетями рыбу в Хете. Остальное нганасанское население (около 40 семей) в это время было в тундре к северу от поселка, где пасутся стада колхозных оленей.

Нганасаны — одна из самых своеобразных народностей Сибири. Будучи монголоидами, они по физическому облику значительно отличаются от своих соседей — эвенков, долганов, якутов; лица многих нганасанов напоминают традиционные изображения североамериканских индейцев, но менее суровы. Все боганидские нганасаны, за исключением председателя колхоза Намбу Чунанчара, живут в чумах (рис. 3) и значительную часть года ведут кочевую жизнь; в поселке они, как правило, задерживаются ненадолго. Железных печек в нганасанских чумах мы не встречали; обогреваются они, как и старину, костром. Большинство нганасанов еще слабо владеет русским языком. В их среде сохраняются многие традиционные обычаи; до сих пор не утратила полностью своего значения родовая экзогамия; широко бытует национальная одежда; нганасаны — прекрасные знатоки старинного фольклора.

Как показали наши наблюдения, строительство в колхозе им. Шмидта подвигалось медленно (сказывался недостаток у нганасанов необходимых навыков к плотничьим и столярным работам).

Строительство — дело, конечно, нужное. Но рационально ли использовать на этой работе нганасанов — специалистов-оленьеводов и рыболовов, отрывая их от исконных занятий? Не лучше ли нанять строителей из числа пришлого населения? С этими нашими соображениями руководство Авамского района согласилось.

После кратковременного пребывания в Усть-Боганиде В. И. Васильев и Л. А. Файнберг отправились в пос. Карго, расположенный на берегу Хеты, в 200 км ниже Волочанки, а В. А. Туголуков поднялся вверх по Хете в пос. Камень — центр колхоза «Искра». Б. О. Долгих, оставшийся с художником Ю. Б. Ивановым в Усть-Боганиде, продолжал начатое им еще в 1926 г. изучение материальной и духовной культуры нганасанов в прошлом и настоящем. Очень любопытны обнаруженные им медные украшения — пластины с изображением полумесяца, аналогичные пластинам из раскопок

¹ Балб, или нартенный чум, — зимнее передвижное жилище, представляющее собой деревянный прямоугольный каркас, поставленный на полозья, кроется оленьими шкурами и поперх них обтягивается брезентом.

Рис. 3. Установка чума нганасанами (пос. Усть-Боганида)

П. Дульзона на Чулыме, датируемым XVI—XVII вв. Б. О. Долгих приобретены приспособления для изготовления этих пластин. Им собран также ценный материал по иным формам мировоззрения аборигенного населения этой части Северной Азии. Замечены интересные мифы, характеризующие представления нганасанов о мироздании.

* * *

Пос. Карго — производственный участок долгано-якутского колхоза им. Ленина. Центр колхоза — пос. Катырьк — находится в 65 км от Карго, ниже по р. Хете, у самой границы между Авамским и Хатангским районами. Территория колхоза включает дельта слившихся с ним сельскохозяйственных артелей им. Крупской (быв. центр — Карго) и «Родина» (быв. центр — Боярка); последний уже покинут, а пос. Карго намерено покинуть в конце 1959 г. Таким образом, на всем пути от Катырька до Волочанки не останется ни одного населенного пункта, за исключением Усть-Боганиды. Это обстоятельство значительно затруднит связь между центром колхоза и Волочанкой. Последние месяцы Хета настолько мелеет, что тяжелая лодка с трудом добирается до Карго. Караван с грузом сел на мель, не доходя до Боярки.

Пос. Карго разбросан по обе стороны пересекающего его поперек неглубокого озера. В Карго около десятка жилых домов и четыре чума; есть также одно голомо². В нем никто не жил. В поселке имеются начальная школа, магазин, пекарня, рыболовный пункт.

Летом в Карго живут только семьи рыбаков-долганов. Все мужчины работают в оловянных бригадах, находящихся в отдалении от поселка. В составе одной из бригад трудится знатный рыбак колхоза, долганин Н. В. Поротов, ежегодно перевыполняющий план добычи рыбы. В поисках ее он часто меняет места лова, по составу речного дна определяя, где и какая имеется рыба. К сожалению, опыт таких рыбаков, как Н. В. Поротов, еще недостаточно использовался в колхозе, так что даже в его бригаде все справлялись с планом.

Орудиями лова служат преимущественно ставные сети. В качестве материала для сетных поплавков в колхозе им. Ленина применяется пенопласт³, в последние годы ши-

² Голомо — коническое сооружение из плах, крытое лиственничной жорой, на которую зимой для утепления накладывают дерн и снег.

³ Пенопласт — пенистый пластический материал с ячеистой структурой, изготовляемый на искусственной смоле.

роко используемый на Таймыре. Поплавки, выпиленные из плит пенопласта, легки, отличие от деревянных не пропитываются водой и хорошо удерживают верхнюю сеть на поверхности. Из пенопласта ныне изготавливаются и неводные полавки.

Участники экспедиции ознакомились с бытом долганского населения поселка, с работой Карговской начальной школы-интерната, где удачно решена задача политехнического обучения детей коренного населения. В минувшем учебном году в школе работал под руководством долганина К. И. Михайлова кружок, где учащиеся получали навыки к изготовлению игл и мерок для вязания сетей и учились вязать сети, делали дели черканов и пастей. Колхозники проявляют большой интерес к работе кружка, оказывают ему помощь, делясь с молодежью своим опытом.

Пос. Камень, где протекала работа В. А. Туголукова, расположен на высоком правом берегу Хеты в 120 км выше Волочанки. В поселке одна улица, застроенная деревянными домами. За ними небольшими группами и в одиночку стоят чумы. Коренное население здесь неоднородно по национальности. Большинство жителей называется «саха», т. е. долганами⁴. Однако, согласно похозяйственным книгам Волочанского сельсовета⁵, из 72 семей коренных жителей поселка долганами считаются только 35 остальные — эвенками. При обследовании выяснилось, что такое деление неточно. Среди «саха» (долганов) большинство (28) семей оказалось якутами (по фамилии Ботулу, Катыгинский, Маймага, Чарду, Эспок). Подлинно долганскими в Камне можно считать только семь семей (Аксеновы, две семьи Лаптуковых, Пловы, две семьи Мчановых, Чуприны).

Однако и такое разграничение условно. Как известно, долганы — народность, которую вошли три основных этнических компонента: эвенки, якуты и русские (называемые затундренские крестьяне). Процесс их сложения в долганскую народность начавшийся еще в XVIII в., интенсивно продолжается и сейчас, в частности в Камне. Большинство эвенков, особенно молодых, говорит по-долгански; эвенкийский язык — бывает. Даже в тех семьях, где родители разговаривают по-эвенкийски, дети не знают родного языка. Общепринятый в поселке язык — долганский. Преподавание в политехническом классе местной начальной школы ведется также на долганском языке. Якуты говорят на долганском диалекте якутского языка; по их словам, настоящий якутский язык более «твердый», чем этот диалект. Многие якутские слова местные якуты и долганы не понимают. Так, по рассказам счетовода колхоза «Искра» Евдоима Ботулу, он, беседуя с якутом из центральной Якутии, понимал не более половины из того, что тот ему говорил. В беседе с вилюйскими якутами он может понять 75% слов, а с есеевскими — 90%.

Якуты, живущие в Камне, — выходцы с оз. Есеев, находящегося в Эвенкийском национальном округе. На Хету они пришли в конце 1920 — начале 1930-х годов. На Есеев они круглый год жили в чумах и балаганах, а на Хете живут в чумах только летом, зимой же пользуются долганскими балками. Многие из них постоянно живут в деревянных срубных домах.

Эвенки, носящие фамилии Елогир (три семьи), Хутокогир (шесть семей), Чукач (правильно Хукочар — одна семья), также пришли около 30 лет назад из северной части Илимийского района Эвенкийского округа. Многие из них еще раньше осваивали бассейн Хеты, в частности у Елогиров в верховьях Хеты имелись пастбища на пещерах и лисах.

Эвенки с русскими фамилиями (Аксеновы, Анциферовы, Верещагины, Еремиев, Перепрыгины, Прошкины, Ульманы), по их словам, «век» живут в Камне и его окрестностях. Так, 80-летний Василий Анциферов сообщил, что родился и вырос неподалеку от Камня. Сам он из рода Малга (Малгачагир). Когда-то Малгачагиров было много, но сейчас осталось лишь двое: он да Онуфрий Прошкин. Мать Анциферова принадлежала к роду Тамбегир. Из этого же рода и все Верещагины. Перепрыгины происходят из рода Елогир. Когда Анциферов был молод, в районе Камня жили только эвенки и бесчисленных выше родов; они, по его мнению, и являются местными. Долганы в Камне пришли в период коллективизации; все они были богатыми оленеводами. Бывших затундренских крестьян в Камне нет, но некоторые долганы и эвенки помнят, что в числах предков были русские.

Здесь можно проследить, как подчас совершенно различные по национальной принадлежности люди причисляют себя к одному народу «саха» и говорят на одном языке. Вот, например, два «саха» — Николай Маймага и Егор Попов. У первого типичное монголоидное лицо бронзового цвета с широкими скулами, у второго узкое длинное лицо, редкие, скорее русые, чем черные, волосы, голубовато-серые глаза. Оба слабо знают русский и своим родным языком считают язык «саха». Первый — сын есеевских якутов, второй — сын затундренского крестьянина и долганки.

Якуты, долганы и эвенки Камня работают в одном колхозе, дома и чумы их стоят рядом, дети учатся в одной школе. Население свободно смешивается посредством браков. Сохранились кое-какие различия в национальной одежде, но и они постепенно

⁴ Термин «саха» неправильно употребляется в Таймырском национальном округе в качестве общепринятого названия долганской народности.

⁵ Пос. Камень — местопребывание Волочанского сельсовета, а районный центр в Волочанке — местопребывание Затундренского сельсовета.

Рис. 4. Долганская семья в зимней национальной одежде (пос. Камень)

ируются. Эвенкийская и якутская традиционная одежда в этом районе отличается от долганской (рис. 4) отсутствием украшений. Но каменские эвенки уже начинают украшать свои бакари, парки и шапки по-долгански бисером. По внешнему виду эвенков, якутов и долганов не отличить друг от друга. Можно думать, что через одно-два десятилетия в Камне останутся представители только одного народа — долганов («саха»). Процесс образования долганской народности идет и в других колхозах Таймырского национального округа. По данным Приполярной переписи 1926—1927 гг. в Сибири было всего 1445 долганов. Перепись 1939 г. не учла ни Таймыре ни одного представителя народа «саха», что очевидно, не соответствовало действительности), а в 1939 г. их было учтено по Таймырскому округу уже 3871 (в том числе 2142 в Хатангском районе, 1229 — в Авамском, 282 — в Дудинском, 71 — в гор. Дудинке и 47 человек — в Усть-Енисейском районе)⁶. В то же время число эвенков и якутов в округе за 20 лет заметно уменьшилось. В 1939 г. эвенков было зафиксировано 558, а в 1959 г. — 413; якутов соответственно: 3894 и 63. Резкое уменьшение численности якутов и снижение числа эвенков (общее уменьшение — 3976 человек), с одной стороны, и появление почти соответствующего числа долганов, с другой, — говорит о том, что сложение долганской народности происходит на наших глазах. Конечно, переписи не могут претендовать на абсолютную точность, но этнический процесс, о котором мы говорим, выступает из цифровых данных с достаточной определенностью.

Долганы — народность, обладающая этническим самосознанием. Несмотря на то, что долганы часто называют себя, как и якуты — «саха», они отличают себя от якутов, подчеркивая это, иногда употребляют самоназвание «тыа» (мн. ч. тылар). Некоторые долганы, живущие в Камне, знакомы с работами А. А. Попова «Нганасаны» и М. А. Сергеева — «Некапиталистический путь развития малых народов Севера». Знают они о своем земляке долганине Г. Р. Попове — кандидате экономических наук, работающем председателем Таймырского окрисполкома. Долганы стремятся иметь свою письменность, отличную от якутской, о чем они заявляли нам в Камне.

Хозяйство в колхозе «Искра» организовано лучше, чем в Усть-Боганиде. Тем не менее и здесь имеются отрасли, приносящие убытки. В 1957 и 1958 гг. убыточными были животноводство (разведение крупного рогатого скота и лошадей) и звероводство (разведение черно-серебристых лисиц). Доходные занятия — оленеводство (в основном транспортное), пушной промысел, заготовка дров и извести. Большой доход приносит охота на дикого оленя, мигрирующего через угодья колхоза; в прошлом году большое число «диких» переправилось через Хету возле самого поселка.

В «Искре» ведется интенсивное строительство. Здесь имеется колхозная электростанция, клуб, ледник для зверофермы, скотный двор и помещение для лисиц, пять жилых домов, принадлежащих колхозу, и два дома, принадлежащих колхозникам. В домах живут 12 колхозных семей, а остальные — в чумах и балках. Во время своего пребывания в Камне там был заложен четырехквартирный дом для колхозников, сдавался в эксплуатацию двухквартирный дом для детских яслей. На средства от са-мобложения жители наметили построить баню.

⁶ Сведения получены нами в исполкоме Таймырского национального округа.

*
*
*

В Воронцове — центре колхоза им. Кирова — Б. О. Долгих проводил изучение материальной и духовной культуры энцев. Собранные материалы об особенностях родословия энцев этого района в прошлом, об их старинной одежде и украшениях. Писан ряд энцевских преданий и мифов. Другие члены экспедиции изучали хозяйство колхоза и быт его населения.

Этнический состав колхоза с 1948 г., когда здесь побывал Б. О. Долгих, почти изменился⁷. В настоящее время в колхозе числится 39 ненецких, 33 энцевских, 6 долганских и несколько русских дворов.

Одной из задач экспедиции было уточнение этнических признаков, по которым различаются малые народы, обитающие на Таймыре (долганы, якуты и эвенки, с одной стороны, ненцы и энцы, — с другой). Решение связанных с этим вопросов в значительной степени облегчается анализом фамилий (в прошлом — родовых названий) коренного населения. Воронцовские ненцы представлены следующими фамилиями: Яр (9 семей), Ябтонгэ (Яптуне, 9 семей), Яндо (6), Надер (Нгадер, 5), Пяся (3), Вэнго (Вэнгонг, 2), Береговой, Сюхунэй, Тэседо, Попов (по одной семье). Большинство ненецких фамилий — это прежние родовые названия, так что современные фамилии ненцев Воронцовского сельсовета одновременно отражают и их былую родовую принадлежность. Исключение составляют ненцы, носящие фамилии Береговой и Попов. Береговые происходят из рода Ламбай, Поповы — из рода Неркыхы. Фамилия Береговой произошла от того, что предки ненцев этого рода образовывали так называемую Береговую управу; фамилия была дана им при крещении.

Энцы — второй по численности этнический компонент среди коренного населения колхоза. В прошлом усть-енисейские (тундровые) энцы составляли племенное объединение Сомату (Маду), которое, как и другое энцевское объединение Пэ-бай (лесные энцы), в настоящее время составило сложилось во второй половине XIX в. История объединения этих энцевских объединений изложена в работах Б. О. Долгих⁸. Энцы Соматы и Пэ-бай говорят на разных диалектах, хотя среди них имеются семьи, происходящие из одних и тех же родов: Силкины — из рода Бай, Турутины и Болины — из рода Муггади.

В начале 1930-х годов энцы, живущие ныне на территории колхоза, находились в ведении Хантайско-Красинского кочевого совета. Тогда же некоторая часть энцев Сомату вошла в состав населения, обслуживаемого Авамским кочевым советом. В настоящее время эта группа сосредоточена в колхозе им. Калинина (пос. Усть-Авам Авамского района), где энцы живут совместно с нганасанами и долганами. Значительная группа энцев (лесные энцы) живет в Дудинском районе (колхоз им. Кирова, пос. Пятапово). Отдельные энцевские семьи имеются и в других колхозах Таймыра⁹.

В противоположность ненцам, живущим в Воронцове, для которых, как уже говорилось выше, характерно употребление прежних родовых названий в качестве временных фамилий, все местные энцы имеют фамилии, отличные от названия рода. Энцы рода Бай носят фамилию Силкины, энцы рода Муггади — Турутины, рода Масавадай — Мирные (Мирных), рода Лодоседа — Туглаковы и т. д. Наиболее многочисленны среди энцевских семей Силкины (12 семей) и Туглаковы (7 семей); Турутины сейчас 5 семей, Мирных — 4 семьи¹⁰, Пилько (род Садо) — 2, Каплиных (род Солда) — 1. Остались лишь одна семья из рода Тадэбэ (Соваловы). Этот род, видимо, совершенно исчезнет, так как супруги Соваловы пожилые люди и не имеют детей. К энцам принадлежит и семья Ашляпкиных (род Ючи). Однако Ашляпкины относятся к иной энцевской племенной группировке — Пэ-бай, большая часть которой живет на территории Пятаповского сельсовета Дудинского района. Глава семьи А. С. Ашляпкин приехал в Воронцово во время коллективизации. По словам энца Сомату Чано Турутина, в семье Ашляпкиных до сих пор говорят на диалекте Пэ-бай, половины слов которого он понимает.

Ненцы и энцы живут преимущественно на центральной усадьбе колхоза и в рыбных поселках Троицкое, Кареповский и Яковлевка, расположенных в нескольких десятках километров от Воронцова, вниз и вверх по Енисею. Несколько ненецких и энцевских семей постоянно живут в поселках Казачье (на полпути между Воронцовым и Кареповским) и Гольчиха (в одном километре от Воронцова).

Кроме ненцев и энцев, в колхозе им. Кирова работают долганы (3 семьи Кашкаровых, 2 семьи Яроцких, 1 семья Сотниковых). Большинство долганов постоянно живет

⁷ См.: Б. О. Долгих, Колхоз им. Кирова Таймырского национального округа «Сов. этнография», 1949, № 4, стр. 75—93.

⁸ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народностей Севера Средней Сибири (канд. диссерт.), М., 1946; его же, О родоплеменном составе и расселении энцев, «Сов. этнография», 1946, № 4.

⁹ Колхозы «Большевик» (пос. Малая Хета) и «Новая жизнь» (пос. Мунгуй) Усть-Енисейского района; им. Шмидта (пос. Усть-Боганида) Авамского района; им. Карла Маркса (пос. Левинские пески) Дудинского района.

¹⁰ Двое из энцев Мирных женаты на долганках. Один из них — Лелло Мирных ныне умер. Его дети в похозяйственной книге сельсовета записаны энцами, а в колхозе числятся долганами (саха).

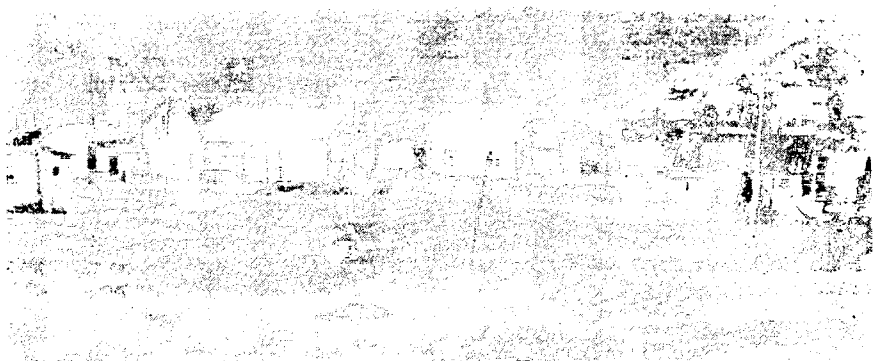

Рис. 5. Вид на пос. Воронцово

опочной Карге (самом северном по Енисею поселке). Долганами считаются также 2 семьи с ненецкой фамилией Вануйта.

Пос. Воронцово (рис. 5)¹¹ расположен на правом берегу Енисея в котловине, обрамленной невысокими сопками. В поселке находятся правление колхоза им. Кирова, сельсовет, клуб, магазин, больница, семилетняя школа-интернат (рис. 6). Коренное население живет в хорошо оборудованных деревянных домах. Возводится еще несколько таких же домов. Строительным материалом служит сплавной лес, большие запасы которого заготовлены на берегу. Хотя деревянные дома имеются и в других поселках колхоза, но некоторые рыбаки летом предпочитают жить в чумах. В палатках и чумах живут и пастухи. По словам заместителя председателя колхоза ненца А. Д. Яра, в

Рис. 6. Школа-интернат в пос. Воронцово

¹¹ Ненцы и энцы называют Воронцово по-старому — Варенцово. Под таким названием поселок значился на дореволюционных картах.

1960 г. все колхозники, оседло проживающие в поселках, будут обеспечены жильем в деревянных домах.

Ведущие отрасли хозяйства колхоза — рыболовство, охота и оленеводство. В колхозе имеется также животноводческая ферма; на 1960 г. запланирована организация зерофермы. Наибольший доход колхозу приносит рыболовство и охота. Летом работают четыре рыболовецкие бригады — две неводные на лове сельди (в Троицком) и две сетные на лове осетра (в Кареповском и Яковлевке). В одной из бригад Троицкого создано звено коммунистического труда (звеньевой — ненец Хехере Яндро).

Для ознакомления с трудом и бытом колхозников Б. О. Долгих посетил пос. Троицкое, а В. И. Васильев и художник Ю. Б. Иванов — пос. Кареповский. Отсюда они выезжали в оленье стадо, находившееся в 10 км от поселка.

В Кареповском — один бревенчатый дом (еще два отстраивались) и шесть чумов. В бригаде имеется моторная лодка, на которой рыбаки выезжают осматривать сети и отвозят рыбу на приемный пункт. Как и повсюду на Таймыре, для изготовления сетных поплавков здесь используют пенопласт. Из него делают и буйки, которые привязываются к концам верхней титивы сети у шестов и, поддерживая сеть на воде, одновременно служат указателями ее местонахождения.

Осенью, по окончании рыболовного сезона, многие рыбаки из Кареповского, Яковлевки и Троицкого уходят с семьями в тундру на охоту за дикими оленями и песцом. Охотники проводят всю зиму, кочуя по тундре, живя в балках, и возвращаются в поселки лишь ко времени вскрытия реки. Охота — вторая по доходности отрасль хозяйства колхоза. Здесь имеются отличные охотники, например, ненец Пудано Вэнго, энцы Чано Турутин и другие, ежегодно перевыполняющие задания по добыче пушнины. На выки старших передаются молодому поколению. Хорошим охотником зарекомендовал себя 15-летний ненец Андрей Ябтонгэ, самостоятельно охотящийся на диких оленей, которых он добывает больше, чем его отец и старший брат.

Большое место в хозяйственной жизни колхоза занимает оленеводство. На 1 января 1959 г. в колхозе насчитывалось 1610 оленей. Лучший оленевод колхоза — энцы Пуяко Силкин, бригадир племенного стада, участник ВСХВ 1955 г. В 1959 г. племенное стадо было снабжено передвижной радиостанцией. В качестве стажера при радиостанции проходил практику комсомолец ненец П. З. Береговой. Однако правление артеза еще не все сделало, чтобы оленеводство стало высокодоходной, ведущей отраслью колхозного хозяйства.

Новой отраслью хозяйства колхоза является животноводство. Животноводческая ферма невелика, но расширить ее колхоз не имеет возможности, так как не хватает травы на корм скоту зимой. Правление вынуждено закупать на зиму дорогие комбинированные корма; вследствие этого животноводство приносит колхозу убыток.

Благодаря умелому развитию традиционных отраслей хозяйства колхоз в 1958 добился высокой стоимости трудодня — 26 руб. 70 коп. Большинство колхозников хорошо живет и питается. Наряду с мясом дикого оленя и рыбой в пищевой рацион прочно вошли белый хлеб, сахар, чай. Изменился и домашний быт коренного населения. В чумах Антона Петровича Ябтонгэ и Пуяко Бакулевича Силкина среди утвари фарфоровая посуда и другие предметы культурного обихода. Многие колхозники вписывают центральные и местные газеты, по приезду в Воронцово посещают клуб, регулярно демонстрируются кинокартины.

Воронцовские ненцы и энцы внешне почти ничем не отличаются друг от друга. Б. О. Долгих еще в 1948 г. отмечал, что большинство энцев восприняло ненецкую одежду¹². Теперь те и другие летом нередко носят телогрейки и пиджаки с брюками, лыжные костюмы. Обувью рыбакам служат высокие резиновые сапоги. Появились и новые формы одежды, например своеобразные плащи, выкроенные из клеенки по образцу ненецкой малицы (но более короткие), иногда даже с меховыми капюшонами, надеваемые некоторыми рыбаками в ненастную погоду. Все же ненецкая малица до сих пор остается преобладающей летней одеждой большинства ненцев и энцев. Прежний чум энцеко-нганасанского типа совершенно вытеснен ненецким.

Долганы, работающие в колхозе, сохраняют национальные традиции как в одежде (это относится в основном к женщинам и старшему поколению мужчин), так и в устройстве чума.

Браки между ненцами, энцами и долганами широко распространены. Разговорный язык между ненцами и энцами служит ненецкий. С долганами ненцы и энцы объясняются по-русски, за исключением двух-трех стариков и некоторых женщин-ненок.

Сказанное об энцах еще не дает оснований утверждать, что они теряют свое этническое лицо и сливаются с ненцами. На вопрос о национальности энцы не называют себя ненцами или юраками, а указывают родовую или племенную принадлежность. В семьях и при обращении друг к другу дети энцев говорят на языке своих родителей и лишь в более старшем возрасте (преимущественно в школьные годы) осваивают ненецкий. К вопросу о сохранении энцев как своеобразной этнической группы Таймыра мы еще вернемся ниже.

¹² Б. О. Долгих, Колхоз им. Кирова Таймырского национального округа, стр. 87—89.

Рис. 7. Вид на пос. Хантайское озеро

* *
*

Интересной оказалась поездка В. А. Туголукова на Хантайское озеро. Ввиду торванности хантайских эвенков от освоенных речных путей они до сего времени становились неизученными.

Хантайское озеро, на юго-западном берегу которого расположена усадьба сельхозартели «Красный промышленник», представляет собой довольно внушительный водный бассейн: оно простирается на 120 км в длину; ширина его местами достигает 40 км. К западу озеро, сужаясь, переходит в р. Хантайку, впадающую в Енисей. Само озеро и угодья колхоза «Красный промышленник» находятся в южной части Таймырского округа. Географически этот район — переходный от тайги к лесотундре. Климат здесь заметно мягче по сравнению с другими районами округа. Тут можно встретить хороший строевой лес; изобилуют грибы и ягоды — голубика, брусника. Повсюду озера, богатые рыбой. Местами озерный ландшафт в сочетании с гористыми берегами представляет очень живописное зрелище.

Исторически и этнически хантайские эвенки связаны с Эвенкией, откуда они небольшими группами и отдельными семьями в течение XVII—XX вв. проникали на Таймыр. Наиболее многочисленные группы здешних эвенков — Елогиры, Утукогиры (правильно — Хутокогиры) и Укачеры (правильно — Хукочары) — пришли сюда сравнительно недавно: Елогиры — не более 100 лет назад, Утукогиры и Укачеры — уже в советское время, в начале 1930-х годов. Наиболее ранними насельниками района Хантайского озера являются эвенки, носящие родовые фамилии Кильмагир, Топтыгир, Чемпогир. К настоящему времени представителей этих фамилий осталось немного.

Среди хантайских эвенков есть несколько выходцев из группы так называемых хантайских эвенков, занимавших в недавнем прошлом правобережье Енисея в бассейне р. Фокиной, а также из эвенков, живущих в районе гор. Игарка, из эвенков, свайвающих бассейн Советской речки в Туруханском районе, и даже из Катанского района Иркутской области. Всего на Хантайском озере 51 семья эвенков (включая одиночек) — 165 чел. Все они — колхозники.

В артели работают также два долганина и один кет. Оба долганина — выходцы из колхоза им. Калинина (пос. Курья, недалеко от гор. Норильска). Кет П. Н. Дибиров — выходец из пос. Фарково Туруханского района. Все они женаты на эвенкиях. Таким образом их семьи — смешанные в национальном отношении. Кроме того, в колхозе состоят 11 семей пришлого, преимущественно русского населения.

В поселке (рис. 7) размещены правление, жилье и хозяйственные постройки артели, отделение связи, сберкасса, больница, начальная школа, красный чум, магазин, приемный пункт Норильского рыбзавода. В этих учреждениях работает преимущественно пришлое население.

Официально поселок называется «Хантайское озеро». Однако как в нем самом, так и за его пределами, держится прежнее название — «Таймыр». Для «Таймыра» отличие от описанных выше поселков, характерно полное отсутствие чумов и балов. Это объясняется тем, что почти все коренное население — пастухи-оленьеводы, рыбаки и охотники — живет вне поселка, в расположении пастбищ и промысловых угодий. Поэтому, чтобы посетить эвенков, пришлось совершить большое путешествие по озеру на колхозной моторной лодке. В течение десяти дней удалось довольно подробно ознакомиться с жизнью рыбаков.

Летом большинство эвенков занято ловлей рыбы ставными сетями. Колхозники живут небольшими группами, а иногда в одиночку, вдоль всего западного побережья Хантайского озера. Время от времени они переселяются в другие места. Единственный тип жилища здесь — традиционный эвенкийский чум, который летом кроют рдугой или брезентом, а зимой — оленьими шкурами с подстриженной (для облегчения веса) шерстью. Обогревается чум легкой железной печкой, труба которой выводится в дымовое отверстие. Вся утварь, употребляемая в обиходе (детские колыбели, столики для еды, постели и т. п.), приспособлены к подвижному образу жизни. Единственный балок, имеющийся в районе Хантайского озера, был приобретен в 1959 эвенком П. М. Елогиром у долгана, живущего на берегу соседнего крупного озера Кета.

Хантайские эвенки говорят на родном языке, но большинство их, кроме староков, хорошо понимает и русский. По-эвенкийски говорят оба хантайских долгана и кет П. Н. Дибиков. Выступая на собраниях, эвенки также обращаются к своему языку; один из них в необходимых случаях переводит.

Хантайские эвенки называют долганов тэготкёр («другое племя»), якутов — якол, кетов — оск, нганасанов и энцев — хамай, ненцев — юрак или тэгёл, русских как и все другие эвенки, — луча.

Колхоз «Красный промышленник», организованный в 1936 г., — развитое промыслово-оленьеводческое хозяйство. Он имеет собственные мотолодки, электростанцию, пилораму, гусеничный трактор, радиоузел. Главная отрасль его хозяйства — оленеводство, являющееся базой развития таких отраслей, как охота и звероводство. К началу 1959 г. насчитывалось более 3300 колхозных оленей. Общий доход от оленеводства составил в 1958 г. около трети всех доходов артели.

Важными и доходными занятиями являются рыболовство и пушной промысел. Обе эти отрасли — товарные. Продуктивность рыболовства, благодаря применению моторных лодок, неводов и капроновых сетей, возросла по сравнению с довоенным временем во много раз. Колхоз ловит рыбу не только летом, но и зимой.

В колхозе имеются две зверофермы — серебристо-черных лисиц и голубых песцов. Звероводство еще не приносит ощутительного дохода, но у колхоза есть все необходимое, чтобы сделать эту отрасль рентабельной. Главное — это наличие богатой кормовой базы (рыба), освобождающей от необходимости закупать и завозить дорогую корма. Что касается животноводства (крупный рогатый скот), то положение в этой отрасли аналогично тому, которое мы отмечали в отношении воронцовского колхоза им. Кирова.

Благодаря дружной работе всех звеньев колхоз добился значительных успехов производственной деятельности. В 1956—1958 гг. колхозники получили на трудодень соответственно: 22 руб. 29 коп., 23 руб. 66 коп. и 19 руб. 37 коп. В 1959 г. стоимость трудодня по плану должна была составить 25 руб.

Несмотря на известную изолированность хантайских эвенков и сохранение ими традиционного образа жизни, в культурном отношении они несколько не уступают колхозникам Камня и значительно опережают нганасанов Усть-Боганиды, расположенной в нескольких часах езды от районного центра. На примере колхоза «Красный промышленник» можно видеть, что культура скорее всего прививается там, где имеется достаток в хозяйстве и коренное население имеет возможность нормально трудиться и отдыхать.

До Великой Октябрьской социалистической революции хантайским эвенкам не оказывалось ни медицинской, ни какой-либо иной помощи. Еще в 1930 г. среди всех 150 эвенков не было ни одного грамотного. Сейчас подавляющее большинство колхозников грамотно. Почти в каждом эвенкийском чуме можно видеть газеты и книги. В жилищах чисто, уютно. В поселке и в расположении производственных бригад регулярно демонстрируются кинофильмы. Эвенки живо интересуются всем, что происходит в СССР и во всем мире.

Своими успехами хантайские эвенки во многом обязаны четкой работе правления артели.

Конечно, и в этом колхозе имеются недостатки, но они не могут заслонить того хорошего, что удалось нам увидеть. Нет сомнения, что таким может стать каждый национальный колхоз Крайнего Севера при настойчивости и горячем стремлении этому со стороны всех колхозников и особенно руководства.

* * *

Следующим местом этнографической работы Енисейского отряда был пос. Потапово Лудинского района. В Потапове находятся две хозяйственные организации, в которых занято коренное население, — колхоз им. Кирова и опытно-производственное хозяйство Норильского научно-исследовательского института сельского хозяйства Крайнего Севера.

Национальный состав населения Потапова также неоднороден. Здесь представлены почти все коренные народности Таймыра, а также русские, украинцы и др.

До Октябрьской революции потаповские энцы входили в состав Карасинской родовой управы, а ненцы принадлежали к Тазовской и Береговой родовым управам.

С конца 1920-х годов местные ненцы и энцы были объединены Лузинским береговым кочевым советом, а эвенки образовали Лантакайский тунгусский кочевой совет. Весной 1929 г. ненцы и энцы Лузинского совета объединились в Вершининский туземный промысловый коллектив, через год преобразованный в Лузинский оленеводческий промысловый коллектив им. 12 лет Октября. В начале 1930-х годов на базе этого объединения возникли два колхоза им. Куйбышева (пос. Никольск) и «Труженик» (пос. Прилуки), принявшие устав смешанных простейших производственных объединений (ППО). В Потапове находился и центр русского колхоза «Заполярьник».

В последующие годы в Дудинский район прибыло много пришлого населения, что повело к реорганизации старых и созданию новых колхозов. До последнего времени к Потаповскому сельсовету принадлежали три сельскохозяйственные артели, где коренное население трудилось совместно с русскими, украинцами и другими. Большая часть ненцев и энцев состояла в колхозе «Заполярьник» (пос. Потапово). Две ненецкие и одна энецкая семья работали в колхозе «Северный путь» (пос. Усть-Хантайка). В поселке Никольск находилась усадьба колхоза им. Кирова, в котором, кроме пришлого населения, состояли и эвенки. В 1958—1959 г. эти три колхоза объединились в один колхоз им. Кирова.

В колхозе, наряду с исконными отраслями хозяйства коренного населения (охота, рыболовство, оленеводство), появились и новые (звероводство, животноводство и огородничество). Ведущую роль играют рыболовство и охота. Оленеводство имеет подсобное, прежде всего транспортное значение. Оленеводством и охотой занимаются преимущественно колхозники из местных народностей: в рыболовецких звеньях работают также русские, украинцы и др. В звероводстве, животноводстве и огородничестве занято только пришлое население.

Звероводческая ферма колхоза, расположенная в поселке Усть-Хантайка, — одна из лучших в округе. Чистый доход от зверофермы в 1958 г. составил более 70 тыс. руб. Однако расходы по содержанию зверофермы пока еще весьма велики, так как в рацион лисиц входит большое количество мяса, рыбы, молока, овощей. В 1959 г. колхоз был вынужден содержать для зверофермы специальное оленье стадо, забывая ежедневно по три оленя. Вряд ли это целесообразно. В звероводстве следует использовать ресурсы оленеводческого хозяйства, а отнюдь не развивать его в ущерб росту оленьего стада. Развитие звероводства ни в какой мере не должно происходить за счет исконных отраслей хозяйства коренного населения. Именно благодаря оленеводству коренное население осваивает безграничные просторы тундры, оленеводство является базой для развития охотничьего промысла. Это в условиях Севера важнейшая отрасль хозяйства, и она, несомненно, еще в течение многих лет останется таковой.

В Потапове чумов нет, колхозники живут в деревянных домах. Но хорошими квартирами обеспечены еще не все. Пастухи-оленьеводы и охотники зиму проводят в тундре, живя в балках и чумах. Пастухи, а также рыбаки ненцы, энцы и эвенки, осваивающие тундровые водоемы в стороне от Енисея или промышленные по этой реке вдали от Потапова, живут летом в чумах.

Расположенное по соседству с колхозом опытно-производственное хозяйство (ОПХ) раньше носило название Таймырской комплексной опытно-оленьеводческой станции. Станция занималась не только оленеводством, но и проводила опыты, связанные с внедрением огородничества и разведением крупного рогатого скота. Опыты эти дали положительные результаты, и в настоящее время ОПХ ограничило свою деятельность оленеводством.

В ОПХ более 5000 оленей. Они разбиты на три стада, выпасаемые в районе между реками Большая и Малая Хета. В оленеводстве в качестве рабочих, оплачиваемых по трудовым соглашениям, заняты восемь эвенков, четверо коми-зырян, три долганина, два ненца, два нганасана и один якут. Коми-зыряне и ненцы прибыли из г. Нарьян-Мара и с Ямала, нганасаны — Авамского района, эвенки — местные. Пастухи с семьями постоянно живут при стадах в лесотундре. Им начисляется зарплата в размере 400 руб. в месяц и дополнительно 50% за работу в условиях Таймыра и 50% за работу в отгонном стаде; всего, таким образом, пастухи получают 800 руб. в месяц. Кроме того, отдельно оплачивается их труд по обучению транспортных и передовых оленей, по выращиванию и обучению оленегонной лайки, выдаются денежные премии за получение и сохранение оленьего молодняка и за выполнение плана выхода общего поголовья оленей. Особо оплачивается каждый олень, данный государству для забоя или забитый на мясо олень высокой и выше средней жирности. Пастухам бесплатно предоставляется спецодежда, балки и прочее снаряжение. Им полагается ежегодный отпуск в размере 24 рабочих дней.

Пастухи ОПХ обеспечены значительно лучше большинства колхозников Таймыра. Будучи заняты исключительно в оленеводстве, они не отвлекаются на другие работы. Попутно они имеют возможность охотиться и заниматься производством кустарных изделий. Все это — свидетельство того, что государственные промыслово-оленьеводческие хозяйства (промхозы) и учреждения типа Норильского ОПХ являются удачной формой вовлечения малых народов Севера в социалистическое строительство.

Эвенки и нганасаны, работающие в ОПХ, живут в балках, летом — в чумах, коми и ненцы зимой и летом в чумах с полами, в них тепло, светло и уютно.

ОПХ выписало для пробы из Якутска один экземпляр передвижного разборного жилища — «тордох» конструкции Л. Файко и И. Попова¹³. Испытания дали положительный результат, и дирекция ОПХ предполагала приобрести еще несколько тордох. Однако, наряду с достоинствами, тордох имеет и недостатки. Прежде всего для колхозов цена его — 2800 руб. — несколько дорога. Кроме того, тордох велик по размерам; для пастухов-оленьеводов и охотников нужны небольшие каркасные чумы в среднем на 3—5 человек. Имеются и другие недостатки: углы боковых граней, вследствие неудачного соединения алюминиевых трубок, из которых собран каркас, прорывают брезент; не совсем хороши соединения трубок по верхнему и нижнему поясам; желательна более простая и удобная конструкция замков. В целом же чум новой конструкции себя оправдал. Следует пожелать скорейшего массового освоения его производством нашей промышленностью.

Из коренных народностей в колхозе им. Кирова состоят 13 ненецких, 9 энецких и 8 эвенкийских семей; есть также одна долганская и одна селькупская семья. Из ненецких семей, проживавших по данным приполярной переписи 1926/27 г. в районе Лузина — Потапова, здесь остались Пальчины (род Чор) и Ямкины. Согласно данным Б. О. Долгих, в 1926 г. среди потаповских Ямкиных были представители родов Аседа и Саярта. Ныне все Ямкины считают себя Аседа. Аседа называл себя и К. Д. Ямкин, который, по Б. О. Долгих, принадлежал прежде к роду Саярты¹⁴.

Не проживают ныне в Потапове и ненцы рода Ябсонг (Поповы). Зато появились новые ненецкие семьи по фамилии Лырмин, Каярин, Иванов. Лырмины принадлежали к роду Моло, родственному Аседа (иногда их называют также Моло-Аседа); Каярины — к подразделению рода Ядия; Ивановы — потомки русского, женатого на ненке Пальчиной.

Энцы в Потапове представлены теми же семьями, что и в 1926/27 г. Здесь проживают 5 семей Болиных (род Муггади), 3 семьи Силкиных (род Бай) и 1 семья Ашлапкиных (род Ючи).

Потаповские энцы (Пэ-бай), как и энцы Воронцова (Сомату), в семье и друг с другом говорят на родном языке, разговорным между энцами и ненцами служил наряду с ненецким языком и энецкий. Русским владеет все коренное население, хотя и не всегда хорошо. По-русски энцы и ненцы говорят с эвенками и долганами.

В отношении потаповских энцев можно сделать тот же вывод, что и в отношении их соплеменников, живущих в Воронцове: говорить об их слиянии с ненцами преждевременно. Против этого свидетельствует прочное сохранение энцами своего языка и то, что сами энцы отличают себя от ненцев. Тундровые энцы (Сомату) называют энцев Потапова Пэ-бай (лесные энцы). В свою очередь ненцы называют энцев — самоды (самоедами), а себя юраками или ненцами. В поселке имеются ненецкие семьи, перешедшие на энецкий язык (две семьи Пальчиных и две семьи Ивановых).

Однако, согласно данным переписи 1959 г., энцев в Дудинском районе нет. По всему Таймырскому округу учтено лишь 18 энцев в Усть-Енисейском районе. Между тем, только в колхозе им. Кирова Дудинского района, по нашим данным, живет более 60 энцев (мужчин, женщин и детей). По-видимому, при подготовке к переписи окружные организации не провели соответствующей разъяснительной работы среди переписчиков. Не учитывалось, очевидно, и то, что название «энцы», введенное в свое время в этнографическую литературу Г. Н. Прокофьевым применительно к двум родственным по происхождению и языку племенным объединениям самодийского населения, — весьма условно. Лишь очень немногие энцы Сомату и Пэ-бай (главным образом из числа интеллигенции) называют себя энцами. Большинство же не знает этого названия и на вопрос о национальности указывает свою родовую или племенную принадлежность. Поэтому данные переписи нуждаются в уточнении в отношении энцев, так как все они учтены либо как ненцы (в Усть-Енисейском и Дудинском районах), либо как нганасаны (в Авамском районе).

Знакомство с энецким населением двух таймырских колхозов заставляет нас пересмотреть точку зрения Б. О. Долгих, писавшего в 1949 г., что в колхозе им. Кирова Усть-Енисейского района завершается процесс консолидации мелких тундровых самодийских племен и народностей, одной из которых были энцы, в единый ненецкий народ¹⁵. Как нам сообщил Б. О. Долгих, после вторичного посещения пос. Воронцово в 1959 г. он сам отказался от такого заключения. Энцы Таймыра — своеобразная и устойчивая в отношении языка и духовной культуры этнографическая группа, которая, видимо, будет существовать еще долго.

Эвенки, работающие в ОПХ и колхозе им. Кирова, — по большей части представители бывшей лантакайской группы этого народа. Лантакайские эвенки в прошлом жили на правом берегу Енисея, против Потапова; свое название они получили от эвенкийского названия горного хребта (Лонток), который тянется вдоль Енисея до р. Хантайки. По свидетельству одного из лантакайцев, старика И. Н. Сапожникова,

¹³ Подробнее о тордохе см.: Л. Файко, Об усовершенствовании кочевого жилища народов Севера, «Сов. этнография», 1960, № 2.

¹⁴ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народностей севера Средней Сибири, стр. 413—414, 416.

¹⁵ Б. О. Долгих, Колхоз им. Кирова Таймырского национального округа, стр. 33.

эвенки этой группы пришли сюда с р. Курейки. Ясак они платили в Плахине (поселок выше Потапова по Енисею); там же находился и их «старшина». Дialect лантакайских эвенков не отличается, по их словам, от диалекта хантайских эвенков. Зато лантакайские (или теперь — потаповские) эвенки отличаются от хантайских своими русскими фамилиями (Сапожниковы, Мельковы, Серебренниковы, Куропатовы). Все они принадлежали к роду Хомпо. Однако есть основания думать, что Хомпо — не родовое, а собирательное название. Один из потаповских эвенков, И. К. Столыпин, считает, что слово «хомпо» означает «гости, люди, пришедшие с другой земли — сверху». Скорее всего, в состав Хомпо в прошлом входили представители разных родов, живших в бассейне Курейки, а может быть и еще южнее. В частности, Столыпины, относящие себя к Хомпо, происходят от смешанного брака русского по фамилии Столыпин с эвенкией, принадлежавшей к Хомпо. Этот русский — прадед нынешнего старшего поколения Столыпиных.

В отличие от своих соседей — хантайских эвенков потаповские (они же лантакайские) эвенки весьма сильно ассимилированы местным коренным и пришлым населением. Часть их жената на долганках, ненках и энках. Дети, учась в смешанных школах и воспитываясь в семьях, где родители принадлежат к разным национальностям, с малых лет знают один разговорный язык — русский. Большинство взрослых также редко обращается к родному языку и, по-видимому, отвыкает от него. Вторым необходимым языком в таких семьях нередко является долганский, наиболее распространенный на Таймыре.

Так, в семье эвенка П. Д. Незнайкина глава ее, родившийся в Камне, унаследовал от отца фамилию Аксенов; по матери он Елогир. После смерти отца воспитывался у родственников матери на Хантайском озере. Во время переписи 1926/27 г. или несколько позже из-за сбивчивых ответов, данных переписчику, получил новую фамилию, которую носит до сих пор. Женат П. Д. Незнайкин на Е. Н. Болиной — дочери местного энца и долганки из Курьи. Последняя в похозяйственной книге значится «эвенкой», хотя сама считает себя долганкой. В семье говорят и по-эвенкийски, и по-долгански, и по-русски; «слышат» (т. е. понимают) и ненецкую речь. Аналогичные переплетения встречаются и в других семьях местного коренного населения.

Нередки случаи усыновления и удочерения детей умерших родственников или сирот. Так, эвенк Н. Н. Куропатов и его жена воспитали оставшихся без родителей мальчика и девочку не эвенков. Дети носят фамилию своих приемных родителей и знают эвенкийский язык. Интересно, что приемная дочь Куропатова, ныне окончившая десять классов и работающая в Дудинке, считает себя по национальности эвенкией.

* *
*

Мы назвали три небольшие группы эвенков, живущих в пределах Таймырского национального округа. Помимо этих групп, несколько эвенкийских семей имеется на Таймыре и в некоторых других колхозах. Есть они, в частности, в колхозах им. Ленина (Катырык), им. Сталина (Волочанка), им. Калинина (Усть-Авам) Авамского района и в колхозе им. К. Маркса (Левинские пески) Дудинского района. Известны также две группы эвенков, живущие за пределами округа, поблизости от него. Это эвенки из района Игарки и бассейна Советской речки (на севере Туруханского района Красноярского края). Игарские эвенки живут в колхозе им. Кирова (пос. Старая Игарка на правом берегу Енисея, против гор. Игарка). Это весьма небольшая группа, состоящая всего из пяти семей: две семьи Хирогир из одноименного рода, две — Орловы (Панкагир) и одна — Курматовы (Лютот). И Панкагиры и Лютот в прошлом выходцы из Тутончан (Эвенкия).

По полученным нами сведениям, на Советской речке живет примерно столько же эвенков, как и на Хантайском озере. Список эвенков этой группы включает фамилии Орловых, Панкагиров, Чапогиров, Давиндуков, Аркадьевых, Куропатовых, Кильмагиров и др. По некоторым данным, имеются эвенки и в упомянутом выше Плахине. Там их три-четыре семьи, принадлежащие в основном к роду Купогир; их фамилии — Лапушкины, Ивановы, Кильмагирские.

Сопоставляя полученные сведения, можно предположить, что самые северные и северо-западные группы эвенков, населяющих Таймырский национальный округ и прилегающие к нему районы по Енисею, исторически и этнически связаны с Эвенкией; поразившее большинство их — ранние или поздние выходцы из Илимийского и более южных районов Эвенкийского национального округа. Для окончательного суждения по этому, как и по другим вопросам, необходимо дальнейшее изучение коренного населения Таймырского национального округа.

В. И. Васильев, В. А. Туголуков

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ РАБОТА В ДАГЕСТАНЕ В 1959 ГОДУ

Работа Дагестанского отряда Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР в 1959 г. (15 июля — 27 сентября) развернулась в связи с задачами, поставленными перед советскими этнографами в текущем семилетии¹. В состав отряда кроме сотрудников института Н. Г. Волковой и Г. А. Сергеевой, входили художники К. Г. Карамян, А. Г. Крулев и студенты кафедры этнографии МГУ Л. Амосова, С. Козлов и Г. Кузина. В работе экспедиции принял участие аспирант Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР М. Х. Агларов.

Объектом исследования были малые народы Западного Дагестана, и прежде всего арчинцы, этнически близкие аварцам, а также андии, ботлихцы, годоберины, багулалы, чамалалы, тиндалы (проживающие в Ботлихском и Цумадинском районах), входящие в андо-дидойскую группу народностей. Кроме того, экспедиция обследовала аварское население Чародинского и Ботлихского районов. Исследование андо-дидойцев и аварцев велось маршрутным методом. Арчинцев, как основной объект, изучали стационарно².

В первую очередь нас интересовало современное расселение народов Западного Дагестана и, соответственно, изменения в этнографической карте, вызванные переселением ряда аулов на равнину, хозяйственные занятия населения, в том числе кустарные промыслы, а также общественная жизнь и культурное строительство у этих народов. Особое внимание было обращено на семейный быт с его обрядами и обычаями и на вредные пережитки прошлого в сознании людей; выявлялись причины их сохранения и возможные пути их преодоления. Кроме того, в задачу экспедиции входил сбор материалов по темам Кавказского историко-этнографического атласа (одежда, жилище, сельскохозяйственные орудия). Наиболее интересный материал был собран по вопросам современного расселения народов, их хозяйства, материальной культуры, семейного быта и религиозных верований.

Изучаемые нами этнографические группы во многих отношениях близки между собой и консолидируются с аварцами. По Всесоюзной переписи 1959 г. лица, принадлежащие к этим группам, были записаны аварцами. Однако языковые различия и некоторые локальные особенности каждой из групп продолжают существовать. Экспедиция занималась выяснением этнической принадлежности этих групп и сохранностью среди них прежних этнографических отличий. Так как за последние годы произошли некоторые изменения в расселении андо-дидойцев, то прежде всего возникает вопрос о их современном территориальном размещении. Для выяснения его экспедиции пришлось обратиться к похозяйственным книгам колхозов, спискам сельсоветов, архивным документам и собрать полевые материалы. Анализ этих материалов позволяет установить картину частичного изменения географического размещения населения за последние два-три года.

Основная масса изучаемых нами народов продолжает жить в прежних районах обитания — Ботлихском, Цумадинском и Чародинском. Однако часть из них переселяется на равнину в Хасавюртовский, Бабаюртовский, Кизилюртовский и другие районы. Выяснено, что в Хасавюртовском районе поселились годоберины (95 хозяйств на кутане³ колхоза им. Кирова), хварщины (159 хозяйств в колхозе им. Сталина и 124 в колхозе «Сулак»), андийцы (около 500 хозяйств в совхозе «Акса́й»), аварцы (168 хозяйств в колхозе им. Каллинина); в Кизилюртовский район в колхоз им. Дахадаева переехали 219 семей аварцев и андийцев, в колхоз им. Ленина — 190.

Выявление приведенных нами данных о переселенцах представляет большие трудности, так как в официальных документах часто не отмечается, откуда эти лица первоначально переселились, вследствие чего трудно определить их принадлежность к той или другой этнографической группе Дагестана. В настоящее время эти переселенцы из районов, ныне входящих в Чечено-Ингушскую АССР, обычно именуются аварцами. Поэтому нам еще предстоит дополнить и уточнить собранные сведения.

Большинство колхозов Чародинского района, в частности обследованные нами колхозы им. 1 мая, им. Сталина и им. Тельмана, а также колхозы Ботлихского района — им. Орджоникидзе и им. Махача Дахадаева, — крупные многоотраслевые хозяйства. Что же касается колхозов Цумадинского и частично Ботлихского района, то они имеют одностороннюю специализацию. Их экономика развивается крайне медленно. Так, в 1958 г. денежный доход всех колхозов Ботлихского района составил 9 млн. руб., тогда как только один колхоз им. К. Маркса Хасавюртовского района в том же году получил 7,5 млн. руб. дохода. Такое положение в колхозах Цумадинского и Ботлихского районов, на наш взгляд, объясняется недостатком сельскохозяйственных угодий и тем, что в этих местах не уделяется должного внимания развитию промыслов в колхозах, вследствие чего там имеются излишние трудовые резервы. Нам представляется целесообразным на базе некоторых маломощных колхозов создать промышленные артели кооперативного типа⁴.

¹ См. передовую статью журнала «Сов. этнография», 1959, № 3.

² Материалы, собранные у арчинцев, будут опубликованы позже.

³ Кутаны — зимние пастбища на равнине, частично используемые под земледелие.

⁴ Производство бурок, сплав леса и заготовка древесины, солеварение и другие традиционные промыслы, развитие и распространить которые вполне возможно.

Ведущее место в многоотраслевых хозяйствах по-прежнему занимает животноводство, в котором, однако, происходят существенные изменения. В результате проведения ряда мероприятий увеличилось поголовье овец, коз, крупного рогатого скота, повысилась его продуктивность. Колхозы Чародинского района, например, выполнили план продажи мяса государству в 1959 г. на 141% и заняли первое место в республике. В Ботлихском и Чародинском районах введен ранний окот, который дает значительное увеличение производства мяса и шерсти. Этот народный опыт, известный и в прошлом, не имел до сих пор широкого распространения. Повышению продуктивности скота способствуют применяемые в колхозах передовые методы зоотехники. На фермах колхозов им. Сталина, им. Орджоникидзе, им. Тельмана и 1 Мая механизуются трудоемкие процессы (электрострижка, электродоение). В последние три—четыре года многие колхозы для перевозки овец на зимние пастбища используют железную дорогу, что значительно сокращает перегон скота, сохраняет упитанность и уменьшает потери овец.

Наряду с животноводством в колхозах успешно развивается и полеводческое хозяйство зернового направления, основанное на човой агротехнике. В ряде мест (сел. Ботлих, Миарсо, Зило, Агвали и др.) применяется традиционное террасовое ступенчатое расположение полей с искусственным орошением, что дает возможность использовать все более или менее удобные участки земли. Организация полеводства и огородничества на кутанах способствовала увеличению площади пашни и повышению доходов колхозов, так как производство сельскохозяйственной продукции здесь обходится гораздо дешевле, чем в горах. Так, колхоз им. Сталина Чародинского района в 1958 г. на производство 1 ц зерна в горах затратил 494 руб., а на кутане — всего 60 р. 92 к. На прикутаных хозяйствах стало возможным и применение передовой сельскохозяйственной техники, тогда как в горных местах почти все сельскохозяйственные работы выполняются при помощи традиционных орудий: пуруца — легкого плуга, молотильной доски и др. Горные районы безусловно нуждаются в создании специальных сельскохозяйственных машин, соответствующих местным природным условиям (почва, рельеф местности).

Приобретающее все большее значение в экономике колхозов садоводство и огородничество развивается как на кутанах, так и в горах. Помимо старых центров садоводства (сел. Ботлих, Миарсо, Зило, Агвали), появляются новые. Так, в колхозе им. Тельмана Чародинского района в прошлом не было ни одного фруктового дерева. Сейчас под садами в горах находится 21,5 га. Здесь выращивают различные сорта яблок, слив, груш, абрикосов, персиков. Высокие урожаи овощей (огурцы, помидоры, лук, свекла, капуста) получает колхоз «Победа» Чародинского района в горных условиях.

С развитием новых отраслей и введением передовой техники возрастает потребность в трактористах, механиках, шоферах и других специалистах сельского хозяйства. Экспедиция выяснила, что в обследованных колхозах квалифицированные кадры составляют 15—20% общего числа трудоспособного населения. Наличие такого числа специалистов, являющихся членами семей колхозников, положительно влияет на расширение кругозора, рост культурных запросов и интересов населения в целом.

Вся система мероприятий, направленных на подъем сельского хозяйства, обеспечила в изучаемых нами районах высокие доходы многих колхозов. Так, колхозы им. Орджоникидзе и им. Махача Дахадаева Ботлихского района, им. 1 Мая и им. Тельмана Чародинского района имеют доходы от 1 млн. до 2 млн. руб.; им соответствуют и доходы отдельных семей. В колхозе им. Тельмана трудодень в 1959 г. оценивался в 20 руб., а в колхозе им. 1 Мая — в 15 руб. Помимо денег, колхозники получают по трудодням зерно, картофель, мясо-молочные продукты, а в садоводческих местах — и фрукты. Средний заработок семьи, состоящей из двух-трех работников, составляет в общем денежном выражении 10—12 тыс. руб. в год. Кроме того, часть дохода дает приусадебный участок.

Изучению кустарных промыслов экспедиция уделила особое внимание, с тем чтобы привлечь местные организации к обсуждению современного состояния промыслов и путей их дальнейшего развития.

Как известно, для многих народов Дагестана характерны исстари развитые кустарные промыслы — производство бурок, ковров, сукон, паласов и т. д. Основным районом с наиболее крупными центрами бурочного промысла до революции считался Андийский округ (сел. Анди, Гогатль, Гунхо, Риквани, Ботлих, Ансалта, Шодрода, Тандо, Тасунта, Зило, Чанко, Ашали). Ежегодный вывоз бурок из округа в конце XIX в. в среднем оценивался в 50 тыс. руб.

В каком же состоянии находится бурочный промысел в настоящее время? Мы посетили селение Рахата, где с 1924 г. существует единственная в Дагестане бурочная промысловая артель им. 8 марта. Она объединила горянок селений Ансалта и Рахата, занимавшихся до этого производством бурок на дому. В артели работает 132 человека, из них 113 женщин. Три просторных цеха артели — чесальный, валяльный, швейный — размещены в каменных строениях городского типа. Артель ежегодно выполняет планы. В 1958 г. она дала стране 13 500 напечных бурок вместо 12 500 по плану. Годовая прибыль артели составила 500 тыс. руб., средний заработок члена артели — 450 руб., наибольший — 800 руб. Продукция артели пользуется широким

Рис. 1. Валяние бурки в сел. Анди Ботлихского р-на

спросом не только в Дагестане, но и в Чечено-Ингушетии, Кабарде, Осетии, Адыгеи и др. Этому способствуют отличное качество и невысокая продажная цена бурок — 330 руб.

Кроме бурок, артель производит и бурочные полости, которые идут на ноговишники и находят широкий сбыт. Артель планирует также производство арбабашей — войлочных ковров, изготовлением которых в прошлом занимались и аварки, и кумычки, поскольку эти изделия являются традиционным народным элементом убранства жилищ горцев.

Рис. 2. Тканье паласов в с. Годири Цумадинского р-на

Успешно развивающийся промысел испытывает ряд серьезных затруднений. Непродуманы вопросы механизации промысла и охраны труда кустарей. До сих пор расчесывание шерсти производится вручную, как много десятиков лет назад. Остается примитивным и процесс обвалки, когда женщины в течение нескольких часов равномерными движениями рук к себе и от себя валяют закатанную в трубку шерсть, предварительно разложенную на брезенте и обрызганную горячей водой. Отсутствие помещений для сушки бурок мешает производственному процессу. Вследствие этого при неблагоприятной погоде мастерицы нагружают дополнительную работу. Невниманием к промыслу сказывается и в отсутствии планового снабжения артели красителями и необходимой для изготовления бурок высококачественной шерстью овец андийской породы.

Если затруднения испытывает производство бурок в Рахата, то в еще более тяжелых условиях находится аналогичный промысел, у андийцев; там кустари даже не объединены в артель. Несмотря на то, что именно андийцы когда-то славились своими бурками далеко за пределами Дагестана, что и сейчас здесь живут и работают искусные мастера-бурочники, промысел может через несколько лет исчезнуть.

По сведениям, полученным нами от руководителей колхоза сел. Анди, оказывается

что из 500 трудоспособных женщин 320 могут заняться бурочным производством; то же наблюдается в сел. Гогатль, где около 300 женщин владеют бурочным мастерством. Население этих аулов считает целесообразным организовать свое межколхозное предприятие по производству бурок за счет сырья и трудовых ресурсов колхозов. Эти требования не лишены основания. Во-первых, традиционное производство до сих пор живет; во-вторых, имеется сырье — шерсть местной породы андийских овец; в-третьих, поскольку не все женщины заняты в колхозном производстве, имеются условия для широкого вовлечения их в промысел. Неиспользование указанных возможностей ведет к отрицательным последствиям неорганизованного производства.

В ряде селений (Годири, Гаквари, Тинди, Арчи, Гимерсо, Годобери и др.) существует шерстяное ткачество. Женщины ткут многокрасочные материи для мешков и паласы, вяжут шерстяные носки. Эти предметы традиционного убранства жилища и одежды находят самое широкое применение. К сожалению, паласы, вносящие в жилище колхозника национальный колорит, все более вытесняются покупными тканями яркой и обычно малохудожественной расцветки и рисунка. А между тем возрождение шерстяного художественного ткачества способствовало бы дальнейшему развитию народного прикладного искусства андо-дидойцев и арчинцев.

Сохранившаяся в селениях Тинди, Кванада, Арчи и др. художественная обработка дерева (изготовление резной посуды, ларей, различных предметов утвари) в известной мере обеспечивает резными изделиями группу селений Цумадинского и Чародинского районов. Поскольку на изделия этого промысла и сейчас еще существует спрос, представляется целесообразным поддержать его.

Среди колхозников обследованных нами селений имеются мастера художественной обработки металла. Так, М. Гаджиев в сел. Тинди владеет мастерством художественного литья, штамповки, гравировки, чернения, филигранны и насечки. В его небольшой мастерской имеются наковальня, кожаный мех и другие необходимые инструменты. К сожалению, М. Гаджиев свое мастерство никому не передает. А вероятно и здесь можно было бы организовать обучение молодежи художественной обработке металла, традиционной для многих народов Дагестана.

* * *

Экспедицией собраны сведения об истории селений, о современном хозяйственном и культурном облике их, о жилищном строительстве. Выявлены основные типы современных поселений и жилища. При этом применялся метод выборочного подворного статистического обследования. Было снято около ста планов с приложением соответствующих фотоматериалов.

Все обследованные селения по характеру расположения на местности относятся к типу горных, скученных поселений, часто террасообразных. Особенно скученны

Рис. 3. Часть с. Миарсо Ботлихского р-на

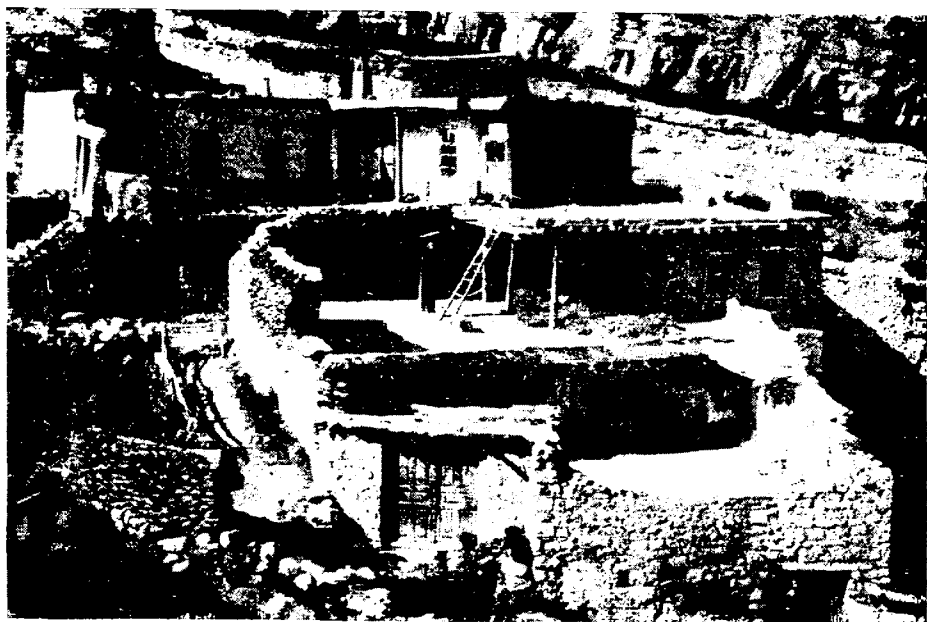

Рис. 4. Тип андийского жилища, с. Гогатль Ботлихского р-на

ботлихское селение Миарсо, багулалское — Хуштада, тиндальское — Тинди, которые расположены на скалистых утесах и крутых горных склонах. Другие селения: андийское — Зило, багулалское — Кваната, годоберинское — Верхнее Годобери — размещены более свободно. Улицы нередко кривые. Фасады домов следуют обычно за рельефом местности и не ориентированы по странам света. У обследованных народов существуют два традиционных типа поселения: первый из них — центральное селение, где сосредоточена основная масса жителей; другой тип — хутора (отселки), образовавшиеся

как правило, на местах выпаса скота и вблизи удобных земельных участков. Этот тип особенно характерен для тиндалов, арчинцев, реже отмечается у багулалов, чамалалов (за исключением сел. Гогатль), годоберинов и почти не встречается у андийцев и ботлихцев.

Жилища в селениях многотипны. Наряду со старинными зданиями типа башен-крепостей, размещенных на узких улицах, напоминающих коридоры, встречаются новые кварталы со светлыми и просторными домами, зданиями школ, амбулаторий, магазинов, клубов. Обычным явлением стали радио, телефонная связь и электричество.

Работами отряда установлено, что большая часть построек андийцев, ботлихцев, чамалалов, багулалов, тиндалов, годоберинов, арчинцев и аварцев одинакового плана и архитектуры. Лишь некоторые из них сохраняют свою специфику.

Основным типом современного жилища является двухэтажный каменный дом с плоской кровлей и часто с галереей по фасаду. Первый этаж предназначен для скота и хозяйственного инвентаря, на втором размещаются жилые комнаты и кладовая. Двор в большинстве случаев отсутствует. Его заменяет крыша лежащего ниже дома, и только у годоберинов и особенно у андийцев часто встречаются специальные дворики, огороженные невысоким каменным забором с воротами. Имеется одна или две, чаще несколько комнат: кухня, жилые

Рис. 5. Пожилые женщины в национальном костюме, с. Тинди Цумадинского р-на

комнаты, кладовая, кунацкая. Внутренняя обстановка дома, наряду с предметами городского производства, сохраняет много традиционных вещей — лари для зерна и муки, долбленные лотки и корыта для теста, разные подставки для ложек и солоницы, медные кувшины, балхарские гончарные изделия, паласы.

На обследованной территории встречается и другой тип жилища — одноэтажный дом на каменном фундаменте, но он менее характерен.

Сведения, собранные по национальной одежде (XIX — начала XX в.), позволяют установить единство покроя, материала и техники изготовления у всей обследованной группы народов. Экспедицией составлены терминологические таблицы названий отдельных частей мужской и женской одежды.

В настоящее время большинство женщин пожилого, а в ряде случаев и среднего возраста продолжает носить традиционный костюм. Он состоит из длинного туникообразного с рукавами платья разных цветов (черного, синего, серого, красного), иногда перехваченного широким поясом; шаровар, обычно узких, нижние концы которых заправляются в голенище шерстяных или кожаных сапог или виднеются из-под платья; большого головного платка и сумки — мешкообразного чепца, в который прячут волосы. У некоторых женщин-тиндалок в гораздо реже — багулалок чухта украшена двумя парами серебряных височных колец.

Костюм женщин среднего возраста и молодых у разных народов не одинаков. У тиндалок, багулалок, арчинок, частично андиек преобладают традиционные элементы одежды, хотя не исключены и городские ее формы. Чамалинки, годоберинки, аварки Чародинского района носят широкое платье на коротке, без воротника, с длинными рукавами на манжете. Шьют платье и отрезные по талии. Чухта встречается реже. Повсеместно употребляют легкие шелковые платки — белые или черные. Обувь женщин, как молодых, так и пожилых, обычно покупная. Обязательную часть женского наряда составляют различные серебряные украшения — серьги, браслеты и др.

Мужская одежда подверглась гораздо большим изменениям, чем женская. Большинство мужчин одеваются по-городскому. Из комплекса национального костюма сохранились лишь отдельные элементы — папаха, бурка, шубы с длинными ложными рукавами, пояс кавказского типа, обувь из сыромятной кожи, мягкие сапоги.

* * *

При изучении семейного быта, помимо наблюдений над отдельными семьями, были использованы материалы похозяйственных книг. Анализ этих данных позволил составить представление о численном составе семей и соотношении групп семей по поколениям. Больших семей, в которых жили бы родители с несколькими женатыми сыновьями, в настоящее время нет. Семьи, включающие три поколения, составляют около 30%; имеется небольшая группа семей, состоящих из лиц одного поколения; самой многочисленной (более 50%) является группа семей из двух поколений. По численному же составу самой большой является группа семей из трех-четырех человек. Новые семьи, образующиеся при женитьбе взрослых детей, обычно сразу же отделяются от родителей. Молодые супружеские пары с помощью родственников, друзей и колхоза строят себе новый дом, приобретают скот, птицу, мебель и утварь.

Поло-возрастное разделение труда в семье складывается следующим образом. Глава семьи — мужчина — ведает бюджетом семьи, заботится об отгоне скота, обработке земли под посев на приусадебном участке, заготовке дров. Женщина, несмотря на большую работу в колхозе, по-прежнему выполняет все домашние обязанности, в том числе такие, как уход за крупным рогатым скотом, заготовка корма, уборка серпом урожая с приусадебного участка⁵, переноска на мельницу зерна и оттуда — муки, выношение воды и мн. др.

Девочкам не поручают тяжелой работы, но часть свободного от учебы времени у них занимает уход за младшими братьями и сестрами, помощь матерям по уборке жилища, прополке и сбору урожая на приусадебном участке. Мальчики, значительно

Рис. 6. Девочка-багулалка в национальном костюме, с. Кваната Цумадинского р-на

⁵ Если же местоположение участка позволяет применить косу, то урожай снимает мужчина.

меньше загруженные домашними обязанностями, помогают отцам в отгоне скота, з готовке дров, перевозке тяжестей на ослах.

В отличие от прошлого, когда воспитание детей лежало всецело на матери, сейчас им занимается и отец. Он не стыдится, как раньше, приласкать ребенка и уделить ему внимание при посторонних. К сожалению, в селениях, особенно в страдную пору, когда родители заняты работой в колхозе, дети нередко бывают предоставлены себе. Не везде еще открыты ясли и другие детские учреждения. Это обстоятельство тормозит освобождение женщины от перегрузки домашними занятиями, мешает ее культурному росту.

Экспедицией записано около 30 вариантов старой и новой свадьбы. По всем селениям собраны сведения о смешанных браках. Большинство браков в изучаемых нами селениях совершается по взаимному согласию. Все реже имеют место браки по принуждению родителей. По обычаю, девушка или юноша, вступающие в брак, сообщают отцу или матери о своем решении, советуются с ними. Материальная заинтересованность сторон, являвшаяся основным стимулом брака в прошлом, в настоящее время отпала. Достоинства жениха и невесты теперь определяются не степенью их богатства, а личными качествами, местом в колхозном производстве и общественной жизни села. Не является теперь препятствием к заключению брачного союза принадлежность какой-либо из семей в прошлом к бедному, неуважаемому тохуму или низшему сословию, другому селу, народу. Довольно часты смешанные браки. По данным Ботлихского районного отделения загса, из тридцати браков, заключенных в 1957 г., четыре были с представителями других народов (аварец и русская, аварец и кумычка, каратинец и жительница Ботлиха, ботлихец и аварка). В сел. Годобери в 1958 г. из пяти зарегистрированных браков имели место два случая смешанных браков (между аварцем и русской, годоберином и аваркой) и т. д.

Почти все вступающие в брак девушки приносят в дом жениха приданое. Размещение его не играет прежней роли. Он устанавливается в зависимости от материальных возможностей семьи невесты. Нельзя не отметить, что и в наши дни вступление в брак все же связано с большими материальными затратами. До сих пор считается неприличным, если жених не сделает невесте дорогих подарков. Сознание ненужности вредности подобных обычаев, молодежь под влиянием старшего поколения в ряде случаев не может отказаться от них окончательно.

Современные свадебные обычаи обследованной нами группы народов (англо-дойцев, арчинцев и аварцев Ботлихского и Чародинского районов) в основных своих чертах едины. Они сохраняют старые формы, но содержание их значительно изменилось. В целом свадьба представляет собой народный праздник. Сохраняется сватовство, хотя оно имеет теперь более формальный характер. Сватами выступают или наиболее уважаемые люди селения (бригадиры, председатель колхоза), или ближайшие родственники. Свадьба обычно устраивается осенью, к концу хозяйственных работ. В первый день свадьбы происходит гражданская запись молодых. В ряде селений (Тинди, Кваната, Анди, Арчи и др.) до сих пор встречаются случаи, когда наряды регистрации брака в загсе имеет место и религиозное оформление его по шариату. К вечеру первого дня свадьбы в доме жениха собираются гости, туда же родственники, друзья с обеих сторон приводят невесту. Жених, как и в прошлом, на свадьбе в первый день, как правило, отсутствует. Он проводит этот день вместе с юношами селения, доме близкого друга. Свадьба длится два-три дня и сопровождается пиршеством и национальными играми и танцами. Новые черты свадьбы, отражающие современные взаимоотношения между мужчинами и женщинами, проявляются в совместном появлении жениха и невесты на улицах селения, угощении мужчин и женщин за одним столом и др. (сел. Агвали, Ботлих, Рахата, Нижнее Гаквари, Цуриб).

* * *

Особые трудности в работе встали перед участниками экспедиции при изучении религиозных пережитков. Материал собирался в нескольких направлениях: по истории религиозных верований; выяснению роли религии в прошлом в общественной жизни и семейном быту; по современным формам деятельности местного духовенства; бытованию религиозных пережитков, тесно переплетающихся с бытовыми; по состоянию антирелигиозной пропаганды и выяснению причин сохранения пережитков. Ослабление атеистической пропаганды среди населения, недостаточное внимание местных работников к культурным и бытовым нуждам отдельных семей приводят к некоторому усилению влияния духовенства на отсталую часть населения, дают ему возможность пропагандировать религиозное учение и в каждом конкретном случае создают почву, которая и питает религиозные пережитки. Это подтверждается материалами, собранными нашей экспедицией.

Среди отсталой части сельского населения Цумадинского, Ботлихского и Чародинского районов религиозные пережитки сохраняются еще довольно стойко. Числа лиц, соблюдающих религиозные праздники и традиционные посты (ураза, курбан-барам и др.) и выполняющих религиозные обряды, остается довольно значительным.

В обследованных селениях собран материал по доисламским верованиям (культ священных рощ, деревьев и др.) и по истории проникновения сюда ислама. Участники экспедиции описали сохранившиеся обряды вызывания дождя. Летом 1957

кители сел. Ириб Чародинского района, страдая от засухи, прибегли к магическим средствам вызывания дождя. На берегу реки была вырыта глубокая яма. Над ней соорудили земляную насыпь и заставили всех присутствующих поочередно пройти по ней, обливая их при этом водой. Подобные случаи отмечались и в других селениях (Тинди, Анди, Арчи и др.).

До сих пор многим мальчикам делается обрезание (суннет). Встречаются случаи заключения брака только по шариату. Почти все похороны совершаются по мусульманскому обряду. Многие мужчины, даже молодые (30—35 лет), совершают намаз. Несмотря на то, что мечетей в большинстве селений нет, духовные лица проводят службы в молитвенных домах, у источников, колодцев⁶ и т. д.

Муллы, кадин и другие священнослужители проявляют большую изобретательность в привлечении населения. Так, в действующей мечети сел. Ботлих с целью религиозной пропаганды среди женщин для них, вопреки канонам мусульманской религии, отведено специальное место, огороженное паласами. Муллы идут на уступки верующим и при соблюдении последними постов и обязательных (пять раз в день) молитв. Так, если человек (по болезни или в силу своей занятости) не может в месяце рамадана соблюдать уразу, ему разрешается поститься в любом другом месяце. Если верующий не имел возможности совершить намаз в положенное время, он может отомстить вечером за весь день.

В ряде случаев, когда советские и общественные организации не оказывают должного внимания в их повседневных нуждах, лица, пользующиеся влиянием в вопросах религии, активно вмешиваются в личные отношения и семейную жизнь верующих, выступают посредниками при ссорах и разводах, пытаются оказывать моральную поддержку, брать в свои руки похороны умерших, охрану и ремонт кладбищ и т. д. Они же пропагандируют так называемые «святые места», имеющиеся в ряде селений Чародинского и Ботлихского районов (сел. Гочоб, Багинуб, Арчиб, Анди). В сел. Гочоб к могиле шейха Хаджи-Мурада совершают паломничество жители соседнего Тляротинского района. На могиле шейха устраивают раздачу садака (ушощения), что привлекает местное население.

Деятельность лиц, влиятельных в религиозном отношении, направлена также к тому, чтобы восстановить прежнее угнетенное положение женщины.

Под влиянием религиозного учения, распространяемого священнослужителями, в некоторых колхозных семьях поддерживается патриархальный взгляд на девушку, согласно которому ей уже в 13—14 лет считается неудобным длительное пребывание в общественных местах. В этом возрасте она, по обычаю, должна готовиться стать невестой, у нее появляются новые обязанности в семье, ее поведение подчиняется строгим предписаниям. В силу этого иногда девушка, не закончив даже семи классов, по требованию родителей покидает школу.

Сведения, собранные нами на местах в школах и районных отделах народного образования, свидетельствуют о значительном сокращении числа девушек в старших классах семилетних и средних школ по сравнению с начальными классами. Так, в 5-х классах Ботлихской средней школы в 1954/55 г. обучались 34 девочки, в 1955/56 г. их из этого числа осталось 13, а в 1958/59 — в 8-х классах насчитывалось всего 8 девочек. Учитывая бытовые особенности народов Дагестана, необходимо поставить перед местными организациями вопрос о создании более широкой сети женских школьных интернатов.

Серьезную роль в борьбе с пережитками играет научно-атеистическая пропаганда. Ознакомление участников экспедиции с постановкой пропаганды научно-атеистических знаний на местах убеждает в необходимости усиления ее конкретными формами, проведения в ряде случаев индивидуальной работы с верующими.

Несмотря на большую лекторскую и агитационную работу среди населения⁷, воспитание материалистического мировоззрения трудящихся находится еще на неудовлетворительном уровне. Многие пропагандисты, агитаторы и лекторы не имеют специальной подготовки по истории религии и атеизма. Не привлечена еще в должной мере к научно-атеистической пропаганде и местная интеллигенция (учителя, медработники, специалисты сельского хозяйства). Работа клубов часто сводится к демонстрации кинофильмов, а в ряде селений (Анди, Тинди, Арчи и др.) клубы вообще бездействуют, особенно в страдную пору. Таким образом, культурные запросы населения зачастую не удовлетворяются. Совершенно очевидно, что лишь повседневная работа местных советских и общественных организаций по преодолению религиозных пережитков в сознании людей может дать реальные результаты.

Г. А. Сергеева

⁶ Под видом благотворительной деятельности по ремонту источников и колодцев духовенство приспособливает их для молитв (сел. Арчиб, Гочоб, Тляротинского района и др.).

⁷ Так, в Чародинском районе в 1958 г. только для женщин и учащихся прочитано около 85 лекций, проведены сотни бесед, состоялось обсуждение ряда произведений. Способствующими укреплению материалистических взглядов. Для жителей сел. Цуриб, Цулда, Гилиб, Арчиб организованы лекции на темы «О пережитках адата и шариата», «О происхождении жизни на земле», «Религия и наука», «О сущности уразы и курбан-байрама», «О реакционной сущности идеологии ислама» и др.

ИЗУЧЕНИЕ БЫТА И КУЛЬТУРЫ РАБОЧИХ-УЗБЕКОВ

В 1958—1959 гг.¹

Отдел этнографии Института истории и археологии Академии наук УзССР придает большое значение исследованию современности — быта и культуры рабочего класса и колхозного крестьянства. Оно координируется с изучением истории узбекского крестьянства и рабочего класса, осуществляемым другими отделами нашего института.

Изучение быта колхозного крестьянства начато несколько лет назад. На эту тему выпущено две книги: «Прошлое и настоящее селения Айкыран» (1957, авторы О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова) и «Колхозная семья в Узбекистане» (1959, автор М. А. Бикжанова). Обе книги написаны по материалам Наманганской области УзССР. В настоящее время группа сотрудников Отдела этнографии приступила к изучению культуры и быта колхозников Ташкентской области.

К изучению быта рабочих институт практически приступил только два года назад. Объектом исследования взяты предприятия сельскохозяйственного машиностроения республики — Ташсельмаш, Узбексельмаш, Чирчиксельмаш. Выбор этой отрасли промышленности определяется большой важностью ее для такой хлопкопроизводящей республики, какой является Узбекская ССР. Научный интерес к этой проблеме возрос еще и потому, что данная отрасль промышленности возникла лишь в годы Советской власти. Ташсельмаш — первенец тяжелой индустрии Узбекистана и детище первой пятилетки: два других завода построены в годы Великой Отечественной войны.

Отсутствие у узбекистанских этнографов опыта этнографического изучения рабочего класса, разработанной методики и публикаций по этой теме создает большие трудности при работе над этой сложной и актуальной проблемой. Неудивительно поэтому, что первые шаги мы делаем ощупью, отыскивая наиболее верные пути изучения культуры и быта рабочих в условиях нашей республики.

В основном приняты следующие методы работы: 1) непосредственное наблюдение и беседы с информаторами; 2) полное анкетное обследование; 3) сбор статистических данных из заводских архивов. Кроме того, проведено выборочное разностороннее обследование ряда рабочих семей и привлечены материалы периодической печати. Таким образом, в работе применен комбинированный метод сбора материалов, который дал возможность более глубоко проникнуть в круг изучаемых вопросов.

Наш двухгодичный опыт показал положительные стороны анкетного метода, рекомендованного Институтом этнографии Академии наук СССР. Он имеет то преимущество, что позволяет охватить основную массу рабочих, чего мы не можем сделать при обычном этнографическом обследовании. Анализ анкетных данных позволяет выделить типичные семьи для дальнейшего изучения, дает богатый материал по вопросам формирования рабочего коллектива, помогает собрать важные данные, касающиеся национального состава рабочей семьи, культурного уровня ее членов и т. д. На наш взгляд, метод анкетного исследования в работе этнографов оправдал себя.

В результате проведенной работы мы имеем анкетные данные о 1250 человеках, материалы по обследованию жилищно-бытовых условий 92 семей рабочих. Уже предварительное ознакомление с историей предприятий, с рабочими и их семьями, обследование их бытовых, в частности жилищных, условий, изучение состава семьи дали большой и интересный материал, помогающий уяснить пути формирования рабочего класса и выявить материально-культурный уровень рабочих.

В проводимых нами работах в первую очередь было обращено внимание на исследование путей формирования рабочего коллектива изучаемых заводов.

Факты показывают, что если, по определению В. И. Ленина, дореволюционный Туркестан являлся «...колонией чистейшего типа»² и что там почти не было промышленного пролетариата³, то благодаря заботам Коммунистической партии и Советского правительства Узбекистан за короткий исторический срок стал передовой промышленно-развитой социалистической республикой.

Как отметил Н. С. Хрущев, Узбекистан, как и другие советские республики, «...может потягаться со многими капиталистическими государствами по степени своего экономического развития»⁴.

Наши этнографические исследования и собранные статистические материалы показали, что обследованные нами предприятия имеют высококвалифицированных рабочих, в том числе и из местных национальностей. На этих заводах выявлено немало узбеков, принадлежащих ко второму, третьему и даже четвертому поколению рабочих: они составляют 58% всех рабочих-узбеков. Этот момент показателен для узбекского рабочего класса, сформировавшегося сравнительно недавно. Примечательно, что в этой

¹ Переработанный доклад, прочитанный на сессии, посвященной итогам экспедиционных археологических и этнографических исследований 1959 г. академий наук СССР и УССР (Киев, май 1960 г.).

² В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 323.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 215.

⁴ Н. С. Хрущев. Из речи на собрании избирателей Калининского избирательного округа г. Москвы. 15 марта 1958 г., «Правда», 1958 г., № 74.

среде наиболее активно происходит закономерный процесс втягивания в промышленность членов семей рабочих. Наши подсчеты показали, что у четвертой части рабочих обследованных заводов члены семей трудятся на этом же предприятии.

Факты показывают, что 80% узбеков, работающих на этих заводах, являются квалифицированными рабочими, управляющими современной сложной техникой, тогда как до революции лишь немногие узбеки работали при машинах, да и то самых примитивных.

Если в дооктябрьский период местные рабочие были сплошь неграмотными, то сейчас рабочие-узбеки обследованных нами заводов не только хорошо грамотны, но и овладевают различными профессиями, становятся рационализаторами, изобретателями, инженерно-техническими работниками. Многие рабочие имеют общее и техническое образование. Так, из 386 рабочих-узбеков Ташсельмаша 10 человек с высшим образованием, 20 — со средним техническим, 126 — со средним образованием, 154 — с неполным средним, 64 — с начальным образованием и лишь 12 человек — малограмотные⁵.

У рабочих-сельхозмашинистов неуклонно повышается общеобразовательный и профессионально-технический уровень. Для этого на предприятиях созданы все условия. При заводах имеются вечерние школы молодежи, вечерние машиностроительные техникумы, филиалы политехнических институтов и др. В 1958/59 г. всеми видами обучения было охвачено по трем заводам 4070 молодых рабочих, из них в высших учебных заведениях обучалось 197, в техникумах — 595 человек⁶. Это значит, что каждый третий молодой рабочий учится.

Партийные, профсоюзные и комсомольские организации заводов не только уделяют большое внимание технической учебе, но и ведут систематически большую политическую и культурно-массовую работу.

Неуклонный рост культурного уровня рабочих и повышение культуры труда непосредственно отражаются на общем облике рабочих и их семей, создают благоприятные условия для развития новых взаимоотношений в коллективе и семье.

Повышение материального благосостояния рабочих и рост их культурных запросов находят яркое отражение в изменении их жилищных условий.

Из этой сложной проблемы остановимся на некоторых характерных моментах. До сих пор многие рабочие местных национальностей и их семьи предпочитают жить в индивидуальном доме с небольшим участком.

Дело в том, что 75% рабочих заводов сельхозмашиностроения по своему социальному происхождению — крестьяне, люди, в прошлом связанные с землей. Поэтому многих из них еще сохраняется некоторая тяга к земле. Узбек испокон веков любит зеленый двор, прохладу в знойные летние дни, он девять месяцев в году проводит на открытом воздухе. Неудивительно, что значительное большинство рабочих-узбеков после трудового дня занимается у себя во дворе огородничеством, садоводством, цветоводством.

Предварительное обследование 842 рабочих семей показало, что в заводских и коммунальных домах проживает 346, в индивидуальных же, как типовых, так и нетиповых домах, — 496 семей. При этом из общего числа 496 застройщиков-рабочих 285 семей узбеков; 120 — русских. Другой пример. Заводом Узбексельмаш за восемь последних лет выделены участки для 526 индивидуальных домов, из них рабочие-узбеки получили 3157.

Для повышения культурного уровня узбекских рабочих большое значение имеет переход от старого типа жилищ к новому, который играет большую роль в изживании еще сохраняющихся кое в чем пережитков феодально-патриархального быта. Как известно, раньше узбекские дома были ограждены высокими стенами, не имели окон, выходящих на улицу. Их обитатели, особенно женщины, были оторваны от внешнего мира. Усадьбы и дома узбеков отражали затворничество женщин и отсталый быт дореволюционного Узбекистана. В дооктябрьский период и в годы становления Советской власти при строительстве жилищ строго разграничивали женскую и мужскую половину двора, поэтому подавляющее большинство местных домов делилось на женскую (ичкари) и мужскую (ташкари) половины. Вся жизнь женщин проходила в ичкаре, появление на мужской половине им запрещалось. Мужчины же большую часть времени проводили в ташкари, где они работали, отдыхали и принимали гостей.

Теперь эти унизительные обычаи исчезают из быта рабочих. Рабочие отказываются от тех традиционных форм в жилищном строительстве, которые остались в наследство от феодального периода. Если в старых домах рабочих сохранилось деление на две половины, то эти дома большей частью перестраиваются.

Так, токарь Чирчиксельмаша Абил Турсунбаев при реконструкции своего старого дома ликвидировал его деление на две половины, превратил ташкари в подсобное помещение и принимает теперь гостей в кругу своей семьи. Электросварщик Шарип Юсупов, сталевар Артык Ишматов, слесарь Розик Камбаров живут в новых домах,

⁵ Из полевых материалов автора, 1959 г.

⁶ Там же.

⁷ Из полевых материалов сотрудницы Института истории и археологии АН УзССР Г. Н. Дмитриевой, собранных ею во время экспедиционной работы в 1958—1959 гг. (в дальнейшем цит.: Из полевых материалов Г. Н. Дмитриевой).

состоящих каждый из трех комнат с террасой (айван). Самую большую комнату отдели под гостиную, где принимают своих друзей вместе со всей семьей и хозяин дома во главе.

Исчезновение ичкари в среде рабочих следует считать значительным прогрессивным явлением. Исследуя рабочие городки, поселки и дома, наблюдая за развитием вновь строящихся жилищ, мы были свидетелями того, как старые типы жилищ уходят в прошлое. Рабочие-узбеки строят теперь хорошо спланированные дома с окнами на улицу, удовлетворяющие культурно-бытовым запросам семьи. Старые дома перестраивают, настилают полы, ставят печи современного типа, делают побелку и — самое главное — пробивают окна на улицу.

Глубокие изменения в быту наблюдаются и в обстановке и убранстве дома. Современная мебель давно уже заменила многие характерные для старого быта предметы домашнего обихода. Наряду с этим сохраняются лучшие традиции национального убранства комнат — красивые сундуки, сложенные на них пестрые шелковые одеяла, ковры, хорошая фарфоровая посуда, красочные вышивки — сюзаны.

Наблюдается постепенный уход из быта так называемого сандала — жаровни с раскаленными углями, приспособленной для согревания. Над жаровней ставился покрытый ватным одеялом низкий столик, вокруг которого сидели, просушив ноги под одеялом, чтобы согреться; ныне сандал в подавляющем большинстве узбекских жилищ заменен голландской печью и русской плитой с обогревателем. Если сандал иногда еще встречается, то это лишь по привычке стариков.

Изменения во внутренней планировке и новое убранство комнат мы наблюдаем в доме слесаря Собира Холматова. Его дом одноэтажный, современного типа, крыша железная, двускатная, в доме три комнаты. Первая, большая комната, служит столовой и гостиной, во второй находится спальня, в третьей — детская. Имеются прихожая и кухня. Дом отопляется голландкой, в комнатах много мебели городского типа: кровати, шифоньеры, книжные этажерки и т. д.⁸ Вместе с тем в убранстве комнат сохраняются многие традиционные черты.

Аналогичные дома имеются у многих рабочих-сельхозмашинистов.

С повышением благосостояния семьи все больше сказывается стремление к украшению жилища, причем большое применение находят национальные архитектурные формы и узбекские орнаментальные мотивы. Вместе с тем в отдельных сторонах внешнего быта (жилище, пища, одежда), наряду с частичным сохранением традиционных форм, происходит активное освоение новой культуры. Духовная жизнь семьи характеризуется коренной ломкой старых устоев быта. Это происходит прежде всего благодаря коренному изменению положения женщины в семье и обществе. Равноправное участие наряду с мужчинами в производстве и общественной жизни повысило авторитет женщины и упрочило ее экономическую независимость. Жены рабочих стали хорошими советчицами мужа, распределителями семейного бюджета. Вместе с тем для них созданы все условия для повышения знаний и квалификации.

Неуклонно растет культурный уровень членов рабочей семьи. Здесь вырастают представители советской интеллигенции, во многих рабочих семьях дети получают не только среднее, но и высшее образование, становятся инженерами, техниками, врачами, педагогами и пр. Так, литейщик завода Ташсельмаш Абдул-Гани Пирмухамедов, имеющий тридцатилетний трудовой стаж, — со средним техническим образованием; его старший сын — врач, кандидат наук; другой сын — техник; сноха окончила десятилетнюю школу, работает лаборантом, другая сноха учится в заочном институте, младшие сыновья — школьники⁹.

Таким образом, в наши дни сложился тип семьи, включающей в свой состав рабочих и интеллигенцию. Это — одна из важнейших черт нового семейного быта рабочих-сельхозмашинистов.

Интересно отметить, что в некоторых семьях жены имеют более высокий уровень образования, чем их мужья. Например, в 21 семье узбекских рабочих Ташсельмаша мужья имеют неполное среднее образование, а жены — инженерно-технические работники того же завода. Такие браки не удивительны. Они объясняются тем уважением, которым в нашей стране пользуется труд индустриального рабочего, и высоким культурным уровнем рабочей молодежи. В свою очередь эти браки будут способствовать поднятию культурного уровня семьи.

Описанные черты быта и культуры узбекских рабочих и их семей всецело объясняются условиями советской действительности. Именно эти семьи являются авангардом в формировании новых черт духовного облика рабочего класса в период строительства коммунизма. Закономерно, что именно в рабочих семьях значительно раньше, чем в колхозном крестьянстве, пускает корни передовая коммунистическая идеология и более активно протекает процесс ломки традиционного уклада жизни, прежних семейных и бытовых отношений.

Ф. Арипов

⁸ Из полевых материалов Г. Н. Дмитриевой.

⁹ Там же.

СОВЕЩАНИЕ ИСТОРИКОВ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

(По материалам журнала «*Nghiên cứu lịch sử*»
 («Исторические исследования»), 1960, № 13, апрель, стр. 74—76).

В середине февраля 1960 г. в Ханое состоялось совещание Вьетнамского института истории, имевшее целью подвести итоги работы за 1959 г., обсудить мероприятия по осуществлению плана работы на 1960 г., наметить основные направления деятельности на ближайшее пятилетие, обсудить вопрос о создании «Общества вьетнамских историков». В совещании участвовали 124 чел.: сотрудники Института, работающие в Ханое и в других местах Северного Вьетнама, представители землячеств провинций Южного Вьетнама¹ и многие иностранные специалисты,—в том числе и советские,—изучающие историю и этнографию Вьетнама.

После отчетного доклада участники совещания работали по секциям: древней истории и археологии; новой истории; новейшей истории; истории Августовской революции 1945 г. в Южном Вьетнаме; истории столицы республики г. Ханоя; истории отдельных провинций; всемирной истории; этнографии.

Совещание отметило, что благодаря активности всех сотрудников Института удалось осуществить свой двухлетний план, закончив при этом ряд исследований.

Результаты работ по собиранию материалов и исследования были напечатаны в журналах, либо в отдельных публикациях. За это время на страницах журнала «Исторические исследования» шли дискуссии по многим важным вопросам, подведены предварительные итоги некоторых из этих дискуссий.

В области новой и новейшей истории велось изучение и ознакомление читателей с рядом вопросов по истории Партии трудящихся, написан труд «История 80 лет борьбы против французских колонизаторов» (т. I)², велось изучение земельного вопроса, классовой природы вьетнамской буржуазии и кулачества. Проводился сбор исторических материалов по периоду войны Сопротивления (1946—1954 гг.), по Августовской революции в Южном Вьетнаме.

По древней истории в Институте исследовались вопросы древнейшего периода истории Вьетнама, подведены итоги пятилетней дискуссии о характере рабовладельческого строя во Вьетнаме. Исследовались также: земельный вопрос, специфические черты развития феодализма во Вьетнаме, развитие товарной экономики в период феодализма. Осуществлен перевод ряда книг, написанных ранее вьетнамскими авторами на китайском языке. Так, были переведены и опубликованы «Зы диа ти»³, «Кыэнг мук»⁴, «Вьет шы Лыок»⁵. Целиком переведен труд «Лить чьеу Хиен чыонг»⁶, переведена большая часть Истории Вьетнама «Дай нам тхык лук»⁷.

В области археологии Институт приступил к рассмотрению результатов археологической работы в период французского господства. Обсуждались находки при раскопках в Фу Тхо, Тхань Хоа, Ко Лоа⁸.

С середины 1959 г. Институт стал организовывать работу по этнографии и знакомить читателей с опытом этнографической деятельности Советского Союза, Китая, приступил к сбору материалов для этнографического описания ряда народов; начато изучение некоторых малых народов Северного Вьетнама, изучались материалы о борьбе малых народов Южного Вьетнама за освобождение.

По всемирной истории коллективом сотрудников Института закончен очерк истории Камбоджи; велось изучение взаимоотношений между Вьетнамом и Лаосом

¹ Эти землячества состоят из жителей Южного Вьетнама, находящихся в ДРВ.

² Книга Чан Хюй Льеу «История 80 лет борьбы против французских колонизаторов с конца XIX в. до 1930 г.» вышла в Ханое в 1956 г.

³ Книга «Зы диа ти» (Исторические записки) написана в 1435 г. Автор этой работы Нгуен Чай — политический деятель, дипломат, поэт XV в. Это самая древняя работа по истории и географии Вьетнама.

⁴ «Кыэнг мук» (Зерцало истории) — история Вьетнама с древнейших времен до 1769 г. Написана в 1856—1884 гг. коллективом авторов во главе с Фань Тхань Жан.

⁵ «Вьет шы Лыок» (Краткая история Вьетнама), написана в 1377 г.

⁶ Книга Фан хюй Чу «Лить чьеу Хиен чыонг» (Установления и обряды по династийным хроникам) написана в 1821 г.; включает сведения о полководцах, быте населения, финансах государства и т. п.

⁷ «Дай нам тхык лук» (История Вьетнама) написана в 1852 г.

⁸ Фу Тхо — провинция Северного Вьетнама; в конце 1954 г. здесь в деревне Ко Ньеу обнаружена неолитическая стоянка. Тхань Хоа — провинция Северного Вьетнама. Ко Лоа — столица древнейшего вьетнамского государства, ныне находится в провинции Фукэн (Северный Вьетнам); в 1959 г. там найдены многочисленные бронзовые стрелы.

⁹ Эдэ, джаран, банар — малые народы, живущие в горных районах южной части Центрального Вьетнама.

в период феодализма; изучалась история вьетнамо-лаосской границы, а также история народов Востока после Октябрьской революции.

В 1959 г. Институт поручил нескольким работникам написать историю столицы Ханоя. К началу 1960 г. большая часть этого труда была написана. Участники совещания обратили внимание Института на необходимость добиться, чтобы история стала делом масс, чтобы массы участвовали в создании подлинной вьетнамской исторической науки. Наряду с этим Институт оказал помощь друзьям из социалистического лагеря в их работе по Юго-Восточной Азии, познакомив их с основными этапами истории Вьетнама.

Достижения коллектива Института в 1959 г. подготовили почву для выполнения плана 1960 г. и двухлетнего плана работы Института.

В 1960 г. в области новой и новейшей истории Институтом проводится работа по сбору материалов и написанию истории Вьетнама со времени после Августовской революции 1945 г. до восстановления мира во Вьетнаме (1954 г.), по истории Августовской революции во всей стране (навстречу 15-й годовщине Августовской революции). Заказывается «История 80 лет борьбы против французских колонизаторов», накапливаются материалы для написания книги по новой истории, продолжается несколько работ, начатых в 1959 г.

По древней истории Институт продолжает исследование вопросов, начатое в 1959 г. завершается перевод и подготавливается опубликование «Кыэнг мук», «Лить чьеу Хие чыонг», «Дай нам тхык лук».

По этнографии Институт продолжает изучение ряда малых народов Северного Вьетнама; впервые ставится исследование изменений в жизни рабочих и крестьян народа кинь (вьетнамцев) после Августовской революции, ознакомление с традициями сплоченности и с борьбой малых народов Южного Вьетнама против империалистов, начинается предварительное изучение народов эдэ, джарай, банар⁹, критическое рассмотрение материалов, собранных в период господства французских колонизаторов.

В области всемирной истории Институт изучает историю Камбоджи и Лаоса, взаимоотношения между Вьетнамом и некоторыми другими странами Востока.

Для выполнения этих задач Институт создает широкую сеть корреспондентов, привлекая к сотрудничеству работников разных учреждений и представителей разных слоев населения.

Фан Хау За

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

А. С. Бежкович, С. К. Жегалова, А. А. Лебедева, С. К. Просвирина. *Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры. Определитель*. М., 1959, 254 стр. + 34 листа вклеек.

Рецензируемый труд, подготовленный Научно-исследовательским институтом музееведения, имеет целью дать основу для определения отдельных предметов материальной культуры и времени их бытования. Авторы не ставили перед собою задачу теоретического и исторического исследования. Здесь дано лишь систематизированное описание бытовавших с конца XVIII до начала XX в. различных предметов и орудий, связанных с земледелием, скотоводством, крестьянскими обрабатывающими и добывающими промыслами, а также средств передвижения, различных частей жилища и внутренней обстановки жилого помещения.

Издание подобной работы — своевременное и чрезвычайно полезное дело. На протяжении XIX в. в музеях накапливался вещественный материал по крестьянскому жилищу, хозяйству, одежде и другим элементам культуры. Однако сбор коллекций всегда сопровождался соответствующей научной паспортизацией, что снижает ценность многих экспонатов, находящихся в фондах музеев, и не дает возможности использовать их в экспозиции. Достаточно сказать, что из четырехсот предметов, входящих в русские коллекции Этнографического музея при Казанском университете, более половины не имеют точной датировки. Аналогичное положение наблюдается в краеведческих музеях Ульяновска, Куйбышева, Саратова и других городов, а также в более мелких музеях (в Бугульме, Чистополе, Пугачеве, Вольске и др.).

Рецензируемое издание должно помогать музейным работникам в научном определении коллекций. Оно окажет также существенную помощь историкам, занимавшимся изучением крестьянского хозяйства, учителям, краеведам и всем, кто интересуется культурой и бытом дореволюционной русской деревни. Оно будет полезно писателям, художникам, театральным деятелям, кинороботникам, отражающим в своих произведениях прошлое русского народа.

Книга состоит из шести глав, 179 иллюстраций, данных в приложении (кроме 106 рисунков, включенных в текст). К сожалению, с технической стороны их нельзя признать вполне удовлетворительными. Предметный указатель облегчает пользование определителем. Основная литература указана после каждой главы.

В первой главе дается характеристика земледельческих орудий, применявшихся в крестьянском хозяйстве с конца XVIII до начала XX в. Очень подробно описаны некоторые орудия: соха, ее основные части и многочисленные разновидности с указанием районов их бытования, а также различные виды косуль, сабанов, плугов. Показан процесс изменения и усовершенствования пахотных орудий, связанный в основном с развитием в России капиталистических отношений. Так же обстоятельно описаны орудия для ручной обработки пашни, посева и уборки урожая, провеивания и сортировки зерна. Иллюстрации помогают читателю разобраться в разновидностях этих орудий и несложных, но оригинальных приспособлениях, способствовавших облегчению тяжелого труда земледельца. В этой же главе описаны инструментальный и различные предметы, применявшиеся при уходе за скотом и птицей (соломорезка, кошел для корма, «зобня» и др.).

Вторая и третья главы посвящены крестьянским добывающим и обрабатывающим промыслам. Авторы умело систематизировали обширный музейный и литературный материал, касающийся орудий обработки волокнистых веществ, шерсти, тканей.

Подробно описаны разнообразные оригинальные способы ловли зверей и птиц без стрелы и орудия. Дана сводка орудий и способов рыболовства. К сожалению, этот раздел работы очень мало иллюстрирован.

Крестьянское жилище хорошо описано в этнографической литературе последних лет как для восточных славян вообще, так и для русского населения отдельных областей нашей страны, поэтому в определителе дана лишь краткая, но обстоятельная сводка имеющегося в литературе материала, показаны виды жилых крестьянских построек, элементы жилого дома, строительные материалы. Большое внимание уделено в том же плане и хозяйственным постройкам (клетки, амбары, скотные избы, сараи, приспособления для сушки хлеба, бани, колодцы, мельницы, изгороди). Содержание этой части дает возможность хорошо представить разнообразие русского народного жилища по отдельным районам и изменение его на протяжении XVIII—XX в.

Пятая глава посвящена внутренней обстановке крестьянского жилища. Здесь описаны меблировка (скамьи, стулья, столы, кровати), приспособления для освещения избы, сундуки и короба для хранения домашних вещей, а также домашняя утварь для приготовления пищи, выпечки и хранения хлеба, для хранения зерна, муки, сол, приспособления для сбора ягод, грибов и пр. Материал, приведенный в работе, показывает, с каким умением, старанием, изобретательностью, художественным вкусом делал крестьянин все необходимое в быту. Об этом свидетельствуют иллюстрации изображающие разнообразные солоницы, ковши, блюда и другие предметы с резным орнаментом или росписью, нередко сюжетной.

В последней, шестой, главе описаны средства передвижения — сухопутные и водные. По данному вопросу каких-либо обобщающих работ еще не создано. Имеются лишь краткие характеристики средств передвижения для отдельных групп русского населения (что касается сруби и упряжи, то и этого нет). Рецензируемая работа в некоторой степени восполняет этот пробел. Сухопутные средства передвижения делятся на волокушные, полотовые и колесные. Описание каждой группы иллюстрировано прекрасными рисунками, выполненными по материалам Государственного музея этнографии в Ленинграде К. А. Бежкович.

Некоторые дополнения, по нашему мнению, повысили бы ценность этого полезнаго издания. Определителю следовало бы предпослать введение, кратко характеризующее русское население нашей страны, его формирование и этнические особенности. Было бы хорошо приложить к работе географическую карту с выделением в ней основных этнографических районов. Современная изученность русского населения нашей страны позволяет это сделать. Конечно, все это можно найти в специальной, весьма обширной литературе, но нужно учитывать, что определитель рассчитан не только на специалистов — историков и этнографов, но и на широкие круги читателей.

Определитель желательно было бы дополнить описанием способов укладки снопов, хранения хлеба на гумнах, дать классификацию усадеб по типу связи, а также планировки населенных пунктов. Многие из связанного с этим вопросом не может быть решено на основе музейных коллекций, как это сделано для большинства вошедших в определитель элементов материальной культуры, но совсем не обязательно было придерживаться такого принципа. Ведь в фондах музеев имеется много неподходящих иллюстраций, картин, фотоснимков, изображающих общий вид населенных пунктов, луга со стоящими на них стогами сена, поля с копнами сжатой ржи и т. п. Все это также требует определения. Кроме того, поскольку определителем будут пользоваться писатели, художники, режиссеры, необходимость таких дополнений очевидна.

Русское население авторами Определителя не подразделяется на этнографические группы, и отдельные элементы культуры рассматриваются без учета локальных особенностей этих групп. Следует учитывать, что, например, разнообразие изгородей связано не только с наличием того или иного материала, как это указано на стр. 166—167 (географической среде вообще в книге придано очень большое значение), но и с этническими традициями. Известно, что прясло типично для северной деревни и ведет начало со времен древней Руси, а плетень характерен для южных великорусов. Б. А. Кудрин отмечал, что отсутствие плетневых построек на севере не может объясняться отсутствием тальника, ибо тальник имеется, а плетень делать не умеют¹. Подобная нерасчлененность материала не дает возможности использовать Определитель для правильного воспроизведения облика русской деревни XIX в. различных районов нашей страны.

Имеются в Определителе и отдельные неточности. На стр. 137 граница распространения построек с земляным полом (середина XIX в.) на территории, расположенной к востоку от Москвы, проводится несколько южнее широты, на которой лежит Москва; в действительности же на обширных пространствах средневолжских губерний земляной пол для середины XIX в. отмечен автором настоящей рецензии как единичное явление и то далеко не во всех уездах б. Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Уфимской губерний. На стр. 124 утверждается, что в лесных губерниях кирпичные постройки возводили «только наиболее зажиточные крестьяне». Однако известны примеры, когда в лесных районах было много кирпичных домов и у среднего населения вследствие того, что наличие хороших глин и развитое кирпичное производство позволяли крестьянам строить кирпичные дома с меньшей затратой материальных средств, чем срубные.

¹ Б. А. Кудрин, Типы и элементы жилища, М., 1929, стр. 14.

Раздел работы о внутренней обстановке жилого помещения был бы значительно ячее, если бы была дана планировка жилого помещения. Известно, что в дореволюционное время каждая вещь в избе занимала точно определенное место. Различия при этом обуславливались этническими особенностями отдельных групп восточных славян и социально-экономическими факторами. Следовало бы для всех предметов обстановки или утвари указать их место в крестьянском жилище, как это сделано для некоторых из них (кровать, колыбель и др.).

Описывая земледельческие орудия, элементы жилища, средства передвижения, авторы указывают бытующую местную терминологию. Это очень важно, но, к сожалению, сделано далеко не полно и не для всех описываемых элементов культуры. Не указаны, например, такие широко распространенные термины, как «карда», «калда» (загороды для скота), «попона» (одеяло), «тябло» (божница) и др.

Среди иллюстраций отсутствует изображение печи, битой из глины, хотя в некоторых селениях такие печи бытуют еще весьма широко; нет и старинных пастушьих блях.

На стр. 152 сказано, что «в селениях с украинским населением кладовые назывались коморами»; неясно, бытовал ли этот термин в селениях с русским населением. Ведь это издание — определитель хозяйства и быта русских крестьян, а не украинских.

Заканчивая рецензию, можно повторить, что в целом этот обстоятельный и хорошо изданный труд окажет большую помощь всем, кто интересуется хозяйством и бытом русских крестьян до Октябрьской революции.

Можно лишь пожелать, чтобы такие определители были изданы и по другим народам СССР.

Е. П. Бусыгин

О. Л. Кульчицька. *Народний одяг західних областей УРСР*. Київ, 1959.

Украинский государственный музей этнографии и художественного промысла (г. Львов) издал альбом этнографических зарисовок народного художника Украинской ССР Е. Л. Кульчицкой. Елена Львовна Кульчицкая, выдающийся деятель советского украинского искусства, много сделала для изучения быта украинского народа. В течение ряда лет (1928—1946), пройдя пешком всю территорию Западной Украины, художница выполнила серию зарисовок с натуры, уделив особенно большое внимание украинской народной одежде.

Альбом состоит из 74 красочных таблиц, на которых более 100 рисунков. Выход в свет такого альбома — большая радость для всех, кто любит и ценит народное искусство. Вместе с тем это издание представляет большой научный интерес, так как зарисовки, помещенные в нем, документальны и могут служить источником для работы этнографа, историка, искусствоведа, художника. Е. Л. Кульчицкая не только высокоодаренный художник, но и вдумчивый исследователь. Рисунки ее, выполненные с большим художественным чутьем, живы, правдивы и вместе с тем даются с нужной для этнографа точностью. В них хорошо виден общий силуэт костюма, покроя его: фигуры даны в различных поворотах, иногда — сзади и сбоку. В ряде таблиц красочный рисунок одежды дополнен карандашными набросками. Крупным планом показаны головные уборы, способы повязывания намиток и платков, а также такие детали, как застёжки, вышивки, бисерные украшения и т. д.

Художница показала богатый колорит народной украинской одежды и с любовью отразила в зарисовках орнаментальное искусство украинцев западных областей, дав это не изолированно, а в тесной связи с бытовыми предметами. Рисунки хорошо аннотированы — указана народная терминология одежды, ее материал, время и место бытования и т. д.

Альбом рисунков Е. Л. Кульчицкой восполняет один из больших пробелов, имеющих в изданиях художественного иллюстративного материала по народному костюму и орнаменту восточнославянских народов. В издании такого материала крайне нуждаются практические работники театра, кино, художественной самодеятельности и пр. К сожалению, таких изданий мало. А главное — то немногое, что опубликовано, крайне неудовлетворительно либо с научной, либо с художественной стороны. Вольное обращение составителей с подлинниками, представление костюмов в упрощенном или модернизированном, т. е. искаженном, виде лишает эти материалы научной ценности. Подобные вольности имеют место, например, в двух сериях открыток «Русская народная одежда» (М., 1957), подготовленных Всесоюзным домом народного творчества им. Н. К. Крупской по коллекциям Государственного музея этнографии народов СССР. К тому же эти открытки выполнены на крайне низком художественном уровне. Нередко составители альбомов игнорируют принцип строгого художественного отбора образцов народного искусства (в которое, как известно, проникали и вредные антихудожественные влияния), и в альбомах публикуются, а тем самым пропагандируются, так называемые «брокеровские» узоры (см., например, рис. 8, 9, 10, 14, 15, 16, 23—2, 25—2, 41 и др. в разделе «Народная вышивка» альбома «Беларуски народ-

ны арнамент», Минск, 1953). Иллюстрации во многих из таких изданий плохо аннотированы.

Рецензируемый труд выгодно отличается от этих публикаций и может послужить одним из образцов художественных иллюстраций по народному костюму. Кроме зарисовок, в альбоме имеется текстовая часть на трех языках: украинском, русском и английском. Она состоит из статьи И. Ф. Симоненко (стр. 3—7) и аннотаций (стр. 9—15). В статье автор выделяет пять основных типов народной одежды западных областей Украины и выявляет в них общеукраинские, а также общевосточные черты. Но некоторые положения, высказанные в статье, спорны. В частности, не обосновано категорическое утверждение, что наиболее древним типом сорочки, известным всем восточным славянам, является сорочка со сплошным рукавом (испелница).

Статья подчеркивает этнографическое значение рисунков Е. Л. Кульчицкой, а помещенная схематическая карта, наглядно показывающая распространение основных типов народной украинской одежды западных областей Украины, помогает читателю ориентироваться в «географии» зарисовок одежды, сделанных Е. Л. Кульчицкой.

Г. Маслов

Л. И. Якунина. *Якутская резная кость*. Якутск, 1957, 80 стр., 64 илл.

К 325-летию вхождения Якутии в состав Российского государства в г. Якутске издана работа об одном из замечательных видов якутского прикладного искусства XVIII—XIX вв. — художественной резьбе по мамонтовой кости. Автор исследования — старший научный сотрудник Государственного исторического музея Л. И. Якунина — стремился познакомить читателя с художественными особенностями произведений якутских резчиков XVIII—XIX вв. и показать, что в основе творчества народных мастеров лежала повседневная жизнь якутов со всеми ее особенностями. Якутские костережные изделия представляют поэтому не только большой художественный интерес, они являются в то же время своеобразным источником для изучения быта якутского народа.

В первой главе книги рассказывается о материале для костяных изделий. Ряд источников XVIII—XIX вв. свидетельствует об обилии находимой в Якутии мамонтовой кости, которая шла на костережные поделки. К XIX в. добывание мамонтовых бивней стало своеобразным промыслом, так как спрос на сырье этого рода был достаточно велик. Помимо мамонтовой кости, резные изделия изготовлялись также из моржовых клыков, так называемых рыбьих зубов, «рыбьей кости». Клыки моржа ценились дороже мамонтовой кости, и в древней Руси это сырье даже являлось собственностью казны. Приведенные в главе выдержки из различных источников свидетельствуют о значительном месте мамонтовой и моржовой кости в торговом обороте якутского рынка, о широком вывозе этого сырья в центр России.

Небольшая по размеру вторая глава знакомит с основными предметами резьбы по кости в Якутии XVIII—XIX вв. В основном это были бытовые предметы, как шкатулки, ларцы, рамки, грени, подчасники и т. п. Изготовление этих резных предметов возникло в Якутии в известной мере в подражание русской костережной школе. Но изделия якутских мастеров в художественном отношении и по техническим приемам довольно самобытны и имеют свои особенности. Автор показывает отличительные черты якутских костережных изделий этого времени от произведений подобного рода, сделанных руками русских мастеров в других костережных центрах нашей страны. Якутские ларцы и шкатулки состоят из цельных костяных пластинок размером до 30—40 см, составляющих стенки, крышку, часто и дно изготовленного предмета. Причем спрятаясь упомянутые изделия без деревянной основы, тогда как русские костяные изделия состоят из деревянной основы с прикрепленными на нее костяными пластинками, размер которых в большинстве своем ограничен 8—10 см. Резьба на якутских изделиях, как правило, размещалась на всех четырех сторонах тулова с заполнением всего пространства костяных пластинок.

Важнейшая особенность художественного приема якутских костережников XVIII—XIX вв. — обязательное, за редкими исключениями, наличие в костережных изделиях прорезного, решетчатого (сквозного с косой сеткой) фона. При этом сюжетный рисунок резьбы не выступает рельефно, а образует с фоном единую, ровную поверхность.

Наиболее интересна для исследователей-этнографов третья глава книги «Тематика костяных изображений». Якутские костережные изделия отличаются не только художественным мастерством исполнения, но и необыкновенно точной, детальной передачей разнообразных сцен и явлений из жизни якутов. Так, по резным изображениям можно проследить различные типы жилищ, бытовавших в Якутии в разное время года. Мастера-резчики довольно часто изображают как летние (ураса), так и зимние (юрта) постройки якутов.

Большое значение в жизни якутов имело коневодство. Поэтому наиболее распространенной тематикой в костережных изделиях является изображения коня и связанных с ним событий. Конские головы, лошади у коновязей (сэргэ), транспортировка

грузов, езда верхом, приготовление и потребление кумыса — далеко не полный перечень связанных с коневодством изображений. Особый интерес представляет передача в резьбе по кости эпизодов охоты — одного из важных промыслов в жизни якутов.

Ряд изображений связан с обычаями и обрядами. Особенно часты сцены, относящиеся к весеннему празднеству «ысыах»: танцы, борьба, ритуал потребления кумыса и т. п. В резьбе находит также отражение шаманское камлание, встречается изображение ритуальных одежд и утвари. Причем совершенно отчетливо, иногда со всеми мельчайшими деталями, передаются различные сосуды, необходимые для приготовления, хранения и потребления кумыса: чороны, холлогосы, кытыйи, семиры и др.

Нередко в небольших по размеру изображениях различаются покрой одежды и обуви, их составные части, отдельные украшения, элементы орнамента. Некоторые изображения позволяют судить о торговых и культурных связях якутов того времени с русским, китайским и другими народами.

Достоинством книги является привлечение ее автором к исследованию материалов из письменных источников и использование устных сведений и сказаний народного эпоса. Эти данные помогают еще больше утвердить правдивость и жизненность изображений в якутской резьбе по кости XVIII—XIX вв.

Последняя глава книги посвящена особенностям орнамента в якутских костережных изделиях, его назначению и роли в общих художественных композициях. Примечательной особенностью якутского костережного искусства автор считает мастерское соединение художественно-декоративных приемов с передачей сцен из окружающей действительности, умение подчинить реалистические детали общему декоративному замыслу.

В работе вкратце говорится о пути якутского костережного искусства после Великой Октябрьской социалистической революции, когда перед мастерами-костережами открылись широкие возможности для развития их творчества.

В заключение автор обращает внимание читателя на то, что «...сцены из трудовой и бытовой жизни народа, запечатленные самим народом, являются наиболее достоверным источником по изучению жизни якутов». Таким образом, изображения на якутских костережных изделиях представляют собой ценные дополнения к иллюстративным источникам по якутской действительности XVIII—XIX вв.

Примечания к основному тексту книги являются существенным дополнением к исследуемому вопросу. Альбом из 64 иллюстраций с подробными аннотациями и описаниями помещенных в альбоме костережных изделий, а также список использованной литературы дополняют научное и познавательное значение книги Л. И. Якунина.

Существенный недостаток книги — некоторая небрежность в ее издании. Так, например, ряд ссылок на иллюстрации и некоторые аннотации не корреспондируют с изображениями. Лучшего оставляет желать качество иллюстраций. Вызывает недоумение предельно незначительный тираж издания (500 экз.). При таком тираже книга не только не дойдет до массового читателя, но и не попадет в те музеи, научно-исследовательские учреждения, художественные организации, где она необходима. Напрашивается вопрос о ее переиздании.

Б. Н. Вампилов, А. Ф. Червяков

Э. Т. Карапетян. *Армянская семейная община*. Ереван, 1958. 142 стр.

Изучение семейной общины у народов Кавказа ведется с 80-х гг. XIX в. Большая семья у осетин, карачаевцев, чеченцев, грузин, армян и ряда других народов Кавказа довольно подробно описана в работах М. М. Ковалевского, Н. Харузина, Б. Миллера, Н. Л. Абазадзе, Е. Лалаяна и др. Особенно велика в этом деле заслуга крупнейшего дореволюционного русского исследователя-кавказоведа М. М. Ковалевского, который первый открыл существование этой формы семьи на Кавказе. Труды М. М. Ковалевского были положительно отмечены Ф. Энгельсом. Тем не менее в теоретическом отношении семейная община оставалась долгое время недостаточно изученной, поскольку отсутствовал исторический подход к ее исследованию и она рассматривалась как некая статическая организация, остававшаяся неизменной на всем протяжении своего существования. Точка зрения на большую семью как на явление исторического порядка, обладающее «собственной внутренней историей, изучение которой является основным средством к ее познанию», впервые была высказана советским этнографом М. О. Косвенем. В работах этого ученого содержится общая характеристика семейной общины на различных этапах исторического развития и выделяются два основных ее типа: демократический и отцовский, или деспотический¹. Первый из этих типов свойственен ранним ступеням развития семейной общины, второй — более позднему времени. На последнем этапе своего существования, в условиях классового общества

¹ М. О. Косвен, Семейная община (Опыт исторической характеристики), «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 31.

и широкого развития товарно-денежных отношений, подтачивающих самую основу большой семьи, последняя, чтобы уцелеть, вынуждена зачастую вновь возвращаться к прежнему демократическому строю, который устанавливается уже на качественно иной основе. Начертанная схема развития семейной общины, разработанная М. О. Косвенюком, полностью воспринята Э. Т. Карапетяном и воспроизведена ею в рассматриваемой работе. На конкретном материале автор стремится проследить эволюцию отдельных сторон армянского гердастана (большой семьи), не получивших достаточно полного отражения в работах других армянских исследователей этого социального института.

Рецензируемая книга состоит из введения, в котором излагается историография вопроса и характеризуются положенные в основу работы источники, и двух глав: «Состав армянской семейной общины» и «Имущественно-трудовые и правовые взаимоотношения в армянской семейной общине». Работа построена на полевых материалах, которые Э. Т. Карапетян собирала в течение 1952—1955 гг. в различных районах Армении, и привлеченных ею литературных источниках.

В первой главе автор подробно рассматривает по поколениям состав армянского гердастана, круг входивших в него лиц, подчеркивает кровнородственный характер этой организации, приводя любопытные свидетельства различных собирателей о существовании особого института усыновления, действовавшего при приеме в гердастан сторонних лиц, что убедительно опровергает теорию «трудового начала» в большой семье. В главе показывается также, как в ходе исторического развития шло неуклонное сокращение состава армянской семейной общины, из которой постепенно исключались отдаленные родственники по нисходящей и боковой линиям. В условиях классового общества в составе армянского гердастана происходили и другие изменения в рабовладельческую эпоху в него включались домашние рабы, а в период феодализма — дворовые слуги, работники (стр. 59). В позднефеодалной Армении пережитки домашнего рабства способствовали возникновению так называемого института нокарутюна (нокарства), суть которого заключалась в том, что работавшие в богатых семьях наемные батраки (по своему социальному положению свободные малоземельные или обезземельные крестьяне), не будучи членами гердастана, жили и обслуживались в нем наравне со всеми другими лицами семьи. Таким образом, институт нокарства представлял собой не что иное, как откровенную эксплуатацию чужого труда, прикрытую оболочкой патриархально-семейных отношений, выдержанной в духе «добрых» старых времен. И хотя автор не вскрывает до конца указанной реакционной сущности нокарутюна, тем не менее по глубине исследования страницы, посвященные этому институту, являются одними из лучших в книге.

Вторая глава рассматриваемой работы посвящена выяснению экономической основы армянского гердастана, правовым и трудовым взаимоотношениям его членов и принципам раздела общесемейного имущества. Автор детально исследует характер земельной собственности армянской семейной общины в различных районах исторической Армении, устанавливая тесную зависимость общины от существовавших систем разверстания земли. Как одна из важных составных частей коллективной собственности большой семьи столь же подробно рассматривается жилище (тун) с сопровождающими хозяйственными постройками. Объекты внимания автора — распределение жилой площади в доме в хозяйственном и семейном отношении, изменения в планировке жилища, происходящие в связи с разделением семейной общины на дочерние семьи, отождествление в народной этимологии семьи с жилищем и т. д. В разделе «Трудовые взаимоотношения в армянской семейной общине» выявляется существовавшее в гердастане поло-возрастное разделение труда, обусловленное общесемейной коллективной собственностью и коллективным потреблением продуктов труда.

Много внимания уделяется в книге вопросу распределения семейного имущества при разделе гердастана. Автор отмечает, что принцип поколенного раздела движимой и недвижимой собственности (за исключением пищевых запасов), имевший место в общине во второй половине XIX в., уходит своими корнями в далекую древность и фигурирует уже в кодексе Хаммурапи и в средневековом армянском законодательстве. Вместе с тем раздел земли в большей мере определялся существовавшей системой ее разверстания, а в последние десятилетия XIX в. наделенные земли, находившиеся в пользовании семейных общин, как правило, уже всегда делились подушно, в чем сказывались усиление частнособственнических тенденций в среде армянского крестьянства и дальнейшее его расслоение. Тем не менее, как правильно подмечает автор, преобладание поколенного раздела земли над подушным до самого конца прошлого столетия свидетельствует о том, что в этот период имел место еще не распад больших семей на малые, а сегментация их на такие же большие семейные общины, которые продолжали пользоваться выделенными им долями общесемейного имущества на прежних коллективных началах (стр. 101).

Последний раздел книги посвящен правовым взаимоотношениям, существовавшим в армянской семейной общине, и показу роста власти главы семьи (тантера), который постепенно узурпировал все права коллектива. На основании литературных известий автор пытается показать, как на смену прежней демократической семейной общине приходит гердастан с ярко выраженной властью отца — единоличного распорядителя всех дел и имущества семьи. На последней стадии существования гердастана в результате развития частнособственнических и сепаратистских тенденций

время на время возрождаются демократические порядки, которые, однако, являются уже не выразителями прежнего мира и согласия, а проявлением в среде гердастана непримиримых противоречий (стр. 133). В заключение работы автор вновь суммирует все основные выводы, отмечая также значительные факторы, которые оказывали влияние (затормаживающее или ускоряющее) на ход развития армянской семейной общины.

В целом работа Э. Т. Карапетян, в которой на конкретном армянском материале исследуется предложенная М. О. Косвенюм схема развития большой семьи, представляет значительный интерес и, несомненно, является заметным вкладом в историко-этнографическую литературу об Армении.

В. Кобычев

Б. В. Лунина. *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917)*. Ташкент, 1958, 320 стр.

До середины прошлого столетия Средняя Азия была известна мировой науке преимущественно по сообщениям отдельных путешественников, которые не только не давали исчерпывающих и обобщающих сведений по истории экономической и культурной жизни среднеазиатских народов, но порой сами факты передавали в искаженном виде. Со второй половины XIX в., после присоединения среднеазиатских ханств к России, начинается более широкое изучение края. Непосредственные наблюдения над жизнью и бытом местного населения, как и над памятниками материальной и духовной культуры, а также открывшийся доступ к местным рукописным источникам создали более благоприятные условия для накопления и изучения историко-археологических и этнографических материалов по Средней Азии.

Преодолевая косность местной администрации, передовые русские ученые и краеведы шаг за шагом разворачивали неутомимую деятельность по изучению природы и истории обширного Туркестанского края. Выдающийся критик-демократ В. В. Стасов отмечал, что в те времена «на обязанности наших исследователей лежало передать во всеобщее известие как России, так и Европы, о тех художественных и этнографических сокровищах, которые таятся в неведомых до сих пор среднеазиатских странах», в отношении которых «издревле мы чувствуем взаимное влияние, находясь в старинных связях и близких отношениях»¹.

В выполнении этой благородной задачи большую роль сыграли создававшиеся в то время по инициативе виднейших русских ученых различные научные общества — Туркестанский кружок любителей археологии (ТКЛА), Туркестанский отдел Русского географического общества, Туркестанское общество сельского хозяйства, ташкентские отделения Русского технического общества, Общества востоковедения и другие.

Изучению деятельности одной из дореволюционных научно-краеведческих организаций и посвящена рецензируемая книга Б. В. Лунина, представляющая собой одну из немногих публикаций историографического характера по Средней Азии, а частично и по русскому востоковедению вообще.

В основу работы положено освещение более чем двадцатилетней деятельности Туркестанского кружка любителей археологии. Этот кружок внес заметный вклад в дело накопления первичных материалов и фактических данных о памятниках материальной и духовной культуры народов Средней Азии. Следует отметить, что деятельность названной организации получила у Б. В. Лунина исчерпывающее освещение.

Б. В. Лунина убедительно показывает, что Туркестанскому кружку любителей археологии, как и другим научным обществам, приходилось работать в трудной обстановке, не находя поддержки со стороны царской администрации, располагая мизерными, часто случайными средствами и весьма ограниченными кадрами.

К работе Туркестанского кружка любителей археологии приложимы слова о том, что научные общества России конца XIX и начала XX в. «не носили официального характера, никогда не отдавали себя на службу царизму» и имели «преимущественно общественный характер»².

Заслуженой автора является то, что, исходя из указания В. И. Ленина о двух культурах в каждой национальной культуре, он сумел показать наличие, с одной стороны, демократического, с другой — буржуазно-дворянского течений в деятельности Кружка. Из книги явствует, что с самого начала создания ТКЛА в нем действовали носители двух тенденций: с одной стороны, — сановники, генералы, высокопоставленные чиновники и прочие выразители реакционных политических взглядов, представители царской администрации типа известного туркестановеда Н. П. Остроумова; с другой стороны, — выразители настроений прогрессивно мыслящей интеллигенции: учителя, врачи, инженеры, агрономы, рядовые служащие и чиновники. Именно эта часть членов Кружка и внесла значительный вклад в прогрессивное направление туркестановедения.

¹ В. В. Стасов, Собр. соч., т. II, СПб., 1894, стр. 696.

² С. П. Толстов, *Этнография и современность*, «Сов. этнография», 1946, № 1, стр. 6.

Критический подход к изучаемым материалам позволил автору книги дать объективную характеристику работы Кружка в целом и наиболее активных его представителей, из числа которых вышел ряд крупных ученых, чья деятельность в значительной мере развернулась уже при Советской власти (М. С. Андреев, Н. Г. Маллицкий, А. А. Семенов и др.).

Автор справедливо подчеркивает, что Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории, вызвала глубокий раскол в среде дореволюционной интеллигенции, из которой вышли многие члены ТКЛА. Некоторые из них будучи в прошлом представителями царской администрации (Н. П. Остроумов, Н. С. Лыкошин), оказались не у дел. Известный своими трудами, в частности в области этнографии, в свое время человек прогрессивных взглядов В. П. Наливкин, представлявший в годы первой русской революции, по выражению В. И. Ленина, явление «персонального перехода от буржуазии к пролетариату»³, в силу своего неустойчивого мировоззрения оказался впоследствии в плену меньшевизма и наложил пятно на свое имя попытками бороться против молодой Советской власти. Большинство же активных деятелей Кружка, хоть и не сразу, но осознали и приветствовали Советы, включились в дело строительства социалистической культуры.

Б. В. Лунин воскрешает в памяти читателей такие яркие страницы истории Кружка, как открытие его сочленами ряда редких наскальных изображений (Саймалы-Таш, так называемые Боролдайские письмена и др.), древнетюркских (орхонских) надписей в долине р. Таласа, сирийско-несторианских надписей на христианских кладбищах Семиречья, знаменитых Бия-Найманских оссуариев, остатков прославленной самаркандской обсерватории Улугбека и др. Освещается также деятельность Кружка по учету и описанию различных памятников древности, архитектурных сооружений Туркестанского края, проводившиеся Кружком археологические разведки и раскопки, работы его в области эпиграфики, нумизматики, письменных источников, фольклора и этнографии. Достоинством этой части книги Б. В. Лунина является стремление автора проследить процесс изучения соответствующих памятников материальной и духовной культуры вплоть до наших дней, используя для характеристики их научной значимости новейшие выводы советских исследователей — археологов, этнографов, искусствоведов и историков архитектуры. Это повышает ценность рецензируемой работы как историографической сводки большого материала по истории изучения памятников прошлого Средней Азии.

В основном тексте книги автор уместно цитирует забытые высказывания прежних исследователей, воспроизводит их формулировки, что, кстати сказать, позволяет хорошо передать колорит времени деятельности ТКЛА. Можно, однако, упрекнуть автора в том, что в ряде случаев его благое начинание в этом отношении во многом обращается в свою противоположность. Временами он явно теряет чувство меры и с излишним усердием воспроизводит одну цитату за другой. Вследствие этого иногда бывает трудно уловить собственные мысли и рассуждения автора по тому или иному вопросу.

Не всегда равномерно освещение автором научных заслуг отдельных туркестановедов. Возьмем, к примеру, такого известного деятеля, как фольклорист и этнограф Абубекр Ахмеджанович Диваев (1856—1932). Б. В. Лунин досконально собрал все, что характеризует А. А. Диваева как археолога-краеведа. Это хорошо. Однако занятие археологией никогда не стояло на первом плане деятельности А. А. Диваева, и в этой области он не оставил значительного следа в науке. Гораздо большей и заслуженной известностью пользуются его фольклорные и этнографические наблюдения. Между тем как раз именно этой стороне дела в книге уделено значительно меньше места.

При всем этом рецензируемая книга заслуживала бы меньшего внимания, если бы ее содержание ограничивалось лишь освещением истории одной из дореволюционных краеведческих организаций Туркестанского края. Несомненным достоинством книги Б. В. Лунина является то, что по своему содержанию она далеко выходит за рамки своего скромного названия. Фактически перед нами одна из немногих пока работ, освещающих ряд важных страниц из истории русского востоковедения в целом.

Автор правильно считает, что смысл работы по истории ТКЛА прежде всего заключается в том, что деятельность Кружка, его открытия вызвали живейшее участие и интерес многих крупных русских востоковедов своего времени, вели к возникновению научных дискуссий в общероссийском масштабе, как, например, в вопросе о датировке и правильном чтении орхонских и несторианских надписей. Открытия Кружка порождали обширную литературу. Деятельность таких известных представителей русского востоковедения, как В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, К. А. Иностранцев, П. К. Коковцев, И. Ю. Крачковский, В. И. Тизенгаузен, В. В. Радлов, В. Р. Розен и другие, внесших большой вклад в науку, также связана с изучением истории Средней Азии.

В нашей литературе много и справедливо говорится о том, что одним из важных прогрессивных последствий присоединения Средней Азии к России является большой вклад русских ученых в изучение природы и истории края, усиление влияния передовой русской науки и культуры. Практически, однако, именно эта тема, пока недостаточно разработана. Многие авторы, освещая эти вопросы, ограничиваются преим

³ В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 312.

щественно общими положениями, не всегда подкрепляемыми конкретными данными. Б. В. Лунин же на отдельных примерах убедительно показывает, что действительный вклад русской науки, и в частности востоковедения, в изучение Средней Азии, до сих пор полностью не оценен и был значительно большим, нежели об этом можно судить по имеющимся в литературе данным.

Глава «В. В. Бартольд и Туркестанский кружок любителей археологии» имеет самостоятельное значение, так как в значительной степени основана на впервые вводимой в научный оборот неопубликованной переписке В. В. Бартольда с членами ИАА. В тексте главы содержатся данные, имеющие большое значение для понимания социальных взглядов этого крупнейшего ученого и уяснения многих сторон русского востоковедения в целом. Автор пытается развить и частично уточнить положения известной статьи А. Ю. Якубовского о Бартольде⁴ и дает развернутую оценку его научной деятельности. Не со всеми доводами и формулировками автора можно согласиться. Но в целом перед нами серьезная и назревшая попытка определить место и роль В. В. Бартольда в русской и мировой науке с позиций марксистско-ленинской историографии.

Хочется пожелать, чтобы автор продолжил свое исследование, изучив и обобщив вклад советских научных учреждений и обществ в изучение богатейшего прошлого и настоящего настоящего братских народов социалистических республик Средней Азии.

Необходимо особо отметить обильный научный аппарат книги, в котором дано до полутора тысяч подстрочных примечаний, содержащих множество ссылок на архивные источники и литературу, в том числе на множество малоизвестных, затерянных публикаций, давно уже ставших библиографической редкостью. С этой точки зрения научный аппарат рецензируемой книги сам по себе является ценным библиографическим указателем, пользование которым окажет немалую помощь специалистам, занимающимся историей изучения Средней Азии.

Приходится пожалеть, что в книге совершенно неоправданно отсутствуют составленные автором (как это следует из введения) географический, именной и предметный указатели к «Протоколам и сообщениям» Кружка. Книга⁵ не свободна от опечаток. Иногда автор злоупотребляет излишней детализацией подстрочных примечаний за счет сугубо частных и лишенных большого значения данных. Встречаются отдельные фактические неточности. Так, на стр. 96 неверно указан год смерти этнографа И. С. Андреева — 1947 вместо 1948.

Книга иллюстрирована рядом редких портретов В. Л. Вяткина, А. А. Диваева, Н. Г. Маллицкого и др. К сожалению, по непонятным причинам отсутствуют портреты такого видного этнографа, как М. С. Андреев, первооткрывателя орхонских надписей в долине Таласа В. А. Каллуара, военного инженера археолога Б. Н. Кастальского.

Вызывает удивление, что полезная книга Б. В. Лунина выпущена издательством Академии наук УзССР ничтожным тиражом — в 650 экземпляров, вследствие чего уже через несколько дней по выходе ее в свет она сделалась недоступной для заинтересованного читателя.

И. Джаббаров

⁴ А. Ю. Якубовский, Проблема социальной истории народов Востока в трудах влад. В. В. Бартольда, «Вестник Ленинградского ун-та», 1947, № 12, стр. 62—79.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Н. Р. Гусева. *Современное декоративно-прикладное искусство Индии*. М., 1958, 3 стр., 112 табл., 11 цв. вклеек.

После выхода в свет в 1927 г. небольшой книжки А. М. Мерварта, носящей характер каталога, но содержащей ряд интересных сведений о некоторых индийских ремеслах¹, в советской индологической литературе не появлялось ни одного обобщающего труда, посвященного художественным ремеслам Индии — этой древней и самобытной области индийской культуры. Поэтому книга Н. Р. Гусевой очень ценна как для индологов, так и для широких слоев читателей, проявляющих с каждым годом все больше интереса к культуре дружественного народа Индии. Появление в СССР такой книги знаменательно еще и тем, что оно свидетельствует о внимании советской общественности к вопросу, который имеет сейчас большое значение для индийского народа, — к вопросу о возрождении различных форм национальной культуры, заглохших за время колониального английского господства. Возрождение и расширение кустарных

⁵ А. М. Мерварт. Отдел Индии. Краткий очерк индийской культуры по материалам отдела Индии МАЭ, Л., 1927.

промыслов в настоящее время — один из заметных факторов развития экономики современной Индии. Неслучайно этому вопросу, и в частности росту художественно-ремесленного производства, уделяется большое внимание при составлении планов развития народного хозяйства. Спрос на предметы индийского художественного ремесла неуклонно возрастает как в самой Индии, так и в Советском Союзе и других странах мира.

Книга Н. Р. Гусевой может служить своего рода руководством, воспитывающим правильное отношение к предметам индийского ремесла и помогающим раскрыть художественные достоинства. Большую роль играет и пропагандистское значение книги, ее ярко выраженная направленность на популяризацию декоративно-прикладного искусства Индии. Мне приходилось быть свидетелем того огромного внимания, которое в настоящее время уделяется в Индии возрождению и развитию различных видов художественного мастерства. В 1956 г. я был в школах народного ремесла в Калкутте, Мадрасе и Бангалоре и видел, с каким энтузиазмом и усердием обучаются молодые люди под руководством опытных ремесленников, мастеров своего дела — резчиков по слоновой кости, дереву и камню, ювелиров, эмальеров и т. д. Нельзя не обратить внимания на то, как органически в творчестве современных индийских ремесленников сочетаются древние традиции с новаторством, что подчеркивает и автор книги.

Индийские ученые и общественные деятели проявляют большой интерес к истории родной культуры. За последние годы в индийской печати появилось много работ, посвященных историческому прошлому и современному состоянию различных областей искусства, литературы, театра, но о художественном ремесле, к сожалению, сказано пока очень мало. Поэтому Н. Р. Гусева при работе над своей книгой, видимо, не смогла найти достаточного количества необходимых материалов, чтобы дать исчерпывающие очерки по истории каждой отрасли ремесла. Но те исторические сведения, которые содержатся в книге, равно как и данные о технологических процессах, о стилях орнаментирования изделий и т. п., весьма интересны и расширяют наши представления о путях развития декоративно-прикладного искусства Индии.

Таким образом, материал книги, несмотря на ее небольшой объем, шире тех рамок и задач, о которых говорит автор во «Введении», обещая читателю «дать хотя бы общее представление о красоте, разнообразии форм и приемов изготовления различных изделий декоративно-прикладного искусства Индии» (стр. 6).

Книга содержит четыре главы. Первая и самая обширная посвящена наиболее развитому и очень распространенному виду художественного ремесла — производству бытовых и декоративных орнаментированных тканей и тканых изделий. В этой главе, как и в последующих разделах книги, автор уделяет внимание не только анализу приемов художественной отделки тканей и способам их изготовления и окраски, но и той глубокой и тесной связи этого производства с жизнью и культурой народа, которая так характерна для всего индийского ремесла. Каждый, кто бывал в Индии и кто изучает культуру этой страны, не может не заметить, что орнамент тканых изделий отражает и сюжеты эпических поэм и сказок, и мотивы религиозных мифов, и трудовую жизнь народа, и его быт. Мастера росписи воспроизводят на тканях также рисунки каменных барельефов, украшающих стены храмов и дворцов, и скульптурные фигуры, и сюжеты фресковой и миниатюрной живописи. В рецензируемой книге в связи с этим дается краткое изложение «Рамаяны», прославленной древнеиндийской эпической поэмы, основные эпизоды которой изображены на одной из старинных храмовых завес.

В разделе о тканях материал расположен так, что у читателя создается достаточно полное представление о характерных особенностях этого производства в отдельных районах Индии и о художественном, равно как о практическом значении тех вещей, выработкой которых славится тот или иной народ Индии (например, панджабские «пхулькари», бенгальские «кантха», кашмирские «намда» и т. п.).

Во второй главе, посвященной изделиям из дерева и папье-маше и игрушкам дан интересный очерк знаменитого ремесла «нирмал», которое автор справедливо называет «национальной славой Индии» (стр. 28). Красочная лаковая роспись «нирмал» пользуется в Индии и за ее пределами такой же известностью, какой пользуются на пример, работы мастеров Палеха в Советском Союзе и в других странах мира. Изделия «нирмал» продаются во всех городах Индии и служат, наряду с этим, предметом широкого экспорта. Автор верно отмечает, что яркость и чистота красок, применяемых для росписи изделий из дерева и папье-маше, очень характерны для этих отраслей индийского ремесла. Это сразу бросается в глаза при посещении мест, где эти вещи собраны в больших количествах, — в индийских музеях, ремесленных мастерских, магазинах и т. д.

Очерк об игрушках содержит правильное описание тех особенностей, которые позволяют отличить, например, бенгальские куклы от мадрасских и бомбейские от ланкауских. Во всех без исключения районах Индии производство игрушек развито очень высоко, и они действительно воспринимаются индийцами не только как развлечение для детей, но главным образом как предметы убранства дома.

В третьей главе — «Металлические и ювелирные изделия» и в четвертой — «Другие ремесла» объединен очень большой материал. К достоинствам этих разделов книги можно отнести то, что в краткой форме сказано самое главное о многих от-

влиях индийского художественного ремесла. Но вместе с тем нельзя не пожалеть об этой краткости, потому что из-за нее опущено многое, что могло бы быть интересным для читателя. Например, хотелось бы узнать об особенностях выработки стеклянных изделий в разных районах Индии, о специфике обработки слоновой кости, о способах изготовления художественных поделок из кожи. Обо всем этом говорится как бы вскользь, и у читателя остается чувство неудовлетворенности.

В заключение необходимо отметить, что особую ценность тексту придает этнографический подход автора к вопросу. Искусствоведческому анализу в книге уделяется не больше места, чем историческим очеркам, описаниям практического применения предметов ремесла и тем навыкам и обычаям, которые связываются в сознании народа с производством и употреблением этих предметов.

Хочется выразить надежду, что автор не ограничится этой небольшой книгой и даст советскому читателю более развернутое и подробное описание индийских художественных ремесел, их истории и значения в жизни народов Индии.

Следует также сказать, что несмотря на незамеченные опечатки (например, в библиографии указано, что каталог А. М. Мерварта издан в Ленинграде в 1827, а не в 1927 году) и на то, что издательство «Искусство» выпустило рецензируемую книгу к лету 1959 г., а пометило ее 1958 г., книга в целом хорошо подана: обложка, суперобложка и цветные вклейки радуют глаз своей красочностью, а фотографический материал подобран и расположен со знанием дела и большим вкусом.

Е. Чельшев

D. C. Graham, *The customs and religion of the Ch'iang*. City of Washington, 1958. VII + 110 стр. + 16 л. илл.

Книга американского миссионера Дэвида Грэхема посвящена главным образом обычаям и религии цянов — одной из тибетских народностей Китая. В Китайской Народной Республике цяны живут компактной группой на западе провинции Сычуань, в Абаском тибетском автономном округе, в уездах Хэйшуй, Ли, Сунпань, Вэньчуань, Мао и в соседних районах. В 1958 г. здесь был образован Маовэньский автономный уезд национальности цян. Их численность составляет примерно 36 тыс. чел.

Автор рецензируемой работы в период 1925—1948 гг. неоднократно посещал эти районы. Однако собранный им фактический материал, положенный в основу книги, относится к 1948 г., что необходимо иметь в виду при ее чтении.

Книга Д. Грэхема представляет собой первую относительно всестороннюю сводку сведений не только об обычаях и верованиях цянов, но и об их материальной культуре и занятиях. Она привлекает особое внимание ввиду почти полного отсутствия литературы по этнографии цянов.

Книга состоит из предисловия, введения, четырех глав, заключения, библиографии китайской и западноевропейской литературы и краткого предметного указателя. В приложении даны фотоснимки, отображающие различные стороны быта и материальной культуры цянов, и карта территории их расселения (стр. 3).

Во введении автор сообщает краткие сведения о районе обитания цянов, их истории, языке, физическом облике. Введение заканчивается данными антропометрических измерений, проведенных среди цянов некоторыми исследователями в 1930—1940-х годах.

В главе «Экономическая жизнь» автор приводит сведения о средствах и путях сообщения, о денежном обращении в цянских районах Сычуани. Здесь же он дает краткое описание жилища цянов, сходного в основных чертах с жилищем тибетцев. В конце главы коротко сообщается о занятиях, утвари, орудиях, пище, одежде цянов.

Следующая глава посвящена легендам, народным сказкам и песням цянов. Автор приводит тексты двадцати трех песен цянов в записи на китайском языке и их перевод на английский. Представляет интерес изложение автором двух легенд, связанных с этногенезом цянов. Первая повествует о переселении цянов в западные районы Сычуани, в ходе которого они утратили свои священные книги, а вместе с ними и письменность. Вторая сообщает об их борьбе с народом кэ (koh), населявшем эти земли до прихода сюда цянов.

В главе «Социальные обычаи» Д. Грэхем описывает обряды и обычаи цянов, связанные с заключением брака, рождением ребенка, болезнью, смертью, похоронами. Заслуживают внимания сообщения автора об имевших место браках между мальчиками и взрослыми девушками (стр. 33), о заключении родителями соглашений о браке малолетних или даже еще не родившихся детей (стр. 34). Д. Грэхем отмечает существование у цянов левирата (стр. 35). Он дает подробное описание свадебного обряда, отмечая многообразие его форм в разных деревнях и даже отдельных семьях (стр. 34). По сообщению Д. Грэхема, цяны хоронили своих покойников в земле в гробах (распространение этого способа захоронения автор объясняет усилением влияния культуры китайцев среди цянов) или сжигали. В описании процессов захоронения в земле

и кремации приведено много интересных подробностей. В каждой деревне, сообщает автор, люди одной фамилии имели свое определенное место для кремации. Оно представляло собой каменное основание, на котором стоял небольшой домик с крышей решетчатыми стенами. Перед кремацией домик снимали с основания, на котором тем сжигали гроб с телом. Пепел хранили в расположенном неподалеку специальном помещении (род колумбария). Затем домик вновь ставили на прежнее место. Автор отмечает различные особенности этого обряда. Так, в некоторых деревнях домик строили по типу настоящего, в два-три этажа. Гроб с телом ставили в нижнем этаже и его сооружение сжигали (стр. 42). Автор указывает, что такая кремация была доступна только богатым людям, бедняки же не сооружали подобных домиков (стр. 43).

В главе «Религия» Д. Грэхем разбирает систему религиозных взглядов цянгов, описывает некоторые их церемонии. Автор на значительном фактическом материале показывает полную несостоятельность концепции миссионера Т. Торренса, считавшего, что религиозные воззрения цянгов были изначально монотеистическими, что они верили в единого верховного бога¹.

Как сообщает Д. Грэхем, пантеон божеств цянгов довольно обширен. Они поклонялись богу гор, считавшемуся верховным божеством; в большинстве районов его называли богом неба. Цяны почитали также пять довольно могущественных божеств, окликавших, по их верованиям, влияние на урожай, на рост лесов, на состояние оного а также покровительствовавших добрым людям и животным (стр. 47). Цяны поклонялись этим богам у алтаря с белым камнем особой формы, здесь же приносили и в жертву животных, птиц. Далее указывается, что цяны насчитывали, примерно двадцать меньших по значению божеств — духов дома или семьи, мужских и женских предков, покровителей мужчин и женщин, домашних животных, духов металлов, богатства, сна, огня. Они отождествились с железному треножнику очага как с священным предмету и считали одну его треногу богом огня, а две другие — мужским и женским предками. Цяны поклонялись деревьям, горам, верили в богов молнии, дорог. Из приводимого автором конкретного материала видно, что в религиозных воззрениях цянгов преобладали анимистические представления.

В конце этой главы Д. Грэхем дает изложение теории «иудейского происхождения цянгов», автором которой был упомянутый миссионер Т. Торренс. Д. Грэхем относится к ней резко отрицательно. Касаясь происхождения современных цянгов, он справедливо связывает их с цянами древней истории Китая. Вместе с тем, возражая Т. Торренсу, Д. Грэхем как бы считает современных цянгов прямыми потомками древних цянгов, лишенных этнических наслоений позднейших веков, с чем трудно согласиться. Автор допускает неточность, считая, что цяны приносили в жертву богам только коз и птиц, а гнют никогда (стр. 53, 97). Это утверждение не согласуется с данными других авторов². Д. Грэхем допускает неточность и в классификации. Он смешивает лингвистические и антропологические признаки, говоря, что цяны принадлежат к «тибето-бирманской ветви желтой расы» (стр. 101, 104).

В заключении автор суммирует основные положения работы.

Книга Д. Грэхема не лишена известных недостатков. Она композиционно слишком описательна. Вопросы социально-экономических отношений остались вне поля зрения автора. Замечание Д. Грэхема об отсутствии «информации о переменах, которые могли иметь место среди цянгов с тех пор, как Китай был освобожден коммунистами» (стр. IV), говорит о его незнакомстве с литературой, выходящей в КНР после Освобождения. Книга заканчивается следующими словами: «Каково будущее цянгов западной Сычуани, можно только догадываться. Будут ли они полностью ассимилированы китайцами, или большая часть их сохранит свои старые обычаи, традицию и религию? На это может ответить только время».

Время уже ответило на эти вопросы. Навсегда канула в прошлое гоминьдановская политика национального угнетения, когда многие цяны были вынуждены скрывать свою национальность, что отмечает и сам автор. Цяны — равноправная национальность в семье братских народов Китая, успешно идущая по пути строительства социализма, в ходе которого постепенно ликвидируется вековая отсталость цянгов, меняется уклад их жизни, уходят в прошлое вредные обычаи.

Однако, книга Д. Грэхема, несмотря на ее недостатки, представляет интерес для ученых, занимающихся этнографией народов Восточной Азии. Необходимо только иметь в виду, что очень многое из того, о чем сообщает автор, уже ушло в прошлое или же меняется буквально на наших глазах.

Ю. И. Журавлев

¹ См.: Th. Torrance, China's first missionaries, London, 1937; его же. The Religion of the Ch'iang, «The Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society», т. LIV, 1923.

² См. например: J. H. Edgar, Notes on Chiang Sacrifice and Litholatriy. «The Journal of the North China Branch of the Asiatic Society», т. LII. 1922.

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

Н. С. Гурвич (Москва). Современные этнические процессы, протекающие на севере Якутии	3
В. К. Гарданов (Москва). Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в.	12
В. В. Пименов (Петрозаводск). К вопросу о карельско-вепсских культурных связях	i/30

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

Р. Ш. Джарылгасинова (Москва). Когурёсцы и их роль в сложении корейской народности	42
Тен Дян Сек (Пхеньян). Пятнадцать лет этнографии Корейской Народной Демократической Республики	52

Вопросы этногенеза, палеоэтнографии и исторической этнографии

А. Г. Периханья (Ленинград). Образец пехлевийского брачного контракта	67
В. А. Лившиц (Ленинград). Согдийский брачный контракт начала VIII века н. э.	76
И. Н. Хлопин (Ленинград). К характеристике этнического облика ранних земледельцев Южного Туркменистана	92

Сообщения

М. Н. Морозова (Москва). Скансен — этнографический музей Швеции под открытым небом	102

Хроника

А. Д. Грач (Ленинград). Проблемы этнографии, археологии, антропологии на конференции по истории Сибири и Дальнего Востока	111
Г. С. Маслова (Москва), Л. М. Сабурова (Ленинград). Этнографическое изучение русского колхозного крестьянства Восточной Сибири в 1957—1959 годах	118
В. И. Васильев, В. А. Туголуков (Москва). Этнографические исследования на Таймыре в 1959 году	128
Г. А. Сергеева (Москва). Экспедиционная работа в Дагестане в 1959 году	142
Ф. Арипов (Ташкент). Изучение быта и культуры рабочих-узбеков в 1958—1959 гг.	150
Фан Хау Зат (Ханой). Совецание историков Демократической Республики Вьетнам	153

Критика и библиография

Народы СССР

Е. П. Бусыгин (Казань). А. С. Бежкович, С. К. Жегалова, А. А. Лебедева, С. К. Просвирина. Хозяйство и быт русских крестьян	155
Г. Маслова (Москва). О. Л. Кульчицка. Народный одяг західних областей УРСР	157
Б. Н. Вампилов, А. Ф. Червяков (Москва) Л. И. Якунина. Якутская резная кость	158
В. Кобычев (Москва). Э. Т. Карапетян. Армянская семейная община	159
И. Джаббаров (Ташкент). Б. В. Лукин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане	161

Народы зарубежной Азии

Е. Челышев (Москва). Н. Р. Гусева. Современное декоративно-прикладное искусство Индии	163
Ю. И. Журавлев (Москва), D. C. Graham. The customs and religion of the Chiang	165

SOMMAIRE

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'antropologie de l'URSS

- I. S. Gourvitch (Moscou). Les procès ethniques qui se passent actuellement au nord de Yakoutie
V. K. Gardanov (Moscou). Le droit coutumier comme source d'étude des rapports sociaux chez les peuples du Caucase septentrional au XVIII et au commencement du XIX s
V. V. Piménov (Petrozavodsk). Sur la question des liens culturels entre les Karèles et les Vèpses

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie des pays étrangers

- R. Ch. Djarylgassinova (Moscou). Les Kogourèzes et leur rôle dans la formation de la nation coréenne
Den Dian Sek Pyong Yang). Quinze ans de l'Ethnographie de la République Démocratique Populaire Coréenne

Question d'ethnogenèse, de paleoethnographie et d'ethnographie historique

- A. G. Perikhanian (Leningrad). Echantillon du contrat de mariage pechlevi
V. A. Livchitz (Léningrad). Contrat de mariage sogde du commencement du VIII s. n. è.
I. N. Khlopine (Leningrad). Sur la caractéristique des traits ethniques des premiers agriculteurs du Turkménistan méridional

Communications

- M. N. Morozova (Moscou). Skansen — musée ethnographique en plain air

Chronique

- A. D. Gratch (Leningrad). Problèmes d'ethnographie, d'archéologie, d'anthropologie à la conférence sur l'histoire de la Sibérie et de l'Extrême Orient
G. S. Maslova (Moscou), L. M. Sabourova (Léningrad). Sur l'étude ethnographique de la paysannerie russe kolkozienne de la Sibérie Orientale en 1957—1959
V. I. Vassiliev, B. A. Tougoloukov (Moscou). Etudes ethnographiques à Taïmyr en 1959
G. A. Serguéeva (Moscou). Les travaux de l'expédition à Daguestan en 1959
F. Aripov (Tachkent). Les études sur le genre de vie et la culture des ouvriers ouzbeks en 1958—1959
Fan Khao Zat (Hanoï). Conférence des historiens de la République Démocratique Vietnamienne

Critique et bibliographie

Peuples de l'U.R.S.S.

- E. P. Boussyguine (Kazan). A. S. Bejkovitch, S. K. Jégalova, A. A. Lébédéva, S. K. Prosvirkina. Khoziaïstwo i byt rousskikh krestian (Economie et genre de vie des paysans russes)
G. Maslova (Moscou). V. L. Koul'tchitzka. Narodni odiag zakhidnikh oblastei URSR (Le vêtement populaire des régions occidentales de la R.S.S. d'Ukraine)
B. N. Vampilov, A. F. Tcherciakov (Moscou). L. I. Yakounina. Yakoutskaïa reznada kost (Os sculptés de Yakoutie)
V. Kobytchev (Moscou). E. T. Karapetian. Armianskaïa semeunaïa obchtchina (La commune familiale arménienne)
I. Djabbarov (Tachkent). B. V. Lounine. Iz istorii rousskogo vostokovedenia i archeologii v Tourkeстане (Esquisses d'histoire de l'orientalisme et de l'archéologie russes en Turkestan)

Peuples de l'Asie étrangère

- E. Tchelychev (Moscou). N. R. Gousseva. Sovremennoïe dekorativno-primkladnoïe iskusstvo Indii (L'art décoratif appliqué contemporain aux Indes)
Y. I. Jouravlev (Moscou). D. C. Graham. The customs and religion of the Ch'iang

«ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ»

Научный журнал «Проблемы востоковедения» широко освещает актуальные вопросы истории, экономики, политики, культуры, литератур и языков народов стран Азии и Африки.

Большое внимание уделяет журнал освещению распада колониальной системы, анализу экономического и политического положения несоциалистических стран Азии и Африки, разоблачению политики и идеологии современного колониализма, публикует статьи об опыте социалистического строительства в народно-демократических государствах Азии.

Замеченные опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
26	3 сл.	Абат	Адат
33	19 св.	лопарей-саамов	лопарей—саамов
38	13 сл.	Нювя	нювя
39	1 св.	Нювя	нювя
63	15 св.	Сунн	Суннан
93	1 сл.	200 г.	1200 г.
115	11 сл.	древнетюркского времени XVIII—XX вв.	древнетюркского времени и XVIII—XX вв.
139	6 св.	два колхоза им. Куйбышева	два колхоза—им. Куйбышева

национально-освободительного, исторические документы

темы классического наследия национальные руко-

востоковедения и за последние советские

в год.

подписки — в отделениях связи, общественными уполномоченными на предприятиях и учреждениях, а также отделениями и магазинами «АКАДЕМКНИГА».

«ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ»

Научный журнал «Проблемы востоковедения» широко освещает актуальные вопросы истории, экономики, политики, культуры, литератур и языков народов стран Азии и Африки.

Большое внимание уделяет журнал освещению распада колониальной системы, анализу экономического и политического положения несоциалистических стран Азии и Африки, разоблачению политики и идеологии современного колониализма, публикует статьи об опыте социалистического строительства в народно-демократических государствах Азии.

В журнале разрабатываются проблемы истории национально-освободительного, рабочего, крестьянского движений в странах Востока, истории развития общественной мысли, печатаются новые архивные документы.

На страницах журнала анализируются различные проблемы классических и современных литератур народов Востока и становления национальных языков, описываются отечественные и зарубежные рукописные фонды и уникальные рукописи.

Журнал организует дискуссии по узловым проблемам востоковедения, регулярно помещает информацию о состоянии отечественного и зарубежного востоковедения. В журнале сотрудничают видные советские и прогрессивные иностранные ученые.

Журнал «Проблемы востоковедения» выходит шесть раз в год.

ОБЪЕМ КАЖДОГО НОМЕРА — 16 ПЕЧАТНЫХ ЛИСТОВ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — 96 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ МЕСТНЫМИ ОТДЕЛЕНИЯМИ СОЮЗПЕЧАТИ, ОТДЕЛЕНИЯМИ СВЯЗИ, ОБЩЕСТВЕННЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ И УЧРЕЖДЕНИЯХ, А ТАКЖЕ ОТДЕЛЕНИЯМИ И МАГАЗИНАМИ «АКАДЕМКНИГА».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР НА 1961 ГОД

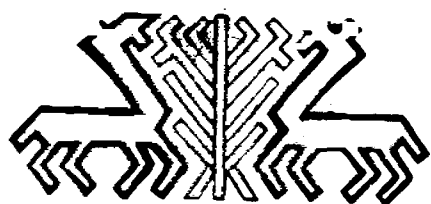
Названия журналов	Кол-во номеров в год	Подписная цена	
		Годовая	Полугодовая
Общеакадемические журналы			
Вестник Академии наук СССР	12	96	48
Доклады Академии наук СССР (без папок)	36	518—40	259—20
Доклады Академии наук СССР (с 6-ю коленкоровыми папками с тиснением)	36	532—30	271—20
Известия Карельского и Кольского филиалов АН СССР	4	28	14
Природа	12	84	42
Общественные науки			
Вестник древней истории	4	96	48
Вестник истории мировой культуры	6	40—20	20—10
Вопросы истории	12	84	42
Вопросы философии	12	84	42
Вопросы экономики	12	60	30
Исторический архив (без переплета)	6	90	45
Исторический архив (в переплете)	6	99	49—50
История СССР	6	72	36
Мировая экономика и международные отношения	12	66	33
Новая и новейшая история	6	60	30
Проблемы востоковедения	6	96	48
Советская археология	4	100	50
Советская этнография	6	108	54
Современный Восток	12	36	18
Советское государство и право	12	84	42
Вопросы литературы	12	72	36
Вопросы языкознания	6	72	36
Русская литература	4	40	20
Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка	6	54	27

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПОВСЕМЕСТНО В ПУНКТАХ ПОДПИСКИ «СОЮЗ-ПЕЧАТИ», ПОЧТАМТАХ, КОНТОРАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ, ОБЩЕСТВЕННЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ НА ЗАВОДАХ И ФАБРИКАХ, В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТАХ, УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ И ОРГАНИЗАЦИЯХ, А ТАКЖЕ ОТДЕЛЕНИЯМИ И МАГАЗИНАМИ «АКАДЕМКНИГА» И КОНТОРОЙ «АКАДЕМКНИГА» ПО АДРЕСУ:

МОСКВА, К-12. Б. ЧЕРКАССКИЙ ПЕР., 2/10

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

6

1 9 6 0

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

6

НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ

1 9 6 0

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

ВОТЧЕЖДЕНАЯ

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов,
Н. А. Баскаков, член-корр. АН СССР А. В. Ефимов, М. О. Косвен,
П. И. Кушнер, М. Г. Левин, Л. Ф. Моногарова (зам главного редактора),
А. И. Першиц (зам. главного редактора), Л. П. Потапов, И. И. Потехин,
Я. Я. Рогинский, академик М. Ф. Рыльский, В. К. Соколова,
Л. Н. Терентьева, Н. Н. Чебоксаров, В. Н. Чернецов
Ответственный секретарь редакции О. А. Корбе

Журнал выходит шесть раз в год

Технический редактор Т. А. Михайлова

Адрес редакции: Москва, В-36. 1-я Черемушkinsкая, 19

Т-14393 Подписано к печати 23/XII—1960 г. Формат бумаги 70×108
Тираж 1900 экз. Бум. л. 5½ Зак. 3541 Печ. л. 15,07+1 вкл. Уч.-изд. л. 17,1

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 4

КОЛОНИАЛЬНЫЙ РЕЖИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ЛИКВИДИРОВАН

XV сессия Генеральной Ассамблеи ООН надолго останется в памяти человечества как одно из знаменательных событий второй половины XX века. Впервые в истории ООН на сессии Генеральной Ассамблеи присутствовали представители почти ста народов мира, главы и выдающиеся политические деятели многих государств, обсуждавшие такие важнейшие вопросы современности, как проблема всеобщего и полного разоружения и проблема ликвидации одного из самых отвратительных порождений капиталистической системы, имя которому колониализм.

Выражая волю миллионов советских людей, думы и чаяния народов Африки, Азии и Латинской Америки, Советское правительство внесло на рассмотрение XV сессии Генеральной ассамблеи ООН проект декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Этот исторический документ, воплотивший гуманные принципы марксистско-ленинской национальной политики, не только всколыхнул умы всего прогрессивного человечества, но и явился настоящим обвинительным актом против колонизаторов, приговором позорной колониальной системе империализма.

От имени народов мира, судивших колониализм, выступил Н. С. Хрущев, достойнейший представитель первого в мире социалистического государства, народы которого 43 года тому назад сбросили ярмо капиталистического, колониального и всякого иного рабства. Н. С. Хрущев требовал полной и окончательной ликвидации колониального режима во всех его видах и разновидностях. В роли свидетелей обвинения выступили представители многих народов Азии, Африки и Латинской Америки. Один из свидетелей обвинения — законный представитель республики Конго со столицей в Леопольдвиле — не мог явиться в суд; ему силой помешали сделать это колонизаторы и их сообщники, все еще безнаказанно действующие в этой республике.

В качестве защитников колониализма перед Генеральной Ассамблеей выступили представители США и их партнеров по агрессивным блокам. Выдавая себя за благодетелей поработенных народов, они утверждали, что вовсе не грабили и не угнетали эти народы, а оказывали им помощь и распространяли среди них «высокие духовные ценности» христианской цивилизации, «свободного» западного мира. Защитники колониализма получили достойную отповедь от Н. С. Хрущева, который в своей реплике сказал: «Народы, которым колонизаторы стремятся привить «цивилизацию», знают, что такая «прививка» стоит жизни их братьям. Надо решительно сорвать маску с колонизаторов и обнажить истинное лицо тех, кто принес в поработенные страны болезни, нищету, голод и смерть. Нельзя позволять колонизаторам и дальше прикрываться лживыми фразами об «оказании помощи» и о «приобщении к цивилизации», о том, что, мол, колониальные народы еще не созрели для самоуправления. Нет, не цивилизацию они хотят привить, они стремятся по-прежнему пользоваться дешевым трудом колониальных народов и дальше эксплуа-

тировать богатства этих стран, наживаться и жиреть за счет ограбления угнетенных народов. Все народы сами могут управлять своими странами, надо только дать им эту возможность»¹.

Колонизаторы заявляют, что они «добровольно» предоставляют независимость поработанным странам, что у них якобы нет другой заботы, как «подготовить», «воспитать», «дотянуть» колонии до уровня независимости. В действительности же главная цель колониального режима — получение громадных прибылей, выкачивание богатств и ценностей путем нещадной эксплуатации местного населения. Колониальные державы обогащаются за счет своих жертв. Колониализм тормозит экономический прогресс обширных зон мира, мешает развитию мировых торговых связей, развитию мирных отношений между странами и народами, пагубно сказывается на жизни метрополий, где плодами колониального грабежа пользуется только кучка миллиардеров, а люди труда гибнут в колониальных войнах. Разве не об этом свидетельствуют и «грязная» война, которую вот уже шесть лет ведут французские колонизаторы против народа Алжира, или же все еще продолжающаяся английская агрессия в Южной Аравии?

Н. С. Хрущев предупредил с трибуны Генеральной Ассамблеи: «Если колониальные державы не внемлют голосу разума и будут продолжать свою прежнюю колониальную политику, держать в повиновении колониальные страны, то народы, которые стоят на позициях ликвидации колониального режима, должны оказать всемерную помощь борцам за свою независимость против колонизаторов, против колониального рабства. Надо оказать помощь моральную, материальную и другую для завершения священной и справедливой борьбы народов за свою независимость»².

От имени советской делегации Н. С. Хрущев предложил Генеральной Ассамблее ООН одобрить «Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам», в которой торжественно провозглашаются следующие требования:

1. Немедленно предоставить всем колониальным странам, подопечным и другим самоуправляющимся территориям полную независимость и свободу в строительстве собственных национальных государств согласно свободно выраженным воле и желанию их народов. Колониальный режим, колониальная администрация во всех ее видах должны быть упразднены полностью с тем, чтобы предоставить возможность народам таких территорий самим определять свою судьбу и формы государственного управления.
2. Ликвидировать все опорные пункты колониализма в виде владений и арендованных районов на чужих территориях.
3. Правительства всех стран призываются строго и неуклонно соблюдать в отношениях между государствами положения Устава ООН и настоящей Декларации о равенстве и уважении суверенных прав, территориальной целостности всех без исключения государств, в допуская никаких проявлений колониализма, никаких исключительных прав или преимуществ для одних государств в ущерб другим государствам³.

Внесенный главой советской делегации проект «Декларации», ее мужественные, страстные, глубоко правдивые, насыщенные подлинным социалистическим гуманизмом выступления против колониализма и колонизаторов, как и выступления других представителей социалистического лагеря и стран Азии, Африки и Латинской Америки, в которых

¹ «Известия», 13 октября 1960 г.

² «Правда», 24 сентября 1960 г.

³ Там же.

осуждался колониализм, оставят глубокий след в умах народов всего мира, будут способствовать подъему национально-освободительной борьбы поработанных народов на новый, еще более высокий уровень, прозвучат похоронным звоном для империалистов, до тех пор, пока колониализм не будет окончательно и бесповоротно ликвидирован.

Процесс против колониализма, состоявшийся на последней Генеральной Ассамблее ООН, ярко и наглядно показал, какие глубокие, разительные перемены произошли на карте земного шара в последние годы.

Многие из нас еще являются живыми свидетелями тех времен, когда две трети населения земли пребывали в условиях колониального рабства. Почти вся Азия и Африка находились под пятой больших и малых колониальных держав. Жертвой колонизаторов стала и Латинская Америка. Еще в первой половине XIX в. большую часть территории Мексики захватили США; они же после испано-американской войны оккупировали Пуэрто-Рико, Кубу, а также Филиппинские острова. Завладев экономикой Латинской Америки, монополии США превратили ее в свою «невидимую империю», грабили ее богатства при помощи своих наемников — диктаторов типа Батисты.

История колониализма — это непрерывная цепь чудовищных преступлений, это истребление древнейших культур и цивилизаций, уничтожение целых народов. Разве человечество может забыть, что за период порабощения Африки свыше ста миллионов африканцев было продано в рабство, убито на охоте за рабами или погибло в пути в зловонных трюмах кораблей работорговцев? Варварство и бесстыдные жестокости так называемых христианских завоевателей, писал английский обличитель колонизаторов У. Хауитт в 1838 г., творимые ими во всех частях света по отношению ко всем народам, которые им удавалось поработить, превосходят все ужасы, совершавшиеся в любую историческую эпоху любым народом, каким бы он ни был диким и невежественным, безжалостным и бесстыдным⁴.

Капиталистический Молох рос и жирел, питаясь потом и кровью колониальных народов. Карл Маркс в своем бессмертном произведении «Капитал» первым раскрыл тайну «непорочного зачатия» капитализма: открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства⁵.

Бездержная эксплуатация колоний характерна и для заката капиталистической эры производства, для последней стадии капитализма — империализма. Именно вследствие этого сегодня, как и в прошлом, в колониях наблюдается самая высокая продолжительность рабочего дня и в то же время самый низкий национальный доход, самая низкая заработная плата, самый высокий процент неграмотности, самая низкая продолжительность жизни, самая высокая смертность населения.

В течение многих десятилетий поработанные народы безуспешно боролись за свою свободу. И только в 1917 г., когда на шестой части земного шара победила Великая Октябрьская социалистическая революция, перед угнетенными народами всего мира появилась реальная надежда освободиться от оков колонизаторов.

«Декларация прав народов России», подписанная В. И. Лениным и опубликованная 15 ноября 1917 г., провозгласила равенство и суверен-

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. XXIII, стр. 761.

⁵ Там же, стр. 760.

ность народов, их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, отмену всех и всяких национальных ограничений и свободное развитие национальных меньшинств, населявших территорию России. Эта «Декларация» произвела огромное впечатление на порабощенные народы всего мира.

Октябрьскую революцию, успехи социалистического строительства в Советском Союзе приветствовали борцы против колониального рабства в Азии, Африке и Латинской Америке. Еще в 1919 г. известный общественный деятель Индии Мухаммед Баракатулла писал: «На горизонте России занимается утро освобождения человечества, и светлым солнцем этого счастливого для человечества дня является Ульянов-Ленин»⁶. «Все были восхищены,—свидетельствует Джавахарлал Неру,—успехами Советского Союза в области образования, культуры, здравоохранения и физического воспитания, а также в области разрешения национальной проблемы,—изумительными и грандиозными усилиями, направленными к созданию нового мира на обломках старого»⁷. «Только Октябрьская революция указала нам путь», заявляет президент Индонезии Сукарно⁸. «Китайская революция,—говорил Сунь-Ят-сен,—отныне не может добиться успеха, если мы не будем рассматривать Россию, как своего великого учителя»⁹. И на другом конце мира один из народных вождей мексиканской революции Эмилиано Сапата писал в 1918 г., что революционная Россия представляет дело всего человечества, высшие цели всех угнетенных народов мира¹⁰.

Вот почему колонизаторы питали и питают такую ненависть к Советскому Союзу. Но все их попытки задушить первое в мире социалистическое государство кончились провалом. Разгром гитлеровских полчищ, образование могучего социалистического лагеря — оплота мира и прогресса во всем мире — еще более расшатали империалистическую систему, основанную на эксплуатации порабощенных народов и трудящихся метрополий, гонке вооружений, международном произволе, агрессиях и войнах. В борьбу за независимость включились сотни миллионов людей. Вслед за бурным подъемом национально-освободительного движения в Азии, приведшим к ликвидации колониальных режимов в крупнейших странах этого континента, мощное антиимпериалистическое движение охватило весь континент Африки. Если к началу 1960 г. здесь насчитывалось всего 10 суверенных государств, то к концу этого года их стало 27: получили независимость крупнейшая африканская страна Нигерия, имеющая 35 млн. человек населения, бывшие «подопечные» территории Того, Камерун, Сомали, бывшее Бельгийское Конго, бывший Британский Сомалиленд и др. В течение одного года устарела политическая карта Африки. Развитие национально-освободительного движения опережает темпы печатания карт, и мы можем только порадоваться этой замечательной черте современности.

Все выше поднимают знамя борьбы против колонизаторов США народы Латинской Америки. Демократические идеи равноправия и самоопределения наций обретают кровь и плоть на всех континентах земного шара. Ураган национального пробуждения и возрождения пронесется по земле, потрясая ее, изменяя к лучшему.

Более миллиарда людей уже обрели независимость. Колонизаторы утверждали, что предоставление независимости колониям вызовет в мире политический хаос, экономическую разруху и упадок культуры.

⁶ См. А. Н. Хейфец, Великий Октябрь и угнетенные народы Востока, М., 1954, стр. 21.

⁷ Джавахарлал Неру, Открытие Индии, М., 1955, стр. 402—403.

⁸ Гудзима Канэсабуро, Современный колониализм, М., 1960, стр. 59.

⁹ «Новейшая история», ч. I, 1917—1939, М., 1959, стр. 408.

¹⁰ «Хрестоматия по новейшей истории», т. I, М., 1960, стр. 547.

в освобожденных странах. Действительность опровергла и эти клеветнические наветы. Страны, сбросившие бремя колониализма, превратились в огромную и активную силу мира. В них начался подлинный подъем национальной экономики, стали возрождаться самобытные национальные культуры, развиваться народное просвещение, улучшилась охрана здоровья населения, впервые создаются квалифицированные национальные кадры.

Но ликвидация колониализма еще не завершена, еще томятся в Африке, Азии, на островах Океании и Карибского моря в колониальном рабстве более ста миллионов человек. В существующих еще колониях, отмечается в советском проекте «Декларации», по-прежнему господствуют насилие и бесправие, главным законом здесь является нажива чужеземцев, интересы которых — всё, а неотъемлемые права человека и народа — ничто. Хозяинничанье чужеземных администраторов, презирающих и грабящих местное население, осмеяние народных обычаев, неравенство и неполноправие коренных жителей, позорное пренебрежение их жизненными интересами, унижение национального и человеческого достоинства будят в каждом честном человеке глубокое возмущение.

Франция продолжает вести позорную колониальную войну в Алжире, тысячи борцов за независимость томятся в тюрьмах английских, португальских, голландских колоний. Стонет под пятой колонизаторов народ Пуэрто-Рико. Бельгийские колонизаторы при поддержке империалистов США пытаются подкупом, провокациями вернуть себе былое господство в Конго.

Дебаты на Генеральной Ассамблее подтвердили, что колонизаторы всю черную работу в Конго выполняют руками генерального секретаря ООН и его аппарата, состоящего почти целиком из представителей стран различных агрессивных блоков, возглавляемых США. Факты свидетельствуют, что генеральный секретарь ООН представляет в действительности только интересы одной группы стран, лидером которых являются США. Социалистические страны и нейтралистские страны, числу которых принадлежит большинство азиатских и африканских государств, только недавно завоевавших независимость, в аппарате ООН не представлены. При таком положении трудно добиться какого-либо эффективного соглашения не только по вопросу о разоружении, но и по любому другому, имеющему международное значение, вопросу, так как наблюдение за проведением в жизнь таких соглашений или решений ООН будет находиться под контролем только одной группы стран, а именно — США и их союзников по военным блокам. Советская делегация предложила единственно разумный выход из создавшегося положения: создать коллективный генеральный секретариат, в котором были бы представлены все три группы стран — социалистические, капиталистические и нейтралистские страны. Это предложение нашло поддержку среди многих делегатов государств, не входящих в агрессивные блоки западных держав.

Советские предложения о ликвидации колониализма произвели неизгладимое впечатление на мировую общественность, их горячо приветствовали народы Африки, Азии, Латинской Америки, люди доброй воли во всем мире. Комментируя эти предложения, президент Ганы Кваме Нкрума заявил: «Народы и правительства африканских государств скажут господину Хрущеву: спасибо! Колоссальной силы удар, который нанес по колониализму с трибуны Генеральной Ассамблеи, является настоящей помощью нашим народам и правительствам в борьбе за свободную Африку»¹¹. Руководитель делегации Камеруна Ш. Окала, обращаясь к Н. С. Хрущеву, сказал: «Мы благодарим Вас за усилия,

с которыми Вы отстаиваете нашу свободу. Мы в центре Африки знаем, что если бы не СССР, то мы разуверились бы даже в боге»¹². Такие высказывания можно было бы привести много.

Разоблаченные перед всем миром сторонники колониального порабощения, представители империалистических держав вынуждены были в последнюю минуту согласиться на то, чтобы Суд над колониализмом продолжался на пленарных заседаниях Генеральной Ассамблеи. Этот суд состоялся. Народы вынесли свой приговор: позорный колониальный режим должен быть похоронен. И как бы колонизаторы ни пытались отсрочить, задержать, помешать освобождению находящихся под их гнетом народов, колониализм будет ликвидирован. Поручкой тому непрерывно растущее национально-освободительное движение в порабощенных колонизаторами странах.

Требование ликвидировать позорный режим колониализма получило единодушную поддержку Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в ноябре 1960 г. в Москве. В принятой единогласно исторической «Декларации» Совещания дан строго научный марксистский анализ движущих сил национально-освободительного движения на современном этапе, разоблачена империалистическая политика США — этого главного оплота современного колониализма. В «Декларации» указывается, что освободившиеся от колониального рабства народы могут встать на путь некапиталистического развития, создать государства национальной демократии, что позволит им быстро развиваться на пути социального прогресса, играть активную роль в борьбе за мир против агрессивной политики империалистического лагеря, за полную ликвидацию колониализма.

В «Декларации» сказано: «Полная и окончательная ликвидация колониального режима во всех его формах и проявлениях диктуется всеобщим ходом мировой истории за последние десятилетия. Всем народам, которые еще влачат цепи колониализма, должна быть оказана всемерная поддержка в завоевании ими национальной независимости! Все формы колониального угнетения должны быть упразднены. Ликвидация колониализма будет иметь величайшее значение и для смягчения международной напряженности и упрочения всеобщего мира... Все социалистические страны, международное рабочее и коммунистическое движение считают своим долгом оказывать всемерную моральную и материальную поддержку народам, борющимся за свое освобождение от империалистического и колониального гнета»¹³.

Освобождение от колониального гнета многих стран Азии и Африки, подъем национально-освободительной борьбы в странах Латинской Америки — все эти события первостепенной исторической важности ставят перед советскими этнографами большие требования.

Советские этнографы, воспитанные на передовых идеях марксизма-ленинизма, следуя примеру прогрессивной дореволюционной русской науки, в прошлом своими трудами не раз способствовали разоблачению и осуждению колониализма. Тем более велика их роль на современном этапе развертывания борьбы против позорной колониальной системы. Неотложной задачей этнографов является создание ряда монографических исследований и обобщающих трудов, показывающих на конкретном материале губительное влияние колониализма на развитие самобытной культуры народов колониальных и зависимых стран и выдающиеся успехи в культурном развитии тех народов, которым удалось сбросить ярмо империалистического гнета. Актуальной задачей этнографической работы продолжает оставаться глубокое исследование закономерностей социального, культурного и национального развития

¹² «Коммунист», 1960, № 15, стр. 18.

¹³ «Правда», 6 декабря 1960 г.

образования и консолидации наций в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Долг советских ученых — продолжить и активизировать борьбу против реакционных колониалистских концепций буржуазной этнографии — функционализма, этнопсихологии и прежде всего против таких новейших конструкций идеологов неоколониализма, как неозволюционизм, релятивизм, теория ценностей.

Колониализм должен быть похоронен — такова воля народов мира. Советские этнографы обязаны приложить все свои знания и силы к тому, чтобы это веление времени стало действительностью в самом ближайшем будущем.

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

С. П. ТОЛСТОВ

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ *

Прежде чем перейти к существу дела, нужно внести ясность в некоторые терминологические вопросы.

Употребление термина «этнография» в дореволюционной русской, а затем и в советской науке отличается от принятого на Западе. Под термином «этнография» в западном понимании этого слова обычно подразумевается одна из узких, чисто описательных дисциплин, входящих в состав науки, известной на Западе под различными другими названиями. Так, в англоязычных странах эта наука в целом обычно именуется «антропологией», с разделением на «социальную антропологию», «культурную антропологию» (как синонимы или части которых нередко рассматриваются «теоретическая этнология» и «описательная этнография») и «физическую антропологию». Кроме того, под всем этим комплексом дисциплин обычно понимается лишь тот аспект их, который имеет дело с неевропейскими, культурно отсталыми народами бывших и еще существующих колоний. Аналогичные исследования, касающиеся народов Европы (и, добавим мы, европейского по происхождению населения Америки, Австралии и др.), обычно именуются «фольклор» или «народные знания». В германоязычных странах мы также встречаем разделение на две квази-самостоятельные науки — «Völkerkunde», куда входят этнология и этнография, и «Volkskunde» — термин по существу тождественный английскому «folk-lore», под которым подразумевается исследование традиционной культуры своего собственного народа.

Менее резко, но так же определенно это подразделение мы наблюдаем в романских странах — Франции, Италии и других, где в применении к неевропейским, преимущественно колониальным, странам употребляются термины «этнология» и «этнография», а в применении к своему народу «les traditions populaires», «tradizioni popolari» и т. п.

В дореволюционной русской и советской науке мы видим иное употребление терминов. В качестве общего термина для обозначения всего комплекса наук, исследующих специфические особенности культуры и быта народов, как европейских, так и неевропейских, употребляется один термин — «этнография». За последние годы этот термин в этом же значении получает все более широкое распространение в ряде других восточноевропейских, преимущественно славянских, стран. Начиная со времени создания Этнографического отдела Русского географического общества в 1845 г., термин «этнография» в этом смысле сохраняется в последующей русской литературе на всем протяжении истории русской науки. Термин «фольклор» в русской науке приобретает совершенно иное значе-

* Доклад на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов (Париж, июль-август 1960 г.)

ние, чем в англоязычных странах. Под названием «фольклор» в русском словоупотреблении выступает только устное народное творчество, причем отнюдь не только русское или принадлежащее украинцам, белорусам и другим народам европейской части СССР, но и устное творчество всех народов, в том числе и таких, как меланезийцы, австралийцы, бушмены и др. Соответственно наука, изучающая это устное народное творчество, получила у нас название фольклористики.

Термин «антропология» (как, впрочем, и в ряде западных не англоязычных стран) применялся и применяется у нас лишь к физической антропологии. Термин «этнология» до 1920-х гг. у нас встречался только в переводной литературе. В 1920-х гг. в ходе бурного процесса перестройки нашей этнографической науки этот термин получил на несколько лет распространение в некоторых школах советской этнографии. Однако уже к концу 1920-х гг. он вышел из употребления.

Можно задать вопрос, чем объясняется такое на первый взгляд незначительное, но на деле достаточно глубокое терминологическое расхождение между дореволюционной русской и советской наукой, с одной стороны, и наукой Запада, — с другой.

Дело в том, что в колониальных державах Запада развитие рассматриваемой науки пошло по существенно различным путям в применении к изучению колониальных народов, с одной стороны, и к изучению народов метрополий, с другой. Это и нашло свое отражение в терминологическом обособлении двух частей по существу единой науки. Для обоснования этого предлагалась даже «оригинальная» этимология термина «этнография», якобы означавшего не «описание народов», а «описание язычников» или «варваров».

В России, развивавшейся с XVI в. как феодальная многонациональная империя, оснований для этого противопоставления по существу не было. Положение русского народа — я имею в виду его основную массу — весьма мало отличалось от положения народов национальных окраин империи. Нередко оно было даже более тяжелым, особенно во времена крепостного права, когда, например в XVIII в., многие русские поселенцы Сибири стремились уравнивать себя в правах с так называемыми инородцами, причисляя себя к категории «ясашных», т. е. обложенных только специальным натуральным налогом, значительно меньшим многочисленных феодальных податей и повинностей, которые несли русские крестьяне. В соответствии с этим прогрессивная русская интеллигенция начала XIX в. не видела разницы в подходе к своему собственному народу и к другим народам Российской империи. То же отношение сохраняла эта интеллигенция на всем протяжении дореволюционного времени. После революции это традиционное в русской науке объединение отечественной этнографии и этнографии других народов, живущих как в СССР, так и за его пределами, получило еще большее основание.

Столь же существенные исторические причины лежат в основе отсутствия деления нашей науки в России и в СССР на «описательную этнографию» и «теоретическую этнологию». Уже в период, предшествовавший крестьянской реформе 1861 г., широко развернулись в России, главным образом в европейской ее части, этнографические исследования, ставившие перед собой большие теоретические и практические задачи, неотделимые от описательного аспекта нашей науки, от сбора и исследования конкретного материала¹. Еще в большей мере это единство описания жизни народов с теоретическим освещением наблюдаемых фактов сказывалось позднее, в начале XX в. и в особенности после Октябрьской революции, когда этнографы должны были решать многочисленные теоретические проблемы, связанные с коренной перестройкой жизни народов,

¹ См. Л. С. Берг, Всесоюзное географическое общество за сто лет, М.—Л., 1940, стр. 144—172.

стоявших перед революцией на самых различных уровнях социального и культурного развития².

Вообще деление наук на теоретические и описательные несвойственно русской, а тем более советской науке. Если оставить в стороне такие разделы естествознания, как, например, теоретическая физика, и весь комплекс философских наук, мы не можем привести сколько-нибудь существенного разграничения между теоретическим и описательным аспектом любой естественной или гуманитарной науки.

Сейчас мы под этнографией разумеем науку, всесторонне исследующую культурно-бытовые особенности различных народов или этнографических групп внутри того или иного народа и рассматривающую каждое явление в его историческом развитии.

Как для советской этнографии, так и для прогрессивной дореволюционной русской этнографии совершенно чуждо деление народов на «культурные» и «природные», на «исторические» и «неисторические». Именно поэтому, несмотря на всю специфику этнографии, мы включаем ее систему исторических наук. Вместе с тем, мы рассматриваем этнографию как пограничную область, с одной стороны, между различными отраслями исторических знаний, а с другой стороны, между этими последними и рядом других отраслей гуманитарных и естественных наук, прежде всего — комплексом географических дисциплин. Если экономическая география перебрасывает мост между географическими и экономическими науками, то этнография является связующим звеном между географией и историей. Мы рассматриваем этнографию, как разветвленный комплекс научных дисциплин, группирующихся вокруг собственно этнографии, исследующей современную жизнь народа преимущественно методом непосредственного наблюдения. Наряду с собственно этнографией мы выделяем историческую этнографию (что, конечно, отнюдь не значит, что собственно этнография не является исторической наукой). Историческая этнография отличается от собственно этнографии не проблематикой и общей методологией исследования, а лишь характером источников. Здесь таковыми являются не непосредственные наблюдения, а письменные памятники или архивные актовые документы, посвященные описанию жизни различных народов. Чем ближе к нашему времени, тем больше стирается грань между этими двумя видами этнографического исследования. За последние годы советскими этнографами издан целый ряд исследований, авторы которых (Т. А. Жданко, Н. А. Кисляков, Л. П. Потапов, М. А. Сергеев, Б. О. Долгих, Л. Н. Терентьева и др.) сочетают полевую этнографическую работу с изучением литературных памятников и архивных документов³.

Второй специальной отраслью этнографической науки можно назвать палеоэтнографию, которая, также не отличаясь от собственно этнографии по проблематике и методологии, опирается на исследования археологических источников. И здесь в большинстве случаев в работах одного и того же исследователя одна и та же проблема решается на основе использования как этнографических, так и археологических полевых материалов (к категории таких исследователей относится и автор настоящего доклада, а также М. Г. Левин, Т. А. Жданко и др.)⁴.

² См. С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Сов. этнография» (в дальнейшем цит. СЭ), 1947, № 4; его же, Сорок лет советской этнографии, СЭ, 1957, № 1.

³ Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.—Л., 1954; Н. А. Кисляков, Очерки истории Карагегина, Сталинабад, 1954; Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953; его же, Происхождение и формирование хакасской народности, Абакан, 1957; М. А. Сергеев, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, М.—Л., 1955; Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке, М., 1960; Л. Н. Терентьева, Колхозное крестьянство Латвии, М., 1960.

⁴ См., например: С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948; Т. А. Жданко, Изучение народного орнаментального искусства каракалпаков, СЭ, 1955, № 4; М. Г. Левин, Древнеэскимосский могильник в Уэлене, СЭ, 1960, № 1.

Как специализированная отрасль этнографии должна быть отмечена особенно близкая к географическому циклу наук этническая география, в нашей стране не отделяемая от исследования материалов этнической статистики.

Пограничной областью между этнографией и литературоведением является фольклористика.

Наконец, пограничное положение между этнографией и биологией занимает антропология, которая подразделяется на ряд специализированных дисциплин (этническая антропология, палеоантропология, морфология человека).

* *

*

В последние годы исследования советских этнографов все более сосредотачиваются на ограниченном круге больших теоретических проблем, работа над которыми сочетается с постановкой широких полевых исследований, подчиненных задаче решения этих проблем. Над этими проблемами работают сотрудники как Института этнографии АН СССР — самого крупного этнографического учреждения страны, в котором сосредоточено около 300 научных работников, так и многочисленных этнографических центров в академиях наук союзных республик и в различных городах Российской Федерации⁵. Эта концентрация усилий достигается благодаря проведению ежегодных конференций этнографов попеременно в Москве и других городах нашей страны (последняя конференция состоялась в мае 1960 г. в Киеве), на которых обсуждается общая проблематика исследований. Существуют и другие формы постоянного контакта между различными советскими этнографическими центрами: совместные экспедиции, совместные издания трудов, посвященных общим для различных районов нашей страны проблемам⁶, помощь со

⁵ В системе Академии наук СССР эти проблемы разрабатываются, кроме Ин-та этнографии (Москва, Ленинград), в Ин-те русской литературы (Пушкинский дом в Ленинграде), Ин-те истории, археологии и этнографии Башкирского филиала (Уфа), в-те истории, языка и литературы Дагестанского филиала (Махач-Кала), Ин-те языка, литературы и истории Казанского филиала (Казань), Ин-те истории, этнографии и археологии Карельского филиала (Петрозаводск), Ин-те истории, археологии этнографии Молдавского филиала (Кишинев), в Секторе истории, археологии и этнографии Коми-филиала (Сыктывкар), в Бурятском научно-исследов. ин-те Сибирского отделения Академии наук (Улан-Удэ), в Секторе истории и археологии Дальневосточного филиала (Владивосток), Ин-те языка, литературы и истории Якутского филиала (Якутск); в Российской Федерации — в научно-исследовательских институтах Кабардино-Балкарской (Нальчик) и Северо-Осетинской (Орджоникидзе) АССР, Карачаево-Черкесской (Черкесск), Адыгейской (Майкоп), Чечено-Ингушской (Грозный), Юго-Осетинской (Сталинири) АО, Мордовской (Саранск), Удмуртской (Ижевск), Марийской (Йошкар-Ола), Чувашской (Чебоксары) АССР, в Московском, Ленинградском, Ивановском и Саратовском университетах, в Гос. историческом музее (Москва), музее этнографии народов СССР (Ленинград) и в ряде краеведческих музеев, Научно-исследов. ин-те художественной промышленности (Москва); на Украине — Ин-те искусствования, фольклора и этнографии (Киев) и Музее этнографии и художественного промысла (Львов) АН УССР; в Белоруссии — в Ин-те искусствования, этнографии и фольклора АН БССР (Минск); в Грузии — в Ин-те искусствования и этнографии АН ГрузССР (Тбилиси), Абхазском ин-те языка, литературы и истории (Сухуми), Научно-исследов. ин-те АН ГрузССР (Батуми), Ин-те экспериментальной антропологии АН ГрузССР (Тбилиси); в Армении — в Ин-те археологии и этнографии АН АрмССР (Ереван); в Азербайджане — в Ин-те истории, археологии этнографии АН АзССР (Баку); в Узбекистане — в Ин-те истории, археологии и этнографии и в Музее искусства АН УзССР (Ташкент), в Каракалпакском филиале Н. УзССР (Нукус), в Ташкентском университете; в Казахстане — в Ин-те истории, археологии и этнографии АН КазССР (Алма-Ата); в Киргизии — в Ин-те истории и этнографии АН КиргССР (Фрунзе); в Туркмении — в Ин-те истории, археологии и этнографии АН ТуркССР (Ашхабад); в Таджикистане — в Ин-те истории, археологии и этнографии АН ТаджССР (Сталинабад); в Латвии — в Ин-те истории материальной культуры АН ЛатССР и в Этнографическом музее Латвии (Рига); в Литве — в Ин-те истории АН ЛитССР и в Музее истории и этнографии (Вильнюс); в Эстонии — в Ин-те истории (Таллин) и в Этнографическом музее АН ЭстССР (Тарту).

⁶ См. например, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции (Ин-т этнографии и Ин-т археологии АН СССР, Ин-т истории АН КиргССР), т. I, М., 1956:

стороны Института этнографии АН СССР научным центрам союзных и автономных республик в деле подготовки высококвалифицированных кадров и др.

В результате всех этих мероприятий в настоящее время работа советских этнографов концентрируется вокруг трех основных, ведущих исследовательских проблем или научных направлений:

1) исследование тех процессов, которые протекают ускоренными темпами в быту и культуре многочисленных народов СССР, в недавнем прошлом стоявших на весьма различных уровнях социально-экономического и культурного развития;

2) исследование национального состава и национальных особенностей культуры и быта населения земного шара;

3) исследование процессов исторического развития народов, в недавнем прошлом не имевших своей письменности и сохранявших многочисленные пережитки ранних этапов истории человечества.

Не имея возможности дать здесь детальное освещение всех этих направлений, я лишь кратко остановлюсь на первых двух, чтобы более подробно охарактеризовать комплекс проблем, составляющих третье направление. Это обусловливается отнюдь не тем, что мы этому направлению придаем первостепенное значение, а тем, что в мировой этнографической литературе именно по этому кругу вопросов ведутся наиболее значительные теоретические дискуссии.

* * *

Работа в области первого из перечисленных направлений занимала крупное место в советской этнографической науке уже с первых после революционных лет. Больше того, — как мы отмечали выше, исследование современной жизни народов занимало крупное место в трудах русских прогрессивных ученых уже в середине XIX в.

Особо пристальное внимание этому кругу проблем было уделено в годы после второй мировой войны. Особенно широкое развитие этого направления характерно для последних лет. Оно неразрывно связано с рядом конкретных задач, поставленных перед советской этнографией важнейшими правительственными решениями, предусматривающими быструю коренную перестройку хозяйства, быта и культуры народов нашей страны. Особенно значительной является ответственность советских этнографов в изучении преобразования культуры и быта наиболее отсталых в прошлом народов, в частности народов Крайнего Севера СССР. За последние годы Институтом этнографии и другими этнографическими центрами нашей страны издана целая серия капитальных этнографических работ, посвященных исследованию современной жизни различных народов СССР, в первую очередь колхозного крестьянства отдельных республик, областей и районов — русского, украинского и белорусского, народов Прибалтики, Волго-Камского бассейна, Северного Кавказа, Средней Азии, Сибири и др.⁷ Наряду с исследованием процессов, протекающих в среде колхозного крестьянства различных национальностей, за последние годы все большее внимание уделяется исследованию других общественных слоев советского общества, в первую очередь рабочего класса, формирование которого протекало в различных районах нашей страны в весьма различных условиях⁸. Наряду со ста-

т. II, М., 1959; т. III, Фрунзе, 1959; т. IV, М., 1960; Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции (Ин-т этнографии АН СССР, Ин-т истории АН ЭстССР, Ин-т истории материальной культуры АН ЛатССР, Ин-т истории АН ЛССР, Ин-т искусствознания, этнографии и фольклора АН БССР), тт. I и II, М., 1959.

⁷ Библиографию см. в нашей указанной выше работе «Сорок лет советской этнографии» (СЭ, 1957, № 5).

⁸ Библиографию см. там же; см. также: Ш. А. Наклычев, Некоторые стороны быта рабочих-нефтяников Небит-Дага, СЭ, 1959, №1; В. Ю. Крупянская, Неко-

рыми центрами промышленности России в послереволюционные годы в связи с быстрым процессом индустриализации национальных окраин СССР сформировались многочисленные новые центры, где в эти процессы оказались втянутыми народы, не только не имевшие до революции своей современной промышленности, но и продолжавшие сохранять еще в первые послереволюционные годы традиции кочевого быта и архаические формы охотничьего и рыболовного хозяйства.

Исследование протекающих на наших глазах бурных изменений в жизни этих народов представляет первостепенный теоретический и практический интерес. Работа над этой проблемой представляла значительные трудности, связанные с тем, что как в русской, так и в зарубежной литературе конца XIX — начала XX в. этой проблеме не уделялось сколько-нибудь значительного внимания. Носителем этнографических традиций считалось в эти десятилетия только крестьянство. Поэтому нам фактически пришлось прокладывать совершенно новые пути. Надо, впрочем, сказать, что в классический период развития русской этнографии в середине XIX в. значение исследования быта городского населения, в первую очередь рабочих, неоднократно подчеркивалось видными русскими этнографами.

Усиление внимания к изучению современных процессов характерно в послевоенный период не только для этнографов Советского Союза. Большой интерес представляют аналогичные исследования чехословацких и венгерских ученых⁹. Известное оживление интереса к этому аспекту этнографических исследований можно также отметить в Америке и во Франции (в последней, впрочем, этой проблемой занимаются не столько этнографы, сколько социологи¹⁰).

Второе направление приобрело в последнее время особое значение в условиях все расширяющихся международных связей советского народа и все возрастающего интереса, который проявляют широкие круги советской общественности к жизни народов зарубежных стран. Наиболее ярко оно представлено в советской науке работой большого авторского коллектива над 15-томной серией «Народы мира», шесть томов которой уже вышли в свет и получили положительную оценку как в советской, так и в зарубежной специальной литературе, а пять томов подготовлены к печати¹¹. Одновременно издается сокращенный вариант — «Очерки общей этнографии» в пяти выпусках¹². С этой проблемой связано также издание ряда этнографических монографий, посвященных отдельным народам СССР и зарубежных стран, а также издание этнографических карт, базирующихся на широком использовании статистического материала переписей населения, с привлечением других видов и источников, и

те аспекты этнографического изучения рабочих, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXIX, М., 1958; А. С. Куняцкий, К вопросу о методике этнографического изучения рабочих Украины, там же; В. Е. Гусев, Из опыта этнографического изучения рабочих старых заводов Южного Урала, «Уч. записки Челябинского пед. ин-та», т. I, вып. 1, Челябинск, 1956.

⁹ См. монографии, посвященные быту рабочих старых индустриальных центров Чехословакии: «Banická dedina Zakarovce», Bratislava, 1956; «Kladensko. Život a kultura lidu v průmyslové oblasti», Praha, 1959, а также сборник, посвященный вопросам изучения различных форм современного быта, в частности рабочих, — «Acta Ethnografica», т. V, Budapest, 1956.

¹⁰ E. D. Chapple, Applied anthropology in industry, «Anthropology to-day», Ed. Kroeber, Chicago, 1954; P. Chombert Lauwe, La vie quotidienne des familles ouvrières, Paris, 1956; «Paris et l'agglomération parisienne», тт. I и II, Paris, 1952; «Urban Sociology», UNESCO, Paris, 1955; Lagasse, Niveau et manifestation de culture chez les ouvriers de la grande industrie, Paris, 1948.

¹¹ Вышли тома: «Народы Африки», 1954; «Народы Сибири» и «Народы Австралии и Океании», 1956; «Народы Передней Азии», 1957; «Народы Америки (в двух полутамах)», 1959; подготовлены к печати: «Народы Индостана»; «Народы Кавказа» и «Народы Средней Азии» (по 2 полутама).

¹² Вышли выпуски: «Общие сведения. Австралия и Океания, Америка, Африка», М., 1957; «Зарубежная Азия» и «Азиатская часть СССР», М., 1959, в печати — «Зарубежная Европа» и «Европейская часть СССР».

построенных на базе нового метода этнографического картографирования — совмещения показа этнического состава с показом плотности населения¹³. Надо отметить также подготовку ряда историко-этнографических атласов (сибирского, русского, среднеазиатского, кавказского).

Важнейшими из теоретических проблем, связанных с этим направлением, являются проблемы классификации народов, происхождения различных национальных и этнических групп, формировавшихся на различных этапах исторического развития.

Переходя к характеристике наших работ по третьему из указанных направлений, мы должны снова вернуться к важнейшему с нашей точки зрения тезису советской этнографической науки. Это — положение о том, что этнография является прежде всего исторической наукой и что в основе методологии любых этнографических исследований, в том числе и исследований, касающихся ранних этапов развития человеческого общества и его культуры, лежат те же методологические принципы, которые применяются в любых других отраслях исторического знания. Именно с этим связано отмечавшееся выше резко отрицательное отношение советских этнографов к делению народов на «исторические» и «не исторические». С самого момента выделения человечества из животного мира человек становится активным творцом истории, вне которой не может быть понято ни одно явление общественного строя, быта и культуры ни одного народа, на какой бы примитивной стадии развития он ни стоял.

Основными объектами этнографического исследования являются не искусственные конструкции вроде «культур» или «моделей культуры» и т. п., а конкретные народы, каждый из которых имеет не менее богатую и сложную историю, чем любой из современных цивилизованных народов, будь то английский, французский, индийский, китайский или русский. Именно народы являются конкретными субъектами истории.

Изучение истории, бесписьменных или младописьменных народов отличается от изучения истории народов с древней литературной традицией только гораздо большей сложностью и трудностью, необходимость прибегать к таким видам источников, которые мало используются в других областях исторического исследования. Среди этих источников ведущее место занимает собственно этнографическое исследование — непосредственное наблюдение жизни народов. Однако оно является не единственным источником нашего исследования. Там, где мы располагаем археологическими материалами или — для более позднего периода — письменными памятниками, обычно считающимися историческими источниками в первую очередь, этнограф опирается, как мы отмечали выше, на всю совокупность этих материалов. Чем дальше, тем больше, в связи с накоплением материалов, эти новые для этнографии виды источников входят в нашу работу как неперемное условие ее успеха.

Одним из чрезвычайно важных элементов исторической науки является хронология. Без твердой хронологической базы никакие социальные или историко-культурные построения не могут быть до конца

¹³ Вышли карты: Народов Индостана (М., 1956); Народов Китая, Монгольской Народной Республики и Кореи (1959); Народов Индокитая (1959). Подготовлены: Карта народов мира; Народов Африки; Народов Индонезии и Филиппин; Народов Передней Азии. О методе см.: П. И. Кушнер (Кнышев), Методы картографирования национального состава населения, СЭ, 1950, № 4; П. Е. Терлецкий, Об опыте этнического картографирования (на примере составления этнической карты Южно-Африканского Союза), СЭ, 1952, № 2; его же, О новом методе этнического картографирования (К вопросу о составлении этнической карты мира), СЭ, 1953, № 1

доказаны, так как остается место для различных произвольных толкований. Если еще недавно большинство этнографов считало вполне удовлетворительным установление лишь относительной хронологии этнографических явлений, то на современном уровне развития всего комплекса исторических знаний этого совершенно недостаточно. Абсолютная хронология, конечно, не может базироваться только на собственно этнографических данных, по самой своей природе охватывающих крайне ограниченный хронологически отрезок времени. Здесь и выступают на первое место другие перечисленные выше виды исторических источников, без всестороннего учета которых сейчас уже невозможно полноценное этнографическое исследование. Ограничусь приведением лишь двух-трех примеров, показывающих, насколько значительную роль в современном исследовании играет абсолютная хронология этнографических явлений.

Упомяну о проблеме происхождения оленеводства, занимающего в этнографической литературе очень крупное место. Еще не так давно эта отрасль хозяйства рассматривалась как одна из наиболее древних форм скотоводства, восходящая чуть ли не к палеолитическим традициям. Сейчас работами советских этнографов и археологов¹⁴ твердо доказано, что оленеводство — это очень позднее историческое явление, зародившееся на грани дохристианской и христианской эры у народов, предки которых некогда были знакомы с разведением рогатого скота и лошадей и освоили оленеводство как главную отрасль хозяйства в связи с одной из хронологически последних крупных волн заселения северных окраин Евразии.

Сибирское шаманство считалось одной из весьма древних форм религии. Сейчас в свете всей совокупности доступных источников можно считать твердо установленным, что специфически характерные для Сибири формы развитого шаманизма также относительно очень позднее явление, связанное с влиянием великих религий Древнего Востока, прежде всего северного буддизма. Столь же поздним, базирующимся на тесных экономических связях народов Евразийского севера с древними центрами цивилизации Востока, мы считаем и такое явление, как широкое распространение на Севере патриархальных институтов, сочетающихся с разнообразными и весьма сильными пережитками матриархата¹⁵.

Можно было бы бесконечно множить примеры и в отношении целых крупных областей и в отношении отдельных народов.

Однако уже три приведенных примера показывают, насколько зыбки некоторые широко распространенные этнографические «теории», последователи которых не учитывают элемента абсолютной хронологии и не исследуют (прежде чем делать общеобязательный вывод) историю конкретных бесписьменных народов, — такие, как, например, теория извечного кочевого патриархата северных народов.

Длительное и тщательное изучение конкретной истории отдельных, в недавнем прошлом отсталых бесписьменных народов нашей страны, а также, насколько это для нас доступно, истории аналогичных народов зарубежных стран, позволило нам воссоздать в общих чертах требующую, конечно, уточнения в своих деталях общую картину исторического развития первобытного человечества. Эта проблема имела большое значение в первые послереволюционные годы, когда, как мы отмечали выше, большое число прежде отсталых народов нашей страны оказалось втянуто в грандиозную реконструкцию всех основ хозяйства, обществен-

¹⁴ А. Н. Максимов, Происхождение оленеводства. «Уч. записки РАНИОН», VI, М., 1928; С. П. Толстов, Основные задачи и пути развития советской этнографии. «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XII, 1950; Г. М. Васильевич и М. Г. Левин, Типы оленеводства и их происхождение, СЭ, 1951, № 1.

¹⁵ Б. О. Долгих и М. Г. Левин, Переход от родоплеменных связей к территориальным в истории народов Северной Сибири, Сб. «Родовое общество», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XIV, М., 1951.

ной и культурной жизни. Она особенно важна сейчас, когда к самостоятельному развитию и активному участию в политической жизни человечества приобщаются огромные массы прежде (не по своей вине) отсталых народов бывших и еще существующих колоний в Азии и Африке, а также значительная часть населения Латинской Америки.

Отправной точкой для наших исследований является выдающийся труд прогрессивного американского ученого минувшего столетия Л.-Г. Моргана «Древнее общество», заслуживший в свое время высокую оценку Маркса и Энгельса и легший в основу замечательного труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Новейшие исследования советских этнографов показали, что в то время как отдельные частные положения Моргана устарели и должны быть пересмотрены в свете новых данных, основная идея Моргана — идея прогрессивного развития человечества на базе развития материальных производительных сил общества — и важнейшие частные положения этого исследования, в особенности положение о ведущей роли в истории первобытного человечества материнско-родовой организации, остались не только не поколеблены, но подкрепляются всей совокупностью вновь накопленного материала ¹⁶.

* *
*

Первый этап истории человечества, реконструируемый нами не собственно этнографическим, а лишь по археологическим и палеоантропологическим материалам, это длительный, охватывающий несколько сот тысячелетий период, отделяющий первые ископаемые формы гоминид от современного вида человека. Мы располагаем далеко еще недостаточным материалом для характеристики этой эпохи, которую в нашей литературе принято называть эпохой первобытного человеческого стада. Но именно в ее рамках шел длительный процесс освобождения человека от многочисленных архаических признаков, унаследованных им от его животных предков, процесс развития и сложения тех высокоспециализированных признаков, — в первую очередь развитого головного мозга и связанных с ним органов речи, — которые характерны только для современного вида человека. И в ту эпоху существовали локальные разновидности и самого человека и его культуры, но ни то, ни другое не нашло своего последующего отражения в современном человечестве, претерпевшем уже на заре своей истории столь глубокие и значительные качественные изменения, что оказывается уже невозможным перекинуть, хотя бы гипотетические мосты между отдельными локальными особенностями первобытных человеческих стад и последующими аналогичными особенностями современного человека.

Начало верхнего палеолита — это эпоха, для исследования которой мы не только вправе, но и обязаны широко использовать с необходимыми поправками на время и место обильный материал, собранный на протяжении последних двух столетий самоотверженным трудом этнографов у различных отсталых народов земного шара. Хотя, вопреки мнению некоторых этнографов, современная наука доказывает со всей убедительностью, что до нашего времени не сохранился ни один народ, стоящий на ступени верхнего палеолита (не говоря уже о среднем палеолите, к которому вопреки фактам некоторые исследователи относили бесчелю-

¹⁶ С. П. Толстов, К. Маркс и Л.-Г. Морган, СЭ, 1956, № 1; его же, К вопросу о периодизации истории первобытного общества, там же; М. Г. Левин, История эволюция, диффузия, СЭ, 1947, № 2; А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, Сб. «Родовое общество» (цит. выше); Д. А. Ольдерогге, Некоторые вопросы изучения систем родства, СЭ, 1958, № 1.

вечно истребленное население Тасмании), однако для понимания материальной культуры человека верхнего палеолита, как и его духовной культуры, отраженной в великолепных памятниках верхнепалеолитического искусства, этнографический материал, прежде всего материал по тем же тасманийцам и австралийцам в момент их соприкосновения с европейцами, совершенно необходим.

Для всей обширной исторической эпохи, охватывающей время от начала верхнего палеолита (ориньяк) до мезолита и раннего неолита, характерны охотничье полуседлое хозяйство, изощренно высокая техника изготовления орудий из кремня и кости, материнско-родовая организация — основа общественной структуры первобытного общества — и специфические формы первобытной религии, известные под именем магии, тотемизма и фетишизма. Относительно узкий экологический ареал расселения первобытного человечества в ту эпоху, когда все еще не были заселены такие страны, как весь гигантский материк обеих Америк и Австралия вместе с Океанией, обуславливает сравнительно незначительную дифференциацию типов культуры на всем протяжении все же обширной и в ту эпоху территории эйкумены.

Хотя процесс исторического развития в связи с накопленными за огромный предшествующий период материальными и духовными достижениями человечества шел значительно быстрее, чем в эпоху первобытного стада, однако все же изменения, происшедшие в культурном развитии человечества за несколько десятков тысячелетий, были весьма невелики по сравнению с теми, которые произошли за гораздо более короткий последующий исторический период.

Эпоха неолита охватывает всего лишь несколько тысячелетий. Однако за это время человечество обогатилось огромным количеством достижений, прежде всего в области материальной культуры. Важнейшими из этих нововведений в начальную эпоху неолита являются открытие такого орудия, как лук и стрелы, внесшего переворот во всю технику первобытной охоты, а затем, на первый взгляд менее существенное, но на деле еще более значительное открытие, резко изменившее весь пищевой рацион человечества и значительно расширившее ассортимент пищевого сырья, — открытие изготовления керамики. Конечный этап этого периода знаменуется появлением подготовленного тем же изобретением керамики земледелия, глубоко революционизировавшего все первобытное хозяйство и являющегося до сих пор основным способом добывания пищи современного человека, а также открытием металлов, в первую очередь меди, подготовившим переход к настоящей индустриальной революции, которой заканчивается тот период истории, когда все человечество стояло еще на этапе господства первобытной общины в ее материнско-родовой форме, одинаково характерной как для эпохи верхнего палеолита, так и для эпохи неолита.

Все перечисленные, а также и не упомянутые нами здесь открытия, с одной стороны, повели к чрезвычайно быстрому росту плотности населения, явившейся причиной стремления тогдашнего человечества к освоению новых территорий, а с другой стороны, сделали возможным само освоение этих территорий, зачастую с экологической точки зрения резко отличавшихся от традиционных мест первоначального обитания человека. Вопрос о палеолитическом возрасте некоторых археологических памятников Америки является до сих пор дискуссионным. Однако безотносительно к решению этого вопроса можно с определенностью утверждать, что основной поток заселения Америки датируется временем не раньше раннего неолита.

Именно на эту эпоху падает заселение первобытным человеком Нового света, да и в Старом свете разворачиваются процессы открытия и расселения областей, остававшихся ранее необитаемыми. Именно этот процесс великого расселения человечества приводит в конце неолитиче-

ской эпохи и на заре века металла к образованию многих локальных вариантов человеческой культуры, обусловленных прежде всего многообразием источников существования на осваиваемых человеком территориях. Этим временем датируется возникновение хозяйственно-культурных типов, учение о которых разработано советскими этнографами¹⁷.

Этим же разнообразием географических условий в ту эпоху обусловлено начало формирования современных человеческих рас, наиболее значительные различия которых связаны с адаптивным приспособлением к различным условиям географической среды; влияние ее, хотя уже к этому времени очень сильно уменьшившееся, все же накладывало известный отпечаток на имевшие второстепенное значение внешние физические признаки человека (цвет кожи, строение лица, форма волос). Дальнейшее развитие человеческой культуры фактически почти полностью снимает адаптивное значение этих признаков, которые являются лишь не имеющим сейчас никакого практического значения пережитком, унаследованным современным человеком от эпохи «первобытных географических открытий»¹⁸.

Эпоха неолита и перехода к веку металла, являющаяся, как мы видели, временем формирования значительных локальных различий в культуре человечества, вместе с тем представляет собой эпоху, когда впервые проявилось значительное различие в темпах прогрессивного исторического развития населения различных экологических зон. Нужно выделить зону особо быстрого развития — зону интенсивного земледелия на базе искусственного орошения, где уже более 5 тысяч лет назад начинают складываться первые государственные образования, связанные с возникновением древнейших антагонистических обществ в наиболее архаической раннерабовладельческой форме (древние Месопотамия и Египет, несколько позднее — область бассейна Инда, еще позднее — область бассейна Хуанхэ).

Подавляющее большинство современных цивилизованных народов продолжает в эту эпоху, охватывающую IV — II тысячелетия до н. э., жить первобытным хозяйственным и общественным строем. Лишь следующая «промышленная революция», связанная с открытием железа как основного материала изготовления орудий, влечет за собой значительное расширение области древних цивилизаций, охватывающей к концу I тысячелетия до н. э. и в I тысячелетии н. э. огромное пространство от Гибралтара на западе до Тихого океана на востоке, включая обширную территорию субтропического, а частью и тропического земледелия на юге и области земледельческой культуры умеренного пояса на севере. На этот исторический период падает время высшего развития рабовладельческой формации антагонистического общества, время ее длительного кризиса и перехода к следующей за ней феодальной формации, обусловленного дальнейшим прогрессивным развитием производительных сил общества¹⁹. Только на крайней периферии Старого света,

¹⁷ С. П. Толстов, Очерки первоначального ислама, СЭ, 1932, № 2; его же, Этнография и современность, СЭ, 1956, № 1; М. Г. Левин, и Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, СЭ, 1955, № 4; А. А. Формозов, Этно-культурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, М., 1959.

¹⁸ См. Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Основы антропологии, М., 1955; С. А. Семенов, О сложении защитного аппарата глаз монгольского расового типа, СЭ, 1951, № 4; его же, Проблемы происхождения волосного покрова современного человека, «Антропологический сборник», II, Труды Ин-та этнографии, т. L, 1960.

¹⁹ С. П. Толстов, Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., Труды Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1958, стр. 103; С. P. Tolstov, Les résultats des travaux de l'expédition archéologique et ethnographique de l'Académie des sciences de l'URSS au Khorezm en 1951—1955, «Arts asiatiques», t. IV, f. 2, стр. 83—112; f. 3, стр. 183—198.

удаленных от древних центров цивилизации областях, преимущественно в субарктических и арктических районах на севере и в особенно суровых югах тропиков, еще сохраняются значительные массивы населения, живущего по-прежнему первобытно-общинным строем, хотя в ряде случаев несущем на себе сильные влияния древних цивилизаций. Надо оговориться, что и внутри очерченной выше зоны древних цивилизаций, в горах и пустынях, в тропических лесах также сохраняются условия для переживания первобытно-общинных институтов. Именно в этих областях, прежде всего на отдаленной периферии тогдашнего цивилизованного мира, получают развитие поздние, свойственные только им формы первобытно-общинного строя, в первую очередь патриархально-родовая организация²⁰.

Особо надо отметить области Нового Света. Значительное отставание в культурном развитии Америки и особенно Австралии и Океании является одной из весьма важных и спорных историко-этнографических проблем. В результате своих исследований советские этнографы приходят к выводу, что причиной такого отставания является сам надолго затянувшийся процесс освоения этих весьма отличных в экологическом отношении от Старого Света областей. Наиболее передовая для своего времени область Латинской Америки — область культуры майя — хронологически запаздывает в своем развитии по сравнению с передовыми уровнями цивилизациями Старого Света на два-три тысячелетия. Соответствующее запоздание может быть констатировано и для других экологических районов американского континента. По времени это отставание целиком покрывается длительной эпохой первоначального заселения континента. Этот же критерий с известными поправками на специфические географические условия может быть применен к объяснению причин задержки в историческом развитии коренных народов Австралии и Океании²¹.

В результате всего изложенного выше к началу нового времени, к эпохе великих географических открытий и началу эры колониализма, времени зарождения в рамках феодального общества и дальнейшего развития новой, последней антагонистической формации — капиталистической, культурная этническая карта человечества представляла весьма сложную картину, до сих пор являющуюся объектом постоянных дискуссий среди этнографов, историков и социологов. Эта картина еще более усложняется вследствие искусственной задержки развития ряда народов, в том числе и передовых для своего времени, в результате превращения их в объект колониальной эксплуатации. Попытки объяснить это многообразие уровней социального и культурного развития различных современных народов расовым критерием или критерием якобы извечно приписанных различным народам «моделей культуры» не выдерживают критики при сопоставлении с фактами. Эти различия могут быть удовлетворительно объяснены лишь как результат различных условий, в которых протекало историческое развитие конкретных народов.

Сейчас, в эпоху сосуществования последней, капиталистической формы антагонистического общества с новой, прогрессивной формой — бесклассового социалистического общества, когда кончается эра господства колониализма и народы мира, в том числе и наиболее отсталые, выходят на широкую дорогу равноправного развития в рамках суверенных государств, правильное решение этой проблемы становится особенно актуальным. Мы несколько не сомневаемся, что общими усилиями исследователей различных стран эта проблема будет полностью разрешена.

²⁰ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 282—338 (Экскурс III — «Путь прибантов»).

²¹ См. «Народы Австралии и Океании», под ред. С. А. Токарева и С. П. Толстова, М., 1956, стр. 24—33; «Народы Америки», I, под ред. А. В. Ефимова и С. А. Токарева, М., 1956, стр. 10—24, 53—54.

SUMMARY

In pre-revolutionary Russian and in Soviet science, the term «ethnography» is used to denote the entire group of sciences dealing with the specific features of the culture and life of both European and non-European peoples. This use of the term differs from that current in the West where it denotes a narrow, descriptive branch of learning—a component of a comprehensive science called anthropology. Anthropology there implies the study of non-European, culturally backward peoples; the same studies with regard to peoples of European origin are called folklore.

The division of peoples into «cultural» and «natural», «historical» and «non-historical» is alien to Soviet scientists, and for this reason they consider ethnography to belong to historical sciences. Along with ethnography proper, which investigates the contemporary life of peoples through direct observation, there exist historical ethnography (based on studies of written records) and paleoethnography (based on studies of archeological sources).

At present research by Soviet ethnographers is centred around three main problems:

I) Studies of the processes proceeding at a rapid pace and affecting the way of life and culture of the peoples of the USSR, who recently were in widely differing stages of socio-economic and cultural development. The extensive elaboration of this trend of research is specified by the rapid, radical rebuilding of the economy, way of life and culture of the Soviet peoples. In the post-war period the USSR Academy of Sciences, Institute of Ethnography and other centres of ethnographical research published a whole series of articles and fundamental works dealing with the present-day life of the peoples of the USSR.

II) Studies of the national composition and national features in the culture and way of life of the peoples of the world. Considerable groups of authors are working on the fifteen-volume «Peoples of the World» series (of which six volumes have already come off the press) and «Surveys in General Ethnography» (five fascicles). A series of detailed ethnographical maps is also published (population maps of Africa, Western Asia, etc.).

III) Studies of the processes of historical development of those peoples who had recently had no written language of their own and retained numerous vestiges of the earlier stages of human history. Studies of the concrete histories of different peoples of the Soviet Union and other countries, recently backward and lacking an alphabet of their own, enable us to recreate the general aspects of the historical pattern of mankind's development. During the first stage (the primitive horde) a lengthy process occurred whereby man gradually lost the features handed down from his animal forebears. The Upper Paleolithic is characterized by a semi-settled hunters' economy, well-developed techniques of manufacturing flint and bone tools. This period saw the emergence of the matriarchal tribal system—the basis of the social system of prehistoric society. The limited area of the settlement of early mankind (the Americas, Australia and Oceania still had no human population) accounted for a relatively insignificant differentiation of cultural types. The Neolithic and the early Metal Age were marked by numerous achievements in the sphere of material culture (invention of the bow and arrow, manufacturing of ceramics, discovery of copper). At that period the New World was populated and the formerly uninhabited areas of the Old World settled; different economic-cultural types emerged, and the modern human races took shape in the process of adjustment to different geographical environments. The prevailing system at that time was the primitive-communal system.

The manufacture of iron tools and the general progress of production led to the rise of a class, slave-holding society; the only areas to which it did not spread were the extreme outlying parts of the Old World (the subarctic and arctic territories in the North) and the tropical zones. The considerable cultural lag of America and in particular Australia and Oceania is to be explained by the long-drawn-out process of populating and settling of those territories.

By the beginning of the modern period—that of the emergence and development of the capitalist system—the cultural-ethnic map of the world was rendered extremely

complicated, especially in view of the artificially retarded development of several peoples subject to colonial exploitation. It is impossible to offer a valid explanation of the existence of widely differing levels of social and cultural development of peoples today, on the basis of race distinctions or distinctions in their allegedly eternal «patterns of culture»; this is solely the result of different conditions under which the historical development of each people occurred. At the present time, when the era of colonialism is coming to an end, when the peoples of the world, including the most backward, are embarking upon the highroad of equal development within sovereign states, a correct solution of this problem is becoming increasingly urgent. There is no cause to doubt that the concerted efforts of researchers from different countries will result in a proper and final solution of the above problem.

Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ РОДСТВА *

История изучения систем родства имеет почти столетнюю давность. Начало их изучению положил Льюис Генри Морган, в 1871 г. опубликовавший исследование «Системы родства и свойства» и впоследствии развивший свои взгляды в своей знаменитой работе «Древнее общество», которая вышла в 1877 г. и составила эпоху в науке¹. Следует сказать, что задолго до того некоторые путешественники и миссионеры, знакомые с обычаями и языками народов Африки и Северной Америки, отмечали своеобразие системы родства многих племен. Сохранились дошедшие до нас от XVII в. сообщения, дающие довольно ясное представление об особенностях терминологии и систем родства². Такова, например, запись системы родства баконго в грамматике языка конго, составленной префектом апостолической миссии Гиацинтом Брушотто да Ветралья. Это, насколько мне известно, наиболее раннее свидетельство о системе родства банту, которое дает возможность проследить развитие системы родства баконго на протяжении 300 лет³.

Однако лишь Моргану удалось поставить проблему изучения систем родства на прочную научную основу. Морган подметил известную закономерность в развитии систем родства. Ему удалось показать, что система родства ирокезов и система родства дравидов Южной Индии по структуре своей однотипны, хотя эти народы разделены огромным пространством и говорят на языках, принадлежащих к различным языковым семьям. Позднее выяснилось, что системы ирокезского или дравидийского типа распространены гораздо шире, чем это казалось Моргану и к ним относится большинство систем родства народов Африки, Южной Америки и многих других. Как известно, Морган разделил все системы родства на две группы, назвав первую из них системами классификационными и вторую группу системами описательными. Первые из них, т. е. классификационные системы, он подразделял на древние системы, названные им малайскими, и вторые, более поздние — тураноганованскими. Описательные системы, по мнению Моргана, были присущи народам семитской и арийской ветвей, классификационные системы — народам Азии и Америки, причем системы малайского типа — на родах Океании и Африки⁴.

* Доклад на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов (Париж июль — август 1960 г.)

¹ Основные работы: L. H. Morgan, *Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family*, Washington, 1871; его же, *Ancient Society*, New York, 1877.

² Очень ясное изложение основных принципов ирокезской системы родства да в своей работе Лафито (J. F. Lafitau, *Moeurs des sauvages américains, comparées aux mœurs des premiers temps*, Paris, 1724).

³ См.: Д. А. Ольдерогге. Система родства баконго в XVII в., «Африканский этнографический сборник», III, Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LII, М.—Л 1959, стр. 1—35.

⁴ На основании неточной информации, полученной Морганом из Южной Африки от А. Абрахам'a, он пришел к выводу, что система родства зулу относится к числу систем родства гавайского типа.

Позднейшими работами, посвященными изучению систем родства, многие положения Моргана были уточнены. Системы родства малайского типа оказались результатом развития и упрощения более сложных систем турано-ганованского типа⁵. Были возражения также и против принятого Морганом наименования систем родства описательными и классификационными и противополжения первых вторым. Довольно справедливо отмечалось, что системы родства народов Европы, т. е. описательные системы, тоже в какой-то степени классифицируют, объединяя группы родственников по известным принципам, и в этом отношении являются в какой-то мере классификационными⁶. С другой стороны, системы родства, называемые классификационными, содержат иногда чисто описательные термины, и, таким образом, противопоставление классификационных систем родства описательным в известной степени ложно.

Однако, как бы далеко ни шла критика положений Моргана, его залоги остаются неоспоримыми. Морган показал, что в системах родства имеется определенная закономерность. Не случайно, что системы родства некоторых групп ирокезов, дравидов и многих народов Африки, как суданских, так и народов, говорящих на языках банту, — однотипны. Также не является случайным то обстоятельство, что варианты турано-ганованских систем, а именно системы родства типа кроу, встречаются только в обществах с матрилинейным счетом родства, а системы типа омаха — в обществах с патрилинейным счетом родства. Это все указывает, что существуют определенные закономерности в развитии систем родства.

Последователи Моргана, в частности Колер и другие, пытались обнаружить эти закономерности в наличии особых форм брака. Для объяснения группировки различных категорий родственников они конструировали самые невероятные и подчас весьма сложные формы брака. Нельзя сказать, чтобы объяснения подобного рода были удачными. Однако неудачи подобных попыток не дают нам основания разделять жептицизм Лоуи, столь резко выраженный им в его известной работе «Primitive Society», в которой он начисто отказывается от каких-либо попыток найти закономерности в развитии общества⁷. Неосновательным же представляется также и мнение крупнейшего американского антрополога Крёбера, отрицающего возможность объяснения систем родства, исходя из особенностей общественного строя⁸. Несомненно, всякая терминология родства является областью, подлежащей изучению лингвиста, но группировка терминов, т. е. система родства, определяется не принадлежностью языка к данной языковой группе, а отражает определенные общественные условия. Сомневаться в этом невозможно, так как мы знаем, что группы родственников, объединяемые одним наименованием, имеют одинаковые права и обязанности. Термин родства определяет статус, имущественное положение, права на наследство, на занятие должности или, точнее, на звание и т. п. Все это доказано множеством специальных исследований, и нет необходимости здесь на этом останавливаться. Радклиф-Браун в этом отношении прав, отмечая связь

⁵ О позднем происхождении систем родства малайского или гавайского типа писали Верс, Штернберг и другие исследователи. См. литературу в статье Д. А. Ольдерогге «Малайская система родства», Сб. «Родовое общество», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XIV, 1951, стр. 28—66.

⁶ Так, например, термины родства «дядя», «тетка», «племянник» имеют гораздо более классификационный характер, чем соответствующие им термины в системах родства турано-ганованского типа, которые различают дядьев и теток с отцовской и материнской сторон, а племянники — дети сестер — отличаются терминологически от детей братьев.

⁷ См.: R. H. Lowie, Primitive Society, New York, 1920, стр. 441.

⁸ A. I. Kroeber, Classificatory Systems of Relationship, «Journal of the Royal Anthropological Inst.», т. XXXIX, 1909, стр. 74—84.

общественной организации с терминологией родства⁹. Однако отрицание им единого исторического процесса представляется мне неправильным, так же, как и столь характерные для всех представителей функциональной школы возражения против так называемой *conjectural history*, т. е. вымышленной истории. Нападая на сторонников этой «вымышленной истории», Малиновский и его сторонники имели в виду представителей эволюционного направления и последователей Моргана, которые будто бы придерживаются мнения об однотипном и прямолинейном развитии общества. К числу этих последователей Моргана многие англо-американские социологи относят и марксистов, что является глубокой ошибкой, так как марксизм стоит на точке зрения признания общих закономерностей исторического процесса, но учитывает при этом конкретные условия и своеобразие реальной исторической обстановки.

По-видимому, при анализе систем родства следует различать основные принципы структуры, определяющие тип системы родства, и второстепенные черты, определяемые местными условиями, обычаями и различными брачными нормами. Основными принципами структуры системы родства следует считать те черты, которые отражают общественно-экономическую структуру данного общества или, точнее, ту экономическую ячейку, которая является основной в данном обществе. В основе всех типов турано-ганованских систем родства, по-видимому, лежат принципы, отражающие экономическое единство рода. Это экономическое единство рода проявляется в едином владении средствами производства, главным образом в общинном землевладении, в скотоводческих обществах — в совместном владении пастбищами, у охотников — охотничьими территориями. Каждый род, представляющий собой единую группу родственников, совместно владеющих основным средством производства, т. е. землей, распадается на группы и в конечном счете на отдельные семьи, но эти семьи не имеют экономической самостоятельности. Основная черта парной семьи заключается не в устойчивости или неустойчивости брака, как часто трактовались эти проблемы в этнографической литературе, а в подчиненности ее экономике рода или его подразделения. Экономическая несамостоятельность ее прекрасно выяснена на примерах Австралии, Южной Америки и даже Африки. Достаточно указать на роль отдельной семьи у народов майомбе и баконго, у которых, судя по описаниям ван-Винга и де Клейна¹⁰, отдельная семья представляет собою только биологическую, но не экономическую единицу. В матрилинейных обществах Западной Африки, я имею в виду Африку конца XIX — начала XX в., т. е. до развития в ней капиталистических отношений, которые повлекли за собою распадение родовой организации, в этих матрилинейных обществах муж и жена имеют различные имущественные интересы. Мы с полным правом можем говорить о том, что семья целиком поглощена родом или его подразделениями. Внешним выражением единства рода в вопросах брачных взаимоотношений является экзогамия. Экзогамию очевидно, следует понимать не как негативное правило — запрещении вступать в брак в пределах своей родовой группы, а, напротив, как положительное требование брать жен из определенной или определенных родовых групп. По-видимому, некогда существовали группы родов, связанные между собою обычаями и обязательствами взаимных браков. Простейшей формой связи была дуальная организация, наряду с ней существовали формы связи трех и более родов. В одно из своих работ, анализируя эти формы брака, я назвал эту форм

⁹ См., например, его введение к книге «*African Systems of Kinship and Marriage*» (Oxford, 1955).

¹⁰ Van Wing, *Études Bakongo. Histoire et Sociologie*, Bruxelles (1920); N. Bruxelles de Cleene, *La famille dans l'organisation sociale du Mayombe*, «Africa», т. 1, 1937, стр. 2, сл.

связи *gens triplex* и соответственно предложил наряду с терминами эндогамия и экзогамия ввести особый термин «эпигамия» для обозначения обязательства заключения брака в определенном роде или группе родов¹¹.

Выясняя основные принципы систем родства турано-ганованского типа, Лоуи совершенно правильно указывал на экзогамию как основную причину группировки родственников по двум линиям — линии отца и линии матери¹². Действительно, характерной чертой систем родства турано-ганованского типа является в первом восходящем поколении объединение отца и всех его братьев под одним термином, матери и всех ее сестер — другим термином и обособление сестер отца и братьев матери, т. е. теток и дядьев¹³. Отсюда с необходимостью следует объединение всех параллельных кузенов с братьями/сестрами и выделение групп перекрестных кузенов. Все эти черты определяют принцип экзогамии рода. Надо иметь в виду, что структура системы родства турано-ганованского типа одинакова как при патрилинейном, так и при матрилинейном счете родства. В обоих случаях налицо две группы родственников — ближайшие сородичи и дядья/тетки с их потомством. Между этими двумя группами родственников устанавливаются брачные взаимоотношения. Группировка остается абсолютно той же при любом счете родства. Основу деления, однако, в конечном счете составляют экономические отношения. Экзогамную группу составляют сородичи, живущие совместно и имеющие определенные права на земельные угодья. Отмечая экзогамию как основную черту турано-ганованской системы родства, Лоуи не продолжил своих выводов и не затронул экономической стороны вопроса.

Два типа систем родства или два вида турано-ганованской системы — кроу и омаха отличаются замечательными особенностями классификации перекрестных кузенов. Насколько мне известно, у бапенде, судя по прекрасным работам Суберга¹⁴ и на основании моих собственных бесед с одним из бапенде о системе их родства, неравноправное положение кузенов определяется правами наследования имущества. Дети брата матери считаются детьми потомков сестры отца, так как те, будучи племянниками отца первых, наследуют имущество. По отношению к ним дети брата матери стоят, по выражению римского права, *in loco filiae*. Обратный случай мы имеем в системе омаха, где отношения перекрестных кузенов прямо противоположны. Для системы омаха характерно объединение брата матери, отца матери и всех его потомков под одним именем, и обратно: объединение под одним термином сына сестры и внука¹⁵. Системы подобного типа встречаются во многих местах земного шара не только в Северной Америке, но и в Африке. Эти черты присущи тюркским системам родства, в частности они очень ясны в записях казахской системы родства, опубликованных Н. Гродековым во второй половине прошлого века¹⁶. Все эти системы родства встречаются только у народов с отцовским счетом родства. К числу их следует отнести, как это ни покажется странным, также латинскую систему родства. Определяя латинскую систему родства как описательную, Морган следовал юридической традиции римских

¹¹ Имеется в виду предлог «*et*» в значении «направление к чему-нибудь», «в сторону чего-нибудь», например, плыть к берегу. См.: Д. А. Ольдерогге, Трехродовой союз или кольцевая связь родов (*Gens triplex*), «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», I, 1945, стр. 23—25.

¹² L. H. Lowie, Exogamy and the Classificatory System of Relationship, «*American Anthropologist*», т. 17, 1915, стр. 223—239.

¹³ По терминологии Лоуи — *bifurcate merging type*.

¹⁴ L. Sousberghe, Structures de parenté et d'alliance d'après les formules Pende, «*Académie Royale des Sciences Coloniales*», т. IV, 1, Bruxelles, 1955.

¹⁵ J. O. Dorsey, Omaha Sociology, Washington, 1884.

¹⁶ Н. Гродеков, Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. 1, Юридический быт, Ташкент, 1889

юристов — Гая, Ульпиана и др., которые, разрабатывая вопросы наследования имущества, всячески стремились устранить двусмысленность терминов, подобно, например, термину *peros*, который в быту обозначал одновременно внука и племянника — черта системы типа омаха. Другой чертой этого же типа в латинской терминологии родства является термин *avunculus*, тесно связанный с термином *avus* — дед. Объединение под одним термином брата матери и деда — отца матери также является чертой типа омаха и характерно для многих систем родства тюркских народов. Вообще латинская система родства имеет несомненные черты турано-ганованского типа. Это видно на примере терминов первого восходящего поколения. Отец и его братья называются по существу одинаково — *pater*, и производное от него — *patruus*. Точно так же мать и ее сестры называются *mater* и *matertera*, что в переводе означает «другая мать». Эта черта типична для всех турано-ганованских систем родства. Так, например, у суахили (банту Восточной Африки) отец — *baba*, его братья — *baba mkubwa* и *baba mdogo*, т. е. «большой» и «малый» отец; мать *tama*, а ее сестры *tama mkubwa* и *tama mdogo*, т. е. «большая» и «малая» мать, в зависимости от их возраста по отношению к матери и отцу¹⁷. Мне не вполне ясны причины возникновения подобной переоценки положения кузенов в патрилинейном отцовском роде. Выяснение этого требует специального исследования.

При появлении новых экономических условий, подрывающих единство рода, происходят изменения в его структуре. Род распадается на отдельные семьи, происходит образование большой патриархальной семьи. Прежние родовые порядки уступают место новым отношениям, сохраняясь лишь в области культа и общего названия. Основой родственных отношений становится уже не род, а большая патриархальная семья. Нормы родовой экзогамии исчезают. Экзогамной единицей становится большая патриархальная семья или группа семей. Экзогамные нормы видоизменяются до такой степени, что предпочтительной формой брака становится брак с дочерью брата отца¹⁸. Эта форма брака, немислимая при нормах экзогамии классического родового общества, объясняется исключительно имущественными отношениями, заботой о сохранении имущества в пределах большой семьи.

Анализ системы родства некоторых народов Судана, в частности сравнение систем родства фульбе, хауса и сонгаи, показывает, что при распадении родовой общины и появлении больших патриархальных семей в турано-ганованской системе родства происходят следующие изменения:

1. В терминологии родства выделяется прямая линия родства, а все боковые линии сливаются.

2. Проводится строгое различие между старшими и младшими братьями и сестрами.

3. Появляются особые термины, обозначающие старшего сына.

4. Терминология свойства становится более бедной, в то время как в классификационных системах родства термины свойства многообразны и нередко совпадают с определенными терминами родства.

5. Появляется много чисто описательных терминов родства. Очевидно, категории родства, выраженные описательным способом, в данном обществе не имеют значения, и поэтому для них нет специальных терминов. Все эти описательные термины, очевидно, представляют со-

¹⁷ Наиболее обстоятельное описание системы родства суахили см.: А. Н. J. Prins *An analysis of Swahili Kinship Terminology*, «Journal of the East African Swahili Committee», №№ 26 и 27, 1958.

¹⁸ Это было характерно для брачных норм кочевых арабских племен и стало весьма распространенным обычаем во многих странах Арабского Востока. Аналогичные формы брака засвидетельствованы также у бечуанов.

бою ответы на расспросы настойчивых этнографов, желающих получить возможно более полную запись системы родства.

6. Несмотря на некоторые черты, свидетельствующие о былом значении матрилинейности, в системе родства хауса отсутствует особый термин, обозначающий сына сестры, который должен был бы сохраниться в типично турано-ганованской системе, но который не нужен в условиях большой патриархальной семьи¹⁹.

Перечисленные особенности отражают становление норм большой патриархальной семьи, сменяющей прежнее единство рода.

Дальнейшее развитие систем родства отражает переход от больших патриархальных семей к малой семье²⁰. Этот переход совершается обычно в условиях феодального, позднее капиталистического, общества. Основной родственной ячейкой становится малая семья, имеющая экономическую самостоятельность. Терминология родства, отражающая новые отношения, исключительно бедна. Выделяется только линия прямого восходящего и нисходящего родства. Все боковые линии сливаются. Дядья и тетки с обеих сторон и все их потомство объединяются под общими названиями — дядья, тетки, кузены, племянники. Достаточно сравнить терминологию родства, бытующую в русской, украинской, немецкой, французской и т. д. деревне, с терминологией родства, которой пользуется городское население, чтобы увидеть, как быстро идет отмирание терминов, характерных для большой семьи. Это же видно по юридическим актам Европы XVI—XVIII вв. и, конечно, более ранних периодов, где встречаются термины, ныне полностью вышедшие из употребления. Основой этих изменений являются чисто экономические причины, а именно развитие городов, товарно-денежного обращения и появление капиталистических отношений, которые разрушили патриархальные семьи с их патриархальным деревенским укладом. Этот процесс хорошо изучен, но, насколько мне известно, его никогда не учитывали при изучении истории развития систем родства.

Итак, системы родства турано-ганованского типа являются системами, отражающими родовой строй с родовой экзогамией, который раскоится на экономической общности рода.

Следующей ступенью развития систем родства являются системы, отражающие нормы большой патриархальной семьи. Пути разложения рода разнообразны, и поэтому многообразны системы родства. Нередко при распадении родových отношений турано-ганованская система, упрощаясь, дает малайские черты, как это выяснено работами многих исследователей.

Последней ступенью развития являются системы родства, отражающие малую семью. Это системы родства большинства индоевропейских народов. Древнейшие из них сохраняют еще следы систем родства родового общества.

SUMMARY

The basis which specifies the structure of every system of affinity should be looked in the socio-economic relations of a given society; it reflects the economic unit predominating in that society.

All types of the Turanian-Hanowanian affinity systems in the final analysis have as their basis the economic unity of the clan, manifested in the common ownership of the means of production. Every clan, comprising as it does a unified group of relatives who jointly own land — that basic means of production, is divided into separate sub-

¹⁹ Д. А. Ольдерогге, Западнй Судан в XV—XIX вв., Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LIII, М.—Л., 1960, стр. 125.

²⁰ Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить состав группы родственников, принимающих участие в заключении брачных контрактов, как они отражены в варварских Правдах европейского средневековья, документах более поздних веков и в юридических документах XIX в.

groups whose members live and keep household together. These sub-groups comprise individual pairing families which, however, are not independent economically and are fully merged either with the clan or with one of its subdivisions. The expression of the clan's unity as concerns matrimonial matters is its exogamy — a characteristic feature of the affinity systems of the Turanian-Hanowanian type.

The appearance of new economic conditions that undermine the unity of the clan entails changes in its structure. The clan breaks up into separate families; the large patriarchal family takes shape as the basis of relations of affinity. The norms of clan exogamy disappear, with the large patriarchal family (or group of families) becoming the exogamous unit. This is reflected in the changing terminology of affinity.

The further development of affinity systems reflects the transition from the large patriarchal family to the economically independent small family by which it is superseded. The small family is the main unit of affinity in the final stage of the development of affinity systems; it is reflected in the affinity systems of the so-called descriptive type. The terminology of affinity reflecting new relationships is quite poor, with only one line of direct ascending or descending affinity singled out and all the collateral lines merged. These changes are rooted in purely economic factors — urbanization, commodity and money relations, the emergence of capitalist relations that destroy the patriarchal family and the patriarchal way of life.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

М. И. БРАГИНСКИЙ

СОЦИАЛЬНЫЕ СДВИГИ В ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКЕ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Распад колониальной системы и крушение империалистического господства в странах Азии и Африки — знаменательные явления середины XX в. К началу второй мировой войны коренное население африканского континента почти полностью жило в условиях жесточайшего колониального режима. Независимыми государствами считались Южно-Африканский Союз, Египет и Либерия. Положение африканского населения в Южно-Африканском Союзе было крайне тяжелым. Египет, хотя и считался формально независимым государством, фактически находился полностью под английским контролем. Либерия же, формально независимая страна в Западной Африке, в действительности была американской колонией. Остальные страны Африки являлись колониями шести европейских государств: Великобритании, Франции, Италии, Бельгии, Португалии и Испании.

После окончания второй мировой войны во многих странах Африки развернулась массовая борьба против колониального режима, за национальное освобождение. Эта борьба уже принесла многим народам политическую независимость. К концу 1960 г. в Африке стало 27 независимых государств, которые охватывают свыше трех четвертей населения континента. Позорная система колониализма доживает свои последние дни.

В чем причина столь быстрого распада колониальной системы? Важное значение для успешной борьбы африканских народов против колониализма имело изменение всей международной обстановки после второй мировой войны. Ослабление мировой системы капитализма, образование и укрепление мировой социалистической системы, свержение народами Азии колониального режима, наконец, завоевание политической независимости рядом стран Африки — все это явилось важнейшими факторами, способствовавшими подъему национально-освободительного движения. Однако, как ни велика роль внешнеполитических факторов, освобождение Африки от империалистического гнета было бы невозможно без серьезных социально-экономических сдвигов, происшедших на этом континенте за последние годы.

Борьба африканцев против иностранных захватчиков велась с первых же дней колонизации, но локальные восстания отдельных африканских племен, стихийные по своему характеру, жестоко подавлялись. Великая Октябрьская социалистическая революция, явившаяся поворотным пунктом всемирной истории, оказала революционизирующее воздействие и на Африку. Однако до второй мировой войны в колониальных странах Африки еще не созрели социально-экономические предпосылки для развертывания массовой борьбы против империали-

стического господства, а империализм был еще достаточно силен, чтобы подавить всякую попытку африканцев освободиться от колониального гнета.

После окончания второй мировой войны в Африке произошли существенные социальные изменения: вырос рабочий класс, усилилась национальная буржуазия, появилась национальная интеллигенция, укрепилась идея национальной общности.

Настоящая статья является попыткой показать в общих чертах наиболее характерные процессы в экономическом и социальном развитии стран Африки, обусловившие, наряду с другими причинами, подъем национально-освободительного движения.

* *
*

Важные изменения в социально-экономической структуре колониальных стран Африки наметились уже в годы второй мировой войны. Нарушение обычных экономических связей, вызванное военными дей-

Таблица 1
Производство экспортной сельскохозяйственной
продукции в отдельных странах Африки
(тыс. т)¹

	1934—1938 гг. (среднегодо- вое)	1948 г.	1957 г.
Арахис			
Франц. Зап. Аф- рика	920	836	1356
Какао			
Гана	266,1	217,7	264,4
Нигерия	90,8	92,9	137,5
Кофе			
Ангола	16,6	53,4	75,0
б. Бельгийское Конго	17,3	19,2	44,8
Эфиопия	—	—	49,1
Уганда	10,6	40,5	60,0
Кения	18,4	6,7	21,2
Танганьика	14,9	14,0	23,6
Франц. Зап. Аф- рика	17,9	41,8	112,0
Хлопок			
Судан	56	65	128 (1956 г.)
Нигерия	8	9	43
Танганьика	10	10	31
Уганда	59	79	69

ствиями, привело к резкому сокращению импорта промышленных изделий и продовольственных товаров. Это способствовало росту некоторых отраслей обрабатывающей промышленности. Появились новые маслобойни, мясоконсервные и сахарные заводы, лесопилки, фабрики и мастерские по изготовлению одежды, обуви, мыла, папирос и других потребительских товаров. Острая потребность в стратегическом сырье способствовала росту горнодобывающей промышленности. Значительно возросла добыча алмазов, хрома, марганца, бокситов, олова, урана и некоторых других минералов. Однако рост промышленности не привел к существенным изменениям структуры экономики колониальных стран Африки. Как и прежде, они оставались аграрно-сырьевыми предатками метрополий.

В послевоенные годы роль Африки в мировой экономике значительно возросла. Африка продолжает оставаться важным поставщиком сельскохозяйственного сырья. Рост сельскохозяйственного производства с 1938 г. по 1957 г. по отдельным странам характеризуется данными таблицы 1.

Из таблицы видно, что производство арахиса во Французской Западной Африке в 1957 г. по сравнению с довоенным временем возросло в 1,5 раза, производство кофе в семи перечисленных странах в среднем в 4,5 раза, производство хлопка в Судане, Нигерии, Уганде и Танганьике — в два раза.

Доля Африки в мировом сельскохозяйственном производстве в 1954 г. составляла: по пальмовым ядрам — 89%, пальмовому маслу —

¹ «Statistical Yearbook 1958», Prep. by the Statistical Office of the United Nations, New York, 1958, стр. 63, 68, 69, 72.

64%, какао-бобам — 66%, сизалю — 54%, арахису — 21%, кофе — 16%².

Еще более существенные сдвиги происходят в послевоенные годы в горнодобывающей промышленности. Выпадение из мировой капиталистической системы Восточной Европы и ликвидация колониального режима в странах Азии заставили капиталистические державы искать новые источники минерального сырья в колониальных странах Африки. Так, удельный вес Африки в мировой добыче меди возрос с 1937 по 1954 г. с 17,7 до 27,3%, марганцевой руды — с 21,1 до 36%, хромовой руды — с 34,8 до 40%³. Рост горнодобывающей промышленности в отдельных странах виден из таблицы 2.

Эти данные показывают, что добыча минералов в 1957 г. по сравнению с довоенным временем в указанных странах увеличилась: меди — в 1,7 раза, хрома — в 3,6 раза, кобальта — в 2,6 раза, алмазов — в 2,2 раза. Важное место в горнодобывающей промышленности ряда стран Африки занимает добыча урановой руды. Согласно оценке Комиссии по атомной энергии США, производство урановых концентратов в капиталистическом мире в 1957 г. составляло 21 тыс. т, из которых на долю ЮАС приходилось 5,7 тыс. т⁵.

Крупным поставщиком урановой руды является Республика Конго. Доля Африки в производстве некоторых других минералов в 1954 г. составляла: в производстве алмазов — 36,6%, тантала — 95%, кобальта — 88,8%, золота — 58,8%, ураны — 41,7%, хрома — 40%, марганца — 38%, фосфатов — 44%, меди — 27,3%⁶.

В послевоенные годы развивалась обрабатывающая промышленность, связанная главным образом переработкой местного сельскохозяйственного сырья. Так, в Конго индекс производства обрабатывающей промышленности (1953 г. = 100) составлял: в 1938 г. — 11, в 1948 — 40, в 1957 г. — 151⁷.

Буржуазные ученые, отмечая рост промышленного и сельскохозяйственного производства в странах Африки, обычно представляют это как свидетельство прогрессивной роли колониализма. Так, профессор Гарвардского университета Рюперт Эмерсон, пытаясь в какой-то мере оправдать колониализм, пишет: «Колониализм был одним из важных каналов, через который знания и опыт Запада становились достоянием африканских народов; ценой, которую должны были заплатить за это африканцы, было подчинение иностранному господству»⁸.

² «Handbuch der Erdkunde», В. IV, Afrika, стр. 146.

³ И. И. Потехин, Африка, «Международный политико-экономический ежегодник», 1959, М., стр. 34.

⁴ «Statistical Yearbook 1958», стр. 128, 136, 140, 146. Знаком + отмечены данные 1948 г.

⁵ А. С. Покровский, Добыча урана в Южно-Африканском Союзе, «Краткие сообщения Ин-та востоковедения АН СССР, Африканский сборник», М., 1959, стр. 23.

⁶ «Handbuch der Erdkunde», В. IV, Afrika, стр. 417.

⁷ «Statistical Yearbook 1958», стр. 102.

⁸ «The United States and Africa, The American Assembly», Columbia University, январь, 1958, стр. 13.

Таблица 2

Добыча минералов в некоторых странах Африки⁴

Республика	1938 г.	1946 г.	1957 г.
Добыча медной руды (по содержанию меди), тыс. т			
Бельгийское Конго	123,9	143,9	242,2
Северная Родезия	254,9	185,2	422,9
Добыча хрома (по содержанию Cr_2O_3), тыс. т			
ЮАС	79,4	96,9	295,5
Южная Родезия	91,1	74,2	314,0
Сьерра-Леоне	0,61	4,94	6,71
Производство кобальта, т			
Бельгийское Конго	1166	2156	8115
Северная Родезия	1461	480	1320
Производство алмазов, тыс. карат			
Бельгийское Конго	7206	5825+	15 64
Гана (б. Золотой Берег)	1297	878+	2937
Сьерра-Леоне	689,6	465,7+	861
Ю.-З. Африка	154,9	200,7+	996,3
Танганьика	3,6	149,9+	391,6

Попытки представить империалистические страны в роли благодетелей по отношению к народам колоний грубо извращают действительность. Никто не станет отрицать, что строительство предприятий горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, железных дорог и портов, введение новых сельскохозяйственных культур само по себе явление положительное, способствующее прогрессу страны. Но нельзя при этом уклоняться от ответа на вопросы, в чьих интересах осуществляется этот экономический прогресс и в какой мере он улучшил положение основной массы населения страны.

Экономическое развитие колониальных стран Африки было подчинено не интересам коренного населения, а интересам метрополий и капиталистических монополий. Империалистические страны-метрополии нуждались в минеральном сырье, и именно поэтому в Африке возникла горнорудная промышленность. Метрополии нуждались в сельскохозяйственном и продовольственном сырье, и это определяло развитие капиталистического плантационного хозяйства. Вывоз минерального и сельскохозяйственного сырья был невозможен при отсутствии железнодорожного и водного транспорта; поэтому в странах Африки строились порты, а к ним из внутренних районов протягивались железнодорожные линии. Империалистов влекло в Африку не благородное желание привить африканцам современные знания, а присущее им стремление к наживе. Эксплуатация природных богатств Африки осуществлялась не в интересах ее коренного населения, а в интересах иностранных монополий. Богатейшие минеральные ресурсы не использовались для развития местной промышленности, а вывозились в Европу и в США. Африканцы поэтому не получали никаких выгод от разработки недр своих стран. Так, в течение 1914—1939 гг. оловянные рудники Нигерии принесли их владельцам — иностранным монополиям — 37 млн. ф. ст. прибыли. Вся эта сумма целиком была вывезена из страны⁹.

Приход колонизаторов ознаменовался во многих странах Африки массовым земельным ограблением коренного населения: у африканцев отнимались лучшие земли, которые передавались европейским компаниям и отдельным колонистам. В Кении на одного африканца приходится 5,8 акра земли, а на одного европейца — 195 акров; в Южной Родезии на одного африканца приходится 17 акров земли, а на одного европейца — 278 акров¹⁰. Во многих странах Африки коренное население испытывает настоящий земельный голод, в то время как лучшие плодородные земли, принадлежащие европейцам, остаются невозделанными. Например, в Кении в 1955 г. из 7 085 тыс. акров земли, находящейся в собственности европейских фермеров, обрабатывалось (включая земли под паром) только 1 098 тыс. акров, или 14%¹¹. В Северной Родезии в 1956—1957 гг. из 3,97 млн. акров земли, принадлежавшей европейским фермерам, обрабатывалось лишь 203,5 тыс. акров, или 5%¹².

Стремясь превратить колонии в источник сельскохозяйственного сырья для метрополии, империалисты всемерно развивали плантационное хозяйство европейцев и, наряду с этим, внедряли в африканское хозяйство экспортные сельскохозяйственные культуры. К настоящему времени значительная часть сельскохозяйственной продукции, идущая на экспорт, производится африканцами; но африканский мелкий производитель получает лишь незначительную часть стоимости производимой им продукции; львиная доля ее достается иностранным компани-

⁹ Д. Картэн, Африка, Африка! Перев. с англ., М., 1955, стр. 26.

¹⁰ У. Э. Хантон, Судьбы Африки, М., 1959, стр. 30.

¹¹ «East African Statistical Department, Kenya Agricultural Census 1955», Nairobi, 1957, стр. 7.

¹² «Report on Rhodesian agricultural and pastoral production 1956—1957», стр. 5.

ниям, монополизировавшим внешнюю торговлю. Так, в 1952 г. 826 тыс. африканских производителей хлопка в Конго вырастили 158,3 тыс. т хлопка-сырца, стоимость которого составляла 2464,2 млн. франков (15 франков за 1 кг); получили же они за свой хлопок 675,1 млн. франков, т. е. по 4 франка за 1 кг¹³.

Эксплуатация природных богатств Африки приносит империалистам огромные прибыли. Норма прибыли здесь намного выше, чем в европейских или других капиталистических странах. Например, в 1955 г. прибыли частнокапиталистических компаний в Бельгии составляли в среднем 8,9%, а в быв. Бельгийском Конго — 19%¹⁴. Англо-американская компания «Де-Бирс», монополизировавшая добычу алмазов в Африке, держит в своих руках свыше 90% производства алмазов капиталистического мира. В 1955 г. чистая прибыль группы «Де-Бирс» в ЮАС составила 58,8 млн. долларов. Подсчитано, что фонд заработной платы 12 тыс. рабочих, занятых на рудниках «Де-Бирс консолитед майнс» в Южной Африке, за 11 послевоенных лет (до 1956 г.) составил только 8% стоимости алмазов, добытых за этот же период¹⁵. В Северной Родезии чистый доход горнорудных компаний Коппербельта за 7 лет (с 1949 по 1956 гг.) составил 492,7 млн. долларов, или 1,7% стоимости продукции, а фонд заработной платы шахтеров, включая квалифицированных рабочих, составлял в 1950—1953 гг. в среднем 17—18% стоимости добытой руды¹⁶. Примеры, свидетельствующие об огромных прибылях, получаемых европейскими и американскими монополиями в Африке, можно умножить.

А что получают африканцы, нещадная эксплуатация которых приносит иностранным монополиям фантастические прибыли? Лучше всего на этот вопрос отвечают цифры. В Федерации Родезии и Ньясаленда в 1957 г. национальный доход по официальным данным составлял 25,6 млн. ф. ст., из которых на долю заработной платы африканцев приходилось только 79 млн. ф. ст., или 24,2%, в то время как доходы компаний, частных и государственных предприятий составили 135,5 млн. ф. ст., или 41,6% всего национального дохода¹⁷. В Танганьике средний доход на душу населения в 1957 г. составлял 16,5 ф. ст. Но средние цифры, как известно, не всегда отражают подлинное положение. Выездная миссия ООН, посетившая Танганьiku в 1957 г., в своем отчете писала, что если средний годовой доход европейца в Танганьике составлял 100 ф. ст., то средний годовой доход африканца составлял всего лишь 1 ф. ст.¹⁸ Для сопоставления небезынтересно отметить, что в Англии национальный доход на душу населения в 1956 г. составлял 321,5 ф. ст.¹⁹. В быв. Бельгийском Конго национальный доход в 1957 г. составлял 530 млн. франков. Из этой суммы 26 540 млн. франков приходилось на долю африканского населения, а 22 990 млн. франков распределялось среди неафриканского населения. Иначе говоря, 46% национального дохода поглощалось 1% населения Конго — европейцами²⁰.

Насколько лживыми являются утверждения о цивилизирующей роли колонизаторов в Африке, видно из приведенных ниже данных об охвате африканцев школьным обучением. Данные эти говорят о том, что даже начальное образование удается получить лишь немно-

¹³ В. А. Мартынов, Условия жизни африканцев в Бельгийском Конго, «Сов. география», 1959, № 3, стр. 75.

¹⁴ В. А. Мартынов, Конго под гнетом империализма, М., 1959, стр. 28.

¹⁵ У. Э. Хантон, Указ. соч., стр. 152.

¹⁶ Там же, стр. 172.

¹⁷ «Federation of Rhodesia and Nyasaland, Monthly digest of Statistics», Salisbury, 1958, т. V, № 9, стр. 3.

¹⁸ «Mission de visite des Nations Unies dans les territoires sous tutelle de l'Afrique orientale (1957), Rapport sur le Tanganyika», New York, 1958, стр. 20.

¹⁹ «Monthly digest of Statistics», т. XII, No. 4, 1958, стр. 5, 160.

²⁰ «Democratie nouvelle», 1958, № 6, стр. 26.

гим африканцам. В 1948 г. 94% коренного населения Алжира, а Португальской Гвинеи почти все население (99,7%) было неграмотным²¹. В 1957 г. охват детей начальным обучением в школах составлял: в Северной провинции Нигерии — 5%, в Сьерра-Леоне — 12%, в Танганьике — 21%, в Уганде — 30%, в Кении — 32%²². В Судане в 1953 г. только 1% детей школьного возраста посещал школу²³. Очевидно, незначителен процент детей, обучающихся в средних школах. В 1950 г. число африканских школьников, окончивших среднюю школу, по отношению к общему числу детей соответствующей возрастной группы составляло в Танганьике 0,04%, в Кении — 0,08%, в Уганде — 0,14%. Такое же примерно положение и в других колониальных странах Африки. Что касается высшего образования, то здесь положение еще хуже. В большинстве колониальных стран нет высших учебных заведений, а там, где они имеются, число африканских студентов очень незначительно. В быв. Бельгийском Конго в 1957/58 учебном году в двух высших учебных заведениях обучалось всего 204 африканца.

Если обратиться к делу медицинского обслуживания африканского населения, то и здесь положение отнюдь не говорит в пользу колонизаторов. В Европе один врач приходится на 935 жителей, а в Африке один врач обслуживает в среднем свыше 9000 жителей²⁶. При этом врачебная помощь оказывается обычно в крупных населенных пунктах и промышленных центрах. Основная масса населения, живущая в сельских районах, совершенно лишена медицинской помощи. В 1954 г. на одного врача приходилось: в Бельгийском Конго — 20 тыс. жителей, во Французской Экваториальной Африке — 23 тыс., во Французской Западной Африке — 29 тыс., в Гамбии — 30 тыс., в Ньясаленде — 32 тыс., в Нигерии — 56 тыс. жителей²⁷. Неудивительно, что при таком плохом медицинском обслуживании коренное население страдает от многочисленных эпидемических заболеваний.

Если в экономической, социальной и культурной областях колонизаторы пренебрегали интересами коренного населения, то в политической области они стремились законсервировать отсталые формы управления с тем, чтобы легче было осуществлять свое господство. До второй мировой войны африканцы были лишены всяких политических прав и полностью отстранены от управления делами своих стран.

Приведенные факты достаточно красноречиво разоблачают ложную версию о цивилизаторской роли европейских колонизаторов в Африке. Не цивилизацию, а гнет и унижение человеческого достоинства принесли они с собой. Именно поэтому африканцы всеми силами стремятся избавиться от господства империалистов и обеспечить полный прогресс и свободное развитие своих стран.

* * *

После окончания второй мировой войны в странах Тропической Африки заметно ускорился процесс разложения родо-племенных отношений и образования новых социальных сил в лице рабочего класса национальной буржуазии и интеллигенции. Этот процесс, в частности, нашел свое проявление в росте городов и городского населения. Та

²¹ «Statistical Yearbook 1957», New York, 1957, стр. 483.

²² «Africa Digest», 1958, май — июнь, стр. 242.

²³ В. И. Киселев, *Путь Судана к независимости*, М., 1958, стр. 73.

²⁴ «Developpement d'une classe moyenne dans les pays tropicaux et sub-tropicaux», Bruxelles, 1956, стр. 216.

²⁵ В. А. Мартынов, *Конго под гнетом империализма*, стр. 192.

²⁶ «Special Study on Social Conditions in Non-Self-Governing Territories», New York, 1958, стр. 166.

²⁷ Там же, стр. 183.

население гор. Лагоса (Нигерия) за последние 25 лет увеличилось в три раза; в 1958 г. в городе проживало 267 тыс. жителей. Население гор. Дакара (Сенегал) с 1936 по 1950 г. увеличилось с 93 тыс. до 300 тыс. человек. Город Абиджан (Берег Слоновой Кости) в 1936 г. насчитывал 83 тыс. жителей, а в 1953 г. — 158 тыс. Город Конакри (Гвинея) в 1938 г. имел 11 тыс. жителей, а в 1951 г. — 60 тыс. Африканское население гор. Найроби (Кения) в 1948 г. составляло 64,4 тыс. человек, а в 1956 г. — 119 тысяч²⁸; в 1940 г. в Леопольдвиле (Конго) жило 40 тыс. человек, а в 1958 г. — 300 тыс.²⁹. В целом городское население быв. Бельгийского Конго по отношению ко всему населению страны составляло в 1938 г. 8,3%, в 1946 г. — 15%, а в 1954 г. — 21,5%³⁰.

Рост городов и городского населения имеет важное не только экономическое, но и общественно-политическое значение. С момента возникновения товарного производства в Африке происходит процесс разложения родо-племенных отношений. Однако до последнего времени, вследствие политики колонизаторов, стремившихся законсервировать отсталые формы общественного строя, родо-племенные отношения сохраняются и продолжают играть важную роль в общественной жизни стран Тропической Африки. В послевоенные годы, в связи с ростом промышленности и городов, процесс разложения родо-племенных отношений заметно ускорился. С каждым годом возрастает число африканцев, окончательно переселившихся в города или промышленные центры. Выборочное обследование в Луаншья (Северная Родезия) показало, что 44% горняков Медного пояса живут в городе в течение десяти лет и больше, а свыше пяти лет — 62,2%³¹. В африканской части гор. Элизабетвиля (Конго) 40% населения не возвращалось к своему племени в течение 10—20 лет, а 20% взрослого населения покинуло свои племена более 20 лет тому назад³².

Под воздействием новых условий жизни африканцы — городские жители освобождаются от узкоплеменной ограниченности, у них начинает вырабатываться национальное самосознание, им становится ясной общность интересов всех племен и народов Африки.

Важную роль в национально-освободительном движении играет африканский рабочий класс. Особенность развития экономики колониальных стран Африки состоит в том, что капиталистические отношения были занесены сюда извне, как результат империалистического захвата. Это обстоятельство обусловило своеобразное положение, когда при отсутствии или очень слабом развитии национальной буржуазии в странах Африки имеется довольно многочисленный рабочий класс, занятый на иностранных государственных и частных промышленных предприятиях, плантациях, портах и железных дорогах. При этом процесс формирования постоянных кадров рабочего класса далеко не завершился. Большинство рабочих — это отходники, не порвавшие связи с сельским хозяйством. Обычно отходник работает на промышленном предприятии или плантации от шести месяцев до двух лет. Но имеется категория отходников, работающих до пяти лет и более. Заработная плата отходника крайне низка. Тем не менее, за счет недоедания и отказа себе в самом необходимом, временный рабочий накапливает некоторую сумму, чтобы иметь возможность уплатить налоги и приобре-

²⁸ «Special Study on Social Conditions in Non-Self-Governing Territories», т. 33, 77.

²⁹ А. Де Конинк, Конго в борьбе за независимость, «Мировая экономика и международные отношения», 1960, № 1, стр. 75.

³⁰ W. M. Hailey, An African Survey, Revised 1956, London, 1957, стр. 345.

³¹ «Aspects sociaux de l'industrialisation et de l'urbanisation en Afrique au sud du Sahara», UNESCO, 1956, стр. 239.

³² Там же.

сти товары, необходимые в хозяйстве и для личного потребления семьи. Ежегодно десятки, сотни тысяч отходников движутся внутри и за пределами своей страны в поисках работы. В 1951 г. ЮАС жили 650 тыс. африканцев из других стран; $\frac{2}{3}$ их было отходниками³³. В Южной Родезии из 610 тыс. работающих по найму африканцев 309,8 тыс. человек, или свыше 50%, были выходцами из других колоний, в том числе только из Ньясаленда — 132 тыс. человек. В Северной Родезии из 263,1 тыс. африканцев работающих по найму, 45,3 тыс. человек были выходцами из других колоний³⁴. Примерно 60 тыс. африканцев из Руанда-Урунди ежегодно находят себе работу в Уганде, Танганьике и областях быв. Бельгийского Конго³⁵. В 1953 г. из Мозамбика в ЮАС отправились 87 693 рабочих, а в Южную Родезию — 23 387 рабочих³⁶. В Сенегал во время уборки урожая земляного ореха ежегодно прибывают жители Судана; в Гану и на Берег Слоновой Кости прибывают африканцы из Верхней Вольты, Нигера и Судана. Рабочий-отходник не в состоянии окончательно порвать с сельским хозяйством, так как заработная плата на промышленных предприятиях и плантациях столь низка, что ее не может хватить на прокормление семьи. Кроме того, отсутствие всякого социального законодательства делает положение рабочего и его семьи безвыходным в случае потери работоспособности по старости или болезни. Земля поэтому рассматривается африканцами как более надежный источник существования, хотя и она обеспечивает им лишь голодный минимум. Миграция рабочих тормозит процесс формирования кадрового рабочего класса, задерживает рост классового самосознания пролетариата и создание массовых профсоюзных и иных рабочих организаций. Но отходничество имеет и свою позитивную роль: оно способствует укреплению связи между населением промышленных и сельскохозяйственных районов. Постоянный кругооборот рабочих содействует росту политической активности крестьянства и вовлечению его в национально-освободительное движение.

В послевоенные годы заметно усилился процесс образования постоянных кадров рабочего класса. Так, в Северной Родезии в 1947 г. на медных рудниках оставили работу и вернулись в свои селения 71% всех работавших, а в 1956 г. — только 26% работавших покинули рудники³⁷. На медных рудниках Катанги (Конго) в 1950 г. свыше десяти лет работали 46% всех рабочих и только 24% работали менее трех лет³⁸. В тех странах, где промышленность развита слабее, процесс формирования постоянных кадров рабочего класса происходит медленнее, но и здесь возрастает число лиц, окончательно порвавших с сельским хозяйством.

Увеличение численности рабочего класса сопровождается ростом его организованности. Главной формой организации на данном этапе являются профсоюзы. До второй мировой войны в Тропической Африке не существовало профсоюзного движения. Во время войны и особенно после ее окончания во всех африканских странах стали возникать профсоюзные организации. В английских колониях, они, как правило, были связаны либо с Международной конфедерацией свободных профсоюзов, либо не входили ни в какие международные профсоюзные центры. Профсоюзы французских колоний до 1956 г. входили в тот или иной профсоюзный центр Франции: «Всеобщую конфедерацию труда», «Форс униер» или «Французскую конфедерацию христианских трудящихся».

³³ «African Labour Survey», Geneva, 1958, стр. 136.

³⁴ «Structure and growth of selected African economies», New York, 1958, стр. 7.

³⁵ «African Labour Survey», стр. 130.

³⁶ Там же, стр. 135.

³⁷ «Structure and growth of selected African economies», стр. 79.

³⁸ W. M. Hailey, Указ. соч., стр. 1392.

В соответствии с этим, профсоюзы французских колоний примыкали к тому или иному международному профсоюзному центру (МКСП, ВФП или Международной конфедерации христианских профсоюзов). В 1957 г. во французских колониях был образован автономный профсоюзный центр — «Всеобщее объединение трудящихся Черной Африки» (ВОТЧА). К новому профсоюзному центру вскоре примкнули почти все профсоюзные организации Французской Западной Африки. Во главе ВОТЧА стал нынешний президент Гвинейской республики Секу Туре. Руководство нового профсоюзного объединения заявило о выходе из профсоюзных организаций метрополии и международных профсоюзных объединений. Образование ВОТЧА имело важное значение для укрепления профсоюзного единства во французских колониях. Разобщенность деятельности профсоюзов в известной мере была ликвидирована и созданы более благоприятные условия для их активного участия в национально-освободительном движении. Профсоюзное движение в португальских и бывших бельгийских колониях развито очень слабо. В бывшем Бельгийском Конго первый профсоюз, руководимый африканцами, возник лишь в 1959 г. До этого монополией в организации и руководстве профсоюзами пользовались бельгийские католики и социал-демократы. В португальских колониях создание профсоюзных организаций среди африканцев до сих пор запрещено. Профсоюзы — одна из важнейших форм организации трудящихся Африки. Они ведут мужественную и упорную борьбу не только за улучшение экономического положения рабочего класса, но и за ликвидацию колониального режима, как главной причины всех бедствий африканцев.

В борьбе против империалистического господства африканские рабочие успешно используют испытанный метод борьбы — стачку. В 1945 г. впервые в истории Тропической Африки проходили две крупные всеобщие забастовки. Одна из них развернулась в Уганде (Восточная Африка), а другая — в Нигерии (Западная Африка). В обоих случаях английские колониальные власти вынуждены были сделать первые уступки в области расширения политических прав африканцев. Широкий размах стачечная борьба приобретает в 1950-х годах. Отметим лишь наиболее крупные забастовки. В январе 1950 г. в острый период национально-освободительной борьбы в Гане Конгресс профсоюзов Золотого Берега объявил всеобщую забастовку. В марте 1950 г. в Судане под руководством профсоюзов развернулась всеобщая забастовка; в течение трех дней, с 5 по 7 марта, в городах Судана прекратил работу городской транспорт, не двигались поезда, были закрыты магазины и ремесленные мастерские, перестали выходить газеты и журналы. Забастовка кончилась лишь после обещания властей повысить заработную плату и осуществить ряд мер по борьбе с дороговизной³⁹. В 1955 г. горняки и рудников Северной Родезии бастовали в течение 58 дней. Для подавления этой забастовки колониальные власти прибегли к помощи вооруженной силы, вызванной из Танганьики и Ньясаленда. В 1955—1956 гг. в Нигерии проходили две крупные забастовки, в каждой из которых участвовало по 40 тыс. человек. В 1956 г. в Южной Родезии проходила забастовка 22 тыс. железнодорожников. В связи с этой забастовкой колониальные власти ввели чрезвычайное положение. Во время референдума по вопросу о принятии новой французской конституции 1958 г. профсоюзы Гвинеи развернули широкую кампанию за отклонение, что привело к провозглашению Гвинеи независимой республикой. Из года в год растет число участников забастовок. Так, во Французской Экваториальной Африке в 1954 г. в забастовках участвовали 293 человека, а в 1957 г. — 6 613 человек. В Нигерии в 1954 г. бастовали около 10 тыс. человек, а в 1956 г. — 89,5 тыс. человек. В Тан-

³⁹ В. И. Киселев, Путь Судана к независимости, стр. 133.

ганьике в 1954 г. бастовали 4,6 тыс. человек, а в 1957 г. — 39,8 тыс. человек. На Золотом Береге (ныне Гана) в 1956 г. в забастовках участвовали 33,3 тыс. рабочих; в Северной Родезии в 1955 г. бастовали 119,7 тыс. человек ⁴⁰.

Коммунистические партии — высшая форма организации рабочего класса — существуют лишь в немногих странах Африки. Еще до второй мировой войны возникли коммунистические партии в арабских странах Северной Африки. В ходе национально-освободительной борьбы они проявили себя как наиболее последовательные защитники интересов трудящихся. Коммунистическая партия существовала и в Южно-Африканском Союзе, но в 1950 г., после принятия «Закона о подавлении коммунизма», ее легальная деятельность прекратилась. В 1957 г. в Сенегале была создана «Африканская партия независимости», которая распространила свое влияние на ряд территорий Французской Западной и Экваториальной Африки. В своих программных документах эта партия заявила, что является партией рабочего класса и в своей практической деятельности руководствуется марксистско-ленинским учением. В остальных странах Африки коммунистических или иных рабочих партий пока не существует, однако во многих из них созданы марксистские группы. Идеи марксизма-ленинизма все шире распространяются в Африке. Туман лжи, образованный империалистической пропагандой о СССР, Китае и других социалистических странах, рассеивается. Африканцам все яснее становится, кто их враг, а кто — подлинный друг.

В настоящее время рабочий класс, наиболее остро испытывающий на себе гнет колонизаторов, является самой организованной силой в Африке. Это предопределяет его особую роль в национально-освободительном движении. Отмечая рост классового самосознания африканских рабочих, иезуитский священник Ван Винг в статье, помещенной в бюллетене Бельгийского королевского колониального института, писал: «В мировоззрении пролетариата произошли изменения. Раньше, когда я беседовал с рабочими различных категорий, они жаловались лишь на низкий заработок, на дороговизну жизни и особенно на отвратительные квартирные условия. Сейчас же они рассуждают о причинах своей нищеты, и это уже является чем-то большим, нежели простое противопоставление белых черным. Они начинают понимать неравенство социальных сил и роковые последствия господства капитала» ⁴¹.

Важную роль в национально-освободительном движении стран Тропической Африки призвано играть крестьянство. Во многих странах Африки приход колонизаторов ознаменовался отчуждением у коренного населения лучших земель. Особенно остро это испытало крестьянство французских колоний Северной Африки и английских колоний Центральной и Восточной Африки. Земельное ограбление резко ухудшило положение коренного населения, и естественно, что возвращение отнятых земель является одним из основных требований крестьянства. Антиимпериалистическое движение в Кении в 1952—1956 гг., известное под именем «Мау Мау», проходило под лозунгом возвращения африканцам земель, отнятых европейцами. В некоторых колониях, где крестьянство находится не только под гнетом иностранных империалистов, но и собственных феодалов, оно выступает также против феодального гнета. Примером такого движения является выступление крестьян Руанда-Урунди против феодальной знати. В начале ноября 1959 крестьянские волнения охватили всю Руанду. Восставшие крестьяне

⁴⁰ «Проблемы мира и социализма», 1959, № 12. Приложение: «Экономическое положение капиталистических стран (цифры и факты)», табл. 14, стр. 34—35.

⁴¹ А. Де Конинк, Указ. соч., стр. 75. Разрядка наша. — М. Б.

вооруженные копьями, палками и камнями, уничтожали дома, банановые и кофейные плантации, принадлежавшие феодалам; они требовали отмены феодальных налогов. Бельгийские колониальные власти выступили в защиту своих ставленников. В Руанде было введено чрезвычайное положение, и при содействии войск выступление крестьян было подавлено. По сообщению газеты «Drapeau Rouge», в ходе восстания былобито 400 человек; примерно 1000 человек брошены в тюрьмы, а несколько тысяч африканцев, скрываясь от преследования колониальных войск, бежали в соседние колонии. Аналогичное выступление крестьян произошло в Уганде. В январе 1960 г. крестьяне племен букеди и бу-жу выступили против взимания высоких налогов, установленных местными феодалами. В целом, однако, крестьянство еще слабо вовлечено в активную антиимпериалистическую борьбу, что частично связано с пережитками родо-племенных отношений и влиянием реакционных феодалов. Слабость крестьянских выступлений всегда обуславливалась их локальным характером. Но теперь, когда движение за независимость приобрело в Африке столь широкий размах, борьба крестьянства начинает вливаться в общий поток национально-освободительного движения.

Активное участие в национально-освободительном движении принимает национальная буржуазия. Колониальный характер экономики наложил свой отпечаток на развитие национальной буржуазии в странах тропической Африки. В сфере промышленного производства и внешней торговли ее позиции крайне слабы, так как здесь безраздельно господствуют иностранные монополии. Империализм предоставил национальной буржуазии некоторую возможность развиваться лишь в сфере сельскохозяйственного производства, ремесла и мелкой внутренней торговли. В руках африканцев имеются мелкие предприятия и мастерские ремесленного типа; они владеют предприятиями по переработке сельскохозяйственных продуктов, производству строительных материалов, мебели, столярными, сапожными, швейными мастерскими. Экономической базой зарождения и роста национальной буржуазии в странах тропической Африки является мелкотоварное крестьянское хозяйство. В сельскохозяйственном производстве на долю африканцев приходится значительная часть товарной продукции: какао, кофе, хлопок, земляной орех (арахис) и др. Но и здесь империалистическое господство задерживает рост и укрепление позиций национальной буржуазии. Так, в Кении стоимость товарной сельскохозяйственной продукции в 1956 г. оценивалась в 30,7 млн. ф. ст.; из них на долю африканских производителей приходилось только 6 млн. ф. ст., или 20%. В Северной Родезии доля африканцев в производстве товарной сельскохозяйственной продукции также составляла 20%, а в Южной Родезии — 15% ⁴². До тех пор пока продолжается господство иностранного капитала, у африканской буржуазии нет никакой надежды коренным образом улучшить свое положение. Именно поэтому она активно участвует в борьбе за ликвидацию колониального режима и завоевание независимости. Своеобразие расстановки классовых сил в колониальных странах Африки состоит в том, что противоречия между рабочим классом и национальной буржуазией на данном этапе не являются главными; интересы этих двух классов в борьбе против колониализма и господства иностранного капитала совпадают, и это создает реальную основу для образования единого антиимпериалистического фронта.

Важное место в национально-освободительном движении занимает африканская интеллигенция, в большинстве своем вышедшая из наиболее состоятельных слоев населения. К этой прослойке можно отнести значительную группу конторских служащих, занятую в аппарате коло-

⁴² Л. Александровская, Развитие товарно-денежных отношений в африканских колониях Англии, «Мировая экономика и международные отношения», 1959, № 10, стр. 62.

ниальной администрации, преподавателей начальных и средних школ, средний медицинский персонал. Представление о количественном составе этой части населения дают следующие цифры: в 1955 г. во Французской Западной Африке насчитывалось 107,6 тыс. государственных служащих-африканцев, в Танганьике — 99,4 тыс., в Нигерии (1953 г.) — 51,7 тыс.⁴³ В быв. Бельгийском Конго в 1956 г. имелось 40 тыс. контингентных служащих-африканцев и более 5 тыс. лиц среднего медицинского персонала⁴⁴. Небольшой части африканцев удалось окончить высшие учебные заведения в Англии, Франции и США. Воодушевленные стремлением добиться освобождения Африки и ликвидации гнета империалистских колонизаторов, многие из них по возвращении на родину становились активными политическими деятелями. Будучи выходцами из буржуазных слоев населения или родо-племенной верхушки, такие деятели, как правило, пропитаны буржуазной идеологией и в своей политической деятельности отражают интересы буржуазии. Но в среде африканской интеллигенции имеются и прогрессивные элементы, которые познакомились с марксистско-ленинским мировоззрением и понимают, что освобожденная Африка может достигнуть действительного прогресса только на пути социалистического развития. В настоящее время африканская национальная буржуазия и отражающая ее интересы интеллигенция занимают активные позиции в антиимпериалистической борьбе.

Во вторую мировую войну и в послевоенные годы в Африке возникло много новых буржуазных партий. Такие партии, как «Истикляль» в Марокко, «Новый Дустур» в Тунисе, «Народная партия конвенции» в Гане, руководили национально-освободительной борьбой и привели свои страны к независимости. В странах Африки существует сейчас множество буржуазных партий, руководящих национально-освободительной борьбой. К таким партиям можно отнести «Национальный совет Нигерии и Камеруна», Национальные конгрессы в Уганде, Ньясаленде, Северной Родезии, «Африканский национальный союз Танганьики» и ряд других. Большинство этих партий решительно борется за подлинную независимость своих народов.

В некоторых странах Тропической Африки важную роль в политической жизни играют феодальные элементы и родо-племенная верхушка. Колонизаторы превратили эту верхушечную прослойку в свою опору и используют ее для раскола складывающегося единого антиимпериалистического фронта. Так, феодалы Северного района Нигерии выступали против немедленного предоставления Нигерии независимости. На Лондонской конференции 1957 г., обсуждавшей вопрос о сроках предоставления Нигерии независимости, феодальные вожди заявили, что страна еще не подготовлена к получению независимости. Это помогло английским колонизаторам отсрочить предоставление Нигерии независимости. Другой пример реакционной роли феодальных элементов: в 1958 г. феодалы Уганды, боясь потерять свое политическое влияние, выступили против введения всеобщего избирательного права и прямых выборов в Законодательный совет Уганды. Вследствие этого во время первых в стране выборов в Законодательный совет были избраны только 10 из 18 депутатов. Основная провинция страны — Буганда, где наиболее сильные феодальные элементы, а также Анколе и Бугису, отказались участвовать в выборах. Колонизаторы всячески поддерживают реакционные силы в странах Африки и умело используют их для сохранения своих позиций.

После второй мировой войны в странах Африки произошли существенные социально-экономические изменения: возникли новые общественные силы, создавшие внутренние предпосылки для подъема антиимпе-

⁴³ «African Labour Survey», стр. 667.

⁴⁴ В. А. Мартынов. Конго под гнетом империализма, стр. 141.

империалистического движения. Ослабление мировой капиталистической системы и образование мощного лагеря социалистических стран, искренне ощущающего борьбу порабожденных народов за их политическое и социальное освобождение, создали реальные возможности скорейшего и полного избавления порабожденных народов Африки от империалистического господства.

SUMMARY

The present article attempts to analyze the leading trends in the economic and social development of the African countries, which, along with other factors, have accounted for the rise of the national-liberation movement. The author dwells on the major changes that have taken place in the African economy following World War II, stating their impact on the condition of the African population. The author notes specifically the ruthless exploitation of the indigenous population by foreign capitalist monopolies.

While dealing with the rise and development of the new social forces — the working class, the national bourgeoisie and intellectuals — the author dwells at length on the position of these classes and sections of African society.

The article considers also the participation of different classes and sections of the population in the national-liberation struggle. The author's conclusion is that there exist objective prerequisites in Africa for doing away with imperialist domination in the near future.

Б. И. ШАРЕВСКАЯ

МИССИОНЕРСКАЯ ПРОПАГАНДА НА СЛУЖБЕ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА В АФРИКЕ

(Бантуизированное христианство патера Темпельса)

Еще сравнительно недавно, вплоть до окончания второй мировой войны, зарубежные этнографы, публицисты, политики в вопросе о духовной культуре коренных обитателей Тропической Африки держались в основном точки зрения европейцев, заложивших первые опорные пункты колониализма на африканском континенте. Коренное население этого материка рассматривали как пеструю мозаику племен и народов, различных по языку и обычаям, но сходных в том отношении, что все они не вышли из примитивного состояния, оставаясь «грубыми язычниками», «закоренелыми идолопоклонниками», страдающими культурной инфантильностью, а потому нуждающимися в опеке белого человека. Какую бы линию ни проводили еще 20 лет назад колониалисты в Африке — линию открытого зверского геноцида или замаскированное культуртрегерством порабощения, — они неизменно опирались на теорию расовой и культурной неполноценности африканца: африканец — это отсталый дикарь, который не в состоянии подняться до вершин духовной культуры, доступных европейцу, ибо все мышление, все сознание негра устроено иначе, чем у белого.

Например, крупнейший представитель немецкой африканистики Д. Вестерман в своей книге «Африканец сегодня и завтра» считал возможным утверждать: «Африка будет тем, что из нее сделают белые. Если даже колониальные державы в большинстве своем и стараются предоставить местному населению все более широкое участие в устройстве своих дел, то ни одна из них, однако, и не помышляет о том, что в течение обозримого времени отказаться от своего господства и дать своим колониям самоуправление. Подобный шаг был бы величайшим счастьем для самих африканцев, ибо в сложных условиях современной экономической и политической жизни они были бы не в состоянии самостоятельно организовать свое существование. Они крайне нуждаются в руководстве белых и сознают это... Кооперация между белыми и черными основывается не на координации (*Nebenordnung*), а на субординации, ее можно определить как кооперацию между белым мозгом и черной рукой»¹. В наши дни, когда национально-освободительное движение народов Африки, сметая все воздвигаемые колониалистами преграды, каждый день изменяет политическую карту Африки и приводит к появлению на месте бывших колоний молодых самостоятельных африканских государств, — всякие расовые относительно фатальной культурной отсталости африканцев звучат нелепым анахронизмом.

¹ D. Westermann, *Der Afrikaner heute und morgen*, Berlin — Essen — Leipzig, 1937, стр. 4, 7.

За последние два десятилетия вопрос о духовной культуре коренного населения Тропической Африки подвергся в зарубежной литературе радикальному пересмотру. Историческая обстановка заставила идеологов колониализма «поумнеть» и прибегнуть в вопросах культуры к таким же маневрам, как и в области политики. В научной литературе, в выступлениях ученых — историков, этнографов и антропологов, светских проповедников, — теперь уже все реже встречаются прямые утверждения о расовой и культурной неполноценности африканцев; таким утверждениям слишком явно противостоят факты современной действительности.

Попытки идеологически обосновать «право» на сохранение господства империалистических захватчиков принимают теперь замаскированный характер. Так же, как политики неоколониализма, созная свое бессилие перед бурным подъемом национально-освободительного движения в Африке, стараются, прикинувшись друзьями африканцев, овладеть этим движением и направить его по пути, который должен сохранить Африку для империалистических держав, — так и их ученые оруженосцы, в сутанах и без сутан, стремятся теперь дать такую интерпретацию автохтонной африканской культуры, которая позволила бы неоколониализму привлечь на свою сторону молодую африканскую интеллигенцию и использовать ее в своих политических целях. Порою эти новые концепции выступают во внешне подкупающей гуманистической оболочке, — в этом их опасность. Одна из концепций подобного рода подвергается рассмотрению в настоящей статье.

Ученые и все интересующиеся вопросами духовной культуры Тропической Африки не могут не отметить огромного резонанса, который получила как на Западе, так и среди африканской общественности работа П. Темпельса «Философия банту»². Без всякого преувеличения можно сказать, что за последние полтора десятилетия нет ни одного труда, ни одной крупной статьи по проблемам культурных взаимоотношений Африки и Запада, где бы эта книга не упоминалась в качестве «нового слова», составляющего эпоху в изучении духовной культуры народов Африки. Особенно существенно, что наиболее горячие похвалы этой книге исходят как раз от некоторых представителей африканской интеллигенции. Так, например, генеральный секретарь Общества африканской культуры и редактор журнала «Présence Africaine» Алиун Диоп пишет в своем предисловии к французскому переводу работы Темпельса: «Вот книга, которая должна быть настольной для всех, кто стремится понять африканца и завязать живой разговор с ним»³. Каково же содержание книги, получившей такую оценку, и чем она ее заслужила?

Патер Пласид Темпельс, голландский католический миссионер, начал свою деятельность в Конго, на берегах озера Мверу, среди народа бемба. Позже он долго прожил среди народа балуба.

Темпельс исходил из практических требований, предъявлявшихся ему его деятельностью как миссионера. Убедившись, что старые приемы миссионерской пропаганды приводят лишь к поверхностной христианизации и к двоеверию, он, по его собственным словам, начал искать новые пути к умам и сердцам африканцев. Для его умонастроения характерны следующие заявления: «После десяти лет работы я пришел к выводу, что не надо учить банту, а наоборот. Язычники банту стоят ближе к христианству, чем христианская Европа. Они полны желания слиться в любовь со всем живым».⁴

В письме, направленном в редакцию серии сборников, выпускаемых католическим центром работников умственного труда Франции, Тем-

² Книга П. Темпельса вышла на французском, голландском и немецком языках. Первое издание: R. P. Placide Tempels, *La philosophie bantue*, Elisabethville, 1945.

³ R. P. Placide Tempels, *La philosophie bantue*, Paris, 1949, стр. 5.

⁴ R. P. Placide Tempels, *Bantu-Philosophie*, Heidelberg, 1956, стр. 144.

пельс, кроме узкорелигиозной тематики, обращается к социальной психологии, сравнивает мировосприятие европейцев, с одной стороны, и африканцев — с другой. «Европа больна имперсонализмом (de son impersonnalisme et de son individualisme). Западный человек, дитя своей среды и своей эпохи, сделался неистовым индивидуалистом, почти утерявшим живое восприятие другого человека. В жизни западных людей личности так мало связаны между собой (*la vie est si peu interpersonnelle*)... В Африке европеец тищится насадить среди черных свой гибельный индивидуализм и свои теории имперсонализма... А между тем, христианская жизнь по существу своему «интерперсональна», ибо сущность христианства — любовь»⁵. Темпельс заявляет, что видит свою задачу в том, чтобы приобщиться к психике, ко всей жизни банту. «Я должен целиком погрузиться в мышление, психологию самую жизнь банту, отделаться от всего, что во мне есть западного, чтобы самому стать одним из банту среди банту»⁶.

Если бы дело было только в своеобразном «руссоизме» патера Темпельса, в обуявшем его стремлении «бантуизироваться», т. е. приобщиться к образу жизни и мыслей народа, к которому он явился в качестве «ловца заблудших душ человеческих», то книга его не представляла бы особого интереса и вряд ли получила бы значительный резонанс. Как мы увидим, под академическим названием «Философия банту» скрывается нечто совсем иное, чем трактат об отвлеченных проблемах.

Во введении, озаглавленном «По следам бантуистской философии» мы обнаруживаем, что взяты за перо благочестивого проповедника «слова божия» заставило не столько разочарование в «гиперцивилизованном» (как он выражается) Западе, сколько огорчение, причиненное ему неудачами миссионерской пропаганды среди африканцев. На личном опыте Темпельс убедился, что христианизация местного населения, несмотря на все усилия колонизаторов и, в первую очередь, разумеется, коллег Темпельса, дает крайне неудовлетворительные результаты. Мало того, что христианская прослойка среди коренного населения невелика, большая часть обращенных фактически сохраняет двоеверие. Стоит только приключиться какой-нибудь беде, сокрушенно признается Темпельс, как многочисленные банту, слишком поверхностно обращенные или цивилизованные, возвращаются под действием толкающей их силы поведенческих и понятий, унаследованных от предков⁷ (т. е. к своим старым магическим верованиям и обрядам). Чем объясняется поверхностный характер христианизации африканцев и живучесть местных религий? Что надо делать колониальным администраторам и миссионерам, чтобы овладеть умами африканцев и твердо держать их под своим контролем? Вот те вопросы, которые ставит в своей книге патер Темпельс и пытается дать на них свой ответ.

Ссылаясь на волнения 1944 г. в Элизабетвиле, направленные против европейских колонистов и миссионеров, Темпельс горестно восклицает: «Чья здесь вина или ошибка? Черных? Пришел, может быть, момент все нам признаться в вине, и уж, во всяком случае, пора нам открыть глаза. Все мы, миссионеры, чиновники, администраторы, все те, кто руководили или должен руководить черными, не проникли в их душу, по крайней мере так глубоко, как следовало бы. Даже специалисты обошли этот вопрос стороной»⁸. Темпельс констатирует бессилие буржуазных этнографов дать четкую и убедительную концепцию местных верований и обрядов, высмеивает бесплодные терминологические споры религиоведов. «За последние десятилетия провозглашалось по очереди, что основой

⁵ «Aspects de la Culture Noire», Cahier № 24, Paris, сентябрь 1958 г., стр. 174.

⁶ Там же, стр. 172—173.

⁷ R. P. Placide Tempels, La Philosophie Bantoue, Paris, 1949, стр. 13 (В дальнейшем ссылки на это издание).

⁸ Там же, стр. 19.

гии примитивных является манизм, анимизм, космическая мифология, тотемизм, магизм, — пока, наконец, некоторые не открыли, что примитивные первоначально обладали верой в высшее существо, в духа-творца... Похоже на то, что до нынешнего дня этнология хотела только выявить истоки и развитие того или иного обычая вместо того, чтобы доискиваться до его внутреннего смысла. Не имеется даже вполне установившейся, а тем более общепризнанной дефиниции магии, анимизма, тотемизма и доанимизма. Чего же не хватает европейским исследователям и чечным — слов или разумения?»⁹ Темпельс упрекает этнографов и религиоведов в том, что они, будучи вынуждены отказаться от подхода к примитивным, как к «большим детям», так и остаются бессильными понять и объяснить многие их поверья и обычаи, представляющиеся столь несусветными с точки зрения элементарной логики.

Для того, чтобы выявить сущность концепции Темпельса, надо с самого начала иметь в виду, что он, во-первых, относит данные о народе балуба ко всем народам банту; во-вторых, — и это главное — Темпельс считает народы банту типичными представителями «примитивных», а их духовную культуру — общей для «всех примитивных, всех народов, живущих родовым строем»¹⁰. Но ведь банту — огромная семья народов, составляющая около трети населения африканского материка и насчитывающая более 50 млн. человек, расселенных на обширных пространствах Центральной и Восточной Африки, включающая народности и племена, достигшие разных ступеней общественного развития. Еще в доколониальный период у многих банту уже образовались государства, формировались феодальные отношения. И у тех народов, которые сохранили родовой строй, система земледелия, обработка металлов и другие ремесла и искусства, а также и торговля достигли высокого развития задолго до колонизации, которая оборвала или затормозила это развитие. То же касается балуба, на которых ссылается Темпельс, то они принадлежат к числу наиболее развитых народов банту. Задолго до первого вторжения европейцев в Конго (в XVI в.) на берегах реки Луалабы началось объединение племен луба и развитие у них классовых отношений. Историческая традиция повествует о первом государстве Балуба называет имя его основателя — Конголо. Около 1585 г. после военных столкновений с соседями образовалось второе, более обширное королевство Балуба, расцвет которого относится к XVII в. Оно продолжало существовать, хотя и претерпев некоторый упадок, до XIX в., когда было покорено бельгийскими колонизаторами. Уже в древности создалась мощь культуры народа луба, а язык килуба распространился среди многочисленного населения Южного Конго¹¹.

Таким образом, ни народы банту в целом, ни, в частности, балуба нельзя считать примитивными, т. е. первобытными; они не были таковыми еще задолго до колонизации. Следовательно, исходные положения Темпельса произвольны и не отвечают требованиям научной добросовестности. Свои дальнейшие построения Темпельс возводит в том же духе.

Темпельса беспокоят неудачи колониальных «цивилизаторов» в рясах без рясы. Как известно, в Конго, где живут балуба, миссионеры, побуждаемые интересами западных колониальных монополий, развернули свою «просветительскую» деятельность в чрезвычайно широких масштабах. По результатам этой деятельности оказались мало удовлетворяющими колониальную администрацию, и некоторые инстанции поставили даже вопрос о целесообразности дальнейшей поддержки миссионерской пропаганды. «Недавно, — жалуется Темпельс, — в одной густо населенной

⁹ R. P. Placide Tempels, Указ. раб. стр. 21.

¹⁰ Там же, стр. 25.

¹¹ В 1954 г. на языке килуба издан словарь, составленный Бенуа Мбуя, преподавателем одной из школ в Камине.

колонии (в Бельгийском Конго) состоялась ученая конференция различных представителей местных колониальных сфер, за исключением черных коковников. На этой конференции обсуждался вопрос о развитии черной расы, и в заключение было констати́ровано, что, как показывает опыт нескольких пятилетий евангелизации, христианство оказалось неспособным цивилизовать банту. Короче говоря, здесь было декларировано банкротство христианской миссионерской пропаганды¹². Темпельс, разумеется, берет под свою горячую защиту миссионеров, но все же вынужден признать, что дело обстоит неладно.

«Какой миссионер может считать себя удовлетворенным в отношении духовного уровня пасомых им банту? Есть нечто, внушающее тревогу. Где-то что-то хромает. Может быть, дело в самом христианстве? Или может быть, в методе евангелизации? Или, может быть, надо упрекать самих банту? Должны ли мы умоаключить, что банту вообще неспособны приобщиться к цивилизации?». Следует иметь в виду, что Темпельс всюду, где он говорит «цивилизация», понимает «христианство». Цивилизация без христианства для него не цивилизация вовсе. Темпельс знает, что колонизация, помимо воли самих колонизаторов и даже против их желания, имеет следствием значительные изменения в жизни африканцев. Год от года растет слой местной пролетариата, местной интеллигенции, слой людей, овладевших техникой грамоты, людей с пробудившимся национальным и классовым самосознанием. Но им Темпельс отказывает в праве называться цивилизованными. Этим людям, поднявшимся на борьбу против белых эксплуататоров и угнетателей, враждебно относящимся к миссионерской пропаганде, Темпельс наклеивает ярлык «людей лупето»¹³, людей, гонящихся за деньгами. Он бьет тревогу, он призывает «колониалистов доброй воли» и миссионеров поторопиться с исправлением коренной ошибки в своей «цивилизаторской» работе, в насаждении христианства среди африканцев. «Иначе,— угрожает он,— масса черных будет коснеть в своих ужасающих человека магических обрядах, а в это время другие, развитые негры, составят слой псевдоевропейцев без принципов, без характера без цели, без смысла»¹⁴.

В чем же главная ошибка колониалистов по Темпельсу? В том, что они, как и ученые, проглядели «душу» банту. Разумеется, и миссионеры и светские колонизаторы не раз делали попытки применить, приспособиться к обычаям местного населения. Но это, по мнению Темпельса, было лишь поверхностным приспособленчеством. «Немало говорилось и повторялось, что евангелизация и катехизис должны быть адаптированы... Но к чему адаптированы? Можно строить церкви в туземном стиле, вводить негритянские мелодии в богослужение, употреблять туземные наречия при произнесении проповедей, заимствовать облачение у буддистов или мандаринов, но ведь подлинное приспособление есть только приспособление духа»¹⁵. Темпельс заверяет «колониалистов доброй воли» и миссионеров, которым он адресует свою книгу, в том, что ему удалось постигнуть «душу» банту и тем самым он уже проложил путь к ней. Эту «душу» банту, явленная миру патером Темпельсом, кроется в «метафизике». Вот как велеречиво и напыщенно, не затрудняя себя какой-либо аргументацией, вещает о своем «открытии» Темпельс: «Всякий, кто хочет изучать примитивных или «развитых примитивных», должен отказаться от надежды на достижение имеющих научную ценность выводов до тех пор, пока он не сумел проникнуть в их метафизику... Этнология, лингвистика, психоанализ, правоведение, социология и религиоведение оказываются в состоянии дать определенные выводы лишь после того, как бу-

¹² R. P. Placide Tempels, Указ. раб., стр. 121.

¹³ Там же, стр. 120.

¹⁴ Там же, стр. 122.

¹⁵ Там же, стр. 18.

полностью изучены философия и онтология примитивного человека. В самом деле, раз примитивные имеют свое особое понимание бытия и мира, эта своеобразная «онтология» непременно должна придавать особый характер, местную окраску их религиозным верованиям и обрядам, их нравам и праву, их установлениям и обычаям, их психологическим реакциям и вообще всему их поведению. Это тем более верно, что, по моему мнению, банту, как и все примитивные, в более значительной мере, чем мы, живут идеями и в соответствии со своими идеями...»¹⁶. «Я льщу себя надеждой оказаться в состоянии убедить читателей в том, что у туземцев может существовать подлинная философия и что вполне уместно искать ее у них... Я позволю себе приступить к изложению философии банту, которая является, быть может, общей философией в всех примитивных, всех народов, живущих родовым строем»¹⁷.

Темпельс посвящает изложению «философии банту» пять небольших глав. Даже самого беглого знакомства с их содержанием достаточно для того, чтобы оценить подлинную сущность «открытия» Темпельса, которому кое-кто на Западе пытается приписать чуть ли не эпохальное значение. Темпельс начинает с рассмотрения того, что он называет «онтологией» или «метафизикой» банту. По утверждению автора, лейтмотивом мышления, языка, всех действий и жестов африканца, предметом всех его молитв и других обращений к богу, духам и покойникам, равно как и всего того, что принято называть магией, колдовством и магическими предствами, является сила, жизненная энергия, жизненная потенция. Всякая болезнь, рана или неприятность, всякое страдание, а также усталость, депрессия, обида, несправедливость, неудача рассматриваются и обозначаются у банту, как убыль, ущербление жизненной силы»¹⁸. В отличие от европейцев, у банту понятие силы неотделимо, будто бы, от понятия предмета или существа. «Я полагаю,— говорит Темпельс,— что ближе всего я подхожу к истине, когда даю такое определение существа понимании примитивных: *существо — это есть сила*»¹⁹. Всюду, где мы рассматриваем отдельное и конкретное существо, банту видят, будто бы, отдельную и конкретную силу. «Согласно мировоззрению банту, есть божественная сила, есть силы небесные и земные, силы человеческие, силы животные, растительные и даже материальные и минеральные силы. Все эти существа и предметы рассматриваются как силы, отдельные одна от другой и разные по своей специфике»²⁰. Любой этнограф или лингвист может, разумеется, задать Темпельсу вопрос: не является ли эта идея «жизненной силы», обнаруженная им в «метафизике» банту, проявлением религиозного дуализма — веры в то, что в каждом предмете и существе под его чувственной оболочкой имеется сверхчувственное начало, представляемое более или менее антропоморфически в качестве жителя и источника «силы» этого предмета или существа. Темпельс сообщает, что «в видимых предметах и существах банту отличают то, что воспринимается чувствами, от вещи в себе; под вещь в себе они разумеют внутреннюю природу, самую сущность вещи или, точнее, силу, благодаря которой вещь есть то, что она есть». При этом Темпельс вынужден признать, что банту говорят: «в каждой вещи есть другая вещь», «в каждом человеке находится другой, маленький человек»²¹. «Однако,— специфически предостерегает Темпельс,— слова банту надлежит понимать иносказательно, и грубой ошибкой было бы принимать за прямолинейную, буквальную, на европейский манер, терминологию образные выражения банту»²².

¹⁶ R. P. Placide Tempels, Указ. раб., стр. 16, 17.

¹⁷ Там же, стр. 25. Разрядка здесь и ниже моя.— Б. Ш.

¹⁸ Там же, стр. 31.

¹⁹ Там же, стр. 35 (подчеркнуто Темпельсом.— Б. Ш.).

²⁰ Там же, стр. 36.

²¹ Там же, стр. 37.

²² Там же.

Но откуда же Темпельсу ведомо, что эта «жизненная сила», лежащая, по его утверждению, в основе «метафизики» банту и представляющая, якобы, единственно пригодный ключ к мышлению банту, должна интерпретироваться именно так, как он предлагает? Может быть, от самих банту можно услышать такой термин и такую его интерпретацию? Нет, это не так. «Не следует ожидать, — пытается застраховать себя Темпельс от подобных вопросов, — что первый встречный негр (особенно если он молодой человек) может дать нам систематическое изложение своей онтологической системы. Тем не менее, эта онтология существует: она пронизывает и оформляет все мышление примитивного, она господствует над всем его поведением и направляет его»²³. Насколько солидна и адекватна вообще терминология Темпельса, показывает хотя бы следующее «компетентное» заявление. Он ссылается на «преподобную сестру Кармелу», которая делится своими наблюдениями в Буну (Конго): «Здесь черный никогда не говорит о «жизненной силе». Но вот когда ему об этом говорят, он замечает: «Это совсем как у нас», и удовлетворенно улыбается. А между собой они говорят про меня: «она нас знает»... Бахема, алур и валенду имеют ту же философию, что и банту. Формы религии меняются, да, но основа у них совершенно одинакова»²⁴.

Все остальное содержание рассматриваемой главы об «онтологии» банту представляет собой попытку Темпельса сконструировать на базе выдвигаемой им «теории сил» некую «метафизическую систему», которая якобы существует у банту и согласно которой мир представляется иерархией сил, телепатически действующих одна на другую и связанных между собой в некую «паутинку, ни одна нить которой не может дрогнуть без того, чтобы не вызвать колебание во всех клетках и звеньях»²⁵. Во главе этой иерархии, по Темпельсу, стоит единый бог, ниже располагаются покойники, живые люди, животные, растения и минералы. Внутри каждого слоя существует свое разделение по жизненной мощи, рангу и первородству. Но ведь такая «система», если только она существует где-нибудь, кроме воображения почтенного патера, целиком относится к религии, это явно религиозное, ложнофантастическое представление о мире. Почему Темпельс представляет ее читателю как «онтологию» и философию, этого автор новоявленной теории не считает нужным объяснить. В обосновании своей «метафизической теории сил» Темпельсу вообще далеко до своих коллег, патеров Шмидта и Копперса и их сподвижников. Те для подкрепления своей теории прамотеизма в поте лица трудились над препарированием поистине гигантского этнографического материала²⁶. Темпельс не утруждает себя громоздкими и кропотливыми следованиями. Пустоту, надуманность и полную антинаучность своих выводов он пытается прикрыть термином «пережитая философия» или «философия пережитого» (*Philosophie vecue*), изобретенным по образцу термина «*religion vecue*», который одно время был в ходу у западных религиоведов. Пользуясь своей теорией «жизненной силы» как универсальной отмычкой к сознанию и быту не только банту, но и всех племен и народностей с родовым строем, Темпельс пытается из «переживания» банту «выдистиллировать» целую философскую, метафизическую, онтологическую систему с такими общими и отвлеченными понятиями и категориями, как «жизненная сила», «иерархия сил», «жизненное влияние», «жизненный ранг» (*Lebensrang*) и даже со своими «законами», которые, по заверению Темпельса, столь же универсальны и незыблемы, как законы науки, научной философии. Темпельс доходит до самых смелых обобщений: «Категория силы, — глубокомысленно вещает он —

²³ R. P. Placide Tempels, Указ. раб., стр. 15.

²⁴ Там же, стр. 32, 33, примечание.

²⁵ Там же, стр. 41.

²⁶ См. Б. И. Шаревская. Этнология и теология, «Сов. этнография», 1959, 1.

необходимо объемлет все, что существует на свете: бога, живых и умерших людей, животных, растения, минералы. Так как существовать — значит быть силой, то все, что существует, воспринимается банту в качестве сил». Может быть, об этом поведали Темпельсу сами банту? Нет, — признается Темпельс, — это всеобъемлющее понятие отнюдь не употребляется банту, которые весьма способны к философскому абстрагированию, но которые выражаются только конкретными терминами. Они дают имя каждой вещи, но внутренняя природа названной вещи представляется их сознанию как такая-то и такая-то специфическая сила, а не как статическая реальность»²⁷.

Теория «жизненной силы» позволяет Темпельсу проникнуть в сознание своих пасомых даже вопреки значению их слов. «Язык банту может заставить нас подумать, что они отождествляют предков — основателей рода с самим богом. Случается, что они называют первопредка именем бога»²⁸. Всякий, кто знаком с историей религии, знает, что приведенный факт нетрудно истолковать: ведь между культом первопредков и теизмом существует генетическая связь, чем и объясняется сохранение имени первопредка как божества, культ которого сложился или был импортирован позднее. Нет, пытается нам внушить Темпельс, здесь аллегория: «Это обычай, подобный обычаю принимать посла, как если бы это был сам пославший его вождь»²⁹. Другими словами, Темпельс хочет нас убедить в том, что первопредка именуют богом потому, что он считается посланцем бога.

Коллекцией подобных домыслов или, точнее, вымыслов является эта книга Темпельса. Удивительно ли после этого, что Темпельсу удалось «открыть» у банту то, чего не было нигде и никогда в истории человеческой мысли, а именно — стройную, лишенную логических противоречий и притом монистическую (!) метафизическую религиозно-философскую систему, служащую основой и ориентиром поведения отдельных людей и жизни всего общества. «У банту, — утверждает Темпельс, — вообще у всех примитивных мы находим в качестве фундамента их интеллектуальной картины мира несколько основных принципов и даже философскую систему, относительно простую и примитивную, возникшую из логически связанной онтологии»³⁰. «То, что именуется магией, шимизмом, манизмом или динамизмом, короче говоря, все обычаи банту имеют в своем основании единый принцип, признание единой внутренней природы всего, что существует, т. е. принцип их онтологии»³¹. Мы видим, что Темпельс совершает подмену: начав с «интеллектуальной картины мира» банту, он приходит к тому, что идентифицирует «философскую систему» с религиозными представлениями. Он пытается представить мировосприятие банту как насквозь идеалистическое, ложнофантастическое в самой своей основе. Но далее Темпельс спускается с неба на землю и находит применение «философской системы» банту к самым острым моментам их современной действительности — к взаимоотношениям с колонизаторами. «Белый, это новое явление, всплывшее в мире банту, — говорит Темпельс, — мог быть воспринят и истолкован лишь в соответствии с категориями традиционной философии банту. Техническая мощь белых их поражала. Белый представлялся им господином великих природных сил. Людям банту надлежало, таким образом, допустить, что белый является для них старшим, высшей человеческой силой, превосходящей жизненную силу любого черного. Жизненная сила белого такова, что против нее все *манга*, которыми располагают черные, кажутся лишенными всякой действительности».

²⁷ R. P. Placide Tempels. Указ. раб., стр. 36.

²⁸ Там же, стр. 42, примечание.

²⁹ Там же, стр. 43.

³⁰ Там же, стр. 15.

³¹ Там же, стр. 22.

ности»³². Вот какую удобную и приятную для колониалистов «традиционную философию» примыслил Темпельс для банту. Эта «философия» заставляет будто бы банту видеть в европейцах высшую «жизненную силу» и покорно подчиняться их господству. Остается только укреплять и сохранять эту «философскую традицию», тогда господств колонизаторов, при умелом их обращении с «меньшими братьями», и будет конца. Таким образом, «открыв» у банту «онтологию» или «метафизику», Темпельс ставит эту измышленную им концепцию на службу весьма реальным интересам империалистических захватчиков. Далее мы находим в книге Темпельса четыре небольшие главы под заголовками: «Мудрость и критериология банту», «Теория мунту или психология банту», «Этика банту», «Восстановление жизни». В них автор ставит своей задачей показать принцип «жизненной силы» в действии, т. е. продемонстрировать, как этот принцип, пронизывая всю гносеологию все знания банту о природе и человеке, всю их этику и право, служит единственным ключом к пониманию и объяснению всей духовной культуры банту. Излагать содержание этих глав нет смысла, так как рассуждения о «жизненной силе» оказываются в них чисто словесным привеском к отдельным случаям из быта и практики банту, они совершенно не помогают в их научном объяснении. Без всякого преувеличения можно сказать, что в книге Темпельса нет ни одного факта, который для своего научного осмысления нуждался бы в высокопарных и пустых порожних разглагольствованиях Темпельса. Вот примеры, сообщаемые Темпельсом: «В одном селении балуба мне довелось видеть очень уродливого козленка, и люди мне говорили, что владелец этого козленка сделал бы лучше, если бы он убил свою животину, так как она навлечет беду на всю скотину селения... Хорошо известно, что банту уносят своих больных из селения и выхаживают их в лесу или в зарослях кустарников, разрешая им возвратиться лишь по выздоровлении. В районе Миламбе, к северу от Камини, несколько лет тому назад охотники убили антилопу о пяти ногах, и вот ни один негр не осмелился есть ее мясо; убитую дичь отнесли в протестантскую миссию»³³. Кажется бы, все эти факты хорошо изучены этнографией и находят свое объяснение в том суеверном страхе, который испытывается в остальных обществах перед всем необычным. Но Темпельс произносит по этому поводу целую маловразумительную тираду в духе своей онтологической теории: «Эти случаи свидетельствуют, что черные допускают существование совершенно бессознательных жизненных влияний. Всякое обычное явление, всякое ненормальное состояние именуется у балуба *мальва* (чудное), и все эти странности рассматриваются ими как нарушение естественного порядка, как аномальная и экстраординарная сила. Но раз все силы обретаются в соответствии со своим жизненным рангом в отношении необходимого жизненного взаимовлияния, остается только один шаг до заключения, что сила, которая аномальна сама по себе, будет обычно или даже необходимо иметь дезорганизирующее влияние на силы, находящиеся под ее воздействием»³⁴.

Но Темпельс не только превозносит «философскую систему» банту саму по себе. Он старается убедить своих читателей в тесной близости «философии банту» к христианству. «Банту знают и признают естественный закон, сформулированный в десяти заповедях... Вся их онтология, которую можно было систематизировать вокруг фундаментальных идей жизненной силы и связанных с ней понятий роста, солидарности, взаимовлияния и иерархии, являет нам мир как множественность подчиненных сил. Этот порядок является существенным условием целостности всего, что существует. Банту добавляют, что порядок это

³² R. P. Placide Tempels, Указ. раб., стр. 45.

³³ Там же, стр. 88.

³⁴ Там же.

исходит от бога и его надлежит уважать. Бог есть владетель, творец, усилитель и хранитель жизни... Усиление жизни, сохранение и уважение жизни — это по самой природе творения дело предков и старших, живых или умерших. Подобным же образом и низшие силы поставлены в распоряжение людей, чтобы служить подкреплению, поддержанию и защите жизни мунту. Согласно божественному плану и божественной воле, всякая жизнь в мунту подлежит уважению, сохранению и подкреплению. Нелегко определить и сформулировать, что могло сохраниться у примитивных от первооткровения, от откровения нравственного закона, данного самим богом. Но так или иначе, согласно черным, божественная воля оказывается выраженной в экономии мира (? — Б. Ш.), в строе сил, которые улавливаются их естественным разумом»³⁵.

Было бы совершенно бессмысленно вдаваться в подробный разбор того обилия преувеличений, искажений и несурязиц, которые нагромоздил в своей книжке патер Пласид Темпельс.

Из приведенного достаточно ясно, что Темпельс фальсифицирует духовную культуру народов банту. Он не уделяет никакого внимания интеллектуальной картине мира», действительно существующей у разных народов банту. У наименее развитых из этих народов зачатки философии, науки, морали, права еще тесно переплетались с религиозными, супранатуралистическими и антропоморфическими представлениями. У более развитых народов банту, в том числе, очевидно, и у балуба, зачатки науки, философии стали выкристаллизовываться, хотя говорить о философской системе у народов, не имевших письменности, неправильно. Во всяком случае, процесс систематизации, образования категорий развивался на основе накопления положительных знаний, осмысления общественной традиции, но они не «возникали из метафизики», как уверяет Темпельс. И конечно, зачатки философии банту нельзя идентифицировать с тем набором религиозно-фантастических представлений, который Темпельс называет «онтологией».

Чем же объяснить, что Темпельс, считая все народы банту «примитивными», т. е. первобытными, измыслил для них «философскую систему»? Дело в том, что в основе опуса преподобного Пласида лежат интересы и цели, не имеющие ничего общего с наукой и научной добросовестностью. Он с похвальной откровенностью говорит, что адресует в своей книжке к колониальной администрации и миссионерам. Первую он хочет убедить в том, что она напрасно начинает скептически относиться к миссионерам (хотя им за много лет деятельности не удалось овладеть умами и сердцами африканцев) и что миссионеры еще очень пригодятся в «цивилизаторской» работе колонизаторов. Миссионеры же Темпельс призывает к большей гибкости и чуткости, доказывая им, что не следует прямолинейно навязывать африканцам христианство в его западной модификации и что гораздо целесообразнее преподнести им бантуизированное христианство. По заданию Темпельса, банту, уподобляясь мольеровскому герою, который не знал, что он говорит прозой, на деле являются по своей «философии» без пяти минут христианами. Почтенный патер собирается в скором времени представить проект такого бантуизированного исповедания веры³⁶. Вот в чем видит Темпельс путь к «душе» банту, который должен помочь миссионерам и их хозяевам сохранить власть над душами и телами африканцев в условиях современности. Очевидно, в этом основное назначение рассматриваемой книги. В «Философии банту» мы имеем перед собой не что иное, как проспект или пролегомены к новому «евангелию от Пласида», которым Темпельс собирается облагодетельствовать африканцев. Нас не может обмануть ни философский заголовок книги, ни «академическая» виза, которую книга Темпельса

³⁵ R. P. Placide Tempels, Указ. раб., стр. 80—81.

³⁶ Там же, стр. 18.

получила у некоторых философов Запада, вроде Ж. Маритэна; последний в «Бюллетене миссий» заявил, что «глубокий и убедительный анализ патера Темпельса самым удачным образом обновил основные точки зрения этнологии». Не может нас убедить и высказывание такого крупного этнографа, как М. Херсковиц, который утверждает, что «многие из идей, открытых отцом Темпельсом в Бельгийском Конго, обнаружены у суданских народностей и в некоторых районах Нового Света»³⁷.

Есть, однако, в книге Темпельса одна сторона, на которой надо остановиться особо. Как известно, католическая церковь, имеющая огромный опыт приспособления к изменяющейся исторической обстановке, давно уже ушла, какую огромную роль играет в общественной жизни современной Африки рост национального самосознания. Она применяет хитроумные маневры для того, чтобы втереться в доверие к местному населению и направить национально-освободительное движение африканцев в русло, угодное империализму, стоящему за спиной Ватикана. Одним из наиболее тонких приемов, особенно импонирующим некоторым кругам молодой африканской интеллигенции, многие представители которой выросли под непосредственным влиянием миссионерской пропаганды, является так называемая «реабилитация» местных религий. Назначение Ватиканом на высшие церковные должности чистокровных африканцев (например, возведение в сан кардинала Лорана Ругамбвы из Танганьики или в сан викария Алексиса Кагаме в Руанде и т. д.) льстит чувству национальной гордости верхушечных слоев местного населения, к которым принадлежат и тысячи католические священники-африканцы. Подобным же образом и «научные» работы католических миссионеров, в которых доказывается, что местные религии содержат в себе элементы, присущие так называемым высшим религиям, представляются некоторым африканским ученым и общественным деятелям как проявление гуманизма и антирасизма католической церкви. Темпельс всюду в своей книге умело использует этот прием. Вот, например, до каких вершин красноречия поднимается, поднося свое «открытие» как благородную защиту человеческого достоинства примитивных, «попранного» безбожной наукой: «Подобно тому, — пишет он, — как в видении Иезекииля кости собираются вместе, оживают и вскоре приобретают облик воскресших людей, мы сначала смутно, потом все более отчетливо и, наконец, с полной ясностью различаем подлинного примитивного человека, которого мы слишком игнорировали. Мы видим, как в необозримой толще примитивных масс в лицах сглаживается скотское выражение, которое мы им приписывали, и вот на этих звериных мордах, преобразившихся в человеческие лица, загорается, искрится и сияет свет разума. Впечатление такое, что массы поднимаются во весь свой рост, облеченные гордым сознанием своей собственной мудрости и своего собственного миропонимания пред лицом тонкого, цивилизованного, правда, но сколь же надменного, западного мира. Чувствуется, что здесь уже идет речь о «мудрости против мудрости», «идеала против идеала», «миропонимания против миропонимания». Разве это не «сумерки богов?»³⁸.

Более того, в унисон со своими коллегами-прамонотеистами Темпельс витийствует о том, что чем более отсталы, чем менее приобщились к современной культуре те или иные африканские аборигены, тем ближе они к «древнему благочестию», которое идет от самого бога. Борьба за независимость, за улучшение материального положения, овладение грамотой и наукой, усвоение правил гигиены и санитарии — это все, по Темпельсу, «поверхностная европеизация», которая приводит только к порче и падению нравов. «Если среди «развитых» или те

³⁷ R. P. Placide Tempels, Указ. раб., стр. 25.

³⁸ Там же, стр. 111, 112.

которые последовали белым,— сокрушается Темпельс,— многие кажутся насквозь проникнутыми материализмом по примеру столь многих из среды колонизаторов, то, к счастью,— утешает он,— есть среди них еще более многочисленные, которые сохраняют нечто от человеческого динамизма предков. Они хотят прежде всего и превыше всего не улучшения своего экономического или материального положения, а признания белыми их человеческой полноценности, уважения к их человеческому достоинству. Их главная и основная обида заключается в том, что их постоянно третируют как «идиотов», «макак», или «ньяма». В этой своей глубокой обижённости они показывают себя достойными сыновьями своих отцов»³⁹.

Вот в какой доходчивой и привлекательной для каждого африканца оболочке патер Темпельс пытается подsunуть свое новое евангелие. Играв на одной из самых чувствительных сердечных струн современных африканцев, он внушает им мысль, будто из всего, что принесла в Африку современная культура, для банту дороже, ближе и важнее всего не знания, не техника и наука, не знакомство с общественно-политическим опытом народов мира, а христианство. «Бантуанская цивилизация будет христианской или ее не будет вовсе» — вот какой претенциозной, широковещательной, но совершенно пустой формулой заканчивает свою книгу Пласид Темпельс. Кое-кого из представителей интеллигенции африканского происхождения удастся запутать и сбить с толку словесным елеем сутаносных радетелей своеобразия африканской духовной культуры. Вот, например, Э. Поль, профессор этнологии из Порт-о-Прэнса (Гаити) считает возможным заявить, что этнология сдвинулась с места в направлении реабилитации негров. Достаточно вспомнить работы представителей венской школы с их «прагматизмом»⁴⁰. Член бюро по изучению расовых отношений Института международных отношений (Ямайка) Дж. Маркус всерьез говорит о «неискоренимой религиозности негров»⁴¹. Подобных примеров немало. Опасность псевдонаучных теорий Темпельса и иже с ним состоит в том, что, фальсифицируя духовную культуру народов Африки, выдавая их религию за философию и изображая их мировосприятие насквозь идеалистическим, авторы этих теорий уводят или пытаются увести африканцев от развития настоящей культуры, опирающейся на научные знания, к углублению отсталого, фантастического мировоззрения.

Но в ходе напряженной и решительной борьбы за освобождение массы и передовые представители африканской интеллигенции начинают все более разбираться в том, чьи интересы скрываются за наукообразными диссертациями миссионеров. Об этом свидетельствуют события, происходящие в Конго, т. е. как раз там, где родилась «благая весть» патера Темпельса. Об этом свидетельствуют и некоторые выступления выдающихся представителей африканской интеллигенции. Так, Шейк Анта Диоп в своем произведении «Тревога под тропиками» подчеркивает реакционную роль христианской религии, которая «ведет к тому, чтобы евангелизировать негров до мозга костей с целью сделать их души послушными вплоть до готовности покориться избиению и этим путем превратить их в народ набожных псалмопевцев, наподобие некоторых групп мессианистически настроенных американских негров, распеваящих так называемые спиричуэлз (духовные гимны)»⁴². Наконец, вот слова Эмэ Сэзера, относящиеся непосредственно к Темпельсу. «Колонизаторы могут сказать: «К чему справедливая заработная плата, социальные улучшения, упорядоченные жилища? Банту в течение столетий чают лишь одного — приобщения к духу христианства. Пошлем-ка мы им еще несколько добрых парней вроде Темпельса и будем продолжать грабить их... Банту ви-

³⁹ Там же, стр. 118.

⁴⁰ «Présence Africaine», Paris, 1956, № 8—10, стр. 150.

⁴¹ Там же, стр. 238.

⁴² Там же, стр. 180.

дят в нас существа, обладающие исключительно мощной жизненной силой, следовательно, по праву занимающие нынешнее привилегированное положение. Бантуанский бог является гарантом бельгийского колониального порядка, и каждый мунту, поднимающий против него руку, совершает святотатство»⁴³.

Народы Африки все решительнее «поднимают руки против колониального порядка». «Благая весть» патера Темпельса явно запоздала. Ни под давлением свобод, ни открытой или замаскированной оккупацией, ни миссионерским елеем уже не предотвратить крушение колониализма и возникновение подлинно национальных культур народов Африки.

SUMMARY

The rise of the national-liberation movement among the African peoples has caused the ideologists of colonialism to modify their attitude to problems of African culture. Neo-colonialist politicians, powerless to arrest the movement of the African peoples to independence, are posing as the friends of Africans, in order to gain control over the movement and channel it along the path that is supposed to preserve Africa for the West. In a similar way, their scientific henchmen, including those in priestly garb, seek to offer such an interpretation of the autochthonous African cultures as would help neo-colonialism win the African intellectuals to its side. One such attempt is «Bantu Philosophy» by P. Tempels, a missionary. Translated into several languages, it has had wide repercussion both in the West and among the African intellectuals. While affirming the superficial nature of the Christianization of Africans and the poor effectivity of missionary propaganda, Tempels outlines new paths which, in his belief, will enable the colonial authorities and the missionaries to dominate the minds of the Africans and keep them under stable control. One of these paths, according to Tempels, is the «Bantuization of Christianity» and the «Christianization of Bantuism». To believe Tempels, he has gained a comprehension of the «African spirit». This spirit allegedly consists in a certain monistic metaphysical system, which is strikingly manifested among the Bantu, and which, according to Tempels, may be recognized as the «general philosophy of the primitives». Tempels avers that this «philosophy» is rather similar to Christianity, and therefore a synthesis between this and Catholic dogma should easily produce a new creed for the Africans, more pertinent for the present period than the bankrupt, obsolete missionary propaganda.

An analysis of «Bantu Philosophy», to which some people in the West attempt to lend epoch-making significance and which even some of the African representatives regard as a «rehabilitation» of Negro culture, will show that Tempels' book, all his arguments and deductions, stem from interests and ends totally alien to science and scientific probity. The fallacy of his conception lies primarily in the fact that the Bantu, far from being «primitive», i. e. «prehistoric», are a vast family of peoples possessing well-developed technique of agriculture and cattle raising. Among the great majority of them, class relations took shape prior to colonization; many of them had states of their own. What is more important, Tempels attempts to replace a philosophical system by religious concepts, i. e. to represent the Bantu outlook as an entirely idealistic, fantastic outlook, which is not at all the case. The original cultures of the African peoples, including just as those of other peoples, many elements of empirical knowledge and rudiments of learning, stand in no need of rehabilitation. Tempels' whole work is but an attempt to adjust missionary propaganda to new conditions resulting from the African peoples' liberation struggle. As to the anti-racist, humanistic verbal guise enveloping some of Tempels' reasonings, it will hardly deceive anybody — except, perhaps, for a brief moment. The present-day march of events on the African continent distinctly shows that neither the intrigues of the colonialists, nor the unctuous preachings of the missionaries can forestall the downfall of colonialism and the emergence of truly national cultures among the African peoples.

⁴³ Цит. по послесловию Янгеинца Яна к немецкому переводу «Философии банту» (R. P. Placid Tempels, Bantu-Philosophie, Heidelberg, 1956, стр. 148).

МАКС ГЛУКМАН

ПЛЕМЕННОЙ УКЛАД В СОВРЕМЕННОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКЕ *

Внутренние процессы, происходящие в африканском обществе, которые в значительной мере предопределили нынешний подъем национально-освободительного движения, привлекают сейчас внимание социологов-африканистов разных стран. Одной из сложнейших проблем современной Африки является сохранение в ряде ее районов отношений, свойственных первобытно-общинному строю, а также сохранение племенной организации и родовой знати.

В советской африканистике установился вполне определенный взгляд на эти институты доклассового и раннефеодального общества. Мы считаем, что в странах Африки — бурными или замедленными темпами, в зависимости от условий, — идет процесс становления капитализма. Элементы племенного уклада являются пережитками, являясь не определяющими физиономии африканского общества наших дней. Увлечение исследованиями пережиточных форм организации и идеологии африканцев не соответствует их действительному месту в современной жизни народов Африки. Занимаясь это не более чем реконструкция — удачная или неудачная, в меру таланта исследователя.

Африка представила науке новые доказательства единообразия этапов развития человеческого общества. Только политические обскуранты решаются теперь «не замечать» коренных преобразований в африканском обществе. Но их разглагольствования об исключительности и неподвижности Африки тонут в громе революционных потрясений на Черном континенте.

Перед буржуазными учеными возникла необходимость объяснить очевидные для каждого непредубежденного наблюдателя социальные перемены в Африке. Многие довольствовались маловразумительными выводами о вытеснении африканского образа жизни (племена, натуральное хозяйство, культ предков) европейской культурой (города, промышленность, христианство). Для них Африка всегда и во всем — копия Европы: сказывается колониальная завскаса.

Однако есть на Западе и такие ученые, которые сознают, что дело вовсе не в стремлении африканцев подражать европейцам, что новая социальная структура не импонируется, а создается спонтанно в силу общих объективных закономерностей. К числу таких ученых относится Макс Глукман, крупный английский африканист, работающий в Манчестерском университете.

Мы воспроизводим статью проф. Глукмана, напечатанную во французском журнале «*Cahiers d'études africaines*», 1960, № 1. Она представляет несомненный интерес для советской научной общественности, ибо посвящена самой злободневной в африканской социологии теме и содержит материалы об особенностях общественного развития в условиях колониального режима.

Разумеется, мы далеко не во всем согласны с проф. Глукманом. В ряде мест статьи, что может помимо желания автора, создается ложное впечатление о стабильном и равновесии обмена населением между городом и деревней; общинник уходит в город — трайбализуется, рабочий возвращается в деревню — дезурбанизуется. Даже человеку, мало знакомому с диалектикой, должно быть понятно, что процесс изживания старого племенного уклада необратим и рост городов неизбежен. Вызывает сомнение также четкое определение существа трайбализма в городе. Едва ли можно назвать городской трайбализм новым явлением, не связанным с племенной структурой в сельской местности. Верно, что это явление иного порядка, но корни его все же не в современном городе, а в отсталой деревне. Город опережает деревню в социальном прогрессе и активно влияет на ее развитие. Пережитки племенного уклада преодолеваются под воздействием новых общественных отношений, сложившихся в городе. Таким образом, механическое сопоставление трайбализма, параллельно существующего в городе и в деревне, едва ли оправдано.

* Перевод и предисловие Л. Д. Яблочкова.

Проф. Глуман справедливо замечает, что сохранение племенной организации в большой степени объясняется поддержкой со стороны колониальных властей. Он высказывает в конце статьи смелое предположение, что африканское правительство урезало бы права племенной знати. Однако в самом начале статьи автор ищет причины консервативного подхода в ошибках английских чиновников. Не проще ли допустить, что чиновники, способствуя переносу элементов трибализма в город, и в этом следовали сознательной политике колониальных властей, стремившихся подорвать новые классовые организации, затормозить политическое развитие. Рабочие это прекрасно поняли, судя по тому, как они обошлись с представителями вождей на рудниках. Кстати, утверждение проф. Глумана, будто африканцы не выступают против трибализма, просто неверно. Чтобы не отвлекаться, сошлемся на соответствующее решение Аккрской конференции народов Африки, единодушно осудившей трибализм как реакционную силу, задерживающую высвобождение африканского общества из колониально-феодалных пут.

Привлекает особое внимание заявление проф. Глумана о том, что родо-племенная организация, сохраняя прежние формы, несет в условиях новой экономики совершенно новые функции. Речь идет о закреплении за отходником земельного надела из фонда племени в качестве гарантии от голода в случае потери работы. Это одна из своеобразных особенностей развития капитализма в колониальной Африке. Но автор почему-то упускает из виду, что общинное землепользование подвергается сейчас нападкам со стороны зажиточных крестьян, желающих получить землю в частную собственность. Примеров того немало в обеих Родезиях. Без показа классовой дифференциации и внедрения товарно-капиталистического хозяйства в деревне картина преобразования африканского общества не полна.

Так или иначе проф. Глуман признает классовое расслоение в африканском городе. Это очень важно в связи с тем, что буржуазная наука нередко полностью отрицает деление общества на социальные классы. Особенно много в последнее время говорилось и писалось о монолитном единстве африканского общества. Но пример в статье, по нашему мнению, приведен неудачный. Автор рассказывает о расколе Профсоюза африканских горняков Северной Родезии из-за того, что разные группы рабочих преследовали разные цели. Пример неудачен особенно потому, что этот раскол, как сообщает сам автор, произошел не сам по себе, а был организован администрацией.

Можно было бы высказать еще ряд замечаний: автор, например, явно недооценивает роль общего языка в формировании племенных землячеств в городе, сомнительно его высказывание, будто все баротсе отказываются от участия в политической борьбе и т. д. Однако предоставим нашему читателю возможность самому продумать суждения и выводы профессора Макса Глумана.

* *

*

Последние двадцать лет изучением племен и городского населения британской Центральной Африки занимались 14 сотрудников Института Родса-Ливингстона в Северной Родезии. В настоящей работе я коснусь некоторых результатов этих исследований. Я хочу сосредоточиться на показе того, как мы рассматриваем сохранение племенного уклада в новое время, несмотря на промышленную революцию, которая привела к столь значительным социальным сдвигам. Наша основная мысль сводится к тому, что в сельских районах признание себя членом племени влечет за собой участие в действующей политической системе и в ведении общего с сородичами хозяйства. Это продолжающееся участие обусловлено нынешними экономическими и общественными потребностями, а отнюдь не только консервативностью. С другой стороны племенной уклад в городе представляет собою явление совершенно иного порядка. Прежде всего, это основание для разделения множества африканцев разного происхождения, живущих вместе в городах. Разделение людей на этом основании идет по линии создания новых групп африканцев, таких как похоронные общества и общества взаимной помощи, которые вызваны к жизни потребностями городской жизни. Приходится изучать эти формы связи между соплеменниками в деревне и в городе во взаимодействии с новыми формами, такими как христианские секты, политические и экономические группы. Эти новые группы играют явно более значительную роль в городе, нежели в деревне. Таким образом, принадлежность людей к племени проявляется в двух совершенно разных ситуациях. И люди в значительной мере могут отделять одну сферу деятельности от другой.

Вопрос о том, отмирает или сохраняется и укрепляется племенной уклад, в ранних английских исследованиях был запутан из-за глубоких заблуждений в области социологического анализа. Вполне понятно, что работники администрации и миссионеры видели в африканском горняке на новых медных рудниках все того же общинника, только что покинувшего район расселения своего племени. Эти деятели считали поэтому, что африканские общинники, пришедшие в город, подвержены процессу «детрайбализации», который их меняет, т. е., по их мнению, портит; хуже всего то, что в городах, вне контроля со стороны вождей племен, они по наивности попадают в руки агитаторов. Большинство английских чиновников и многие миссионеры полагали, что африканцы, пытающиеся образовать профсоюз или политическую организацию, а также европейцы, которые стараются им в этом помочь, являются подрывными элементами, разлагающими простодушных и честных общинников. Я сам могу подтвердить, что подобного мнения придерживались чиновники Северной Родезии еще в 1947 г.

Вспоминаю одного толкового специалиста по вопросам труда, работавшего тогда в управлении, которое занималось урегулированием отношений между европейскими нанимателями и африканскими рабочими. Он говорил мне, что было бы лучше, если бы не было Профсоюза европейских горняков Северной Родезии, и проблемы европейских горняков решались бы Управлением труда. Думаю, что многие чиновники не извлекли уроков из событий двух последних столетий. А события показали, что всюду в современных промышленных городах создаются специфические организации, порожденные потребностями городской жизни, и что следовало ожидать неизбежного возникновения подобных организаций в Африке.

Нужно учитывать, что английские чиновники сначала набирались из высших и средних слоев сельского населения, поэтому они были мало знакомы с проблемами промышленного общества. В Африке они обзаводились огромными поместьями и правили так, что постепенно у них выработались традиции покровительственного управления простым народом. Позже чиновников набирали из тех же слоев, но с добавлением выходцев из семей служащих. Мне не приходилось встречать чиновников, которые были бы непосредственно знакомы с проблемами промышленного общества. Все вновь назначавшиеся чиновники служили первые годы в сельских районах и поэтому прониклись убеждением, ставшим традиционным в административных органах, что города и шахты являются чуть ли не источником порока для идиллического племенного общества — там де скромные туземцы предаются соблазнам роскошной жизни и мятежа.

Эти доктрины не были, конечно, сформулированы четко и открыто. Но они пронизывали всю политику администрации в отношении проблем современной жизни вплоть до конца второй мировой войны. Некоторый сдвиг произошел, может быть, только тогда, когда у власти в Англии стояли лейбористы.

Меня больше всего удивляет, что подобные доктрины оказали определенное влияние на английских и других этнографов. И я вовсе не уверен, что все они уже освободились от этого влияния. Наши этнографы, как и наши чиновники, были вскормлены на сельских традициях племен. Для них племя — исходный пункт, о которого следуют изменения в характере людей, попадающих в городе под влияние Запада. Поэтому исследование начинали с изучения первичного племени, первичного общинника¹. Соответственно, когда некоторые этнографы начи-

¹ См. очерки в сборнике L. P. Mair (ed.), *Method of Study of Culture Contact in Africa*, 1932 (только И. Шанера и М. Фортез высказывали там точку зрения, которую собираюсь отстаивать). Мнение, против которого я выступаю, явно исходит из книги: B. Malinowski, *The Dynamics of Culture Change*, 1946 (см. мой критический очерк: *An Analysis of the Sociological Theories of Bronislaw Malinowski*, «Rhodes-Livingstone Papers», 1948, № 16).

нали изучать африканцев в городах, они рассматривали стоящие перед ними проблемы так, будто они возникают в связи с приспособлением общинника к городским условиям. Все это сводилось к «процессу детрайбализации», который следует изучать и оценивать с точки зрения постепенного изменения общинника. Подобный подход к проблеме, мне кажется, был положен в основу докладов некоторых делегатов проходившей в Абиджане конференции по вопросам африканской урбанизации.

Я говорю, странно, что этнографы стали на эту точку зрения, так как упор в наших исследованиях делается на различие между людьми и их положением в социальной структуре. Больше того, в наших теоретических послылках мы подчеркиваем степень влияния социальной структуры на поведение людей. Поэтому мне всегда казалось, что нам следует подходить к изучению африканских городов, рассматривая их прежде всего как города. Короче говоря, тот факт, что африканцы сейчас длительное или непродолжительное время живут в городах, окажет гораздо большее влияние на их поведение, чем тот факт, что они пришли из племен. Африканский горожанин — это горожанин, африканский шахтер — это шахтер, а то, что он еще и член племени, имеет второстепенное значение. Я склонен предполагать, что по мере того как африканцы накапливаются в городах и включаются в промышленный труд, будут создаваться общественные отношения, соответствующие их новому положению. Они постараются для улучшения условий объединиться в профсоюзы и т. д.

Разумеется, африканцы еще будут подвержены воздействию факторов, не связанных с самой городской жизнью, таких, например, как быстрый рост городов, незнакомство африканцев с городским бытом, постоянные переезды африканских рабочих из деревни в город и из одного города в другой, культурные традиции и уклад жизни племени, из которого они пришли, а также традиционные родственные связи и вражда между различными племенами. Но даже это влияние племенного образа жизни действует нынче в городской обстановке, а не в сельской. Исходя из этого, я писал в одной из своих предыдущих работ: «в некотором смысле каждый африканец детрайбализуется, как только покидает район расселения своего племени, даже если влияние племени еще сказывается. Он живет среди людей, делящихся на группы по другому принципу, он зарабатывает себе на жизнь другим путем, подчиняется другим властям»². Он ходит по другим дорогам — улицы и тротуары зачастую вымощены, — он берет воду из крана, пищу покупает в магазине и т. д., и т. п. Он подчиняется теперь не окружному комиссару и вождю, а окружному комиссару и городским властям, комеданту поселка и управляющему-европейцу. Исходя из этого, на мой взгляд, необходимо начинать исследование городской жизни с утверждения, что с того момента, как африканец пересек границу поселения племени, он уже «детрайбализован», он уже вне племени, хотя еще подвержен его влиянию. Соответственно, когда человек возвращается из города в политическую область своего племени, он трайбализуется — дезурбанизуется, — хотя подвержен влиянию города.

Первое исследование городского населения британской Центральной Африки принадлежит перу покойного Годфри Уилсона, первого директора Института Родса-Ливингстона; оно было посвящено шахтерскому городу Брокен-Хилл³. Д-р Уилсон сформулировал свои выводы, исходя из перемен в поведении африканских горожан в зависимости от срока их пребывания в городе. Его глубокое исследование имеет бо-

² M. Gluckman, Seven-Year Research Plan of the Rhodes-Livingstone Institute, в журн. «Human Problems in British Central Africa», 1945, № 4.

³ G. Wilson, An Essay on the Economics of Detribalisation in Northern Rhodesia, «Rhodes-Livingstone Paper», 1941—1942, № 5—6.

шое значение, но, мне думается, оно выдержано в том же духе переценки племенного уклада, на который я указывал выше.

Мои коллеги, последовавшие примеру д-ра Уильсона в деле изучения родезийских городов, подошли к этим проблемам иначе. Они начали свои исследования с утверждения, что имеют дело с горожанами, многие из которых пришли из племен и сохраняют связи с этими племенами. Из подобных исследований, возможно, самыми значительными являются последние книги проф. Дж. К. Митчела «Танец калела» и д-ра А. Л. Эпштейна «Политика в городской африканской общине»⁴.

Одной из основных тем, разработанных в книге Эпштейна, является показ того, как по мере роста городов меднорудного района типично городские организации и объединения рабочих свели на нет попытки европейцев наладить сотрудничество с руководителями групп, разделенных по племенной принадлежности. Я вкратце изложу его повествование и затем остановлюсь на некоторых социологических последствиях, которые подмечены Митчелом и Эпштейном.

Когда в начале 1930-х годов были открыты рудники в Луаншии, все управленческие должности и должности, требующие квалификации, заняли европейцы, а черная работа выполнялась африканцами — они тысячами приходили из племен, расселенных в английских, бельгийских и португальских владениях. На рудниках, как это бывало и на предприятиях Европы во время промышленной революции, требовалось обеспечить, с одной стороны, порядок, с другой — некоторые общественные службы для разноплеменного населения. Управительства не было сил обеспечить все это. К тому же и европейские и африканские горняки проживали на частновладельческих землях компаний. Компания предоставила жилища европейцам и африканцам, построила больницы, увеселительные заведения, пункты распределения продовольствия для африканцев. Африканцев поселили в огромном лагере под присмотром лагерного начальника (после его стали именовать начальником африканского персонала). На него возлагалась ответственность за размещение африканцев и обеспечение их всем необходимым, за упорядочение условий труда и разбор жалоб, за поддержание порядка и решение споров между африканцами. В этой работе ему помогали африканские конторщики, рудничная полиция и др. Африканцев из разных племен насчитывалось тысячи, поэтому логично было со стороны служащих компании считать разумным общаться с африканцами через представителей племенных групп. В связи с этим начальник лагеря учредил систему племенных старейшин. Им предоставили особые дома и выдали форму. По мысли начальника, рудничная контора должна была общаться с африканскими рабочими через старейшин, тогда как старейшины свою очередь должны были сообщать конторе пожелания и жалобы своих соплеменников. Кроме того, старейшинам поручались заботы о новичках, пока те не устраивались в общежитие или не находили знакомых. Это самая важная задача при системе отходничества, когда люди постоянно перебираются из деревни в город и обратно, из города в город и с одного предприятия в городе на другое. Наконец, старейшины выступали судьями в мелких ссорах между мужьями и женами. Старейшины составляли совет.

Африканцы одобрили институт старейшин. Одновременно подобная же система была создана в городском поселке, выросшем близ самого города. Большинство старейшин или представителей племен, избиравшихся самими африканцами, были близкими родичами того или иного южды. Организация власти, принятая в племенах, была перенесена в условия промышленного города.

⁴ J. C. Mitchell, *The Kalela Dance*, «Rhodes-Livingstone Paper», 1956, № 27; A. L. Epstein, *Politics in an Urban African Community*, Manchester, 1958.

Эта система управления неплохо действовала вплоть до 1935 г. когда произошли крупные беспорядки в районе медных рудников (этот район называют Медным поясом). Беспорядки возникли в связи с требованиями африканцев увеличить заработную плату и улучшить условия труда. Забастовка началась на других рудниках, и местный комендант запросил старейшин о настроениях в самой Луаншии. Те заверили его, что здесь беспорядков не будет. Комендант велел старейшинам пойти к рабочим и умиротворить их. Однако рабочие выгнали одного из старейшин, обвинив его в сговоре с европейцами. Толпа осадила контору лагеря, где пришлось укрыться старейшинам. Было ясно, что в обстановке стачки они не имеют ни влияния, ни авторитета. Несмотря на это, после забастовки старейшины вернулись к прежнему положению. К 1937 г. на руднике было уже около сорока признанных старейшин. Эпстейн пишет по этому поводу: «система племенных старейшин действовала в основном удовлетворительно, с ней считались массы».

Я могу лишь вскользь коснуться выводов Эпстейна относительно причин создавшейся ситуации. Он делает упор на связи старейшин с племенем, на их родственные отношения с семьями вождей, на их знание обычаев и устоев племени, на их умение улаживать споры и т. п. И все же — как это ни парадоксально — они одновременно связаны с европейской администрацией рудников. Во время забастовки их выгнали за то, что они были заодно с европейцами. Следовательно, нужно обратить внимание на две особенности их положения. Во-первых, они являлись представителями вождей, источником их власти была политическая система того или иного племени, а к условиям работы африканцев в самих рудниках они не имели касательств. Там рабочие разбивались на смены и бригады безотносительно к племенной принадлежности. Именно это положение и привело африканцев к совместным действиям в забастовке во имя общих интересов. Это был конфликт в промышленности, и племенное деление здесь не играет роли. Поэтому в создавшейся ситуации старейшины не имели никакого влияния на рабочих. Во-вторых, в деле управления африканцами старейшины стали представлять компанию, поэтому рабочие, выступавшие против компании, считали старейшин своими противниками. Когда же забастовка кончилась, старейшины смогли вернуться к своей прежней роли.

Положение менялось постепенно до второй вспышки забастовки в Медном поясе в 1940 г. Беспорядки произошли на руднике Нкана, там стреляли в горняков. Но в Луаншии было тихо. Во время стачки на шахтах Муфулира был создан забастовочный комитет из 17 человек и ведения переговоров с компанией. На всех шахтах с авторитетом старейшин перестали считаться. А создание забастовочного комитета на шахтах Муфулира знаменовало начало новых порядков, при которых племенное деление как основа для разрешения конфликтов африканских горняков на предприятиях утратило значение.

Вскоре после войны английское (тогда лейбористское) правительство послало в Африку инструкторов, чтобы помочь африканцам создать профсоюзы. Профсоюзное движение в африканской среде уже существовало, но теперь оно получило поддержку правительства. В конечном счете в шахтерских городах Северной Родезии появился мощный и сплоченный профсоюз — Профсоюз африканских горняков, взявший на себя переговоры с администрацией компаний. Первым шагом на пути к полному контролю было требование профсоюза уничтожить систему племенных старейшин; профсоюзные лидеры считали старейшин угрозой для собственного авторитета и орудием, которое может использовать против них компания. Среди горняков был проведен референдум: в нем приняли участие 85% от 35 тыс. рабочих, из них 97% проголосовали за уничтожение системы племенных старейшин. Профсоюз в конце концов вытеснил прежнюю организацию представителей племен из про-

мышленной сферы, но позже я скажу несколько слов о том, как племенная принадлежность продолжала влиять на политику профсоюза.

Изложенный Эпстейном ход событий в городском поселке был примерно таким же, но не столь ясно выраженным. Он полагает, что неразчлененная структура самого рудника с централизованным руководством всеми сторонами жизни горняков — работой, питанием, отдыхом и т. д. — вызвала к жизни нерасчлененную структуру африканского профсоюза, тоже заботящегося о разных аспектах жизни горняков и не терпящего никаких соперников. А в городском поселке живут рабочие и служащие самых различных предприятий, домашняя прислуга, кустики и т. д. Поэтому стремление африканцев к единству действий в профсоюзе было меньше, меньше было и возможностей организовать. И все же события в городском поселке разворачивались так же, как на руднике. Власть племенных старейшин (если не считать урегулирования мелких споров) постепенно была сведена на нет организациями, в которых действовали более образованные и более состоятельные африканцы, не имевшие таких связей с семьями вождей и более прочно осевшие в городе. Кроме того, если правительство создавало где-либо советы или даже суды, чтобы облегчить управление разнородным африканским населением, в среде горожан сама по себе возникала оппозиция. Оба процесса развивались во взаимной связи, ибо политика правительства основывалась на использовании племенного деления, тогда как образованные африканцы настаивали на том, чтобы лидерами в городах были люди, знакомые с особенностями городской жизни, и чтобы они не выступали хранителями обычаев племени. Однако в поселке положение гораздо менее устойчиво, чем на руднике.

Эпстейн указывает далее, что господство профсоюза не ликвидировало деления на племенные группы в промышленности. В какой-то мере это деление утратило прежнее значение на предприятиях, где противостоят интересы африканцев и европейской администрации. Но в отношениях между африканцами племенное деление играет роль. Так, при выборах на официальные посты в профсоюзе заметна солидарность соотечественников. В частности, представители разных племен жаловались на то, что все руководство профсоюза в руках бемба⁵. Дело доходило до того, что африканцы ньякюса из юго-западной части Танганьики заговорили о создании отдельного профсоюза ньякюса. Правда, в общей забастовке они приняли участие. Эпстейн указывает, между прочим, что ньякюса не получают поддержки (скажем, продовольствия) из дома во время забастовок, как другие африканцы из близлежащих племен Северной Родезии. Кроме того, подавляющая часть ньякюса приходит из жен, и у них некому возделывать огород.

Племенные связи имеют наибольшее значение именно в борьбе за руководство в профсоюзе. Однако даже в этом смысле нельзя безоговорочно сказать, что играет роль вражда между племенами и приверженность своей племенной группе. В первые годы работы рудника должности, предназначенные для образованных африканцев, занимали ньясалендцы (система просвещения в Ньясаленде была создана раньше и действовала лучше) и не менее развитые баротсе⁶. Ньясалендцы к тому же раньше других освоили горняцкое дело, бывая на рудниках Южной Родезии. Наконец, африканцы бемба (бемба — одно из крупнейших племен, расселенных поблизости) заняли многие низшие административные должности на руднике. Таким образом, хотя некоторые африканцы рассматривают борьбу за руководство на руднике с племенных позиций, на деле соперничают группы людей с раз-

⁵ 150-тысячный народ в северной части Северной Родезии, из среды которого на рудники приходит наибольшее число отходников (*Прим. пер.*).

⁶ Баротсе (самоназвание — лози) — африканская народность на крайнем западе Северной Родезии (*Прим. пер.*).

ной квалификацией. После того как положение профсоюза окончательно упрочилось, началась борьба с компанией и с профсоюзом европейцев не только за повышение ставок африканским рабочим, но также и за предоставление африканцам мест с лучшей оплатой, которые требуют большей квалификации. Тогда стал вопрос, за что должны бороться профсоюз: за небольшое число хорошо оплачиваемых должностей для образованных африканцев или за общее улучшение условий для массы сравнительно неквалифицированных рабочих. В этой борьбе выковалось новое боевое руководство, в большей степени представляющее простых рабочих — и оно побеждало на многих профсоюзных выборах. Борьба достигла апогея, когда рудничная администрация выделила несколько ставок для квалифицированных африканцев и ввела для них помесечную оплату вместо сдельной поденной. Администрация потребовала также, чтобы они вошли в новый особый профсоюз, созданный африканскими служащими, который возглавили баротсе. Старый профсоюз объявил забастовку в знак протеста; вслед за тем правительство, считая эту забастовку политической, арестовало 62 лидера профсоюза и выслало их в районы расселения соответствующих племен.

Для нас эта забастовка имеет большое значение потому, что она выявила факт расслоения африканского городского населения по «классовому», можно сказать, принципу. Недавняя борьба за руководство в профсоюзе и создание нового профсоюза свидетельствует, что среди африканцев происходит разделение интересов в промышленной сфере. Как только профсоюз одолел своих потенциальных противников — старых руководителей от племен, его члены (как это бывает у союзниками в иных случаях) раскололись, ибо преследовали разные цели. Подобные явления можно наблюдать и в истории Европы.

Классовое деление, пишет д-р Эпстейн, сказывается во всем. Оно распространяется на различные институты. Это понятно, ибо африканцы теперь стремятся жить по-европейски. Проф. Митчел проследил, как воздействует эта ситуация на танец калела. Его исследование основывается на толковании влияния общей социальной обстановки на построение и поведение одной из танцевальных групп.

Танец калела очень популярен в Медном поясе. Африканцы танцуют его группами, составленными выходцами из одного племени. В время танца высмеиваются африканцы других племен, их шутя обвиняют в разных нехороших привычках, например в том, что они ведут беспорядочную, даже распутную жизнь. Таким образом внешне в танце выражается превосходство племени танцоров и поносятся другие племена. Однако представители этих других племен присутствуют тут же и весело хохочут вместе со всеми над сомнительными шутками, не правленными против них же самих. Митчела поразили тот факт, что хотя внешне это выглядело соперничеством между племенами, танцоры называли своих начальников после перечисления высокопоставленных английских военных и гражданских лиц. Танцоры не надевают традиционных одежд племени, вместо этого на них всегда отличные европейские костюмы — и во время танца за костюмом тщательно следят, чтобы все было в порядке. Это обязательное правило, хотя танцоры принадлежат к слою наименее квалифицированных и малограмотных рабочих. Исходя из этого, Митчел трактует танец как отрицание всеобщего стремления африканцев к культурной жизни и европейскому образцу. Он показывает также, используя другие данные, как высоко ценятся черты такой жизни у африканцев. Но, оговариваясь Митчел, эти чернорабочие вовсе не стремятся через танец приобщаться к европейской части общества Центральной Африки: они отгорожены цветным барьером. В танце они хотят приобщиться к белой африканской интеллигенции. Митчел показывает, что в политическом

ской деятельности, например в движении протеста против создания Центральноафриканской федерации, африканцы всех классов и всех племен (за исключением баротсе, которые пользуются покровительством по особому договору) объединились против европейцев. А внутри они разделены на классовые ступеньки, по которым люди стремятся подняться вверх. В этом состоит одна из тенденций городской жизни, и она довольно явно расходится с племенным укладом.

Правда, танцевальные группы состоят из соплеменников, поносящих другие племена. Значит, их существование следует объяснять так же и сохраняющимся значением племенного деления в городах. Митчел делает вывод, что трайбализм в городе действует главным образом как метод, с помощью которого человек делит разнородную массу народа на понятные ему категории. Со своим соплеменником он может говорить, у них одни и те же обычаи и устои. Митчел заметил, что по существу браков между людьми из разных племен не так много, как принято считать; женятся чаще всего на сестрах и дочерях соплеменников. Больше того, применяя метод социального анализа, Митчел обнаружил, что африканцы группируют все племена в городе на несколько ограниченных категорий и что между ними установились определенные нормы отношений. Так, он обнаружил, что шуточные взаимоотношения между людьми из племен данного района установились в наши дни, а не являются, как раньше думали, традиционными. Митчел подчеркивает, что племена в городе представляют собою категории, на которые люди делят население, и это деление вызвало к жизни множество оттенков общественных и личных отношений. Митчел и Эпстейн указывают, что в домашней обстановке (мы, кстати, видели, что браки по большей части заключаются между соплеменниками) обычаи и устои племени действуют в полную силу, хотя они претерпели большие изменения в условиях города.

Короче говоря, чтобы понять сохраняющиеся племенные связи в городе, следует оценивать их значение в сравнении с господствующими формами организации, которые обусловлены жизнью в городе и работой в промышленности. Люди селятся в городах как рабочие, они объединяются здесь общими интересами, пренебрегая племенным делением. Приверженность племени может повлиять на отношения внутри этих городских объединений, и политическая борьба в этих ассоциациях может иногда в силу обстоятельств получить племенную окраску. В общественных отношениях между людьми вне работы трайбализм в том или ином виде составляет основу для группирования людей. Приверженность своему племени и своим обычаям в семейной жизни непререкаема, насколько позволяют обстоятельства. И во многих городах (хотя и не в Медном поясе) общества взаимной помощи, хоронные общества и т. п. создаются на основе единой племенной принадлежности. Но классовые отношения приобретают все более важное значение и, по словам Эпстейна, пронизывают все. Интересно, что Эпстейн обнаружил при позднейшей работе в одном торговом городе, что бывшие ученики определенных училищ тоже чувствуют некую связь между собой.

Эпстейн заканчивает свое исследование утверждением, что при изучении новых африканских городов можно наблюдать множество установившихся правил. Это подтверждается тем, что люди живут и делают свои дела в городах довольно спокойно, без страха. Отсюда то, что в этих городах реально существует какая-то единая социальная организация. Нельзя, конечно, думать, что эта социальная организация тверда, неподвижна и уравновешена. Городская жизнь состоит из многих полунезависимых областей деятельности, в которых люди объединяются для соответствующих целей: чтобы наладить домашнее хозяйство и растить детей, чтобы проводить время с друзьями, чтобы

работать и улучшить свое положение, чтобы достичь политических целей. Разные принципы общественной организации могут потребоваться в различных сферах человеческих отношений. Так, профсоюз может вытеснить из города племенных старейшин, а с ними вместе и власть вождей племен, не затрагивая трайбализма как категорию и даже не нарушая верности вождю племени в иных ситуациях. Разрешите мне подчеркнуть, что такое положение вещей отнюдь не присуще только африканцам. Трайбализм действует, хоть и не так заметно, в английских городах: там шотландцы и ирландцы, уроженцы Уэльса, равно как евреи, ливанцы и те же африканцы создают свои землячества, а их домашняя жизнь строится в соответствии с национальными обычаями. Однако все могут объединиться в политическую партию, в профсоюз или федерацию предпринимателей. Трайбализм в центральноафриканских городах отличается от трайбализма во всех других городах только тем, что яснее выражен.

Указанные исследования городской жизни подчеркивают, что племенное единство в этих городах не имеет решающего значения в политике. Трайбализм не является определенной суммой политических взаимоотношений. В этом современный городской трайбализм сильно отличается от трайбализма в сельских районах. В сельских районах (при английской системе управления) каждое племя — организованная политическая единица со сложной внутренней структурой. Возглавляет племя — по крайней мере, в Центральной Африке — обычно традиционный вождь с традиционным советом старейшин; племя делится на деревни и другие политические единицы. Здесь политика правительства заключалась в том, чтобы править через посредство племенной организации. Правительство, таким образом, оказало мощную поддержку племенной политической структуре как таковой, и она продолжает действовать. Можно также сказать, что здесь не утратили значения консервативная в общественном смысле преданность вождю. Больше того, создавшиеся в городах новые промышленные и городские политические объединения только косвенно затронули чувства принадлежности к племени. Но мы считаем, что система племенной деления в сельской местности тоже служит новым важнейшим потребностям современного африканца.

Все африканцы сейчас стремятся заработать. Им нужны деньги, чтобы заплатить налоги, чтобы купить одежду и другие европейские товары, чтобы учиться и пользоваться коммунальными услугами. Каждый общинник из племен Центральной Африки имеет возможность выручить деньги, продавая часть урожая или рыбу. Большинство уходит на продолжительный или на короткий срок работать на европейское предприятие, главным образом в города. Но в промышленности они не чувствуют уверенности в завтрашнем дне. Эта неуверенность, да еще плохие жилищные условия затрудняют воспитание детей в условиях города. До самого последнего времени африканцам не позволялось обзаводиться собственными домами, жилье давала контора, где они работали, — это положение почти не изменилось. Нет обеспечения безработице, пособия в случае болезни или производственной травмы очень малы. Для престарелых работы нет, забота о них не проявляется. Пенсии выплачивают немногим, да и те ничтожны. Африканцы постоянно ощущают непрочность своего устройства в городах.

В любом округе можно услышать о случаях, подобных тому, что рассказал мне один из моих сотрудников. Однажды утром, когда он работал близ Замбези, он заметил двух человек на другом берегу, т. е. на зарубежной территории. Один из них крикнул перевозчику, они переехали на лодке реку. Оказалось, что это полицейский ведет домой слепого старика. Старик оставил свою деревню лет тридцать назад и не поддерживал никакой связи с родственниками. А тем

то, старого и беспомощного, ведут в деревню, чтобы кто-нибудь по-калел его и позаботился о нем.

Наконец, все африканцы помнят времена мирового кризиса, когда юдники закрылись и тысячи рабочих вернулись в районы поселения своих племен, подобно тому, как миллионы американцев в период того же кризиса ушли в деревню, чтобы пропитаться. Жизнь в промышленном городе лишена прочного основания для большинства африканских рабочих, поэтому они не порывают связи с землей и со своим домом в деревне. В большинстве своем они хотят вернуться домой и думают об этом. К тому же закрепленный участок земли всегда оказывается необходимым для заполнения пробелов в бюджете семьи⁷.

Следует считать, что семьи общинников, уходящих на заработки, черпают средства из двух разных источников. Основой все же является их земельный участок, и многие отходники оставляют своих жен и детей кормиться с него. Старики тоже должны жить в деревне. Именно поэтому Уотсон писал о мамбве, живущих на границе между Танганьикой и Северной Родезией, что они совершают походы в города, чтобы добыть денег. Если общинники хотят возделывать свою землю и одновременно совершать походы в города, им приходится предельно расширять сферу своей экономической деятельности. И чтобы преуспеть в этом, они должны объединять свои усилия. Короче — им нужно жить группой родственников, часть которых может уйти в любое время, чтобы заработать деньги, тогда как другие остаются дома и возделывают землю, ухаживают за скотом, а также заботятся о женах и детях. В одних племенах высвобождение мужчин организовано более успешно, чем в других, в силу совокупности причин, которые изучил д-р Уотсон, но которые здесь изложить невозможно. Иные племена потерпели явную неудачу. Однако все возвращаются на землю — это последняя надежда.

Земля здесь не частный участок, которым человек владеет сам для себя. Африканец сохраняет свое право на землю по двум линиям. Во-первых, как члену племени, ему полагается участок годной к обработке земли и участок для застройки, он может пользоваться общим выгоном, ловить в определенных местах рыбу и собирать дикорастущие плоды. Во-вторых, все племена (за исключением тех, которые свободно перемещают свои участки, имея неограниченные площади) представляют общиннику право на землю как жителю деревни и как члену группы родственников. Право человека на землю в районе расселения его племени зависит от того, признает ли он себя членом племени со всеми вытекающими из этого обязательствами. Африканец владеет землей в Баротселенде потому, что он баротсе, а не лунда, например. И племя ревниво охраняет эти права. Общеизвестно, что в соответствии с традиционной системой землевладения народов банту (которую в общем можно назвать предфеодальной) вождь должен распределять землю среди своих подданных. И он зачастую осуществляет это через посредство сложной общественной иерархии. Я изучал развитие системы землевладения у всех племен Центральной и Южной Африки и не знаю случая, чтобы вождь, когда земли становится меньше и она обретает большую ценность, брал себе несоразмерный участок. В некоторых племенах, по мере того как начинает ощущаться нехватка земли, вожди узаконивают неотъемлемые права каждого общинника на определенный участок. Вождь первым делом распоряжается отданную какому-нибудь подданному землю, которая не используется, чтобы распределить между безземельны-

⁷ Особенно четко поставлена эта проблема применительно к данному району в двух книгах: W. Watson, *Tribal Cohesion in a Money Economy*, Manchester, 1960; M. Glickson, *Essays on Lozi Land and Royal Property*, «Rhodes-Livingstone Paper», 1943, № 10.

ми,— так было, в частности, у нгвакетсе в Бечуаналенде. Затем вождь распоряжается передать безземельным участки, которые не обрабатывались определенный период. И, разумеется, передача этих участков под обработку ведет к оскудению земель. В конечном счете получается, как в Басутоленде, где на каждую семью полагается по закону только один гектар. Люди обходят эти законы с помощью различных уловок, но тенденция ясна как руководителям, так и массам общинников. Каждый человек, являющийся членом племени, имеет право жить со своей семьей на земле племени.

Я уверен, что чувство товарищества, взаимное участие и стремление к справедливости повлияли на эти законы. Но помимо того, остающиеся в деревне прямо заинтересованы в работе тех, кто уходит в город. Ведь они приносят домой деньги, которые всем нужны. В некотором смысле остающиеся хранят землю как гарантию того, что получают денежную поддержку от отходников. А отходники дают деньги остающимся как плату за это хранение. Итак, они получают гарантию за принадлежность к племени, ибо вождь наделяет их участком за верность и поддержку. Поэтому они почитают своих вождей, а поскольку они вождей почитают, вместе с вождями в сельских районах они признают и налаженную систему политических отношений племени. Мало кто из общинников стремится сломать племенную политическую систему как таковую, хотя группы с новыми интересами и новая имущая прослойка в племенах иногда борются за власть в племенных советах. Признание племенной политической системы влечет за собой признание многих обычаев и правил, вытекающих из этой системы.

Там, где земли обрабатываются родственниками совместно или где родственники организуют отходничество так, как было описано выше, гарантия землевладения предусматривает также признание родственных обязательств, а вместе с этим многих других традиций племени. За неимением места я не могу развивать этот тезис нашего исследования, не могу также коснуться процессов, происходящих в племенах, в которых общинники зарабатывают деньги рыбной ловлей и продажей части урожая.

Итак, мы видим, что племенной уклад в сельских районах сохраняется благодаря поддержке правительства, а также потому, что связь с землей племени имеет чрезвычайное значение для африканца. И эта связь влечет за собой признание племенной политической системы с ее традициями, признание составляющих эту систему групп с их традициями. Короче, трайбализм в сельских районах — это участие в хорошо налаженной системе общественных отношений, основанной прежде всего на правах вождя как хранителя общей земли племени. Зависимость от земли и общественные отношения, связанные с этой зависимостью вселяют в душу нынешнего африканца уверенность, которой они не находят в городской жизни, и гарантируют их от превратностей судьбы работников промышленности. Трайбализм в городе не является такой налаженной системой политических и других общественных отношений. В городах люди делятся на особые группы, свойственные городской жизни, создают организации, характерные для промышленных центров. Попытки европейцев перенести племенную систему управления в город, чтобы с ее помощью разрешить проблемы промышленного города, были отвергнуты. Но племенные связи и вражда влияют на ход борьбы внутри новых объединений, хотя иногда это служит прикрытием борьбы по другим линиям. Племенные взаимосвязи и обычаи все еще господствуют в семейной жизни. Трайбализм используется как главная основа для деления людей на категории. Так, африканец определяет, как ему относиться к людям, с которыми он сталкивается на работе и в других местах. Некоторые ассоциации возникают из потребности соплеменников во взаимной помощи. Но классовые связи на

нают все же пронизывать жизнь и культуру новых городов. Во всех этих отношениях африканский город наверное лишь в незначительной степени отличается от какого-либо другого города в любой стране. Когда обостряется обстановка, общие интересы, возникающие в связи с отношениями в промышленности и городе, явно вытесняют племенные связи и подразделения.

Несмотря на то, что процессы, происходящие в городе и в деревне, как мы видели, влияют друг на друга, особые объединения, отражающие те или иные процессы, могут быть до некоторой степени независимыми. Племенные старейшины были вытеснены с рудников профсоюзами, и все же застрельщики этого дела относились к явившемуся в город вождю с почетом, пока тот не вмешивался в конфликт между рабочими и предпринимателями. Жизнь африканцев как бы раздвоена, и они попеременно живут в разных сферах — так бывает со всеми. Мы не учли здесь взаимного влияния сфер деятельности, но для этого плетать-таки не хватает места.

Что же такое «детрайбализация»? Возможно, мои противники в научном споре тоже правы. Африканец всегда трайбализован — и в городе и в сельской местности, — но трайбализован совершенно по-разному. Как видим, в сельской местности он живет под всеобъемлющим контролем налаженной системы внутривосемных отношений, а в городе приверженность племени действует в системе типично городских организаций. Значит, африканец в деревне и африканец в городе — два разных человека, ибо общественная обстановка в племени, где он живет, и в городе, где он работает, определяет его поведение и его причастность к организациям: все это происходит в пределах общей политико-экономической системы, охватывающей обе сферы.

Postscriptum. Хотя я и говорил о разделении деятельности африканца в городе и районе поселения племени, я не считаю, что это достигается без конфликта в обществе и в умах. И все же этот конфликт так или иначе решается разделением сфер деятельности.

Исследование проведено на материалах Северной Родезии и Ньясаленда, процессы в других местах могут быть иными. Типичные для промышленного города организации менее успешно развиваются, например, в Южно-Африканском Союзе, где существуют строгие законы против таких организаций. В Британской Центральной Африке до последнего времени английский парламент оказывал заметное влияние на политику правительства. По-видимому, племенные связи в городах БАС имеют большее значение, чем в Родезии.

На положении вождей отражается наличие высшей колониальной администрации и европейских колонистов. Поэтому в нынешней политической борьбе вожди примкнули к городским руководителям. Развитие местного самоуправления без господства колонистов могло бы привести к радикальным переменам, как это было в Гане. Африканское правительство, возможно, пожелало бы уменьшить автономию племен, а с нею и власть вождей.

И. А. СВАНИДЗЕ

ИЗМЕНЕНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕ И ОБЩЕСТВЕ У НАРОДА ТОНГА ПРИ КОЛОНИАЛЬНОМ РЕЖИМЕ

Тонга — африканский земледельческий народ в Северной Родезии. За полвека колониального режима в сельскохозяйственном производстве и аграрных отношениях у этого народа произошли разительные изменения, отражающие закономерности развития капитализма в аграрных странах и политику колонизаторов, которые всеми силами пытаются продлить свое господство. Процессы в хозяйстве и обществе тонга привлекают внимание колониальной администрации и буржуазных ученых. В 1944—1945 гг. детальное обследование в стране тонга провела специальная земельная комиссия. В 1948—1953 гг. полевые исследования проводила здесь Э. Кольсон, сотрудник «Института Родса — Ливингстона». Результаты этих обследований и некоторая позднейшая информация дают материал по интересующим нас процессам¹.

* * *

Страна тонга примерно совпадает с дистриктом Мазабука, площадь которого 19,4 тыс. км². Рассекая дистрикт, с юга на север проходит Северо-Родезийская железная дорога. Вдоль нее сплошным массивом тянутся земли, отчужденные у коренного населения и предназначенные для европейской колонизации. Их площадь — 7 тыс. км² (37% территории дистрикта). Тонга загнаны в четыре резервата, за пределами которых им не разрешается держать землю². На севере дистрикт захватывает долину р. Кафуэ, на юго-востоке — скат к долине Замбези; основную же часть дистрикта занимает плато, лежащее на 900 м выше уровня моря³.

По природным условиям страна тонга — один из наиболее удобных для зернового земледелия районов Британской Центральной Африки, входящий в ее «кукурузный пояс». Но развитие сельского хозяйства страдает здесь от нерационального распределения земель, отсталости земледелия и хищнической эксплуатации природных ресурсов. Лучшие земли выделены под фермы колонистов или в фонд для колонизации,

¹ W. Allan, M. Gluckman, D. Peters, C. Trapnell, *Land Holding and Land Usage among the Plateau Tonga of Mazabuka District. A Reconnaissance Survey 1945*, London, 1948 (в дальнейшем — «Land Holding»); E. Colson, *Marriage and Family among the Plateau Tonga of Northern Rhodesia*, Manchester, 1958 (в дальнейшем — «Marriage and Family»); E. Colson, *Modern Political Organization of the Plateau Tonga*, «African Studies», 1948, июнь — сентябрь, стр. 85—98 (в дальнейшем — «Political Organization»); C. White, *A Survey of African Land Tenure in Northern Rhodesia*, «Journal of African Administration», 1959, октябрь, стр. 171—178; 1960, январь, стр. 3—10.

² «Marriage and Family», стр. 5—6.

³ M. Jaspán, *The Ila-Tonga Peoples of North-Western Rhodesia*, London, 1953, стр. 43—44 (в дальнейшем — «The Ila-Tonga Peoples»).

в то время как в резерватах остро стоят проблемы перенаселения, земельного голода и эрозии почвы. Тяжелым является положение с водными ресурсами. Единственной постоянной рекой остается Кафуэ: остальные еще на памяти нынешнего поколения превратились во временные потоки, текущие лишь в период дождей. Используя обильные грунтовые воды, белые фермеры дистрикта Мазабука создали у себя мощную систему искусственного орошения. В резерватах сооружение колодцев доступно лишь богатым крестьянам. Лишь в 1940-е годы колониальные власти начали осуществлять здесь ограниченную программу мелиоративных работ⁴. Практически недоступные для рядового крестьянина-тонга земли составляют $\frac{2}{3}$ площади резерватов: основная часть их — безводные и эродированные земли⁵.

Численность тонга оценивалась в 1945 г. в 114,5 тыс. чел., в 1954 г. — 164,8 тыс. чел. (вместе с небольшим народом ве). Плотность населения в резерватах (с учетом «неудобных» земель)⁶ — 23 чел. на 1 км², а местами доходит до 60 чел. на 1 км². Перенаселение острее всего ощущается в районах, ближайших к железной дороге, куда были согнаны африканцы из районов, отведенных для европейцев. Неафриканское население дистрикта (2 тыс. в 1954 г.) сосредоточено на фермах и станциях у линии железной дороги⁷.

* *
*

В начале XIX в. тонга жили небольшими автономными деревнями, занимались земледелием и владели довольно значительным поголовьем скота. В отличие от соседних народов, они имели более развитую экономику, но не обладали централизованной племенной организацией, что делало их уязвимыми в военном отношении. С 1820 г. и почти до конца века тонга подвергались систематическим нападениям: сначала — со стороны макололо, затем — баротсе и матабеле и, наконец, работорговцев⁸. Посетивший тонга в середине XIX в. Д. Ливингстон описал их как забитый и немногочисленный народ, под влиянием набегов соседей регрессирующий в экономическом и социальном отношении⁹. В конце века часть тонга платила дань баротсе. Английская колонизация, которую буржуазные авторы рисуют как «благодетельное» для тонга, не встретила у них серьезного сопротивления. В качестве юридического основания» права хозяйничать в стране тонга колонизаторы обычно ссылаются на концессии, вырванные в свое время Британской компанией Южной Африки, у князя Баротселенда, хотя, как известно, тонга никогда не входили в государство баротсе¹⁰. В 1898—1909 гг. этот князь подписал ряд концессий, которыми он, вырывая льготы для себя и других феодалов, отдавал Компании земли ранее «подвластных» ему народов. В 1899 г. указ английского правительства предоставил Компании власть над всей нынешней Северо-западной Родезией. Началом правления Компании в стране тонга считается 1903 г. Немедленно последовало введение денежного налога на тонга с целью заставить их идти на заработки на рудники и фермы

⁴ «The Ila-Tonga Peoples», стр. 33—53; «Marriage and Family», стр. 1—4; «Land Holding», стр. 25, 30—31.

⁵ Вычислено по данным: «Marriage and Family», стр. 6—7; «Human Problems in British Central Africa», 1947, XI, стр. 10—11.

⁶ «Land Holding», стр. 25—26, 82, 113, 139—141; «The Tribes of Northern Rhodesia», Lusaka, 1954, стр. 124—125.

⁷ «Marriage and Family», стр. 5—6.

⁸ «The Tribes of Northern Rhodesia», стр. 53.

⁹ «Land Holding», стр. 60.

¹⁰ «Political Organization», стр. 86, 91—92.

европейцев. В 1923 г. управление страной тонга, как и всей Северно Родезией, перешло непосредственно к английской короне¹¹.

Общественный строй тонга накануне колонизации можно определить как разлагающийся первобытно-общинный с сильными пережитками матриархата и зарождающимися элементами феодализма. Тонга, в отличие от баротсе, матабеле, бечуана, не осознавали себя единым народом, не имели верховных вождей. Страна их не делилась на устойчивые округа с вождями во главе. Английские африканисты, в частности М. Глукман, вообще отрицают, что у тонга были вожди «в общепринятом смысле слова»¹².

Народ тонга включал 14 матрилинейных «племен»¹³, рассеянных по стране. Люди «племен» придерживались принципа экзогамии и оказывали друг другу известную взаимопомощь. Гораздо большую роль в жизни тонга играл материнский род («башимукова»). Род объединял 20—30 взрослых родственников по женской линии, живший в одной местности. Он платил компенсацию за преступления своих членов и требовал компенсации, если кому-либо из них наносился ущерб. Семья уже стала определенной экономической единицей, однако при данном уровне развития производительных сил еще не могла обойтись без помощи рода. Родичей связывали отношения тесной взаимопомощи: родичу нельзя было отказать в пище, участке земли, помощи трудом, если для этого была возможность. Со смертью крестьянина — главы семьи род выбирал (обычно из своей среды) наследника имущества; в таком же порядке наследовались и «должности» (например, деревенских старшин, жрецов), а иногда и жены. Часть унаследованного скота, орудий, запасов наследник делил между членами рода¹⁴. Как «племя», так и род без особых трудностей принимали в свою среду чужеземцев и даже рабов. Рабство, впрочем, не получило у тонга распространения и носило патриархальный характер¹⁵. Семья тонга кроме мужа, жены и детей обычно включала еще несколько родственников. Брак был сравнительно легко расторгим по желанию одной из сторон. Мужчина часто шел жить в деревню жены. Многоженство встречалось нередко, особенно среди старшин. Поля и амбары семьи делились на принадлежащие мужу и жене: мужу принадлежала большая часть. Труд мужчины в семье играл основную роль¹⁶.

Деревня представляла собой соседскую общину. Это обычно была тяготеющая к водоему или источнику группа в 10—20 домов с населением не более 100 чел., с одним или несколькими загонами для скота. Дом служил жилищем семье, чаще — части семьи. Любая группа домов могла беспрепятственно выделиться в особую деревню. Ядром деревни была семья старшины. Большинство селян состояло в действительной или «племенном» родстве со старшиной и друг с другом. Многообразные узлы родства связывали соседние деревни, и это отчасти возмещало отсутствие общеплеменной организации¹⁷. В области аграрных отношений наблюдалось зарождение элементов частного землевладения, насколько это было возможно при переложном земледелии и наличии большого фонда незанятых земель. Выбирая место под поселение, крестьянин мог присоединиться к любой деревне, где были люди, готовые его принять. Как правило, он выбирал в районе своей деревни участок земли нужной

¹¹ W. M. Hailey, *An African Survey*. Revised 1956, London, 1957, стр. 705—70 «Marriage and Family», стр. 7—10, 16; L. N. Gann, *The Birth of a Plural Society*, Manchester, 1958, стр. 134—135, 213—225.

¹² «Land Holding», стр. 60.

¹³ В английской этнографической литературе они именуются кланами.

¹⁴ «Political Organization», стр. 85—88; «The Ila-Tonga Peoples», стр. 51—52, 5 «Land Holding», стр. 148—151.

¹⁵ «The Ila-Tonga Peoples», стр. 55.

¹⁶ Там же стр. 48; «Land Holding», стр. 14, 105, 106.

¹⁷ «Land Holding», стр. 35, 47—48, 51—52, 71—72.

размера, на который никто не претендовал, и приступал к его обработке: для этого не требовалось ничьей санкции. Иногда земля передавалась в виде дара, редко — наследовалась. Пока крестьянин обрабатывал землю, никто не был вправе согнать его с участка. На землю, которую он обрабатывал ранее или намеревался обрабатывать, он также сохранял права ряд лет. Неоспоримыми считались права семей на участки, ранее находившиеся под их жилищами и «краалями» и отличавшиеся особым плодородием. Не подлежали отчуждению «священные» участки и выделенные общинные пастбища¹⁸. В огромном большинстве тонга вели одинаковый образ жизни и пользовались одними и теми же благами. Но признаки имущественной дифференциации были уже налицо. Семьи различались по «силе» и связям, по количеству скота и орудий, по размерам участков, которые они были в состоянии поднять и обработать. Начинала выделяться знать.

У тонга были жрецы. Группа соседних деревень часто имела общую «святыню», где накануне сезона дождей собирался народ, а жрецы молились духам предков о ниспослании хорошего сельскохозяйственного года. Возникали «религиозные округа», которые не были, однако, устойчивыми образованиями. Светская власть жрецов была незначительна. Наиболее известный «жрец дождя» — Монзе не имел власти даже в собственной деревне¹⁹.

Над массой крестьян и деревенских старшин выделялись «первые поселенцы» («уланьика») — люди, пришедшие первыми в ненаселенные районы и основавшие там свои деревни. Пришедшие жить позднее спрашивали согласия уланьика и его преемников на занятие земли. Впрочем, реальное влияние уланьика зависело от его личных качеств и не простиралось обычно за пределы нескольких соседних деревень²⁰. Старшина деревни был зажиточнее и влиятельнее других селян, но и у него не было иной власти, кроме авторитета; ему было не к кому апеллировать, кроме самой общины. Землей деревни он, как правило, не распоряжался. Однако отдельным старшинам, «первым поселенцам», а возможно, и жрецам время от времени удавалось подчинить своему влиянию более обширный район и даже узурпировать власть над землями соседних деревень. Такие влиятельные личности назывались «индуна». В начале нашего века индуна Сиамакома регулярно отчуждал землю пришельцам и целым деревням в районе Нтеме. Даже назначенный колонизаторами вождь округа Чонго оказался слабее индуна и сам был вынужден просить у него землю²¹.

Такая структура общества сохранилась во многих чертах до настоящего времени. Происшедшие в ней изменения явились результатом частичной реформ колонизаторов, частично — не зависящих от их воли процессов. Мы затронем только изменения первого рода.

Чтобы властвовать над страной, где огромное большинство составляло коренное население, колонизаторам требовалась опора из среды последнего. Придя в страну тонга, колонизаторы стали подбирать из старшин, первых поселенцев, жрецов и индуна людей, которых можно было наделить функциями вождей-администраторов. До 1919 г. страна тонга делилась на 116 округов во главе с такими вождями. Деревня была превращена в низшую административную единицу, старшина — непосредственного исполнителя воли колонизаторов. Было запрещено создавать деревни, где было бы меньше 10 мужчин-налогоплательщиков; мелкие деревни насильственно сливались. В 1919 г. округа

¹⁸ Там же, стр. 46—48, 92—95, 98—101; «Journal of African Administration», 1959, сентябрь, стр. 171—178.

¹⁹ «Political Organization», стр. 90; «Land Holding», стр. 60.

²⁰ «Political Organization», стр. 89—90.

²¹ «Land Holding», стр. 54, 94, 109—110.

вождей были укрупнены: ныне их четырнадцать. Жрец Монзе был объявлен «верховным вождем тонга»²². В 1930 г. «Указ о туземных властях» окончательно утвердил новый статут старшин и вождей тонга. Старшина должен был санкционировать занятие любого участка земли в деревне, отвечать за выполнение приказов колонизаторов, докладывать им обо всех изменениях в деревне. Вождь отвечал за все, что делалось в «его» округе, контролировал перемещение деревень, отводил им земли. Вместе с советниками вождь входил в «суд туземной власти» и получал право разбирать гражданские и мелкие уголовные дела. Четыре раза в год вожди созывались на собрание, именовавшееся «туземной властью плато Тонга». Собрание заслушивало инструктаж комиссара дистрикта и принимало «решения» по его указке. В 1937 г. колонизаторы учредили «казну туземной власти тонга», доходы которой складываются из дополнительных налогов и штрафов. В 1943 г. из 3,5 тыс. фунтов стерлингов годового дохода «казны» 70% было истрачено на жалование «туземным властям», остальное — на финансирование аграрных мероприятий колонизаторов²³.

«Туземные власти» — марионетки в руках чиновников-европейцев, которые могут отменять любое их решение и проводить через их голову свое, смещать любых должностных лиц из этой системы, являющейся злой пародией на самоуправление. По свидетельству всех источников, авторитет «туземных властей» у тонга ниже, чем у любого народа в Британской Центральной Африке. В специальной статье, где обсуждается вопрос о слабости «туземных властей» тонга, Э. Кольсон признает, что эти «власти» не могли бы продержаться ни минуты, если бы за ними не стояли колонизаторы, и что даже в этих условиях вожди тонга не могут использовать даже малую долю своих формальных полномочий²⁴.

Отношение тонга ко всему, что исходит от колонизаторов, проникнуто неприязнью и недоверием. Неизгладимый след в душе народа оставило, в частности, земельное ограбление. Комиссия 1945 г. отмечала, что многие тонга боятся вводить у себя улучшенные системы земледелия, чтобы не показать европейцам максимума того, что могут дать их земли. Некоторые вожди отказывались приобретать у департамента сельского хозяйства племенных быков, опасаясь, что через несколько лет европейцы отберут у населения весь скот²⁵.

* * *

Пришедшие в страну тонга европейцы застали здесь прогрессивную разновидность переложной системы земледелия, которую они называли «системой подбора почв». Приступая к обработке целины или залежи, крестьянская семья тщательно подбирала участки под каждую культуру или сочетание культур. Деревья на участке вырубали, их ветви обрезали, стволы и ветви складывали пирамидами вокруг пней и сжигали. Золу разбрасывали по участку, который затем взрыхляли мотыгами. В первый год участок засаживали арахисом, или земляными бобами, в последующие годы — сорго, главной продовольственной культурой. Когда главное поле показывало признаки истощения, осваивали соседние участки. Дополнительные культуры — просо, кукуруза, коровий горох, земляные бобы, арахис, бататы подсаживали к сорго либо отводили под них особые участки. На месте старых краалей выращивали табак. Сев зерновых производился в начале дождливой

²² Там же, стр. 34—35, 49—50, 58, 64, 88; «Political Organization», стр. 93; «Marriage and Family», стр. 10—13.

²³ «Political Organization», стр. 85—99; «Land Holding», стр. 34, 39—40, 65—66.

²⁴ «Political Organization», стр. 85—89.

²⁵ «Land Holding», стр. 4, 67—69.

сезона — в декабре, сев бобовых и табака — ближе к концу дождливого сезона, в феврале, уборка всех культур — в июле — августе²⁶. Периоды обработки, залежи и промежуточных паров варьировались в зависимости от местности. Худшие почвы обрабатывались под зерновые три года подряд, отдыхали один — три года, вторично обрабатывались один-два года, после чего обращались в залежь на 20 лет. Средние и лучшие почвы обрабатывались 5—15 лет подряд с небольшими перерывами; период залежи равнялся для средних почв двум периодам обработки, для лучших — одному периоду. Деревня переводилась на новое место в среднем каждые 6—9 лет²⁷. Таким образом, средствами восстановления плодородия почвы служили посев и посадка бобовых и клубневых культур, выпас скота на полях после уборки урожая, но в основном — обращение пашен в залежь. Орудием обработки земли служила железная мотыга; сами тонга железа не выплавливали, а выменивали мотыги, топоры и копыя у соседей-баротсе²⁸.

Животноводство уступало по значению земледелию. Тонга держали коров, коз и домашнюю птицу — кур и голубей. Пока посевы были на полях, скот пасся под присмотром мальчиков-пастухов на целинных и залежных землях и общинных пастбищах. В сухой сезон дополнительным кормом для скота служила солома, оставшаяся на полях после уборки. Из районов, бедных водными ресурсами, скот в сухой сезон отгонялся в долину Кафуэ. Дополнительными источниками средств к существованию служили охота, рыбная ловля и сбор диких плодов и меда. На реках устраивали запруды из жердей и веток для ловли рыбы: вместо сетей туда закладывали большие плетеные корзины. В прудах рыбу ловили корзинами и острогами.

Материальная культура тонга, несмотря на относительно высокий уровень земледелия, была довольно бедна. Ремесло только начинало отделяться от земледелия, меновая торговля была в зачаточном состоянии. Почти в каждой семье изготавливались посуда, сиденья, курительные трубки. Наряду с мотыгами, скотом, табаком и медом эти изделия служили почти единственными предметами обмена внутри страны. Жители районов, где не было рек, выменивали на различные продукты рыбу у жителей долины Кафуэ²⁹.

* *

*

В 1904—1906 гг. через страну тонга была проведена железная дорога, за чем последовало массовое отчуждение лучших сельскохозяйственных земель в зоне дороги под фермы колонистов. Большой приток эрмеров-колонистов имел место после первой мировой войны и еще раз — после второй мировой войны³⁰. Земельное ограбление тонга колонизаторами было закреплено актами английского парламента от 1928 г. («О туземных резерватах и коронных землях Северной Родезии») и 1946 г. («О туземных подопечных землях Северной Родезии») ³¹. В итоге тонга потеряли больше земли, чем какой-либо другой народ в Северной Родезии. На отнятых у них землях развилось капиталистическое сельское хозяйство европейцев, основанное на использовании современной техники и дешевого труда коренного населения. В 1958 г. в дистрикте Мазабука была 181 европейская ферма (европейских хозяйств Северной Родезии): на каждую в среднем

²⁶ «Land Holding», стр. 60, 103, 108, 130, 138, 143; «The Ila-Tonga Peoples», стр. 44—

²⁷ «The Ila-Tonga Peoples», стр. 44—45; «Land Holding», стр. 130—138.

²⁸ «Land Holding», стр. 102, 132.

²⁹ Там же, стр. 115—120, 103, 163; «Marriage and Family», стр. 79—80.

³⁰ «The Ila-Tonga Peoples», стр. 55; «Marriage and Family», стр. 5—6.

³¹ W. M. H a i l e y, Указ. раб., стр. 705—708.

приходилось 1,65 тыс. га земли, 2 трактора, 20 постоянных работников-африканцев. Четыре пятых ферм специализировались на кукурузе и давали в среднем по 100 т продукции в год. Правильные севообороты при обилии хорошей земли и регулярном удобрении и орошении обеспечивали здесь урожайность кукурузы в 13 ц/га против 5 ц/га в хозяйствах тонга³². Проблемы перенаселения, земельного голода и разрушения природных ресурсов в резерватах тонга остро встали уже в 1930-х годах. Резкое сокращение общей площади удобных земель, оставшихся в распоряжении тонга, выселение в резерваты множества семей из отчужденных районов и последующий рост населения на ограниченной территории резерватов, откуда жителям практически некуда было уходить, означали прежде всего катастрофическое сокращение фонда незанятых удобных земель, служивших резервом для восстановления плодородия почвы. К тому же приводило и расширение площадей под товарными культурами у начавшей выделяться у тонга крестьянской верхушки. Одновременно в резерватах резко возросла нагрузка на почву в результате вытеснения сорго кукурузой, которая стала главной продовольственной и товарной культурой, а мотыги — пилотом. Спасти положение мог лишь немедленный переход всех хозяйств тонга к оседлому земледелию на базе правильных севооборотов и интенсивного удобрения и орошения. Но такой переход не совершился вплоть до настоящего времени, ибо у подавляющего большинства крестьян для этого нет ни необходимых знаний, ни, главное, материальных возможностей³³. При таких условиях традиционная система земледелия пошла по пути деградации, которая приняла форму прогрессирующего удлинения периодов обработки пашен и сокращения периодов их отдыха при возрастающей нагрузке на почву, недостаточном ее удобрении и отсутствии правильных севооборотов. По данным земельной комиссии, в 1945 г. на душу рядового крестьянского населения тонга приходилось, как и до колонизации, в среднем 0,45 га пашни под зерновыми: некоторый излишек продукции для продажи получался в основном за счет замены сорго более урожайной культурой — кукурузой. Однако в том же году 14% крестьян-тонга составляли крупные крестьяне, в хозяйствах которых на душу приходилось 0,86 га пашни под зерновыми, а 1% — крупнейшие крестьяне — «фермеры», для которых соответствующий показатель был 1,15 га. С выделением крестьянской верхушки было связано увеличение общей площади земель под обработкой в 1,5 раза против того, что требовалось бы при старом, натуральном хозяйстве»³⁴.

Таблица 1

Площадь обрабатываемых земель у тонга в 1945 г.³⁵

Категории крестьян	Хозяйств (тыс.)	Крестьян (тыс.)	Средняя площадь пашни на одно хозяйство (га)	Общая площадь пашни (тыс. га)
Рядовые	14,50	92,8	3,28	47,6
Крупные	2,43	20,7	7,65	18,6
«Фермеры»	0,07	1,0	33,23	2,3
Итого	17,00	114,5	—	68,5

³² «Federation of Rhodesia and Nyasaland. Report on Agricultural and Pastoral Production, 1957/58», стр. 20—21.

³³ «Land Holding», стр. 132.

³⁴ Там же, стр. 82, 87, 141.

³⁵ Составлено по данным «Land Holding», стр. 82, 113, 139—141.

В 1945 г. вся обрабатываемая площадь у тонга достигла почти 70 тыс. га, площадь же всех «удобных» земель в резерватах тонга оценивалась в 400 тыс. га³⁶. Соотношение площадей пашен и земель, теоретически могущих служить резервом для восстановления плодородия почвы, равнялось 1 : 6, что было явно недостаточно с точки зрения классической «системы подбора почвы». Фактически же далеко не все «удобные» земли могли быть использованы под пашню, так как в их число входили пастбища, леса, требовавшие раскорчевки, труднодоступные участки, часть безводных земель и т. д. В 1945 г. деревни тонга в массе своей еще продолжали кочевать, но пашни находились под обработкой больше, чем отдыхали, а практика обращения их в залежь исчезла. Продолжительность периодов обработки и пара варьировалась по районам в зависимости не столько от почв, сколько от остроты земельного голода. Земля обрабатывалась под кукурузу столько лет подряд, сколько была в состоянии приносить хоть какой-нибудь урожай, и повторно бралась в обработку, как правило, не успев зарости даже травой, причем севообороты и удобрения применялись редко³⁷. Это была карикатура на традиционное и, одновременно, на современное оседлое земледелие.

Таблица 2

Деграция традиционной системы земледелия у тонга³⁸

Почвы	До колонизации				В 1945 г.			
	весь цикл	обработка	пар	залежь	весь цикл	обработка	пар	залежь
Число лет								
худшие	25—30	4—5	1—3	20	6—8	5	1—3	—
Средние }	16—33	5—15	1—3	10—15	6—13	5—10	1—3	—
лучшие }					11—23	10—20	1—3	—

Севообороты современного типа (например, кукуруза — коровий गो — кукуруза — кукуруза — сорго — пар) в 1945 г. встречались лишь у тонга-«фермеров» и у единиц из крестьян других категорий. Более того, в отношении использования дополнительных культур у большинства тонга имел место явный регресс по сравнению с XIX в. Рядовой крестьянин отводил под кукурузу и сорго 90% своей пашни, в том числе под одну кукурузу — 80%³⁹. В условиях, в которые он был поставлен, он не мог действовать иначе, чтобы просуществовать и поддерживать простое воспроизводство в своем хозяйстве; он не мог ни сократить производство кукурузы, на которой держались и натуральная денежная часть его бюджета, ни расширить запашку так, чтобы изменить соотношение площадей в пользу дополнительных культур. Систематическое удобрение пашен навозом в 1945 г. практиковали только тонга-«фермеры», половина крупных и 10% рядовых крестьян, у коровы имелись у 72% хозяев: 57% хозяев имели в среднем по 10 коров, 14% — по 30 и 1% — по 50⁴⁰. Поголовье крупного рогатого скота у тонга оценивалось в 1945 г. в 170 тыс.: на 1 га пашни приходилось в среднем по 2,5 голов скота. Имевшегося у тонга скота было далеко не достаточно, чтобы обеспечить пашни нужным количеством навоза. Даже «фермеры» вывозили на 1 га своих пашен более 12 т удобрения в год, тогда как они требовали 25 т в год. Навоз приобрел ценность, превращаясь в собственность тех, кто рас-

³⁶ «Land Holding», стр. 113.³⁷ Там же, стр. 123, 130—131.³⁸ Составлено по данным «Land Holding», стр. 130—131.³⁹ «Land Holding», стр. 2, 141.⁴⁰ Там же, стр. 155—157.

поряжался краалями, в предмет купли-продажи. В 1945 г. 97% рядовых крестьян не имели телег, нужных для вывоза удобрений на поля, а 60% — даже традиционных саней с полозьями и обученных для работы быков. Если скота было мало, чтобы обеспечить поля удобрением, то его было «много» по отношению к оставшейся площади пастбищ. Катастрофическое вытеснение пастбищ пашней и перегрузка оставшихся пастбищ составляли еще одну сторону деградации традиционной системы земледелия. Еще до войны администрация вынуждена была установить для каждого округа минимальную площадь пастбищных угодий. Перегрузка выделенных пастбищ вела к вырождению их травяного покрова, а перегрузка скотом пашен под паром мешала их регенерации и вела к падению урожайности. Комиссия 1945 г., констатировала, что в половине округов тонга пригодные под выпас земли были перегружены скотом по крайней мере вдвое, и рекомендовала прибегнуть к излюбленному у колонизаторов средству: принудительному сокращению поголовья африканского скота⁴¹.

Положение с сельскохозяйственными орудиями у тонга после 40 лет колониального режима было плачевным. Необходимые для борьбы с сорняками культиваторы имела лишь половина крупных и 17% рядовых крестьян, бороны — 14% крупных крестьян, дисковые и двухотвальные плуги, сеялки и молотилки — только «фермеры». Единственным европейским орудием, прочно вошедшим в жизнь тонга, был плуг простейшей конструкции. В 1945 г. плуги имели все «фермеры» (2—6 на хозяйство) и крупные крестьяне (1—2 на хозяйство); 40% рядовых крестьян не имели никаких орудий. Широко распространенным у тонга был найм плугов и рабочего скота у родни и соседей. В период пахоты каждый плуг выдерживал поистине чудовищную нагрузку: его эксплуатировали несколько месяцев без перерыва, перебрасывая с участка на участок. Вдобавок плуги с поднятыми лемехами использовались как культиваторы. В итоге плуги быстро изнашивались, и значительная часть их всегда бездействовала, а сроки пахоты выходили за всякие естественные границы, что еще более способствовало разрушению почв и падению урожайности культур⁴².

* * *

Переходя к вопросу о превращении натурального хозяйства у тонга в товарное, мы должны остановиться на роли денежных налогов. Денежное налогообложение колонизаторами крестьян-африканцев, которые вели натуральное хозяйство, ставило целью насильственно вовлечь их в сферу капиталистической эксплуатации: побочной целью было переложить на колонизованное население максимум издержек колониального режима. С годами ставки «туземных налогов» неуклонно повышались: так, мужчина-тонга в 1938 г. платил 6 шиллингов в год, в 1943 г. — 10, в 1956 г. — 15 шиллингов. Помимо этого, тонга платили налоги на школу и церковь, а со времени войны — и налог в пользу «туземных властей» (от 2 до 10 шиллингов)⁴³. У крестьянина оставалось два пути: отходничество или продажа сельскохозяйственных продуктов. Из народов Северной Родезии по пути отходничества пошли бемба, по пути сочетания отходничества с продажей сельскохозяйственных продуктов при преобладании отходничества — баротсе, нгони-чева и только тонга пошли по пути продажи продуктов. При

⁴¹ «Land Holding», стр. 121—124, 129, 133, 155—157; 174; «Human Problems in British Central Africa». 1951, XI, стр. 10—46.

⁴² «Land Holding», стр. 155—157.

⁴³ «Great Britain. Colonial Office. Reports on Northern Rhodesia for the Years 1954—1957».

чинами были: наличие у тонга относительно высокой традиционной сельскохозяйственной культуры, приспособленность их страны для зернового земледелия и ее близость к пунктам сбыта. Скупка отдельными торговцами сельскохозяйственных продуктов у тонга практиковалась еще в период первой мировой войны, однако до середины 1920-х гг. массового рынка сбыта для тонга не существовало. Северная Родезия была «третьестепенной» аграрной колонией, промышленность и города которой находились в зачаточном состоянии. Предметами экспорта служили табак и немногие другие продукты, которые производили фермы колонистов. В тот период тонга составляли заметную часть отходовников на предприятиях колонизаторов в обеих Родезиях⁴⁴.

Поворотным пунктом в колониальной истории Северной Родезии явилось начало массовой эксплуатации рудников Коппербельта («Медного пояса») в 1926 г. К началу войны страна уже занимала на мировом капиталистическом рынке видное место как поставщик меди, кобальта, полиметаллов. Выросли промышленные центры — Нкана, Муфулира, Брокен-Хилл и другие. Число работающих по найму африканцев возросло до 100 тыс., местное европейское население — до 14 тыс. В качестве основного продукта питания африканцев-рабочих быстро выделилась кукуруза, которая одновременно стала главной кормовой культурой на фермах колонистов: ее потребление в Северной Родезии достигло в 1939 г. 29 тыс. т, в 1945 г. — 44, в 1950 г. — 65, в 1957 г. — 127 тыс. т. Вырос также спрос на мясо, арахис, яйца и другие продукты питания для африканцев и колонистов. Местные европейские хозяйства оказались не в состоянии покрыть потребности экономики страны в продовольствии: к тому же европейские фермеры, где возможно, переключались на производство табака, как самой доходной из культур. Товарное производство кукурузы в европейских хозяйствах Северной Родезии составляло в среднем за год: в 1941—1945 гг. — 16 тыс. т, в 1946—1950 гг. — 28, в 1951—1955 гг. — 48, в 1956—1957 гг. — 88 тыс. т. Импорт продовольствия был невыгоден, а во время войны, когда он сократился, колония испытывала острый недостаток зерна⁴⁵. В таких условиях колонизаторы не только не могли остановить переключение хозяйств тонга на товарное производство продовольствия, но и сами встали на путь его форсирования. Еще до войны закупку почти всего продовольствия у африканцев сосредоточила у себя администрация, для которой открылась возможность дополнительной эксплуатации африканских крестьян через систему дискриминационных закупочных цен. Тонга, желавший продать кукурузу вне резерватов, мог сдать ее только на правительственный закупочный пункт. По официальным данным, в 1956 г. за мешок кукурузы 90,6 кг европеец получал 2 фунта стерлингов, а тонга — 1,5 фунта стерлингов: при этом лицемерно пояснялось, что за счет разницы возмещаются расходы на содержание закупочных пунктов и производятся вложения в «Фонд улучшения африканского земледелия»⁴⁶. Приняв почти всю кукурузу от африканцев, как третьесортную, правительственные органы затем пересортировывали ее и продавали частным предпринимателям. Прибыли частично распределялись между европейскими фермерами в виде разных «премий». Несмотря на невыгодные условия, в которые ставился африканец, как производитель товарной продукции, после появления массового рынка сбыта тонга быстро специализировались на производстве товарной кукурузы, а отходничество

⁴⁴ «The Ila-Tonga Peoples», стр. 44; «Marriage and Family», стр. 66—70.

⁴⁵ «Yearbook and Guide of Rhodesia and Nyasaland, 1948—49», стр. 483—486; «Great Britain. Colonial Office. Report on Northern Rhodesia for the Year 1950», стр. 31; 1957, стр. 24.

⁴⁶ «Northern Rhodesia. Department of Agriculture. Annual Report for the Year 1956», Lusaka, 1957, стр. 2.

у них пошло на убыль. В 1935 г. в деревнях тонга постоянно отсутствовало 25% трудоспособных мужчин, в то время как в деревнях бемба баротсе и нгони — 60%. К концу войны выросло число тонга, работающих по найму в резерватах — у разбогатевших соплеменников, при миссиях и т. д., тогда как отходники в «европейские районы» составляли всего 2% трудоспособных мужчин⁴⁷.

Таблица 3

Структура денежных доходов крестьян-тонга в 1945 г.⁴⁸

Средний денежный доход семьи (фунты стерлингов, шиллинги, пенсы)	Рядовые	Крупные	«Фермеры»
	5. 2. 10	24. 7. 1.	302. 13. 2
Продажа зерна	39%	72%	80%
Продажа скота, птицы, яиц	33%	18%	8%
Сдача в наем скота и орудий	—	1%	1%
Потребление из сбережений	—	—	5%
Помощь родственникам	5%	—	—
Денежные заработки	22%	—	—
Прочие поступления	1%	9%	6%

В 1945 г. работа по найму как вне, так и внутри резерватов приносила рядовым тонга $\frac{1}{5}$ денежных доходов, а для крестьянской верхушки вообще утратила всякий смысл. Продажа сельскохозяйственной продукции давала 72% денежных доходов рядовым тонга, а богатым крестьянам — еще больше, и это было закономерно, ибо кулаки у тонга выделились именно как производители товарного зерна.

Таблица 4

Товарное производство кукурузы в стране тонга в 1945 г.⁴⁹

Категории крестьян	Число хозяйств	Процент хозяйств	Продажа на одно хозяйство, т	В среднем продано одним хозяйством, т	Всего продано кукурузы (т)	% проданной кукурузы
Рядовые	5405	31,8	—	—	—	—
Рядовые	9095	53,5	0,1—1	0,4	3296	35
Крупные	2431	14,3	1—10	2,1	5065	51
«Фермеры»	69	0,4	10—60	20,4	1407	14
Итого	17 000	100,0	—	—	9668	100

К 1945 г. натуральное хозяйство в деревне тонга было уже в основном вытеснено мелкотоварным. Хозяйства тонга производили четверть всей товарной кукурузы в Северной Родезии и 52% товарной кукурузы которую производили африканские хозяйства колонии: остальное приходилось на соседние районы «железнодорожного пояса», населенные родственными тонга народами. Из 9,7 тыс. т кукурузы, сданных тонга на закупочные пункты, 35% приходилось на хозяйства рядовых крестьян и 65% — на долю крупных крестьян и «фермеров». 5,5 тыс. хозяйств рядовых крестьян в 1945 г. совсем не продали кукурузы. Однако хозяйства, не дававшие товарного выхода в один сезон, могли дать его в следующий, и наоборот. Резкие сезонные колебания товарного выхода продукции вообще характерны для африканских крестьянских хозяйств: так, по сравнению с урожайным 1948 г. в неурожайный 1949 г. товарное производство зерна в резерватах тонга упало более чем в пять раз, а на соседних фермах европейцев — лишь на 17%.

⁴⁷ «Land Holding», стр. 160, 162, 28.⁴⁸ Там же, стр. 166.⁴⁹ Составлено по данным «Land Holding», стр. 83—86.⁵⁰ «Land Holding», стр. 84; «Yearbook and Guide of Rhodesia and Nyasaland, 1948—49», стр. 483—486; «Great Britain. Colonial Office. Report on Northern Rhodesia for the Year 1952», стр. 27.

Но, несмотря на годовичные колебания, товарное производство зерна в стране тонга неуклонно росло, как об этом позволяет судить следующая таблица.

Таблица 5

Рост товарного производства кукурузы в Северной Родезии⁵¹
(среднегодовые показатели, тыс. т)

	1941— 1945	1946— 1950	1951— 1955	1956— 1957
Вся Северная Родезия	25,1	45,1	95,6	176,3
в том числе: европейские хозяйства «железнодорожного пояса»	16,2	27,8	50,0	93,8
африканские хозяйства «железнодорожного пояса»	8,9	17,3	37,2	70,8
Восточная провинция	—	—	8,4	11,7

* *

*

В своем труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин показал, что превращение натурального крестьянского хозяйства в товарное неизбежно сопровождается расслоением крестьянства и образованием новых типов сельского населения — буржуазии и пролетариата⁵². На материале тонга видно, что здесь разные категории крестьян различались по размерам хозяйств и способам хозяйствования, по обеспеченности скотом, орудиями, удобрениями, по структуре бюджетов и по месту в товарном производстве. Расслоение крестьян отмечалось комиссией 1945 г. как одна из «проблем» страны тонга, однако члены комиссии предпочли подразделить тонга не на бедняков, середняков и кулаков, а создать впечатление, будто на общем фоне «среднего» крестьянства выделяются две зажиточные категории — крупные крестьяне и «фермеры», и что вся масса крестьянства, таким образом, богатеет. В действительности именно при колониальном режиме среди рядовых тонга возник значительный слой «не сводящих концы с концами» в своих хозяйствах и могущих быть названными «скрытыми деревенскими пролетариями». Однако нужно учесть, что в созданных колонизаторами условиях (система резерватов и «европейских районов»), ограниченные возможности для африканца жить работой по найму) дифференциация крестьянства не могла дойти до логического конца: бедняку-тонга было так же трудно превратиться в полностью безземельного пролетария, как кулаку-тонга — превратиться в настоящего фермера-капиталиста. Тонга оказывался буквально прикован к земле в резервате.

Развитие товарного производства зерна явилось главным фактором, вызвавшим расслоение крестьян-тонга. Размеры товарного выхода зерна мы приняли как главный критерий, позволяющий отнести хозяйство крестьянина к той или иной имущественной категории. Чтобы выявить условия, которые определяли способность хозяйства давать товарный выход, приведем следующую таблицу.

⁵¹ «Great Britain. Colonial Office. Report on Northern Rhodesia for the Year 1952», т. 27; 1957, стр. 24; «Yearbook and Guide of Rhodesia and Nyasaland, 1948—49», т. 483—486.

⁵² В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 140—154.

Таблица 3

Условия, определяющие товарный выход зерна в хозяйствах тонга (средние данные за 1945 г.)⁵³

	Категории крестьян		
	рядовые	крупные	«фермеры»
Потреблялось зерна одним едоком в год, кг	180	180	180
Среднее число едоков в хозяйстве	6,4	8,5	13,7
Потреблялось зерна в хозяйстве в год, т	1,15	1,53	2,48
Производилось зерна в хозяйстве в год, т	1,38	3,63	22,88
Продавалось зерна хозяйством в год, т	0,23	2,10	20,40
Площадь запашки в хозяйстве, га	3,28	7,65	33,20
в том числе под зерновыми, га	2,84	7,26	29,50
Урожайность зерновых, ц/га, в ц	4,9	5,0	6,9
Площадь под зерновыми на одного едока, га	0,44	0,85	2,42

В 1945 г. тонга оставляли для собственного потребления около 180 кг зерна на едока в год: излишек продавался, а если зерна не хватало, его зарабатывали, занимали, выпрашивали, редко — прикупали. Питание зажиточного крестьянина отличалось не столько количеством потребляемого зерна, сколько количеством «дополнительных» продуктов. Однако до 35% крестьян оставляли для себя после продажи товарной кукурузы менее чем по 180 кг на едока в год. «Часто даже тогда, когда всего произведенного зерна не хватает на питание семьи, несколько мешков все же продается, чтобы добыть деньги для выплаты налогов», — сообщается в отчете комиссии 1945 г. Если учесть, что 1 ц кукурузы стоил 10 шиллингов, а рядовая семья тонга тратила на покупку продовольствия 3 шиллинга в год⁵⁴, легко понять, что 35% крестьян фактически недоедали. Основными условиями, определявшими способность хозяйства давать товарный выход зерна, были площадь запашки на одного члена семьи и урожайность. Чтобы поднять товарный выход тонга должен был приобрести и обрабатывать дополнительную земельную площадь и поднять урожайность при помощи севооборотов, удобрения, орошения, культивации. Немногие, кому это удавалось, выбивались в ряды крестьянской верхушки.

Как удавалось кулакам-тонга приобретать дополнительную земельную площадь? За 50 с лишним лет колониального режима в стране тонга не было введено законов, существенно меняющих порядок приобретения и держания земли в деревне, однако на практике приобретение участка стало значительно сложнее. Свободной земли стало мало. Земля приобрела новую ценность в связи с производством товарных культур. Для занятия участка стали требоваться санкции целого ряда властей. Земля теперь регулярно наследуется и редко забрасывается, а, будучи заброшена, быстро осваивается соседями или родственниками. Купля-продажа земли еще не вошла в обычай, однако в жизни такие сделки совершаются уже нередко в форме продажи сделанных на земле улучшений. Зарождается и денежная аренда земли в форме сдачи участков в наем за различные виды «помощи» и компенсации. По данным комиссии 1945 г., кулаки-тонга приобрели часть своих земель у родни, другую — в результате невыясненных сделок с вождами и индустриальную третью — при содействии комиссаров дистрикта, наконец, четвертую самую большую, — сумев с помощью наемного труда и затрат капитала взять в обработку участки, недоступные для рядового крестьянина, и, например, земли, нуждающиеся в обводнении, раскорчевке, и т. п.⁵⁵ Ч

⁵³ Составлено по данным «Land Holding», стр. 82, 139—141.

⁵⁴ «Land Holding», стр. 138—139, 170.

⁵⁵ Там же, стр. 92—112; «Journal of African Administration», 1959, октябрь, стр. 176—178.

бы поднять и обрабатывать увеличенную земельную площадь, требовалась рабочая сила. В. И. Ленин отмечал: «...наиболее состоятельное крестьянство наилучше обеспечено и семейными рабочими. Семейная кооперация и здесь является базисом капиталистической кооперации», и далее: «...везде состав семей у зажиточного крестьянства оказывается выше, а у несостоятельного — ниже среднего»⁵⁶. В 1945 г. семья рядового тонга насчитывала 6—7 человек, крупного крестьянина — 8—9, «фермера» — 13—14. Под покровом патриархальных отношений кулак эксплуатировал не только членов семьи, но и родственников, живших по соседству. За пользование колодцами, орудиями, телегами, быками богатые тонга систематически получали «помощь» работой от односельчан. Многие кулаки уходили в «чужие» округа, чтобы отделаться от традиционных обязанностей помощи родичам, осваивали там «неудобные» земли, а затем допускали в свои деревни избранных из родственников и бывших соседей, которые за это регулярно «помогали» им трудом⁵⁷.

В качестве характерного признака сельской буржуазии В. И. Ленин выделял наем за деньги поденщиков и особенно батраков⁵⁸. В стране тонга в 1945 г. половина крупных крестьян ежегодно нанимала сезонных рабочих для уборки и молотбы, а также для расчистки новых земель. Все «фермеры» держали кроме поденщиков от одного до десяти постоянных работников и расходовали на наем рабочей силы около 10% денежного бюджета⁵⁹. Чтобы нанять рабочих, расширять хозяйство, применять удобрения, улучшенные методы обработки земли и орудия, нужны были деньги. Уже в 1945 г. вложения отдельных кулаков тонга в хозяйство достигали внушительных размеров. Так, Натан Канунда за 14 лет вложил в хозяйство 1638 фунтов стерлингов, в том числе 930 — для найма рабочих, 417 — на приобретение скота и орудий, 64 — на средства транспорта. «Фермер» Самуэль Цилумби вложил в хозяйство 906 фунтов стерлингов за 7 лет, Рубен Миоба — 627 фунтов стерлингов за 9 лет, и т. д.⁶⁰. В 1959 г. кулаки-тонга нередко применяли у себя тракторы, паровые молотилки и грузовики⁶¹.

В довоенные и военные годы, когда генезис капиталистических элементов у тонга был еще на ранней стадии, некоторые кулаки начинали «дело» с первоначальным капиталом, нажитым вне сферы сельскохозяйственного производства, например на службе у колонизаторов в качестве учителей, священников, чиновников (но не вождей и не старшин — представители «элиты» тонга плелись в хвосте капиталистического прогресса). Но как бы ни был нажит первоначальный капитал, кулацкое хозяйство, сформировавшись как таковое, развивалось по принципу расширенного воспроизводства, богатая за счет эксплуатации чужого труда и продажи товарной продукции. Денежные сбережения на производственные нужды составляли в 1945 г. 2% в бюджете крупных крестьян и 23% в бюджете «фермеров», прочие производительные расходы — соответственно 32% и 44%, тогда как в бюджете рядовых тонга производственные расходы и сбережения вместе составляли лишь 16% бюджета⁶². По данным Э. Кольсон, в начале 1950-х годов для многих кулков-тонга первоначальным или дополнительным источником средств служило содержание лавок и «чайных»⁶³. В 1950-е годы колонизаторы начали регулярно, хотя и в ограниченных масштабах, снабжать крестьянскую буржуазию тонга в кредит деньгами и средствами.

⁵⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 81, 107.

⁵⁷ «Land Holding», стр. 82, 39, 71, 69, 153.

⁵⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 81—82.

⁵⁹ «Land Holding», стр. 159—160, 170.

⁶⁰ Там же, стр. 175.

⁶¹ «Journal of African Administration», 1960, январь, стр. 3—10.

⁶² «Land Holding», стр. 152—153, 109, 39—40, 80—81, 170.

⁶³ «Marriage and Family», стр. 81—84.

производства. В 1956 г. из «Фонда улучшения африканского земледелия» по Южной провинции на премии «прогрессивным фермерам-африканцам» было истрачено 35 тыс. фунтов стерлингов и на ссуды и субсидии им же — 21 тыс. фунтов стерлингов⁶⁴.

Расширяясь и накапливая, хозяйства кулаков-тонга с годами могли бы вырасти до размеров ферм колонистов; однако это не входит в расчеты колонизаторов. Одной рукой помогая африканской сельской буржуазии и пытаясь опереться на нее в деревне, колониальные власти другой рукой тормозят ее рост, не давая ей перерасти в серьезную экономическую и политическую силу в колонии, которая рассматривается ими как «страна белого человека». Большим вопросом для зажиточных крестьян-тонга всегда был вопрос о наследовании. Какое бы крупное и «современное» хозяйство ни создал тонга при жизни, после его смерти является традиционная группа родичей по женской линии, назначает наследника и делит между собою часть имущества. Если и удастся целиком передать землю и деньги сыну, то скот, орудия и запасы, как правило, делятся среди членов «башимукова». Это серьезно подрывает позиции кулаков-тонга, тормозит генезис капиталистических элементов. В послевоенные годы представители кулачества не раз просили власти отменить устаревший порядок наследования или хотя бы разрешить «избранным» хозяевам передавать имущество по завещанию. Но колонизаторы остались неумолимы, лицемерно ссылаясь на необходимость «уважать» туземные обычаи⁶⁵. Почти столь же безуспешны остались ходатайства «фермеров»-тонга о предоставлении им возможности арендовать или приобретать землю в собственность. В 1957 г. близ городов Ливингстон, Брокен-Хилл и Лусака в аренду африканцам сдавалось несколько сот участков от 2 до 8 га, но к подавляющему большинству этих участков «фермеры»-тонга не имели отношения⁶⁶. Процесс развития капитализма в сельском хозяйстве тонга продолжает разворачиваться на тесном пространстве перенаселенных резерватов, на фоне нищеты и деградации в огромном большинстве хозяйств.

* *

*

До колонизации тонга практиковали прогрессивную разновидность переложного земледелия в сочетании со скотоводством. Общеплеменной организации они не имели. Территориальной единицей была деревня экономической — семья. Важное значение сохранял род. Первобытнообщинный строй разлагался. Имелись некоторые зачатки имущественного неравенства и индивидуального землевладения. Хозяйственное и социальное развитие народа тормозилось набегами соседей.

Колонизаторы оставили в неприкосновенности все отсталое в обществе тонга, в частности пережитки родового строя. Одновременно они навязали народу чуждую ему иерархию «туземных властей». Позиции последних в стране тонга остаются слабыми.

При колониальном режиме тонга подверглись жесточайшему земельному ограблению, потеряли треть территории и все лучшие земли, были загнаны в резерваты. Следствиями явились перенаселение, земельный голод, деградация традиционной системы земледелия и разрушение природных ресурсов в стране тонга. На отчужденных землях развилось экстенсивное хозяйство колонистов.

⁶⁴ «Northern Rhodesia. Department of Agriculture. Annual Report for the Year 1956» стр. 8.

⁶⁵ «Land Holding», стр. 4, 101, 150, 45; «Journal of African Administration», 1961 январь, стр. 3—10; «Marriage and Family», стр. 13.

⁶⁶ W. M. Hailey, Указ. раб. стр. 781—782

Денежное налогообложение содействовало ускоренному вовлечению тонга в орбиту капиталистической эксплуатации. Со времени появления массового рынка сбыта сельскохозяйственных продуктов (середина 1920-х годов) тонга быстро переключились с отходничества на производство товарного зерна, что сопровождалось усилением деградации традиционной системы земледелия и расслоением крестьянства. В настоящее время тонга занимают важнейшее место как производители товарного зерна в Северной Родезии.

Изменения в хозяйстве сопровождались важными сдвигами в обществе тонга. Весь народ оказался вовлечен в товарное хозяйство, в сферу товарно-денежных отношений. Произошли новые существенные сдвиги по пути превращения земли в индивидуальное владение. Широкое распространение получила работа по найму африканцев у африканцев. Выделилась крестьянская буржуазия. Колониальные власти предприняли ряд мер, чтобы форсировать товарное производство продовольствия в стране тонга, а местную крестьянскую буржуазию превратить в свою опору. Одновременно колонизаторы стремятся удержать рост крестьянской верхушки тонга в определенных границах, чтобы не дать ей перерасти в серьезную силу в колонии.

SUMMARY

Examined in the article are the changes in agricultural production and agrarian relations among the Tonga people that occurred during the fifty years of British colonial rule in Northern Rhodesia. Ruthless dispossession of land resulted in overpopulation, the sapping of natural resources and the degradation of the traditional system of agriculture among the Tonga. At the same time the Tonga people found themselves drawn into the sphere of capitalist production, of commodity and money relations. This was largely promoted by high money taxes levied by the colonialists on the peasants. The emergence in Northern Rhodesia of a market for agricultural produce led to the mass-scale switching of Tonga holdings to production of grain for the market. The conversion of the subsistence economy of the Tonga village into a commodity economy was accompanied by intensified degradation of the traditional system of agriculture, the development of private land-holding, the differentiation of the peasants and the emergence from their midst of capitalistic elements.

The changes in Tonga economy and society are a clear manifestation of the laws guiding the development of capitalism in the agrarian countries and of the policy of colonialists who seek in every way to consolidate and prolong their rule.

И. И. ПОТЕХИН

О ФЕОДАЛИЗМЕ У АШАНТИ *

Вопрос о существовании феодальных отношений у ашанти — предмет длительного спора. Р. С. Рэтрей в результате тщательного исследования пришел к заключению, что феодализм ашанти является «почти точной копией» английского феодализма¹. Близкую к Рэтрею позицию занимает де Графт Джонсон, называющий положение ашанти «ситуацией, похожей на феодальное землевладение в английской истории»². Проф. К. А. Бусия объявил это заключение ошибочным: «Ashanti society not feudal»³. Аналогичного мнения придерживается и доктор Данква⁴. Выводы Рэтрея он назвал неудачной попыткой подогнать факты под известную ему теорию. Во время пребывания в университетском колледже Ганы мне многократно приходилось обсуждать этот вопрос, и почти все мои собеседники заявляли: у ашанти нет и не было феодализма, общество ашанти — бесклассовое общество. А между тем премьер-министр Ганы доктор Кваме Нкрума, комментируя события 1955 г. в Ашанти, говорил о «восстании феодалов против демократического пути развития»⁵. Одна из передовых статей газеты «Вечерние новости Ганы» заканчивалась призывом: «Долой феодализм!»⁶.

Очевидно, этот вопрос заслуживает внимания. Дискуссия о феодализме у ашанти имеет не частное, а более общее значение, поскольку аналогичные или близкие к ним социальные отношения наблюдаются и в других странах Тропической Африки. Определение характера этих отношений тем более необходимо, что теория бесклассовости африканского общества широко распространена. Признание или отрицание этой теории связано, в частности, с признанием или отрицанием феодальных отношений. Учитывая все это, я решил изложить свою точку зрения и таким образом внести скромный вклад в эту интересную дискуссию.

За последние десятилетия в связи с развитием товарного хозяйства и капиталистического предпринимательства весь жизненный уклад народа ашанти претерпел весьма существенное изменение. Старые социальные отношения были подорваны. Политика правительства независимой Ганы привела к резкому изменению положения традиционных социальных институтов в политической жизни страны. Сейчас можно говорить лишь о пережитках старых социальных отношений. Поэтому выводы настоящего доклада относятся примерно к XIX — началу XX в.

* Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов (Москва, август 1960 г.).

¹ Capt. R. S. Rattray, *Ashanti*, Oxford, 1923, стр. 223.

² J. W. de Graff Jonson, *Akanland tenure*, «Transaction of the Gold Coast and Togoland Historical Society», т. I, ч. IV, Achimota, 1955, scy. 100.

³ K. A. Busia, *The position of the chief in the modern political system of Ashanti*, Oxford, 1951, стр. 57.

⁴ J. B. Danguah, *Akan Laws and Customs and the Akim Abuakwa Constitution*, London, 1928, стр. 6.

⁵ «West Africa», 27 августа 1955, стр. 805.

⁶ «The Ghana Evening News», 12 августа 1956.

Основу феодальных отношений составляет феодальная земельная собственность: земля принадлежит ограниченному кругу крупных земельных собственников, как это было в Европе, или феодальному государству, как это было во многих странах на Востоке. Непосредственный производитель, крестьянин, имеет в своей собственности все средства производства за исключением основного — земли; в таком положении находится по крайней мере огромное большинство крестьян. Земля принадлежит феодалам, которые ведут на ней свое хозяйство, т. е. обрабатывают ее сами трудом зависимых от них крестьян или передают ее в обработку крестьянам на тех или иных условиях. Крестьянин является, следовательно, не собственником, а лишь держателем той земли, которую он обрабатывает. Условия держания могут быть самые разнообразные; некоторые из них, например бессрочное наследственное владение, иногда очень близки к полной собственности. Но при любых условиях крестьянин обязан платить земельную ренту, т. е. нести в пользу феодала различные повинности. Уплата ренты и является экономическим содержанием феодальной собственности на землю. Следовательно, там где непосредственный производитель обязан вести за право на обработку земли какие-то повинности в пользу земельного собственника, там имеются феодальная собственность на землю и феодальные отношения.

При феодализме, особенно на его развитой стадии, каждый феодал в пределах своего владения — не только землевладелец, но и верховный правитель. Поэтому в отличие от капиталистических отношений, имеющих частно-правовую форму, феодальные отношения облечены в публично-правовую форму. Выполнение повинностей в пользу феодалов принимает по внешней форме характер государственных повинностей, что изменяет их действительное экономическое содержание.

В отличие от капиталистической собственности феодальная собственность на землю характеризуется иерархичностью и условностью. Иерархичность феодальной земельной собственности состоит в том, что феодалы образуют лестницу зависимых один от другого держателей земли — один землевладелец находится в зависимости от другого, более крупного, более могущественного, и обязан выполнять в его пользу определенные повинности. Выполнение этих повинностей — постоянное условие держания земли.

Такова в самых общих чертах типичная картина феодализма. Что же представляет собой общество ашанти? Ашанти включают несколько небольших самоуправляющихся территорий (Кумаси, Беквай, Венчи и др.). В дальнейшем мы будем называть эти территории условно оманями, так как в принципе это территории расселения племен (ома — племя). Во главе каждого омана стоит вождь племени — оманхене (Кумасихене, Венчихене и т. д.). Оманы обычно делятся на более мелкие территории. Во главе их стоят зависимые от оманхене вожди — оманхене; они приносят ему присягу на верность. Оманхене, как и оманхене, — лицо выборное, но кандидатами на этот пост могут быть только члены правящей династической семьи.

Кандидатов обычно бывает несколько, и потому выборы происходят в обстановке острой борьбы; при этом применяются такие средства, как шантаж, запугивания, подкуп старейшин, играющих главную роль в выборе оманхене. Практика покупки голосов приняла в последние десятилетия такой массовый характер, что этот вопрос стал предметом специального обсуждения совета конфедерации ашанти в 1938 г. Один из участников обсуждения, представитель Мампонга, заявил: «Подкуп в связи с выборами или низложением вождя —

скверная практика, она находится в противоречии с благосостоянием страны. Она должна быть запрещена, должна быть объявлена преступлением. Я предлагаю издать закон, по которому вождь, признанный виновным в этом преступлении, подлежит низложению, а виновные в этом молодые люди должны заключаться в каторжную тюрьму на шесть месяцев»⁷.

Но какой бы острой ни была борьба, она кончалась выбором одного из членов правящей династической семьи. Рядовой ашанти не может претендовать на пост оманхене или даже охене. Совет конфедерации в 1938 г. принял по этому вопросу специальное решение, согласно которому выдвижение или избрание старейшинами на пост охене или оманхене кандидата, не являющегося членом правящей династической семьи, объявляется незаконным⁸.

Выборы оманхене связаны с большими расходами для избранного на этот пост кандидата. По подсчетам проф. Бусия, они составляют от 150 до 1000 ф. ст. Если, несмотря на это, многие добиваются избрания, надо полагать, что оманхене имеет значительные доходы. Каковы источники этих доходов?

Согласно религиозным воззрениям ашанти, земля считается собственностью предков, она священна и принадлежит всему народу оманхене является лишь хранителем, опекуном земли омана. Его первая обязанность состоит в том, чтобы всеми средствами, включая войну, защищать землю предков от внешних нападений. Анализ земельных отношений у ашанти весьма затруднен в связи со слабой изученностью и наличием многообразных форм земельных держаний. При изучении этих форм следует иметь в виду, что все они складывались исторически в процессе заселения и освоения современной территории ашанти и что в основе всех их лежит право первоначального заселения.

Ашанти переселялись на территорию нынешнего обитания племенами или группами родов и занимали незаселенные или весьма слабо заселенные земли. Каждая такая группа поселенцев во главе с вождем — охене занимала какую-то часть территории. Границы между ними не всегда были определены, особенно в зоне сплошного тропического леса. Позднее, когда земля приобрела рыночную ценность, это привело к многочисленным тяжбам из-за границ. Каждая семья или какая-то группа родственников осваивала облюбованный кусок земли, передавая его по наследству своим потомкам. Часть земли, никем еще не занятая, оставалась в распоряжении охене.

Кейзли Хейфорд⁹ делил все земли омана с точки зрения земельных прав главы омана на три разряда:

1. Земля, принадлежащая его семье, — наследственное земельное имущество. Она является его наследственным держанием независимо от того, глава ли он омана или нет. Его права по отношению к этой части земли ничем не отличаются от прав других глав семейств.

2. Земли, закрепленные за подчиненными ему охене или непосредственно главами других семейств. Он не может ими распоряжаться; им остается право надзора, выражающегося, в частности, в том, что все земельные сделки нуждаются в его фатификации.

Права охене по отношению к земле аналогичны правам оманхене. Вся закрепленная за ним земля или большая ее часть находится в бессрочном наследственном владении подчиненных ему крестьян; никем не занятая земля остается в его распоряжении.

⁷ К. А. Busia, Указ. раб., стр. 210.

⁸ Там же, стр. 212.

⁹ Casely Hayford, Gold Coast Native Institutions with thoughts upon a healthy imperial policy for the Gold Coast and Ashanti, London, 1903, стр. 45—46.

Земли второго разряда находятся, следовательно, в бессрочном наследственном владении крестьян. Это именно владение, но не собственность, так как владелец не может продать свой участок земли без санкции оманхене. Ему принадлежит лишь право обработки земли, и за это право он должен нести повинности в пользу оманхене или подчиненных ему охене. Воспользуемся описанием этих повинностей проф. Бусия, отрицающим наличие феодализма у ашанти. Крестьяне обязаны отрабатывать на ферме охене несколько дней в году, участвовать своим трудом в строительстве и регулярном ремонте его резиденции, отдавать ему часть собственного урожая, платить взносы на покрытие военных расходов и долгов омана, на расходы, связанные с похоронами вождя, и др. Часть охотничьей добычи и часть лесных продуктов, собранных на земле, принадлежащей охене, идет в его пользу¹⁰.

3. Нераспределенные земли. Охене или оманхене может выделять наделы для новых поселенцев, дарить, сдавать землю в аренду и даже продавать. Единственное ограничение — необходимость согласования вопросов со своими советниками, которые участвуют в дележе доходов от земли. Заслуживают серьезного внимания следующие наблюдения Рэтрэя, касающиеся этого разряда земель. Оманхене дарили эти земли или отдавали в качестве вознаграждения своим военачальникам за хорошую службу. При этом оманхене говорил: «управляй ею для меня», или «кормись с нее!»¹¹.

Земли третьего разряда приобрели большую ценность в связи с развитием культуры какао, горной промышленности и лесоразработок. Развитие культуры какао привлекло на земли ашанти много переселенцев из прибрежных районов. Одни из них покупали участки земли, другие брали ее в аренду, отдавая землевладельцам треть урожая. Большие земельные участки были сданы в концессии европейским горным компаниям и под лесоразработки. Ценные материалы по этому вопросу собраны в докладе Конвея Белфилда, специально по поручению английского парламента изучавшего условия отчуждения земли на Золотом Берегу и в Ашанти¹². Деньги, вырученные от концессий, распределяются в определенных пропорциях между оманхене, его советниками и старейшинами. Все, кто был опрошен Белфилдом, единогласно признавали, что родовые общинники ничего не получают от сдачи земли в концессии.

Некоторые оманхене не имеют земель третьего разряда, которые полностью разделены между подчиненными оманхене вождями. В этих случаях доходы оманхене складываются из обязательных поступлений от этих вождей.

Глава омана Кумаси — кумасихене — является верховным правителем всего Ашанти, его титул — ашантихене. В пределах своего омана он пользуется теми же prerogative государственной власти, что и другие оманхене. Как и во всякой другой стране в период феодальной раздробленности, ашантихене обладает реальной властью только в пределах омана Кумаси. Со всеми другими главами оманов он связан договорными отношениями: он обязан защищать их владения от военных нападений, а они обязаны служить ему, по его приказу являться на войну со своими войсками. Все главы оманов приносят ему присягу, в которой говорится: «Если я не буду помогать тебе в управлении страной, если я буду нечестен по отношению к тебе, если ты позовешь меня днем или ночью и я не явлюсь к тебе, тогда я нарушу эту вели-

¹⁰ K. A. Busia, Указ. раб., стр. 48—50.

¹¹ R. S. Rattray, *Ashanti Law and Constitution*, Oxford, 1929, стр. 365.

¹² «Report on the Legislation governing the Aliation of native lands in the Gold Coast colony and Ashanti; with some observations on the «Forest Ordinance», 1911», London, 1912.

кую клятву». Ашантихене при этом говорил: «Если ты восстанешь против меня, боги убьют тебя»¹³. История Ашанти знает немало попыток отдельных оманов отложиться от ашантихене, и все эти попытки были подавлены вооруженной силой. Главы оманов не могут начать войну со своими соседями, не испросив санкции ашантихене. Они не могут приговаривать своих подданных к смертной казни — это прерогатива ашантихене. Имеются разнообразные экономические обязательства глав оманов перед ашантихене.

Мы наблюдаем в Ашанти типичную для феодального общества иерархию: ашантихене, оманхене, охене низших рангов. Все они связаны отношениями зависимости по нисходящей линии, и каждое низшее звено этой иерархии несет определенные повинности в пользу высшего звена. Мы наблюдаем также монополизацию земли в руках аристократической верхушки ашанти и характерную для феодализма условность земельных держаний. Но вместе с тем очевидно, что нельзя ставить знак равенства между феодализмом у ашанти и феодализмом средневековой Англии, как это делает, хотя и с некоторыми оговорками, Рэтрей. Он обратил внимание на некоторые общие черты, такие, как политическая раздробленность и вассальная иерархия между охене разных рангов, но не придавал должного значения различию в отношениях между аристократической верхушкой и рядовыми общинниками ашанти, с одной стороны, между английскими феодалами и крестьянством, — с другой. А в этом суть дела.

У ашанти еще сильны родовые отношения. В основе иерархической лестницы в пределах омана лежит исторически сложившаяся иерархия родов. Еще сохранилась большая семья, играющая весьма важную роль в общественной жизни, сохранилось и материнское право наследования. Рядовая масса общинников еще не имеет возможность оказывать влияние на выбор охене и оманхене, их советников и старейшин. Хотя ашантихене силой оружия поддерживает верность оманов присяге, первоначально союз оманов создан на добровольной основе для борьбы против господства Денкьера.

Монополизация земельной собственности еще не достигла своего завершения. Вся земля принадлежит трону, являющемуся материальным воплощением духов предков, или оманхене как их представителю среди живущих. «Ферма моя, земля вождя»¹⁴, говорят ашанти. Но крестьянина нельзя согнать с обрабатываемого им участка, пока он обрабатывает его и исправно несет повинности в пользу оманхене; последний может получать ренту с земель второго разряда, однако не может распоряжаться ими. Что касается земель третьего разряда, то оманхене и окружающая его аристократическая верхушка корпоративно распоряжалась ими уже как своей собственностью, хотя с формальной, юридической точки зрения эти земли таковыми еще не были.

Вследствие ряда исторических условий, подлежащих еще изучению, феодальные отношения у ашанти развивались почти параллельно с развитием рабовладельческих отношений. Ашанти не знали рабовладельческого способа производства, но рабство уже переросло рамки первоначального патриархального рабства и труд рабов широко применялся в горной промышленности и сельском хозяйстве. Когда начала развиваться торговля с европейскими факториями, рабов использовали для переноски грузов к побережью. Применение труда рабов, а также огромная власть родовых традиций обусловили сравнительную легкость феодальных повинностей свободных общинников. Феодальная рента и по своим размерам и по своей форме напоминала традиционные обязательства членов племени по отношению к своему

¹³ K. A. Busia, Указ. раб., стр. 54.

¹⁴ R. S. Rattray, Ashanti Law and Constitution, стр. 362.

вождю, хранителю интересов племени и его военному предводителю.

Как уже указывалось, феодальные отношения облекались в публично-правовую форму, а феодальные повинности принимали характер повинностей в пользу государства. У ашанти эта особенность феодализма дополнялась сакральной властью оманхене. Служитель культа и носитель государственной власти выступал еще в одном лице. Поэтому феодальные отношения сохраняли форму услуг представителю духов предков.

Проф. Бусия и его единомышленники пришли к отрицанию феодализма у ашанти именно потому, что они за публично-правовой и даже сакральной формой отношений между рядовыми общинниками и аристократической верхушкой не хотели видеть реальное экономическое содержание. А между тем это в основе своей отношения феодальной эксплуатации. В той или иной мере они сохранились до наших дней, и только этим можно объяснить, что лозунг «Долой феодализм!» нашел горячую поддержку в народных массах.

SUMMARY

The problem of the existence of feudal relations among the Ashanti has long been a controversial subject. Rattray, Graft Johnson and other scientists believe in the existence among the Ashanti of feudalism, almost exactly patterned after English feudalism. On the other hand, Prof. K. A. Busia and Dr. Danquah deny the existence of feudalism among the Ashanti and regard Ashanti society as classless.

The Ashanti had a typically feudal hierarchy of Ashantihene, Omanhene and Ohene, with every lower group dependent on the higher group and obliged to render certain tributes to it. The land was monopolized by the uppermost aristocratic group of Ashanti, and the nature of land holding had a conventional nature, characteristic of feudalism. At the same time, it is impossible to uphold full identity between Ashanti feudalism and that of medieval England, as Rattray attempts to do. Rattray failed to give proper significance to the difference in the relations between the higher group of aristocracy and the average Ashanti commoners, on the one hand, and between the English feudal lords and peasants, on the other — a factor of primary importance.

Tribal relations still hold considerable sway among the Ashanti. The hierarchy within the «oman» (the subdivision of Ashanti society, formerly tribe) is underlied by a hierarchy of clans that has a historical origin. The mass of rank-and-file commoners continues to exert an influence upon the selection of Ohene and Omanhene. The monopolization of land property has not yet been consummated. All land belongs to the throne, which is believed to be the material incarnation of the spirit of ancestors, or to Omanhene — as their representative among the living. Due to specific historical features, feudal relations among the Ashanti developed almost parallel with the development of slavery relations. The utilization of slave labour, as well as tribal traditions, provided for relatively easy feudal tributes to be rendered by the commoners.

Prof. Busia and his associates arrived at a denial of feudalism among the Ashanti precisely because they failed to see the real economic meaning of the relations between the average commoners and the aristocracy behind their public-legal and even sacral form. As a matter of fact, these are essentially the relations of feudal exploitation. In a larger or lesser degree, these relations persist in our time; and this alone explains why the slogan «Down with Feudalism» struck such profound response among the mass of the people.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. С. ОРЛОВА

О МЕСТЕ И РОЛИ ТРАДИЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ АФРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Огромный континент Африки населен многочисленными народами, отличающимися друг от друга языками, обычаями, верованиями, различными проявлениями материальной культуры, наконец — уровнем развития духовной культуры и общественных отношений. Нельзя поэтому говорить об африканском обществе как о чем-то едином. Нельзя говорить и о роли вождей в африканском обществе вообще. Следует выделить группы народов, у которых институт вождей развивался в сходных условиях. Наличие этих условий связано с тремя факторами: 1) с уровнем общественного и культурного развития народов до проникновения европейцев; 2) со степенью губительного влияния европейской работорговли; 3) со спецификой системы колониального управления, оказавшей огромное влияние на общественное развитие народов Африки в колониальный период. Чтобы понять роль вождей в общественном строе современной Африки, необходимо учитывать эти исторические факторы.

Многие буржуазные ученые отрицают наличие в Африке феодальных отношений. Другие отмечают эти отношения, но приписывают их появление сознательной политике колониальных властей. Нам представляется, что африканские народы развивались тем же путем, что и народы всего мира, а колонизаторы опирались на уже сложившийся или складывавшийся феодальный уклад. Мы не можем здесь подробно остановиться на своеобразии и формах процесса развития феодальных отношений у африканских народов. Отметим лишь в этой связи необычно прочное бытование до сегодняшнего дня многих общественных институтов ведущих происхождение от родо-племенного общества.

XV век для многих районов Африки был временем расцвета больших и могущественных средневековых государств, высокой и своеобразной в своих проявлениях культуры. Создание средневековых африканских государств восходит к VIII—X вв. н. э. Мы еще недостаточно знаем историю африканского средневековья, однако можем наметить важнейшие средневековые государства и те большие районы, которые они охватывали. Это прежде всего великие империи степной полосы Западного Судана: Гана (IX—XIII вв.), центр которой находился к северу от междуречья Сенегала — Нигера; Мали (XIII—XV вв.), земли которого покрывали территории современных Гвинеи, Нигера, Сенегала, Мавритании и др.; наконец, Сонгаи (XV—XVII вв.), территория которых простиралась от северных границ Сахары до границ государств Моси на юге и от порогов Бусы на Нигере на востоке до р. Сенегал на западе. К югу от государства Сонгаи сложились княжества Моси (на территории современной Верхней Вольты). Далее к востоку на территории

современной северо-западной Нигерии к IX в. сложились города-государства хауса. К северу и к западу от оз. Чад простирались земли государства Канем-Борну; к юго-востоку от озера на территории Северного Камеруна и б. французской Экваториальной Африки лежала так называемая империя Сао — государство, история которого почти не известна. Падение империи Сао привело к образованию ряда новых народов. К XVI в. в Северном Камеруне возник султанат Мандара. На протяжении X—XVII в. весь степной пояс Западного Судана был покрыт цепью государств и являлся ареной больших и сложных исторических событий. Районы древней государственности охватывают территории расселения таких народов Западного Судана, как фульбе, мандинго (бамбара, малинке, диула), моси, сонгаи, хауса, канури, котоко.

Второй район древней государственности сложился на Гвинейском побережье. Сильные города-государства к XV в. существовали здесь лишь в стране йоруба, населяющих ныне западные провинции современной Нигерии. Что касается остального побережья, вернее, широкой полосы, примыкающей к Гвинейскому побережью, населенной близкими по культуре народами так называемой гвинейской группы, то здесь европейцы застали небольшие государственные образования, названия которых до нас чаще всего не дошли. Из них наиболее известны государства Ардра и Вида на юге современных Того и Дагомеи. На основе небольших государственных образований сложились позднее (к XVII—XVIII вв.) и очень быстро достигли поразительного расцвета такие государства, как Дагомея и Ашанти (южные районы современной Ганы).

Третий район древней государственности — южная (главным образом степная) часть бассейна р. Конго. В XIV—XV вв. здесь сложилось могущественное государство Конго, доходившее на востоке до современного города Леопольдвилья и объединявшее на началах вассальной зависимости ряд небольших государств на территории современной Северной Анголы, Кабинды и Южного Габона.

В глубинных районах в это время шел процесс образования двух больших государств — Мвато-Ямво, или царства Лунда (у истоков рек Кванго — Кванзы — Касаи) у народа того же названия, и государства Луба, ядром которого был народ балуба. Границы последнего простирались от р. Санкуру на западе, до оз. Танганьика на востоке. Существовал еще ряд менее значительных государств, как царство Уруа, Бушонго, образовавшееся у народа бакуба в междуречье Касаи — Санкуру около X в., и др. Расцвет Мвато-Ямво и Луба падает на XVII—XVIII вв.

Четвертый район, где истоки государственности восходят к X в., а может быть, и к еще более ранним временам, — Межозерье, где к XIV в. существовало несколько государств, гегемонами среди которых на севере было государство Китара, на юго-западе — Урунди. Позже, с XVII—XIX вв. гегемония на севере Межозерья перешла к государству Буганда, на юго-западе — к государству Руанда на восточных берегах оз. Киву. Это область расселения народов баньоро, баганда, баньянголе, баторо, баха, бахайа, баньяруанда и барунди; она включает большую часть современной Уганды, часть западной провинции Танганьики, Руанда-Урунди и примыкающие округа б. Бельгийского Конго.

Наконец, пятый район древней государственности — современная Южная Родезия и Южный Мозамбик, где в XII—XV вв. достигло расцвета государство Мономотапа, о котором нам почти ничего неизвестно. Этот район является единственной областью Африки, где падение государства сопровождалось почти полным забвением исторических событий, связанных с его существованием, исчезновением следов государственности и общественных отношений, на основе которых эта государствен-

ность возникла. В остальных областях государства и государственные образования, возникавшие здесь в процессе исторического развития, дожили до начала колониального раздела. Всюду, где существовали государства, их образование было связано с консолидацией, объединением родственных народов в большие монолитные этнические массивы. Всюду в этих районах мы находим народы с высокой своеобразной культурой и яркой памятью об историческом прошлом.

Среди советских и зарубежных историков нет единства в оценке сущности общественного устройства африканских государств. Я склоняюсь к выводу о развитии феодальных отношений на развалинах общинно-родового строя в большей части государств Тропической Африки. Эта точка зрения не разделяется многими учеными и нуждается еще в очень серьезной аргументации. Но в данном случае нас интересует не то, какая именно общественно-экономическая формация сложилась здесь, а тот факт, что на огромных территориях Африки первобытно-общинный строй давно уступил место классовому обществу. Характерной особенностью этого общества повсюду в Тропической Африке была необычайная живучесть пережитков родо-племенного строя: сохранение памяти о родо-племенной структуре, сохранение некоторых форм этой древней организации, хотя и наполнившихся иным содержанием и выполнявших новые функции в условиях классового общества.

Повсюду в Африке, где сложились государства, племя как форма политической и общественной организации исчезло, сохранилось лишь сознание, часто туманное, принадлежности к какой-то широкой группе людей, связанных общностью происхождения и общим названием. Вождь племени уступил место главе государства. В период становления государственности в Африке глава государства, как правило, выдвигается из племенной аристократии и на первых порах тесно с ней связан. Однако с тех пор прошли столетия, и даже самые ранние путешественники-европейцы нигде в этих районах не нашли «вождей». Введение в обращение и употребление термина «вождь» по отношению к районам, о которых идет речь, — либо ошибка, основанная на недоразумении, либо политика в основе которой лежит попытка оживить пережитки родо-племенные отношения, оживить родо-племенное сознание, воскресить древнюю общественную и политическую организацию, подвести под одну мерку народы Африки, ушедшие вперед, и народы, задержавшиеся в развитии. Введением и употреблением этого термина часто мы обязаны колониальной администрации, а не самим африканцам. Повторяю, речь идет о районах древней государственности.

За пределами очерченных нами районов лежали обширные области Африки, где в силу конкретных исторических, экономических и других причин к XV в. народы стояли на различных ступенях разложения родо-племенного строя. Это области, где народы задержались в своем развитии. Несмотря на обширность этих районов, едва ли можно говорить что именно они определили общий культурный облик и уровень развития народов Африки. Как правило, это были земли с очень малой плотностью населения, уступавшие по общей численности жителей областям древней государственности. Области, где население отстало в своем развитии, охватывали среднюю полосу Западного Судана (между государствами степной полосы и государствами Гвинейского побережья) от Атлантического побережья до плато Баучи в Северной Нигерии и до Мандара в Северном Камеруне, всю северную часть бассейна р. Конго включая б. Убанги-Шари, часть Габона, Португальскую Гвинею, север б. Бельгийского Конго (к северу от рек Касаи — Санкуру), верховья Нила (южные провинции республики Судан), почти всю восточную Тропическую Африку и почти всю Южную Африку. Однако и эти области с точки зрения уровня общественного развития, не представляли собой единства. Если многие народы Восточной и Юго-восточной Африки ушли

далеко по пути становления классового общества, то пигмеи тропических лесов в глубинных районах бассейна Конго и бушмены в пустынных районах Южной Африки стояли на одной из самых ранних ступеней развития человеческого общества. Итак, в XV в. лишь часть Африки жила в условиях первобытно-общинного строя. Лишь в применении к этой части Африки и только для этого времени мы можем говорить о вождях племен.

Наше представление о вожде обычно неразрывно связано с представлением об очень ранней общественной организации человечества, в основе которой лежат принципы кровнородственной близости и первобытной демократии. Вожди, возглавляющие восходящие звенья родо-племенной организации, — вождь подразделения рода, вождь рода, вождь племени, вождь союза племен — всего лишь первые среди равных, они возглавляют народ и руководят им, следуя воле народа (народного собрания), они составляют с ним единое целое; они могут быть смещены в любое время по воле народа. Такова классическая форма организации развитого общинно-родового общества, описанная Морганом на примере союза ирокезов.

Таких классических форм европейцы почти нигде не застали на побережье Африки в XV в. Проникая в глубинные районы, а это проникновение продолжалось четыре с лишним века, европейцы убеждались в том, что и здесь они застают общественные отношения, далекие от первобытной демократии. Характерными особенностями этих отношений были следующие: очень далеко зашедшее имущественное неравенство, развитый торговый обмен, связывавший очень отдаленные области Африки (например, Гвинейское побережье и район Катанги), домашнее рабство, сильная власть (подчас деспотическая) наследственного (это очень важно) вождя, первые формы эксплуатации соплеменников, попытки (не везде) превратить традиционные «подношения» вождям в фиксированные подати, возникновение небольших территориальных объединений. Все это свидетельствует о том, что уже в момент первого знакомства с европейцами у большинства африканских народов (так называемых отсталых районов) общинно-родовой строй находился в состоянии разложения, шел процесс становления классового общества. Именно в это время (XVI—XVIII вв.) жизнь и развитие африканских народов были деформированы европейской работорговлей.

Последствия работорговли для Африки в целом были губительными, особенно для небольших и отсталых в развитии народов Тропической Африки и средней полосы Судана. Многие из них были физически уничтожены. Работорговля дала толчок огромному передвижению и перемешиванию народов Тропической Африки. Эти передвижения сопровождались общей деградацией культурного уровня, упадком хозяйства, распадом сложившихся общественных связей, дроблением этнических общностей и племен и другими тяжелыми последствиями. Мне кажется вероятным, что работорговля явилась одной из причин упадка средневековых государств степной полосы Западного Судана. Работорговля помешала дальнейшей консолидации государств внутренних областей бассейна Конго. Несомненно также, что повсюду в Африке работорговля привела к позднему и очень бурному развитию рабовладельческого уклада. В то же время активное участие в европейской работорговле дало толчок быстрому выдвигению и развитию ряда государств Гвинейского побережья и арабских поселений на восточном побережье Африки. Одним из наиболее важных последствий работорговли, на мой взгляд, являлось значительное разрушение родо-племенной организации у ряда отсталых народов Африки. Жестоким и мучительным для африканских народов путем работорговля дала толчок развитию классовых отношений в самых отсталых уголках Африки. Работорговля в то же время служила огромным препятствием созданию государственности, искус-

ственно поддерживая обстановку анархии и территориальной раздробленности. Ко времени империалистического захвата Африки — к середине XIX в. — едва ли можно говорить о существовании родо-племенного строя как определенной формы простейшей общественной организации у подавляющего большинства народов Африки. Основы родо-племенной организации были подорваны, на смену ей пришли иные связи и объединения, основанные на территориальном признаке, а не на принципе кровнородственных отношений. Эти территориальные объединения были крайне малы, часто охватывая одну — две — четыре деревни или поселения. Работорговля и европейская колонизация (на раннем этапе ее, в Западной Тропической Африке, например) привели к распаду древних государственных образований. Африка, измученная работорговлей, обескровленная, раздробленная на бесчисленное количество мелких и мельчайших территориальных объединений, не могла противостоять европейским армиям, хотя во многих районах африканские народы оказывали ожесточенное сопротивление колонизаторам, и колониальные войны затянулись на столетия. Работорговля — один из важнейших факторов, подготовивших колониальный раздел Африки.

К началу XX в. территория Африки была поделена между колониальными державами; при этом львиная доля досталась Англии, Франции и Бельгии. Задачи управления огромными территориями ставили перед колониальными державами очень сложные проблемы. Важнейшая из них — найти опору в самом африканском обществе. В решении этих проблем наметилось два пути, возникли две системы колониальной администрации. Французские власти пошли по линии разрушения тех государственных и родо-племенных объединений, которые они застали в захваченных ими владениях. Наследственные представители традиционной власти, пользующиеся огромным авторитетом у подвластного населения, как правило, были смещены, а если они участвовали в активном сопротивлении колонизаторам — уничтожены. Страна была разделена на административные округа и кантоны; каждый кантон объединял несколько деревень. Во главе этих новых территориальных единиц (главным образом низших — кантонов и деревень) были поставлены власти из местного населения, так называемые «вожди». Это «вожди», назначаемые и смещаемые колониальными властями, переводимые из одного округа в другой, были чиновниками колониального аппарата, не связанными с населением и чуждыми ему. На то время, пока эти вожди были у власти (продолжительность его зависела от степени преданности и безусловного подчинения вождя колониальной администрации), они получали в свои руки определенную совокупность прав по отношению к подчиненным. Эти права ставили вождей-чиновников высоко над подвластным населением и давали возможность эксплуатировать его. Мне кажется, тот факт, что власть вождей-чиновников была навязана населению сверху и что она была временной, не может и не должен скрывать от нас чисто феодальный характер этой власти.

Колониальная администрация ввела строгую градацию должностей, разделив всех вождей на так называемые классы. В соответствии «классом» вождь получал вознаграждение за службу, как любой правительственный чиновник, с той разницей, что вознаграждение это было очень невелико по размерам. Вышшим постом для вождя-чиновника был пост кантонального вождя. Кантональный вождь ведал рекрутским набором и набором (принудительным и полупринудительным) рабочей силы на европейские предприятия и работы общественного значения; он собирал налоги с населения и отвечал за их своевременное поступление, следил за обработкой площадей под обязательные культуры и отвечал за доставку сырья, распределял повинности между деревнями; он был связующим звеном между французским комендантом округа и местным населением. Опираясь на колониальный аппарат, вождь имел во

возможность значительно увеличивать свои доходы, незаконно повышая налоги, получая взятки за освобождение от принудительных работ и пр. Вожди нередко получали от общин участки земли во временное пользование (на срок его полномочий). Эти участки обрабатывались трудом подвластного крестьянства. Администрация смотрела сквозь пальцы на эти злоупотребления. Свою власть вожди использовали для сосредоточения в своих руках земельных угодий. Несмотря на существование коллективных прав общины и формальное отсутствие частной собственности на землю, в большинстве районов б. французской Африки земля превратилась в наследственное владение отдельных семей (больших и малых), закладывалась и пр. Существовало множество путей, позволявших обходить традиционный запрет продажи земли (бессрочный залог, продажа деревьев, построек на земле и пр.) и облегчавших сосредоточение земли в руках деревенской верхушки, и в первую очередь в руках вождей. Среди вождей-чиновников было немало крупных землевладельцев, которые использовали на своей земле принудительный труд крестьян¹. Таковы факты, позволяющие считать вождей-чиновников французских колоний носителями феодального уклада. Чуждые народу, раболепствующие перед властями, безжалостно обиравшие и эксплуатирующие подчиненных, вожди-чиновники вызывали всеобщую ненависть и страх, поскольку их права грабить подчиненных обеспечивались всей силой колониального аппарата. Таково было положение, типичное для французских владений. Исключением из него были районы, где сохранялись очень сильные пережитки родо-племенного строя, очень крепкая родо-племенная структура и власть родо-племенной верхушки. В горах Мандара (б. французский Камерун), например, многие народы скрывали своих настоящих вождей, хитростью добиваясь назначения на должности «вождей» лиц ничтожных, за спиной которых орудовала родо-племенная верхушка². Мы почти лишены достоверной информации об этих районах. Другим исключением из правила были некоторые районы древней государственности, где французская администрация сочла возможным отказаться от политики прямого управления и сохранила власть представителей старинных правящих династий. Так было, например, в королевстве Моси, в Верхней Вольте — Вадаугу и Ятенга, в небольших княжествах страны Сонгаи в б. французском Судане, представлявших последние остатки былого расцвета империи Сонгаи, и в некоторых других. В бывших немецких колониях, доставшихся Франции после первой мировой войны, французская администрация также не сочла нужным разрушать государственные образования, сохраненные немцами (ламидаты и султанаты фульбе северного среднего Камеруна, государство Бамум и пр.). Правители этих небольших государств, будучи ответственными перед колониальной администрацией и подчиняясь ей беспрекословно, сохранили наследственную власть над своими владениями — заповедниками средневековья и ничем не сдерживаемой феодальной эксплуатации населения.

Такое положение было характерно для французских владений накануне второй мировой войны. Несмотря на некоторые отклонения от системы прямого управления (закон о туземной администрации 1932 г., создание так называемых комиссий или советов при вождях всех рангов), французские власти в основном опирались на эту систему и на роль вождей-чиновников. Послевоенные реформы, вызванные обострением кризиса колониальной системы, начавшимся распадом ее, были попыткой спасти колониальную империю путем постепенных уступок и расширения прав внутренней автономии отдельных территорий. По суще-

¹ «Guinée, Prelude à l'indépendance», Paris, 1959, стр. 40—42.

² B. L. Ambézat, Kirdi, Paris, 1950, стр. 38—39

ству эти реформы мало коснулись низового административного аппарата — института «вождей». Вожди-чиновники продолжали оставаться опорой колониального режима, выразителями интересов империалистических хозяев. В то же время по отношению к народу они составляли прослойку угнетателей и эксплуататоров, гнет которых был тем более невыносим и ненавистен, что он не был прикрыт или завуалирован древними традиционными институтами и был откровенно связан с колониальным режимом. Вожди использовали эту связь для феодальной по своим формам эксплуатации крестьянства.

В новой Африке, с ее рождающейся национальной буржуазией, с рабочим классом, с развивающимися капиталистическими отношениями в деревне, вожди-чиновники являются носителями наиболее реакционных общественных отношений. Борьба за независимость здесь тесно переплелась с борьбой против носителей реакционных тенденций — против вождей. Не случайно в Гвинейской республике, первой среди французских колоний получившей независимость, решительный этап борьбы за освобождение начался борьбой за ликвидацию института вождей. Принятый в июле 1957 г. закон о ликвидации института кантональных вождей был первым серьезным ударом по позициям французских империалистов в Гвинее и в то же время (как нам кажется) — завершением очень своеобразной по формам и методам антифеодальной революции.

Английские власти в своих африканских владениях пошли по пути так называемого непрямого, или косвенного, управления. Сущность системы косвенного управления сводится к тому, что англичане поставили себе на службу те общественные и политические институты, которые они застали в покоренных странах. Они повсюду сохранили власть традиционной верхушки африканского общества — правителей государств там, где они сложились, наследственную родо-племенную аристократию там, где государство еще не сложилось. Мы уже говорили, что работорговля и колониальные войны способствовали очень быстрому распаду родо-племенных связей. Поэтому лишь в некоторых районах переход к системе косвенного управления не составлял трудностей (районы государственности главным образом в Нигерии и на б. Золотом Берегу, а также районы, мало затронутые работорговлей и сохранившие крепкий костяк родо-племенной организации, — южных банту, зулу, коса, бечуана и др.). Гораздо чаще колониальной администрации приходилось воссоздавать заново старые связи, «собирая» из осколков «традиционные» объединения, изыскивая представителей родо-племенной наследственной аристократии, которой вручалось управление этими вновь созданными объединениями. Такое положение сложилось, например, в юго-восточной Нигерии у народа ибо и в ряде других мест. Английская администрация при этом преследовала следующие цели: 1) найти социальные слои, которые составили бы прочную опору колониального режима; 2) создать гибкий и дешевый аппарат управления; 3) попытаться не только законсервировать наиболее отсталые общественно-экономические отношения в Африке, но там, где возможно, — повернуть историю вспять, вернуть народы к уже пройденному этапу развития, возродить, оживить родо-племенную организацию.

Проводя в жизнь политику косвенного управления, английские чиновники проявили большую гибкость, избегая шаблонов и везде умея пользоваться местными условиями. В Южной Африке они пошли на воссоздание больших территориальных объединений под властью наследственных вождей (протектораты Бечуаналенд и Свазиленд, резерват Зулуленд и пр.), на возрождение власти старых «династий» вождей зулу, бечуана, матабеле и пр.

В Восточной Африке преобладала тенденция раздробить большие народы (и даже раннегосударственные образования, возникшие в XIX в. в результате борьбы с работорговлей и колонизацией) на ряд мелких

территориальных единиц с учетом традиционных связей и родо-племенной структуры. Так, территория миллионного народа ваньямвези (Танганьика) была разбита на несколько небольших султанатов. Васукума, очень близкие по языку и культуре к ваньямвези (их часто называют эверными ньямвези), насчитывающие также более миллиона человек, сейчас разделены на 47 «chiefdoms», из которых самое большое насчитывает 90 тыс. человек, самое маленькое — 1500³. Страна джагга (район горы Килиманджаро) разделена на 28 маленьких территориальных единиц («княжеств»), население которых колеблется от 1 тыс. до 20 тыс. человек⁴. В Межозерье (на западе Уганды), где издавна существовали государства, англичане не только сохранили их как основные звенья колониального управления, но оставили за их наследственными правителями значительные права в области управления своими территориями, сохранили местные общественные институты и государственные учреждения. Более того, в Уганде (северо-восточные берега оз. Виктория) была проведена земельная реформа, превратившая феодальные условные держания в крупную помещичью собственность и создавшая класс крупных земельных собственников (крупнейший из них — кабака, или король, Буганды).

В Западной Африке — в Нигерии, в Сьерра-Леоне и на Золотом Берегу — всюду англичане использовали «туземные» институты, применяясь к необычайно разнообразным условиям в разных странах.

Как правило, правители африканских государств шли на сговор с английским империализмом, предавая свои народы ради сохранения собственных прерогатив и права эксплуатировать эти народы. Так поступили правители эмиратов хауса Северной Нигерии. К этому же пришли в конце концов (после отчаянных попыток возглавить сопротивление колониальному завоеванию) и правители государств Межозерья. Эти районы — мозаика небольших феодальных государств с характерными для эпохи феодализма формами землевладения и землепользования, с феодальными методами и приемами эксплуатации податного населения. Английские власти выступают здесь как ревнители средневековой старины и рутины, а сами правители — как носители феодального уклада, выросшего здесь естественно и уходящего корнями в старину. Власть этих феодалов опирается на силу традиций, на всю совокупность религиозных взглядов (одинаково как у мусульман, так и у приверженцев местных религий), и лишь затем — на мощь колониального аппарата. Влияние их на население огромно.

Африканские феодалы, сохранившие свои привилегии ценой верной лояльности колонизаторам, представляют собой реакционную силу большой важности, которую нельзя сбрасывать со счетов. Большинство их стоит на страже интересов империализма и играет роль тормоза в борьбе народов против колониализма. Наиболее яркий пример этому — поведение правителей эмиратов Северной Нигерии после второй мировой войны. Поэтому в этих странах задачи национально-освободительного движения тесно переплетаются с задачами антифеодального движения. Однако сами африканцы не часто отдают себе отчет в этом. Власть феодальной верхушки не разоблачена до конца в «глазах народа, как это случилось в большей части б. французских колоний.

Гораздо сложнее вопрос о сущности и роли традиционных властей, происходящих из родо-племенной верхушки, в современном африканском обществе английских или бывших английских колоний. Возьмем, например, народ васукума⁵ (английская Восточная Африка) и посмотрим, что он собой представлял с точки зрения общественного развития

³ A. Richards, *East African chiefs*, London, 1960, стр. 240.

⁴ C. Dundas, *Kilimandjaro and its people*, London, 1924, стр. 50.

⁵ Далее следуют материалы из кн.: A. Richards, *Указ. соч.*, стр. 229—255

накануне колонизации. Ко времени колониального раздела васукума продвинулись далеко по пути развития классового общества и становления государственности. Территория васукума была разделена на большое число маленьких территориальных объединений, которые французы часто называют *chêfferies*, а англичане *chiefdoms* (назовем их «княжества»), во главе с наследственным правителем — нтеми. По преданиям, все династии нтеми вели свое происхождение от пришельцев бахима, поселившихся среди васукума, и были связаны одна с другой родственными и брачными отношениями. Никакого единого правительства или политического центра, пусть номинального, не существовало. Каждое «княжество» пользовалось полной автономией. Нам не известно, в какой мере кровнородственные отношения внутри каждого «княжества» уступили место соседским связям. Однако по отношению к соседним «княжествам» каждое из них выступало как маленькое государство.

Нтеми управлял с помощью группы своих родственников — знати (бананг'ома). Эта знать не была связана кровнородственными отношениями с народом. Она стояла над ним и использовала свое положение для эксплуатации народа. Состав ее определялся материнскими нормами наследования власти — братья правителя, двоюродные братья со стороны матери, братья матери, — и включал потенциальных претендентов на пост правителя. Власть знати была тем более велика, что она определяла наследника в период междуцарствия. Но когда наследник был уже утвержден в правах, положение его ничем не напоминало положение выборного вождя племени. Его власть очень часто принимала оттенок деспотизма, тем более, что нтеми был одновременно и верховным жрецом, а личность его была окружена ореолом почитания. Власть нтеми опиралась на личную гвардию из лучших воинов. В его руках была высшая юрисдикция и только он один мог осудить на смерть и конфискацию имущества. Население было обязано платить ему ежегодный налог скотом, зерном и др., а также нести отработочные повинности и выплачивать разные случайные поборы.

Сказанного достаточно, чтобы сделать вывод о том, что ко времени колониального раздела у васукума шел интенсивный процесс развития феодальных отношений, центральной фигурой которых был нтеми. Существование сильных пережитков родо-племенного строя, живучесть кровнородственных отношений среди простого народа, с одной стороны, и среди знати — с другой, не могут скрыть чисто феодального характера власти нтеми, его верховной власти над всей землей и над личностью свободного еще крестьянина. Нтеми совсем не «вождь» своего народа, он — правитель, глава политической власти, стоящей над народом.

Что произошло с нтеми после установления колониального режима? Окончательно права и положение нтеми были определены «Native Authority Ordinance» в 1927 г., согласно которому каждый нтеми получал право осуществлять административную власть, издавать на своей территории распоряжения по поддержанию порядка, охране собственности и пр. Он сохранял известную долю судебных прав, ему были подсудны дела о разводах, наследовании, мелких кражах и правах на выпас скота. Несмотря на то, что по закону 1927 г. должность нтеми объявлена выборной, по существу сохранился прежний порядок ее замещения. Претендента выдвигает знать (бананг'ома), затем народ «выбирает» этого претендента. Результаты этих «выборов» утверждает английский губернатор. Он же один вправе сместить нтеми. Как правило, должность нтеми — пожизненная. Нтеми управляет своей территорией, опираясь на «помощников вождя» (должность, созданная колониальной администрацией) и деревенского старосту, управлявшего деревней или группой близстоящих поселений. Деревенский староста, как правило, — наследственный держатель должности, а во многих «княжествах» он принадлежит к числу родичей правящей династии. В своей деревне он — полновластный

хозяин, он проводит распоряжения и теми и высшей администрации, собирает налоги, мобилизует население на строительство новых дамб и дорог. Он сохранил в неизмеримо большей степени, чем и теми, право фактического распоряжения деревенскими землями: он распределяет новые земли и выделяет участки пришельцам со стороны.

Таким образом, англичане оставили у власти правящий слой старой знати васукума. Они расширили власть и теми, наделив его законодательными правами, хотя и очень ограниченными. Раньше и теми, обладая огромной исполнительной властью, не мог перейти границ обычного права, регулировавшего жизнь отдельного человека и общества до мелочей. Теперь, обладая довольно значительной исполнительной властью по отношению к подчиненным, и теми получает право издавать собственные распоряжения. Он сохранил часть судебной власти. В его руках — значительный административный аппарат, подчиняющийся непосредственно ему. Кроме того, власть и теми опирается на всю мощь английского колониального аппарата. Какими бы ничтожными ни были его роль и положение по отношению к английским властям, по отношению к своим «подданным» он обладает по закону колонии большой властью, дающей возможность эксплуатации населения. Этот закон дополняется всей совокупностью неписаных законов — нормами обычного права, силой освященных веками традиций, крепостью родственных уз и обязательств. Не будучи юридически собственником (владельцем) земли своего «княжества», и теми обладает такой властью, которая позволяет ему — непосредственно и через каждого деревенского старосту — распоряжаться земельными массивами. Результатом всего этого является широкое распространение производственных отношений, которые мы с полным правом можем назвать скорее феодальными, чем феодально-патриархальными.

Васукума — пример, очень характерный для всей английской Восточной Африки, многие народы которой уже встали на путь становления классового общества и государственности до прихода европейцев.

Средняя полоса Судана считается одним из наиболее отсталых районов по уровню общественного развития населяющих его небольших народов. Рассмотрим для примера так называемое «племя» менде, населяющее внутренние районы Сьерра-Леоне⁶.

Вместе с близкими им группами менде насчитывали около 600 тыс. человек. В соответствии с указами о создании туземных властей, менде были разделены на 67 племен, во главе каждого был поставлен верховный вождь (paramount chief). Первоначально страну населяли группы охотников, постепенно оседавших в лесах и основывавших постоянные поселения. Предки менде пришли в страну как завоеватели, осели в этих поселениях и основали новые, смешавшись с первоначальным населением. Поселение, основанное группой сородичей, постепенно разрасталось, принимало к себе беженцев, инородные семьи и включало в свой состав группы рабов. Рост населения приводил к выделению новых деревень, зависевших от первой. Военный вождь, основатель поселения, опираясь на военные отряды и личную гвардию, осуществлял власть над всей деревенской округой, лежавшей вокруг первоначального поселения (родка, укрепленного частоколом). Укрепленные деревни служили своего рода аванпостами и сторожевыми пунктами для вождя, обосновавшегося в городе. Первоначальные функции вождя, заключавшиеся в военной защите своего народа и земли, в арбитраже при возникновении споров, постепенно трансформировались в функции государственной власти. В результате мирных взаимоотношений, дружественных соглашений и военного завоевания шло постепенное укрупнение территорий, управ-

⁶ Характеристика общественной организации менде дается по материалам монографии: K. L. Little, *The Mende of Sierra-Leone*, London, 1951.

ляемых верховными вождями. Эти зачаточные территориальные образования легли в основу тех объединений, на которые англичане разделили Менделенд и которые некоторые авторы называют «племенами», а Литтл — «chiefdoms».

Что представляли собой эти объединения и власть верховных вождей накануне установления английского господства? По традиции пост правителя (вождя) рассматривался как «владение», передающееся по наследству по мужской линии в потомстве основателя поселения. Все важнейшие должности — «спикера» (посредника), правителей «районов», на которые делилась территория (sub-chiefs), деревенских старост и пр., — как правило, передавались по наследству в пределах группы потомков первооснователя. Эта группа составляла аристократию, и ее высокое положение закреплялось нормами землевладения и землепользования. Потомки основателей «chiefdom» (назовем это объединение словом «княжество») имели право наследственного владения землей. Верховный «вождь» считался верховным владельцем всей земли «княжества», имел право использовать любой незанятый участок под посев, под застройку для посадки деревьев. Он один имел право временно передать участок земли постороннему лицу. Остальное население, не связанное отношениями кровного родства с группой потомков основателей «княжества» («аристократия»), т. е. принадлежащее к числу потомков чужеродных семей нашедших в разное время убежище на территории «княжества», и в некоторых случаях — к потомкам рабов и военнопленных, посаженных на землю, имело право держания, право личного пользования выделенными земельными участками.

Помимо прав на землю, «верховный вождь» имел право суда над населением «княжества», принимал иностранцев и нес расходы, связанные с гостеприимством. Он считался главой тайного союза Поро и возглавлял различные церемонии, связанные с культом предков. Население было обязано в качестве повинности в его пользу обрабатывать его поля, поддерживать в порядке усадьбу, строить новые жилища и выполнять другие работы. Каждая большая семья (маве) отдавала часть урожая риса и приготовленного пальмового масла в качестве постоянной натуральной подати. Значительную статью дохода составляли пошлины, штрафы, которые «вождь» собирал как глава судебной власти. Сбор податей и надзор за выполнением повинностей осуществлялись через иерархию нижестоящих должностных лиц (sub-chiefs — вожди районов, деревенские старосты). Все эти должностные лица имели право на долю отработочной повинности и на часть натуральных податей, а если принимали участие в судебных разбирательствах — на часть судебных доходов. Все должности были наследственными в потомстве родственной группы основавшей «княжество».

Власть «верховного вождя» и всех представителей должностной иерархии опиралась на тайный союз Поро, главарями которого они являлись. Деятельность Поро тесно связана с культом предков и окутаны плотным покровом таинственности. Функции Поро значительно изменяются в период перехода от бесклассового общества к классовому. Тайное общество выступает как орудие господства наследственной родо-племенной верхушки, как орудие подавления протеста соплеменников. Эта роль Поро (как любого тайного союза) выступает все более ярко по мере нарастания имущественного неравенства и противоречий внутри племени. Тайный союз продолжает существовать и тогда, когда государство уже сложилось (у йоруба, например). Тем более велика его роль в процессе становления и укрепления государственности, который происходил у менде. Тайный союз Поро был, по существу, единственной организацией, объединявшей аристократию всех небольших «княжеств» менде и побуждавшей в некоторых случаях всех менде выступать как единый народ.

Власть «верховного вождя» была ограничена его личным советом, состоявшим из его приближенных, друзей и некоторых должностных лиц (например, «спикера»), и советом «княжества», включавшим всех должностных лиц, но очень редко созывавшимся. В советы при sub-chiefs входили все деревенские старосты, а также «вожди» кувуе — родственных объединений, основанных на кровном родстве по мужской линии. Даже в прошлом это уже не род, а скорее сегмент, осколок рода. С течением времени состав его усложняется за счет включения чужеродных элементов. Накануне колонизации кувуе представляло собой сложное объединение, господствующее ядро которого действительно состояло в кровнородственных отношениях. Именно этому ядру родственников по мужской линии, происходящих от предка-основателя, принадлежало наследственное право на землю и господствующее положение в кувуе. Кроме того, в его состав входили другие родственные группы, связанные с основным ядром брачными узами. Кувуе занимало отдельный квартал в городе. Англичане переводят это слово термином compound «огороженное поселение», подчеркивая этим сложность состава, связь его членов с определенной территорией и преобладание внутри кувуе территориальных связей над родственными.

Такова организация народа менде, который принято считать одним из самых отсталых в Западном Судане. Даже такое суммарное описание свидетельствует о том, что при всей живучести некоторых форм организации, свойственных родо-племенному обществу, менде, как и васукума Восточной Африки, еще до колонизации создали небольшие государственные (а не племенные) объединения; в этом нашел выражение начавшийся уже процесс распада общества на классы, четкие границы которых, однако, затушеваны остатками кровнородственных отношений. Описанная организация менде была положена англичанами в основу системы туземной администрации Менделенда, которая в главном была аналогична административной системе васукума. Характерно, что и здесь, поставив «верховных вождей» под контроль высших колониальных властей, англичане законодательно усилили государственный характер власти вождей, предоставив им некоторое подобие законодательных функций (право издавать распоряжения, указы и пр.) и подтвердив их владельческие права на землю, в противоположность остальному населению, за которым признаны лишь права держания.

После второй мировой войны повсюду в африканских колониях англичане пошли по пути сокращения прерогатив «туземных властей» (лишение их судебной власти и ряда других привилегий) и постепенной замены их органами коллегиальными, в той или иной степени выборными (советами, комиссиями). Причина этих изменений лежит в тех больших переменах, которые произошли в самом африканском обществе. Возникновение рабочего класса и африканской буржуазии, африканской интеллигенции, бурное развитие национально-освободительного движения, непрерывные требования этих новых общественных сил ограничить произвол феодальной и полуфеодальной верхушки — все это заставило колониальные власти пойти на пересмотр политики полной и безоговорочной опоры на туземные традиционные власти.

Бельгийцы в своих африканских владениях до недавнего времени придерживались политики сочетания методов прямого и непрямого управления. Вся территория б. Бельгийского Конго была разделена на шесть провинций с губернаторами во главе; каждая из них делилась на дистрикты, управляемые комиссарами дистриктов; дистрикты разделены на территории с территориальными администраторами во главе. Такова лестница европейских колониальных властей. Весь низовой аппарат управления целиком формировался из представителей традиционных африканских властей. В этих целях «территории» делились на «туземные округа» — chefferies во главе с туземными властями. В основе выделения

«туземных округов» лежал принцип сохранения старинных объединений — в рамках племени или небольших государственных образований. Признанные правительством «вожди» были наделены чисто административными функциями. Это — так называемые «вожди, отмеченные медалями» (*chefs médaillés*). Наряду с ними сохранилась прослойка властей традиционных — *chefs coutumiers*. Эти вожди продолжали пользоваться большой властью над народом. Именно им принадлежало право распоряжаться землей. Не всегда вожди, поставленные бельгийцами, и традиционные вожди противостояли друг другу, составляя как бы двойной ряд «туземных властей». В районах древней государственности (куба) или в тех районах, где сохранился костяк родо-племенной организации, колониальная администрация очень часто официально признавала наследственные традиционные власти. Двойной ряд вождей был создан там, где распад государства вследствие междоусобий и интриг европейцев привело к распаду политических связей еще до колониального раздела (баконго), либо там, где работорговля, разрушив стройную систему родо-племенного общества, помешала возникновению больших политических объединений. Сущность и роль вождей как носителей феодального уклада и в бельгийских владениях не вызывает сомнения. Более того, систематически подкупая вождей, ставя их высоко над народом, отдавая в их руки значительную власть, натравливая одни народы на другие, бельгийцы создали очень прочный, гибкий и преданный низовой аппарат управления. Сила власти прослойки вождей была одной из причин, тормозившей развитие национально-освободительного движения в Конго, одной из причин того, что народы Конго с большим запозданием вступили на путь борьбы за независимость.

Подводя итоги всему сказанному, следует отметить:

1. Ко времени империалистического раздела Африки значительная часть народов континента жила в условиях классового (по-видимому, феодального) общества, развивавшегося здесь с глубокой древности.

2. Та часть Африки, которую населяют отставшие в своем развитии народы, к концу XIX в. также ушла далеко от первобытно-общинного строя. Уровень общественного развития многих из них (а может быть, большинства) можно было бы определить как феодально-патриархальный.

3. Европейцы, разделив Африку, попытались найти социальную опору в африканском обществе. Такой опорой мог стать и стал господствующий слой этого общества — правители государств и небольших территориальных объединений («племен»). И тех, и других колониальная администрация окрестила названием «вожди».

4. Специфические особенности различных систем колониального управления оказали существенное влияние на формы власти этого слоя общества. Сущность же процессов общественного развития осталась неизменной — она заключалась в усилении, укреплении феодального уклада, вызванном сознательной политикой колониальных властей, которые опирались на самые архаические институты, на носителей наиболее отсталых, консервативных отношений в африканском обществе.

5. Развитие капиталистических отношений, формирование рабочего класса, национальной буржуазии и интеллигенции не могут не натолкнуться на упорное сопротивление этой феодальной и феодально-патриархальной верхушки.

6. Характерной особенностью современного момента является то, что борьба африканских народов с собственной феодальной и феодально-патриархальной верхушкой неизбежно переплетается с борьбой за освобождение из-под империалистического ига.

SUMMARY

The present article (published for discussion) deals with one of the pertinent problems of present-day African life — that of the role and social essence of traditional tribal authorities («chiefs») among the African peoples. Basing himself on data extant about several major medieval state formations in Africa, the author maintains that on vast territories of the African continent, the primitive-communal system was superseded by a class society at an early period. The more advanced peoples, who had reached statehood, were in the stage of rising feudalism; those whose social development was relatively retarded, were nevertheless a long way from the primitive-communal system, and towards the close of the 19th century lived in a society which the author defines as feudal-patriarchal.

The basis of the colonial domination of the Europeans in African society was its ruling group — the rulers of states and territorial unions, whom the Europeans called «chiefs». Under the colonial regime this social group has invariably been the bearer of the feudal mode of life, the keeper of the most conservative and archaic elements in African relations and institutions.

The development of capitalist relations and the formation of bourgeois classes among the African people encounters bitter resistance on the part of this feudal and feudal-patriarchal group.

In our time, when the peoples of Africa are fighting for independence and elimination of colonial bondage, this struggle is of necessity intertwined with the internal struggle against the feudal group of African society.

НАРОДЫ МИРА

(ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

Б. В. АНДРИАНОВ, Р. Н. ИСМАГИЛОВА

НАРОДЫ НИГЕРИИ

1 октября 1960 г. Нигерия — бывшее английское владение — получила независимость. Это самая большая по численности населения страна в Африке: в ней живет $\frac{1}{6}$ населения всего африканского континента — около 35 млн. человек. По площади (873,4 тыс. км²) Нигерия в четыре раза больше Англии. Нигерию окружают независимые африканские государства: Дагомея и Нигер на западе и севере, Чад на востоке, Камерун на востоке и юго-востоке. На юге территория страны омывается Гвинейским заливом.

Природные условия Нигерии характеризуются большим разнообразием. С юга на север она простирается от 4 до 14° с. ш. Северная засушливая часть, примыкающая к предсахарским полупустынным районам республики Нигер, покрыта сухими саваннами. Вся центральная область страны, пересекаемая мощной рекой Нигер и ее притоками (Бенуэ и др.), занята типичными саваннами. Здесь располагается обширное плато Баучи, достигающее 2 тыс. м высоты над уровнем океана. Значительная часть территории занята плоскогорьем (высотой от 400 до 600 м). Прибрежные территории Гвинейского залива и берега нижнего течения р. Нигер с многочисленными рукавами и протоками заросли влажными тропическими вечнозелеными лесами, которые теперь в значительной мере вырублены населением. Узкая зона побережья покрыта мангровыми зарослями и сильно заболочена.

Народы Нигерии прошли долгий и сложный путь развития¹. На территории Нигерии существовали высокоразвитые государства задолго до появления европейцев в Африке.

Древнейшая история страны еще совсем не изучена. Однако археологические раскопки в Северной Нигерии, в частности в долине р. Нок свидетельствуют о высокой культуре этих районов Африки уже в первом тысячелетии до нашей эры. В долине р. Нок были найдены каменные и металлические орудия, глиняные сосуды, остатки плавильных печей, бусы и браслеты из кварца и — что особенно важно для истории искусства — терракотовые головы почти в натуральную величину. Памятники этой культуры, получившей название культуры Нок, датируются 900 г. до н. э. — 200 г. н. э.

¹ При написании исторического очерка использованы работы: Д. А. Ольдегрогге, Очерки истории Западного Судана в XV—XIX вв., М.—Л., 1960; его же Древности Бенина, «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XV Л., 1953; S. Johnson, The history of the Yorubas, London, 1921; P. A. Talbot, The peoples of Southern Nigeria, т. I, London, 1926; C. K. Meek, The northern tribes of Nigeria, т. I, London, 1925; S. F. Nadel, A black Byzantium. The Kingdom of Nup in Nigeria, London, 1942; Y. Urvoay, Histoire de l'Empire du Bornu, Paris, 1942; C. R. Niven, A short history of Nigeria, London — New York — Toronto, 1958; его же A short history of the Yoruba peoples, London, 1958; A. Burns, History of Nigeria, London, 1958, и др.

Народы Нигерии с древних времен знали обработку металла. В лесах Южной Нигерии около Этие найдено большое число каменных человеческих фигур. На острове Джебба на р. Нигер при археологических раскопках обнаружены бронзовые фигуры людей и птиц. В некоторых районах, населенных йоруба, были найдены бронзовые статуэтки и головы, настолько реалистичные и совершенные по технике исполнения, что ученые долгое время приписывали их изготовление не африканским мастерам, а египтянам, португальцам, индийцам и т. д. Наиболее замечательные памятники искусства найдены в Бенине. Бенинская бронза пользуется мировой известностью и, по отзывам специалистов, по своему качеству и тщательности обработки намного превосходит бронзовое литье европейских мастеров XV в. Искусство бронзового литья знало большинство народов Гвинейского побережья. Существовало оно и в Нигерии задолго до Бенина. Бенин — лишь наиболее известный центр этого производства². Предполагают, что возникновение бронзового литья в Бенине относится к XIII—XIV вв.

В средние века Бенин был могущественным государством Южной Нигерии. Власть бенинских царей распространялась на огромную территорию к западу от р. Нигер. В XV в., ко времени появления португальцев, здесь существовали большие города, которые вели обширную торговлю с соседними народами. Об этих городах, и, в частности, о Бенине, мы можем судить по описаниям европейских путешественников, которые побывали здесь в XV—XVI вв. Голландский купец Бломмерт, например, посетивший Бенин в XVII в., с удивлением отмечает, что улицы Бенина значительно больше и шире улиц Гаарлема, а дворец бенинских царей почти такой же величины, как амстердамская биржа. Французский путешественник Ландольф, побывавший в Бенине в 1786 г., сравнивает его с наиболее крупными городами Франции того времени.

Примерно в XV в. в средней Нигерии существовало государство Нупе. Создателем его был народ того же названия. Своего расцвета Нупе достигло во второй половине XVIII в., в период правления Маазуна.

Единственным источником для ранней истории йоруба служат устные предания. Они относятся примерно к XII—XIII вв. и носят полупоэтический характер. По ним, однако, можно судить о том, что на территории современной Южной Нигерии существовала довольно развитая культура много веков назад. Мы не знаем, когда появились государства у йоруба. Но в XV—XVI вв. они уже существовали. Первым из известных нам государств йоруба было Ифе. Может быть, некогда власть государства Ифе распространялась на всех йоруба, однако, ко времени появления европейцев в Нигерии существовало уже несколько государств йоруба — Ифе, Эгбе, Ойо и др. Каждое из них представляло собой город с примыкающей к нему небольшой территорией. Это были небольшие феодальные княжества, враждовавшие между собой. О внутреннем устройстве этих государств можно судить по государству Ойо. Во главе этого государства стоял правитель, или царь, как его обычно называют, носивший титул алафина. Он считался старшим среди других царей йоруба. Помимо алафина, существовал «совет семи», который следил за действиями своего правителя и имел право устранить его, если он почему-либо оказывался неудобным. Городами управляли ставленники алафина, им подчинялись начальники кварталов и деревень. Особенностью государств йоруба

² О бенинской бронзе см.: Д. А. Ольдерогге, Древности Бенина, «Сборник тезисов антропологии и этнографии АН СССР», XV, М.—Л., 1953; F. Lushan, Die Werttümer von Benin, Berlin, 1919, т. 1—3.

было участие в управлении женщин. В каждом городе наряду с градоначальником была женщина иялебе (хозяйка улицы) с двумя помощницами. Царь йоруба имел сильную армию, в состав которой входило все боепособное мужское население.

Высокоразвитые государства существовали также в Северной Нигерии у хауса. Время возникновения их также неизвестно. Однако в XVII в. посетивший эти районы берберский путешественник Лев Африканский перечисляет много городов, в которых большого развития достигло производство тканей и торговля. Местные исторические хроники хауса датируют основание отдельных городов VIII—X вв. н. э. В этих городах-государствах хауса (Кано, Кацина, Даура, Гобир, Зария, Рано, Замфара) большого развития достигло рабовладение. В ткацких мастерских, по свидетельству европейских путешественников, работали сотни рабов. Государства хауса вели широкую торговлю тканями и изделиями из кожи не только со странами Западного Судана, но и далеко за его пределами — со странами Магриба, а оттуда хаусанские ткани поступали в страны Европы. В начале XIX в. все города-государства хауса входили в государство Сокото, создателем которого был Осман дан-Фодио, фульбе по происхождению. Несколько позже в восточной части страны возникло другое государство фульбе — Адамава. Вся страна была разделена на округа, во главе которых стояли эмиры, подчиненные султану Сокото.

На северо-востоке Северной Нигерии существовало государство Канем. Его создателями были народы канури. Судя по местным преданиям и историческим хроникам, первые цари появились еще в VIII—IX вв. н. э. В XV в. один из наиболее известных царей государства Канем — Дилалами перенес столицу государства на юг, в страну Борну. С тех пор это государство известно под названием Борну. В XVI в. при Идрисе Алума оно достигло своего наибольшего расцвета.

Все эти государства просуществовали до конца XIX в., когда они были завоеваны Англией.

Первые европейцы (португальцы) появились в Нигерии в XV в. в 1472 г. Вслед за ними пришли англичане, французы, немцы. С этого времени начался самый тяжелый период в истории африканских народов — период работорговли. Работорговля, продолжавшаяся в течение трех веков, принесла неисчислимые бедствия народам Нигерии и оказала огромное влияние на весь ход исторического развития страны.

Начало проникновения английских колонизаторов в Нигерию относится к середине XIX в.: в 1861 г. был объявлен протекторат над Лагосом. Затем начался захват глубинных районов страны. Наиболее сильное сопротивление колонизаторам оказали народы государства йоруба, Бенина и Нупе. Лишь в 1897—1900 гг. были завоеваны Илорин, Ибадан, государство Нупе. В 1897 г. после варварской бомбардировки был захвачен Бенин. Город был сожжен и разграблен, замечательные памятники искусства либо погребены, либо вывезены в Европу. К концу XIX в. вся Нигерия была завоевана англичанами. В 1900 г. существовало три английских протектората — Северный, Южный и Лагос. В 1906 г. произошло объединение Южного протектората и Лагоса, а в 1914 г. были объединены Северный и Южный протектораты и созданы две группы провинций — южная и северная. В 1939 г. южная группа была разделена на западные и восточные провинции. 1 октября 1954 г. Нигерия была объявлена Федерацией, состоящей из трех частей — Западной, Северной и Восточной, федеральной территории Лагоса и Южного Камеруна. Рост национально-освободительной борьбы народов Нигерии заставил английское правительство пойти на предоставление им независимости.

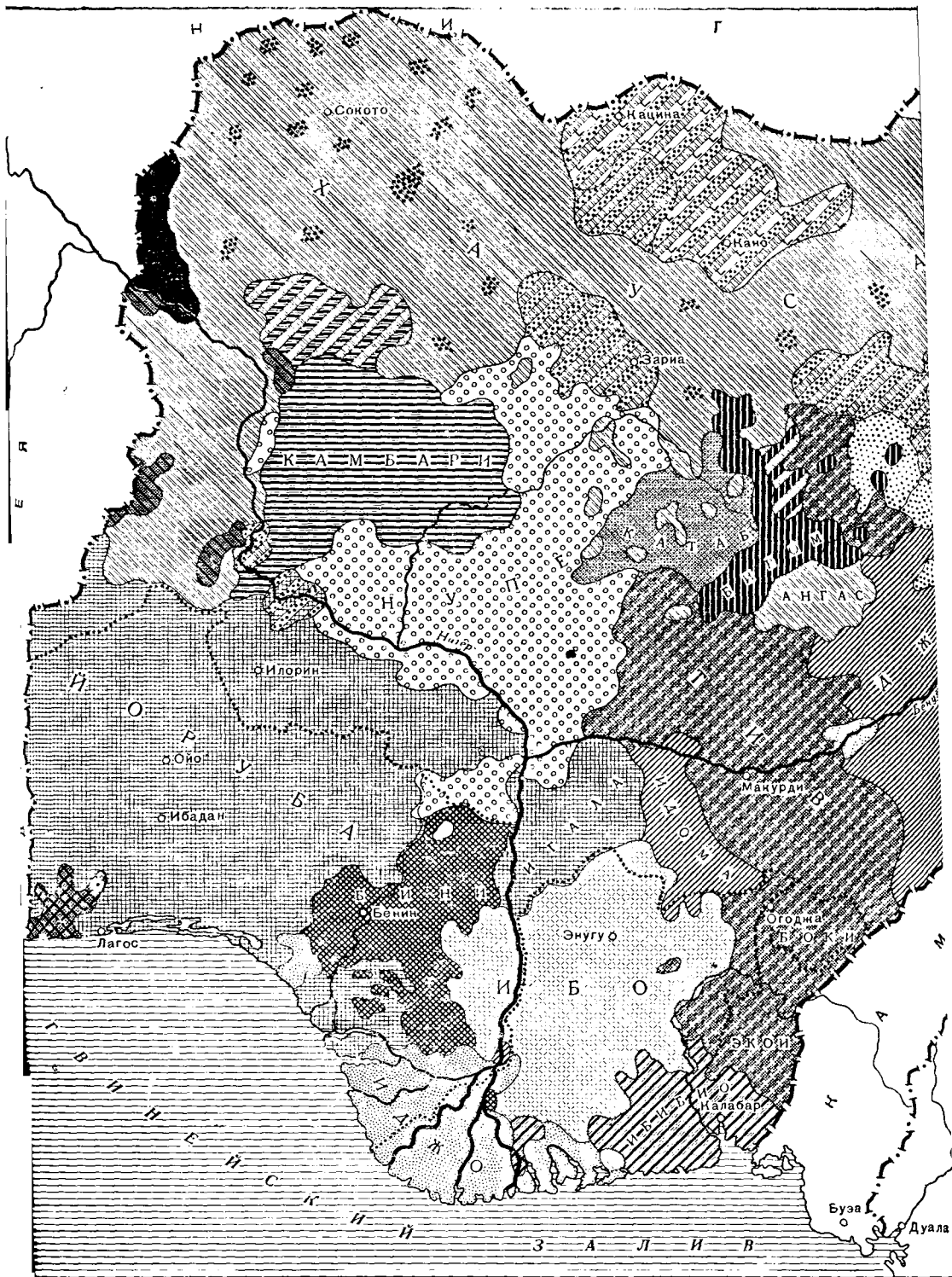
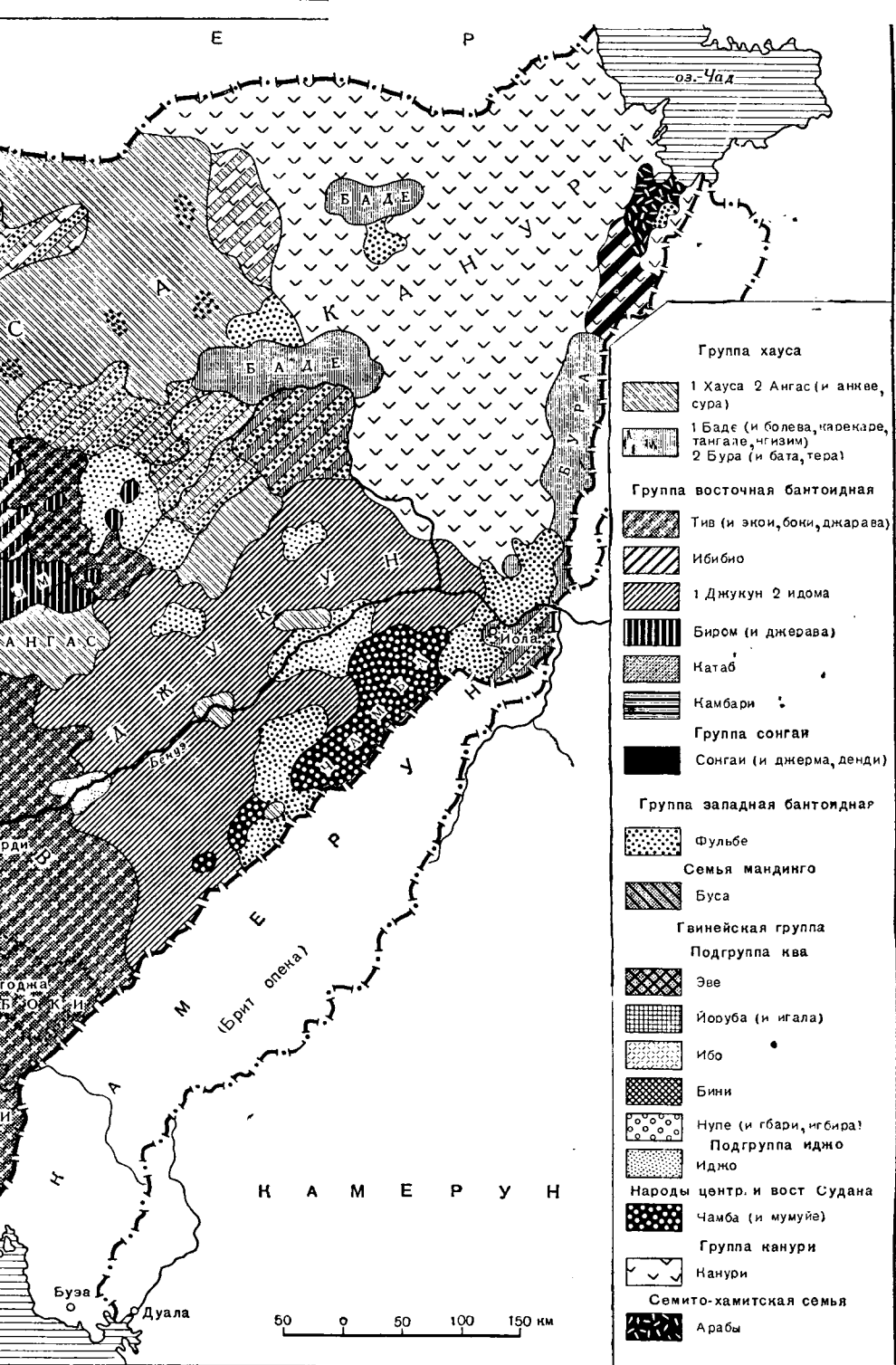

Рис. 1. Этническая карта Нигерии

Источники: Н. Baumann, R. Thurnwald, D. Westermann, Völkerkunde von Afrika, Ess
5; P. A. Talbot, The peoples of Southern Nigeria, т. IV, London, 1925; D. Forde, G. I. Jones. 1
w York — Toronto, 1950; D. Forde, The Yoruba-speaking peoples of South-Western Nigeria, London
don, 1953; L. Bohannan, P. Bohannan, The Tiv of Central Nigeria, London, 1953; «Peoples
in Kingdom and the Edo-speaking peoples of South-Western Nigeria, London, 1957; M. G. Smith,
an and M. A. Bryan, Languages of West Africa, London — New York, 1952; A. H. Tucker and M. A
ent on the non-bantu languages of Southern Africa, by E. O. I. Westphal, London — New York,
Occidentale Française et du Togo, Dak

Этническая карта Нигерии

Hande von Afrika, Essen, 1940; C. K. Meek, The northern tribes of Nigeria, 2 тома, London, 1940; G. I. Jones. The Ibo and Ibibio-speaking peoples of South-Eastern Nigeria, London, 1951; H. D. Gunn, Peoples of the plateau area of Northern Nigeria, London, 1951; «Peoples of the Niger Benue confluence», London, 1955; R. E. Bradbury, The Niger Benue confluence, London, 1957; M. G. Smith. The Economy of Hausa communities of Zaria, London, 1955; D. Westermann, The non-bantu languages of North-Eastern Africa. With a supplement by M. A. Bryan, London—New York, 1956; Laverigne de Tressan, Inventaire linguistique de l'Afrique française et du Togo, Dakar, 1953.

* *

*

В Нигерии живут различные африканские народы, которые отличаются друг от друга по языку, культуре, образу жизни, религиозным верованиям³, историческому развитию и т. д. Наиболее крупные из народов Нигерии — хауса, фульбе, ибо, йоруба, канури. Неафриканское население незначительно — англичане, сирийцы и др. составляют примерно 20 тыс. чел.

Хауса насчитывают 7,2 млн. чел.⁴. Близки хауса народы ан-гас⁵ (и анкве, сура) — 220 тыс. чел., баде (и болева, карекаре, тангале)⁶ — 285 тыс. чел., бура⁷ (и бата⁸, тера) — 275 тыс. чел. Хауса уже давно сложились в самостоятельную народность. Их самоназвание — хаусаава. Соседний народ канури называет их афуно. Подавляющее большинство хауса расселены в северном районе Нигерии (провинции Кано, Сокото, Зария, Баучи и др.) и в прилегающих к Нигерии областях Республики Нигер. Отдельные поселения хауса встречаются в Дагомее, Того, на севере Ганы, в Камеруне и Чад, а также в ряде крупных городских центров Северной Африки.

Этническое ядро народности хауса составляют хауса-боквои⁹. Это население старинных городских центров страны хауса — Кано, Гобира, Рано, Зарии, Дауры, Кацины и Бирам. В настоящее время хауса широко расселены почти по всей Нигерии. По данным переписи 1952—1953 гг., численность хауса по отдельным провинциям в тыс. чел. была следующая¹⁰:

Северная Нигерия		Западная Нигерия		Восточная Нигерия	
Адамауа	30	Абеокута	7	Калабар	1
Баучи	299	Бенин	2	Огоджа	2
Бенуэ	49	Дельта	1	Онитша	6
Бэрну	84	Иджебу	4	Оверри	1
Илорин	9	Ибадан	11	Риверс	1
Кабба	8	Колония	4		
Кано	2135	Ондо	7	Итого	
Кацина	797	Ойо	5		11
Нигер	118	Лагос	4		
Плато	222				
Сокото	2120				
Зария	478				
Итого 6349		Итого 45			

Всего по Нигерии 6405

Хауса говорят на языке, близком к языкам семито-хамитской семьи¹¹; в то же время в языке хауса есть некоторые общие черты с

³ По данным переписи 1952—1953 гг. в Нигерии насчитывалось 13 316 тыс. мусульман, 6360 тыс. христиан, 9772 тыс. чел. придерживались традиционных верований и культур.

⁴ Численность народов приводится на середину 1958 г.

⁵ Ангас (самоназвание — керанг) населяют район Панкшин (провинция Плато).

⁶ К баде относятся также нгизим, нгамо и канакуру (см. D. Westermann, M. A. B. Languages of West Africa, Handbook of African languages, ч. II, London, 1952, стр. 163).

⁷ Бура объединяет бура, марги, килба и майя (там же, стр. 153).

⁸ Бата объединяет племена муби (или шеке), капсики, холма и др. (см. там же, стр. 155).

⁹ Д. А. Ольдерогге. Происхождение народов центрального Судана (из древнейшей истории языков группы хауса — котоко). «Сов. этнография», 1952, № 2, стр. 24.

¹⁰ При публикации переписи Нигерии 1952—1953 гг. к прочим был отнесен ряд мелких этнических групп, родственных хауса. В данной таблице их численность была учтена на основании подробного списка племен и народов Северной Нигерии из материалов переписи 1921 г. (см. С. К. Меек. The northern tribes of Nigeria, т. II, London, 1925).

¹¹ На этом основании Д. А. Ольдерогге, так же как и Дж. Гринберг, относит языки хауса к семито-хамитским языкам.

бантоидными языками. Язык хауса занимает в известной степени промежуточное положение между этими крупными лингвистическими группами. Еще в средние века язык хауса был широко распространен как торговый среди соседних народов. В настоящее время число говорящих на этом языке составляет не менее 12—15 млн. чел.

В Северной Нигерии, в провинциях Сокото, Кацина и др., населенных хауса, живут также фульбе (свыше 3,4 млн. чел.). Язык фульбе лингвисты относят к группе западнобантоидных языков¹². По своему антропологическому типу кочевые фульбе резко отличаются от окружающих их народов: сухощавое телосложение, светлый красноватый цвет кожи, узкое лицо, тонкий нос. В науке существует предположение, что в формировании антропологического типа фульбе принимали участие арабы и берберы Судана и Сахары. Происхождение фульбе до сих пор не выяснено; по этому вопросу существует огромное количество всевозможных гипотез, иногда фантастического характера. Родиной фульбе называют Египет, Арабский полуостров, Кавказ, Индию и т. д. Как бы то ни было, на территории Нигерии фульбе впервые появились примерно в XV в. В настоящее время только небольшая часть фульбе продолжает кочевой образ жизни (так называемые фульбе-бороро), некоторые группы сочетают молочное скотоводство и земледелие (фульбе-агвай), большинство, однако, осело и стало заниматься земледелием (оседлые фульбе, или филанен-гида)¹³. Оседлые, или «домашние фульбе», как называют их хауса, в значительной степени смешались с хауса, восприняли их язык, не утратив при этом свой родной. Фульбе, как и хауса, исповедуют ислам.

Восточнее хауса — в Борну и на берегах оз. Чад — живут канури (свыше 1,5 млн. чел.). Хауса называют их бери-бери. Происхождение названия канури некоторые исследователи связывают с государством Канем (kanem-gi)¹⁴. Язык канури сильно отличается от всех остальных суданских языков и выделяется лингвистами в особую группу¹⁵, которая объединяет язык канури и родственные языки обитателей Тибести — тубу (или тиббу), языки тедага и дазага, а также язык загава¹⁶. Племена канури переселились в эти области еще в первой половине I тысячелетия н. э. из Восточного Судана, оттеснив хауса к западу. Они осели на берегах оз. Чад и в VIII—IX вв. создали государство Канем.

На границе с Камеруном к востоку от Майдугури живут арабы, которые проникли в Чадскую низменность из Восточного Судана. Они насчитывают немногим более 30 тыс. чел. Южнее арабов живут племена скотоводов чамба и мумие общей численностью в 330 тыс. чел.

В южной части Нигерии, по среднему и нижнему течению р. Нигер, где сухие саванны сменяются высокотравными, и в зоне тропических лесов живут народы, говорящие на языках гвинейской группы (языковая подгруппа ква). На языках этой группы говорят также народы, населяющие Гвинейское побережье от Берега Слоновой Кости до Ни-

¹² Язык фульбе — фульфульде одно время относился лингвистами к семито-хамитским языкам. Основанием для этого послужила гипотеза немецкого лингвиста К. Мейнхофа о древнем протохамитском происхождении языка фульбе (см.: Д. А. Ольдерогге, Хамитская проблема в африканистике, «Сов. этнография», 1949, № 3). Однако, как доказали М. Делафосс, Дж. Гринберг и Д. Вестерманны, язык фульбе тесно связан с другими языками западной бантоидной группы (см.: M. Delafosse, *Les classes nominales en Wolof*, «Festschrift Meinhof», Hamburg, 1927; J. Greenberg, *Studies in african linguistic classification. The classification of Fulani*, «Southwestern journal of Anthropology», 1949, № 3, D. Westermann, M. Bryan, *Languages of West Africa*, London — New York, 1952).

¹³ M. C. Smith, *The economy of Hausa communities of Zaria*, London, 1955.

¹⁴ A. N. Tucker, M. A. Bryan, *The non-bantu languages of North-Eastern Africa*, London, 1956, стр. 46.

¹⁵ «Народы Африки», М., 1954, стр. 106; Дж. Гринберг называет эту группу «центрально-сахарской» (см.: «Southwestern journal of Anthropology», т. X, № 4, 1954).

¹⁶ A. N. Tucker, M. A. Bryan, *Указ соч.*

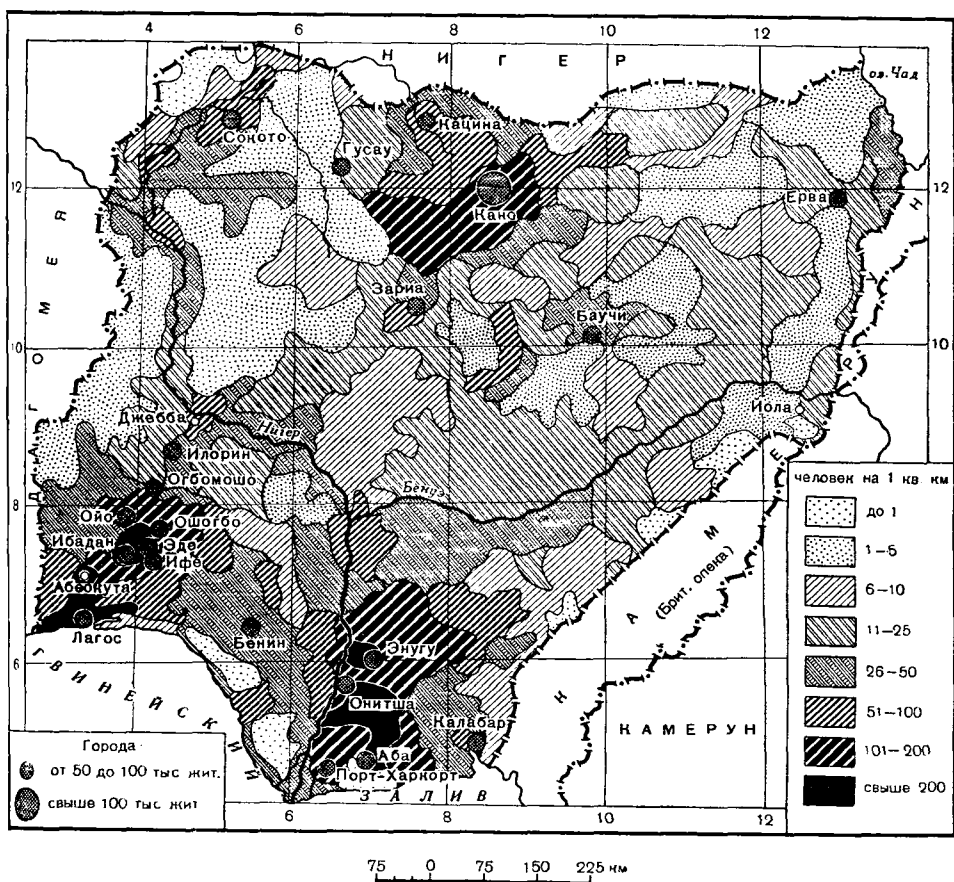

Рис. 2. Карта плотности населения Нигерии

гении. Наиболее многочисленные народы подгруппы ква — йоруба, ибо, бини и нупе.

Йоруба (6 млн. чел.) населяют Западную Нигерию — провинции Ибадан, Ондо, Ойо, Абеокута, Иджебу. Более 500 тыс. йоруба живут в Северной Нигерии, преимущественно в провинции Илорин. Общая численность и бо более 6 млн. чел. Основная этническая территория ибо расположена в Восточной Нигерии — провинции Онитша, Оверри и отчасти Огоджа. Более 300 тыс. ибо живут в Западной Нигерии в провинции Дельта. **Бини** (более 1,2 млн. чел.) населяют провинцию Беннин в Западной Нигерии. **Нупе**, вместе с родственными им народами **ибари** и **игбира** насчитывающие 922 тыс. чел., населяют среднюю часть страны по обоим берегам р. Кадуна в районе впадения ее в р. Нигер. Условно к гвинейской группе относят также **иджо** (475 тыс. чел.), живущих в дельте р. Нигер.

Юго-восточную и отчасти центральную Нигерию населяют народы, говорящие на языках восточной бантоидной группы. К ним относятся **тив**, **ибибьо**, **джукун**, **биром** и др. **Тив**, составляющие вместе с близкими им племенами 1,8 млн. чел., живут по среднему течению р. Бенуэ, в провинции того же названия. Небольшое число **тив мы** находим также в провинциях Борну, Адамауа, Плато, Огоджа и др. **Ибибио** и родственные им племена насчитывают более 1,5 млн. чел. Они живут в основном в провинциях Калабар, Оверри и Риверс. **Ибибио** широко расселены почти по всей стране: их можно встретить во многих районах Северной, Западной и Восточной Нигерии.

Таблица 1

Народы	Численность в тыс. чел.						По Нигерии в целом на среднюю 1958 г.
	Северная Нигерия		Западная Нигерия		Восточная Нигерия		
	1952	1958	1952	1958	1953	1958	
Группа хауса							
Хауса	6349	7140	45	50	11	12	7200
Ангас (и анкве, сура)	200	220	—	—	—	—	220
Баде (и болева, карекаре, тангале, нгизим)	255	285	—	—	—	—	285
Бура (и бата, тера)	247	275	—	—	—	—	275
Итого	7051	7920	45	50	11	12	7980
Группа восточная бантоидная							
Тив (и экон, боки, джарава)	1164	1300	3	3	505	550	1853
Ибибио	13	14	7	6	1410	1570	1590
Джукун (и идома)	598	660	—	—	—	—	660
Биром (и джерава)	329	370	—	—	—	—	370
Катаб	111	120	—	—	—	—	120
Камбари	265	295	—	—	—	—	295
Бареше	20	21	—	—	—	—	21
Итого	2500	2780	10	9	1915	2120	4900
Группа сонгаи							
Сонгаи (и джерма, денди)	50	55	—	—	—	—	55
Группа западная бантоидная							
Фульбе	3061	3400	9	10	2	2	3412
Семья мандинго							
Буса	25	26	—	—	—	—	26
Гвинейская группа							
Подгруппа ква							
Эве (и фон)	—	—	88	100	—	—	188
Йоруба	746	835	4610	5150	11	15	6000
Ибо	167	190	414	460	4935	5400	6050
Бини	62	65	1050	1140	4	5	1210
Нупе (и гбари, игбира)	805	900	19	20	2	2	922
Итого	1780	1990	6181	6870	4952	5422	14280
Подгруппа иджо							
Иджо	—	—	100	115	330	360	475
Народы Центрального и Восточного Судана							
Чамба	295	330	—	—	—	—	330
Группа канури							
Канури	1348	1500	1	1	2	2	1500
Семито-хамитская семья							
Арабы	30	31	—	—	—	—	31
Индоевропейская семья							
Англичане	4	5	6	10	3	5	24
Прочие	9	6	8	8	5	4	18
Всего	16 153	18 043	6360	7073	7220	7927	33 040

Для характеристики этнического состава населения Нигерии и составления таблицы 1 нами приняты за основу данные переписи 1952—1953 гг., но в отдельных случаях (при определении численности хауса, ив и др.) в эти данные внесены поправки в сторону увеличения за счет племен, попавших при публикации переписи в разряд прочих.

Население распределено по территории Нигерии неравномерно. Средняя плотность по стране достигает 38 чел. на 1 км². Наиболее густо заселены низовья р. Нигера, где плотность во многих районах превышает 200 чел. на 1 км², а также прибрежная равнина между Лагосом и Абекутой. Во внутренних областях страны повышенной плотностью населения отличаются окрестности Кано, Кацины и Сокото.

Большая часть народов Нигерии живет в сельских местностях. Однако в некоторых районах — в Западной Нигерии у йоруба, на севере хауса — издавна существуют большие города, и процент городского населения всегда был очень высоким. В дистрикте Ибадан, например, почти 68% всего населения живет в городах, в Ойо — 64%, в дистрикте Иджебу — 40% и т. д.

В сельских местностях существуют различные типы поселений — иногда это деревни, тянущиеся на большие расстояния, иногда это мелкие поселения типа хуторов, как, например, в Среднем поясе. Различен и тип жилища. В зависимости от имеющихся строительных материалов дома строят из дерева, глины и т. д. В южных лесных районах, например у йоруба, дома прямоугольные в плане, с двускатной крышей, покрытой пальмовыми листьями. Стены домов сооружают из жердей и обмазывают глиной. У нупе, тив и других народов хижины небольшие, круглые в плане, строятся из жердей, которые затем обмазывают глиной. Крыша конусообразная, крытая соломой или травой. У хауса дома из глины, либо круглые в плане, с соломенной крышей, либо прямоугольные в плане, с плоской обмазанной глиной крышей.

* *
*

Основное занятие местного населения — земледелие. Нигерия — слабо развитая аграрная страна, и продукция сельского хозяйства составляет почти 90% всего вывоза страны по стоимости. Главными продовольственными культурами в зоне влажнотропических лесов и травянистых саванн Восточной и Западной Нигерии являются крахмалосодержащие корнеплоды — ямс, кассава и батат; в северных более засушливых районах распространены зерновые культуры: сорго, просо, пшеница и ячмень. В экономике страны большое значение имеют экспортные культуры — какао в Западной Нигерии, земляной орех и хлопок в Северной Нигерии и масличная пальма в Восточной Нигерии.

Нигерия занимает первое место в мире по производству и экспорту пальмовых ядер, третье место после Ганы и Бразилии — по производству какао (на Нигерию приходится 15% мирового производства какао). По производству земляного ореха (арахиса) Нигерия занимает четвертое место, а по экспорту — второе место в мире.

Таблица на стр. 117 дает представление о том, как распределялись в 1956—1957 гг. сельскохозяйственная продукция и площади, занятые под различными культурами¹⁷.

В отличие от многих стран Тропической Африки (Кения, Конго, Мозамбик и др.), в Нигерии почти отсутствуют крупные плантационные хозяйства, и мелкое крестьянское хозяйство является основой сельскохозяйственного производства.

¹⁷ «The Commonwealth yearbook», 1959, стр. 740; «Food and Agriculture Organisation, Production yearbook», 1958, стр. 11.

Земледелие ведется старыми, подчас примитивными способами. Преобладает переложная система полеводства. Основной производитель сельскохозяйственных культур — африканский крестьянин. В конце периода дождей крестьянин расчищает участок земли, срубает деревья и кустарники, оставляя лишь наиболее ценные и нужные для хозяйства.

Культура	Площадь, тыс. га	Продукция, тыс. т
Сорго	1592	1749
Ямс	1215	9315
Просо	1207	943
Кассава	948	10 263
Земляные орехи	800	1300
Кукуруза	707	622
Хлопок	372	136
Рис	165	244
Батат	69	173

Через несколько недель кусты и деревья сжигают, участок вскапывают мотыгой (плуг применяется реже) и засевают. Такой участок используется в течение нескольких лет, затем забрасывается и расчищается новый. В зависимости от условий участки могут быть под паром от двух до десяти лет и более. Теперь, когда все меньше остается незанятых участков, этот период сокращается до минимума, поэтому земля постепенно истощается и урожайность падает. Особенно острый

недостаток в земле существует на территориях, населенных ибо и тив. Часто на одном и том же участке сажают по несколько культур — ямс попеременно с хлопком, кукурузу с различными овощами, просо и сорго вместе с земляным орехом и т. д. В качестве удобрения применяют обычно навоз.

У народов, населяющих возвышенные районы Северной Нигерии, широкое развитие получило террасовое земледелие. Земельные участки здесь, как правило, крохотные, так как плодородной земли чрезвычайно мало, и поэтому владельцы их делают все возможное, чтобы получить с них хороший урожай: сооружают искусственные земляные террасы, применяют в качестве удобрений золу, навоз и фекалии. Соблюдается строгое чередование культур: например, в первый год сажают сорго, на следующий — бобовые, на третий — просо и бобовые. Такой участок может плодоносить в течение десяти лет. После этого участок оставляют под паром на два года, а затем удобряют и в течение двух-трех лет сажают на нем так называемый тигровый орех. Эти мероприятия восстанавливают плодородие почв. Такая система земледелия получила значительное развитие в период работорговли, когда отдельные группы населения, спасаясь от работорговцев, бежали в горные районы. В настоящее время многие из них переселяются в равнинные области и переходят к традиционной переложной системе земледелия.

В районах, прилегающих к большим городам, чрезвычайно развито огородничество. В районе Кано, например, где плотность населения доходит до 200 чел. на 1 км², земельные участки, как правило, не превышают 1,2—1,6 га. Крестьянин-хауса примерно половину своего участка засекает сорго или просом, а на остальной земле сажает земляной орех, кассаву, сахарный тростник, бататы и т. д. В этих районах земледелие издавна было весьма развито. Крестьяне в широких масштабах применяют ирригацию и используют удобрения, разрешая скотоводам-фульбе пасти свои стада на полях после снятия урожая.

Продукты земледелия играют главную роль в пищевом рационе подавляющего большинства народов Нигерии. У ибо и йоруба большое место в питании занимают корнеплоды, а также овощи, рис, бананы. Из бананов готовят множество самых разных блюд — их едят вареными, печеными, жареными и т. д. У народов, живущих по берегам рек, у эфик, например, и отчасти у ибо, в пищу употребляется рыба. Национальное блюдо — жидкая просяная каша — называется фура. Из риса, сорго, а у йоруба и ибо — из ямса варят кашу и едят ее с острыми приправами, в которые кладут много помидоров, чеснока и т. д. Из пшеничной или кукурузной муки пекут лепешки. Земляные орехи

дят сырыми или жареными, из них делают масло, которое идет на приготовление различных блюд.

В Северной Нигерии наряду с земледелием большую роль играет и скотоводство. В остальных районах Нигерии разведение крупного рогатого скота невозможно из-за распространения мухи цеце, укусы которой смертельны для скота. В 1956—1957 гг. в Нигерии насчитывалось 6 млн. голов крупного рогатого скота, 7,5 млн. коз, 3 млн. овец, 12 тыс. лошадей, около 1 млн. ослов, 220 тыс. свиней¹⁸. Около 90% всего поголовья скота приходится на Северную Нигерию. Занимаются скотоводством главным образом фульбе; им принадлежит около 95% крупного рогатого скота Северной Нигерии. У хауса же преобладает мелкий рогатый скот — овцы и козы. Есть также лошади и верблюды, но они принадлежат обычно эмирам, вождям и богатым людям. В поисках лучших пастбищ кочевые фульбе постоянно перемещаются со своими тадами. Обычно группа из десяти-двенадцати семей со стадом в 20—40 голов крупного рогатого скота в засушливое время года направляется в долины рек и в другие места, где есть вода. Продукты скотоводства играют значительную роль в экономике Нигерии: большое количество кож и шкур идет на экспорт, либо на нужды местной кожевенной промышленности, молочные продукты поступают в города, мясо потребляется населением Западной и Восточной Нигерии, в которых скотоводство невозможно из-за мухи цеце. Молочная промышленность получила развитие лишь с начала второй мировой войны. В Среднем поясе из молока, собираемого у фульбе, выделяется масло и сыр. Самый большой маслобойный завод находится в Вом, в провинции Плато. Эта провинция имеет исключительные возможности для развития молочной промышленности — прекрасные пастбища, большое поголовье скота, хорошо развитую транспортную систему и может со временем стать главным производителем молочных продуктов для всей Западной Африки.

У народов Нигерии, как и у других народов Африки, существует определенное строгое разделение труда по полу. Мужчина выполняет обычно все трудоемкие работы, связанные с подготовкой поля для посадки. Женщины сажают, полют, окучивают и т. д. Однако некоторые культуры, например ямс у ибибио и в некоторых районах ибо, считаются мужскими и их сажают только мужчины. У йоруба мужчина выполняет все полевые работы. Урожай, как правило, снимают вместе, но относят домой в корзинах или мешках женщины. При сборе плодов дикорастущей масличной пальмы мужчины сбивают орехи, женщины и дети собирают их и относят к месту переработки; пальмовое масло обычно делают женщины. Женщины выполняют также различные домашние работы, связанные с приготовлением пищи, уборкой хижин и т. д. Большую роль, как и повсюду в Западной Африке, женщины играют в торговле: мелкая розничная торговля в городах и поселках — их монополия.

Мужчины, чтобы прокормить семью и заработать средства для покупки необходимых вещей, уходят в города и на рудники, либо нанимаются в качестве сельскохозяйственных рабочих к крупным африканским фермерам. Особенно широко развито отходничество в Восточной Нигерии, где из-за высокой плотности населения очень острый земельный вопрос. В городах они работают на различных предприятиях обрабатывающей промышленности — на консервных фабриках, маслобойных и сахарных заводах, на предприятиях текстильной и кожевенной промышленности. Немало африканцев занято в горнодобывающей промышленности — на оловянных рудниках Джоса, угольных копях в Энугу и т. д. Нигерия богата различными полезными ископаемыми — открыты уголь, вольфрам, колумбит, нефть, цинк, свинец, золото, медь, уран, никель и т. д. Нигерия занимает первое место в мире по добыче ниобие-

¹⁸ «The Commonwealth yearbook», 1959, стр. 740.

вой руды и шестое место по добыче олова. В 1958 г. было добыто 925 тыс. т угля, 245 тыс. т нефти, 8,4 тыс. т олова, 806 т колумбита¹⁹.

Общее число работающих по найму африканцев составляло в 1958 г. 478,3 тыс. человек, из них 26% работало в различных государственных учреждениях, 26% было занято на строительстве, 9% — в торговле, 11% — в горнодобывающей промышленности, 9,5% — на транспорте, 9% — в сельском хозяйстве, 6,6% — в обрабатывающей промышленности²⁰. Таким образом, более половины всех работающих по найму нигерийцев занято в горной и обрабатывающей промышленности, на транспорте, строительных работах и на электростанциях. Все эти специальности — новые для народов Нигерии. Однако до сих пор не утратили своего значения и традиционные кустарные промыслы. Кожевенное производство, ткачество и окраска тканей достигли большого развития в районах, заселенных хауса. Самым крупным центром изготовления и окраски тканей был и остается город Кано в Северной Нигерии. Из кожи выделывают обувь, сумки, седла, мешки для перевозок грузов и многое другое. Народы Западной и Восточной Нигерии — замечательные резчики по дереву и слоновой кости. В восточной Нигерии у ибо и других народов широко распространена резьба по дереву. Резьбой украшают двери, стулья, ложки и другие бытовые предметы. Большой реалистичностью и высоким художественным мастерством отличается деревянная скульптура йоруба. Многие народы Нигерии занимаются гончарством, плетением корзин, циновок, изготовлением украшений и т. д. Особенно слава в этом отношении нупе.

Уровень общественного развития народов Нигерии различен. У некоторых народов (хауса, йоруба) еще задолго до английской колонизации были развиты феодальные отношения и существовали сильные государства, у других народов (ибо) сохранялись весьма значительные остатки первобытно-общинного строя. За последние десятилетия произошли большие изменения в социальной структуре нигерийского общества. Развитие капиталистических отношений привело к образованию рабочего класса, национальной буржуазии и национальной интеллигенции. Тем не менее в современной Нигерии (это относится в первую очередь к нигерийской деревне) наблюдается чрезвычайно сложное переплетение патриархально-родовых, феодальных и развивающихся капиталистических отношений.

Народы Нигерии завоевали свою независимость в упорной борьбе против английских колонизаторов. Эта борьба принимала различные формы — от отказа платить налоги и расправы с ненавистными чиновниками администрации до экономических забастовок и т. д.

Различные классы и слои нигерийского населения в разной степени испытывали на себе тяготы колониального режима. У них были разные интересы, они принадлежали к разным народам, говорили на разных языках, у них были различные религиозные верования, но у них был один общий враг — английские колонизаторы, и в борьбе против этого общего врага нигерийцы действовали вместе. Передовые люди Нигерии всегда понимали, что сила движения в единстве, и всемерно способствовали созданию этого единства. Большую роль в объединении различных сил сыграли политические и национальные партии и организации. Первая политическая партия Нигерии — «Национально-демократическая партия» — возникла еще в 1922 г. Она стремилась к достижению независимости в рамках Британской империи. В 30-е годы широкое разви-

¹⁹ «Federation of Nigeria. Digest of statistics», Lagos, 1959, т. 8, № 3, стр. 73.

²⁰ Там же, 1960, № 1, стр. 81.

в Нигерии получили молодежные организации. В 1933 г. было создано «Движение молодежи Лагоса», позже переименованное в «Движение нигерийской молодежи». Эта организация ставила перед собой задачу объединения различных народов и племен в борьбе за независимость. Единая Нигерия — таков был лозунг. Основная цель «Движения нигерийской молодежи», — говорилось в «Молодежной хартии», принятой в 1938 г., — создание единой нигерийской нации из конгломерата населяющих Нигерию народов. «Мы будем поддерживать все силы, которые будут способствовать созданию атмосферы понимания и чувства общей национальной принадлежности различных народов страны»²¹. В эти годы в Нигерии существовало большое число мелких организаций и политических групп, деятельность которых, как правило, не выходила за пределы муниципальных границ. С целью объединения всех этих организаций в 1942 г. была создана «Группа реконструкции Нигерии». Однако она была очень малочисленной и не сыграла сколько-нибудь большой роли в национально-освободительном движении. Особенно большого подъема национально-освободительное движение народов Нигерии достигло после второй мировой войны. Национальные организации и партии, созданные в годы войны, — «Национальный совет Нигерии и Камеруна», «Союз прогрессивных элементов Севера», «Группа действия» и др. — начинают играть все более активную роль. «Национальный совет Нигерии и Камеруна» (НСНК), созданный в августе 1944 г., объединил вскоре более 180 различных политических, общественных, профессиональных, культурных, спортивных, жейских, молодежных и других организаций. Создание «Национального совета Нигерии и Камеруна» знаменовало собой новый этап в борьбе за независимость: впервые был создан единый национальный фронт. С первых же дней своего существования «Национальный совет Нигерии и Камеруна» повел решительную борьбу против колониального статуса Нигерии. Он решительно выступал против действовавшей в то время конституции Ричардса, против колониального законодательства и т. д.

Росло и крепло в годы после второй мировой войны рабочее движение в Нигерии. Рабочие создают свои собственные организации. Если в 1940 г. насчитывалось 12 профессиональных организаций с 4,4 тыс. членов, то в 1946 г. их было уже 100 (53 тыс. членов), а в 1957 г. — 278 (198 тыс. членов)²². В 1942 г. был создан единый профсоюзный центр — «Объединенный профсоюз Нигерии»; в июле 1943 г. он был переименован в «Конгресс профсоюзов Нигерии». Конгресс объединил большинство рабочих организаций. 22 июля 1945 г. произошла первая в истории Нигерии всеобщая забастовка. В ней приняли участие рабочие и служащие государственных, муниципальных, частных и транспортных предприятий страны. Точную численность забастовщиков установить трудно, так как приводимые данные очень противоречивы. Ясно, однако, что число их достигало нескольких десятков тысяч человек. Забастовка продолжалась полтора месяца. Вся деловая жизнь была парализована. В стране было введено чрезвычайное положение, многие газеты закрыты, участники забастовки арестованы. Всеобщая забастовка 1945 г. сыграла огромную роль в рабочем движении, она способствовала росту организованности рабочего класса и укреплению профессиональных организаций. В ноябре 1949 г. произошла забастовка угольщиков в Энугу. Жестокая расправа английских властей с участниками забастовки (по официальным данным было убито 18 и ранено 31 человек) способствовала еще большей активизации рабочего движения. Рабочий класс становится передовым отрядом освободительного движения.

²¹ N. Azikiwe, The development of political parties in Nigeria, London, 1957, стр. 7.

²² «African Labour Survey», Geneva, 1958, стр. 232; C. Coleman, Nigeria. Background to African nationalism, London, 1958, стр. 258; «United Nations. Special study on social conditions in the non-selfgoverning territories», New York, 1956, стр. 44.

В этих условиях колониальные власти делают все, чтобы расколоть единый антиимпериалистический фронт. Многочисленные профсоюзные советники — представители желтых профсоюзов — ведут подрывную работу внутри рабочих организаций. Результатом подрывной деятельности явился выход осенью 1948 г. из «Национального совета Нигерии и Камеруна» и отказ от политической борьбы Конгресса профсоюзов Нигерии. Выход такой крупной организации, объединявшей большое число профсоюзов, не мог не ослабить антиимпериалистический фронт борьбы.

В июне 1951 г. вступила в силу новая конституция Нигерии, названная по имени тогдашнего губернатора конституцией Макферсона. Страна была разделена на три административных района — Северный, Восточный и Западный. В каждом из них были созданы свои органы власти, получившие широкие права в решении вопросов местного управления. Нигерия превратилась в федерацию трех «государств»; наряду с центральным парламентом и правительством были созданы три региональных парламента и три правительства. Таким путем английские власти старались расколоть движение, направить его в русло межнациональной, межрайонной борьбы. В известной степени эти надежды оправдались: положение в Нигерии все эти годы было чрезвычайно сложным и трудным. Английским колонизаторам удалось создать весьма напряженные отношения между руководящими партиями Западной и Восточной Нигерии и «Народным конгрессом Севера», выражавшим интересы наиболее консервативных феодальных кругов. И, когда народы Восточной и Западной Нигерии потребовали предоставления независимости Нигерии в 1956 г., они не только не нашли поддержки у «Народного конгресса Севера», но встретили упорное сопротивление со стороны последнего. В качестве основного возражения приводился довод, что якобы население Северной Нигерии еще не подготовлено к самоуправлению. Благодаря таким раскольническим действиям феодальных кругов Северной Нигерии предоставление стране независимости было оттянуто на несколько лет.

Английские власти в Нигерии, умело используя национальные и религиозные различия, всячески разжигали племенную рознь между различными народами, поддерживали отдельные узкоплеменные партии организации и группировки. Но несмотря на эту политику английских властей, народы Нигерии сумели объединить свои силы. По инициативе «Национального совета Нигерии и Камеруна» развернулась кампания за восстановление общенигерийского национально-освободительного движения под лозунгом: «Одна страна, одна судьба, одна конституция». Под мощным нажимом народных масс Нигерии правительство Англии вынуждено было идти на уступки: в середине 1957 г. было предоставлено местное самоуправление Восточной и Западной Нигерии, в марте 1959 г. самоуправление получила Северная Нигерия. На конституционной конференции, открывшейся 29 сентября 1958 г. в Лондоне, была наконец, установлена точная дата предоставления Нигерии независимости — 1 октября 1960 г.

Борьба народов Нигерии увенчалась успехом. Однако на пути достижения подлинной национальной независимости стоят еще огромные трудности. Политическая независимость — лишь первый, хотя и очень важный шаг на пути завоевания фактической независимости. Шестидесятилетнее хозяйничанье английских колонизаторов оставило тяжело наследство и в области экономического, и в области культурного развития. Но, опираясь на поддержку всех миролюбивых сил и в первую очередь независимых африканских государств, народы Нигерии сумеют преодолеть это наследие колониального режима и добиться экономической самостоятельности.

В. Н. ВОЛОГДИНА

РЕСПУБЛИКА ТОГО

В апреле 1960 г. на африканском континенте появилось новое независимое государство — республика Того. Это историческое событие — замечательный результат национально-освободительной борьбы народов южной части Того, которая до недавнего времени состояла под французской «опекой».

Республика Того находится на западном побережье Африки. Ее территория равна 55 тыс. км², население — 1 100 тыс. чел.

Того расположено в тропической области, в основном в зоне саванн. Географически его можно разделить на три части: а) узкую, песчаную, местами изрезанную лагунами прибрежную полосу; б) возвышенность, начинающуюся непосредственно за прибрежной полосой; в) нагорье, занимающее северные районы страны. Плотность населения весьма неравномерна: наибольшая плотность отмечена на побережье, а также в южной и северной частях возвышенности. Менее всего заселены северные районы Того.

Наименование «Того» появилось на географических картах с конца XIX в. В 1884 г. немцы основали на Гвинейском побережье одну из своих первых колоний, назвав ее Того¹. Первоначально она включала небольшую прибрежную полосу, и лишь после ожесточенной борьбы между империалистическими державами — Англией, Францией и Германией — были установлены окончательные границы колонии. Германское Того представляло собою кусок африканской территории, искусственно выкроенный без всякого учета этнической принадлежности проживающих там народов. Границы колонии делили территорию расселения многих народностей и племен на две и даже на три части. Так случилось с народом эве, более чем другие народы этого района испытавшим всю тяжесть борьбы империалистических держав за обладание колониями, а также моба, чакоси, конкомба, дагомба и др. Одна часть их была включена в состав английской колонии Золотой Берег, другая — в состав германского Того, третья — в состав французских колоний Дагомеи и Верхней Вольты.

После первой мировой войны господство германского империализма в Того прекратилось. Англия и Франция еще в годы войны захватили и поделили Того: примерно две трети территории — 52 тыс. км² — отошли к Франции, а немногим более одной трети — 34 тыс. км² — к Англии. В 1922 г. границы между Британским и Французским Того были вновь уточнены. Французское Того в прибрежной полосе стало граничить непосредственно с английской колонией Золотой Берег. Так этнические территории народов Того оказались поделенными еще раз. При установлении границ колонизаторы менее всего считались с интересами коренного населения; зачастую граница разделяла не только племена и роды, но даже селения².

¹ Того на языке эве, одного из народов побережья, означает «по ту сторону лагуны».

² Колонизаторы проводили границы в основном по меридианам градусной сетки. Неверно мнение некоторых исследователей, утверждающих, будто установление границ между английскими и французскими владениями в Того — лишь формальный акт. Всякое нарушение населением пограничных правил каралось.

Лига Наций санкционировала этот раздел выдачей Англии и Франции мандатов на управление захваченными частями Того. С окончанием второй мировой войны система мандатов Лиги Наций была заменена опекой Организации Объединенных Наций.

* * *

Этнический состав Того сложен. В его пределах оказались народы, различные по происхождению, языку и культуре. Вместе с тем, значительная часть этих народов оказалась за пределами Того. Табл. 1 дает некоторое представление об искусственности границ Того³.

Таблица 1

Народности, племена	Численность в тыс. чел.			
	Республика Того	Бывшее Британское Того	Бывшая английская колония Золотой Берег	Дагомея
Южные районы				
Эве ⁴	419	138	514	—
Ашанти	—	27	554	—
Фон	—	—	10	350
Северные районы				
Бамба	59	29	30	—
Кусаси	—	22	70	—
Гурма	50	—	—	145
Дагомба	—	42	131	—
Конкомба	20	54	6	—
Чакоси	12	10	10	—
Котоколи	51	7	13	—
Бассари	29	7	6	—
Кабран	166	—	—	9

Среди народов Того самый многочисленный и развитый — эве. К началу колониальных захватов у эве складывались антагонистические классы, существовала частная собственность, имелись зачатки товарного хозяйства, развивалась торговля; эве находились на стадии формирования народности. Община эве была построена по территориальному признаку. Большая патриархальная семья была основной экономической ячейкой. Богатые семьи использовали труд рабов и зависимых от них общинников. Земля, бывшая раньше общественной собственностью, постепенно сосредоточивалась в руках отдельных семей. По видимому, шел интенсивный процесс феодализации племенных вождей.

³ Сведения по Того, бывшему под французской опекой, взяты из материалов ООН «Объединенные Нации. Совет по опеке. Специальный доклад выездной миссии ООН в подопечные территории Западной Африки в 1952 г. по вопросам объединения территории Того и племени Эве», Т/1034, Нью-Йорк, 1952, стр. 27; см. также: P. Mercier, Cartes Ethno-Demographiques de l'Afrique Occidentale, Feuilles № 5, Dakar, Institut Français de l'Afrique Noire, 1954, стр. 22—24; «Encyclopedie de l'Afrique Française», Cameroun — Togo, 1951, стр. 435. Сведения по Того, бывшему под британской опекой, и Гане взяты из книги: «The Gold Coast Census of Population, 1948, Report and Tables», London, 1950, табл. 19, 23.

⁴ Эве в Дагомею слились с родственными племенами фон (в этнографической литературе называемыми также восточными эве), образовав единую народность. В свою очередь, фон в Того слились с эве. Указания численности эве в различных источниках не совпадают. Это объясняется не только неточностью статистики. В южной и средней части Того по настоящее время сохранился ряд более или менее мелких племен, известных в этнографической литературе под названием «остаточных племен». Происхождение их до сих пор не выяснено. Возможно, они были частью каких-то больших племен, которые по различным причинам откололись от своих сородичей и осели в этих районах. К ним относятся мина (56 тыс.), акпосо (42 тыс.), ана (19 тыс.), аделе (6 тыс.) и др. Большинство их полностью смешалось с эве, восприняло их язык, культуру и называет себя эве. Совместно с эве они вели борьбу за создание единого независимого государства. То же относится и к народам Северного Того, часть которых также смешалась с эве.

Наиболее развитыми в общественном отношении были прибрежные племена эве, издавна занимавшиеся торговлей. Среди них выделилась эксплуататорская аристократическая верхушка, так как процесс классовообразования шел здесь значительно быстрее, чем, например, в северных лесных областях, где еще сохранялся племенной строй.

Ко времени колонизации у эве не было вполне сложившегося государства, но они уже имели зачатки государственной власти. Крупнейшие племена сложились в территориальные объединения, включавшие и представителей других родственных народов: ган, ашанти, адангме, дагомейцев и др. Во главе каждого объединения стоял верховный вождь. При нем находился совет, состоявший из более мелких вождей и глав отдельных семей. Народное собрание еще существовало, но почти не обладало властью. Должность верховного вождя была наследственной в пределах семьи, хотя и считалась выборной. При верховных вождях создавался аппарат власти, в их распоряжении находился специальный круг должностных лиц. Вожди жили за счет рядовых общинников. Они получали «подношения» сельскохозяйственными продуктами, скотом, ремесленными изделиями, а позже и деньгами. В их распоряжение поступали также определенные суммы от рыночных сборов, торговли и т. д. В хозяйстве вождей наряду с рабами работали и свободные общинники.

Разложение родо-племенного строя привело к изменениям в экономике, культуре, идеологии эве. Стала вырабатываться общая культура, исчезала племенная обособленность. Образовался общенародный язык эве. Следы племенных языков сохранялись лишь в виде диалектов. Изучение этих диалектов показало, что различие между ними сводится к чисто фонетическим особенностям, так как они обладают одинаковым грамматическим строем и общим словарным фондом⁵.

Основным занятием эве почти повсеместно является земледелие. Эве издавна славилась как искусные земледельцы, применявшие плодосмен, искусственное орошение и т. д. Главная продовольственная культура для южной и средней полосы Того — ямс. Из клубней ямса эве делают муку, идущую на приготовление лепешек и густой каши (фуфу) — любимого национального блюда. Кашу эту едят обычно с разными приправами из мяса, перца или овощей. Другая распространенная культура в этих областях — кукуруза. Обычно снимают два урожая кукурузы в год. Из кукурузной муки пекут хлеб, готовят различные каши, варят пиво и любимый напиток эве — акатса. В прибрежных районах распространена также культура маниоки, из клубней которой делают муку, употребляя ее в основном в качестве приправы. Выращивают и огородные культуры: томаты, перец, лук, тыкву и др. Широко распространена культура земляного ореха, бобов, сахарного тростника. Большое место в хозяйстве эве занимает разведение масличной пальмы, из плодов которой изготовляют масло и различные кушанья. Из пальмового сока готовят вино. Листья пальмы употребляют в качестве строительного материала. Корни и волокна идут на изготовление музыкальных инструментов и посуды.

Животноводство у эве развито слабо из-за неблагоприятных климатических условий. В тропических лесах водится муха цеце, укус которой смертелен для крупного рогатого скота. Крупный рогатый скот разводят только в некоторых северных районах и на юге, в районе от Анехо до Порто-Сегуро. Из мелкого скота держат коз, овец, свиней, разводят также домашнюю птицу — кур, уток, индеек. Большим подспорьем в хозяйстве эве являются охота и рыболовство.

До прихода европейцев ремесло у эве еще не полностью отделилось от земледелия. Земледельцы нередко занимались ремеслами, чтобы

⁵ С начала XX в. у эве существует единый литературный язык. На нем ведется преподавание в школах, издаются газеты, журналы, книги.

удовлетворить собственные потребности в различных изделиях, а также на продажу. Исключение составляли кузнецы, которые не имели права заниматься другими ремеслами или земледелием.

Среди домашних промыслов эве большое место занимали прядение и ткачество, плетение, гончарство, плавка и обработка металла, резьба, по дереву и слоновой кости. Существовало разделение труда между мужчинами и женщинами: так, прядением, окраской пряжи, гончарством обычно занимались женщины, а ткачеством⁶, плетением, резьбой, обработкой металла — мужчины. Некоторые виды ремесла нередко являлись наследственным занятием. Ремесленные изделия эве пользовались спросом в соседних странах и даже в Европе, особенно ценились изделия из кожи и металла, ткани, плетеные изделия.

В условиях колониального режима развитие многих ремесел эве почти полностью прекратилось; некоторые виды ремесленного производства (плавка металла) совсем исчезли. Рынки наводнились европейскими изделиями: тканями, утварью, одеждой и т. д. Население стало пользоваться этими товарами, хотя часто они по качеству уступали местным изделиям.

Многолетнее господство европейских колонизаторов принесло народам Того нищету и политическое бесправие. Того было превращено в сырьевой придаток метрополий, в поставщика сельскохозяйственного сырья на мировой рынок. В результате экономического и административного нажима местное население было вынуждено производить лишь нужные колонизаторам экспортные культуры. Во времена немецкого господства основной статьей экспорта был хлопок, во время французского господства — какао и кофе. Промышленности в Того почти нет, если не считать мелких полукустарных предприятий по производству мыла и пальмового масла. Того богато полезными ископаемыми; имеются залежи бокситов, хромовой и железной руды, титана, урана, фосфатов, месторождения золота. Но за исключением фосфатов, минеральные богатства не разрабатывались. Единственный источник электроэнергии — дизельная электростанция в столице Того — г. Ломе. Железные дороги, построенные еще при немцах, эксплуатируются без существенных изменений. Глубоководного порта в Того нет.

Табл. 2 показывает, что экспорт Того составляют исключительно продукты сельского хозяйства⁷. При этом 75% экспорта приходится на долю Франции.

Главным производителем экспортных культур является мелкое крестьянское хозяйство. Крупных плантаций, принадлежащих европейцам, в Того немного. Уровень развития сельского хозяйства крайне низок. Мотыга до сих пор — чуть ли не единственное орудие производства. Однобокое развитие экономики привело к полному закабалению населения скупочными фирмами и монополистическими компаниями. Неэквивалентный обмен был основной формой эксплуатации крестьян.

Несмотря на крайне низкий уровень развития экономики и консервацию колонизаторами отсталых форм производственных отношений, в современном обществе эве при наличии феодальных или полуфеодальных элементов формируются классы капиталистического обще-

⁶ Традиционная одежда мужчин состоит из куска ткани, носимого в виде длинного плаща, и набедренной повязки. Во время работы плащ снимают. Женщины носят вокруг бедер кусок ткани наподобие юбки. Одежду дополняют различными украшениями. Прежде в традиционной одежде сильно сказывалась социальная дифференциация: красивую и цветную одежду носили богатые и знатные, одежда же простого населения была большей частью одноцветной. В настоящее время, особенно в городах, получил распространение европейский костюм, но во время празднеств эве обязательно надевают свою традиционную одежду.

⁷ «Bulletin Mensuel de Statistique d'Outre-mer», Paris, 1959, № 2, стр. 68.

Таблица 2

Экспорт	1949	1958	1949	1958	Экспорт	1949	1958	1949	1958
	в тыс. т		в млн. афр. франк.			в тыс. т		в млн. афр. франк.	
Живой скот	208	638	3	15	Миндаль,	5026	12 057	90	331
Кофе в зернах	2029	4562	129	767	пальмовые плоды				
Маниока, мука, крахмал, манная крупа	799	6690	8	140	Зерна клещевины	414	168	7	5
					Пальмовое масло	424	868	13	29
Тапиока	2270	1187	60	34	Какао	1864	6917	120	1234
Земляные орехи	3097	3444	88	136	Хлопок	1283	1748	95	222
Копра	3017	2998	79	114	Хлопковое семя	1694	2873	12	25

тва — пролетариат и буржуазия. Более всего развита компрадорская буржуазия, национальная же буржуазия немногочисленна и связана преимущественно с сельскохозяйственным производством. Довольно многочисленна прослойка мелкой буржуазии: кустари, применяющие наемный труд, лавочники, уличные торговцы. Положение мелкой городской буржуазии, разоряемой конкуренцией европейских монополий, было очень тяжелым.

Рабочий класс эве еще слаб и малочислен. Это главным образом сельскохозяйственные рабочие, занятые в плантационном хозяйстве, портовые, дорожно-строительные и рабочие электростанций. Наибольший процент составляют чернорабочие. Все последние годы оплата их труда была чрезвычайно низкой, далеко не обеспечивающей им прожиточный минимум. В таком же положении находились и мелкие служащие колониального аппарата.

Среди крестьян эве также идет процесс классовой дифференциации. Выделяются кулацкая прослойка и безземельное крестьянство, вынужденное либо идти в кабалу к эксплуататорской верхушке, либо наниматься на плантации. Номинальным собственником земли продолжает считаться община, фактически же ею распоряжаются вожди племен. За распределение земельных наделов вожди получают определенную мзду (подношения в виде части урожая или отработка на полях вожда).

Иную картину представляют народы Северного Того. Прежде всего они резко отличны от эве по языку, культуре и образу жизни. Родственные им народы живут за пределами Того: в Дагомее, Нигере, на Береге Слоновой Кости, а также в Нигерии, Верхней Вольте и Гане.

В экономическом отношении северные районы Того наиболее отсталы. Очень слабо развита сеть шоссейных и железных дорог, соединяющих северные районы с югом. Основное занятие населения — скотоводство и земледелие. Разводят крупный рогатый скот, свиней, овец, коз. Экспортные культуры не производятся, плантационных хозяйств нет. Скот — главная статья вывоза из Северного Того. Кроме скота вывозят кукурузу, просо, сорго, рис. Главным источником денежных доходов большинства населения служат заработки на отхожих промыслах в южных районах страны или за ее пределами. Новые капиталистические отношения слабо затронули народы Северного Того.

Согласно Уставу ООН, державы-опекуны должны были помогать развитию народов, способствовать подъему экономики и культуры страны. Но даже краткий обзор позволяет убедиться в том, что действительность далека от вымышленного «прогресса», рекламируемого французскими властями.

На все Того с населением свыше 1 млн. чел. имелась только одна больница. Крайне высока заболеваемость и смертность населения. Этому способствовал и тяжелый, изнурительный труд, систематическое недоедание. Медицинская помощь и содержание в больнице платные, хотя с населения взимались налоги на содержание больниц. В Северном Того положение еще хуже — здесь почти полностью отсутствовала какая-либо медицинская помощь.

Школьным обучением, по данным на 1957 г.⁸, в Того было охвачено лишь около 30% детей. Преподавание велось, как правило, на французском языке по специальным программам, внушавшим превосходство белой расы и дававшим неверное представление об истории и культуре Африки. Начальные школы в основном принадлежали различным религиозным миссиям⁹. Местная интеллигенция не раз обращалась к французской администрации с просьбой открыть школы, где преподавание велось бы на родном языке и учащиеся могли бы ознакомиться с историей и культурой своей страны. Но французские власти отвечали на это отказом. Число средних профессиональных технических школ незначительно. Их назначение — готовить мелких служащих для колониально-управленческого аппарата. Высших учебных заведений нет. Лишь одиночки из имущих классов могли получать высшее образование за границей. В Северном Того население почти поголовно неграмотно.

В национально-освободительном движении народов Того главная роль принадлежит эве. Борьба эве за объединение началась еще задолго до первой мировой войны, но движение это было стихийным и неорганизованным. После первой мировой войны, когда территория эве вновь оказалась объектом колониальных переделов, массовое недовольство народа выражалось в многочисленных выступлениях, демонстрациях протеста, неоднократных петициях в Лигу Наций.

После второй мировой войны движение эве за объединение превратилось в упорную борьбу против колониального режима. Эве поняли, что объединение страны без предоставления им независимости не может улучшить их положения.

Национально-освободительная борьба народов Того протекала в очень сложных и неблагоприятных условиях. Натравливая одни народы на другие, французские колонизаторы внесли раскол в движение. Борьбу эве за объединение Того и создание независимого государства они изображали как националистическое движение, которое якобы имеет целью порабощение народов северной части страны. Опираясь на феодальную или полуфеодальную верхушку северных племен, колонизаторы сумели противопоставить их эве. В результате народы северных районов очень слабо поддерживали национально-освободительное движение эве. Это отрицательно сказалось на его развитии.

Одновременно французские колонизаторы пытались вбить клин между эве Того и Золотого Берега, утверждая, будто в случае объединения первые будут порабощены последними, как более развитыми. Колонизаторам удалось поколебать единство эве в вопросе о характере объединения, о целях движения и т. д. Так, одна часть эве выступала за объединение двух Того и населенных эве районов Золотого Берега другая часть — за объединение только двух Того, третья — за присо-

⁸ «Bulletin quotidien d'Outre-mer», № 3943, Paris, 1959, стр. 30.

⁹ Основной религией эве считается анимизм, хотя существует представление о верховном божестве Маву и других божествах; в Северном Того преобладает ислам. Миссионеры проникли в страну еще в первой половине XIX в. Особенно много появилось их в 1880-х годах. С немецкими миссионерами соперничали английские и французские. Католические и протестантские миссии наводнили страну. Миссионеры не только обращали эве в свою веру, но и распространяли влияние своих правительств на местное население.

единение Того под британской опекой к Золотому Берегу; наконец, в Того под французской опекой имелись группы, требовавшие включения его в состав Французского Союза. Колонизаторы умело использовали эти разногласия, заявив в ООН, что отсутствие единогласия в этом вопросе не дает оснований для каких-либо изменений существующего положения.

В процессе движения за объединение народы Того создали свои политические организации, возглавившие их национально-освободительную борьбу. Наиболее значительные из них: «Комитет единства» (Comité de l'Unité Togolaise), основанный в 1941 г.; «Жювенто» (Juvento: Mouvement de la Jeunesse Togolaise) — в 1951 г.; «Народное движение» (Mouvement Populaire Togolais) — в 1954 г. Им противостояли «Партия прогресса» (Partie Togolaise du Progrès), созданная в 1946 г., и «Союз вождей и населения Северного Того» (Union des Chefs et des Populations du Nord Togo) — в 1951 г.¹⁰ Эти две организации, созданные фактически французскими властями, почти не пользовались поддержкой народа.

Наиболее видным и влиятельным лидером движения является Сильванус Олимпио — нынешний премьер-министр Республики Того. С. Олимпио — эве по национальности, родился в 1902 г. в Ломе, в семье владельца крупной плантации. После окончания начальной местной школы он поступает в Лондонский экономический институт, где получает степень бакалавра коммерции. В 1926—1928 гг. Олимпио работал агентом «Юнайтед Африкен компани» в Нигерии и на Золотом Берегу, а с 1929 г. — в Того. В 1948 г. Олимпио избирается председателем торговой палаты и президентом палаты представителей в Ломе. С 1946 г. С. Олимпио начинает политическую деятельность и становится во главе «Всеобщей конференции эве» и «Комитета единства»¹¹. Он неоднократно посылается представителем от эве на заседания Совета по опеке и Генеральной Ассамблеи ООН. С 1958 г. Олимпио занял пост президента Палаты депутатов и премьер-министра Республики Того.

Политические организации Того, бывшего под французской опекой, действовали в контакте с организациями западной части Того, находившейся под британской опекой: «Союзом Того» (Togo Union), основанным в 1943 г. и «Объединенным Конгрессом Тоголенда» (Togoland Congress), основанным в 1951 г. В 1946 г. была создана совместная «Всеобщая конференция эве» (All Eve Conference). Создание ее, правда, не привело к единству программных взглядов и тактических действий между партиями обоих Того, но тем не менее имело большое значение. Эве получили возможность информировать мировую общественность о своих проблемах через официальных представителей, которых «Всеобщая конференция эве» вместе с многочисленными петициями направляла в ООН.

К началу 1956 г. в результате национально-освободительного движения стало ясно, что Золотой Берег получит независимость. В связи с этим встал вопрос о будущем статусе той части Того, которая находилась под британской опекой и непосредственно примыкала к Золотому Берегу. По решению ООН в мае 1956 г. в этой части Того был проведен плебисцит. Народ должен был выбрать между сохранением режима английской опеки или присоединением к Золотому Берегу. За присоединение голосовали 93 тыс. чел., против 67 тыс.; в южных районах, населенных эве, за присоединение голосовали 44 тыс., против

¹⁰ С 1959 г. носит название «Демократическая партия населения Того» (Partie Democratique des Populations Togolaises).

¹¹ «Комитет единства» был основан С. Олимпио в 1941 г. Вначале это была культурная организация.

55 тыс.¹². Эве по-прежнему стремились к воссоединению и созданию своего независимого государства.

В августе 1956 г. итоги плебисцита обсуждались в Совете по опеке ООН. Было вынесено решение о присоединении Того под британской опекой к Золотому Берегу, когда последний получит независимость. В марте 1957 г. была провозглашена независимость Ганы (нынешнее название Золотого Берега), и Того, бывшее под британской опекой, воссоединилось с Ганой¹³. Так закончился первый этап национально-освободительного движения эве. Проблема объединения эве в целом не была решена, но объединение двух частей эве в едином независимом государстве имело большое значение. Эве, как и другим народам Того под французской опекой, предстояло еще вести борьбу за независимость.

Деятельность прогрессивных политических организаций Того протекала в очень тяжелых условиях. Особенно мрачным был период 1951—1955 гг. Всевозможные преследования, репрессии, провокации, зверские избиения, кровавый террор стали массовыми явлениями. Французские колонизаторы стремились утопить в крови национально-освободительное движение народов Того. Губернатором Того был назначен Пешу, который в 1949—1950 гг. снискал себе мрачную славу на Береге Слоновой Кости. Тюрьмы были переполнены сторонниками движения за независимость. Одного только слова «аблоде» (независимость), произнесенного вслух, было достаточно для заключения в тюрьму. Не избежали этой участи даже мелкие вожди и деревенские старосты, чьи споры о внутренних делах расценивались как выступления за объединение и независимость. Многие вожди и должностные лица были смещены с занимаемых ими постов по подозрению в симпатиях движению за независимость. Против С. Олимпьо было сфабриковано уголовное обвинение, лишившее его на несколько лет гражданских прав. Положение в Того под французской опекой не раз обсуждалось в ООН, в Того посылались миссия Совета по опеке, получены были многочисленные петиции от различных организаций, но ООН не приняла каких-либо существенных мер.

Политика террора, проводимая в Того, вызвала резкое осуждение и в самой Франции. Пешу был смещен. Французское правительство понимало, что следует изменить тактику. В апреле 1955 г. Того был предоставлен новый статут, который французское правительство рекламировало как первый шаг на пути к упразднению опеки. В чем же заключалась сущность этого статута?

До второй мировой войны Того управлял французский губернатор, при котором находился так называемый Административный совет, состоящий из четырех французских чиновников, двух европейцев — постоянных жителей Того и двух представителей местного населения, назначаемых губернатором. Кроме того, в каждом из четырех округов, на которые делилась страна, имелся «Совет нотаблей», составленный из представителей верхушечных слоев населения. Эти советы не имели права самостоятельно решать какие бы то ни было вопросы. В 1946 г. во Франции была принята новая конституция, согласно которой Франция образовала с народами заморских территорий союз, якобы основанный на равноправии всех входящих в него народов и наций. Французский Союз явился новой формой господства империалистов в условиях обострения общего кризиса капитализма и распада колониальной системы.

¹² «West Africa», № 2041 от 26 марта 1956 г., стр. 327.

¹³ Южные районы Того, бывшего под британской опекой, вошли в состав Ганы под названием Транс-Вольты, северные же районы присоединены к северным территориям Ганы.

С принятием новой конституции все изменения в управлении Того свелись к следующему: Того, подобно другим французским колониям, получило право посылать своего представителя в Национальное собрание Франции, в Собрание Французского Союза и в Совет республики. В Того было создано Собрание представителей, получившее право одобрять бюджет, а также выносить решения по некоторым вопросам, касающимся главным образом местных административных дел. Выборы в Собрание были многостепенными. До 1952 г. существовали две избирательные курии: для французских граждан, избравших одного депутата от каждых ста человек, и для местного населения, избравшего одного депутата от четырех тысяч. Французские власти разными способами заставляли избирать в Собрание представителей угодных им лиц.

Принятие статута 1955 г. радикальных изменений в положение Того не внесло. Французским властям важно было создать видимость автономии, что позволило бы им отвести обвинение мировой общественности в невыполнении целей опеки. Новое в положении Того заключалось в том, что там были учреждены Территориальная ассамблея и так называемый Правительственный Совет. Однако они не обладали никакой реальной властью. В Правительственный совет допускались пять человек, избираемых Территориальной ассамблеей, остальные назначались сменившим губернатора верховным комиссаром, который являлся председателем Правительственного совета. Последний был послушным органом в руках французской администрации. В результате на выборах в Территориальную ассамблею (июнь 1955 г.), проходивших в обстановке репрессий и давления, профранцузские партии получили большинство.

Завоевание независимости Золотым Берегом и включение Того под британской опекой в состав независимого государства послужило народам Того стимулом для борьбы за независимость и ликвидацию колониализма. Даже профранцузские партии под давлением широких народных масс стали выступать за предоставление Того автономии, хотя и в рамках Французского Союза. Напуганные массовостью движения, грозившего превратиться в антиколониальную войну, и опасаясь возможности присоединения Того под французской опекой к Гане, французские власти стали искать новых форм сохранения своего господства.

В 1956 г. Того был предоставлен статут так называемой Автономной республики. На основании этого статута Территориальная ассамблея получила название Законодательной. Ей предоставлялась известная свобода во внутренних делах (общественные работы, здравоохранение, наблюдение за развитием сельского хозяйства и т. д.). Но все суверенные права, связанные с управлением страной: оборона, внешние сношения, судопроизводство, охрана порядка, финансы, трудовое законодательство и пр., — оставались в руках французов. Верховному комиссару предоставлялись чрезвычайно широкие полномочия: строжайший контроль и право вето в отношении деятельности Законодательной ассамблеи и вновь созданного Совета министров. Премьер-министр назначался верховным комиссаром, после чего происходила инсценировка выборов его ассамблей. В свою очередь премьер-министр «назначал» остальных министров и определял их функции.

Принятие нового статута можно было бы расценивать положительно, если бы французские власти не преследовали совершенно определенные цели: устранить опеку ООН над Того, избавиться от системы международного контроля, чтобы оказаться безраздельными и бесконтрольными хозяевами в стране. Поэтому Франция обусловила введение нового статута ликвидацией опеки. Но для этого требовалось согласие ООН, и

чтобы получить его, французское правительство решило опереться на «волю народа».

В октябре 1956 г. проводится референдум, во время которого население Того было поставлено перед выбором: либо новый статут автономной республики и прекращение опеки (а это означало вхождение во Французский Союз), либо продолжение опеки и сохранение колониального управления. Такая постановка вопроса являлась грубым нарушением Устава ООН и не давала народу возможности выразить свою волю. Колонизаторы рассчитывали, что народ выскажется за прекращение опеки. В референдуме приняли участие 335 тыс. чел. Большинство их — 313 тыс. — высказалось за новый статут, 22 тыс. — за продолжение опеки¹⁴. Однако большая часть населения не понимала значения референдума и меньше всего думала, что это очередная хитрость французских властей. Кроме того, как сообщали национальные организации, итоги референдума были сильно фальсифицированы. Национальные организации в голосовании не участвовали и призывали население к бойкоту референдума, разъясняя, что статут не может принести Того настоящей национальной автономии. В стране с новой силой вспыхнула волна преследований сторонников движения за независимость.

После референдума Франция направила в ООН просьбу о снятии опеки. В декабре 1956 г. в Совете по опеке обсуждался доклад Франции. В январе 1957 г. этот вопрос был вынесен на рассмотрение XI сессии Генеральной Ассамблеи. Представители национальных организаций Того выступили в ООН с резкой критикой нового статута, принятие которого они расценивали как антидемократический акт. ООН не утвердила план Франции о немедленной ликвидации опеки. Управляющим Того властям было рекомендовано провести в 1958 г. всеобщие выборы в Законодательное собрание. Новый состав Законодательного собрания должен был от имени народа высказать свое окончательное мнение: принять ли автономию или выбрать продолжение опеки. Французские власти потерпели серьезное поражение. Не помогло им и провозглашение в феврале 1958 г. нового «Франко-тоголезского сообщества», на основании которого Законодательная ассамблея получала более широкие права, а пост председателя Совета министров от верховного комиссара перешел к премьер-министру.

Выборы 27 апреля 1958 г. в Законодательное собрание, получившее название Палаты депутатов, явились новой вехой в истории национально-освободительного движения народов Того. Французская администрация приложила немало усилий, чтобы не допустить победы народа на выборах. Многие тысячи жителей Того не были включены в списки избирателей. Власти доставляли из соседних французских колоний «избирателей», которые за определенное вознаграждение должны были голосовать за правящие партии. Опасаясь волнений, власти заранее доставили из соседней Дагомеи солдат и полицию с целью «наблюдения за выборами», закрыли границу с Ганой. Национальным партиям было запрещено устраивать митинги или собрания, разъяснять задачи выборов и т. д. Предвыборная обстановка в стране была накалена до предела. «Союз объединенных профсоюзов Того» неоднократно проводил всеобщие забастовки протеста в связи с предвыборными махинациями с избирательными бюллетенями.

Несмотря на все ухищрения, народ Того в лице коалиции национальных партий одержал победу. Выборы ознаменовали собой крах французского режима. В них приняли участие 308 тыс. чел. из зарегистрированных 432 тыс. Из 46 мест в Палате депутатов 33 места получили национальные партии («Комитет единства», «Жювенто», «Народно-

¹⁴ «West Africa», № 2064 от 3 ноября 1956 г., стр. 870.

движение» и «Независимые»); 13 мест — бывшие правительственные партии («Партия прогресса» и «Союз вождей и населения Севера») ¹⁵. Народ Того, вдохновленный примером независимых государств Африки и в первую очередь Ганы, объявил свою волю: предоставить Того независимость. После опубликования результатов выборов в стране началось невиданное народное ликование. Празднества длились несколько дней. Народы Ганы, в особенности эве, горячо поддержали своих соседей.

Итоги выборов в Того обсуждались на XIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. После заслушания доклада специальной комиссии ООН по наблюдению за выборами и доклада Совета по опеке единогласно была принята резолюция, постановляющая, что в тот день 1960 г., который будет установлен по соглашению между правительствами Франции и Того и в который Республика станет независимой, соглашение об опеке, утвержденное Генеральной Ассамблеей 13 декабря 1946 г., прекращает свое действие в соответствии со статьей 76 Устава ООН ¹⁶.

Вскоре после выборов было сформировано правительство во главе с Сильванусом Олимпью ¹⁷. В своей программной речи 16 мая 1958 г. он от имени правительства республики Того потребовал урегулирования вопроса о предоставлении Того полной независимости, подчеркнув, что правительство приложит все силы, чтобы положить конец колониальному режиму. В течение мая — октября велись переговоры с Францией об утверждении нового статута и процедуре окончания опеки. 31 декабря 1958 г. был принят статут, утверждающий, что «Того — демократическое государство, которое по его собственной просьбе будет провозглашено независимой и суверенной республикой по окончании международной опеки» ¹⁸. Позднее правительство Того установило дату провозглашения независимости — 27 апреля 1960 г. — в годовщину исторической победы народов Того на выборах.

Со дня прихода к власти правительства, избранного народом, и до провозглашения независимости прошло два года. Однако и за этот короткий период, несмотря на громадные трудности, республике Того удалось достичь известных успехов. Большие затруднения испытывало Того в финансовом отношении. Французские власти всеми силами стремились превратить Того в составную часть так называемого Французского сообщества, теснее привязать Того к Франции. Бюджет страны зависел от французских субсидий, деньги лежали во французских банках.

В 1959 г. правительство Того значительно сократило субсидии, получаемые от Франции, что заставило сократить расходы, увеличить пошлины и т. д. Выступая по радио в июне 1959 г., С. Олимпьо сказал: «Только ценой больших усилий всех граждан правительство может осуществить финансовое равновесие и, исходя из этого, добиться финансовой независимости, которая столь же необходима, как и политическая независимость» ¹⁹.

И все же молодая Республика добилась определенных успехов в экономической области. Возросли доходы от внешней торговли. Раньше почти вся внешняя торговля была монополизирована Францией. Нынешнее правительство Того уже подписало ряд торговых соглашений с

¹⁵ «Bulletin quotidien d'Outre-mer», № 3538 от 27—28 апреля 1958 г., стр. 27.

¹⁶ «Объединенные нации. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты», XIII сессия, § 40, A/3988, Нью-Йорк, 1958.

¹⁷ С. Олимпьо в выборах участия не принимал ни как выборщик, ни как кандидат, так как был лишен французскими властями избирательных прав.

¹⁸ G. Devernois, Republic of Togoland, 1958—1959, «Civilisation», т. 9, № 9. Bruxelles, 1959, стр. 237.

¹⁹ «Bulletin quotidien d'Outre-mer», № 3880 от 17 июня 1959 г., стр. 28.

другими странами. Большое значение для поднятия торговли и увеличения доходов от продажи экспортной продукции имеет проведенная в 1958—1959 гг. кампания по стабилизации цен на какао, кофе и хлопок. Раньше французские монополии устанавливали произвольные цены на эти товары, получая огромные барыши от непропорциональной доли доходов. Теперь цены на экспортную продукцию стали фиксироваться правительством. Созданы специальные общества по реализации какао, кофе и хлопка²⁰.

Правительство наметило ряд мер для развития сельского хозяйства, которому придается большое значение. Издан закон, имеющий целью прекратить миграцию сельского населения в города, увеличить посевные площади, размеры которых за последнее время резко сократились. Для ознакомления населения с новыми методами ведения сельского хозяйства и сельскохозяйственной техникой в районах Тобе, Глиджи, Сотуба открыто несколько показательных школ-ферм по производству продовольственных и технических культур. Намечено создание сельскохозяйственных кооперативов. Организованы специальные общества по защите природных богатств.

Не меньшее значение придается развитию промышленности. Правительство взяло под контроль все работы по изысканию и добыче полезных ископаемых. Активизировалась деятельность созданной пять лет назад компании по разработке фосфатов, в которой Того принадлежит 20% акций. По решению правительства нормальная эксплуатация месторождений фосфатов начнется в 1960 г. К этому времени будет проложена железная дорога для перевозки сырья, создан завод по промывке руды с электростанцией мощностью в 300 млн. *квтч*. Намечено строительство новых железных и шоссейных дорог, мостов. Особое внимание уделено развитию северных районов страны: построено 34 км железной дороги Блита — Сокоде, которую намечено продолжить; прокладывается новая шоссейная дорога протяженностью в 700 км, соединяющая север с югом, и т. д. Проектируется постройка совместно с Дагомеей глубоководного порта. Ведутся работы по осушению болот и лагун.

Острую нужду испытывает Республика в квалифицированных рабочих и специалистах. Правительство проводит в жизнь лозунг «африканизации кадров». Там, где это возможно, на посты, занимавшиеся раньше французами, назначаются африканцы. Открыта специальная школа, готовящая административных работников, а также кадры специалистов в различных областях экономики. Создано ведомство по африканизации кадров. Все студенты, обучающиеся за границей, взяты на учет. Начинающим студентам разъясняется, в каких специалистах страна больше всего нуждается. Все студенты, оканчивающие учебные заведения (около 300 человек), дали согласие работать на родине.

Не менее остра нужда в рабочей силе и квалифицированных рабочих. Правительству приходится одновременно принимать меры и по созданию квалифицированных кадров, и по борьбе с безработицей, одной из причин которой было именно отсутствие квалификации у рабочих. Создано специальное бюро по найму рабочих. Его задачи: контролировать спрос и предложение рабочей силы; визировать контракты, вести наблюдение за тем, чтобы рабочие получали квалификацию; устраивать на работу тех, кто получает специальную подготовку, и т. д. Бюро развернуло активную деятельность по ликвидации безработицы.

²⁰ У обществ имеются свои фонды, в которые поступают доходы от продажи продукции. Половина доходов идет государству. Из этих фондов выделяются ссуды и т. д. В работе обществ принимают участие представители администрации, финансовых кругов, производители и экспортеры продукции.

Много энтузиастов-добровольцев, особенно среди молодежи, включилось в общую борьбу с безработицей и голодом.

В области социального и культурного развития Республика Того также имеет ряд достижений. Большое внимание уделяется образованию. По данным 1959 г., обучением охвачено около 40% всех детей, что составляет примерно 81 тыс. чел.²¹ Вносятся изменения в учебную программу. Преподаватели-европейцы постепенно, по мере возможности заменяются африканскими учителями. Так, в школах первой ступени на 1454 тоголезских преподавателей приходится только 21 европеец, в школах второй ступени европейцы составляют еще 50—60% преподавательского состава²². Создан профсоюз учителей. В 1959 г. в Того организована секция «Ассоциация по развитию публичных библиотек в Африке», также принимающая активное участие в деле просвещения масс. Намечены большие планы и в других областях социального и культурного строительства. В частности, в 1960 г. предполагается реконструировать все медицинское обслуживание населения. Особое внимание уделяется северным районам страны.

Таковы вкратце первые шаги молодой Республики. Того переживает ответственный период в своей истории. Нет сомнения, что народы Того справятся со всеми трудностями и в недалеком будущем разовьют уже достигнутые успехи.

Получение независимости — великая победа народов Того, одержанная в результате многолетней борьбы. Правда, проблема объединения Того и, в частности, народа эве полностью еще не решена. По-прежнему эве Ганы и Того стремятся к объединению и созданию своего государства. Эта проблема может быть решена только в результате переговоров между правительствами двух независимых государств — Ганы и Республики Того.

Еще до того, как эве Того под французской опекой завоевали независимость, вопрос об их объединении с эве Ганы вставал неоднократно. В определенных кругах существовало усиленно поддерживаемое профранцузской прессой мнение, что произойдет насильственное присоединение Того к Гане. Это мнение, очевидно, распространялось с целью внести разлад во взаимоотношения между двумя государствами. Правительство Ганы, и в частности Кваме Нкрума, неоднократно заявляло, что привлекло бы вхождение Того в состав Ганы при условии, что это будет добровольный акт со стороны населения Того. С. Олимпио был против присоединения Того под британской опекой к Гане, считая, что произошло насильственное включение западных эве в Гану²³. Тем не менее С. Олимпио поддержал заявление правительства Ганы о возможности урегулирования взаимоотношений между Ганой и Того. Выступая в Совете по опеке в ноябре 1957 г. с требованиями независимости Того под французской опекой, С. Олимпио сказал, что «два суверенных государства, Того и Гана, могли бы решить впоследствии, какие отношения будут существовать между ними»²⁴.

После образования республики Того С. Олимпио в своей декларации указал, что для Того важно сохранить хорошие отношения с Ганой, наладить прежние экономические связи, подчеркнув, что с получением независимости «необходимо выработать новые отношения с Ганой»²⁵. С целью налаживания экономических связей в Гану была послана парламентская миссия. Ведение каких-либо политических переговоров было исключено, так как все внешние дела Того тогда еще оставались

²¹ «Bulletin quotidien d'Outre-Mer», № 3943, Paris, 1959, стр. 30.

²² Там же, стр. 30.

²³ «West Africa», № 2074 от 12 января 1957 г., стр. 27.

²⁴ «United Nations General Assembly. XII session. Official records», 4 committee meeting, стр. 245.

²⁵ «Afrique nouvelle», Dakar, год 12, № 561 от 9 мая 1958 г., стр. 8.

под контролем Франции²⁶. С. Олимпио высказал мнение, что проблемы взаимоотношений между двумя государствами могут быть разрешены «в рамках федерации Западной Африки»²⁷. В июне 1958 г. Кваме Нкрума в свою очередь заявил о желании начать переговоры с правительством Того по вопросу об объединении эве, который он назвал важной гуманной и политической проблемой²⁸. Однако оба правительства отдают себе отчет во всех трудностях, стоящих на пути разрешения этой проблемы. Одна из основных трудностей — объединение других народов, в частности народов северных районов Того и Ганы, часть которых живет за пределами этих двух независимых государств, в разных колониях.

Проблема объединения эве и других народов Того не может быть отделена от общих задач народов всей Африки — уничтожения позорной системы колониализма со всеми ее последствиями. Прогрессивные круги эве и других народов Того считают, что расчленение народов может быть признано лишь временно, и что воссоединение их может произойти только в условиях создания независимой объединенной Африки. Получение независимости Республикой Того — решительный шаг по пути к достижению заветной цели ее народов.

²⁶ Вопрос о взаимоотношениях с Ганой послужил причиной разногласий с «Жювенто», которая выступает за более тесный союз с Ганой и содружество с другими независимыми государствами Африки, за более действенную поддержку африканских народов, борющихся за независимость.

²⁷ «Marchés tropicaux du monde», Paris, год 14, № 652 от 10 мая 1958 г., стр. 1217.

²⁸ «African and colonial World», London, июль 1958 г., стр. 6.

В. Я. КАРПУШИНА

НАРОДЫ РУАНДА-УРУНДИ ПОД «ОПЕКОЙ» БЕЛЬГИЙСКИХ КОЛОНИЗАТОРОВ

Руанда-Урунди расположена в центре экваториальной Африки. Площадь страны — 52 тыс. км². Основную часть территории занимает высокое плато. На севере расположена горная гряда Вирунга протяженностью 250 км с вершиной Карисимби (4500 м). Климат различных частей страны зависит от высоты над уровнем моря. Так, в долине Рузизи и в районе оз. Танганьика климат тропический, на Центральном плато — умеренный, в горных районах севера — суровый, с резкими колебаниями температуры. Смена времен года характерна для Тропической Африки. С октября по декабрь длится «большой сезон дождей», с января по февраль — «малый сухой сезон», с марта по май — «малый сезон дождей», с июня по сентябрь — «большой сухой сезон». Водная система страны богата и разнообразна. Речная сеть (важнейшие реки — Кагера и Рузизи) принадлежит к Конго-Нильскому бассейну. Судходная река Кагера питает своими водами оз. Виктория, откуда берет начало Нил. В стране много озер, самые крупные из них — Киву и Танганьика. На территории страны существует несколько растительных зон: значительную часть занимает горная степь; западные склоны гор покрыты тропическими лесами. Наиболее же типична для ландшафта страны лесистая саванна. Животный мир богат и разнообразен: в Руанда-Урунди обитают жирафы, страусы, носороги и другие представители тропической фауны¹.

Население Руанда-Урунди, по данным 1958 г., составляет 4,7 млн. человек, из них европейцев — 8 тыс., азиатов — 3 тыс.² Коренное население — народности баньяруанда (2553 тыс.) и барунди (2132 тыс.). По плотности населения Руанда-Урунди — одна из наиболее густонаселенных стран Африки. На 1 км² здесь в среднем приходится 75 чел. против 8 чел. в Танганьике, 21 чел. — в Уганде, 5 чел. — в бывш. Бельгийском Конго. Население распределено по стране крайне неравномерно: перенаселенные районы чередуются со слабо заселенными³.

В формировании современных народностей баньяруанда и барунди принимали участие этнические группы, принадлежащие к различным антропологическим расам: эфиопской, негрской и негрильской (пигмейской). По языку и культуре эти народности относятся к северной группе банту. Языки киньяруанда и кирунди имеют много общих слов и взаимно понятны для обеих народностей⁴.

¹ J. J. Maquet, *La système des relations dans le Ruanda ancien*, Tervuren, 1954, стр. 19—21; его же, *Ruanda*, Bruxelles, 1954, стр. 19.

² Неафриканское население — в основном служащие колониальной администрации, колониальных монополий, мелкие торговцы и плантаторы.

³ «Mission de Visite des Nations Unies dans les Territoires sous tutelle de l'Afrique orientale. Rapport sur le Ruanda-Urundi», New York, 1958.

⁴ «Народы Африки», М., 1954, стр. 87, 422; «Rapport soumis par le gouvernement Belge à l'Assemblée générale au sujet de l'administration du Ruanda-Urundi», Bruxelles, 1959, стр. 292 (в дальнейших сносках — «Rapport sur l'administration Belge du Ruanda-Urundi»).

История коренного населения Руанда-Урунди изучена слабо. Археологические изыскания на территории Межозерья были впервые начаты в 1936 г. в бассейне р. Рузизи, где были обнаружены орудия эпохи неолита. Позднее на территории Урунди были открыты новые вещественные памятники той же эпохи — ножи, скребла, топоры, наконечники для стрел с рисунками. В долине р. Ниямбия найдены остатки очагов, различные по форме и богатые по отделке фрагменты керамики, глиняные круглодонные кувшины⁵.

Первые упоминания о странах Межозерья содержатся в трудах древних авторов — Аристотеля и Птоломея. Античные источники свидетельствуют, что Межозерье было известно еще древним египтянам. Последние, по-видимому, добирались до истоков Нила в поисках золота и слоновой кости и называли эту область Страной Лун⁶.

Отсутствие письменных источников не позволяет восстановить средневековую историю Межозерья. Сведения античных авторов не оставляют сомнения в том, что пигмеи являлись аборигенами этой страны. Одновременно нет никаких серьезных оснований сомневаться в том, что такими же аборигенами страны являются и банту. Большинство буржуазных ученых (Шапера, Вестерман, Бауман и др.) считают, что в XVI веке территория современной Руанда-Урунди подверглась завоеванию эфиопидного народа, пришедшего с севера, и связывают с этим завоеванием становление феодального государства в этой стране. По мнению этих авторов, современные «сословия» коренного населения Руанда-Урунди — батутси (феодалы — 10% населения), бахуту (крестьяне — 85% населения) и батва (низший слой общества — 5% населения) являются соответственно потомками завоевателей, банту и пигмеев⁷. Необходимо, однако, отметить, что в настоящее время все три названные группы коренного населения говорят на общем языке, имеют одинаковые обычаи и верования и одни и те же формы материальной культуры.

Феодалная монархия в Руанде во главе с ныне правящей королевской династией существует, по-видимому, уже около 400 лет⁸. Название «Руанда» происходит от наименования королевской резиденции, которая была в свое время расположена на одном из холмов плато Руанда. Здесь в районе озера Моази, в северо-восточной части современной Руанды, было положено начало королевской династии Баньенгинья. В начале XIX века на территории современной Руанда-Урунди существовали уже два независимых феодальных королевства — Руанда и Урунди во главе с наследственными королями («бами») ⁹.

Проникновение европейских колонизаторов в Руанда-Урунди, как и во многие другие страны Африки, шло двумя путями: проникновением христианских миссий и военным вторжением. Первыми европейцами, обосновавшимися в этой части Африки, были «белые отцы» — миссионеры из католической организации, созданной Лавижери, кардиналом Алжирским. Первая миссионерская станция была создана в 1896 г., а к 1906 г. в стране имелось уже 6 таких станций. Из числа путешественников в Руанда-Урунди первым проник немец Оскар Бауман, участник «экспедиции Масаи», проделавшей в 1891—1893 гг. путь от восточного побережья Африки до оз. Виктория. В 1894 г. генерал фон-Годзен открыл оз. Киву. Вслед за этими экспедициями начинается систематическое проникновение немецких колонизаторов в Руанда-Урунди. Постепенно осваивая внутренние районы Восточной Африки, немецкие колонизаторы создали военные опорные пункты на территории современных

⁵ Ch. de Lacger, *Le Ruanda ancien et moderne*, Namur, 1939, стр. 38—40.

⁶ Там же, стр. 19—20.

⁷ J. J. Maquet, *Ук. соч.*, стр. 22—25.

⁸ У. Э. Хантон, «Судьбы Африки», М., 1959, стр. 12.

⁹ Ch. de Lacger, *Ук. соч.*, стр. 28—30.

Уганды и Танганьики (в Уджиджи, Букобе и др.), откуда их военные отряды стали проникать в глубинные области Руанды и Урунди. Окончательный захват немцами королевства Руанда произошел в 1898 г., когда немецкие военные власти учредили немецкое резидентство в городе Кигале¹⁰. В 1899 г., несмотря на протесты короля Урунди Мвези, был учрежден военный пост в Усумбуре: в 1903 г. король был вынужден признать себя подчиненным верховной власти Германии и немецкому губернатору фон-Годзену. Руанда-Урунди была включена в состав бывшей Германской Восточной Африки. Так началась эпоха колониального владычества европейцев.

Поражение германского империализма в первой мировой войне привело к ликвидации немецкой колониальной империи в Африке. С 1918 г. Руанда-Урунди стала подмандатной территорией Бельгии. После второй мировой войны, в 1945 г., режим мандата был заменен режимом международной опеки, и в декабре 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН закрепила Руанда-Урунди за той же Бельгией в качестве подопечной территории¹¹.

* * *

До европейской колонизации баньяруанда и барунди вели смешанное земледельческо-скотоводческое хозяйство. Земледелие в жизни этих народов играло большую роль, чем скотоводство, и имело древние традиции и специфический подбор сельскохозяйственных культур. Охота и собирательство сохраняли важное значение только среди пигмеев. Основная масса крестьянства практиковала переложную систему земледелия. Главным сельскохозяйственным орудием была мотыга сердцевидной формы, насаженная на тяжелую длинную рукоять. Мотыгой выдвигали целину, обрабатывали и пропалывали пашни. Уборка производилась ножами и серпами особой формы. Скот в качестве тягловой силы не использовался. В сельскохозяйственных работах участвовали в равной мере мужчины и женщины. Основной продовольственной культурой являлось сорго. Помимо сорго, обязательными культурами в каждом крестьянском хозяйстве были бананы, фасоль, горох, кукуруза, ямс и бататы. Из сорго приготавливали муку или варили кашу. Тестообразную массу из муки употребляли в пищу в горячем виде, добавляя немного кукурузы и бобов. Из кукурузной муки пекли лепешки, варили кашу или просто ели початки в вареном или обжаренном виде. Из бананов приготавливали сладкую муку, бананы запекали в золе и подавали как приправу к мясу. Из сока бананов делали пиво — основной напиток коренного населения, листья служили блюдами и тарелками, связками стеблей покрывали крыши. Земледелием баньяруанда и барунди занимались на протяжении всего года. Различные культуры высевались и убирались в различные месяцы. Сорго сажали два раза в год — в марте и апреле на возвышенных местах, и в июле — августе — в низинах. Сеяли вразброс, стараясь выдержать расстояние между семенами 40—50 см, после чего поля слегка рыхлили мотыгами, чтобы прикрыть семена. Фасоль и другие бобовые обычно сажали на полях, занятых до этого под сорго; в год собирали два урожая. Первый раз бобовые высаживали в конце сентября и убирали в декабре — январе, второй раз их высаживали в феврале — марте и убирали в апреле — мае. Бататы также давали два урожая в год. Поля обрабатывали очень тщательно, иногда удобряли навозом. Основными же средствами восстановления плодородия почвы служили перевод земли под пар и чередование культур. Искусственное орошение применялось при террасовом земледелии: на

¹⁰ «Le Ruanda-Urundi», Bruxelles, 1959, стр. 64-65.

¹¹ Там же, стр. 71.

склонах холмов устраивались поля-террасы, которые снабжались водой, отведенной по каналам из естественных потоков¹²

Баньяруанда и барунди держали в своих хозяйствах овец, коз, свиней, но основную роль в животноводстве играл крупный рогатый скот. Почти в каждом крестьянском хозяйстве имелось от одной до пяти коров. Скотоводство было пастбищного типа: заготовка кормов не производилась. В сухой сезон скот выгонялся на поля и питался соломой, остававшейся после уборки урожая. Скотоводство давало населению в основном молочные продукты¹³.

Ремесло достигло значительного развития и было дифференцировано, оно начинало уже отделяться от земледелия. Ремесленники специализировались в керамике, резьбе по дереву, плетении, выделке кож. Очень разнообразны были деревянные изделия, молочная посуда, деревянные трубки, барабаны, воинские щиты, резные сиденья, служившие атрибутами знати, и т. п.¹⁴.

* * *

При колониальном режиме Руанда-Урунди была превращена в аграрно-сырьевой придаток метрополии. Между первой и второй мировой войной бельгийские колонизаторы начали насаждать в стране экспортные технические культуры. Одновременно развивался вывоз продуктов животноводства в соседние африканские страны. После второй мировой войны производство технических культур стало развиваться еще более быстрыми темпами: в качестве основного предмета экспорта Руанда-Урунди выделилось кофе. В послевоенные годы зарождается новая отрасль экспорта — добыча оловянной руды и некоторых других видов минерального сырья. В настоящее время основную роль в колониальной экономике Руанда-Урунди играет производство в африканских крестьянских хозяйствах кофе и хлопка на экспорт. Культура кофе (преимущественно сорта «арабика») насаждается колониальной администрацией принудительно. Посадка кофейных деревьев производится в плановом порядке. Так, в 1953 г. по «Плану 10-летнего экономического развития Руанда-Урунди» было посажено 4 млн. деревьев, в 1956 г. — 6 млн. Общее число кофейных деревьев в стране достигло в 1957 г. 55 млн. Создано несколько специальных питомников кофейных деревьев. Закупка кофе у крестьян и его вывоз сосредоточены в руках бельгийских компаний и торговцев, которым и достается подавляющая часть доходов от этой культуры. Производство кофе в африканских хозяйствах с 1946 по 1959 г. возросло с 6,3 до 36 тыс. т, производство второй по значению культуры — хлопка — с 4,0 тыс. т до 9,5 тыс. т. Помимо этих культур, в африканских хозяйствах производятся для экспорта пиретрум (0,2 тыс. т в 1957 г.), табак (2 тыс. т в 1957 г.) и клещевина (1,6 тыс. т в 1957 г.); этим практически и ограничивается перечень товарных сельскохозяйственных культур, производимых африканцами. В 1957 г. африканские хозяйства произвели и потребили у себя 200 тыс. т сорго, 2 млн. т бананов, 330 тыс. т фасоли и гороха, 1,3 млн. т бататов, 130 тыс. т кукурузы¹⁵. Европейские хозяйства (преимущественно мелкие плантации колонистов) производят в небольших количествах ценные технические куль-

¹² E. Everaerts, *Monographie agricole du Ruanda-Urundi*, Bruxelles, 1947, стр. 61—94.

¹³ N. Gleene, *Introduction à l'ethnographie du Congo Belge et du Rwanda-Barundi*, Bruxelles, 1957, стр. 137—138.

¹⁴ J. J. Maquet, *Ruanda*, Bruxelles, 1954, стр. 66—83.

¹⁵ Генеральная ассамблея. Официальный отчет. 13 сессия. Доклад Совета по опеке о работе его 21 и 22 сессий, т. II. Нью-Йорк, 1958, стр. 46—47 (в дальнейшем — «Доклад Совета по опеке»); *Marchés tropicaux et méditerranéens*, 1959, 25 июня, стр. 1737.

туры: хинин (300 т в 1957 г.) и пиретрум (560 т в 1957 г.), а также фрукты¹⁶.

Поголовье крупного рогатого скота в африканских хозяйствах составило в 1957 г. 966 тыс., овец — 531 тыс., коз — 1698 тыс., свиней — 53 тыс. Наряду со шкурами и кожами экспортируется живой скот, который в значительных количествах перегоняется в восточные районы бывш. Бельгийского Конго¹⁷.

Усовершенствование земледелия и улучшение пород скота в Руанда-Урунди при колониальном режиме тормозится крайней бедностью, низкой доходностью и отсталостью подавляющего большинства крестьянских хозяйств. В стране остро стоят проблемы перенаселения, недостатка земли, эрозии почв, низкой продуктивности скота.

Промышленность Руанда-Урунди развита слабо. Продукция горнодобывающей промышленности идет исключительно на экспорт. Добыча полезных ископаемых сосредоточена в руках бельгийских компаний, часть акций которых держит правительство. Разведка недр монополизирована, например, компанией «Société des Recherches et d'Exploitation minière au Ruanda-Urundi». Основной рабочей силой на рудниках являются африканцы-отходники. Главную роль в горной промышленности играет добыча оловянной руды — касситерита, на которую приходится 85% стоимости продукции этой отрасли. Вся добываемая руда вывозится в необработанном виде. В самые последние годы начала развиваться добыча литиевой руды, которая служит сырьем для ядерной промышленности Бельгии и ее союзников по НАТО, а также вольфрама и бериллия. Добыча касситерита в Руанда-Урунди составила в 1959 г. 1,2 тыс. т, литиевой руды — 2,3 тыс. т, вольфрамитов — 100 т. Общее число рабочих, занятых в горнодобывающей промышленности, возросло с 13,2 тыс. чел. в 1949 г. до 17,2 тыс. чел в 1957 г.¹⁸ Обработывающая промышленность страны находится в зачаточном состоянии. Ее предприятия в основном заняты первичной переработкой сырьевых товаров для экспорта. На местный рынок работают цементные и кирпичные заводы, пивоваренные и мыловаренные предприятия, фабрики по производству рыбных сетей. Металлообработка представлена авторемонтными мастерскими и судоремонтными верфями. Большинство предприятий — мелкие и сосредоточены в административном центре страны — Усумбуре. Небольшая часть предприятий, в основном — пищевой промышленности, принадлежит африканцам¹⁹.

За полвека своего господства европейские колонизаторы не построили в стране ни одного километра железных дорог. Общая длина грунтовых и шоссейных дорог (10 тыс. км в 1959 г.) ничтожна по сравнению с территорией страны. Имеется местное воздушное сообщение²⁰.

* *

*

Накануне европейской колонизации как в Руанде, так и в Урунди население делилось на три замкнутые наследственные общественные группы, исторически связанные с этническими группами: батутси (знать), бахуту (крестьянство) и батва (слуги, вообще — низший слой общества). Традиция закрепляла за каждой из этих групп определенные общественные функции, виды работ и ремесел; браки между представителями разных групп были редки. Владение крупными массивами земли

¹⁶ «La situation économique du Congo Belge et du Ruanda-Urundi», Bruxelles, 1958, стр. 27.

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Доклад Совета по опеке», Нью-Йорк, 1958 г., стр. 48; «Marchés tropicaux et méditerranéens», 1959, 25 июля, стр. 1737; «Supplément. Bulletin Commercial Belge», 1959, № 4, стр. 5.

¹⁹ «Marchés tropicaux et méditerranéens», 1959, 25 июля, стр. 1737.

²⁰ «Americana», New York, 1959, стр. 646.

и большими стадами скота, административная власть и предводительство на войне являлись привилегиями батутси; плетение корзин и некоторые другие ремесла, считавшиеся «почетными», являлись привилегией женщин батутси. С другой стороны, такое ремесло, как гончарное, наряду с работой палача, считалось «низким» и было закреплено за пигмеями батва²¹.

В обоих государствах развивались феодальные отношения. Господствующий класс образовывал феодальную лестницу, на вершине которой находился король. Немецкий ученый Н. Мейер в следующих чертах описывает феодальную иерархию в королевстве Урунди. Король юридически имел абсолютную власть, считался верховным собственником всей земли и всего скота в стране. Страна делилась на провинции, давно превратившиеся в наследственные феодальные держания отдельных знатных семей. Правители провинций являлись непосредственно ленниками короля и обычно принадлежали к королевскому роду Баганва. Ленники короля делили свои владения на более мелкие — лены, которые давали в держание своим приближенным. Последние делили свои владения на еще более мелкие лены, которые держал низший слой знати. Ленники короля подразделялись на держателей земледельческих, скотоводческих и военных ленов. Первые были обязаны отдавать королю часть своих земледельческих продуктов. Вторые равным образом платили королю продуктами животноводства. Держатели военных ленов были обязаны по первому требованию являться на военную службу во главе отрядов крестьян²².

Крестьяне (бахуту) жили деревенскими общинами и за пользование землей платили непосредственно стоявшим над ними феодалам подати натурой (зерном, молоком, пивом и другими продуктами). Помимо натуральной ренты за землю, крестьяне вносили феодалам отработочную ренту: участвовали в строительстве их домов и амбаров, работали на их полях (до 3 дней в неделю), пасли их скот, выполняли для них различные домашние работы и мелкие поручения. В случае неисправного выполнения повинностей феодал мог согнать крестьян с его надела («итонго»)²³.

В Руанде и Урунди, наряду с феодальной системой пользования землей существовала феодальная система пользования другим важнейшим средством производства — скотом. Эта система именовалась в Руанде «убухаке», в Урунди — «убугабире». Большинство крестьян, владевших крупным рогатым скотом, являлось не собственниками, а держателями скота от представителей знати (батутси) или более зажиточных крестьян — бахуту на основе договора, который налагал на держателя скота определенные обязанности, напоминавшие поземельную ренту. Сколько бы ни длился срок договора, скот никогда не становился собственностью держателя и не подлежал забою. Держатель мог пользоваться только молочными продуктами от этого скота. В случае невыполнения условий договора скот отбирался у держателя («умугарагу») и возвращался к жалователю («шебуйе»). Держатель скота от одного лица мог одновременно выступать в качестве жалователя скота по отношению к другому лицу: так между семьями возникали отношения зависимости, передававшиеся затем из поколения в поколение.

Держатель скота был обязан строить для жалователя дома и краали, периодически делать ему приношения пивом и медом, ежегодно после сбора урожая приносить ему традиционную корзину сорго. Из приплода, полученного от скота, держатель был обязан выделять телку для приданого сыну жалователя, когда тот женился. Держатель сопровож-

²¹ J. J. Maquet, Ук. соч., стр. 154—165.

²² N. Meyer, Reiseberichte aus Ruanda und Urundi an das Reichskolonialamt, Berlin, 1911.

²³ «Bulletin juridique indigène et du droit coutume congolais», Elisabethville, 1947, octobre, N 4, стр. 33.

жалователя в его поездках, при необходимости охранял и защищал его дом, выполнял различные работы по дому и бесчисленные мелкие поручения. В свою очередь «шебуйя» оказывал «умугарагу» покровительство, защищал его в суде; в случае падежа скота у держателя жалователя должен был частично восполнить его потери. В случае, если держатель умирал, не оставив наследников, его скот возвращался к жалователю²⁴.

Батва представляли собою низший слой общества в королевствах Руанда и Урунди. Часть батва жила в лесах отдельными деревнями и вела там примитивное хозяйство, занимаясь охотой и собирательством. Другая часть жила в тех же селениях, что и бахуту и батутси и занимала там положение, близкое к положению рабов или слуг. Как упоминалось, батва выполняли определенные работы, считавшиеся достойными только их. Батва были слугами, танцорами, выполняли некоторые строительные и сельскохозяйственные работы, следили за порядком в краях. Батва, вступившие с бахуту в договор «убухаке», получали от них набедренные повязки и баранов, мясо которых только они потребляли в пищу, и становились их «клиентами»²⁵.

Феодалный уклад являлся господствующим, но не единственным в обществе Руанда-Урунди. Н. Мейер отмечал наличие у баньяруанда и барунди элементов патриархального рабства. Пережитки родовых отношений также были достаточно сильны. Отцовский род сохранял силу, как экзогамная группа; члены одного рода оказывали друг другу хозяйственную помощь. Торговля была мало развита, носила характер меновой торговли. Всеобщий эквивалент стоимости отсутствовал; скот предметом торговли не являлся. Степень общественного разделения труда была еще низка: подавляющее большинство населения, включая низшую прослойку знати, вело крестьянский образ жизни.

Сложившийся в Руанда-Урунди до европейской колонизации общественный строй сохранил многие свои черты вплоть до наших дней. Колонизаторы много сделали для того, чтобы укрепить в стране положение местной феодальной знати и использовать последнюю как свою основную социальную опору. Колонизаторы оставили почти без изменений систему феодальных поземельных отношений и феодальных повинностей крестьянства, связанных с землей. Феодалы различных ступеней были превращены в платных чиновников колониальной администрации, ответственных за определенные территориальные округа.

В настоящее время вся полнота власти в Руанда-Урунди принадлежит бельгийскому губернатору — «резиденту» и подчиненным ему европейским чиновникам. Территория Руанда-Урунди делится на два африканских государства — Руанда и Урунди. Во главе каждого государства стоит король, избираемый местной знатью и утверждаемый в должности губернатором. Каждого из королей контролирует бельгийский «резидент» соответствующей территории. С 1947 по 1960 г. существовал марионеточный «Совет Руанда-Урунди», являвшийся карикатурой на представительное учреждение: из 43 членов «Совета»²⁷ являлись бельгийцами и 16 — африканцами, в большинстве — представителями знати; все 16 африканских «депутатов» назначались «резидентом» по его усмотрению. Обе страны делятся на административные округа во главе с вождями: в Руанде таких округов 52, в Урунди — 36. «Вожди» назначаются из числа феодалов королями и утверждаются в должности «резидентом». Каждый округ делится на несколько районов. Во главе района стоит помощник вождя, выходец из той же феодальной знати. Вожди и помощники отвечают перед колонизаторами за проведение в жизнь приказов администрации, за поддержание «порядка», сбор

²⁴ «Bulletin juridique indigène et du droit coutume congolais», Elisabethville, 1946, стр. 19.

²⁵ Там же, стр. 5.

налогов и вербовку отходников, доносят бельгийским чиновникам обо всех происшествиях. До 1955 г. вожди и помощники оплачивались колонизаторами в зависимости от числа мужчин-налогоплательщиков в каждом районе (округе): в настоящее время вождь получает оклад в сумме 10 тыс. франков в месяц, помощник — 2500 франков в месяц. Помимо жалования, они получают различные пособия и льготы. Короли и вожди сочетают фиктивную административную власть с ограниченными судебными полномочиями. При каждом из них создан суд, в компетенцию которого входит разбор гражданских и мелких уголовных дел. Более серьезные дела подведомственны европейским судам²⁶.

В 1954 г., исходя из экономических соображений, колонизаторы специальным постановлением отменили феодальную систему держания скота — «систему убухаке — убагабире». По условиям реформы скот подлежал разделу между жалователем и держателем в следующей пропорции: треть скота, фактически находившегося в момент раздела в руках держателя, возвращалась «шебуйе», остальное превращалось в собственность «умугарагу». Реформа преследовала цель увеличить в экономике страны удельный вес товарного земледелия за счет некоторого сокращения удельного веса животноводства, освободить для производства экспортных культур новые земли и производителей-крестьян, а также высвободить от обязательств, связанных со старой системой, отходников для работы на рудниках и плантациях Бельгийского Конго, Уганды, Танганьики и Руанда-Урунди.

Крестьянство в Руанда-Урунди по-прежнему составляет основную массу населения. Крестьянские хозяйства — почти исключительно мелкие: на семью в среднем приходится менее 3 га пашни, в перенаселенных районах — 1,5 га. Уровень жизни крестьян чрезвычайно низок. В стране остро стоят проблемы недостатка земли, перенаселения и перегрузки пастбищ скотом, которые колониальные власти пытались разрешить путем насильственного переселения части крестьян за пределы страны, в Конго. В сельском хозяйстве широко применяется принудительный труд: каждый крестьянин-мужчина обязан отработать 60 дней на колониальную администрацию или предпринимателей-европейцев. Денежные поступления крестьянства складываются из доходов от продажи товарной сельскохозяйственной продукции и заработков отходников²⁷.

Общая экономическая отсталость страны, феодально-сословная система, а также недостаток земли серьезно тормозят в деревне рост крестьянской буржуазии. Политика колонизаторов в отношении зажиточных крестьян может быть охарактеризована как политика минимальных уступок. Зажиточные крестьяне лишены возможности приобретать землю в собственность. Создание африканских кооперативов, в чем зажиточные крестьяне были кровно заинтересованы, официально разрешено только в 1949 г. Контроль колониальной администрации над этими кооперативами был несколько смягчен в 1956 г., но до настоящего времени остается достаточно жестким. В 1958 г. в Руанда-Урунди имелось 4 сбытовых сельскохозяйственных кооператива и 5 объединений африканцев-производителей кофе²⁸. Помимо кулаков, африканская национальная буржуазия представлена мелкими торговцами и владельцами ремесленных мастерских. В 1952 г. корпорация африканцев-тор-

²⁶ «Mission de Visite des Nations Unies dans les Territoires sous tutelle de l'Afrique orientale. Rapport sur le Ruanda-Urundi», New York, 1958, стр. 12—13; «Rapport soumis par le gouvernement Belge à l'assemblée générale au sujet de l'administration du Ruanda-Urundi», Bruxelles, 1958, стр. 28.

²⁷ «Доклад Совета по опеке», Нью-Йорк, 1958, стр. 46—47; «Marchés tropicaux», 1959, 25 июля, стр. 1737.

²⁸ «Rapport soumis par le gouvernement Belge...», 1952, стр. 61—63; 1956, стр. 128; «Доклад Совета по опеке», Нью-Йорк, 1958, стр. 53.

говцев располагала капиталом всего в 100 тыс. франков. В целом национальная буржуазия в Руанда-Урунди остается слабой как по сравнению с феодальной знатью, так и по сравнению с местными европейскими предпринимателями²⁹.

Отходничество — новое явление в социальной жизни Руанда-Урунди, знаменующее собой начало становления нового класса — африканского пролетариата. Отходничество в массовых масштабах стало развиваться в стране в основном в военные и послевоенные годы, в тесной связи с ростом плантационного хозяйства и горной промышленности как в соседних колониальных территориях, так и в самой Руанда-Урунди. Число отходников из Руанда-Урунди в британские колонии, с властями которых местная администрация связана соответствующими соглашениями, возросло в 1948—1956 гг. с 31,6 тыс. чел. до 42,6 тыс. человек. Число отходников в Конго составило в 1956 г. 3,1 тыс. человек. В самой Руанда-Урунди в 1957 г. число работающих по найму африканцев составило 114,3 тыс. человек, из которых 20% было занято в сельском хозяйстве, 15% — в горнодобывающей промышленности, 10% — в строительстве; подавляющее большинство работающих по найму составляли отходники из деревень, и лишь незначительное меньшинство — кадровые рабочие или служащие, оторвавшиеся от деревни и родо-племенной среды. Заработная плата африканских рабочих в Руанда-Урунди чрезвычайно низка. В начале 1950-х гг. месячный заработок отходника, занятого в сельском хозяйстве Руанда-Урунди, составлял 180—240 франков, отходника-горняка — 200—270 франков. Квалифицированный рабочий, например шофер, получает 900—2000 франков в месяц³⁰.

К новым явлениям в социальной жизни Руанда-Урунди следует отнести и зарождение местной африканской интеллигенции. Ее рост, как и рост африканской буржуазии и кадрового пролетариата, тормозится отсталостью страны и условиями колониального режима. В послевоенные годы в стране появились немногочисленные писатели, художники, ученые из коренного населения. Писатель Найгизики пишет на языке суахили пьесы для народного театра. Кагамэ, викарий Руанды, богослов, лингвист и этнограф, записал и опубликовал свод норм обычного права баньяруанда. Юрист Санданье, советник суда при короле Руанды, издал работу, посвященную договору «убухаке-убугабре».

* * *

*

Национально-освободительное движение в соседних странах, особенно события в бывш. Бельгийском Конго, пробудили к борьбе народ Руанда-Урунди.

С 1959 г. в Руанда-Урунди стали возникать массовые политические организации коренного населения. В той или иной форме все они выступали с требованиями демократизации и «африканизации» управления и скорейшего предоставления независимости. В настоящее время в Руанде насчитывается четыре политические партии, в Урунди — тринадцать. Характерно, что движение на обеих территориях развивается обособленно, а партии представляют либо батутси, либо бахуту. В Руанда-Урунди пока нет реальной силы, которая объединила бы все партии; рабочий класс и национальная буржуазия слабы и немногочисленны. В стране нет профсоюзов, нет политического просвещения.

В создавшейся ситуации колонизаторы приложили все усилия, чтобы направить энергию масс в русло борьбы между бахуту и батутси: то

²⁹ «Rapport soumis par le gouvernement Belge...», 1952, стр. 61—63.

³⁰ «La Ruanda-Urundi», Bruxelles, 1959; «La situation économique du Congo Belge et du Ruanda-Urundi», Bruxelles, 1958; «Доклад Совета по опеке», Нью-Йорк, 1952.

ослабевающая, то вспыхивая снова, эта борьба продолжается до сих пор. С ноября 1959 г., когда территория Руанды превратилась в арену кровавых столкновений, здесь сожжены сотни деревень, истреблены тысячи голов скота, тысячи жителей изгнаны за пределы страны. Борьба батутси и батутси сочетает элементы классовой и племенной розни: напомним, что феодально-сословное деление общества совпадает с этническим, хотя не все батутси — феодалы, и не все бахуту — бедняки.

В новой обстановке колонизаторы оказались вынуждены маневрировать и пойти на некоторые уступки требованиям народов Руанда-Урунди. 10 ноября 1959 г. была объявлена программа реформ: формальная зависимость Руанда-Урунди от губернатора Конго отменялась, а административный союз двух территорий ограничивался областью финансов. Летом 1960 г. были проведены выборы в местные органы самоуправления в Руанде и сформировано местное правительство из африканцев и европейцев. Такие же выборы в Урунди намечено провести к концу 1960 г. Предоставление независимости Руанде и Урунди намечается на 1962 год.

Логика событий показывает, что во всех странах Африки, в том числе и в таких относительно отсталых странах, как Руанда-Урунди, нет больше места прогнившему колониальному режиму.

С О О Б Щ Е Н И Я

Э. ГРЕЙВЗ-АБАЙИЛЬ

О МОЕМ ОТНОШЕНИИ К ХРИСТИАНСТВУ

От редакции.

Ниже с незначительными сокращениями публикуется заметка ганаянца Э. Грейвз-Абайиль — первого представителя «Черной Африки», приславшего статью в советский исторический журнал. Грейвз-Абайиль — бывший христианский церковнослужитель, порвавший с христианской религией и призвавший своих соотечественников последовать его примеру. Редакция разделяет не все мысли автора. Грейвз-Абайиль совершенно прав там, где он оценивает христианское миссионерство как идеологическое орудие колониализма и указывает на несовместимость религии и науки. Он неправ там, где призывает к восстановлению старинной религиозной обрядности ганаянцев (речь в данном случае идет об обряде наречения имени у фанти, явственно отразившем веру в магию и культ предков), ошибочно рассматривая эту обрядность как безрелигиозную и соответствующую «принципам здоровой морали и интеллекта». В целом же заметка Грейвз-Абайиля представляет большой интерес. Нет сомнения в том, что со временем прогрессивные ученые молодой республики Ганы сумеют возродить и развить культурное наследие своего народа, в том числе его традиционную обрядность, полностью отделив ее от всякой — как христианской, так и дохристианской — религиозной шелухи.

До настоящего времени история Африки представлялась частью английской, французской, бельгийской истории. Не изучена и ранняя история Африки. Между тем на этом континенте в наше время образовался ряд независимых государств, история и культура которых требуют самого внимательного изучения.

Из помещенной в журнале «Observer» статьи «Отношение Советского Союза к развитию Африки» я узнал, что советские люди проявляют большой интерес к африканской культуре. В этой статье, в частности, сообщалось о создании в Москве, в системе Академии наук СССР, специального научно-исследовательского института Африки. основной задачей которого является изучение истории Африки и ее современных экономических и политических проблем¹.

Опубликованная мной в журнале «Freethinker» статья «Гана и психологическая независимость»² имеет непосредственное отношение к проявляемому в Советском Союзе интересу к африканской культуре.

Никто не станет отрицать, что экономическая и политическая независимость играют первостепенную роль в жизни каждого народа. Но едва ли можно считать полностью независимым и свободно развивающимся народ, не имеющий духовной или культурной независимости. Настало время говорить и об этой форме независимости, к которой ганаянцы должны стремиться и за которую должны вести борьбу.

Одна из причин господства белых над народами «Черной Африки» заключается в том, что африканцы беспрекословно приняли христианскую религию, богословие, этические принципы (например, в вопросах развода и полигамии) и обряды. Между тем, народ можно считать зрелой нацией лишь в том случае, если он не отказался, например, от своих законов, традиций и обрядов, не заменил их соответствующими обрядами другого народа. Отказываясь от этой части культурного наследия, народ тем самым показывает, что сам он не способен определить, что для него важно, ценно и близко.

Христианская миссионерская проповедь есть психологический и интеллектуальный империализм белых по отношению к аборигенам, живущим в сфере деятельности миссионеров. Насаждая христианскую религию и все, что с ней связано, миссионеры, опираясь на учение Христа, стремятся подчинить аборигенов влиянию богословских центров Европы.

Ганаянцы до сих пор сосредоточивали свое внимание исключительно на истории, цивилизации и теологии западного мира. Сейчас для них настала пора заняться исследованием своего прошлого для того, чтобы собрать, тщательно проанализировать, оценить, а затем заботливо развивать дальше свое культурное наследие.

¹ «Soviet views on African Development», «Observer», London, 18 октября 1959 г.

² «Ghana and Psychological Independence», «Freethinker», London, 12 июня 1959 г.

* * *

Позволю себе воспроизвести здесь с небольшими дополнениями мою статью, опубликованную в журнале «Freethinker» под названием «Обряд крещения у ганаянцев». В ней сравнивается обряд наречения имени в ганаянском племени фанти, к которому принадлежу, с крещением у христиан и оценивается, какой из этих обрядов более популярен и более действенно передает основные принципы здоровой морали и интеллекта.

У фанти родители выбирают имя того или иного родственника или члена племени, чей достоинства и характер должны служить образцом для ребенка. Иногда выбирается имя в память родственника либо какого-нибудь другого лица, или в честь какого-нибудь события. Например, мы с женой с гордостью называли нашего сына «Квеку Гана», так как он родился 6 марта 1958 г., в первую годовщину независимости Ганы. «Квеку» — в память моей любимой матери, «Гана» — в честь моей любимой родины.

Родственники и другие члены рода собираются обычно на восьмой день после рождения ребенка. Глава рода или же дядя или тетка берет ребенка на колени. После этого начинается важнейшая часть обряда. Тот, кто держит ребенка на коленях, спрашивает во всеуслышанье, как родители хотели бы его назвать. Родители называют имя и объясняют, почему они хотят дать его ребенку. Нарекающий имя, назвав ребенка по имени, опускает кончик пальца в воду и, смочив язык ребенка, говорит «Имярек, если ты скажешь, что это вода, значит это вода». Это делается три раза. Затем то же трижды повторяется с вином: «Имярек, если ты скажешь, что это вино, значит это вино». После этого нарекающий имя, поднявшись, совершает сначала водой, а потом вином возлияние усопшим предкам, поручая ребенка их заботе, любви и защите. Вслед за этим хозяева угощают всех присутствующих вином и освежающими напитками. Ребенку делают подарки, и, глядя на малыша, гости и хозяева произносят при этом шуточные дружеские благопожелания.

Значение обряда с водой и вином таково. Ребенок — человеческое существо. Поэтому, когда он вырастет, он должен осознать, что если он говорит «вода», он должен подразумевать под этим именно то, что говорит. Если же ребенок называет что-то вином, то он должен подразумевать под этим не воду, а вино. Другими словами, он должен признавать закон тождества. В соответствии с принципами морали ребенок должен быть честным, правдивым и верным своему слову и убеждениям. Чтобы заслужить доверие, он не должен говорить одно, а думать другое. Кроме того, вода символизирует мягкость, а вино — твердость характера. Ребенок должен совмещать оба эти качества. В зависимости от обстоятельств он должен быть непреклонным или мягким.

Возлияние воды и вина — простой, но серьезный обряд, близкий коренному населению Ганы и широко там распространенный. Он совершается в память усопших родственников и предков. Обряд служит как бы напоминанием о них; во время обряда к предкам обращаются, как к живым. При этом африканцы не тратят напрасно время на размышления о том, продолжают ли их умершие родственники и предки существование после своей смерти. Обряд возлияния неизменно сопровождается импровизированными речами, насыщенными пословицами и поговорками, исполненными глубокой народной мудрости.

Теперь вместо этого обычая в моем народе все шире распространяется новый обряд, по которому ребенку дается имя одного из святых (какого-то белого человека, жившего сотни лет назад в иной части земного шара, в иных условиях, в ином окружении, и чья жизнь, по писанию, была полна чудес); при этом ребенку льют на голову воду, сопровождая этот обряд словами: «Крещу тебя во имя отца и сына и святого духа».

* * *

Не по своей вине, не по своему решению или выбору ганаянец вынужден исповедовать чуждую его народу религию, завезенную в его страну из другой части света расположенной за тысячи миль от его родины, а именно — христианскую религию восточной и католицизма, в частности. Но теперь ганаянец начинает осознавать неизбежное неразрешимое противоречие, существующее между лицемерием богословов, с одной стороны, и Новым Заветом, особенно «Деяниями» и «Посланиями», — с другой. Его ставит в тупик факт существования в лоне христианской религии «истинного» католического и «истинного» протестантского обществ, каждое из которых вовлекает в свои ряды сотни миллионов людей — факт, бросающий тень на христианскую религию, поскольку ее учение послужило основой для двух противоборствующих лагерей.

Ганаянец начинает понимать, что его связь с этой религией была не чем иным, как напрасной тратой сил, причиной беспорядка и путаницы в его голове и ослаблением его воли. Он начинает сознавать, что был бы лучше и счастливее, если бы не был связан с этой религией; созерцая и познавая вселенную, явления природы и связывающие их отношения, он излек бы более возвышенную, содержательную, более непосредственную и правдивую религию, чем та, которую он получает от чтения Нового

завета (поскольку отношения между явлениями природы познаются наукой, а не воображением богословов). И он понимает, что единственно возможное отношение к той религии, единственный способ восстановить нормальное состояние духа и начать жизнь снова, освободившись от чуждых мнений, теорий и идей, состоит в том, чтобы искренне и во весь голос признать, что его связь с христианской верой вообще и с католицизмом в частности была жестоким проклятием в полном смысле этого слова.

Он понимает, что такое признание — единственный способ снять с себя это проклятие. И он использует любую возможность публично признаться в своем заблуждении, как это сделал я в своем четвертом письме в «Middlesex County Times», озаглавленном «Как я теперь это себе представляю»⁴. Такой ганаяец понимает, что если бы я посвятил сотую часть времени и энергии, которые он отдал исповеданию христианской религии, на то, чтобы познавать и хранить как зеницу ока культурное наследие своего собственного народа и других африканских народов, то в нем самом не было бы раздвоенности и он принес бы неизмеримо большую пользу своей стране.

⁴ «As I now see it», «Middlesex County Times», London, 2 ноября 1957 г.

Х Р О Н И К А

РАБОТА СЕКЦИИ АФРИКАНИСТИКИ НА XXV МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ВОСТОКОВЕДОВ

На XXV Международном конгрессе востоковедов, проходившем в Москве с 9 по 16 августа 1960 г., проблемам африканистики была посвящена работа XX секции; в ней приняли участие ученые из 20 стран мира. Отличительной чертой московской сессии Конгресса было участие африканских ученых из Анголы, Камеруна, Нигерии и Эфиопии. До последнего времени изучение Африки было монополией европейских и американских ученых, африканцы же не могли в силу условий колониального режима создать свои национальные научные кадры. Секция заслушала 35 докладов; из них 5 докладов было зачитано советской делегацией, 9 докладов делегатами из других социалистических стран и 21 доклад — делегатами из капиталистических стран. По своей проблематике доклады были весьма разнообразны; наряду с частными вопросами были подняты общие проблемы современного положения, истории, филологии и культуры африканских народов.

Пожалуй, наибольший интерес вызвала проблема государственности у африканских народов до европейской колонизации. Знаменательно, что столь важные проблемы исторического развития народов Африки разрабатываются теперь самими африканскими учеными. Так, Модилим Ачуфузи, докладом которого «Образование империи Сокото» открылось первое заседание секции, показал, что задолго до европейского проникновения в Африку народы Западного Судана создали мощные государства, которые мало в чем уступали феодальным государствам Европы и Азии. Докладчик вскрыл социально-экономические процессы, которые привели к возникновению государственных образований в Западной Африке. В докладе известного эфиопского ученого Текле Цадэ Мекурия были подняты весьма важные вопросы методологии изучения истории, а собственно Эфиопии, так и истории Африки в целом. Отдавая должное европейским исследователям, проф. Текле Цадэ Мекурия выразил надежду, что скоро будет создана всеобщая история Африки силами самих африканских ученых на африканских языках. Трехтомный труд Текле Цадэ Мекурия по истории Эфиопии, основанный на древнеефиопских источниках, может служить подтверждением реальности этих планов.

Ранней истории африканских народов были посвящены доклады советских делегатов В. В. Матвеева «О северных пределах распространения восточных банту (зинджей в X в.» и Л. Е. Куббеля «Древнейшее сообщение об обычае соправления брата и сестры у африканских народов».

Важная проблема общественного развития народов Африки была поставлена в докладе И. И. Потехина «О феодализме у ашанти».

Вопрос о существовании феодализма у ашанти и у других народов Африки имеет принципиальное значение, так как среди многих зарубежных исследователей распространена теория бесклассовости африканского общества. На основании большого фактического материала И. И. Потехин показал наличие феодальных отношений в обществе ашанти конца XIX — начала XX в. и существование феодальной собственности на землю. В докладе обрисованы характерные черты феодальных отношений в обществе ашанти. Доклад И. И. Потехина вызвал оживленную дискуссию. Проф. Дж. Д. Фейдж (Англия) стремился представить кровнородственные отношения у ашанти как фактор, определяющий всю структуру общества. Чувство родства, а не производственные отношения, по мнению Фейджа, определяют отношения между общинником и вождем, а отсюда и всю систему социальных отношений ашанти. Против ряда положений доклада И. И. Потехина выступил также английский ученый А. Эллот, отрицавший наличие экономической зависимости общинников от вождей. В дискуссии приняли участие также проф. М. Дж. Херсковиц (США) и проф. М. Ж. Тюбиана (Франция), не согласившиеся с некоторыми положениями доклада И. И. Потехина, но отметившие важность поставленной докладчиком проблемы. Африканский ученый Модилим Ачуфузи выступил в поддержку основных положений доклада.

Отвечая оппонентам, И. И. Потехин подчеркнул ошибочность противопоставления социальных и экономических отношений и показал определяющую роль экономических отношений в развитии общества.

Изменениям в социальной организации народов Северной Ганы был посвящен доклад немецкого африканиста Х. Штёбера (ГДР). В докладе прослеживается процесс превращения местных вождей в чиновников колониальной администрации. Вопрос о роли племенных вождей тесно связан со многими современными проблемами в африканских странах, на что указывали выступавшие в прениях Ж. Сюре-Каналь (Гвинея), Осенде Афана (Камерун) и проф. Потехин, который высказал мнение о целесообразности созвать в одном из университетов Африки симпозиум по вопросу о роли племенных вождей в Африке.

Весьма остро обсуждался на секции вопрос о значении европейской колонизации в исторических судьбах африканских народов. Директор Института Африки ГДР проф. К. Бюттнер в своем докладе об отмене работорговли в Африке, основываясь на архивных материалах, нарисовал картину бедствий, обрушившихся на африканские народы с приходом европейцев. Выводы докладчика были поддержаны Осенде Афана и С. Саксом (ЮАС). Последний показал в своем выступлении, как колонизаторы под предлогом распространения культуры уничтожали целые народы.

Затронутый К. Бюттнером вопрос о роли миссионеров в закабалении африканских народов вызвал резкое возражение шведского ученого Гаральда де Сикара, который стремился особо подчеркнуть положительную роль духовных миссий в Африке. Деятельность отдельных частных миссионеров заслонила де Сикару общие результаты колониальной экспансии.

Рассмотрению методов экономического закабаления Африки был посвящен доклад Ж. Сюре-Канала. В Западной Африке, сообщил докладчик, где французские компании не имели конкурентов, экономическое проникновение осуществлялось под лозунгом «свобода торговли»: крестьян, нуждавшихся в деньгах для уплаты налогов, заставляли производить и продавать экспортное сырье по ценам, установленным компаниями. В Экваториальной Африке, где французские компании столкнулись с конкуренцией мощных английских фирм, была создана система крупных концессий; здесь местное население эксплуатировалось главным образом на плантациях.

Ряд дополнительных сведений о деятельности французских компаний на Мадагаскаре привел в своем выступлении французский ученый П. Буато. Хозяйничание европейских компаний, подчеркнул проф. Буато, подрывает национальную экономику, превращает страну в сырьевой придаток метрополии. Проф. Буато указал, что компании, получая концессии на пользование землей в густонаселенных районах, насильственно превращают население в арендаторов.

С интересом были встречены доклады, посвященные национально-освободительному движению африканских народов. Советский делегат С. Р. Смирнов представил доклад «Роль махдистского восстания в консолидации северосуданской народности», в котором наряду с анализом процессов национальной консолидации показал борьбу суданцев против английских захватчиков в конце прошлого века.

Г. Лот (ГДР) в докладе «О значении ранних сектантских форм в восстании Виттоя в Юго-Западной Африке» осветил малоисследованную историю борьбы гереро и тоттентотов против германских властей. Антиколониальная борьба на ранних этапах, считает автор, часто приобретала форму религиозного движения; в действительности же эти народы боролись за национальную независимость.

Некоторые особенности экономического развития молодых африканских государств показал на примере Ганы немецкий африканист Х. Шиллинг (ГДР). Анализируя экономическую структуру Ганы, докладчик пришел к заключению, что в колониальных странах, стремящихся освободиться от экономической зависимости, государственная капитализм представляет собою на данном этапе прогрессивное явление. Содержательный, интересный доклад Х. Шиллинга вызвал оживленный обмен мнениями.

О тяжелом экономическом положении народа Нигерии в годы второй мировой войны сделал доклад Л. Н. Прибытковский (СССР).

Английский ученый А. Эллот затронул важную и мало изученную проблему развития права у африканских народов. Стремление автора подчеркнуть особое влияние высокоразвитых систем европейского законодательства на местное обычное право народов Африки подверглось справедливой критике в выступлении С. Сакса (ЮАС), который указал, что вопрос об эволюции права в Африке следует решать не с позиций западноевропейских норм права, а в соответствии с реальными условиями жизни и традициями африканских народов.

Большое место в работе секции заняли вопросы изучения многовековой культуры африканских народов. Африканский делегат Марио де Андраде (Гвинея) в своем сообщении «Современная африканская литература» выявил основные тенденции в литературе народов Африки. Некоторые буржуазные литературоведы до сего времени отрицали самостоятельное творческое развитие литературы африканских народов. В действительности же можно говорить не только о самостоятельности, но и о влиянии африканской литературы на творчество европейских писателей. Диссонансом прозвучал доклад известного американского этнографа М. Херсковица «Роль моделей культуры в африканской аккультурации». Докладчик не оценил должным образом созидательную деятельность народов Африки в области национальной культуры и не осудил насильственное насаждение отдельных элементов европейского образа жизни в колониях. Отвечая проф. Херсковицу, французский ученый Ж. Баланье заявил, что только в настоящее время, когда многие страны освободились от колониального гнета, африканские наро-

ды получили возможность самостоятельно решить, что им следует принимать и европейской культуры и что отвергать. С замечаниями по докладу проф. Херски вица выступил и И. И. Потехин. Культуре народов Африки были посвящены также доклады индийского ученого С. К. Чаттерджи «Об африканизме», В. Пак (Франция) «Традиционная символика поля и города на юге Сахары и в Судане» и Р. Итали андера (ФРГ) — «Отражение истории Африки в современном африканском искусстве». Проф. Р. Оливер (Англия) познакомил присутствующих с изучением африканской истории в Лондонском университете и университетских колледжах Тропической Африки.

Обсуждению на секции подвергся вопрос об археологическом изучении Африки. Р. Оливер, а затем Невиль Читтик (Англия), прочитавший доклад о новых археологических исследованиях в Восточной Африке, отметили большую важность проведения археологических раскопок для воссоздания истории африканских народов вплоть до XIX в., ибо археологические материалы в Африке являются часто единственным источником исторических сведений, если не считать устных преданий.

В большинстве докладов проявилось глубокое уважение к африканским народам их многовековой культуре. Единичные попытки подойти к изучению истории и судьбы африканских народов с расистских позиций получили должный отпор со стороны ученых. Так, доклад американского делегата Ч. Франца, который противопоставлял европейские и африканские народы в расовом и культурном отношении и по существу оправдывал позорную политику сегрегации в Южной Родезии, был подвергнут резкой критике в выступлениях С. Сакса и Л. Д. Яблочкова.

Расистские теории подверглись суровому осуждению в прениях по докладу Х. Кюне (ГДР) «Расизм и колониальная политика германского фашизма». Французский делегат П. Буато в своем выступлении отметил, что расизм культивировался не только германскими фашистами, он распространен в настоящее время в Западной Германии. Буато рассказал, в частности, о проведенной ЮНЕСКО в 1951 г. анкете «о разумности расизма». Из 2 тысяч ученых мира, заполнивших анкету, лишь в Западной Германии нашлись защитники этой «теории».

Секция заслушала также доклады: Б. В. Андрианова «Карта народов Африки», Г. де Сикара «Африканский демиург», проф. Э. Хаберланда (ФРГ) «К вопросу о культурах пастушеских племен Африки», Ж. Сервье (Франция) «Организация традиционной деревни в Кабилии», Отра Мамаду Траоре Рей (Гвинея) «Сообщение об этнографических предметах народности кисси (лесной район Гвинеи)» и проф. Р. Херцога (ОАР) «Упадок старых караванных путей между Суданом и Египтом».

За период работы Конгресса было проведено три специальных заседания под эгидой африканской филологии под председательством Д. А. Ольдерогге (СССР). Наибольшее внимание было уделено изучению языков семьи банту. Из лингвистических докладов отметим доклады А. Н. Тэккера (Англия) «Филология банту», К. Ф. Ружички (Чехословакия) «Некоторые проблемы синтаксиса банту», Н. В. Охотникова (СССР) «Соотношение системы именных классов и категории падежа в языках банту», Э. Даммани (ГДР) «Аппликатив в языках банту», Л. Риччи (Италия) «Сомалийский язык», Ш. Пелла (Франция) «Изучение берберской лингвистики со времени Кембриджского конгресса», Л. Фузелла (Италия) «Амхарская басня Мохаммеда Шатера. Текст и перевод», Ф. Р. Палмера (США) «Относительные предложения в языках Тигринья», Ю. Жан де Диану (Франция) «Займствование в языке сонгаи и в соседних языках», Н. Дессефи (ФРГ) «Идеологическое, семантическое и морфологическое сходство в ряде восточных языков».

В целом заслушанные африканской секцией XXV Международного конгресса востоковедов доклады свидетельствуют о больших успехах, которых добилась африканистика за период, прошедшей с предыдущего Конгресса (1957 г.). В настоящее время большой вклад в изучение Африки вносят ученые-африканцы.

Работа секции показала также, что значительных успехов добились советские африканисты, доклады которых поднимали чрезвычайно важные, актуальные проблемы африканистики.

На секции было принято несколько резолюций. В одной из них ученые, подчеркивая возрастающее значение исследований по африканистике, высказали пожелание создать Международный конгресс африканистов. Секция предложила учредить организационный комитет из ректоров ряда университетов и колледжей Африки, а также представителей Международного африканского института, Ассоциации африканских исследований США, французских африканистов, Института Африки АН СССР. В другой резолюции был поставлен вопрос о создании на XXVI Конгрессе востоковедов секции эфиопистики. Специальная резолюция касалась охраны памятников Нубии. От имени всех участников Конгресса проф. М. Херсковиц предложил принять резолюцию с выражением благодарности Институту Африки АН СССР за хорошую организацию работы секции. Все резолюции были приняты единогласно.

За период работы секции были установлены тесные научные связи между научными учреждениями мира и отдельными африканистами. В настоящее время перед африканистами стоит много проблем, ожидающих своего разрешения. Работа секции африканистики показала, что успешному решению этих проблем будут способствовать совместные усилия ученых всех стран, при обязательном участии ученых-африканцев.

И. Е. Синица

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1959 ГОДА

5—10 мая 1960 г. в Киеве состоялась Объединенная сессия Отделения исторических наук Академии наук СССР и Отделения общественных наук Академии наук УССР, посвященная итогам археологических и этнографических исследований 1959 года.

Открывая сессию вице-президент Академии наук УССР акад. А. Н. Щербань подчеркнул особое значение координации археологических и этнографических исследований по этногенезу и этнической истории народов, а также большую важность этнографического изучения процессов, которые происходят сейчас в жизни строящих коммунизм народов нашей Родины.

Задачи этнографической науки в эпоху строительства коммунизма сформулировал член-корреспондент АН СССР С. П. Толстов, — выступивший с докладом на первом заседании сессии. Он подчеркнул, что для развития этнографической науки огромное значение имеет постановление Центрального Комитета КПСС по вопросам партийной пропаганды в современных условиях. В этом документе развиты и конкретизированы решения, принятые историческим XXI съездом КПСС, наметившим грандиозную программу коммунистического строительства, одной из первоочередных задач которого является воспитание нового человека. С. П. Толстов показал необходимость участия советских этнографов в выполнении этой важной задачи. Советские этнографы должны выявлять в быту народов полезные, прогрессивные традиции и всячески их поддерживать. Они должны также выявлять и традиции отрицательные, чтобы помочь партии и государству вести борьбу за их преодоление. С. П. Толстов напомнил собравшимся на сессию, что в 1959 г., руководствуясь решениями XXI съезда КПСС, Институт этнографии АН СССР в тесном сотрудничестве с другими этнографическими учреждениями страны разработал и принял семилетний план, в котором намечены три основные направления исследований. Первое из них — изучение процессов, протекающих в советском обществе в связи с переходом от социализма к коммунизму. Для усиления работы по этой тематике в Институте этнографии создана Комплексная экспедиция. В 1959 г. работали 18 отрядов этой экспедиции. Проблемами современности занимались также все остальные экспедиции Института. С. П. Толстов отметил особую роль в изучении современности Северной экспедиции и Сектора народов Крайнего Севера. Материалы, собранные Северной экспедицией, были использованы правительством для реализации ряда практических мероприятий.

Немалый опыт в изучении проблем современности имеют этнографы союзных республик, в частности этнографы Украины. Особенно широко развернулись исследования быта крестьянства, которые нашли уже отражение в изданных монографических работах. В изучении быта рабочих, как отметил С. П. Толстов, преодолены еще далеко не все трудности. Недостаточно изучается советская интеллигенция.

Задачей этнографов на ближайшие годы, сказал С. П. Толстов, является создание большой коллективной монографии по культуре и быту советской семьи. В монографии должны быть показаны процессы, происходящие в семейном быту различных народов, и специфика этих процессов у каждого из них. С этой темой тесно связано изучение религиозных пережитков и борьбы с ними. Другой задачей является подготовка обобщающего труда, посвященного материальной культуре различных народов СССР, развитию ее в период перехода от социализма к коммунизму.

С. П. Толстов осветил в своем докладе и вторую проблему из числа трех, стоящих в центре внимания советских этнографов. Это — изучение этнического состава различных народов мира и протекающих у них этнических процессов.

Третья проблема включает разработку вопросов этногенеза, исследование древнейших этапов развития человечества, происхождения человека и человеческих рас. Исследования, посвященные этой проблеме, приобрели особую важность в настоящее время, когда в странах капитала распространены различные реакционные концепции.

В конце доклада С. П. Толстов предложил участникам сессии поставить перед Министерством народного образования вопрос о введении этнографических сведений в курс географии в средней школе и о необходимости преподавания этнографии на всех исторических и географических факультетах университетов и педагогических институтов страны.

С докладом «Былинная летопись» выступил акад. Б. А. Рыбаков. Он рассказал о существующих направлениях в изучении эпоса и сопоставил с былинными сюжетами археологические и летописные материалы. Б. А. Рыбаков не считает, что былины ждались всем народом, в любой деревне. Территория, на которой они возникли, включала, по его мнению, города Киев, Чернигов, Белгород. На этой территории велась ожесточенная борьба с кочевниками (печенегам, половцами), ставшая основным сюжетом русского героического эпоса. Б. А. Рыбаков подчеркнул, что эпос необходимо сопоставлять не только с отдельными историческими именами и фактами, но и с общим ходом развития русской истории, так как лишь в этом случае можно правильно его осмыслить.

Г. С. Маслова прочитала доклад «Русская народная одежда, как источник изучения этнической истории». Основываясь на материалах карт, подготовленных для Рус-

ского историко-этнографического атласа, Г. С. Маслова выделяет несколько групп русского народа, характеризующихся особенностями материальной культуры и быта, многие из которых уходят корнями в далекое прошлое.

По этнографической тематике участники сессии прослушали также доклад В. Ф. Горленко и К. Г. Гуслисто о периодизации истории украинской этнографии. Исходя из того, что в основе периодизации явлений лежат социально-экономические факторы, докладчики выделили в развитии украинской этнографии три периода: феодализма, капитализма и советский период. Для первого периода характерно зарождение научно-этнографических интересов на Украине (XV—XVIII вв.) и становление украинской этнографии как науки (конец XVIII—начало 60-х годов XIX в.). В период капитализма приходят в упадок буржуазные направления в украинской этнографии, в нее проникают идеи марксизма. Третий, советский, период является качественно отличным от двух предшествующих. Докладчики показали небывалый размах, который получила в этот период этнографическая работа на Украине, в особенности изучение социалистических преобразований в культуре и быте украинского народа.

Проблеме этнографического исследования процессов, протекающих в нашей стране в период перехода от социализма к коммунизму, было посвящено большинство докладов, прочитанных на объединенных заседаниях ученых советов Института этнографии АН СССР и Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР.

Доклад об изучении быта советского народа в период строительства коммунизма сделала Л. Н. Терентьева — начальник Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР. Она ознакомила собравшихся с итогами работы Комплексной экспедиции в 1959 г., рассказала, как осуществляет коллектив Института этнографии АН СССР обязательство, принятое им после исторического XXI съезда КПСС¹.

Т. А. Жданко в докладе «К проблеме развития социалистических наций Средней Азии на пути к коммунизму»² показала на конкретных примерах, как отражается в современных этнических процессах становление характерных для наций Средней Азии черт экономической и идеологической общности, постепенное изживание этнической замкнутости и раздробленности, рост взаимосвязей и интернационализма.

Т. В. Станюкович сообщила об этнографическом обследовании населения целинных совхозов Казахстана. Первая группа этих совхозов была организована в конце 1920-х годов, вторая — на протяжении последних четырех-пяти лет. Т. В. Станюкович отметила, что наблюдается известная стабилизация состава населения совхозов первой группы, преимущественно состоящего из русских, украинцев и казахов. В настоящее время уже имеется основа для формирования единой местной культуры. Во второй группе совхозов текущее население еще велика, а национальный состав пестр. Поэтому пока не приходится говорить о сложении культуры, общей для населения созданных в последние годы целинных совхозов, где культурные связи между его разнородными группами только налаживаются, что сказывается пока главным образом в жилищном строительстве.

В докладе Г. Е. Стельмаха, Е. М. Кравец и А. Ф. Кувеневой говорилось о состоянии и задачах изучения культуры и быта крестьянства Советской Украины. Особенно широко этнографические исследования колхозного крестьянства развернулись там после Великой Отечественной войны. Собранные материалы позволяют наметить основную тематику дальнейшей работы — поселения и жилище, общественный и семейный быт. По мнению докладчиков, главная задача этнографов при изучении жилища — выявить бытовые запросы сельского населения. Этнографы должны помочь использовать в новом жилищном строительстве национальные традиции в устройстве и обстановке домов. В общественном и семейном быту этнографы призваны исследовать процессы изживания пережитков вредных обычаев, развития и преобразования старых положительных традиций и создания новых.

Ростки нового, коммунистического быта попытались показать в своих выступлениях А. С. Кунцкий, Н. П. Приходько, В. Т. Зинич. Для этого они использовали материалы по современному градостроительству, по устройству жилища, семейному и общественному быту рабочих.

Этнографическое изучение быта рабочих Грузинской ССР было освещено в докладе А. И. Робакидзе. Грузинские этнографы, отметил докладчик, считают своей основной задачей изучение конкретных условий формирования кадров промышленных рабочих на предприятиях, возникших в различные периоды развития промышленности в Грузии. В результате выявлено, что на предприятиях с кадрами рабочих, сформировавшимися из местного крестьянства в XIX в. связи с сельским хозяйством. Это обусловило в какой-то мере довольно стойкую сохранность у них старых форм материальной культуры — поселений и типов жилища, традиционной пищи и др. Иначе сформировался быт рабочих промышленных предприятий, возникших в советскую эпоху. Часть рабочих, не утративших полностью связи с сельской жизнью, еще дорожат приусадебными участками с виноградниками, но большинство уже живет в рабочих поселках городского типа. Рабочие приходят на предприятия не непосредственно из села, как раньше, а получив производственную квалификацию. Характерны для

¹ Доклад Л. Н. Терентьевой см. ниже в настоящем номере журнала. — *Ред.*

² Доклад Т. А. Жданко опубликован в № 2 журн. «Сов. этнография» за 1960 г., стр. 7—20.

нового быта рабочих заключение смешанных браков и отсутствие прежней локальной ограниченности при заключении браков в среде одного народа.

А. И. Залесский поделился с участниками сессии своими соображениями о новых обычаях в среде трудящихся, одни из которых создаются заново, а другие основаны на лучших народных традициях. По мнению А. И. Залесского, этнографы должны принимать активное участие в этом процессе.

Доклад Л. А. Пушкаревой, Г. П. Снесарева и М. Н. Шмелевой «Религиозно-бытовые пережитки и пути их преодоления» базировался на материалах, собранных в Калининской, Костромской и Горьковской областях. Докладчики показали процесс отхода от религии и рост атеизма у разных поколений сельского населения исследованных областей. Они подчеркнули, что для развития атеистического мировоззрения в деревне огромное значение имеет создание новых праздников, новых форм проведения досуга и семейных торжеств.

На объединенном заседании этнографов, археологов и антропологов был заслушан доклад С. П. Толстова о скифах Восточного Приаралья. Докладчик рассказал об исследованиях, которые проводила Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция в районе древних русел дельты Сыр-Дарьи. Археологические материалы показывают, что на обширном пространстве между дельтами Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи жизнь человека не прекращалась ни в эпоху поздней античности, ни в раннем средневековье. Об этом свидетельствует преемственность культуры обитавших там древних и средневековых племен, выявленная на археологических и этнографических материалах, а также в результате анализа древних текстов (сравнение ранней средневековой этнонимии Приаралья с этнонимикой этой области во времена Птолемея). В заключение С. П. Толстов подчеркнул большое значение археологических памятников верхней дельты Сыр-Дарьи для дальнейших исследований этногенеза современных народов Приаралья (каракалпаков, туркмен, некоторых групп узбеков и др.)

С докладом «К вопросу об украинско-кавказских связях» выступил Л. И. Лавров, рассмотревший широкие и разнообразные политические, экономические и культурные взаимоотношения населения Кавказа, Крыма и Поднепровья в I тысячелетии до н. э. Эти связи прослеживаются по письменным и археологическим памятникам. Свидетельством возросших в X в. связей Руси с Кавказом докладчик считает возникновение на Тамани Тмутараканского княжества. Много сходного отметил Л. И. Лавров в быту заселения Киевской Руси и кавказских народов. Он указал на общность черт украинского и адыго-кабардинского жилища. Л. И. Лавров пришел также к выводу, что и в других элементах быта, материальной и духовной культуры нашли отражение исторические связи Украины с Кавказом. В условиях советской действительности эти связи переросли в братское содружество народов.

Ш. Аннаклычев рассказал о работе этнографов Туркмении, которые наряду с исследованием всего нового, прогрессивного в быту рабочих и крестьян изучают также пережитки феодально-патриархальных обычаев и обрядов, тормозящие рост культуры туркменского народа, в целях борьбы за их изживание.

9-го мая проходили заседания секций антропологии, этнографии и фольклора. На секции антропологии сделал доклад В. Д. Дяченко «Антропологические исследования Украины на современном этапе и критика реакционной сущности расистских концепций украинских буржуазных националистов». Кроме того, он выступил с подробным сообщением о больших достижениях антропологических исследований на Украине в последние годы. Вышел из печати коллективный труд «Материалы по антропологии Украины», где украинскими антропологами дан серьезный критический обзор антинаучных расистских концепций буржуазных националистов. В поисках новой методики исследований украинские антропологи достигли значительных успехов. На секции были также прочитаны доклады о палеоантропологических исследованиях на Украине (В. Д. Дяченко — «Раннеславянские памятники в районе Киева», М. С. Великанова — «О черепе из позднетрипольского Выхватинского могильника»).

Ряд докладов на секции касался антропологии других народов СССР: доклады М. А. Гремяцкого («Морфологические особенности ископаемой бедренной кости из-под Кисловодска»), В. В. Бобина («Антропологические находки последнего времени в долине Подкумка из-под Кисловодска»), В. В. Гинзбурга («Основные этапы истории формирования антропологических типов Северного Казахстана»). О палеоантропологических раскопках в Неаполе сообщила Т. С. Кондукторова. Е. И. Данилова сделала доклад о локомоциях современных обезьян в связи с формированием прямохождения и развития кости человека. Р. Касимова подробно информировала о развертывании антропологических работ в Азербайджанской ССР.

Секция этнографии разделялась на три подсекции: по изучению быта колхозного крестьянства, по изучению быта рабочих и по этнической истории.

На заседаниях первой из этих подсекций было прослушано девять докладов. С обстоятельным сообщением об этнографическом изучении сельского населения бассейна Кубани выступила Л. Н. Чижикова. Д. Вардунян доложил об особенностях культуры и быта армян Ростовской области. А. Э. Карапетян — об их семейном и общественном быте. По этнографии народов Кавказа на заседаниях первой подсекции были заслушаны также доклады Г. Н. Джавахишвили «Семейный быт колхозников Квирельского района Грузинской ССР» и Г. А. Сергеевой «Арчины» (К вопросу о путях развития малых народов Дагестана). В докладе У. Шалекенова гово-

рилось об истории некоторых «святых мест» на территории Каракалпакии. К. А. Тимофеева охарактеризовала современную свадьбу в буковинском селе.

Большую часть докладов и сообщений подсекции по изучению быта рабочих сделали украинские этнографы, отметившие ряд новых явлений в этой области. Д. М. Косарин — о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства, М. Ф. Ломова — о семейном быте рабочих г. Борислава, Е. И. Матейко — о современной одежде рабочих Украины, В. И. Наулко — о добровольных народных дружинах, Л. П. Шевченко — об общественном питании рабочих, Д. И. Фиголь — о производственном и общественном быте рабочих г. Львова, Ю. Г. Гошко — о связи Государственного музея этнографии и художественного промысла АН УССР с практикой коммунистического строительства. По другим народам был сделан только один доклад — Ф. А. Арипова о некоторых итогах изучения быта рабочих — узбеков³. Отсутствие докладов и сообщений по изучению быта рабочих других народов нашей страны — существенный недостаток организационной подготовки сессии 1960 г.

Разнообразна была программа заседаний подсекции этнической истории. Я. П. Прилипко проследил по материалам одежды этнические связи восточных славян и болгар. Культурные связи латышей с соседними народами охарактеризовала (также по материалам одежды) М. К. Слава. Б. А. Калоев прочел доклад о русско-чеченских культурных взаимоотношениях в дореволюционное время, М. С. Шихарева — о сельской общине у сербов в XIX — начале XX в. Т. Н. Чернышева сообщила об этнографических наблюдениях, проведенных на Украине в селах с греческим населением. В сообщении В. Д. Дяченко была рассмотрена топонимика деревень и сел Украины. О. Г. Мухамедова рассказала об этнографическом изучении мишарей, позволяющем выявить в их культуре ряд черт, связывающих их с соседними народами Поволжья — башкирами и чувашами, Г. Г. Громов — об исследованиях, проведенных Новгородской экспедицией кафедры этнографии Московского государственного университета.

10-го мая на объединенном заседании подсекций выступила Г. П. Васильева с докладом «Развитие национальных форм материальной культуры у народов Средней Азии и Казахстана в период перехода к коммунизму». Привлекая этнографические материалы, она показала, что в условиях построения коммунистического общества национальные формы материальной культуры отдельных народов развиваются на новой, социалистической основе; взаимосвязи между народами Средней Азии и Казахстана содействуют сложению общих элементов культуры этих народов; в процессе консолидации мелких групп и стирания локальных различий складываются межнациональные формы культуры, специфичные для двух или более народов, близких территориально или этнически.

На том же объединенном заседании К. К. Променицкий прочел доклад о новых чертах в народном искусстве и причинах их появления. Он привел примеры из области современной декоративной орнаментации и интерьера крестьянского жилища на Украине.

На заседаниях секции фольклора было заслушано 14 докладов и сообщений, большая часть которых была посвящена современному народному творчеству. Наибольший интерес представили доклады обобщающего характера: А. М. Кинько «О некоторых особенностях стиля современного фольклора», И. Я. Лазаревича «Облик советского человека в современном украинском народном творчестве» и Ф. И. Лаврова «Юмор и сатира в украинском фольклоре». М. П. Лиждвой говорила об украинских пословицах и поговорках в советскую эпоху, Г. И. Синченко — о фольклорных образах героев народных восстаний Довбуша и Кобылицы. М. С. Родина сообщила о новых фольклорных материалах, поступивших в отдел рукописных фондов Института искусствоведения, фольклора и этнографии, А. И. Гуменюк — об итогах хореографических экспедиций этого Института. И. А. Правдюк ознакомил собравшихся с новыми записями народных песен на слова Т. Г. Шевченко.

Значительное место в работе секции заняла проблема фольклора как исторического и этнографического источника. Связанные с этим методологические вопросы были поставлены в докладе В. К. Соколовой на эту тему⁴. Историко-познавательное значение фольклора подчеркивалось также в докладах И. П. Березовского «Загадки как источник для изучения исторического развития народа» и Р. С. Липец и М. Г. Рабиновича «К вопросу о времени сложения былин (Вооружение бога-тырей)»⁵.

Как положительный факт следует отметить доклады, посвященные народной поэзии и фольклористике западных и южных славянских народов (В. А. Юзвенко «Современная польская фольклористика», С. Н. Грица «Ф. Колесса и вопрос о взаимосвязях украинского песенного фольклора с фольклором соседних славян»).

Участники сессии отмечали, что в основном работа секции прошла плодотворно; что и в будущем на отчетных экспедиционных сессиях секция фольклора должна быть

³ Доклад опубликован в № 5 журнала «Сов. этнография» за 1960 г.

⁴ См.: В. К. Соколова, Фольклор как историко-этнографический источник «Сов. этнография», 1960, № 4.

⁵ Опубликовано в № 4 журн. «Сов. этнография» за 1960 г.

выделена. Вместе с тем было отмечено, что все прослушанные доклады касались только фольклора славянских народов (в основном украинского и русского), и было высказано пожелание, чтобы в дальнейшем на сессии был широко представлен фольклор разных народов Советского Союза.

Некоторые этнографы и антропологи принимали участие также в работе секций по археологии. Так, на секции палеолита старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР М. М. Герасимов прочел доклад на тему «Мальтинская палеолитическая стоянка и ее место среди палеолита Европы». М. М. Герасимов относит эту стоянку к своеобразной культуре, обладающей только отдельными формально-типологическими формами, сходными с верхним палеолитом Европы. Он считает, что истоком происхождения этой культуры является, вероятно всего, юго-восток Азии, а не Европа.

На объединенном заключительном заседании секций этнографии, антропологии и фольклора 10-го мая развернулись прения по прослушанным докладам и сообщениям. Было отмечено, что в 1959 г. заметно повысился теоретический уровень этнографических исследований. Вместе с тем обозначились и недостатки в этнографической работе. Так, этнографы еще до сих пор не добились всестороннего охвата современной этнографической тематики. Большое место в прениях заняло обсуждение задач, которые стоят сейчас перед этнографами в области изучения религиозных пережитков. Было высказано пожелание включить в программу сессии, которая состоится в 1961 г., больше теоретических докладов и организовать на ее заседаниях широкое обсуждение важных дискуссионных проблем этнографической науки.

е

О. А. Ганцкая

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1959 ГОДУ¹

Прошло около двух лет с момента созыва XXI внеочередного съезда КПСС, определившего грандиозную программу строительства коммунизма в СССР.

Итоги 1959 г., какой бы отрасли народного хозяйства мы не коснулись, показали, что трудящиеся нашей страны охвачены пафосом творческого, созидательного труда. Патриотические подвиги советских тружеников — рабочих, колхозников, инженеров и техников — налагают большие обязательства и на представителей советской науки. Руководствуясь решениями XXI съезда КПСС, все учреждения Академии наук СССР и академий союзных республик сразу же по окончании съезда приступили к составлению планов научных исследований на семилетие. Основные проблемы, выдвинутые в этих планах по разделу этнографической науки, были обсуждены на координационном совещании, состоявшемся в Москве в апреле 1959 г. Участники совещания одобрили инициативу Института этнографии АН СССР, выдвинувшего в качестве центрального направления исследований на семилетие 1959—1965 г. комплекс проблем, связанных с осуществлением строительства коммунизма в СССР. Представители большинства академических учреждений на координационном совещании также заявили о намеченном ими в наступившем семилетии значительном расширении исследований в области современной культуры и быта народов СССР.

Обширная исследовательская работа, запланированная на семилетие, потребовала усовершенствования форм научно-организационной работы, значительного расширения полевых этнографических исследований, обеспечения более тесной координации и кооперации в работе с другими научными учреждениями.

Самой крупной из семи многолетних этнографических экспедиций, функционирующих в Институте этнографии (а вместе с тем самой крупной из действовавших когда-либо в нашей стране), является Комплексная экспедиция по изучению изменений социально-бытового и культурного уклада у народов СССР в эпоху перехода от социализма к коммунизму.

Большинству отрядов экспедиции удалось установить тесный контакт с местными научными и научно-просветительными учреждениями или соответствующими кафедрами высших учебных заведений: проводились совместные полевые этнографические работы, либо отдельные специалисты этих учреждений включались в состав отрядов Комплексной экспедиции. Так, в работе Костромского отряда приняли активное участие сотрудники Костромского краеведческого музея, Центральный отряд установил тесные связи с Горьковским краеведческим музеем. В составе Кубанского отряда работали преподаватели Краснодарского педагогического института и Ростовского университета.

В Восточной Сибири (Приангарье) в составе отряда работали сотрудники Красноярского музея, а Забайкальский и Бурятский отряды кооперировались с Бурятским

¹ В статье использованы отчеты начальников отрядов экспедиции: Л. Н. Чижиковой (Кубанский отряд), Г. С. Масловой (Забайкальский отряд), Л. А. Пушкаревой (Костромской отряд), Л. М. Сабуровой (Приангарский отряд), Г. П. Снесарева (Центральный отряд), Т. В. Станюкович (Казахстанский отряд).

научно-исследовательским институтом. Соответственно обстояло дело и в кавказских отрядах; например, Адыгейский отряд совместно с Адыгейским научно-исследовательским институтом истории, языка и литературы приступили к исследованию преобразований культуры и быта колхозников Адыгеи.

К сожалению, с центральными институтами (особенно одного с нами Отделения — исторических наук) у Института этнографии еще не сложилось таких взаимоотношений, хотя к этому есть все основания. Опыт совместной работы институтов Этнографии и Археологии, между которыми установилась давняя и прочная научная связь, оказался очень удачным. В 1959 г. Институт этнографии, по предварительной договоренности с Пушкинским Домом (Сектор фольклора), вел совместную работу по изучению современности лишь в Костромской области. Прутско-Днестровская экспедиция в работе по подготовке труда по Молдавии установила связи с Институтом философии.

Растут деловые связи Института этнографии с отдельными ведомственными научно-исследовательскими учреждениями, работа которых выполняется по заданию плановых органов Совета Министров СССР или РСФСР. Так, этнографы на основании собранных полевых материалов подготовили зимой 1959/60 гг. для Института труда некоторые предложения, касающиеся перспектив использования трудовых резервов в нашей стране. Совместно с научно-исследовательским институтом «Сельстрой» Институт этнографии разработан вопросник для массового обследования сельского жилого фонда. Сектор Крайнего Севера Института этнографии также выполнил ряд работ по заданию планирующих и других государственных органов.

Комплексная экспедиция, созданная весной 1959 г., включает 18 отрядов. Основные исследования экспедиции в истекшем году были сосредоточены на территории РСФСР; здесь работало 15 отрядов, остальные три работали в Казахской, Армянской и Азербайджанской ССР. Основным объектом полевых работ экспедиции было сельское население, однако не только в колхозах, как это было в предыдущие годы, но и в совхозах, промысловых артелях, на лесосучастках и т. п.; кроме того, проводилась работа среди рабочих промышленных предприятий. Районы работы отрядов экспедиции были выбраны с учетом того, чтобы происходящие преобразования в быту и культуре проследить у населения, которое сформировалось в разных географических, хозяйственных и этнических условиях, имело различные традиции и хозяйственные навыки.

Главное внимание было уделено изучению русского населения. Среди русских работало восемь отрядов, т. е. почти половина всего состава экспедиции. В качестве объектов исследования были избраны центральные области РСФСР, Костромская, Горьковская, Ярославская с исконным русским населением, Смоленская область — смежная с БССР и Прибалтийскими республиками, Кубань — со смешанным русским и украинским населением. Изучалось также русское население Восточной Сибири — Красноярского края, Иркутской, Читинской области, Бурятской АССР, и, наконец, районов целинных земель Казахстана.

Полевые исследования развернулись также среди коренных народов Крайнего Севера: на Таймырском полуострове, где живут смешанно долганы, энцы, эвенки, на Амуре — среди ульчей, в Бурятской АССР — среди бурят. Изучались также мордва, карелы. Три отряда экспедиции работали на Северном Кавказе: в Дагестане, Чечено-Ингушетии и Адыгее и два — в Закавказье.

В 1959 г., продолжая ранее начатые работы по изучению преобразований в культуре и быту различных народов СССР или приступая к ним впервые в среде данного народа, коллектив экспедиции ставил перед собой задачу не ограничивать полевые исследования какими-либо узкими рамками, а стараться всесторонне изучать жизнь той или иной группы населения. Исходным при этом было положение, что проблема перехода от социализма к коммунизму решается в нашей стране в условиях многонационального государства и что в этот переходный исторический период будут активизироваться процессы, характеризующие дальнейшее развитие наций, народностей и этнографических групп. Эти процессы и должны зафиксировать этнографы.

Ярким примером может служить Кубань, где современное население складывается из русских и украинских элементов. При постоянном движении населения и длительном совместном существовании различных групп русских и украинцев они подвергались нивелировке, взаимовлияниям и смешению. В каждой станице можно встретить людей, предки которых пришли и из русских и из украинских губерний, и тем не менее даже теперь бросается в глаза разница в этническом составе населения западных и восточных районов края: в первых преобладает украинское по своему происхождению население, во вторых — русское. Украинское происхождение кубанского населения западных и частично восточных районов в настоящее время яснее всего прослеживается по языку. Что касается национального самосознания жителей обследованных станиц, то все они — и в западных и в восточных районах — называют себя русскими. Материальная и духовная культура населения бассейна Кубани представляют собой сочетание русских (преимущественно южных) и украинских особенностей; последние преобладают в западных, бывших черноморских, станицах. В какой-то мере на Кубани прослеживается (особенно в одежде и духовной культуре) и влияние нерусских народов Северного Кавказа.

Русское население обследованных районов Приангарья также крайне разнообразно по своему происхождению и этническим связям, что сказалось и на формировании

его культуры и быта. В Приангарье выделяются «старожилы», обосновавшиеся здесь с XVII—XVIII вв. (а может быть, и раньше), к которым присоединились и часть абorigенов (так называемые «ясашные люди» — буряты, эвенки и др.) и «новоселы», прибывшие сюда в конце XIX — начале XX в. и живущие иногда компактной группой, занимая улицу или целое село. В Забайкалье выделяются две основные группы русских: «семейские» и «сибиряки». Семейские — старообрядцы были высланы в Забайкалье во второй половине XVIII в. Их приселяли в деревни к «сибирякам», более старому населению, обосновавшемуся в этих местах с XVII — начала XVIII в. К сибирякам-сторожикам относятся и забайкальские казаки (экспедиция посетила два казачьих села). Русские на обследованной территории издавна находились в тесных взаимоотношениях с соседними народами: бурятами, эвенками, татарами и др. О смешении сибиряков-казачков и крестьян с бурятами свидетельствует сильно выраженная монголоидность их физического типа, тогда как у семейских ее почти не наблюдается.

Изучение процесса выработки общих форм культуры и быта на новой, социалистической основе, особенно усилившегося в последнее время, составляло одну из задач экспедиции. Приток населения в Приангарье и Забайкалье увеличился с развитием промышленных центров, особенно же в связи со строительством Братской ГЭС. Пополнялись и колхозы переселенцами из разных областей Европейской части РСФСР; возникали новые леспромыхозы, рабочие поселки, совхозы с пришлым населением. Создание смешанных русско-бурятских колхозов и совхозов имело огромное значение для сближения этих групп. За последние годы существенно изменился национальный состав Карелии, куда, в связи с развитием лесной промышленности и организацией новых совхозов, увеличился приток русского и белорусского населения. Это находит отражение в быте, культуре и языке. Аналогичные процессы наблюдаются в республиках Советской Прибалтики. Большой интерес представляют этнические процессы, происходящие в районах целинных земель Казахстана. Исследования Казахстанского отряда показали, что в совхозах в настоящее время проживают представители свыше 28 национальностей, причем наиболее многочисленными группами являются русские, украинцы и казахи. В языковом отношении во всех совхозах старого типа наблюдается смешанный русско-украинский диалект, на котором говорят и казахи; русские же старожилы хорошо владеют казахским языком.

Все отряды Комплексной экспедиции уделили значительное внимание сельскохозяйственному производству в обследуемых колхозах и совхозах, в подавляющем большинстве которых зафиксирован его крутой подъем и выявлены перспективы дальнейшего расширения общественного хозяйства и его преобразований в соответствии с семилетним планом.

Наиболее яркие в этом отношении материалы кубанских колхозов. В 1959 г. было проведено этнографическое обследование восьми колхозов, расположенных в различных климатических и почвенных зонах Кубани, что обусловило некоторые особенности извлечения их хозяйства. Все эти колхозы являются крупными, хорошо оснащенными техникой многоотраслевыми хозяйствами с земельной площадью до 20—26 тыс. га, с числом трудоспособных членов колхоза от 2 до 5 тыс. чел. В 1958 г. большинство колхозов имело высокие доходы — от 2 до 42 млн. руб., что составляло по 160—220 тыс. руб. дохода на каждые 100 га сельскохозяйственных угодий. До недавнего времени ведущее место в экономике сельскохозяйственных районов Кубани занимали производство зерна и мясо-молочное животноводство. Урожай зерновых на Правобережье Кубани достигают 30—35 центнеров с га, в Закубанье — 20—25 центнеров с га. В течение семилетия направление хозяйства несколько изменилось за счет внедрения посевов сахарной свеклы, расширения фруктовых садов и виноградников. Прикубанье станет ведущим экономическим районом РСФСР по производству сахара. Уже сейчас введен в строй ряд новых мощных сахарных заводов. В течение семилетия еще больше возрастет доходность колхозов. Все это благоприятно отразится на дальнейшем переустройстве быта колхозников Кубани.

Богатый материал для изучения условий быта сельскохозяйственных рабочих дало знакомство с совхозом Караваево Костромской области — одним из крупнейших животноводческих хозяйств страны. Совхоз был организован в 1930-е годы и привлек тогда крестьян не только из окрестных мест, но и из отдаленных районов страны. Этнографические наблюдения показывают, как своеобразно формировался быт этого крупного коллектива рабочих совхоза и их семей, в начале разнородного по своим традициям и культуре.

Центральный отряд Комплексной экспедиции работал в заволжских районах Горьковской области. Горьковское Заволжье издавна привлекало внимание исследователей своеобразием хозяйственного уклада и особенностями быта его населения. Этот край всегда был известен своими лесными богатствами, что в известной степени отразилось на его хозяйственном облике. Подзолистые почвы основных районов Заволжья не давали достаточных урожаев зерновых культур; полеводство не имело здесь особого значения, за исключением исконого для этих мест льноводства. Поэтому с давних времен в крае широкое развитие получили кустарные ремесла, связанные в основном с обработкой дерева. Низкому уровню хозяйства этого глухого лесного края соответствовал бытовой уклад населения, сохранявший многие архаические черты. Немало способствовало этому и исконое для этих мест старообрядчество. За годы Советской власти в экономике, быту и культуре населения Заволжья произошли огромные изменения. Основой экономики края стало колхозное сельское хозяйство, ведущими отраслями которого являются

молочное животноводство и льноводство, развивающееся на новой технической основе и имеющее здесь богатые перспективы. Ремесло полностью преобразовано на кооперативных началах.

Интересны экспедиционные материалы, характеризующие хозяйственную деятельность ряда колхозов Восточной Сибири, Забайкалья и Приангарья. Сельское хозяйство этих районов реконструируется с учетом ожидаемого большого прилива населения в связи с грандиозным развитием промышленности, намеченным семилетним планом. В колхозах и совхозах осваиваются новые отрасли сельского хозяйства. Взят курс на усиленное развитие животноводства и огородничества. Строительство Братской ГЭС связано с ним затоплением большой площади вызывает перебазирование ряда колхозов на новые места, а также перестройку хозяйства колхозов ввиду необходимости обслуживания нужд промышленного населения.

Грандиозно по размаху преобразования в Казахстане. Только за четыре года (1954—1958 гг.) там было освоено 23 млн га целины, создано 337 целинных совхозов в степных районах, не имевших прежде постоянного оседлого населения, и свыше 500 совхозов слабо заселенных районах. Только в 1958 г. Казахстан вырастил для страны свиней 950 млн. пудов зерна, заняв второе место в Союзе.

Отрядами Комплексной экспедиции отмечено, что почти повсеместно в СССР в результате больших сдвигов в развитии сельскохозяйственного производства ликвидирован или резко сократился неорганизованный отток сельского населения в города. Молодежь после окончания школы или возвращения с военной службы, как правило, остается теперь в деревне. Большим достижением является пополнение за счет молодежи кадров, занятых в животноводстве. Так, в Костромской области на колхозных фермах работает уже свыше 3 тыс. девушек, что составляет половину всех животноводов области.

Отряды экспедиции основное внимание уделили нескольким темам: постепенное превращение сельскохозяйственного труда колхозников в разновидность индустриального, сближение граней между физическим и умственным трудом, развитие коммунистического отношения к труду, преодоление частнобуржуазных пережитков, что проявляется в частности в степени участия колхозников в общественном труде и личном хозяйстве.

Собраны данные об изменении профессионального состава сельского населения: наблюдается заметное увеличение в сельской местности механизаторов, специалистов сельского хозяйства, сельской интеллигенции. Уже сейчас многие семьи в деревнях нельзя назвать крестьянскими, настолько различен по роду деятельности и социальному положению их состав. Это еще раз убеждает этнографов в необходимости решительнее переходить к изучению культуры и быта различных общественных групп народов СССР.

Всеми отрядами экспедиции отмечен рост материального благосостояния колхозников и рабочих совхозов. Некоторыми отрядами проводилось бюджетное обследование семей. Наиболее высокий материальный уровень жизни колхозников по РСФСР зафиксирован на Кубани и в некоторых пунктах Северного Кавказа. Здесь уже стало повседневной действительностью, что колхозники имеют оплаченные отпуска, передовики сельского хозяйства получают бесплатные путевки в санатории и дома отдыха Черноморского побережья. В этих колхозах установлены пенсии трех категорий, введена оплата по больничным листам, почти везде есть дома для престарелых колхозников, находящихся на полном обеспечении колхоза. Доходы с приусадебных участков в большинстве случаев составляют небольшой процент в бюджете колхозных семей Кубани.

В материалах большинства отрядов нашли отражение намечившиеся изменения в быте колхозников, вызванные начавшимся переходом от расчетов с колхозниками по трудовым и гарантированной денежной оплате. Этим, в частности, вызвано значительное сокращение личного приусадебного хозяйства. Известны и случаи полного отказа от участка или от содержания в личном пользовании скота.

Отрядами экспедиции собраны также материалы по истории поселений, по современному хозяйственному и культурно-бытовому их облику, по состоянию жилого фонда и ходу нового сельского строительства. Большинство отрядов был применен статистический метод подворного обследования усадеб. По темпам жилищного строительства одно из первых мест в РСФСР занимает Краснодарский край. При строительстве новых домов здесь, как и в других местах, используются народные традиции, но вводятся много диктуемых современной жизнью изменений и усовершенствований в конструкции, планировке, отопительной системе и пр. На Кубани широко применяются местные строительные материалы — глина, солома, камыш, камень, а в закубанских предгорных районах — дерево. Много строится турлучных и саманных домов, но в последние годы широко внедряется в строительство кирпич, шлакоцемент, бетонированный ракушечник. Дома большей частью из 3—5 комнат, снаружи оштукатурены или обшиты тесом и почти всегда окрашены. Для местных традиций характерны большое число окон, пристройка открытой галереи, крытый коридор, застекленная терраса.

Взросшие культурно-бытовые запросы сельского населения особенно сильно проявляются в убранных и благоустроенных жилых помещениях. Там можно видеть не только электричество, радио, домашние библиотеки, фабричную мебель, — словом, все то, что стало обычным для многих колхозов нашей страны, — но и такие нововведения, которые в будущем станут распространенным явлением в сельской местности: телевизоры, паровое отопление, газовые плиты, ванны комнаты, канализация и водопровод. Современное сельское жилище на Кубани все более сближается с городским.

Материалы по жилищиу колхозников Дагестана также показывают изменения в планировке, выборе строительных материалов и пр. В частности отмечается, что саманные постройки постепенно проникают все дальше в горы, где раньше строили только из необработанный камня. Старые двухэтажные дома (с помещением для скота в первом этаже) сменяются одноэтажными, в которых жилая площадь больше, чем была в старых домах, а помещения для скота стоят отдельно. В Азербайджане, Дагестане и Чечне отмечена большая тяга к возведению над плоскими крышами новых четырех- или двухскатных шиферных крыш.

Темпы освоения целины в Казахстане потребовали и от строителей интенсивных темпов в застройке новых сел. Об этом говорят цифры ассигнований на капитальное строительство: только по Кустанайской области в 1954—1958 гг. на капитальное строительство было израсходовано свыше миллиарда рублей, в среднем по семь миллионов на каждый совхоз; за эти годы было выстроено и сдано в эксплуатацию около 800 тыс. кв. метров жилой площади, свыше 50 детских учреждений, 113 столовых, 116 магазинов, 129 пекарен, 139 общественных бань и свыше тысячи зерноскладов, животноводческих ферм и машинно-тракторных мастерских.

Нельзя однако умолчать о крайне антихудожественной продукции, проникающей с рынка в деревню (грубо намалеванные коврики, безвкусные картинки и гипсовые изделия и т. п.). Для борьбы с этим необходим широкий заовз в сельские магазины декоративных изделий нашей художественной промышленности. Следует поставить вопрос и перед руководством художественной промышленностью о необходимости расширения ассортимента недорогих декоративных изделий, в которых нуждается современная деревня.

Материалы по одежде представляют значительный интерес, но требуют подробного разбора. В настоящем сообщении укажем лишь, что русские в обследованных районах Европейской части РСФСР утратили национальные и локальные особенности в одежде, исключая старообрядцев Горьковской области, хотя и здесь эта одежда сохраняется скорее как обрядовая у пожилых женщин. Русские Сибири в большей мере сохранили местный колорит в одежде, но и там, как и в ряде других мест, это проявляется в основном у бывшего старообрядческого населения (например, группа «семейских» в Бурятии, бухтарминцев в Казахстане). На Кубани и в республиках и областях Северного Кавказа наблюдается своеобразный процесс преобразования народного костюма: приближение его к городскому, вместе с сохранением в нем многих местных элементов.

У бурят старая национальная одежда, приспособленная к кочевому образу жизни и верховой езде, оказалась неудобной в новых условиях и сохраняется кое-где лишь среди старшего поколения; молодежь носит одежду городского покрова, которая чаще всего приобретаетс в сельских и городских магазинах, но нередко изготавливается и дома. В результате возросшего благосостояния колхозников изменились их вкусы и запросы (например, ко дню празднования 300-летнего юбилея добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства все бурятки колхоза им. Карла Маркса изыявили желание присутствовать на торжестве в платьях только из панбархата, что и было в полной мере учтено магазином селпо).

Подытоживая материалы о преобразовании домашнего быта сельских жителей, полученные отрядами Комплексной экспедиции, можно отметить некоторые общие черты этого процесса. Наряду с быстрым ростом материального благосостояния колхозников и рабочих совхозов повсеместно отмечается рост материальных и духовных запросов жителей села. Интенсивно протекает процесс сближения быта сельских жителей с бытом городского населения, что особенно заметно в селениях, расположенных ближе к городам или крупным промышленным центрам, или в тех, где в среду сельского населения проникает значительный процент бывших городских жителей (например, в целинных районах Казахстана). Вместе с тем в современном быту народов СССР сохраняются многие национальные или локальные черты, особенно в материальной культуре (архитектура, внутреннее убранство жилища, одежда, пища).

Отрядами экспедиции проводилось также исследование семейного быта колхозников и рабочих в различных районах РСФСР. Отдельными отрядами в 1959 г., как и раньше, применялось статистическое подворное обследование. Особое внимание было уделено изучению семейной обрядности. Перечислим некоторые процессы, характерные для современного этапа развития сельской семьи. Для настоящего времени типичен смешанный состав семей по профессиям и социальному положению их членов, а также по национальной принадлежности. Большой интерес представляют материалы о взаимоотношениях поколений в семье, об изживании старых вредных традиций приниженного положения женщины. Большой материал собран участниками экспедиции в Дагестане (см. статью Г. А. Сергеевой в № 5 журнала «Советская этнография» за 1960 г.).

В работе всех отрядов экспедиции большое место занимало изучение культурной жизни колхозного крестьянства народов СССР. Сопоставление материалов из разных районов страны дает возможность сделать заключение о быстром росте культурного уровня сельского населения, однако развитие различных видов культурно-просветительной работы далеко не одинаково в отдельных районах республики. Отрядами зафиксировано много случаев, когда культурные запросы населения не удовлетворялись в той мере, как это требовалось бы. А это особо следует учесть теперь, в связи с приливом молодежи в села, в частности — специалистов. Кадров культурно-просветительных учреж-

дений в селах часто мало квалифицированы и не инициативны. Этот вопрос требует серьезного внимания. Нельзя допускать, чтобы культурная жизнь села отставала от бурного хозяйственного роста, наблюдающегося по всей стране. Одна из задач этнографов — способствовать повышению культурной работы в деревне.

Значительное место в полевых работах 1959 г. занимали темы, характеризовавшие процесс формирования атеистического мировоззрения у народов СССР и пути преодоления религиозных пережитков. В обзорной статье трудно ознакомить с содержанием собранных по этим актуальным вопросам материалов². По всей стране активно идет формирование атеистического мировоззрения. Одновременность исследований и большая территориальная широта охвата полевыми работами позволили определить степень интенсивности этого сложного процесса в разных пунктах страны, его специфические черты, подметить, что способствует или мешает его ускорению.

Интенсивность распространения атеистического мировоззрения находится также, конечно, в прямой зависимости от степени вовлечения членов того или иного сельского коллектива в общественную жизнь, от уровня воспитательной работы, от степени удовлетворения культурных запросов трудящихся села. Там, где население активно участвует в работе местных органов советской и колхозной демократии или где особенно высок уровень культурной жизни села (хорошо работают клубы и дома культуры, развита художественная самостоятельность, систематически ведется лекционная работа и т. д.), там значительно успешнее преодолеваются вредные пережитки прошлого в сознании людей, в том числе и религиозные пережитки. Параллельно с отказом от исполнения религиозных обрядов и празднеств наблюдается формирование новых общественных и семейных праздников, создание новых традиций в этой области, соответствующих взглядам и современному образу жизни советских людей. Наблюдения этнографов вместе с тем свидетельствуют, что научно-атеистическая пропаганда должна быть значительно усилена, ибо борьба за преодоление пережитков в сознании людей является одним из важнейших участков нашей идеологической работы.

* *
*

Работа Комплексной экспедиции рассчитана на ряд лет. Коллективом экспедиции одновременно с камеральной обработкой материалов и подготовкой их к публикации проделана большая работа по составлению новых вопросников и программ. Кроме обеспечения ими отрядов экспедиции, Институт в ответ на запросы разослал программы во многие этнографические учреждения страны. В настоящее время ведется подготовка к публикации сборника программ и инструкций для полевых этнографических исследований.

Л. Н. Терентьева

ОЧЕРЕДНОЕ ПРИСУЖДЕНИЕ ПРЕМИИ ИМЕНИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ

В 1946 г. в связи со столетием со дня рождения великого русского путешественника и ученого — этнографа и антрополога Н. Н. Миклухо-Маклая Советским Правительством учреждена премия его имени. Премия размером в 10 тыс. руб. присуждается Академией наук СССР один раз в три года за оригинальные работы в области общей этнографии, этнографии Океании и Юго-Восточной Азии, этнической антропологии и географии Тихоокеанских стран, имеющие крупное значение для развития этих разделов науки.

В 1960 г. премия имени Н. Н. Миклухо-Маклая присуждена доктору исторических наук проф. М. Г. Левину за книгу «Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока», вышедшую в серии Трудов Института этнографии АН СССР (т. XXXVI) в 1958 г. Книга эта — плод многолетнего труда ее автора, собравшего, проанализировавшего и обобщившего огромный материал, полученный в результате собственных полевых и лабораторных исследований, изучения обширной литературы, привлечения данных смежных дисциплин — этнографии, археологии, лингвистики. Автор, следуя традициям Анучинской школы, с успехом применяет принятый в советской науке комплексный метод исследования, создав ценный труд, основанный на использовании различных видов источников для решения сложных проблем этногенеза населения Дальнего Востока. В книге рассмотрены также вопросы соотношения антропологических типов и этнических общностей, расовой систематики, методы расового анализа. Этот круг вопросов теснейшим образом связывается автором с центральной темой — использования антропологического материала в качестве исторического источника³.

² Изложение материалов об атеизме в среде русских колхозников см. в статье Л. А. Пушкаревой, Г. П. Снесарева, М. Н. Шмелевой «Религиозно-бытовые пережитки и пути их преодоления», журн. «Коммунист», № 8 за 1960 г. Институт этнографии готовится также к публикации сборник «Религиозные пережитки и пути их преодоления».

³ Подробнее см. рецензии на эту книгу: Я. Я. Рогинского в журн. «Сов. этнография», 1959, № 1; В. В. Гинзбурга и И. И. Гохмана — «Вопросы антропологии», 1960, № 1.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР. Под редакцией С. П. Толстова, М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова. Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Изд. АН СССР, М., 1960, 365 стр.

Рецензируемая книга представляет собою один из двух выпусков, посвященных народам Азии, в серии «Очерки общей этнографии» («Зарубежная Азия» и «Азиатская часть СССР»).

В Азии живет более половины всего человечества. В силу исторических условий экономическое и культурное развитие народов Азии шло неравномерно. Одни страны, как, например, Индия, Средняя Азия, Закавказье, уже в древности стали центрами мировой цивилизации, другие же оставались на более низком уровне развития. В силу этих обстоятельств и в силу ряда исторических причин, вызвавших замедленные темпы развития стран с древней высокой цивилизацией, многие из стран Азии были превращены в колонии европейских государств и, позже, США.

Народы Сибири, Кавказа, Средней Азии и Казахстана, вошедшие в состав России, в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции доказали своим примером народам зарубежной Азии, каких высот в развитии экономики и культуры может добиться свободный народ, являющийся хозяином своей страны. Поэтому необходимость в обобщающем труде, рассказывающем о процессах преобразования экономики и быта народов Кавказа, Средней Азии и Сибири, о современной, национальной по форме и социалистической по содержанию культуре народов этих стран, была очень велика.

Рецензируемая книга «Азиатская часть СССР» состоит из предисловия от редакции и трех очерков: «Народы Кавказа», «Народы Средней Азии и Казахстана», «Народы Сибири», подготовленных авторским коллективом Института этнографии АН СССР.

В предисловии оговорено, что «описание русского (и другого европейского по происхождению) населения» Азиатской части СССР будет дано в подготовленном к печати очередном выпуске «Очерков общей этнографии» — «Европейская часть СССР» (стр. 3).

В конце книги помещена рекомендуемая по каждому очерку литература. Книга богато иллюстрирована (174 фотоснимка, из них большая часть оригинальных, и специализированные заставки и концовки работы художника А. А. Люминарского). Каждый из очерков снабжен картой современного расселения народов, которым посвящен данный очерк.

Первый очерк в книге — «Народы Кавказа» (стр. 5—154). Автор его — В. К. Гарданов; участвовали в написании очерка сотрудники Института этнографии АН СССР Т. Ф. Аристов, Г. Ф. Дебедз, Б. А. Калоев, Г. А. Сергеева, Н. Ф. Такоева, А. Г. Трофимова и сотрудник Академии наук Армянской ССР Д. С. Вардунян (раздел «Армяне»). В очерке использованы материалы покойного Е. М. Шиллинга. По объему этот очерк больше каждого из двух последующих. Это вполне понятно: как справедливо отмечают авторы, «Кавказ, с древнейших времен отличавшийся сложным этническим и языковым составом и известный еще в литературе раннего средневековья под названием «Горы языков», и сейчас является одной из наиболее многоязычных территорий СССР» (стр. 10). На Кавказе обитает около пятидесяти больших и малых народов, каждый из которых обладает своими особенностями исторического развития, культуры и быта. Показать эти особенности в сравнительно небольшой обобщающей работе — очень нелегкая задача, впервые поставленная и, как мы увидим дальше, в целом успешно решенная советскими этнографами-кавказоведами.

Раздел открывается коротким введением, сообщаящим общие сведения о Кавказе: о его географических условиях и административном делении, этно-лингвистическом и антропологическом составе, основных этапах этнической и культурной истории его населения. Авторский коллектив уделил большое внимание показу элементов общекавказского историко-культурного единства и культурных связей кавказских народов с соседними народами Передней Азии, Причерноморья, Руси. Удачно, хотя по необходимости в самой сжатой форме, показано развитие кавказско-русских связей, укрепившихся после присоединения Кавказа к России и ставших особенно плодотворными после Великой Октябрьской социалистической революции, когда братская помощь русского народа и других народов Советского Союза помогла народам Кавказа в кратчайший исторический срок преодолеть свою экономическую и культурную отсталость.

Показ основных элементов общекавказского этнографического единства позволил авторам избежать ряда повторений в дальнейшем тексте очерка. Так, уже во введении

охарактеризованы почти повсеместно распространенные на Кавказе в дореволюционный период институты (семейная и сельская общины, кровная месть, атальчество, куначество, умыкание, левират и др.). Авторам следовало бы еще удлинить этот перечень, включив сюда, например, обычаи избегания, которые в дальнейшем упоминаются почему-то только применительно к армянам и курдам, хотя они имели широкое распространение едва ли не у всех без исключения народов Кавказа. Не совсем удачна, на наш взгляд, композиция введения. Культурную историю Кавказа вряд ли следовало излагать отдельно от его социальной и этнической истории, тем более что при таком размещении материала характеристика перечисленных выше пережитков первобытно-общинного строя, относящихся в основном к XIX в., оказалась помещенной в заключительной части введения и воспринимается в качестве его не слишком удачной концовки. Из более частных недочетов введения к очерку «Народы Кавказа» отметим упорное (стр. 23 и 24) противопоставление экзогамного и эндогамного брака. Читателю, знакомому с классическим сочетанием этих институтов, т. е. соединением родовой экзогамии с племенной эндогамией, такое противопоставление непонятно. Следовало оговорить, что под эндогамией авторы разумеют родовую эндогамию, возникающую у некоторых народов в процессе развития патриархально-родового строя.

Этнографическое описание народов Кавказа дано в четырнадцати разделах, посвященных в одних случаях отдельным народам, в других — группам народов, и составляющих две части очерка: «Народы Северного Кавказа» («Адыгейцы, кабардинцы, черкесы», «Абазины», «Балкарцы и карачаевцы», «Ногайцы», «Осетины», «Чеченцы и ингуши», «Народы Дагестана») и «Народы Закавказья» («Азербайджанцы», «Талыши», «Таты», «Грузины», «Абхазы», «Армяне» и «Курды»). Почти все разделы написаны по единому плану, включающему основные сведения о происхождении и этнической истории, расселению, хозяйству, общественным и семейным отношениям, жилищи, одежде, пище и важнейшим особенностям духовной культуры. Конечно, все эти сведения полнее представлены в разделах, посвященных азербайджанцам, грузинам, армянам, осетинам, адыгам и другим наиболее крупным народам Кавказа, однако и остальные разделы, как правило, содержат немало интересных и ценных историко-этнографических данных. Следует особенно приветствовать тот факт, что культура и быт народов Кавказа описаны, по возможности, в их историческом развитии, причем много внимания уделяется показу хозяйственных и культурных преобразований в советскую эпоху. Сжатый характер изложения не помешал авторскому коллективу осветить на страницах книги процессы культурных взаимовлияний народов Кавказа, а также остановиться на такой сложной этнографической проблеме, как национальная консолидация в Дагестане. Еще одним бесспорным достоинством очерка является единство приемов этнографического описания и стиля во всех разделах, показывающее, что авторы и редакторы проделали немалую и плодотворную работу.

И все же предельно сжатый характер изложения в соединении с отдельными недоработками делает очерк «Народы Кавказа» уязвимым для критики. Нельзя не заметить, что в ряде разделов («Абазины», «Балкарцы и карачаевцы», «Ногайцы», «Народы Дагестана») ничего не говорится о вероисповедной принадлежности того или иного народа, а в других разделах она характеризуется в слишком общей форме. Читателю остается не известным, какой толк ислама получил распространение в Азербайджане, какие толки христианства — в Грузии, Абхазии и Армении. Как ни мало количество верующих в настоящее время, отсутствие таких сведений, принадлежащих к числу основных справочных сведений о народе, несомненно является существенным пробелом в историко-этнографической характеристике народов Кавказа.

В некоторых случаях чрезмерная лаконичность описаний делает их непонятными читателю. Так, оставлено без пояснений, что представляют собой азербайджанские блюда «кюфта бозбаш» и «тава-кебаб» (стр. 64, ср. стр. 79), как выглядели костюмы западногрузинского горнорабочего и восточногрузинского горожанина, хотя этим костюмам посвящен целый абзац (стр. 116—117). В очерке очень часто (стр. 32, 42, 49, 56, 64, 87, 92) говорится о распространении в современных колхозных селениях Кавказа одежды «городского типа» или «городского покроя» и т. п. Но, во-первых, общераспространенной одежды городского типа в СССР не существует; в частности, на Кавказе и в Средней Азии, в отличие от центральных областей Союза, в качестве мужского костюма большой популярностью пользуются «полувоенные» кители и гимнастерки. Во-вторых, приведенные утверждения авторов подчас плохо согласуются с помещенными в тексте иллюстрациями. Так, на стр. 64 говорится, что «традиционная одежда народов Дагестана (в основном общего северокавказского типа) в наши дни лишь частично сохранилась в обиходе, а широко употребляется одежда городского типа», между тем на помещенном на предыдущей странице фотоснимке четырех даргинцев «в повседневной одежде» лишь один по своему внешнему облику не отличается, например, от горожанина-москвича.

Имеются в разделе и отдельные редакционные промахи, неправильные написания. опечатки. Например, на стр. 20 дано написание «Юсуф-ибн Кусейир» вместо «Юсуф ибн-Кусейир», на стр. 124 — «амаурта» вместо «амаца-урта», на стр. 143 — «лачак» вместо «личак». Термин «магометанство» (стр. 50) давно вышел из употребления в советской научной литературе. История образования Чечено-Ингушской АССР излагается дважды — во введении (стр. 18—19) и в разделе «Чеченцы и ингуши» (стр. 52) Следовало лучше продумать список рекомендуемой литературы по Кавказу, где помещены некоторые весьма частные по своему характеру исследования (например, «Поточные мель-

ницы Грузии» С. Я. Бадукадзе, «К вопросу о пчеловодстве в Грузии» А. И. Робакидзе) и отсутствуют такие важные с этнографической точки зрения публикации, как книга И. А. Аджинджала «Жилища абхазов», книга Э. Т. Карапетян «Армянская семейная община», «Труды Абхазского государственного музея» и др. Иллюстративный материал, в целом очень удачно подобранный, еще больше выиграл бы, если бы местами (стр. 35, 37, 67—69, 89, 151) не встречались совершенно не датированные иллюстрации.

Очевидно, однако, что все это по преимуществу лишь частности, не меняющие общегото весьма положительного впечатления от очерка «Народы Кавказа», являющегося результатом большого и успешного труда его авторов и редакторов.

* *

*

Очерк «Народы Средней Азии и Казахстана» (стр. 155—274) написан Т. А. Жданко при участии С. П. Толстова. Автор раздела «Таджики» — Н. А. Кисляков. В очерке использованы материалы подготовленного к печати соответствующего тома серии «Народы мира» (статьи С. М. Абрамзона, Г. П. Васильевой, К. Л. Задыхиной). Очерк состоит из введения и нескольких разделов, посвященных отдельным народам Средней Азии и Казахстана: узбекам, таджикам, туркменам, каракалпакам, казахам, киргизам, а также небольших заметок типа справок об уйгурах, дунганах, корейцах и белуджах, являющихся национальными меньшинствами в Средней Азии, о которых подробнее говорится в другой книге — «Зарубежная Азия».

Во введении довольно подробно, принимая во внимание небольшие размеры всего очерка, освещается история (от первобытно-общинного строя до наших дней), дается этно-лингвистическая и антропологическая характеристика народов Средней Азии и Казахстана, прослеживается процесс развития хозяйства и культуры народов этих стран. Особенно удачно изложено формирование хозяйственно-культурных типов на территории Средней Азии и Казахстана. На основании обширных археологических материалов дано глубокое научное определение типа хозяйства в степных районах кочевого скотоводства и в пустынях, а именно — сочетание скотоводства с земледелием, начиная с эпохи бронзы. Выявление взаимовлияний степной и земледельческой культуры, опровергающее старую буржуазную концепцию об извечной «вражде» кочевых и земледельческих племен в период древней и средневековой истории Средней Азии и Казахстана, является крупным вкладом советских археологов и этнографов в историческую науку.

Данный раздел очерка дает читателю ясное представление о том, что высокая культура народов Средней Азии и Казахстана развивалась на самобытной основе, а не принесена чужеземными завоевателями. Расцвет высокой и своеобразной культуры древних рабовладельческих государств на территории Средней Азии и Казахстана базировался на экономике этих государств, основанной на поливном земледелии с высокой для того времени техникой ирригации.

Большой интерес вызывают страницы очерка, повествующие об основных этапах исторического развития стран Средней Азии и Казахстана, этнической истории народов этих стран и достижениях их замечательной высокой культуры, опровергающих антинаучные «теории» панианизма и др.

В разделах об отдельных народах Средней Азии и Казахстана выдержан, в общем, единый план изложения материала. Много внимания уделено переустройству хозяйства, культуры и быта этих народов за годы социалистического строительства. Авторский коллектив сумел, несмотря на краткость изложения, дать описание элементов материальной культуры в сравнительно-историческом плане; этот же принцип сохранен и при описании положения женщины в семье и обществе и т. п.

В разделе «Казахи» особый интерес представляют сведения о быте казахского кочевого и полукочевого аула, об изменениях социально-экономического строя за годы Советской власти.

В разделе «Киргизы» большой интерес вызывают материалы о современных благоустроенных колхозных поселках, о внутреннем убранстве дома, где прослеживаются взаимовлияния киргизской, украинской и русской культуры. В разделе «Каракалпаки» для широкого читателя особенно ценны сведения о пережитках патриархально-родового быта, об использовании различных видов родовой взаимопомощи при феодальных формах эксплуатации трудящихся. Конкретный научный материал, приведенный в разделах «Казахи» и «Киргизы», доказывает, что эти народы не были «чистыми» кочевниками. Несмотря на то, что основным традиционным занятием их было скотоводство, у отдельных групп населения оно сочеталось с земледелием; это особенно характерно для хозяйств бедняков, не имевших скота. Баи, имевшие посевы, поручали их обработку своим бедным сородичам.

На материалах очерка «Народы Средней Азии и Казахстана» выявляются некоторые закономерности изменения национальных форм материальной культуры, прежде всего в жилище, его планировке, внутреннем убранстве, одежде.

В отдельных разделах очерка, на наш взгляд, есть досадные упущения. Так, в разделе «Узбеки» очень интересные сведения о прикладном изобразительном искусстве (устное народное творчество, литература, музыка, театр) сведены к минимуму (см. стр. 201—206). Однако эти сведения можно было бы расширить за счет сокращения описания

этногенеза узбеков, о чем довольно подробно сказано в историческом введении; над заметить, что остальные разделы очерка не содержат материалов по этногенезу, и это совершенно правильно, так как читатель уже знаком с ними по историческому введению.

В еще большей мере сказанное относится к разделу «Таджики», в котором устно-народному творчеству, прикладному изобразительному искусству, театру отведено не более одной страницы (ст. 217—218). Увеличить объем раздела «Таджики» можно было бы за счет непропорционально большого раздела «Каракалпаки», почти равного разделам о таких крупных народах Средней Азии, как «Таджики» и «Казахи».

Встречаются и отдельные неточности (например, на стр. 210, 220 упоминаются «каракульские» овцы, хотя общеизвестно, что мех «каракуль» получил свое название от каракульской породы овец, а не наоборот). Однако отмеченные недочеты носят частный характер и не меняют общей весьма положительной оценки данного очерка. Изложение материала дано на высоком научном уровне и в доступной широкому читателю форме.

* * *

Третий, заключительный, очерк в книге — «Народы Сибири» (стр. 275—358). Авторы — Б. О. Долгих и М. Г. Левин. Культурно-бытовые особенности народов Сибири имеют большое значение для исследования этнографических проблем. Как известно, у народов Сибири в силу особых исторических условий вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции сохранялись весьма архаические формы хозяйства, значительные пережитки первобытно-общинного строя и первобытной идеологии. Авторы справедливо подчеркнули значение сибирского этнографического материала для разрешения таких больших проблем истории человеческого общества, как заселение человеком севера Азии, появление его в Америке, этногенез ряда современных народов Азии и Европы.

Нельзя не согласиться с авторами и в оценке политического значения этнографических материалов по Сибири. Большой путь развития, который прошли народы Сибири после Октябрьской революции, совершив гигантский скачок от отсталых патриархальных форм хозяйства и быта к социалистическим, имеет не только познавательное значение, но и наглядно демонстрирует огромные возможности, открывающиеся перед отсталыми народами в условиях социализма.

В кратком введении большое внимание уделено древней истории Сибири, раскрытой в последние десятилетия трудами советских археологов и историков. Читатель получает общее представление о ходе исторического процесса в Сибири от палеолита до вхождения Сибири в состав Русского государства.

Авторы правильно подчеркнули прогрессивное значение этого события. Народы Сибири не только приобщились к более высокой культуре (хотя политика царизма тормозила этот процесс), но и избавились от частых междоусобных войн и племенных раздоров, избежали разорения, грозившего им со стороны грабительских феодальных государств.

Во введении даны и общие сведения об этно-лингвистическом составе народов Сибири, их расселении, численности и антропологической принадлежности. Заслуживает внимания и в этом очерке четкая, хотя и предельно краткая характеристика основных хозяйственно-культурных типов, существовавших на территории Сибири. Выявление этих типов и установление исторического соотношения между ними, как известно, большой вклад советских этнографов в древнюю историю Северной Азии. В связи с описанием хозяйственно-культурных типов авторы осветили с общепринятых в советской литературе позиций такие вопросы, как происхождение упряжного собаководства, происхождение и типы оленеводства и т. д.

Однако, к сожалению, авторы обошли во введении вопрос о социальном строе народов Сибири, не показали специфики обычаев этих народов. Трудно понять, почему опущены конкретные данные о климатических условиях Сибири. Географическая среда Сибири оказалась не менее сильное влияние на культуру населения, чем на Кавказе.

Конкретное этнографическое описание народов Сибири изложено в двух частях очерка: «Народы Южной Сибири» и «Народы Северной Сибири и Дальнего Востока». Первая часть состоит из четырех разделов: «Буряты», «Якуты», «Народы Алтая-Саянского нагорья» и «Сибирские татары»; вторая часть из пяти разделов: «Ненцы, энцы, нганасаны», «Ханты, манси, селькупы, кеты», «Эвенки, эвены, долганы, юкагиры», «Народы Нижнего Амура и Сахалина», «Народы Чукотки и Камчатки» и заключения, посвященного социалистическому строительству на Севере. Такое членение материала не вызывает возражений.

Несмотря на краткость всех разделов, в них даются сведения об этногенезе описываемых народов, их расселении и родо-племенном составе, традиционных формах хозяйства, особенностях материальной и духовной культуры. Естественно, что наиболее обстоятельные сведения приведены в разделах, посвященных отдельным крупным народам. Так, в разделах «Буряты», «Якуты» дается не только этнографическая характеристика этих народов, но частично и их история. Большое место отведено в этих разделах социалистическим преобразованиям у них, современной культуре. В разделах же о малых народах Севера содержатся только этнографическое описание их культуры и бы-

та в прошлом, а реконструкция хозяйства, быта и культуры этих народов освещена в специальном, весьма содержательном заключении (стр. 350—358). В нем удалось хорошо показать особенности хозяйственной и культурно-просветительной работы, развернувшейся на Севере в советский период, в результате чего народы Севера преодолели унаследованную от прошлого отсталость.

Однако чрезмерно сжатый характер изложения материала привел и к некоторым недочетам. Отдельные явления общественной жизни описываемых народов оказались не раскрытыми. Трудно уяснить например, каков же был патриархально-родовой строй у бурят в XVII в., в чем выражались у них элементы феодальных отношений (стр. 303—304). То же следует сказать и о родовых пережитках у якутов; авторы ограничились простым упоминанием о них.

В работе отсутствует разъяснение сущности шаманства, хотя в отдельных разделах списываются различные типы этого культа. Очень скудны сведения о фольклоре, изобразительном и танцевальном искусстве, в некоторых разделах они совсем отсутствуют. В книге даже не упоминается о подражательных танцах народов северо-востока, о своеобразных зачатках пиктографической письменности у юкагиров, коряков. Несмотря на то, что именно юкагиров авторы считают древнейшим населением северо-востока Сибири (стр. 292), особенности их хозяйства, культуры и быта не описаны, а сведения о них крайне фрагментарны. Отсутствуют в очерке «Народы Сибири» материалы о хозяйстве и культуре алеутов Командорских островов. Все это несколько обеднило ценную работу. Встречаются и неясные по изложению места. Едва ли читатель сможет уяснить себе конструкцию якутской юрты из следующего описания: «...Балаган — квадратная постройка из стойком укрепленных бревен, слегка наклоненных внутрь, с очень пологой двускатной бревенчатой крышей, засыпанной землей» (стр. 309). Как же все-таки держатся стены? У ненцев почему-то описана только мужская одежда.

Трудно понять из описания, приведенного в книге, значение каяка. «Каяк — крытая, как правило одноместная (разрядка наша. — *Рецензенты*), лодка, служившая для переездов целых семей, перевозки грузов и т. д.» (стр. 347). Здесь явное противоречие.

Отметим некоторые фактические неточности. К приходу русских в XVII в. якуты жили в верховьях Яны, а не на Средней Яне, как указывается в работе на стр. 308. На стр. 315 сообщается, что в Якутске открыты университет и ряд других высших учебных заведений. В действительности в Якутске из высших учебных заведений имеется только университет.

В приложенной к очерку «Народы Сибири» карте современного расселения народов Сибири также есть досадные неточности. Основная масса тундровых юкагиров, сохранивших свой язык, обитает между реками Чукочьей и Алазеей, но на карте в этом районе помечены эвены и чукчи. Не показана на карте и паланско-тигельская группа эвенков.

В целом же очерк «Народы Сибири» заслуживает высокой оценки: авторам удалось в сжатой доступной форме показать основные особенности культуры и быта отдельных народов Сибири.

Подводя итоги, следует сказать, что книга «Азиатская часть СССР», представляющая третий выпуск серии «Очерки общей этнографии», издание которой осуществляется Институтом этнографии Академии наук СССР, явилась очень полезной работой научно-популярного типа и для советских и для зарубежных читателей.

Надо пожелать, чтобы был скорее опубликован выпуск той же серии, посвященный народам Европейской части СССР, чтобы читатели могли составить цельное представление обо всех народах, населяющих Советский Союз.

И. Гурвич, Л. Моногарова, Я. Смирнова.

НАРОДЫ АФРИКИ

J. S. Trimingham. *Islam in West Africa*. Oxford, Clarendon Press, 1959, X+262 стр.

Значительное место, которое занимает ислам в жизни многих народов современной Западной Африки, неоднократно привлекало к нему внимание исследователей. В частности, попытка рассмотреть западноафриканский ислам в целом, не ограничиваясь пределами отдельной страны, была сделана Дж. Гринбергом в 1945 г.¹ Новая работа Дж. С. Тримингэма, выпустившего ранее серьезное исследование об исламе в Восточном Судане², примыкает к работе Гринберга, хотя значительно отличается от последней уже самой постановкой вопроса.

В отличие от Гринберга, поставившего перед собой задачу рассмотреть влияние ислама только в религиозной сфере, Тримингэма западноафриканский ислам интере-

¹ J. Greenberg, *The Influence of Islam on the Sudanese Religion*, New York, 1946.

² J. S. Trimingham, *Islam in the Sudan*, Oxford, 1949.

совал прежде всего как культурное и политическое явление. Содержание второй главы оказывается более широким, чем название — «Процесс смены религий», — поскольку речь идет скорее о взаимодействии трех культур — африканской, мусульманской и европейской, чем о взаимоотношениях религий (стр. 21). В этой же главе формулируется и основной тезис, из которого исходит Тримингэм при рассмотрении широкого круга проблем, связанных с исламом в Западной Африке: влияние африканской и мусульманской культур было обоюдным и при их взаимодействии «результатом было не растворение (африканской культуры. — Л. К.), а синтез» (стр. 41).

Последующие главы дают множество подтверждений этого справедливого положения. Так, в третьей главе показано, что даже в религиозной сфере ислам согласуется с прежними верованиями, так как высшие божества, которым поклонялись до Аллаха, сливаются с последним, но в то же время такие сверхъестественные существа, как ангелы, не получают места в религиозных представлениях мусульманина-африканца из-за того, что они совершенно не связаны с его представлениями о повседневной жизни и быте (стр. 55). Такое же сочетание старых и новых взглядов обнаруживается и в области морали (стр. 63).

Влияние африканской среды сказалось и на самых распространенных мусульманских установлениях, которые в условиях Западной Африки получили очень отличные от других областей формы. Например, по пятницам после проповеди производятся публичные толкования Корана (стр. 72), а в Масине каждая арабская фраза проповеди переводится на языки сонгай, фульбе и сонинке (стр. 73). Мусульманский лунный год, применяемый в общественных и культовых делах, не смог вытеснить солнечный год из хозяйственной практики (стр. 75).

Интересен экскурс в четвертой главе, посвященный мусульманскому духовенству: Тримингэм показывает его кастовость и алчность, полнейшую закостенелость его мысли. С этим экскурсом перекликается и утверждение о глубоком сословном эгоизме западноафриканских мусульманских законовевов (стр. 140). Но характерно, что самостоятельной политической и социальной силой мусульманское духовенство не стало, поскольку в западноафриканской системе феодального землевладения почти совершенно отсутствовали вакфы, т. е. церковное землевладение.

В главах пятой, шестой и седьмой показывается устойчивость традиционных африканских верований, доисламской государственной и общественной структуры и быта. Примечательно, что распространение ислама шло сверху, низшие же слои населения долгое время упорно держались старых верований (как, например, хаусанского культа духов — *bogî*). Правящий класс государств, возникших под лозунгом джихада в начале XIX в., использовал ислам для закрепления и оправдания своего господства. Но возникшая в этих государствах административная и социальная система вовсе не обязательно вытекала из принципов ислама (хотя ислам и оказал немалое влияние на ослабление такой формы общественной организации, как патриархальная семья). Наоборот, во многих случаях авторитетом ислама просто санкционировалась сложившаяся социально-экономическая структура общества; не случайно ислам вовсе не оказал влияния на развитую и устойчивую (феодальную. — Л. К.) систему государств тукулеров и волофов (стр. 136). Не смог ислам уничтожить в западносуданских государствах и касты, например, касты кузнецов в Вадаи или у хауса. Как правило, в мусульманских государствах (за исключением поздних) правитель, даже принявший ислам, в полной мере сохранял все функции, вытекавшие из доисламских верований (стр. 139). Редко применялась мусульманская система податного обложения, в тех же случаях, когда она и применялась, как, например, в теократических государствах XIX в., практика почти никогда с ней не совпадала, и в налоговой системе царил произвол (стр. 147).

Важное место занимает в книге восьмая глава — «Влияние ислама в экономической сфере и в области материальной культуры». Здесь снова с особой силой подчеркивается, что ислам внес сравнительно незначительные изменения в развитие хозяйственных отношений в Западном Судане. И даже в случаях, когда, например, изменения в земледельческом хозяйстве в какой-то мере совпадали с требованиями мусульманской теории, эти изменения были обусловлены прежде всего внутренними экономическими причинами (стр. 188—189). Еще меньшим было влияние ислама на экономику кочевников; здесь нельзя не вспомнить замечание В. В. Бартольда об отношении кочевников к исламу³. Тримингэм справедливо отмечает, что влияние ислама более всего проявилось в сфере торговли. Но он совершенно обходит вопрос о роли торговых связей в проникновении ислама в районы Западной Африки в раннем средневековье, а между тем этот путь был едва ли не главным в распространении мусульманской религии. Не может не вызвать возражений и преувеличение Тримингэмом роли «представителей средиземноморской цивилизации» (стр. 191) в создании таких крупнейших торговых центров суданского Сахеля, как Дженне или Тимбукту, хотя, конечно, несомненны многие черты сходства этих городов с городами Северной Африки.

В целом материал первых восьми глав книги заслуживает весьма положительной оценки: большой фактический материал рассматривается автором с позиций уважения

³ В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, СПб., 1900, ч. II, стр. 367.

к богатой и самобытной культуре народов Западной Африки. Тримингэм решительно опровергает мнение о заимствованном характере культуры современных мусульманских народов этой части африканского континента; он отмечает, что к моменту появления ислама «западноафриканские общества достигли вполне развитых техники и экономической организации» (стр. 185). Но этим не ограничивается положительное значение книги Тримингэма.

Книга содержит множество свидетельств реакционности колониальной политики европейских держав, ее глубокой враждебности интересам населения западноафриканских стран. Уже во второй главе содержится указание на «сохранение status quo фульбской феодальной системы в Северной Нигерии» (стр. 23) как один из принципов «западной» политики в Африке. Поддержку британской администрацией реакционнейших феодальных режимов в Нигерии иллюстрирует и замечание о том, что Северная Нигерия остается «почти единственной в современном мусульманском мире» страной, где мусульманское право применяется в качестве уголовного права (стр. 151). В то же время автор не скрывает, что в какой-то степени мусульманское право при всей его неприспособленности к местным условиям представляет собой одну из форм оппозиции «управлению Запада» (стр. 149); еще более значительна в этом отношении роль арабского языка, который во многих случаях успешно противостоит языкам западноевропейским (стр. 84). Тримингэм подчеркивает, что поддержка самых реакционных общественных сил была отмечена политика любой колониальной державы: «...во Французской, как и в Британской Африке, администрация стремится поддерживать консерваторов против реформаторов» (стр. 220). Очень характерна политика британской колониальной администрации в отношении рабовладения в Нигерии, описанная на стр. 212: «Первоначально были отменены лишь торговля рабами и рабское состояние. Рабы могли оставаться в положении сервов, но оккупирующие власти не стали бы признавать существование раба, столкнувшись с индивидуальными случаями. Некоторые рабы освободились, но прочие сохранили связи со своими хозяевами».

В свете всех этих замечаний и наблюдений совершенно несостоятельной кажется последняя, девятая глава книги — «Влияние Запада». Автор совершенно обходит вопрос о характере и истинных целях колониальных захватов и всей колониальной политики европейских держав. На стр. 204 говорится, что «британцы приступили к завоеванию фульбско-хаусанских государств, как освободители рабов XIX в.». Об истинном отношении британской администрации к рабовладению уже шла речь выше; но буквально в следующих нескольких фразах показано, как англичане закрепили в этих областях Нигерии власть эмиров, основанную на произволе и беспощадном ограблении населения. Французская политика в отношении образования для африканского населения излагается в таком же бесстрастном тоне (стр. 207). И тем не менее, выводы, к которым приводит Тримингэм добросовестное изучение фактов, на каждом шагу противоречат исходным положениям этой главы, независимо от желания и намерений автора.

Кроме неудачной последней главы, книга Тримингэма страдает еще двумя существенными недостатками. Первый из них можно определить, как недостаточную историчность. Правда, автор оговаривается, что сознательно не включил в книгу историческую часть, чтобы не дублировать исследование, специально посвященное истории ислама в Западной Африке (такой труд Тримингэм намерен завершить в ближайшие годы). Но рецензируемая работа серьезно проиграла от этого, ибо многие отмеченные и рассмотренные в ней явления не могут быть поняты без широкой исторической перспективы (кстати сказать, в книге Тримингэма, посвященной исламу в Восточном Судане, исторический очерк занимает почти половину работы). Прежде всего, поскольку ислам не смог глубоко затронуть давно сложившуюся систему верований, представлений и обычаев народов Западного Судана, нельзя объяснить, почему вообще проник ислам в этот район, не рассматривая исторический фон этого проникновения. Автор поэтому вынужден сплошь и рядом делать краткие исторические экскурсы, но их подчеркнуто узкий характер порой создает лишь дополнительные затруднения читателю (это относится, в частности, к материалам о фульбских эмиратах в Нигерии). Ограничение книги нынешним состоянием ислама в Западной Африке искажает историческую перспективу еще и в том отношении, что в наше время (а частично даже еще в XIX в.) ислам в основном утратил свое положительное значение для культуры африканских народов, равно как и для их политической жизни. Однако в XV—XVI вв. новая религия способствовала приобщению этих народов к более развитой культуре народов других мусульманских стран, культуре, в которую африканцы в то время со своей стороны внесли немалый вклад.

Вторым существенным недостатком книги является то, что автор, достаточно полно учитывая западноевропейскую и отчасти американскую специальную литературу, обходит молчанием работы советских исследователей.

Отсутствие общей библиографии создает досадное неудобство при пользовании этой в целом хорошо изданной книгой.

Перечисленные недочеты, конечно, наносят ущерб научной ценности книги. Тем не менее обилие фактического материала, правильный основной тезис и многие здравые и убедительные выводы, сделанные на его основе, несомненно, дают труду Тримингэма право на внимание советских исследователей.

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Marie Reay. *The Kuma. Freedom and Conformity in the New Guinea Highlands*. Melbourne, 1959, XVI+222.

Книга австралийского этнографа Мэри Рэй посвящена описанию образа жизни папуасов долины р. Ваги (центральные районы Восточной Новой Гвинеи). Тридцать лет назад эта горная область считалась необитаемой. В 1932 г. там было открыто папуасское население численностью в 200 тыс. чел.¹ Многие австралийские этнографы² после окончания второй мировой войны почти целиком переклещились на изучение папуасов Восточной Новой Гвинеи. Так поступили, например, Элкин и Буты Берндт, Кэпелл. Так поступила и Мэри Рэй, в свое время написавшая ряд статей об аборигенах Нового Южного Уэльса³. К настоящему времени накопилась обширная литература о папуасах центральных районов Восточной Новой Гвинеи. Преимущественно это журнальные статьи, освещающие отдельные стороны культуры и быта коренного населения. На их фоне ярко выделяются три монографии, авторы которых стремятся дать всестороннее описание жизни папуасов. Две из них принадлежат перу немецких миссионеров Ауфенангера и Вicedома, проживших долгие годы среди племен генте и мбowaмб и вернувшихся в Германию перед началом второй мировой войны (в написании монографий им помогли известные этнографы Хельткер и Тишнер)⁴. Третья монография — это рецензируемая книга Мэри Рэй.

Рэй пробыла среди папуасов долины р. Ваги 15 месяцев (с ноября 1953 г. до марта 1955 г.). Она жила в поселке Миньи, в центре этнической группы, названной ею «кума». Кстати, термин «кума», введенный автором, неудачен, потому что легко может повести к путанице: кума на востоке соседят с куман. Термин «куман» тоже условный (обе группы не имеют самоназвания), но он введен в науку раньше, и с этим Рэй должна была считаться. Группа кума наряду с четырьмя другими, окружающими ее, входит, по мнению Рэй, в более крупную этническую группу — нангамп. Папуасы, пишет она, «относились ко мне хорошо, подчас спасали мне жизнь» (стр. VII). Вождь рода кугика, Вамди, называл ее своей «дочерью» и просил «написать книгу, которая показала бы всем белым, что за люди папуасы» (стр. VII).

Рецензируемая книга состоит из восьми глав. Автор приводит данные о природных условиях и хозяйстве (гл. 1), структуре и функциях рода и общины (гл. 2), отношениях между родственниками (гл. 3), подарках и обмене (гл. 4), вождях (гл. 5), религиозных представлениях (гл. 6), воспитании детей, обрядах посвящения и т. д. (гл. 7) и, наконец, дает общую характеристику образа жизни кума (гл. 8). В приложениях даны система родства кума, генеалогии вождей и библиография. Перед нами обстоятельный труд, основанный на большом полевом материале. Многие этнографические факты изучены автором основательно и подчас вносятся ясность в труды других исследователей. Приведем два примера.

В высшей степени разнохарактерны и противоречивы данные о родовой структуре папуасской общины. По словам одних исследователей, община (клан) делится только на большие семьи, а по мнению других — на субкланы, а субкланы — на большие семьи. Некоторые проводят и дополнительное деление. Еще сложнее обстоит дело с более крупными социальными группами, в которые община входит как составная часть. Здесь господствует полная путаница: один исследователь называет фратрий то, что другой называет племенем⁵, третий говорит о «лингвистических группах» как социальных единицах, и т. п. Рэй вносит некоторую ясность в этот вопрос (стр. 25—56): она дает три типа родовой структуры общины и указывает, что кланы первого типа (клан делится на субкланы) насчитывают от 100 до 300 чел.; кланы второго типа (клан — субклан — субсубклан) — от 200 до 900 чел., и, наконец, кланы третьего типа (клан — главный сегмент — субклан — субсубклан) — от 700 до 1700 чел. Таким образом, здесь не разные типы родовой структуры, а просто стадии роста численности общины и дробления ее на несколько общин. В кланах третьего типа, отмечает Рэй, главные сегменты представляют собой по существу уже самостоятельные кланы. Это еще не решает целиком сложного вопроса о родовой структуре папуасской общины, однако несомненно представляет собой шаг на пути к его решению.

¹ А. Б. Пиотровский, Новые материалы о горных племенах мандатной территории Новой Гвинеи, «Сов. этнография», 1936, № 3.

² Восточная Новая Гвинея является колонией Австралии.

³ Marie Reay, A half-caste aboriginal community in North-Western New South Wales, «Oceania», 1945, No. 4; M. Reay and G. Sitlington, Class and status in a mixed-blood community (Moree, N. S. W.), «Oceania», 1948, No. 3; M. Reay, Mixed-blood marriage in North-Western New South Wales, «Oceania», 1951, No. 2.

⁴ H. Aufenanger und G. Höltker, Die Gende in Zentral Neu-Guinea, Hamburg, 1940; G. F. Vicedom und H. Tischner, Die Mbowamb, Bd. 1—3, Hamburg, 1943—1948.

⁵ Например, американский этнограф Гуднау называет «племенем» в районе вабат, что Рид называет в районе гахуку-гама «фратрий» (см. K. E. Read, Cultures of the Central Highlands New Guinea, «Southwestern Journal of Anthropology», 1954, No. 1, стр. 11).

Другой пример относится к более частному вопросу. Австралийский этнограф Меггит, довольно долго живший среди вабаг (1955—1957 гг.), писал, будто папуасы, поругающие детям охранять огороды от свиней, наказывают их за плохую охрану так: отец отрезает у мальчика мочку уха, жарит ее на костре и потом заставляет мальчика ее съесть, «чтобы впредь лучше смотрел»⁶. Мы с большим удивлением прочли эти строки. Для Новой Гвинеи характерно как раз чрезвычайно мягкое отношение родителей к детям, полное отсутствие сколько-нибудь суровых физических наказаний детей, не говоря уже о физических увечьях. Поэтому к словам Меггита мы отнеслись с недоверием. Теперь Рэй окончательно убеждает нас в том, что Меггит был неправ. У кума, живущих близ вабаг, есть именно такое наказание, но применяется оно, конечно не к детям, случайно пропустившим в огород свинью, а к взрослым, совершившим серьезный проступок — прелюбодеяние или кражу (стр. 123).

Факты, собранные автором, представляют в целом большой интерес для изучающих этнографию Новой Гвинеи. Однако книга Рэй не свободна от существенных недостатков. Большие сомнения вызывает выделяемая ею этно-лингвистическая группа нангамп. Территория этой группы перекрывает на западе территорию группы хаген, а на востоке территорию группы куман. Из пяти диалектов, входящих по мнению Рэй, в группу нангамп, один принадлежит к группе хаген и два к группе куман. В центре группы нангамп находится кума, которым посвящена книга; они называют термином «нангамп» своих соседей на севере, западе, юге и востоке, но не себя самих. Нам кажется, что существование особой этнической группы нангамп пока нельзя считать установленным. Не вполне ясно обстоит дело и с группой кума.

Нужно сделать замечание, относящееся не только к Рэй, но и ко многим этнографам, побывавшим на Новой Гвинее.

На этом острове, как известно, нет резких этно-лингвистических границ. Еще Миклухо-Маклай отмечал, что по мере продвижения от одной деревни к другой происходят постепенные изменения в языке⁷. Кригер в конце прошлого века писал, что «папуасские языки незаметно переходят один в другой»⁸. Вирц отмечал, что на побережье Папуасского залива «культурные области постепенно переходят одна в другую», и сравнивал это явление с непрерывной цепью, «в которой каждое звено обнаруживает небольшое отклонение от обеих соседних»⁹. Наконец Рид отметил сходное явление в непосредственно интересующем нас центральном горном районе Восточной Новой Гвинеи¹⁰.

Таким образом, провести этно-лингвистические границы на Новой Гвинее не так просто. Австралийский этнограф и лингвист Кэпелл в полной мере осознал эти трудности, когда работал над «Обзором языков юго-западной части Тихого океана»¹¹. Он нанес на карту Новой Гвинеи названия языков (их оказалось у него около 300, при общей численности населения острова в 2 млн. чел.), но не указал границ между языками. Только в двух районах, Сепик и Маданг, проведено им несколько границ, но и те носят сугубо ориентировочный характер.

Полевые этнографы проявляют в этом деле меньшую осторожность: они проводят четкие этно-лингвистические границы, но при этом пункт, в котором живет этнограф, оказывается, как правило, в самом центре очерченной им территории.

Этот факт стоит в прямой связи с наличием на Новой Гвинее цепной связи родовых диалектов. Полевой этнограф обычно живет в одном пункте, скажем А, и отсюда совершает кратковременные экскурсии на север, запад, юг и восток. Постепенно он овладевает диалектом пункта А и стремится установить границы его распространения. В соседнем к востоку пункте Б этот диалект понимают хорошо, далее на восток в пункте В — хуже, а в пункте Г перестают понимать. Этнограф проводит близ пункта Г восточную этническую границу. Точно так же определяет он западную и южную границы. Так как во всех направлениях расстояния до пунктов, где диалект А перестают понимать, примерно одинаковы (если, разумеется, нет на пути естественных преград), то этнограф оказывается в центре очерченной им этно-лингвистической территории.

Когда Зелигман проводил границы территории племен роро, мекео и живущих смешанно моту и коита, в центре этих территорий оказались соответственно о-в Роро (Jule Island), деревня Инави и Порт Морсби, где Зелигман собирал материалы¹².

Австралийский этнограф Райен, работавший в интересующем нас районе в 1954 г., пишет о территории радиусом в 7,5 км от правительственной станции Менди. Позже немного на этой станции, Райен перебрался на 6—7 км к северу от нее. Таким образом, он жил не в одном, а в двух центрах, и очерченная им территория этниче-

⁶ M. J. Meggitt, The Enga of the New Guinea Highlands, «Oceania», 1958, No. 4. стр. 292.

⁷ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. 1, 1951, стр. 92.

⁸ M. Krieger, Neu-Guinea, Berlin, 1899, стр. 141.

⁹ P. Wirz, Beiträge zur Ethnographie des Papua-Golfes, Leipzig, 1934, стр. 3.

¹⁰ K. E. Read, Указ. раб., стр. 35.

¹¹ A. Capell, A linguistic survey of the South-Western Pacific, Noumea, 1954.

¹² C. G. Seligman, The Melanesians of British New Guinea, Cambridge, 1910.

ской группы мэнди имеет, поэтому, форму не окружности, а эллипса¹³. А у Глесси, который в 1955—1956 гг. жил немного северо-восточнее Мэнди, в одном центре (на правительственной станции Руму-Руму), очерченная им этническая территория очень близка к окружности¹⁴. Эта окружность несколько сдвинута горным хребтом Карнус (с запада) и горным хребтом Хэмфри (с востока). В центре этнической группы мбо-вамб, как и следовало ожидать, находится миссионерская станция Огельбенг, где жил миссионер Вицедом¹⁵.

Так поступили Малиновский (племя майлу), Уильямсон (мафулу), Уильямс (кеверри, кутуби и орокаиба), Бивер и Лайонс (гогодара), Ландтман (киваи), Вирц (маринд-аним), Схорл (муджу), Посписил (капаку), Элмберг (мейбрат), Мид (арапеш), Каберри (абелям) и т. д. Исследователи различных национальностей, руководствовавшиеся разными теориями, применявшие разную методику полевой работы и преследовавшие различные цели, неизменно ставят в центре очерченной каждым из них этнолингвистической территории тот пункт, в котором они жили и вели свои исследования.

Группа кума, изученная Рэй, расположена между хаген и куман. Рэй так проводит границы группы кума: на севере — р. Ваги, на востоке — р. Смунг, на юге — горы Кубор, на западе — р. Туман. В центре территории кума оказался поселок Миньи, где жила Рэй.

Случай с Рэй принадлежит к числу довольно редких на Новой Гвинее, когда разные исследователи работали в пунктах, расположенных почти рядом. При этом очерчиваемые ими территории налегают одна на другую. Территория этнолингвистической группы нангамп, очерченная Рэй, перекрывает, как мы уже отмечали, на востоке территорию группы хаген, и на западе — территорию группы куман. Нечто подобное произошло с территориями племен арапеш и абелям, изученных соответственно Мид и Каберри. Последняя отодвинула южную границу арапеш, проведенную Мид, далеко на север¹⁶. Сказанное выше объясняет, почему к границам группы кума, проведенным Рэй, мы не можем отнестись с полным доверием. Живи Рэй не в Миньи, а в другой деревне, проведенные ею границы были бы, вероятно иными.

Но основной недостаток книги мы видим в другом. Рэй не выполнила просьбы своего «отца», вождя по имени Вамди: «написать книгу, которая бы всем белым показала, что за люди папуасы». Сейчас на Новой Гвинее происходят важные события. Народы Западного Ириана ведут активную борьбу против голландских колонизаторов, за воссоединение с Индонезией. Народы Восточной Новой Гвинеи, в свою очередь и отчасти под влиянием событий, происходящих в западной части острова, активизируют свою борьбу против австралийских колонизаторов. Последние стремятся сохранить свое господство, подавляют силой вспыхивающие в разных районах стихийные восстания и принимают ряд других мер, в числе которых немаловажное значение имеет посылка этнографов на Новую Гвинею. В обязанности этнографов вменяется помощь колониальным властям. Этнограф должен, во-первых, собрать важные для колониальных властей сведения об этнических границах, структуре общины, землевладении, роли и функциях родовых вождей, религиозных представлениях и, во-вторых, «научно» доказать, что папуасы не способны к самоуправлению и не смогут жить без колонизаторов.

В предисловии, открывающем книгу, Рэй пишет, что обществу кума «внутренне присущ конфликт», столь острый, что люди в ряде случаев вынуждены кончать жизнь самоубийством. В этом обществе будто бы мужчины «угнетают» женщин. Люди живут в вечном психологическом напряжении, что раньше находило выход в войне с другими племенами, а сейчас, после того как европейцы запретили межплеменные войны, эти «врожденные напряжения» находят, по словам автора, выход... в восстаниях против колонизаторов. Вывод ясен: Рэй фактически призывает подавлять эти восстания. И, наконец, Рэй выражает надежду, что ее книга поможет «тем, кто управляет туземцами» (стр. V).

Бесчинства колониальных властей привели к тому, что папуасы р. Ваги в 1949 г. встали, решив избавиться от европейцев (стр. 197). Восстание было подавлено. Сейчас, конечно, уже трудно восстановить ход событий. Колониальные власти всячески замалчивают подобные восстания, а авторы, вроде Рэй, характеризуют их как сумасшествие. Вряд ли можно найти менее достоверный источник, повествующий об этих важных политических событиях, чем книга Рэй.

Рэй пытается очертить папуасов и их культуру. Типичный папуас кума, заявляет сна, это будто бы грубый крикливый человек, не стремящийся к духовному развитию (стр. 193). Религия кума, по ее словам, не развита, песни — плохие, в изобразительном искусстве — пестрота и подражание. В браке чувства женщины не учитываются, поэтому женщины будто бы не хотят вступать в брак. В доказательство этого тезиса Рэй приводит отдельные моменты свадебного обряда, когда невеста делает вид, что

¹³ D'Arcy J. Ryan, Clan Organization in the Mendi valley, «Oceania», 1955, № 2.

¹⁴ R. M. Glasse, The Huli descent system, «Oceania», 1959, № 3.

¹⁵ G. F. Vicedom und N. Tischner, Die Mbowamb, Hamburg, 1943—1948.

¹⁶ P. H. Kaberry, The Abelam tribe, «Oceania», 1941, № 3.

не хочет идти к жениху; эти обрядовые моменты Рэй выдает за «реальный протест» (стр. V).

Но папуасы кума живут рядом с папуасами куман. В их образе жизни и культуре много общего. А ведь Нильс высоко оценивает изобразительное искусство куман, их фольклор и поэзию¹⁷. Нильс утверждает далее, что «личные чувства молодых людей, ведущие к браку, признаются как важный фактор в обществе куман»¹⁸. Рэй пишет, что практика назначения родовых вождей колониальными властями будто бы соответствует порядкам родовой демократии (стр. 120). Конечно, это не так. Папуасы ненавидят вождей, назначенных колониальными властями, выполняющих их приказы, ставших одним из звеньев колониального аппарата. «Прежний демократический строй в группах и кланах,— заявляет Нильс,— заменен строем олигархическим»¹⁹. Таким образом, Нильс помогает нам установить истину и изобличить Рэй в искажении фактов. Не потому ли Рэй на протяжении всей книги не дает ни одной конкретной ссылки на работы Нильса?

В книге Рэй тщательное изложение фактов самым причудливым образом переплетается с вымыслом. Это обстоятельство значительно снижает ее научную ценность.

Н. Бутинов

¹⁷ John Nilles, The Kuman of the Chimbu region, «Oceania», 1950, No. 1, стр. 52.

¹⁸ Там же, стр. 35.

¹⁹ Там же, стр. 64.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» В 1960 ГОДУ

К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Торжество ленинских идей. (2, 3).

Т. А. Жданко (Москва). Ленинская национальная политика на новом историческом этапе (К проблеме развития социалистических наций Средней Азии на пути к коммунизму). (2, 7).

Л. П. Потапов (Ленинград). Задачи этнографического исследования народов Сибири в свете учения В. И. Ленина по национальному вопросу. (2, 21).

Двадцать лет Союзных Советских Социалистических Республик Прибалтики. (3, 3).

Праздник народов Поволжья. (4, 3).

Колониальный режим должен быть ликвидирован. (6, 3).

• Вопросы общей этнографии и антропологии

В. К. Соколова (Москва). Фольклор как историко-этнографический источник. (4, 11).

Б. Н. Путилов (Ленинград). Об очередных задачах изучения русского фольклора. (4, 17).

С. П. Толстов (Москва). Основные теоретические проблемы современной советской этнографии. (6, 10).

Д. А. Ольдерогге (Ленинград). Основные черты развития систем родства. (6, 24).

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

Б. Х. Кармышева (Москва). Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков. (1, 3).

Ч. М. Таксами (Ленинград). Современные нивхские селения и жилища. (1, 23).

В. Белицер и Т. Смирнова (Москва). К 30-летию Мордовской АССР. (2, 34).

В. А. Александров (Москва). Русское жилище в Восточной Сибири в XVII — начале XVIII века. (2, 44).

Г. В. Шипунова (Ленинград). Народное искусство коми (Узорное тканье, вязанье, вышивка). (2, 57).

Х. А. и А. Х. Моора (Таллин). К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики. (3, 21).

А. К. Крастыня (Рига). О строительстве жилых домов колхозников в Латвийской ССР. (3, 52).

Л. Ефремова (Рига). Некоторые итоги этнографического изучения колхозников-рыбаков Видземе. (3, 65).

Р. Липец, М. Рабинович (Москва). К вопросу о времени сложения былин (Вооружение богатырей). (4, 30).

В. П. Аникин (Москва). Об историческом приурочении пословиц, поговорок и загадок. (4, 44).

И. Полищук (Петрозаводск). Приисковые и шахтерские бытовые песни как материал для изучения положения и быта рабочих. (4, 53).

Е. М. Мелетинский (Москва). К вопросу о генезисе карело-финского эпоса (Проблема Вайнямейнена). (4, 64).

С. Н. Плужникова (Москва). Образ осилков в белорусских преданиях и сказках. (4, 80).

Е. А. Алексеенко (Ленинград). Культ медведя у кетов. (4, 90).

И. С. Гурвич (Москва). Современные этнические процессы, протекающие на севере Якутии. (5, 3).

В. К. Гарданов (Москва). Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в. (5, 12).

В. В. Пименов (Петрозаводск). К вопросу о карело-вепсских культурных связях (5, 30).

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

Б. Л. Рифтин (Москва). Современная китайская фольклористика. (1, 38).

С. А. Арутюнов (Москва). К оценке роли миграций в древней истории Японии. (1, 60).

- Н. А. Бутинов (Ленинград). Короткоухие и длинноухие на острове Пасхи. (1, 72).
 М. Чураков (Ленинград). «Новая история Неджда» Амина ар-Рейхани как источник по этнографии Центральной Аравии. (1, 83).
 Л. А. Фадеев (Москва). Проблема происхождения культуры Зимбабве. (2, 71).
 Ю. В. Маретин (Ленинград). Отмирание пережитков материнского рода в семейно-брачных отношениях минангкабау. (3, 75).
 Б. Рифтин (Москва). Китайские пословицы как материал для изучения народного мировоззрения. (4, 105).
 Р. Ш. Джарылгасинова (Москва). Когурёсцы и их роль в сложении корейской народности. (5, 42).
 Ден Дян Сек (Пхеньян). Пятнадцать лет этнографии Корейской Народно-Демократической Республики. (5, 58).
 М. И. Брагинский (Москва). Социальные сдвиги в Тропической Африке после второй мировой войны. (6, 31).
 Б. И. Шаревская (Москва). Миссионерская пропаганда на службе неокOLONиализма в Африке. (6, 44).
 Макс Глукман (Манчестер). Племенной уклад в современной Центральной Африке (перевод и предисловие Л. Д. Яблочкова). (6, 57).
 И. А. Сванидзе (Москва). Изменения в хозяйстве и обществе у народов тонга при колониальном режиме. (6, 70).
 И. И. Потехин (Москва). О феодализме у ашанти (6, 86).

Вопросы этногенеза, палеоэтнографии и исторической этнографии

- В. А. Лившиц (Ленинград). Согдийский посол в Чаче (Документ А-14 с горы Муг.) (2, 92).
 Т. А. Трофимова (Москва). Основные итоги и задачи палеоантропологического изучения Средней Азии. (2, 110).
 Н. Н. Чебоксаров (Москва). О древних хозяйственно-культурных связях народов Прибалтики. (3, 94).
 М. Г. Левин (Москва), Д. А. Сергеев (Ленинград). К вопросу о времени проникновения железа в Арктику (Первая находка железного орудия в памятнике древнеберингоморской культуры). (9, 116).
 А. Г. Периханян (Ленинград). Образец пехлевийского брачного контракта. (5, 67).
 В. А. Лившиц (Ленинград). Согдийский брачный контракт начала VIII века н. э. (5, 76).
 И. Н. Хлопин (Ленинград). К характеристике этнического облика ранних земледельцев Южного Туркменистана. (5, 92).

Из истории этнографии и антропологии

- З. И. Власова (Ленинград). Этнографические интересы В. Г. Короленко (По сибирским материалам). (4, 121).

Дискуссии и обсуждения

- А. С. Орлова (Москва). О месте и роли традиционных властей африканского общества в прошлом и настоящем. (6, 92).

Народы мира

(Информационные материалы)

- М. Г. Журавлева (Москва). Китайцы Малайской федерации. (1, 99).
 А. Д. Дридзо (Ленинград). Население Кубы. (2, 111).
 А. Б. Давидсон (Москва). Дискриминация африканцев в Южно-Африканском Союзе. (3, 123).
 Б. В. Андрианов, Р. Н. Исмаилова (Москва). Народы Нигерии. (6, 106).
 В. Н. Володина (Ленинград). Республика Того. (6, 119).
 В. Я. Карпушина (Москва). Народы Руанда-Урунди под «опекой» бельгийских колонизаторов. (6, 133).

Сообщения

- Б. Божиков (София). Этнографический институт и музей Болгарской Академии наук за последние пятнадцать лет. (1, 108).
 Э. Г. Гафферберг (Ленинград). Поездка к белуджам Туркмении в 1958 г. (1, 112).
 А. И. Мухлинов (Ленинград). В Демократической Республике Вьетнам (Этнографические заметки). (1, 126).
 М. Г. Левин (Москва). Древнеэскимосский могильник в Уэлене. (1, 139).
 А. П. Черныш (Киев). Остатки жилища мустьерского времени на Днестре. (1, 149).
 С. Б. Рождественская (Москва). К вопросу о судьбах художественных промыслов РСФСР (Подносный промысел Нижнего Тагила). (2, 136).

- Л. И. Файко (Якутск). Об усовершенствовании кочевого жилища народов Севера. (2, 144).
- Д. Еремеев (Москва). Изучение этнографии в современной Турции. (2, 151).
- Д. Д. Тумаркин (Ленинград). Новые архивные материалы о гавайцах. (2, 158).
- А. И. Вишняускайте (Вильнюс). Этнографические исследования в Литве в 1940—1960 годах. (3, 134).
- М. К. Степерманис (Рига). Развитие этнографической науки в Советской Латвии. (3, 139).
- А. О. Вийрес (Таллин). Эстонская советская этнография (1940—1960). (3, 145).
- Э. Я. Кокаре (Рига). Развитие фольклористики в Советской Латвии. (3, 152).
- А. Лутс (Таллин). Новое в быту эстонских рыбаков и задачи его изучения. (3, 159).
- Р. Денисова (Москва). Палеоантропологический материал из неолитического могильника Крейчи. (3, 163).
- Н. Типайнис (Рига). Латвийский этнографический музей. (3, 170).
- А. М. Астахова (Ленинград). Былины в народной книге и других общедоступных изданиях конца XIX — начала XX века. (4, 137).
- А. Д. Соймонов (Ленинград). «Песенная прокламация» П. В. Киреевского. (4, 147).
- В. И. Тищенко (Ужгород). Фольклор о народном герое Устиме Кармалюке. (4, 151).
- В. А. Юзвенко (Киев). Из истории украинско-польских фольклористических связей конца XIX века. (4, 156).
- Б. Кербелите (Вильнюс). Предания об озере Салоке. (4, 159).
- М. Н. Морозова (Москва). Скансен — этнографический музей Швеции под открытым небом. (5, 102).
- Э. Грейвз-Абайль (Гана). О моем отношении к христианству. (6, 143).

Хроника

- В. А. Александров (Москва). Работа Института этнографии АН СССР в 1959 году. (2, 161).
- В. Е. Гусев (Ленинград). Опыт изучения современного состояния народного творчества. (2, 167).
- Н. Колпакова (Ленинград). На Мезени (2, 171).
- А. С. Бежкович (Ленинград). Выставка «Современное украинское искусство» в Государственном музее этнографии. (2, 174).
- И. Е. Туготов (Улан-Удэ). Этнографическая экспозиция в Барагханском сельском краеведческом музее. (2, 175).
- И. Захарова, Р. Ходжаева (Алма-Ата). Состояние и задачи изучения этнографии Казахстана. (2, 180).
- М. Морозова (Москва). О работе Латвийского отряда Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции в 1959 году. (3, 175).
- Л. Феоктистова (Кивисаар), Н. Шлыгина (Москва). Работа Эстонского отряда Прибалтийской экспедиции. (3, 178).
- Ю. Новиков, Ю. Смирнов (Москва). Северные экспедиции кафедры фольклора Московского государственного университета (1956—1959 гг.). (4, 162).
- В. Архангельская (Саратов). Фольклор Саратовской области (По материалам экспедиций последних лет). (4, 168).
- Е. Тарасенкова (Краснодар). Фольклорные записи на Кубани в 1959 году. (4, 175).
- С. К. Жегалова (Москва). Экспедиция Государственного исторического музея на Северную Двину. (4, 177).
- М. П. Хамаганов (Улан-Удэ). Научная конференция по изучению фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. (4, 182).
- Р. Девина (Петрозаводск). Совещание по вопросам этнической истории и истории культуры народов Карелии. (4, 186).
- Л. Файнберг (Москва). Новая столица Бразилии. (4, 188).
- А. Д. Грач (Ленинград). Проблемы этнографии, археологии, антропологии на конференции по истории Сибири и Дальнего Востока. (5, 111).
- Г. С. Маслова (Москва), Л. М. Сабурова (Ленинград). Этнографическое изучение русского колхозного крестьянства Восточной Сибири в 1957—1959 годах. (5, 118).
- В. И. Васильев, В. А. Туголуков (Москва). Этнографические исследования на Таймыре в 1959 году. (5, 128).
- Г. А. Сергеева (Москва). Экспедиционная работа в Дагестане в 1959 году. (5, 142).
- Ф. Арипов (Ташкент). Изучение быта и культуры рабочих-узбеков в 1958—1959 гг. (5, 150).
- Фан Хау Зат (Ханой). Совещание историков Демократической Республики Вьетнам. (5, 153).
- И. Е. Синицына (Москва). Работа секции Африки на XXV Международном конгрессе востоковедов. (6, 146).
- О. А. Гандкая (Москва). Сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1959 года. (6, 149).

- Л. Н. Терентьева (Москва). Некоторые итоги работы Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР в 1959 году. (6, 153).
 Очередное присуждение премии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. (6, 158).

Personalia

- Михаил Владимирович Покровский. (1, 153).
 А. Новичкая (Москва). Памяти Альберта Наматжиры. (1, 155).

Критика и библиография

Народы СССР

- Е. А. Мильштейн (Ленинград). По стране оленных людей. Путешествия В. Г. Та-на-Богораза. (1, 158).
 Г. Маслова (Москва). И. Е. Тугутов. Материальная культура бурят. (1, 159).
 Т. Смирнова (Москва). Tomas A. Sebeok, Paul G. Brewster. Studies in Cheremis, vol. 6, Games. (1, 161).
 Э. С. Литвин (Ленинград). В. П. Аникин. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. (2, 184).
 У. Ж., Ш. Дондуков (Улан-Удэ), М. П. Хамаганов. Очерки бурятской афористической поэзии. (2, 186).
 Н. Чебоксаров (Москва). Вопросы этнической истории эстонского народа. (3, 180).
 Н. Н. Гурина (Ленинград). Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). (3, 182).
 Е. В. Рихтер, Э. Ю. Тыниссон (Таллин). Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии. (3, 185).
 Л. Н. Терентьева, Н. В. Шлыгина (Москва). «Etnograafia muuseumi aastaraamat» (Ежегодник Этнографического музея). (3, 192).
 Н. Вактурская (Москва). Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. (3, 195).
 А. Астахова (Ленинград). Е. М. Мелетинский. Герой волшебной сказки. (4, 189).
 К. В. Чистов (Петрозаводск). Русское народное поэтическое творчество. (4, 192).
 Л. В. Домановский (Ленинград). Русский фольклор. Материалы и исследования. (4, 195).
 Райна Пешева-Попова (София). Село Вирятино в прошлом и настоящем. (4, 198).
 Л. Саука (Вильнюс). Издание литовских народных многоголосных песен «Сутартинес». (4, 201).
 Е. П. Бусыгин (Казань), А. С. Бежкович, С. К. Жегалова, А. А. Лебедева, (5, 157).
 Г. Маслова (Москва). О. Л. Кульчицка. Народный одяг західних областей УРСР. С. К. Просвиркина. Хозяйство и быт русских крестьян. (5, 155).
 Б. Н. Вampiлов, А. Ф. Червяков (Москва). Л. И. Якунина. Якутская резная кость. (5, 158).
 В. Кобычев (Москва). Э. Т. Карапетян. Армянская семейная община. (6, 159).
 И. Джаббаров (Ташкент). Б. В. Лукин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. (5, 161).
 И. Гурвич, Л. Моногарова, Я. Смирнова (Москва). Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР. (6, 159).

Народы зарубежной Европы

- А. Я. Порицкий (Киев). «Slovenský národopis». (2, 187).
 И. Н. Гроздов (Москва). Fél Edit, Hofer Tamás, Csilléry Klára. Hungarian peasant art. (3, 197).
 В. Крупянская, И. Зузанек (Москва). Dělnické písně, I—II, sestavili Vladimír Karbusický, Václav Plešca. (4, 203).

Народы зарубежной Азии

- Н. А. Кисляков (Ленинград). Basile Nikitine. Les Kurdes. (1, 162).
 Б. Волчок (Ленинград). Журнал «The Eastern Anthropologist» (1957—1958). (1, 168).
 Г. Стратанович (Москва). Книга о древнем искусстве китайских мастеров художественного литья, чеканки и гравировки металла. (1, 172).
 М. С. Иванов (Москва). Переднеазиатский этнографический сборник. (2, 190).
 Б. Андрянов (Москва). Salinity and irrigation agriculture on Antiquity. (2, 195).
 Г. Г. Стратанович (Москва). Три альбома народного орнамента. (4, 211).
 Е. Челышев (Москва). Н. Р. Гусева. Современное декоративно-прикладное искусство Индии. (5, 163).
 Ю. И. Журавлев (Москва). D. C. Graham. The customs and religion of the Ch'iang. (5, 165).

Народы Африки

Л. Куббель (Ленинград). *J. S. Trimingham. Islam in West Africa.* (6, 163).

Народы Америки

Л. И. Зубок (Москва). Народы Америки, I. Народы Северной Америки. (1, 198).

М. С. Альперович (Москва). Народы Америки, II. Народы Центральной и Южной Америки. (3, 199).

Народы Австралии и Океании

А Новицкая (Москва). *T. G. H. Strehlow. Rex Battarbee — artist and founder of the aboriginal art movement in Central Australia.* (1, 174).

А Новицкая (Москва). *Катарина Сусанна Причард. Кунард, или колодец в тени.* (4, 213).

Н. Бутинов (Ленинград). *Marie Reay. The Kuma. Freedom and Conformity in the New Guinea Highlands.* (6, 166).

СОДЕРЖАНИЕ

Колониальный режим должен быть ликвидирован	3.
Вопросы общей этнографии и антропологии	
С. П. Толстов (Москва). Основные теоретические проблемы современной советской этнографии	10.
Д. А. Ольдерогге (Ленинград). Основные черты развития систем родства	24
Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран	
М. И. Брагинский (Москва). Социальные сдвиги в Тропической Африке после второй мировой войны	31
Б. И. Шаревская (Москва). Миссионерская пропаганда на службе неокolonизма в Африке	44
Макс Глукман (Манчестер). Племенной уклад в современной Центральной Африке (Перевод и предисловие Л. Д. Яблочкова)	57
И. А. Сванидзе (Москва). Изменения в хозяйстве и обществе у народа тонга при колониальном режиме	70.
И. И. Потехин (Москва). О феодализме у ашанти	86.
Дискуссии и обсуждения	
А. С. Орлова (Москва). О месте и роли традиционных властей африканского общества в прошлом и настоящем	92.
Народы мира	
(Информационные материалы)	
Б. В. Андрианов, Р. Н. Исмагилова (Москва). Народы Нигерии	106.
В. Н. Вологодина (Ленинград). Республика Того	119.
В. Я. Карпушина (Москва). Народы Руанда-Урунди под «опекой» бельгийских колонизаторов	133.
Сообщения	
Э. Грейвз-Абайиль (Гана). О моем отношении к христианству	143.
Хроника	
И. Е. Синицина (Москва). Работа секции африканистики на XXV Международном конгрессе востоковедов	146
О. А. Ганцкая (Москва). Сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1959 года	149.
Л. Н. Терентьева (Москва). Некоторые итоги работы Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР в 1959 году	153.
Очередное присуждение премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая	158.
Критика и библиография	
Народы СССР	
И. Гурвич, Л. Моногарова, Я. Смирнова (Москва). Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР	159.
Народы Африки	
Л. Куббель (Ленинград). <i>J. S. Trimingham. Islam in West Africa</i>	163.
Народы Океании	
Н. Бутинов (Ленинград). <i>Marie Reay. The Kuma. Freedom and Conformity in the New Guinea Highlands</i>	166.
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1960 году	170.

SOMMAIRE

Le régime colonial doit être aboli	3

Problèmes d'ethnographie et d'anthropologie générales

S. P. Tolstov (Moscou). Les principaux problèmes théoriques de l'ethnographie soviétique moderne	10
D. A. Olderoggué (Léningrad). Traits fondamentaux du développement des systèmes de parenté	24

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie des pays étrangers

M. I. Braguinsky (Moscou). Changement de l'ordre social en Afrique Tropicale après la seconde guerre mondiale	31
B. I. Charevskaja (Moscou). La propagande des missionnaires au service du néocolonialisme en Afrique	44
Max Gluckmann (Manchester). Constitution des tribus en Afrique Centrale d'aujourd'hui (Traduction et préface par L. D. Yablotchkov)	57
I. A. Svanidzé (Moscou). Des changements dans la vie économique et sociale chez le peuple Tonga sous le régime colonial	70
I. I. Potékhine (Moscou). Du féodalisme chez les Achantis	86

Discussions et délibérations

A. S. Orlova (Moscou). De la place et du rôle joué par les autorités traditionnelles de la société africaine dans le passé et le présent	92

Peuples du Monde

(Matériaux d'information)

B. V. Andrianov, R. N. Ismaguilova (Moscou). Peuples de Nigéria	106
V. N. Vologdina (Léningrad). La République de Togo	119
V. J. Karpouchina (Moscou). Les peuples de Ruanda-Urundi sous la « tutelle » des colonisateurs belges	133

Communications

E. Greivs-Abaïl (Ghana). De mon point de vue sur le christianisme	143

Chronique

I. E. Sinitsina (Moscou). Travaux de la section d'Afrique au XXV Congrès International des orientalistes	146
O. A. Gantskaïa (Moscou). Session consacrée aux résultats des recherches archéologiques et ethnographiques en 1959	149
L. N. Terentiéva (Moscou). Quelques résultats des travaux de l'Expédition complexe de l'Institut d'ethnographie de l'Académie des sciences de l'URSS	153
Décernement du prix N. N. Mikloukho-Maklai	158

Critique et Bibliographie

Peuples de l'URSS

I. Gourvitch, L. Monogarova, Y. Smirnova (Moscou). Otcherki obchtchei etnografii. Asiatskaïa tchast SSR (Esquisses d'ethnographie générale. Partie Asiatique de l'URSS)	159

Peuples d'Afrique

L. Kubbel (Léningrad). J. S. Trimmingham. Islam in West Africa	163

Peuples d'Océanie

N. Butinov (Léningrad). Marie Reay. The Kuma. Freedom and Conformity in the New Guinea Highlands	166

Indicateur des articles et matériaux publiés dans la revue « l'Ethnographie Soviétique » en 1960	170

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Контора «Академкнига»

НОВЫЕ ЖУРНАЛЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА АКАДЕМИИ НАУК СССР на 1961 год

*С 1961 года Издательство Академии наук СССР выпускает следующие
шесть новых журналов:*

ВОПРОСЫ ИХТИОЛОГИИ

Орган Отделения биологических наук Академии наук СССР.

Подписная цена на год (4 номера) — 60 руб.

ГЕОМАГНЕТИЗМ И АЭРОНОМИЯ

Орган Отделения физико-математических наук Академии наук СССР.

Подписная цена на год (6 номеров) — 90 руб.

ИНЖЕНЕРНЫЙ ЖУРНАЛ

Орган отделения технических наук Академии наук СССР и Института механики Академии наук СССР.

НЕФТЕХИМИЯ

Орган Отделения химических наук Академии наук СССР.

Подписная цена на год (6 номеров) — 75 руб.

ОКЕАНОЛОГИЯ

Орган Океанографической комиссии Академии наук СССР.

Подписная цена на год (6 номеров) — 90 руб.

РАДИОБИОЛОГИЯ

Орган Отделения биологических наук Академии наук СССР.

Подписная цена на год (6 номеров) — 75 руб.

Подписка на новые журналы Академии наук СССР принимается повсеместно в пунктах подписки «Союзпечати», конторах и отделениях связи, а также в магазинах «Академкнига» и конторой «Академкнига».

В случае отказа в приеме подписки на местах, подписку просьба направлять в адрес ближайшего магазина «Академкнига» или в контору «Академкнига» по адресу:

Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10

«Академкнига»